
**ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И АМЕРИКИ:
ПАМЯТНИКИ, КУЛЬТУРЫ, ТРАДИЦИИ**

Михаил Васильевич Аникович (1947—2012)

ARCHAEOLOGICA

PETROPOLITANA

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY**

**THE UPPER PALEOLITHIC
OF NORTHERN EURASIA AND AMERICA:
SITES, CULTURES, TRADITIONS**

St. Petersburg
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И АМЕРИКИ:
ПАМЯТНИКИ, КУЛЬТУРЫ, ТРАДИЦИИ**

Санкт-Петербург
2014

УДК 903.26
ББК Т4(2)221

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 14-06-07014, не подлежит продаже

Работа подводит итоги исследований, поддержанных грантами РФФИ (№ 01-06-8022, 04-06-80037, 04-06-88009, 05-06-88025, 06-06-88047, 08-06-00161, 09-06-10031, 10-06-10028, 11-06-12008), РГНФ (№ 10-01-14014, 11-01-18081), Программ Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», «Традиции и инновации в истории и культуре».

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН

Ответственные редакторы: С. А. Васильев, Е. С. Ткач

Рецензенты:

доктор ист. наук В. Е. Щелинский; канд. ист. наук Г. А. Хлопачев

Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014 — 288 с. + 3 л. ил. (Archaeologica Petropolitana).

Сборник посвящен памяти выдающегося исследователя палеолита М. В. Аниковича (1947—2012). Он включает работы ведущих специалистов России, Украины, Великобритании и США. Тематика сборника охватывает различные аспекты изучения верхнепалеолитической эпохи — генезис данной ступени развития культуры, вопросы реконструкции охотничьей деятельности древнего человека, новые открытия в Костенках, на Русской равнине, на Урале, в Южной Сибири и Северной Америке. Особое место в сборнике занимают воспоминания друзей и коллег об ушедшем ученом.

The Upper Paleolithic of Northern Eurasia and America: Sites, Cultures, Traditions.

The book contains the papers devoted to the memory of the outstanding prehistorian, Michael V. Anikovich (1947—2012). It includes the contributions of leading scholars from Russia, Ukraine, Great Britain, and USA. The topics covered embrace the different facets of the Upper Paleolithic — the origins of this culture phase, the reconstruction of the prehistoric hunter activities, new discoveries at Kostenki, the Russian Plain, the Urals, Southern Siberia, and North America. The recollections of friends and colleagues take a particular place in the book.

На первой странице обложки: Общий вид села Костенки.

ISBN 978-5-85803-478-0

9 785858 034780

© Институт истории материальной культуры РАН, 2014

© Петербургское Востоковедение, 2014

© Коллектив авторов, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

13 августа 2012 г. в разгар полевого сезона археологов нашей страны поразила неожиданная трагическая весть — в Костенках скоропостижно скончался ведущий научный сотрудник Отдела палеолита ИИМК РАН доктор исторических наук Михаил Васильевич Аникович. Михаил Васильевич был одним из крупнейших специалистов по верхнему палеолиту Русской равнины, многолетним руководителем Костенковско-Борщевской экспедиции.

Питомец прославленной томской археологической школы, М. В. Аникович начинал путь в науку, занимаясь вопросами изучения каменного века Западной Сибири. Его первые работы были посвящены приобскому неолиту, результатам раскопок палеолитических стоянок Могочино и Ачинская. Еще в студенческие годы проявился интерес М. В. Аниковича к палеолиту Русской равнины, он дважды побывал на стажировке на кафедре археологии Ленинградского университета и посвятил свою дипломную работу материалам Мураловской стоянки. Завершив обучение в вузе (1971), М. В. Аникович недолгое время проработал в Проблемной лаборатории археологии и этнографии Сибири родного Томского университета, а затем переехал в Ленинград. С той поры жизнь М. В. Аниковича неразрывно связана с Костенками. Переломным моментом в биографии молодого исследователя стала аспирантура в ЛОИА, школа ученичества у А. Н. Рогачева, верным продолжателем дела которого М. В. Аникович оставался до конца своих дней. В 1976 г. после успешного окончания аспирантуры М. В. Аникович был принят в состав сектора палеолита ЛОИА, где и проработал всю жизнь. В 1981—1984 гг. М. В. Аникович исполнял обязанности ученого секретаря сектора.

В 1977 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Памятники стрелецкой культуры в Костенках», а в 1992 г. — докторскую диссертацию «Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы».

Начиная с 1971 г. на протяжении десятилетий М. В. Аникович активно вел полевые работы в Костенках, вначале под руководством А. Н. Рогачева и Н. Д. Праслова, затем самостоятельно. В центре внимания исследователя находилась исключительно сложная по стратиграфии многослойная Волковская стоянка (Костенки XII) с серией ранних верхнепалеолитических комплексов; в то время пытались провести сплошное вскрытие второго жилого комплекса верхнего слоя Костенок I, и М. В. Аникович принимал в этих работах активное участие. Прерванные не по воле археологов в 1990-е гг. полевые работы были с еще большим размахом возобновлены в рамках Костенковско-Борщевской экспедиции. Эти исследования были

поддержаны грантами Президиума РАН, РФФИ, РГНФ, Фонда Лики, Национального научного фонда и Национального географического общества США. Наряду с продолжением изучения глубоких разрезов Костенок XII исследованиям подверглись стоянки Костенки VIII, IX и XI. В последние годы центр тяжести был перенесен на Костенки I, где было начато целенаправленное вскрытие культурных нижних слоев памятника.

За десятилетия упорного труда М. В. Аниковичем опубликовано большое число научных работ. Выдающимся достижением еще молодого тогда археолога стало предложенное ему А. Н. Рогачевым соавторство в большом разделе тома «Археология СССР. Палеолит СССР» (М., 1984), посвященном опорным памятникам и культурам верхнего палеолита Русской равнины и Крыма. Здесь впервые в российской археологической литературе была предложена периодизация культурных группировок и дано развернутое описание огромной массы материала с позиции концепции локальных культур в палеолите. Не менее важным было активное участие исследователя в написании коллективного труда «Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879—1979» (Л., 1982).

Особенно оживилась издательская деятельность М. В. Аниковича в последнее десятилетие. Им была основана серия фундаментальных изданий «Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции». В этой серии и вне серии вышли в свет сборники статей «Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное» (Воронеж, 2004), «Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий» (СПб., 2005), «Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культура, антропология» (Воронеж, 2005), «Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное» (СПб., 2006). Завершением цикла стала новая обобщающая работа «Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы» (СПб., 2008; в соавторстве с В. В. Поповым и Н. И. Платоновой).

Вопросы генезиса верхнего палеолита, соотношения мустьерских и позднепалеолитических культурных групп, сложной истории дифференциации разнородных культур начальной поры верхнего палеолита всегда занимали М. В. Аниковича. Этой теме посвящен труд «Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии» (СПб., 2007; в соавторстве с Н. К. Анисюткиным и Л. Б. Вишняцким).

В последние годы в центре внимания исследователя находились проблемы сосуществования первобыт-

ного человека и мамонта, вопросы реконструкции охотничьей деятельности и образа жизни человека в позднепалеолитическую эпоху. Первый выпуск много-томного труда по данной тематике уже вышел в свет («Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы». СПб., 2011; в соавторстве с Н. К. Ани-сюткиным и Н. И. Платоновой).

М. В. Аникович всегда живо интересовался вопро-сами изучения истории археологической науки. Им была опубликована серия статей, посвященных смене теоретических установок, доминировавших на различ-ных этапах развития русской дореволюционной и по-слереволюционной археологии.

С самого начала научной деятельности исследова-теля не оставлял интерес к методологическим пробле-мам археологии. Развивая идеи своего учителя, А. Н. Ро-гачева, относительно статуса археологии как истори-ческой науки, М. В. Аникович постоянно пропаганди-ровал конкретно-исторический подход к изучению палеолита. Им была выработана система «понятий-интеграторов» для группировки памятников, ориенти-рованная на выделение культурных традиций групп древнего населения и включающая такие понятия, как «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс» и «историко-культурная область».

М. В. Аникович неоднократно выступал с доклада-ми и руководил секциями на международных и рос-сийских научных конференциях, принимал самое ак-тивное участие в проведении в Костенках в 1979, 1999, 2004 и 2005 гг. полевых семинаров с посещением опорных разрезов многослойных стоянок.

Постоянное внимание М. В. Аникович уделял во-просам подготовки молодых специалистов, он неодно-кратно выступал с лекциями перед студентами Воро-нежского, Томского и Новосибирского университетов. В Новосибирске в серии «Российские ученые — сту-дентам университетов» им был издан краткий лекци-онный курс по методологии современной археологии палеолита.

Заслуги М. В. Аниковича неоднократно отмечались руководством ЛОИА-ИИМК РАН и Томского универ-ситета. Он был удостоен Почетной грамоты РАН и Профсоюза работников РАН.

Работы М. В. Аниковича в Костенках получили за-служенное международное признание. На протяжении длительного времени раскопки здесь осуществлялись при участии исследователей и волонтеров из США и Франции. Исследователь принимал участие в работе научных конгрессов и конференций в различных стра-нах мира. Его работы публиковались на Украине, в Молдавии, Чехии, Германии, Бельгии, Франции, США.

М. В. Аникович вел большую работу по популя-ризации археологических знаний, многократно читал лекции, давал интервью в печати и интернет-изданиях, выступал на радио и телевидении. Его перу принадле-жит богато иллюстрированная научно-популярная книга «Повседневная жизнь охотников на мамонтов» (М., 2004), серия разделов в «Малой геологической энциклопедии». Он принимал активное участие в под-

готовке и проведении эрмитажной выставки «У исто-ков искусства».

Символично время и место похорон исследователя. Человек, посвятивший жизнь изучению древнейшей истории человечества, обрел последний покой в День археолога, 15 августа, на деревенском кладбище Ко-стенок, неподалеку от всемирно известных стоянок.

24 декабря 2012 г. под председательством С. А. Ва-сильева состоялось расширенное заседание Отдела па-леолита, посвященное столетию выдающегося иссле-дователя, одного из крупнейших отечественных ар-хеологов А. Н. Рогачева и памяти безвременно ушед-шего М. В. Аниковича, ученика и продолжателя дела А. Н. Рогачева. Открывая заседание, директор ИИМК Е. Н. Носов указал на значение многолетних работ М. В. Аниковича для развития проблематики археоло-гии палеолита в институте. Далее С. А. Васильев огла-сил ряд писем и телеграмм с выражением соболезно-вания по поводу кончины М. В. Аниковича и кратко остановился на основных моментах биографии археоло-га. Н. И. Платонова рассказала собравшимся о по-следних годах жизни и научного творчества М. В. Ани-ковича. Свообразным дополнением к докладу стала серия представленных кратких видеороликов, где М. В. Аникович высказывает свое мнение по различ-ным вопросам палеолитоведения.

Научную программу заседания открыл ряд выступ-лений, посвященных истории археологии. В докладе И. М. Бухтояровой (Музей-заповедник «Костенки») была изложена история открытия первого в России па-леолитического жилища в Гагарино. Автор сообщения остановилась на противоречиях в документации, име-ющейся в архивах и опубликованной в разных источ-никах. В. И. Беляева рассказала о весьма содержатель-ных заметках А. Н. Рогачева на полях книги П. П. Еффи-менко «Костенки 1», наглядно продемонстрировав раз-ницу в подходе исследователей к анализу и интер-претации культурного слоя, реконструкции облика сложной жилой площадки. А. А. Сеницын поделился своим видением особенностей предложенного А. Н. Ро-гачевым конкретно-исторического подхода к изуче-нию палеолита.

Многолетние исследования Костенковской экспе-диции всегда проходили в обстановке творческого со-трудничества с представителями естественных наук. Г. М. Левковская в докладе, подготовленном в соав-торстве с Д. Хоффекером, Н. И. Платоновой, С. Н. Ли-сицыным и А. Е. Дудиным, рассмотрела схему подраз-деления ранних верхнепалеолитических комплексов в Костенках, отметив спорные моменты хронологиче-ской привязки памятников.

Л. Б. Вишняцкий представил серию находок сред-непалеолитических изделий, которые могут быть ин-терпретированы как фрагментированные наконечники с вогнутым основанием, что служит базой для гипотез относительно происхождения стрелецкой культуры. А. Е. Дудин и А. М. Пустовалов (Музей-заповедник «Костенки») рассказали о результатах новейших рас-копок 5 и 5а культурных слоев стоянки Костенки 1. С. Н. Лисицын и М. Н. Желтова предложили свою вер-

сию причин расположения костенковских стоянок, связывая их с уровнями стояния высоких паводковых вод Дона в плейстоцене. Е. Ю. Гирия сообщил о результатах трасологического исследования ретушированной кремневой пластины из культурного слоя 3 Костенок 1, отметив сложность процессов формообразования в палеолите. А. А. Бессуднов рассмотрел дискуссионный вопрос о возможности выделения в Костенках пласта памятников поздней поры верхнего палеолита, привлекая для сопоставления материалы дивногорских стоянок.

Тематика собрания не была ограничена рамками Костенок. В. М. Лозовский сообщил о предварительных результатах возобновления работ на известной стоянке Межиричи на Украине. В рамках международного проекта, осуществленного С. Пеаном, Д. Ю. Нужным и П. С. Шидловским в 2006—2009 гг., здесь были получены новые данные по стратиграфии и палеогео-

графии. Н. Б. Ахметгалеева (Курчатов) представила картину освоения древним человеком бассейна р. Сейм в различные периоды верхнего палеолита. Интересным дополнением к тематике собрания стало сообщение Г. В. Сеницыной о различных версиях происхождения культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины.

На основании представленных на заседании докладов, а также статей специалистов, друзей и коллег М. В. Аниковича Отдел палеолита принял решение почтить память исследователя выпуском мемориального сборника, который ныне предлагается вниманию читателя. Широта и разнообразие представленных материалов полностью соответствуют размаху научных интересов М. В. Аниковича.

С. А. Васильев

СПИСОК НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРУДОВ М. В. АНИКОВИЧА

1969

О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии: Материалы конференции. Вып. 1. Новосибирск. С. 62—64.

1973

Могочинская стоянка — новый памятник верхнего палеолита Западной Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: ТД ВК. Новосибирск. С. 29—30.

1974

Работы у пос. Могочино // АО. 1973. С. 212. (В соавторстве с В. И. Матюшенко, Г. В. Ложниковой.)

1975

Первобытная археология — конкретная археологическая наука: (к постановке проблемы) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований: Материалы симпозиума. Л. С. 14—18.

1976

Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки // Сибирь и Центральная Азия и Восточная Европа в древности: (эпоха палеолита). Новосибирск. С. 155—169: ил.

Volkovskaya (Kostenki 12) // Early Man News. 1. P. 7.

1977

Памятники стрелецкой культуры в Костенках: АКД // АН СССР. ИА. М. 22 с.

Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л. С. 94—112: ил.

Работы в Костенках // АО. 1976. С. 65. (В соавторстве с Н. Д. Прасловым, В. Д. Артемовой, В. В. Поповым.)

Строение верхней гумусированной толщи в с. Костенки и относительный возраст залегающих в ней стоянок // Палеоэкология древнего человека. М. С. 66—74: ил.; Рез. англ.

1978

Работы по палеолиту в Костенках // АО. 1977. С. 79—80. (В соавторстве с Н. Д. Прасловым, А. Н. Рогачевым, В. И. Беляевой, М. А. Ивановой, В. В. Поповым, А. А. Сеницыным.)

Совещание по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита // СА. № 3. С. 303—307.

1979

Костенки 1 (Стоянка Полякова) // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины: ТД. Воронеж. С. 68—74: ил. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым, В. И. Беляевой.)

Костенки 6 (Стрелецкая 2) // Там же. С. 95—96: ил. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым.)

Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Там же. С. 88—91: ил.

Раскопки на стоянке Полякова (Костенки 1) // АО. 1978. С. 84—85. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым, В. И. Беляевой.)

У истоков искусства: Каталог выставки // Гос. Эрмитаж. № 1—20; 61—67; 78—90. Л.

Kostenki XII // Early Man News. 3/4. P. 13.

1980

Искусство малых форм в позднепалеолитических культурах Русской равнины как источник для восстановления мировоззренческих представлений первобытного человека // Идеологические представления древнейших обществ: ТДК. М. С. 46—49.

К проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа // СА. № 2. С. 5—21: ил. (В соавторстве с Х. А. Амирхановым, И. А. Борзьяком.)

О месте археологии в системе общественных наук: (Историографический очерк) // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск. С. 117—120.

Раскопки в Костенках // АО. 1979. С. 72—73. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым, А. А. Сеницыным.)

1981

О содержании понятия «археологическая культура» // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск. С. 18—21.

1982

Костенки 1 (Стоянка Полякова) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879—1979. Л. С. 42—66: ил. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым, Н. Д. Прасловым, В. И. Беляевой, Т. Н. Дмитриевой.)

Костенки 4 (Александровская стоянка) // Там же. С. 76—85: ил. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым.)

Костенки 5 // Там же. С. 85—88: ил. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым.)

Костенки 6 (Стрелецкая) // Там же. С. 88—91: ил. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым.)

Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Там же. С. 92—109: ил.

Костенки 9 (Бирючий Лог) // Там же. С. 109—113: ил. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым.)

Костенки 12 (Волковская стоянка) // Там же. С. 132—140: ил. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым.)

Костенки 17 (Спицынская стоянка) // Там же. С. 181—190: ил. (В соавторстве с П. И. Борисковским, Н. Д. Прасловым.)

О характере охотничьего вооружения в памятниках костенковско-стрелецкой культуры // ТД 11-го МК ИНКВА. Т. 2. М. С. 10—11.

То же на англ. яз.

1983

К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района // КСИА. Вып. 173. С. 16—31: ил.

О возможных юго-западных корнях костенковско-стрелецкой культуры // Первобытные древности Молдавии. Кишинев. С. 193—202: ил.

О работе Сектора палеолита в 1980—1981 гг. // КСИА. Вып. 173. С. 111—113. (В соавторстве с Г. В. Григорьевой.)

1984

Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М. С. 162—271. (В соавторстве с А. Н. Рогачевым.)

Работы в Костенках 12 // АО. 1982. С. 42.

1985

Новые данные по выделению памятников ранней поры позднего палеолита Русской равнины // Геохронология четвертичного периода: ТД ВК. Таллинн. С. 76.

О характере охотничьего вооружения в памятниках костенковско-стрелецкой культуры // СА. № 4. М. С. 219—224.

1986

О некоторых спорных проблемах изучения палеолита бассейна Печоры // Палеолит и неолит. Л. С. 39—45: ил.

Работы на Волковской палеолитической стоянке (Костенки 12) // АО. 1984. С. 41.

1987

Всесоюзное совещание по методике полевых исследований памятников каменного века, посвященное столетию со дня рождения П. П. Ефименко // СА. № 1. М. С. 285—290.

К вопросу о правомерности выделения «бабинской ступени» позднего палеолита Приднестровья // Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху. Кишинев. С. 42—63.

Методические следствия определения археологической культуры как системы традиций // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск. С. 78—80.

Новая антропологическая находка в селе Костенки: Археологический аспект // КСИА. № 189. С. 3—8: ил.

Об определении понятия «археологическая эпоха» // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД ВК. С. 23—25.

Общие принципы анализа каменных изделий // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 2. Омск. С. 33—36.

1988

Место археологии в системе исторических наук // SZ AUSA V. № 25. С. 73—78.

О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук. Л. С. 73—98.

Особенности археологических культур ранней поры позднего палеолита Восточной Европы // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л. С. 27—29.

Ранняя пора позднего палеолита Восточной Европы // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Ташкент. С. 7—9.

«Три уровня археологического исследования» или три ступени исторического познания? // СА. № 1. С. 218—224.

1989

Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. № 4. С. 115—127. Рез. англ.

Костенковско-стрелецкая археологическая культура // Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supérieur européen: Colloque intern. Cracovie. P. 21—22.

Проблема определения археологии как науки в русской дореволюционной археологии // Историки об истории. Омск. С. 4—25.

Селетоидный путь становления позднего палеолита в Центральной и Восточной Европе // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии: ТД. Кишинев. С. 5—7.

[Рецензия] // СА. 1989. М. № 3. С. 267—272. (В соавторстве с Т. Н. Дмитриевой.) Рец. на кн.: Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.

1990

Археологические данные и проблема реконструкции первобытного сознания // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск. С. 88—90.

Дискуссия об узловых проблемах первобытной истории в связи с выходом в свет «Истории первобытного общества». Т. 1, 2 // СА. № 1. С. 308—314.

Некоторые позднепалеолитические индустрии Венгрии и их связи с восточноевропейским палеолитом // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья: ТД. Ч. 1. Херсон. С. 9—11. (В соавторстве с Г. В. Григорьевой.)

О методике исследования стоянок с переотложенными культурными слоями: (на примере изучения Костенок 12) // КСИА. Вып. 202. С. 28—33: ил.

Особенности археологических культур ранней поры позднего палеолита Восточной Европы // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси. С. 79—80.

Проблема определения археологии как науки в советской археологической литературе тридцатых—шес-

тидесятих годов // История археологических исследований Сибири. Омск. С. 5—32.

About character of hunting at the sites of the Kostenki-Streletskaia culture // Colloque international: la chasse dans la préhistoire: Pré-actes. Treignes. P. 6.

Au sujet des liens culturels entre certaines industries du Paléolithique supérieur d'Hongrie et de l'Europe d'Est // Le Paléolithique et le Néolithique de la Roumanie en contexte Européen. Iași. S. 72—89: il. (В соавторстве с Г. В. Григорьевой.)

1991

Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: АДД / АН СССР. ИИМК. СПб. 40 с. Библиогр.: с. 39—40.

Археологическая культура: определение понятия и процедура исследования // Археологические культуры и культурная трансформация. Л. С. 40—48.

Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Древние культуры и археологические изыскания. СПб. С. 54—57.

1992

Граветтоидный путь развития, граветтоидные археологические культуры и проблема «граветтоидного эпизода» // Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза. Одесса. С. 15—17.

К определению понятия «археологическая эпоха» // СА. № 1. С. 85—94. Рез. англ.

Методологические основы хронологии и периодизации верхнего палеолита // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: ТДК. СПб. С. 36—39.

Проблема определения археологии как науки в советской литературе 1970—1980-х годов: Основные направления // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск. С. 5—23.

Южная и юго-западная историко-культурные области Восточной Европы // КСИА. Вып. 206. С. 34—42: ил.

Early Upper Palaeolithic industries in Eastern Europe // Journal of world prehistory. Vol. 6, № 2. P. 205—245: il.

Рец.: Debrosse R., Kozłowski I. Hommes et climats à l'âge du mammouths. Paris, 1988 // АВ. № 1. С. 188—191.

1993

О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении // ПАВ. Вып. 3. С. 3—19: ил. Рез. англ.

Памяти Мушни Хумсаевича Хварцкия // РА. № 2. С. 221: портр. (В соавторстве с В. П. Любиным, Е. В. Беляевой и др.)

Problème de la transition du Moustérien au Paléolithique supérieur sur le territoire de la Plaine Russe et du Caucase // L'Anthropologie. T. 97, № 2/3. S. 311—330: il. (В соавторстве с Х. А. Амирхановым, И. А. Борзикаком.)

1994

Изучение формообразования каменных орудий и обобщающие понятия современного палеолитоведения

(«археологическая культура», «путь развития», «технокомплекс», «историко-культурная область») // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. СПб. С. 8—11.

Основные принципы хронологии и периодизации палеолита Европы // АВ. № 3. С. 144—157: ил. Рез. англ.

В. И. Равдоникас о предмете и задачах истории материальной культуры // Международная конференция, посвященная 100-летию: ТД. СПб. С. 15—17.

1995

Проблемы определения археологии как науки в советской литературе 1970—1980-х годов: Основные направления // Археология Сибири: историография. Ч. 1. Омск. С. 4—24.

Судьбы верхнепалеолитического населения Русской равнины // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб. С. 10—13.

Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // ТД I Международного мамонтового совещания. СПб. С. 597. Рез. англ.

Early Upper Palaeolithic in the Russian Plain: Streletskayan flaked stone artefacts and technology // Antiquity. Vol. 69. № 266. P. 989—998: il., map. (В соавторстве с Ф. Бредли, Е. Ю. Гирей.)

1996

Палеолитическая Мекка // ЗС. № 1. С. 60—70: ил.

У истоков российского палеолитоведения // Традиции российской археологии. СПб. С. 21—24.

1997

Ф. К. Волков и основы отечественного палеолитоведения // Традиции отечественной палеоэтнологии. СПб. С. 73—75.

«Восточный граветт» и проблема миграций в верхнепалеолитическую эпоху // Восточный граветт. М. С. 10—13.

Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. М. С. 143—155: ил.

Технологический анализ стрелецких наконечников // Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб. С. 152—161.

1998

Вооружение и вооруженные конфликты в каменном веке // Военная археология. СПб. С. 16—20. (В соавторстве с В. И. Тимофеевым.)

Днепродонская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М. С. 35—66: ил., карт.

Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников // АВ. № 5. С. 42—54: ил. Рез. англ. (В соавторстве с Б. А. Бредли, Е. Ю. Гирей.)

1999

Восточноевропейские охотники на мамонта как особый культурно-исторический феномен // SETI:

прошлое, настоящее и будущее цивилизаций. М. С. 6—9.

Ключевое значение Костенковско-Борщевского района в проблематике верхнего палеолита Восточной Европы // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб. С. 9—11.

Костенки и проблема начальной поры верхнего палеолита Восточной Европы // Там же. С. 11—12.

О локальности в верхнем палеолите // Локальные различия в каменном веке. СПб. С. 110—112.

О миграциях в палеолите // *Stratum plus*. № 1. С. 72—82; ил. Рез. англ.

Преориньяк — «забегание вперед» или начало // Там же. С. 266—268. Рез. англ.

The formation of Upper Paleolithic cultures and anatomically modern humans the East European perspective // *Anthropologie (Brno)*. Т. 36. Nr 2. P. 115—123.

2000

Археолого-палеоботанико-палинологический банк данных для эпохи палеолита территории бывшего СССР // *АВ*. № 7. С. 380—383. (В соавторстве с Г. М. Левковской, Н. К. Анисюткиным, Е. В. Беляевой и др.)

Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // *Stratum plus*. № 1. С. 11—30; ил. Рез. англ.

О миграциях в палеолите // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск. С. 11—21; ил., карт.

Об историческом познании, возможно ли объективное знание о прошлом? // Теория и методика археологии. Вып. 2. С. 154—155.

Общество и личность в палеолите, что могут сказать об этом археологические данные? // Там же. С. 103—112; ил.

About character of hunting implements in the sites of the Kostenki-Streletskaia culture // *Anthropologie et pré-histoire. Bulletin de la Société royale belge d'anthropologie et de pré-histoire*. Т. 111. P. 38—43.

2001

Историческое познание и принципы археологии // Клейн Л. С. Принципы археологии. СПб. С. 133—143.

Мамонт в культуре верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск. С. 3—4. (В соавторстве с И. Е. Кузьминой.)

«Степная зона» — одна из трех ИКО верхнего палеолита Восточной Европы // Каменный век Старого Света. СПб. С. 10—12.

Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. М. С. 31—327. (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным.)

2002

Новые данные о многослойной стоянке Костенки 12 (Волковская) в свете проблематики верхнего палеолита Восточной Европы // Верхний палеолит — верхний плейстоцен. СПб. С. 68—72. (В соавторстве с Дж. Ф. Хоффекером, Ст. Форман, В. В. Поповым.)

2003

Охота на мамонтов в палеолите Евразии // *Stratum plus*. № 1 (2001—2002). С. 479—501; ил. (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным.)

Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между средним и верхним палеолитом // Там же. С. 266—290; ил., карт. Рез. англ.

Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // *АЭАЕ*. № 2. С. 15—29; ил., карт.

The archaeological signs of the transition from Middle to Upper Palaeolithic: (after the Streletskian's example) // 9th Annual meeting EAA: Final Program and Abstracts. St. Petersburg. P. 69—70.

Middle-Upper Palaeolithic transition in Northern Eurasia: migrations and adaptations // *Ibidem*. P. 73—74. (В соавторстве с П. М. Долухановым.)

New data on the Kostenki 12 (Volkovskaya site) // *Ibidem*. P. 71—72. (В соавторстве с В. В. Поповым, Дж. Ф. Хоффекером.)

New data on palynology and climatostratigraphy on the most ancient Upper Palaeolithic layers of Kostenki 12 site: (Russian Plain) // *Ibidem*. P. 72. (В соавторстве с Г. М. Левковской, В. В. Поповым, Дж. Ф. Хоффекером.)

The problem of «transitional» industries in the South-West of the Russian Plain // *Ibidem*. P. 70.

2004

Повседневная жизнь охотников на мамонтов. М.: Молодая гвардия. 350 с.: 8 л. ил. Библиогр.: с. 347—348.

Исследование палеолита в Костенках: история и современное состояние // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: Общее и локальное. Воронеж. С. 123—125. (В соавторстве с В. В. Поповым.)

Конкретно-исторический подход А. Н. Рогачева // Там же. С. 83—86. (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным, Н. И. Платоновой, В. В. Поповым.)

Новые данные о многослойной стоянке Костенки 12 (Волковская) // Там же. С. 39—60.

Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: (периодизация, хронология, генезис) // Там же. С. 86—91; табл.

Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. (III Антропологические чтения). С. 17—20.

Kostenki and dawn of Upper Paleolithic in Europe // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии. Воронеж. С. 143. (В соавторстве с А. А. Синицыным, Дж. Ф. Хоффекером.)

2005

Александр Николаевич Рогачев: Материалы. Воспоминания. Размышления // Труды КБАЭ. Вып. 3. С. 10—28; ил. (В соавторстве с Н. И. Платоновой.)

Климатостратиграфия древнейших палеолитических слоев стоянки Костенки 12 (Волковская): (первые обобщающие палинологические, палинотератологические, палеозоологические, палеомагнитные и СЭМ-

палеоботанические исследования) // Труды КБАЭ. Вып. 3. С. 93—130: ил. Рез. англ. (В соавторстве с Дж. Ф. Хоффекером, В. В. Поповым, Г. М. Левковской и др.)

Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная общность» // *Stratum plus*. № 1 (2003—2004). С. 487—506. Рез. англ.

Новые данные о хроностратиграфии многослойной стоянки Костенки 1 (Стоянка Полякова) // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культура, антропология. Воронеж. С. 5—20: ил. (Совместно с Дж. Ф. Хоффекером, В. В. Поповым, Н. И. Платоновой и др.)

О «конкретно-историческом подходе» А. Н. Рогачева // Труды КБАЭ. Вып. 3. С. 33—47.

О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // АЭАЕ. № 3. С. 70—86.

Принципы археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная общность» // *Stratum plus*. 2003—2004. № 1. С. 487—505. Рез. англ.

Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Новосибирск. С. 79—93: ил., карт.

Реконструкция палеоклимата времени формирования пород разреза палеолитической стоянки Костенки 12 по их скалярным магнитным характеристикам // Труды КБАЭ. Вып. 3. С. 131—160: ил. Рез. англ. (В соавторстве с Г. А. Поспеловой, Дж. Ф. Хоффекером.)

Становление верхнего палеолита Евразии: единство или многообразие путей // Актуальные проблемы евразийского палеолитоведения. Новосибирск. С. 9—14.

Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // АЭАЕ. № 2. С. 37—47: ил.

Хроностратиграфия многослойной стоянки Костенки 12 (Волковская) в контексте хроностратиграфии палеолита Костенковско-Борщевского района // Труды КБАЭ. Вып. 3. С. 66—86: ил. (В соавторстве с Дж. Ф. Хоффекером, В. В. Поповым, Н. И. Платоновой и др.)

Taphonomy of an Early Upper Palaeolithic bone bed at Kostenki 12 // Труды КБАЭ. Вып. 3. С. 161—176: ил. (В соавторстве с Дж. Ф. Хоффекером, И. Е. Кузьминой, В. В. Поповым.)

2006

Геоархеологические исследования в Костенковско-Борщевском районе // Труды КБАЭ. Вып. 4. С. 68—70. Англ. Рез. рус. (В соавторстве с В. Т. Холлидеем, Дж. Ф. Хоффекером, А. А. Сеницыным.)

Новые данные о становлении верхнего палеолита на территории Восточной Европы // Современные проблемы археологии России. Новосибирск. Т. 1. С. 97—99.

Новые данные о хроностратиграфии многослойной стоянки Костенки 1 (стоянка Полякова) // Труды

КБАЭ. Вып. 4. С. 81—100: ил. Текст рус., англ. (В соавторстве с В. В. Поповым, Дж. Ф. Хоффекером, Н. И. Платоновой и др.)

Новые радиоуглеродные (AMS) даты по Костенкам 12 // Труды КБАЭ. Вып. 4. С. 152—156: ил. (В соавторстве с Р. А. Хаусли, Т. Ф. Хигхэмом.)

Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М. С. 98—112. 3 л. ил. (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным, Л. Б. Вишняцким.)

Хроностратиграфия, природная среда и культурные характеристики ранней поры верхнего палеолита Костенок в свете новых данных // Современные проблемы археологии России. Новосибирск. С. 158—160. (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным, Г. М. Левковской, В. В. Поповым.)

2007

Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии / РАН. ИИМК. СПб.: Нестор-История, 2007. 336 с.: ил., карт. (Труды КБАЭ; Вып. 5). (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным, Л. Б. Вишняцким.)

Археолого-палеоботанико-палинологический банк данных по стоянкам эпох среднего и верхнего палеолита Русской равнины и Кавказа: Материалы по палеоклиматическому экстремуму НЕ4 (Вариабельность природных сценариев и типов адаптаций обитателей кавказских пещер и равнинных стоянок) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. С. 41—42. Англ. (В соавторстве с Г. М. Левковской, В. П. Любиным, Л. Б. Вишняцким и др.)

Костенковско-Борщевский район (Русская равнина) с древнейшими позднепалеолитическими стоянками Восточной Европы: Некоторые дискуссионные проблемы хронологии и климатостратиграфии ранних позднепалеолитических слоев // Там же. С. 38—41. (В соавторстве с Г. М. Левковской, Дж. Ф. Хоффекером.)

Материалы-носители намагниченности пород в разрезах верхнепалеолитических стоянок Костенки 1 и Борщево 5 // Палеомагнетизм и магнетизм горных пород. М. С. 123—127: ил. (В соавторстве с Г. М. Левковской, С. Н. Лисицыным и др.)

Некоторые сценарии перехода от среднего к верхнему палеолиту в Евразии // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. С. 3—4. Англ.

О времени события НЕ4 в Костенковско-Борщевском районе: (Археологические, природные и адаптационные процессы) // Там же. С. 36—38. Англ. (В соавторстве с Г. М. Левковской, С. Н. Лисицыным, Дж. Ф. Хоффекером и др.)

О моем первом учителе // Археологические материалы и исследования Северной Азии в древности и средневековье. Томск. С. 38—50.

Пути становления верхнего палеолита Восточной Европы и горного Алтая // АЭАЕ. № 1. С. 2—15.

А. Н. Рогачев и «конкретно-исторический подход» в палеолитоведении // РА. № 4. С. 64—71. Рез. англ.

Geoarcheology of the Kostenki-Borshevo sites, Don River valley, Russia // *Geochronology*. Vol. 22. Nr 2. P. 181—228: il. (В соавторстве с А. А. Сеницыным, Дж. Ф. Хоффекером, С. Л. Форманом и др.)

Early Upper Paleolithic in Eastern Europe and implications for the dispersal of modern humans // *Science*. Vol. 315. P. 223—226. (В соавторстве с Н. Д. Прасоловым, Г. М. Левковской, Н. Д. Буровой и др.)

Some discussion problems of archaeology, chronology and climatic stratigraphy of the Early Upper Palaeolithic sites of the Kostenki region // 13th Annual Meeting of EAA. Abstracts Book. Program and Abstracts. Zadar. P. 281—282. (В соавторстве с Г. М. Левковской.)

Some scenarios of Middle to Upper Palaeolithic transition in Eurasia // *Ibidem*. P. 288—289.

Time of HE4 event in Kostenki-Borshevo region: (archaeological, palaeoenvironmental and adaptation processes) // *Ibidem*. P. 283—284. (В соавторстве с В. В. Поповым, Н. К. Анисюткиным, Г. М. Левковской и др.)

2008

Палеолит Костенковско-Боршевского района в контексте верхнего палеолита Европы / РАН. ИИМК. СПб. 302 с.: ил., карт. (Труды КБАЭ. Вып. 1). Библиогр.: с. 285—297. (В соавторстве с В. В. Поповым, Н. И. Платоновой.)

Исследование палеолита Костенковско-Боршевского района на новом этапе: хроностратиграфический аспект // *ЗИИМК*. № 3. С. 65—79: табл.

Переход от среднего к верхнему палеолиту: Европа, Северная Азия, Ближний Восток // *Время и культура в археолого-этнографическом исследовании древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции*. Томск. С. 84—87. (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным.)

Петрофизические исследования осадочных пород верхнепалеолитической стоянки Костенки 1 // *Физико-химические и петрофизические исследования в науках о Земле*. СПб. С. 255—259: ил.

Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // *Труды II Всероссийского археологического съезда*. М. С. 100—102. (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным.)

The beginning of the Upper Paleolithic in the East Europe and South Siberia: similarities and differences // *The current issues of Paleolithic studies in Asia: Proceedings of the Intern. Symposium*. Novosibirsk. P. 13—19.

From the Bay of Naples to the River Don: The Campanian ignimbrite eruption and Middle-Upper transition in Europe // *Journal of human evolution*. № 55. P. 858—870. (В соавторстве с А. А. Сеницыным, В. В. Поповым, Г. М. Левковским и др.)

2009

Адаптация к природным условиям и социокультурная адаптация в верхнем палеолите Восточной Европы // *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям*. М. С. 14—22.

Исследования культурных слоев ранней поры верхнего палеолита на стоянке Костенки 1 // *АО*. 2006. С. 122—123. (В соавторстве с А. Е. Дудиным.)

Начало верхнего палеолита в Восточной Европе и в Южной Сибири: сходство и различия // С. Н. Бибииков и первобытная археология. СПб. С. 124—128.

Появление верхнепалеолитической культуры в Европе и Homo Sapiens Sapiens: взгляд археолога. Новосибирск. С. 42—49.

2010

Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии: избранные лекции / РАН. СО. ИАЭ; Новосибир. гос. ун-т.; Сибирская археол. полевая школа. Новосибирск, 2010. 56 с. (Российские ученые студентам университетов). Библиогр.: с. 52—53.

Адаптация к природным условиям и социокультурная адаптация в верхнем палеолите Восточной Европы // *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям*. М. С. 18—26.

Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // *Stratum plus*. № 1. С. 99—136. Рез. англ. (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным, Н. И. Платоновой.)

Человек и мамонт в центре Русской равнины: Охота? Собирачество? Или... // *Исследования первобытной археологии Евразии*. Махачкала. С. 248—267.

Человек и хоботные в палеолите: вариант интерпретации // *Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний*. Томск. С. 12—18.

Evidence for kill-butcher events of early Upper Paleolithic age at Kostenki, Russia // *Journal of archaeological science*. № 37. P. 1073—1089. (В соавторстве с А. А. Сеницыным, В. В. Поповым, И. Е. Кузьминой и др.)

Pollen estimation of C14 calibrated and uncalibrated of the most ancient Upper Paleolithic layers of Kostenki region // 16th Annual Meeting EAA. Program and abstracts. The Hague. P. 115. (В соавторстве с Г. М. Левковской, Дж. Ф. Хоффекером.)

[Рецензия] // *Tyragetia*. Vol. IV (XIX). Nr 1. С. 289—294. Рец. на кн.: Кетрау Н. А., Григорьева Г. В., Коваленко С. И. Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. Кишинев, 2007.

2011

Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы. Вып. 1. *Историография, методология, основные проблемы* / РАН. ИИМК. СПб.: Нестор-История, 2011. 128 с.: ил. (Труды КБАЭ; Вып. 6). Библиогр.: с. 102—112. (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным, Н. И. Платоновой.)

Археология как отрасль исторического источниковедения: теоретические разработки в отечественной и зарубежной науке первой половины XX в. // *Труды III Всероссийского археологического съезда*. Т. 2. С. 342—343. (В соавторстве с Н. И. Платоновой.)

[Комментарий к статье А. В. Табарева] // *РАЕ*. № 1. С. 31—34. Рез. англ.

О личности в эпоху верхнего палеолита // *Палеолит и мезолит Восточной Европы*. М. С. 478—495: ил.

Первобытное искусство и «недоразвитый» кро-маньонец: (О новейшей концепции происхождения Homo sapiens и его искусства) // Труды III Всероссийского археологического съезда. Т. 1. С. 49—50. (В соавторстве с Н. И. Платоновой.)

Проблема палеолитического человека в отечественной науке (XIX—XX вв.) // История археологии: личности и школы: Материалы Междунар. науч. конф. к 150-летию В. В. Хвойки. СПб. С. 70—98. (В соавторстве с Н. К. Анисюткиным, Н. И. Платоновой.)

Теоретические разработки археологии как отрасли исторического источниковедения: (1-я половина XX в.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск. С. 45—47. Рез. англ. (В соавторстве с Н. И. Платоновой.)

[Рецензия] // РАЕ. № 1. С. 650—656. (В соавторстве с Н. И. Платоновой.) Рец. на кн.: Куценков П. А. Психология первобытного и традиционного искусства. М., 2007.

2012

Узловые проблемы становления верхнего палеолита Европы по данным новейших исследований в Костенковско-Борщевском районе // Мегаструктура

евразийского мира. М. С. 12—15. (В соавторстве с Н. И. Платоновой, В. В. Поповым, С. Н. Лисицыным и др.)

2013

Опыт структурного анализа археологических культур эпохи верхнего палеолита // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск. С. 24—36.

Художественные произведения М. В. Аниковича

Закон крови. СПб.: Азбука, 1998. 607 с. (Псевдоним О. Микулов.)

Тропа длиною в жизнь. СПб.: Азбука, 1999. 526 с. (Каменный век) (Псевдоним О. Микулов.)

«Лишь пожелай...»: [Сборник стихов]. СПб.: Нестор-История, 2007. 68 с.: портр.

О моем друге [Послесловие к сборнику стихов] // Петров В. М. Параллельные миры. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 100—102.

Составитель Л. М. Всевиов

М. В. Аникович

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В КОНТЕКСТЕ ДИСКРЕТНОГО И СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА¹

Проект выполнен при поддержке РГНФ № 12-01-00345а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»

1. Предварительные замечания

1.1. Историографический экскурс

Представление об археологической культуре (АК) как о *культурной традиции, отраженной в археологическом материале*, получило на практике достаточно широкое распространение в археологии середины—второй половины XX в. — как в нашей стране, так и за рубежом. В частности, гипотеза о существовании в палеолите отдельных «культур», сопоставимых с этнографическими, и о соответствующем отражении их в комплексах индустрий разрабатывалась совершенно независимо — Франсуа Бордом во Франции (в основном применительно к материалам среднего палеолита²) ([Bordes, 1953; 1961; 1961a; 1968] и др.) и А. Н. Рогачевым в СССР (применительно к верхнему палеолиту) (см.: [Рогачев, 1953; 1957; 1969; 1973; 1973a; 1975; Rogatchev, 1964] и др.). Впрочем, бордовский подход и изощренная методика в скором времени оказались распространены его последователями и на французский верхний палеолит ([Sonneville-Bordes, 1960] и др.).

Принципиальная близость целого ряда бордовских установок к комплексу представлений, сформированному в отечественной науке благодаря трудам А. Н. Рогачева, обусловила огромный интерес к «системе Борда» среди археологов того поколения, к которому принадлежали ученики А. Н. Рогачева (1960—1980-е гг.), и быстрое внедрение ее в практику отечественных исследований. В сущности, эта «система» заполнила собой некий методологический вакуум, образовавшийся в советской науке о палеолите начиная с 1930-х гг., ко-

гда проведение углубленных типологических разработок было практически невозможным по причине засилья так называемого «социологического схематизма».

Отголоски этого «схематизма» достаточно сильно проявлялись и в 1940—1950-х гг., заставляя ученых по возможности выбирать для исследования иные аспекты и проблематику. В частности, сам А. Н. Рогачев, чье научное становление пришлось именно на 1930—1940-е гг., отнюдь не увлекался типологическими штудиями и совершенствованием процедуры типологического анализа. Представление о том, что типология пригодна как средство фиксации, но недостаточна для анализа орудий труда как важнейшей части производительных сил, было свойственно ему в той же мере, что и его вечному оппоненту П. И. Борисковскому. Тем не менее именно рогачевский «конкретно-исторический подход» — по самой своей направленности — открывал прямую дорогу штудиям такого рода. Если, скажем, для реализации стадийного подхода было вполне достаточно самых общих характеристик (например «солотрейской техники», сводившейся к плоской двусторонней ретуши), то для реализации задач, поставленных А. Н. Рогачевым, этого было мало. Для выявления «этнографической» специфики требовалось выделять и сравнивать *конкретные формы* тех же двусторонне обработанных острий [Рогачев, 1957. С. 130]. Таким образом, здесь по определению предполагалась необходимость более тонкой и детально разработанной типологии, образцом которой и послужила для его учеников «система Борда».

Как уже говорилось выше, французские и русские археологи формулировали свои идеи совершенно независимо, черпая исходные положения из разных источников. Ф. Борд, формируя свой комплекс представлений, по-видимому, основывался на предшествующих разработках Флиндерса Питри и Софуса Мюллера, которые он сумел углубить и применить на практике к материалам палеолита. По мнению Л. С. Клейна, «его метод является усовершенствованием этих работ в сторону большей точности и наглядности» [Клейн, 2011. С. 647]. Со своей стороны, А. Н. Рогачев очень многим был обязан наследию В. А. Городцова, который оказался для отечественной археологии чем-то вроде «Софуса Мюллера, Дешелет-

¹ Подготовка текста к печати проведена Н. И. Платоновой.

² В современном палеолитоведении варианты единств, выделяемых в материалах среднего палеолита, и стоящие за ними социальные единицы не только не ассоциируются с понятием АК, но, наоборот, отчетливо отделяются от него. Однако стоит напомнить, что сам Ф. Борд вполне серьезно рассматривал вопрос о соответствии различных «вариантов мустье» разным этнографическим (или этническим?) группам прошлого, т. е., по сути, не проводил резких различий между этими вариантами и АК.

та и молодого Чайлда в одном лице» [Клейн, 2011. С. 652]. В 1950-х гг. он решительно восстал против свойственных стадийному подходу (а реально уходящих корнями в однолинейный эволюционизм XIX в.) представлений, по которым развитие кремнёвой техники воспринималось как некий естественно-исторический процесс, происходивший как бы вне истории конкретных обществ, сам по себе.

А. Н. Рогачев первым обратил внимание на проявления изменчивости в составе инвентаря синстадиальных верхнепалеолитических стоянок. В одной из поздних работ эта мысль была выражена им наиболее четко: «...в одних и тех же ландшафтных условиях, при охоте на одних и тех же животных и в одно и то же время, существовали поселения с инвентарём, несомненно, относящимся к различным культурам» [Рогачев, 1969. С. 184]. Ход рассуждений здесь был таков: исторический процесс «эволюции культуры» не имеет ничего общего со стадийным ее «вызреванием» от ступени к ступени [Рогачев, 1967. С. 8]. Для познания законов развития древнейшей культуры и общества в археологии палеолита требуется анализ конкретных комплексов, т. е. *познание специфики исторического процесса в разных регионах*. Так, на повестку дня встало изучение археологических культур, отражающих, предположительно, этнографические особенности верхнепалеолитических человеческих сообществ. Хорошо известно, что в 1950—1960-х гг. возникла острая дискуссия на эту тему, причем самым серьезным противником А. Н. Рогачева выступил П. И. Борисковский, который возражал ему так: «Что... касается своеобразия культуры того или иного позднепалеолитического поселения, то прослеживание этого своеобразия крайне затруднено фрагментарностью имеющихся в нашем распоряжении археологических материалов. Следует учесть также огромные отличия позднепалеолитической культуры от неолитической... Позднепалеолитическая культура на широких пространствах Русской равнины и Центральной Европы была гораздо более единообразной, чем культура неолита...» [Борисковский, 1957. С. 189—190].

Впоследствии П. И. Борисковский постепенно смягчал и в конце концов довольно радикально пересмотрел свою точку зрения: «Выделение в позднем палеолите Русской равнины нескольких ступеней, представленных в сходной форме на достаточно обширных территориях, не означает полного отрицания более дробных, локальных групп в развитии позднепалеолитической культуры этих областей. Но такие локальные группы имели мало общего с хорошо выраженными локальными неолитическими группами и различались между собой лишь некоторыми второстепенными, часто неотчетливыми признаками. Было бы неправильно противопоставлять задачу выделения подобных еще слабо выраженных локальных групп задаче выделения общих ступеней, характерных для всего позднего палеолита Русской равнины. Черты локального своеобразия прослеживаются в рамках этих общих ступеней...» [Борисковский, 1963. С. 123].

В дальнейшем, уже в 1980-х гг., во «Введении» к «палеолитическому» тому «Археологии СССР», где он являлся ответственным редактором, П. И. Борисковский выразился так: «На современном уровне наших знаний можно утверждать, что повсюду представленные хронологические подразделения позднего палеолита, какими несколько десятков лет назад считались ориньяк, солютре, мадлен и т. д., — это явления, характерные лишь для определенных районов зарубежной Европы... Наряду с археологическими эпохами, к основным понятиям, к которым прибегают в археологическом исследовании, и к основным подразделениям, согласно которым классифицируется археологический материал, принадлежит археологические культуры...» [Борисковский, 1984. С. 9—10].

Три цитаты, приведенные последовательно, в хронологическом порядке, позволяют хорошо проследить, как после острой дискуссии на эту тему (середина 1950—начало 1960-х гг.) концепция А. Н. Рогачева возобладала в отечественной науке (см.: [Аникович, 2007. С. 68—71; Васильев, 2008. С. 98—108] и др.). В 1970-х гг. АК в палеолите начали выделять повсеместно, правомерность этого просто не подвергалась сомнению, причем не только в кругах непосредственных учеников А. Н. Рогачева, но практически везде. Впрочем, и тогда оставались «старые зубры», категорически не принимавшие новую парадигму. Наиболее видным из них был А. П. Черныш, даже в 1970-х гг. выражавший свою позицию так: «Стремление к субъективному выделению сосуществующих и независимых культур позднего палеолита является, по нашему мнению, в настоящее время модой, которая в известной степени напоминает моду 30-х годов датировать большую часть позднепалеолитических памятников ориньяком...» [Черныш, 1977. С. 72].

1.2. Современные тенденции

В некотором смысле А. П. Черныш был прав: любая мода преходяща. В конце 1960—1970-х гг. в советском палеолитоведении новые АК выделялись едва ли не в каждой кандидатской диссертации. Дело доходило даже до выделения ашельских АК. Сейчас иная тенденция. Становится как бы «хорошим тоном» не употреблять этот термин или даже отрицать саму правомерность выделения АК в верхнем палеолите. Но, как правило, все это столь же мало убедительно, как и бывшее нагромождение поспешно выделенных «археологических культур». Едва ли есть смысл всерьез обсуждать те случаи, когда автор, описывая некое сходство между памятниками, употребляет вместо термина «археологическая культура» что-нибудь «новое», а точнее — неопределенное: «культурная группа», «культурный вариант» и т. п. Быть может, кто-то воображает, что тем самым он успешно справился с проблемой, однако на деле это не так.

Г. П. Григорьев, под конец жизни отрицавший АК в верхнем палеолите Восточной Европы с такой же

страстью, с какой отстаивал их 40 лет назад [Григорьев, 1970], был прав в одном: *таких* культур, какие он пытался выделять («устойчивое сочетание типов», да еще строго ограниченное в пространстве двумя-четырьмя сотнями километров), бесспорно, никогда не было в природе (разве что в виде редчайшего исключения). Правда, Г. П. Григорьев сделал исключение для Западной Европы и, кажется, для Ближнего Востока: там, по его мнению, в верхнем палеолите были более «правильные» АК. Но такого рода заключения, сделанные не на основе собственного анализа коллекций, а по чужим публикациям, малоубедительны: в конце концов, научные сочинения для того и пишутся, чтобы излагаемый в них материал предстал в упорядоченном виде — «логичнее», чем в действительности. Думаю, что при достаточно долгой работе с французскими коллекциями Г. П. Григорьеву пришлось бы признать, что и они не соответствуют его «эпистемологическому идеалу».

С. А. Васильев в своей монографии, посвященной палеолиту Саян, вполне убедительно доказывал отсутствие в верхнем палеолите Северной Азии «локальных культур», отождествляя последние с АК вообще [Васильев, 1996]. Что ж, я готов не только поддержать его, но и распространить его вывод на верхний палеолит Европы. Если там и можно говорить о «локальных культурах», то или в силу недостаточных знаний (памятники городцовой АК известны только в Костенках, но из этого отнюдь не следует, что ареал ее распространения ограничивался Средним Доном), или в виде редких исключений, да и то весьма относительных (например солотрейская АК). Но я решительно протестую против знака равенства между ЛК и АК применительно к верхнему палеолиту.

Да, позавчера было модно распределять памятники по стадиям и ступеням и даже датировать на этом основании геологические слои. Вчера стало модным выделять археологические культуры (даже для ашеля, не говоря уже о мустье). Сегодня модно их отрицать даже для верхнего палеолита. Завтра войдет в моду что-нибудь еще. Но и позавчера, и вчера, и сегодня остается научная проблема. В «чисто археологическом» (т. е. источниковедческом) контексте это проблема установления и дифференциации сходств/различий археологических материалов, которая, конечно же, не сводится ни к установлению общезначимых «ступеней», ни к выделению обособленных «культур». В конкретно-историческом плане это задача, стоящая перед всей преисторией, изучающей дописьменное прошлое: *воссоздание древних социальных границ (древних социумов) на основе анализа археологических источников*. От этой проблематики не отмахнуться, от нее не укрыться за наспех придуманными «новыми» терминами. Ее нужно разрабатывать. И в этом смысле понятие «археологическая культура» действительно является одним из основополагающих (хотя, разумеется, не единственным) для всей первобытной археологии, включая и археологию верхнего палеолита. В конце концов, не только решение, но даже сама постановка таких вопросов, как культурно-генетическое родство,

межкультурные связи и контакты, миграции и т. п., возможна в первобытной археологии лишь в той мере, в какой она справляется с проблемой определения и выделения археологических культур.

2. Археологическая культура как обобщающее понятие палеолитоведения

2.1. Определение понятия

Лет 30 назад АК являлась, по мнению большинства исследователей, «основополагающим, фундаментальным понятием археологической науки» [Захарук 1980: 256]. Однако ни тогда, ни теперь среди специалистов, использовавших это понятие в своих работах, не было единства взглядов относительно его содержания, способов выделения, исторической интерпретации. Моя точка зрения по этому вопросу не раз была подробно изложена в печати (см.: [Аникович, 1989; 2003—2004; 2007] и др.). Вкратце она состоит в следующем.

Социальную основу АК следует искать в том общем, что объединяет самые различные формы так называемых «культурных единств», отражающих разнообразные социальные группировки. Это общее заключается в способах аккумуляции и передачи культурного наследия, т. е. в *культурных традициях*³.

Понятие культурной традиции может быть положено в основу моего понимания сущности АК благодаря следующим её свойствам:

- универсальность (культурная традиция присуща любому человеческому коллективу);
- способность выступать в опредмеченной форме;
- системный характер.

Иными словами, АК отражает собой *систему традиций*, выработанных в определенных социальных группах под влиянием определенных исторических условий. Это живая система, в ходе своего функционирования находившая материальное выражение в результатах человеческой деятельности. Часть их впоследствии оказалась утрачена, часть — археологизирована. Археологизированная система традиций (собственно АК) раскрывается посредством анализа археологических источников. Она неизбежно сильно редуцирована, по сравнению с «живой» системой. Но даже в неполном, ущербном виде *характеристики АК представляют собой характеристики древних социумов*. Подчеркну: применительно к дописьменной истории, иной путь познания этих последних просто отсутствует.

Определение АК через систему традиций лишь более четко указывает на то, что предполагалось изначально на интуитивном уровне. Но обратим внимание

³ Здесь я вполне разделяю точку зрения Э. С. Маркаряна, рассматривающего культурную традицию как широкое, интегральное явление: «Культурная традиция — это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [Маркарян, 1981. С. 80].

на ряд методических следствий, вытекающих из такого определения.

Во-первых, вопреки распространённому мнению, АК — это не простая совокупность памятников и/или типов памятников. Она выражает собой определенные *связи*, отношения, абстрагированные не прямо из живой действительности, но через посредство свидетельств (археологических источников), с целью познания реалей прошлого. Аналогично: понятие «государство» не равнозначно той или иной территории со всем, что на ней находится. Понятия «класс», «этнос» не сводятся к совокупности индивидуумов. То, что для археологов АК долгое время выступала именно как совокупность материальных объектов и/или типов этих объектов, является закономерным следствием теоретической неразвитости самого понятия, не перешедшего уровень эмпирического обобщения.

АК нельзя сводить к совокупности памятников ещё и потому, что допустима возможность выявления в ходе анализа материалов одного памятника разных систем традиций, по существу — разных АК. Это хорошо фиксируется в археологии позднейших эпох (см., например: [Кардаш, 2007. С. 9—11]), а в последнее время примеры такого рода все чаще встречаются и в археологии палеолита (см.: [Иванова, 1985; Аникович и др., 2006. С. 84—85]).

Во-вторых, в предложенном определении АК снят территориальный показатель, долгое время считавшийся важнейшим при ее определении (см.: [Брюсов, 1952. С. 20; Фосс, 1952. С. 6—7 и др.; Смирнов, 1964. С. 3—4; Каменецкий, 1970. С. 29 и др.]). АК — это своего рода сжатая проекция в сознании современного исследователя *всей* истории определенной системы традиций — от ее возникновения до исчезновения. Поэтому, хотя ее зарождение могло совершиться только в узких пространственных границах, ход дальнейшего развития бывал совершенно непредсказуем.

Согласно новейшим данным, хронологические границы АК эпохи ВП так сильно «растянуты», что это с трудом воспринимается сознанием современного исследователя. К примеру, традиции костенковско-стрелецкой АК существовали не менее 10 тыс. лет. При этом ее памятники распространены «точечно», как бы отдельными «выплесками» — от Северского Донца до Клязьмы и Камы. Памятники виллендорфско-костенковской АК распространены от Среднего Дуная до бассейна Оки с разницей во времени опять-таки не менее 10 тыс. лет. Видимо, *степень устойчивости и замкнутости традиций в верхнепалеолитических социумах качественно отличалась от таковой в более поздние периоды*. Поэтому требование обязательного единства территории («локальность») явно должно быть исключено из определения АК.

2.2. Методические проблемы

Ключевой методической проблемой выделения АК является вопрос: как найти такой способ организации материалов конкретных памятников, который одно-

временно выражал бы и *единство* (в рамках данной дефиниции), и принцип *развития* данной культуры во времени (а уж этот последний, насколько мне известно, никем не оспаривается)?

Очевидно, что памятники, сходные меж собой по основным показателям (типы орудий, украшений, произведений искусства и т. п.), принадлежат одной АК. Но как быть в тех случаях, когда наряду с существенным сходством памятники обнаруживают существенные различия? Где методические основания, которые позволили бы утверждать: в таких-то случаях памятники принадлежат к одной АК, несмотря на определенные различия, а в таких-то — к разным АК, несмотря на известное сходство?

Так, например, ни у кого не вызывает сомнений принадлежность к одной АК таких стоянок, как Костенки 1/1, Костенки 13, Костенки 18, Авдеево. Но включение в эту же культуру Зарайской стоянки, не говоря о таких памятниках, как Хотылево 2 и Гагарино, уже служит предметом дискуссий, несмотря на то что эти памятники обнаруживают сходные специфические характеристики как в типах каменных орудий, так и в костяном инвентаре, и в произведениях искусства.

Быть может, следует ориентироваться на определенный процент совпадения типов? Но эта мера устанавливается произвольно: здесь можно только «договориться о возможных допусках в различиях между памятниками для локальных вариантов и культур» [Каменецкий, 1970. С. 30]. К тому же, казалось бы, столь ясный и удобный тезис об АК как «устойчивом сочетании типов» или «совокупности взаимно связанных типов» [Григорьев, 1970 и др.; Клейн, 1978 и др.] для эпохи ВП плохо реализуем, поскольку *типы каменных орудий* (если только подходить к понятию «тип» более-менее строго) в верхнепалеолитических индустриях встречаются нечасто.

Может быть, выделению АК могут помочь статистические характеристики индустрии одного памятника, принятые как мера «однокультурности» при сравнении разных индустрий? Подобные попытки в литературе известны [Гладких, 1973; Холюшкин, 1981]. Но даже если принять главный тезис, лежащий в основе этих построений (материалы, происходящие с одного памятника, заведомо однокультурны, а я этот тезис отрицаю), то из АК, строго выделенных на основе такой меры сходства, исчезает искомый момент: их *развитие во времени*. Ведь по условиям задачи эта мера отражает вариабельность, возможную лишь в пределах существования одного поселения. Если же критически отнестись к самому тезису, допустив, что в некоторых случаях сходство между комплексами одного поселения могло быть меньшим, чем сходство между однокультурными и разновременными поселениями [Аникович, 1989. С. 120—121], то предложенный метод и вовсе теряет смысл.

Очевидно, для установления меры общего в заведомо динамичном, развивающемся явлении, т. е. для аргументированного представления ряда заведомо различных индустрий в виде некоего единства (одной АК), явно недостаточно привычных представлений об

индустриях как наборах дискретных таксонов разного уровня и определений их количественных характеристик. Необходим иной подход, основанный на принципах *структурного анализа*. При таком подходе сопоставление индустрий должно вестись не только на уровне отдельных таксонов, но и на уровне структур, сходство которых и должно выступать главным аргументом при выделении археологических культур [Аникович 1989. С. 123]. Но как применить принципы структурного анализа на практике?

2.3. Археологическая культура и принципы структурного анализа

«Понятие структуры подразумевает прежде всего наличие системного единства» [Лотман, 1996. С. 25]. Методы структурного анализа стремятся преодолеть сложность больших систем путем расчленения их на части и организации этих частей в виде иерархических структур. Декларирование АК как некой *структуры* — не редкость в археологических публикациях методологического характера ([Артамонов, 1971. С. 19—20; Каменецкий, 1970. С. 28—29; Клейн, 1970. С. 51; 1991. С. 154—171] и др.). Гораздо реже встречаются попытки практической разработки этого принципа. Здесь много неясного, в первую очередь — в наполнении конкретным содержанием таких основополагающих понятий структурного анализа, как «элемент» и «связь»⁴.

В палеолитоведении «первой ласточкой» этого подхода, означающего принципиально новый взгляд на каменные индустрии эпохи ВП, стала статья А. А. Сеницына о кремневом инвентаре Костенок 16. В ней указывалось, что каменная индустрия «не сводится к простой совокупности (перечислению) классификационных групп вещей, а является чем-то большим за счет упорядоченности таксонов. Речь идет о тех связях, которые из набора вещей делают комплекс, придают набору орудий вид логической целостности, системности...» [Сеницын, 1981. С. 33].

Предложенный в статье подход к реализации идеи, хотя и не все в нем остается ясным из-за жестко ограниченного объема текста, не удовлетворяет меня по двум основным причинам. Во-первых, А. А. Сеницын попытался найти некий единый принцип структурирования комплекса («принцип концевоего или краевого противопоставления двух лезвий или противопоставления такого лезвия специально не подработанному краю, но сильно забитому в процессе утилизации, или

излому») [Там же. С. 33—34]. Подобный подход представляется мне столь же ошибочным, как и поиски единого принципа построения «единственно верной» дискретной классификации.

Во-вторых, сама реализация данного принципа структурирования крайне эмпирична. А выраженные в таблице «вариационные ряды» есть не что иное, как зарисовка коллекции, разложенной по интуитивно ощущаемому сходству. Но как бы то ни было, статья А. А. Сеницына — первый опыт структурного описания индустрии, поколебавший укоренившиеся представления о ней как о простой сумме таксонов разного уровня. В этом отношении ее научная значимость исключительно высока.

В 1980—1990-х гг. структурный подход к анализу каменных индустрий при выделении АК разрабатывался автором настоящей статьи. Сопоставление индустрий велось как на уровне отдельных таксонов, так и на уровне структур, сходство которых и должно выступать главным аргументом при выделении АК [Аникович, 1989. С. 123]. Данное направление исследований являлось, да и сейчас является пионерным в палеолитоведении. Первая попытка его детальной разработки и практического применения была принята мною на материалах коллекций каменных орудий ранней поры ВП Восточной Европы в ходе подготовки докторской диссертации. Однако дальше публикации автореферата дело тогда не пошло [Аникович, 1991].

Уяснить, чем обусловлена необходимость и правомерность приложения структурного анализа к материалу ВП, помогает рассмотрение тех специфических проблем, с которыми нередко сталкиваются археологи при работе с конкретными коллекциями. Дело в том, что общепринятые типологические таксоны далеко не всегда оказываются столь же дискретными при рассмотрении материалов конкретных коллекций, как они выглядят при абстрактных определениях. Знаменитый вопрос «Как отличить конвергентное скребло от мустьерского остроконечника?» давно стал в среде палеолитоведов предметом традиционной шутки⁵. Сходные черты между изделиями разных категорий отмечались неоднократно. Так, например, П. И. Борисковский, характеризуя «нуклеидные макролитические орудия» Костенок 19, писал: «Все они... тесно примыкают как к группе резцов, так и к группе нуклеусов. Четко разделить эти три группы невозможно» [Борисковский, 1963. С. 137].

Но даже замечая подобные явления, типологи обычно воспринимают их скорее как досадную помеху и предпочитают не заострять внимание читателей на столь неприятных нарушениях «четкой классификации». Я же считаю, что именно сконцентрировав внимание на подобных моментах, мы можем получить ответ на искомый вопрос о связях и элементах в типоло-

⁴ Курьезно, но факт: в те годы, когда словечко «структура» было особенно модным и употреблялось в археологических публикациях почему зря, многие любители этого термина даже не подозревали, что нельзя и заикаться о «структуре», не определив предварительно ее элементов и связей. Автор этих строк очень признателен учителям томской школы № 8 (с математическим уклоном), сумевшим когда-то на деле сообщить своим разгильдяям-ученикам основы математического знания.

⁵ Ответ: нужно оснастить копьё и напасть на медведя. Если победа останется за зверем, значит, вы изготовили не остроконечник, а конвергентное скребло.

гическом анализе и тем самым не на словах, а на деле ввести в него принципы структурного анализа. Но прежде чем приступить к изложению основного содержания данной статьи, хотелось бы отметить некоторые существенные моменты.

В настоящее время известны три основных метода анализа каменных орудий — типологический, трасологический, технологический (см.: [Рогачев, 1973а. С. 15; Аникович, 1991. С. 7; Гирия, 1997. С. 20—22] и др.). Результаты применения каждого из них не тождественны и неизбежно приводят к *разным классификациям* материала. Синтез данных этих трех методов анализа представляет собой особую проблему. В настоящий момент я не касаюсь ее, следуя мудрому принципу Козьмы Дамиановича Пруткова: «Нельзя объять необъятное». Поэтому оговорю: дальнейшие мои разработки основываются исключительно на *типологическом* методе. «Сфера влияния» двух других затрагивается лишь по необходимости и очень осторожно. Несомненно, в дальнейшем, в результате полноценного сотрудничества всех трех методов, приводимые ниже структурные разработки подвергнутся ревизии.

Предлагаемые приёмы структурного анализа, в сущности, вытекают из той же дискретной типологии, одной из вершин которой и сейчас является «система Борда», превосходно «работающая» на материалах весьма удаленных регионов — вопреки мнению многих современных критиков французского классика. Однако при структурном подходе на первый план выступают именно те моменты, которые до сих пор обычно замалчивались, не подвергаясь целенаправленному изучению. Таким образом, настоящая разработка отнюдь не претендует на то, чтобы подменить собой традиционный подход к сравнительному анализу палеолитических индустрий (по набору дискретных таксонов) и вытеснить прежнюю методику как «устаревшую». В своей докторской диссертации «Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы» я применял в качестве дополнительного подхода приемы структурного анализа, наряду с традиционным. Так что цель моя заключается, скорее, в том, чтобы логически упорядочить ряд специфических моментов, возникающих при типологическом анализе палеолитических индустрий, которые хотя и были известны типологам, но постоянно оставались за рамками их целенаправленного внимания.

3. Типологический анализ: основные таксоны и методические трудности

3.1. Общие положения

Прежде всего необходимо остановиться на определении тех узловых таксонов, которыми руководствуется типолог при анализе коллекций верхнепалеолитических орудий.

Анализируя коллекцию каменных изделий памятника, типолог (как и технолог, и трасолог) стремится представить результаты в виде систематизированного, логически упорядоченного целого. Для выражения этого целого служит понятие «*индустрия*»: упорядоченная совокупность технико-типологических характеристик каменного инвентаря памятника. Это комплексное понятие: в полной мере оно может быть раскрыто только на основе результатов всех трех методов анализа каменного инвентаря. Представление об индустрии, полученное на основе одного лишь типологического метода, хотя бы и дополняемого произвольными суждениями о технологии, неизбежно является односторонним и неполным.

3.2. Таксоны «верхнего уровня» (категории, технико-морфологические группы, технические группы)

В настоящее время в типологии каменных орудий достаточно четко выделяются два таксономических уровня, которые так или иначе проявляются в любых типологически ориентированных классификационных схемах, выступая как «естественные» таксоны. Для обозначения верхнего уровня обычно используют термин «категория», для обозначения нижнего — «тип». «Категория» как понятие не определена; на практике категориями называют и такие группировки, как скребки, резцы, скребла, и такие, как «ретушированные пластины», «отщепы со следами ретуши или изношенности», «неопределенные фрагменты орудий» и пр. В определениях понятия «тип» недостатка нет, но нет и единства взглядов. Однако принципиальная значимость этих двух видов группировок интуитивно ощущается всеми типологами.

Пытаясь определить содержание группировок верхнего таксономического уровня, я пришел к выводу, что для этого необходимо использовать не одно, а два понятия и отказаться по этой причине от термина «категория». Основным понятием здесь выступает «*технико-морфологическая группа*» (ТМГ), а вспомогательным — «*техническая группа*» (ТГ).

ТМГ объединяет орудия, которые при многообразии конкретных форм обладают устойчивым сочетанием немногих признаков, обеспечивающим их определенное общее сходство и обусловленным, с одной стороны, функциональной необходимостью (см.: [Гирия, 1991. С. 122]), а с другой — технологическим воплощением этой необходимости.

Орудия одного назначения, но разных технологических уровней относятся к разным ТМГ. Например, ряд орудий, одинаково предназначенных для письма: стило, гусиное перо, автоматическая ручка, шариковая ручка, пишущая машинка, текстовый процессор. Таким образом, понятие ТМГ в принципе пригодно и для описания живой культуры окружающего нас мира вещей.

Однако в палеолитических индустриях, в силу «разрыва в традициях» [Клейн, 1978. С. 61] ТМГ далеко не всегда выступают для нас как исходная данность; их выделение часто требует значительных усилий и далеко не всегда бывает безошибочным. Правда, в палеолитоведении хорошо известны группировки, вполне отвечающие этому понятию: скребки, листовидные двусторонние острья, острья с притупленным краем и проч. Но не менее известны случаи, когда статус таксона неясен. Как, например, в совокупности изделий с резцовыми сколами выделить собственно «резцы»? Сложности такого рода — одна из причин введения вспомогательного понятия: «техническая группа».

ТГ — это группа орудий, объединенных по одному хорошо выраженному признаку, традиционно трактуемому типологами как «прием вторичной обработки»: *резцовый скол, подтеска, вертикальная краевая ретушь, плоская покрывающая ретушь и т. п.*

Вторая причина введения этого понятия в типологический анализ — это наличие в коллекциях такого рода обломков орудий (например фрагментов изделий с притупленным краем), которые невозможно безошибочно отнести к одной из известных ТМГ (в данном случае — к пластинкам или острьям с притупленным краем), но которые, тем не менее, важно описать в одной группе, т. е. объединить все эти изделия по признаку, фиксируемому и на обломке.

По определению понятие ТМГ шире, чем ТГ. В принципе можно было бы выделить два иерархических уровня, из которых верхний (ТГ) выступал бы как связующее звено между областями типологического и технологического анализов — и соответствующим образом упорядочить тип-лист. Однако в ходе подготовки своей докторской диссертации я при составлении тип-листа для индустрий ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы не стал этого делать в полной мере по следующим причинам:

1. При сопоставлении типологических разработок, проводимых разными археологами, важна не столько идеальная логическая упорядоченность какой-то одной из них, сколько взаимопонимание. Первой можно иногда пожертвовать во имя второго.

2. Для работы с индустриями ранней поры верхнего палеолита мне было важно организовать тип-лист таким образом, чтобы группировки орудий, традиционно рассматриваемые как «типично верхнепалеолитические» и «архаичные», не смешивались между собой, что неизбежно случилось бы, попытайся я довести упомянутую выше иерархию до логического завершения.

3. Для успешной работы в этом направлении необходимо подойти к понятию ТГ не столько с типологических, сколько с технологических позиций, а это выходит за рамки моей профессиональной компетенции. Не сомневаюсь, что в конце концов, когда анализ каждой коллекции каменных артефактов будет проводиться всеми тремя методами, причем на профессиональном уровне, поднятая проблема вновь встанет на повестку дня и будет по возможности разрешена до конца.

3.3. Типы и подтипы

Для типолога важны не столько сами по себе ТМГ и ТГ как весьма общие, абстрактные дефиниции, сколько те конкретные формы, в которых в разных индустриях воплощалась общая идея «скребка», «острия», «наконечника» и проч. Не каждая ТГ/ТМГ и не в каждой индустрии должна обязательно подразделяться на «естественные» группировки. Так, орудия с подтеской, зубчато-выемчатые орудия и некоторые другие в большинстве индустрий выступают как единое целое, членить которое можно только искусственно. Но, в первых, для сравнительного анализа необходимо установить специфические характеристики этой единой совокупности, поскольку в разных индустриях характеристики одинаковых ТГ и ТМГ могут существенно различаться. Во-вторых, для сравнительного анализа бывает полезным и выделение искусственных группировок, отражающих вариабельность распределения тех или иных признаков в пределах единой совокупности. Не следует только путать подобные группировки с «естественными» таксонами.

В большинстве случаев в пределах ТГ/ТМГ выделяются естественные группировки, различные по объему и содержанию, находящиеся в самых разных соотношениях друг с другом. Любой типолог выделяет такие группировки на практике, хотя нередко затрудняется их определить: в содержательном их определении много неясного.

Обычно наибольший интерес вызывают «типы». В моем понимании *тип* — это преднамеренно заданная целостная форма, сложившаяся и развивающаяся в пределах определенной АК как одно из проявлений традиций, свойственных этой культуре. Во времени, в пределах «своей» культуры, типы развиваются по определенным законам, успешное раскрытие которых должно базироваться не столько на археологических, сколько на культурно близких нам материалах, дающих несравненно более полную информацию. В этом отношении до сих пор непревзойденными остаются разработки Дэвида Кларка [Clarke, 1968].

С типом неразрывно связана еще одна «естественная» группировка — *подтип*, отражающая тот момент в развитии типа, когда его форма становится особенно популярной, «модной», что выражается не только в увеличении количества изделий такой формы и росте их стабильности, но и в увеличении числа вариантов, каждый из которых отличается на данной стадии своего развития еще большей стабильностью, чем вся группа в целом. Таким образом, для меня, в принципе, понятия «тип» и «культурный тип» тождественны. Точнее, я стремлюсь называть «типами» только такие и именно такие формы, которые можно более или менее аргументированно атрибутировать как «культурные типы» древности, — разумеется, рассматривая последние не как эквиваленты «древней номенклатуры», но как результаты определенных поведенческих стереотипов, культурных традиций.

3.4. Проблема «типологического остатка»

Далеко не все палеолитические изделия с вторичной обработкой можно целиком и полностью разделить на ТГ и ТМГ: в процессе такой работы неизбежно возникает «типологический остаток». Тем более это относится к типам: не только невозможно каждую ТГ и ТМГ без остатка разложить на типы — существуют такие ТГ и ТМГ, для которых выделение типов вообще представляет собой очень редкое исключение. К ним, например, относятся ТМГ долотовидных орудий с чешуйчатой подгеской, скребел, ТГ резцов и зубчато-выемчатых орудий. И напротив, для ТМГ листовидных двусторонне обработанных острий, острий с притупленным краем, геометрических микролитов наличие «полноценных» типов — обычное явление.

3.5. Проблема определения «промежуточных группировок»

Названные таксоны далеко не исчерпывают многообразия форм каменных орудий. Так, например, классификационные единицы, с помощью которых обычно описываются резцы («резцы боковые», «угловые», «срединные» или «двугранные», «поперечные» или «трансверсальные»), явно представляют собой нечто среднее между уровнем ТГ/ТМГ и уровнем типа. Дать определение группировкам такого рода в качестве «естественных» таксонов очень трудно. Сложности усугубляются тем, что предметы, группируемые в такого рода таксоны по одному сочетанию признаков, по другому сочетанию могут распределяться совершенно иначе, причем эти два (три и более) распределения невозможно поставить в иерархическое соподчинение друг с другом. Отсутствие ясности в этом вопросе тем более досадно, что палеолитовед на практике гораздо чаще имеет дело с группировками такого рода, нежели с типами и подтипами.

Проблема отделения «типа» от «не-типа», учитывая сказанное, актуальна и очень непроста. В идеале нужно было бы следовать здесь правилу: *тип — это такая форма, которая развивается по законам развития типа*. Но на практике этому препятствует не только то, что сами «законы развития типа» едва ли можно считать окончательно установленными, но и крайняя фрагментарность наших знаний о конкретных типах палеолитического инвентаря, чье развитие протекало в рамках определенных культурных традиций (АК). Приходится следовать иному правилу, а именно: определять группу сходных изделий как тип. Для этого тем больше оснований, чем:

- а) в большей степени их форма достигнута посредством специальных приемов обработки;
- б) стандартнее предметы, входящие в эту группу;
- в) в большем количестве предметы такого рода обнаружены в изучаемой индустрии;
- г) заметнее они подразделяются на подтипы, еще более стабильные, чем вся группа в целом.

4. Структурный анализ археологических культур

4.1. Элементы и их обоснование

Какой же из названных таксонов должен выступать в качестве узлового при структурном анализе палеолитических индустрий? Может быть, все они непригодны для этой цели и нужно срочно изобретать что-то новенькое? Последний вариант представляется мне неприемлемым, так как в этом случае мы получаем дополнительный «разрыв в традициях»: не только «между далеким прошлым и нашим временем», но и между всей совокупностью достижений типологии палеолита, с одной стороны, и предлагаемым новшеством — с другой. Нет, определение структурного элемента следует искать среди уже известных таксонов.

При методике выделения АК, ориентированной на дискретность таксонов, важнейшим (а в некоторых разработках — единственно значимым) понятием выступает «тип». Так, может быть, в качестве структурных элементов следует использовать именно типы? Нет, с этим нельзя согласиться уже потому, что полноценные типы в палеолитических индустриях слишком немногочисленны. Но главное даже не в этом. Для того чтобы не только определить структуру той или иной индустрии, но и сравнить эти структуры друг с другом, необходимо, чтобы и элементы, и связи были *общезначимы* в разных индустриях. Типы же, выражающие прежде всего конкретную культурную специфику, уже в силу этого не эквивалентны в разнокультурных индустриях. Выбрав их в качестве структурных элементов, мы тем самым не дополним дискретный подход к выделению археологических культур структурным анализом, а лишь *перепишем* первый в структурной терминологии. Едва ли такая процедура необходима и полезна.

Еще меньше оснований обращаться с этой целью к неопределенным «промежуточным» дефинициям: в основу какого бы то ни было анализа нельзя ставить нечто неопределенное, аморфное. Еще хуже — пытаться терминологически замаскировать эту неопределенность, придумав для такого рода дефиниций какое-либо название («надтип», «субкатегория» или что-нибудь еще).

Таким образом, наиболее подходящими кандидатами на роль структурных элементов являются таксоны, которые были определены двумя понятиями: «технико-морфологическая группа» (ТМГ) и «техническая группа» (ТГ). Напомню, что в большинстве работ, связанных с типологическим анализом палеолитических индустрий, классификационные ячейки, приблизительно отвечающие этому уровню, обычно именуются «категориями», так что, несмотря на терминологические разночтения, здесь нет того «разрыва в традициях» между предшественниками и современными типологами, которого я всячески стремлюсь избежать.

Соответствующее применение ТГ и ТМГ определяется основными особенностями этих таксонов: с одной стороны, они действительно всеобщие для разнокультур-

турных индустрий, а иногда — даже для разных эпох (скребки, например, фиксируются от ашеля до эпохи железа). С другой стороны, в своих конкретных проявлениях в конкретных индустриях они обнаруживают большое количество технико-морфологических признаков и их сочетаний, среди них выделяются и такие, которые можно использовать в качестве связующих звеньев между разными ТГ и ТМГ одной индустрии.

Но для того, чтобы использовать данные таксоны в такой роли, необходимо предварительно составить их список — тип-лист по ТГ/ТМГ, где за каждой единицей анализа должен быть закреплен порядковый номер, определяющий фиксированное положение данного элемента в разных структурах. Кстати, такого рода работа полезна и для обычного («дискретного», как я его называю) типологического анализа: это достаточно ясно для любого типолога и не нуждается в специальной аргументации. Поскольку предлагаемый мной структурный подход отработывался не столько теоретически, сколько на практике, при анализе индустрий ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы, постольку и предлагаемый ниже тип-лист составлен именно для этой цели. Уже поэтому он не может рассматриваться как нечто универсальное, пригодное для работы с индустриями любых эпох и территорий. Прежде чем привести этот тип-лист, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

1. Для типологического анализа массив данных, определяемых как «орудия», должен быть ограничен изделиями, имеющими четкую вторичную обработку. Естественно, эта совокупность не тождественна той, что определяется как «орудия» при трасологическом анализе.

2. Далеко не всегда можно отделить преднамеренную ретушь от следов износа в процессе использования необработанной заготовки, а иногда и от естественных повреждений. Тенденция включать в круг типологически анализируемых орудий все вещи, имеющие хоть какое-то подобие вторичной обработки, ошибочна: поступая так, исследователь только затрудняет задачу определения закономерностей преднамеренного формообразования, засоряя свое поле деятельности посторонними примесями, «шумом». Мой принцип отбора исходных для типологического анализа данных прямо противоположен: *все сомнительные предметы сразу же исключаются из общего списка!*

3. По выделенным ТГ и ТМГ распределяются отнюдь не все изделия с вторичной обработкой: «типологический остаток» возникает за счет заготовок со следами ретуши, неопределимых обломков орудий, а также некоторых специфических форм, не попадающих ни в одну из перечисленных групп. При анализе конкретных индустрий подобные формы рассматриваются в разряде «прочие» и в структурном анализе участия не принимают.

4. Основные номера (римские цифры) присваиваются как ТМГ, так и ТГ — в тех случаях, когда внутреннее членение ТГ на ТМГ не определено (III — рез-

цы) или когда для сравнительного анализа важны совокупные характеристики ТГ (VIII — изделия с притупленным краем, X — двусторонне обработанные, XVI — зубчато-выемчатые).

В большинстве случаев описываемые ТГ и ТМГ традиционно выделяются в палеолитоведении в качестве «категорий» и требуют минимального уточнения. Но в одном случае (IV — стамески) предлагается новая дефиниция, выделение которой обосновывается более детально.

4.2. Элементы: тип-лист по ТГ и ТМГ

I. Скребки: ТМГ. Определяются наличием более или менее выпуклого лезвия, как правило, расположенного на концах пластин и пластинчатых отщепов («концевые скребки»), но иногда охватывающего большую часть или даже весь периметр заготовки («округлые скребки»). Ретушь крутая или полукрутая, но не вертикальная, обычно заходящая на поверхность заготовки. Характерна, но не обязательна конвергентность: сходимость фасов ретуши к одной или двум точкам. Скребки на отщепах в массе отличаются от скребел меньшими размерами, а также протяженностью и степенью выпуклости лезвия, но во многих индустриях такие скребки тесно связываются со скреблами переходными формами.

II. Орудия с усеченными концами: ТМГ. Выполнялись почти исключительно на пластинах и пластинчатых отщепах. Определяющий группу технико-морфологический элемент охватывает только конец заготовки, отличаясь от скребковых лезвий формой (обычно прямая или слабоогнутая) и характером ретуши (очень крутая или вертикальная).

III. Резцы (правильные — «резцевидные»): ТГ. Определяющий признак — наличие на предметах резцового скола. Задача выделения из этой общей совокупности собственно резцов стоит перед типологами уже около 100 лет, но удовлетворительного решения не имеет [Brézillon, 1968. P. 175—176]. Резцовый скол как технический прием употреблялся в самых разных целях, и в большинстве случаев у типологов нет достаточных оснований для отделения орудий, у которых «резцовая рабочая кромка» («двугранный угол») сформирована преднамеренно, от орудий, у которых этот элемент образовался попутно, тогда как мастер, снимая резцовый скол, преследовал совершенно иные цели. Целесообразно рассматривать термин «резцы» как заведомо условный и стремиться исключать из данной ТГ такие группировки, относительно которых можно доказать, что, несмотря на наличие резцовых сколов, резцами они не являются. Это было сделано при выделении клиновидных нуклеусов, которые можно формально трактовать и как «многофасеточные резцы». Ниже в особую ТМГ «стамесок» выделяется ряд специфических изделий с плоскими резцовыми сколами, которые другие авторы относят к «боковым резцам».

IV. Стамески: ТМГ. Эти орудия выполнялись, как правило, на более или менее массивных заготовках (пластина, отщеп), у которых ретушью или сколом (сколами) на концах оформлялось лезвие с прямой в плане кромкой, обычно желобчатое, выделенное с вентральной стороны плоскими резцовыми сколами по одному или двум краям, значительно реже — плоской вентральной ретушью. Иногда лезвие с вентральной стороны не выделяется; такие орудия рассматриваются как атипичные стамески.

V. Проколки: ТМГ. Любая заготовка, у которой ретушью выделено «жальце».

VI. Острия: ТМГ. Эта ТМГ включает далеко не все орудия с преднамеренно выделенным острым концом. Их необходимо отделять, во-первых, от острий, составляющих иные ТМГ, как оформленные особыми техническими приемами (острия с притупленным краем, острия с плоской двусторонней ретушью). Во-вторых, их нужно отделять от «остроконечников» или «мустьерских острий».

Итак, острия — это орудия, выполненные на типично верхнепалеолитических пластинах или пластинчатых отщепках, у которых края, ретушированные полностью или частично, крутой или полукрутой ретушью, сходятся в одну точку. Возможна вентральная подтеска конца плоской ретушью; в этом случае дорсальная ретушь, формирующая острие, может охватывать только один край. Вопрос о том, считать ли острия на небольших отщепках «атипичными остриями» или «остроконечниками», должен решаться не «вообще», а исходя из особенностей конкретных индустрий.

VII. Ориньякские пластины: ТМГ. К ним следует относить только крупные, достаточно массивные пластины, края которых обработаны регулярной, обычно чешуйчатой ретушью, далеко заходящей на поверхность заготовки. Кромка краев прямая или образует широкую выемку (выемки): «пластины с перехватом». Выполненные на таких пластинах скребки и острия относятся к соответствующим ТМГ (I и VI) на правах типов.

VIII. Орудия с притупленным краем: ТГ. Определяющий признак — вертикальная краевая ретушь. Основной массив этой ТГ составляют микроорудия. Но в граветтоидных индустриях, где определяющий признак особенно развит, заметными сериями представлены и орудия на более крупных пластинах. Микроорудия с невыразительной краевой ретушью входят в данную ТГ как «атипичные». Они либо свидетельствуют о неразвитости микроинвентаря (например в тех ориньякоидных индустриях, где таковой имеется), либо являются отклонениями от более четко оформленных орудий. В пределах орудий с притупленным краем выделяются три ТМГ:

а) собственно пластинки с притупленным краем и необработанными или обработанными, но не формирующими острия концами;

б) острия с притупленным краем;

в) геометрические микролиты.

IX. Орудия с подтеской: ТГ. Определяющий признак — очень плоские с заломом фасы по одной или

двум сторонам заготовки. Иногда, на более или менее массивных заготовках, фасы подтески короткие и направлены под некоторым углом к кромке. В большинстве случаев прием подтески («чешуйчатой подтески») присущ особой ТМГ, иногда именуемой «долотовидными» или «чешуйчатыми орудиями», но чаще французским термином: «*pièces escailées*». Но известны и такие изделия с подтеской, которые в данную ТМГ не могут быть включены. При расширительной трактовке термина «подтеска» сюда же, на правах особой ТМГ, включаются так называемые «ножи костенковского типа».

X. Двусторонне обработанные орудия: ТГ. Определяющий признак — плоская двусторонняя ретушь, покрывающая всю поверхность заготовки или большую ее часть. Выделяются три ТМГ:

а) острия (включая наконечники);

б) ножи: орудия с выраженным обушком или с резкой асимметрией краев, независимо от наличия или отсутствия острого конца;

в) овальные, округлые, рубилообразные бифасы, обычно отличающиеся большей массивностью по сравнению с первыми двумя ТМГ.

XI. Ножи: ТМГ. Данную ТМГ характеризует сочетание двух элементов: обушка и противопоставленного ему острого края, из которых хотя бы один должен быть выполнен вторичной обработкой. Обушковые формы, у которых противоположный край оформлен односторонней полукрутой или плоско-выпуклой ретушью, относятся к скреблам.

XII. Скребла: ТМГ. В мустьерских и домустьерских индустриях к скреблам относят практически любую заготовку с выраженной ретушью по длинному краю. Если соблюдать этот принцип для верхнепалеолитических индустрий, то скребла стали бы там одной из самых представительных групп — за счет пластин и пластинчатых отщепов с краевой ретушью. Пришлось бы вводить особый термин для обозначения орудий архаичного облика, которые могут нести информацию о связях с мустьерскими индустриями. Во избежание этого «скреблами» в верхнепалеолитических комплексах называют далеко не каждое изделие с протяженной краевой ретушью. Необходимо соблюдение, по крайней мере, двух условий: 1) заготовка, на которой выполнено скребло, должна отличаться от типично верхнепалеолитических заготовок — быть более крупной, «грубой», выглядеть более «архаичной»; 2) ретушь, идущая по длинному краю, должна быть достаточно регулярной и протяженной.

XIII. Остроконечники: ТМГ. Остроконечники («мустьерские острия»), как и скребла, — это орудия, выполненные на заготовках, имеющих архаичные черты, отличные от типично верхнепалеолитических. Краевая ретушь придает орудиям подтреугольные очертания. По сравнению с верхнепалеолитическими остриями, остроконечники отличаются укороченными пропорциями при более крупных размерах. Решение великого вопроса о типологической границе между остроконечниками и конвергентными скреблами при структурном подходе не является сколько-нибудь значи-

мым. Можно ориентироваться на отношение острия к длинной оси заготовки. Можно — на морфологию ретушированных краев (равноценные — значит, остроконечник; один выпуклый, второй прямой или вогнутый — конвергентное скребло). В любом случае, наличие в индустрии конвергентных скребел и остроконечников свидетельствует о наличии в ее структуре связи между ТМГ XII и XIII.

XIV. Лимасы: ТМГ. Двуконечные, достаточно узкие острия, выполненные на массивных заготовках сплошной крутой, далеко заходящей на поверхность ретушью. В верхнепалеолитических индустриях редки.

XV. «Кэнсоны»: ТМГ. Эти специфические орудия были выделены А. де Люмлеем [Lumley et Bottet, 1960]. Они редки не только в верхнепалеолитических, но и в более ранних индустриях. Представляют собой подтреугольные в плане и поперечном сечении орудия, у которых широкая грань обработана плоской встречной ретушью, а сходящиеся друг с другом более узкие грани, как правило, не обработаны.

XVI. Зубчато-выемчатые орудия: ТГ. Название говорит само за себя: это изделия с выемками или зубцами по краю, полученными посредством хорошо выраженной вторичной обработки или неотличимыми от нее следами интенсивной утилизации. Есть основания рассматривать зубчатые и выемчатые орудия как самостоятельные ТМГ, но во многих индустриях они представляют собой нерасчленимое единство. В качестве третьей ТМГ здесь следует рассматривать так называемые «клювовидные орудия».

XVII. Грубые «рубящие» орудия. Как правило, изделия подобного рода изготавливались на гальках, реже — на крупных осколках. Они хорошо известны в домостерских индустриях. Вместе с тем отмечу, что и в ряде верхнепалеолитических индустрий Восточной Европы (не говоря уже о Северной Азии) их присутствие отнюдь не случайно.

Группы I—IX трактуются мною как типично верхнепалеолитические, XII—XVII — как архаичные. Соответствующая интерпретация групп X—XI определяется конкретным контекстом.

4.3. Связи: общие положения

В начале статьи я отмечал, что довольно часто встречающаяся в практической работе типологов «размытость» границ между таксонами не может объясняться исключительно нашими ошибками и неточностями в определениях дефиниций. Эта размытость — важнейшая характеристика индустрий, отражающая объективные стороны деятельности по производству каменных орудий и их использованию, и поэтому она обязательно должна учитываться в ходе типологического анализа. Именно она позволяет сделать следующий шаг в типологии и приступить к внедрению в нее принципов структурного анализа, введя понятие «связь».

Под связью в данном случае понимается все то, что соединяет, делает похожими изделия, относящиеся к заведомо разным таксонам: ТГ и ТМГ (межгрупповые связи) или типам и иным группировкам в пределах одной ТМГ/ТГ (внутригрупповые связи).

Поскольку в качестве структурных элементов здесь выступают ТГ и ТМГ, структуры индустрий будут строиться с опорой на межгрупповые связи.

Выше отмечалось, что первым в отечественном палеолитоведении, кто попытался поставить межгрупповые связи во главу угла при анализе конкретной индустрии, был А. А. Сеницын. Можно только пожалеть, что за его небольшой статьей, посвященной кремневому инвентарю Костенок 16, не последовали более обширные публикации, в которых основополагающий принцип подхода к набору орудий как к «логической целостности, системности» [Сеницын, 1981. С. 33] был бы разработан более детально.

4.4. Связи: конкретные характеристики

Исходя из тех же общих идей, что и А. А. Сеницын, я иначе подхожу к определению связей, с помощью которых индустрия должна предстать в виде упорядоченной структуры. Совокупный опыт работы с коллекциями позволяет не только выявить, выделить предварительно основные типы межгрупповых связей, но и конкретизировать наиболее часто встречающиеся формы их проявления. Я выделяю шесть основных типов межгрупповых связей, обозначая их буквами латинского алфавита.

А. Переходные формы. Наиболее «понятная» для типолога связь через типологический ряд, на концах которого фиксируются орудия заведомо разных ТГ/ТМГ, а в середине — вещи, которые трудно безоговорочно отнести к одному из этих двух таксонов. В частности, этот тип связей выражает сходство между остроконечниками и конвергентными скреблами, между скребками на отщепе и скреблами.

В. Связи переоформления. Заключаются в переделке орудий одной ТГ/ТМГ в орудия иных таксонов. При работе с коллекциями особенно важно установить повторяемость, устойчивость связей этого типа.

С. Связи комбинирующие. Определяются сочетанием на одной заготовке орудий, относящихся к разным ТГ/ТМГ. Выражаются в хорошо известных типологам так называемых «комбинированных орудиях» (скребки-резцы, скребки-проколки и проч.).

Д. Связи технические. Определяются наличием у орудий разных ТГ/ТМГ признака, обычно отождествляемого типологами с «техническим приемом» (резцовый скол, вертикальная краевая ретушь, подтека и проч.). Необходимо подчеркнуть, что в предлагаемых здесь разработках этот вид связей вполне «типологичен» и не должен отождествляться с «технологиче-

скими связями», устанавливаемыми в рамках технологического анализа [Гиря, 1991. С. 121—122]. Следует отметить и то, что некоторые «технические связи» (например через полукруглую краевую ретушь) имеют столь всеобщий характер, что их практический учет едва ли имеет смысл.

Конкретные воплощения каждого типа связей достаточно разнообразны. Здесь полезно отметить заранее наиболее часто встречающиеся формы воплощения, закрепляя за ними порядковый номер. Для типа «D» они следующие: D1 — усеченный конец; D2 — подтеска; D3 — плоская ретушь; D4 — вертикальная ретушь. Список может быть продолжен.

Е. Связи морфологические. Проявляются через одинаковый или близкий морфологический элемент, присутствующий у орудий разных ТГ/ТМГ. Основные формы воплощения: E1 — усеченный конец; E2 — зубчато-выемчатые элементы: зубчатость, выемка, шип, клюв; E3 — конец, обработанный в виде «скребка»; E4 — острие, образованное двумя сходящимися ретушированными краями; E5 — обушок.

Ф. Связи формообразующие. Связь заключается в том, что целостная форма, воплощенная обычно в каком-то типе, особенно развитом в данной культуре, повторяется в иных ТГ/ТМГ, образуя иные типы. Так, например, в костенковско-стрелецкой культуре две формы: треугольник и овал, воплощенные в конкретных типах наконечников, скребков, скребел и ножей. Ими я и ограничиваю заранее выделенные формы воплощения данного типа связей: F1 — треугольник; F2 — овал, круг.

4.5. Графическое выражение структуры индустрии

Связи в совокупности с элементами, в качестве которых выступают ТГ/ТМГ, образуют структуру индустрии. Наиболее наглядная форма изображения такой структуры — графы, в которых вершинами являются ТГ/ТМГ, а ребрами — конкретные формы межгрупповых связей.

Обратим внимание на следующее. Связи типа «А», «В» и «С» соединяют ТГ/ТМГ в основном попарно, поскольку на одной заготовке, как правило, сочетается не более двух орудий (связь «С»), переоформление орудия одной ТГ/ТМГ не осуществляется сразу в два новых, но лишь в одно (связь «В»), да и переходными формами обычно связываются не более двух ТГ/ТМГ одновременно (связь «А»). Исключения возможны, но они очень редки и должны оговариваться особо. Графы, изображающие такого рода связи, представляют собой так называемые «деревья». В специальной литературе «деревом» называется всякий граф, не имеющий цикла» [Березина, 1979. С. 10].

Связи типа «D», «E», «F», в каком бы количестве ТГ/ТМГ они ни фиксировались, всегда соединяют каждую с каждой из этих ТГ/ТМГ, и графическое выра-

жение этих трех типов связей всегда представлено полным графом. По определению, «граф называется полным, если каждые две различные вершины его соединены одним и только одним ребром» [Там же. С. 10].

Как же изображать структуру индустрии в целом? Вполне допустимо выражать ее в виде серии «одноцветных» графов, каждый из которых представляет одну и только одну конкретную форму связи. Но в этом случае запись получается очень громоздкой и в то же время она не дает наглядного представления о структурном единстве индустрии. Поэтому я стараюсь объединять разные формы связей в одном графе (в результате чего получается граф с цветными ребрами⁶), руководствуясь лишь одним: построенный граф должен достаточно легко читаться всяким, кто заинтересован в его прочтении. Когда связей мало — удается выразить всю структуру индустрии в виде одного графа с цветными ребрами, но чаще приходится для одной индустрии строить несколько графов. Во втором случае, естественно, разделяются прежде всего связи типа «А», «В» и «С», с одной стороны, и типа «D», «E», «F» — с другой. Для связей типа «А», «В» и «С» удобно заранее ввести графические обозначения: для «А» — в виде двойной стрелки (взаимный переход): ↔; для «В» — в виде вектора, направленного от той ТГ/ТМГ, орудия которой в рассматриваемой индустрии подверглись переоформлению, к той, в которую они были переоформлены: →; для «С» — в виде знака «+» с протяженной горизонтальной чертой (соединение).

Конкретные формы связей типа «D», «E», «F» (цвета ребер) обозначаются соответствующими индексами («D1», «D2», «D3» и т. д.) или же вводятся соответствующие графические обозначения.

5. Структурные характеристики ряда археологических культур ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы

Разработка и одновременная проверка структурного подхода к анализу верхнепалеолитических каменных индустрий осуществлялась мной в ходе работы с памятниками ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Чтобы показать, как конкретно осуществлялся структурный анализ индустрий и в чем состоит его значение для выделения АК, я приведу некоторые, на мой взгляд, достаточно показательные, примеры. Таковыми, в первую очередь, станут структурные характеристики костенковско-стрелецкой АК...⁷

⁶ «Для удобства на рисунках графов ребра, соответствующие одному отношению, окрашивают в один цвет, ребра, соответствующие другому отношению, в другой цвет и т. д. Такие графы называются графами с цветными ребрами» [Березина, 1979. С. 51].

⁷ Статья не была закончена из-за смерти автора.

Список литературы

- Аникович, 1989: *Аникович М. В.* Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. 1989. № 4.
- Аникович, 1991: *Аникович М. В.* Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1991.
- Аникович, 2003—2004: *Аникович М. В.* Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // SP. 2003—2004. № 1.
- Аникович, 2007: *Аникович М. В.* А. Н. Рогачев и «конкретно-исторический подход» в палеолитоведении // РА. 2007. № 4.
- Аникович и др. 2006: *Аникович М. В., Попов В. В., Аниюткин Н. К., Хоффекер Дж. Ф., Холлидей В. Т., Форман С. Л., Картер Б., Ловлие Р., Дудин А. Е., Кузьмина И. Е., Платонова Н. И., Макаров С. С.* Новые данные о хроностратиграфии многослойной стоянки Костёнки I (стоянка Полякова) // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костёнках). СПб., 2006.
- Артамонов, 1971: *Артамонов М. И.* Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
- Березина, 1979: *Березина Л. Ю.* Графы и их применение. Пособие для учителей. М., 1979.
- Борисковский, 1957: *Борисковский П. И.* Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины // МИА. 1957. № 59.
- Борисковский, 1963: *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костёнках // МИА. 1963. № 121.
- Борисковский, 1984: [*Борисковский П. И.*]. Введение. Краткая история изучения палеолита. Обзор источников // Палеолит СССР. М., 1984.
- Брюсов, 1952: *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Васильев, 1996: *Васильев С. А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996.
- Васильев, 2008: *Васильев С. А.* Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб., 2008.
- Гиря, 1991: *Гиря Е. Ю.* Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня // СА. 1991. № 3.
- Гиря, 1997: *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб., 1997.
- Гладких, 1973: *Гладких М. И.* Поздний палеолит лесостепного Приднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973.
- Григорьев, 1970: *Григорьев Г. П.* Верхний палеолит // МИА. 1970. № 166.
- Захарук, 1980: *Захарук Ю. Н.* Об одной концепции археологической культуры // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев, 1980.
- Иванова, 1985: *Иванова М. А.* Структура Гмелинского палеолитического поселения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Каменецкий, 1970: *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2.
- Кардаш, 2007: *Кардаш О. В.* Культура абorigенного населения бассейна реки Надым конца XVI—первой трети XVIII в. (по материалам раскопок Надымского городка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
- Клейн, 1970: *Клейн Л. С.* Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2.
- Клейн, 1978: *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л., 1978.
- Клейн, 1991: *Клейн Л. С.* Археологическая типология. Л., 1991.
- Клейн, 2011: *Клейн Л. С.* История археологической мысли: в 2 т. Т. 1. СПб., 2011.
- Лотман, 1996: *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста // О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
- Маркарян, 1981: *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2.
- Рогачев, 1953: *Рогачев А. Н.* Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины // МИА. 1953. № 39.
- Рогачев, 1957: *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костёнковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59.
- Рогачев, 1967: *Рогачев А. Н.* Некоторые проблемы изучения палеолита Европы // ТД Всесоюз. сес., посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1966, г. Кишинёв. Кишинев, 1967.
- Рогачев, 1969: *Рогачев А. Н.* Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.
- Рогачев, 1973: *Рогачев А. Н.* Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине // Антропологические реконструкции и проблемы палеоэтнографии: Сб. науч. ст. памяти М. М. Герасимова. М., 1973.
- Рогачев, 1973а: *Рогачев А. Н.* Каменные орудия как исторический источник // КСИА. 1973. Вып. 137.
- Рогачев, 1975: *Рогачев А. Н.* О предмете и методе первобытной археологии // КСИА. 1975. Вып. 152.
- Синицын, 1981: *Синицын А. А.* О кремневом инвентаре стоянки Костенки 16 (Углянка) // КСИА. 1981. Вып. 165.
- Смирнов, 1964: *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4.
- Фосс, 1952: *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.
- Холошук, 1981: *Холошук Ю. П.* Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии. Новосибирск, 1981.
- Черныш, 1977: *Черныш А. П.* Многослойная стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV на Среднем Днестре. М., 1977.
- Bordes, 1953: *Bordes F.* Essai de classification des industries 'Mousteriennes'. Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise 89, 1953.
- Bordes, 1961: *Bordes F.* Mousterian Cultures in France // Science. 1961. N. 134.

Bordes, 1961a: *Bordes F.* Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Delmas: Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. Mémoire n° 1. 1961.

Bordes, 1968: *Bordes F.* The Old Stone Age. New York, 1968.

Brézillon, 1968: *Brézillon M.* La denomination des objets de pierre taillée. IV Suppl. a «Gallia Préhistoire». Paris, 1968.

Clarke, 1968: *Clarke D. L.* Analytical Archaeology. London, 1968.

Lumley et Bottet, 1960: *de Lumley H., Bottet B.* Sur l'évolution des climats et des industries au Riss et au Wurm d'après le remplissage de La Baume Bonne (Quinson, Basses Alpes), 1960.

Rogatchev, 1964: *Rogatchev A. N.* Principal results and problems in the study of the palaeolithic of the Russian Plain // Arctic Anthropology. Toronto, 1964. Vol. 2. 1.

Sonneville-Bordes, 1960: *de Sonneville-Bordes D.* Le Paléolithique Supérieur en Périgord. Bordeaux, 1960.

IN MEMORIAM

В. М. Петров

Академия социально-педагогических наук, Москва

О МИШЕ АНИКОВИЧЕ

В чёрно-белой нашей юности мы были погодками: Миша старше, я младше. Так и останется навсегда. После его ухода ничто не может измениться.

Оба мы родились в Томске, вместе учились в школе на Юрточной горе, где до прихода русских было стойбище татарского хана. Потом на месте бывших юрт построили православный монастырь, который при нас уже был переделан в педучилище. Вот здесь — среди полуразрушенных стен и обломков каменного собора — проходили наши детские игры. Мы воображали себя мушкетёрами в цветных одеждах. Лишь много позже мы узнали, что резвились в святом месте, намоленном старцем Феодором Томским — Фёдором Кузьмичом. Сейчас там опять церковь. И мощи старца хранятся в ней. Совсем недавно они были явлены миру заново — трудами томского профессора-археолога Людмилы Александровны Чиндиной. Впрочем, это теперь она профессор: мы-то с Мишей запомнили молодую аспирантку с огромным рюкзаком за плечами, возглавлявшую археологическую разведку по таёжной реке Шайтанке...

В 1965 г. я перешёл в десятый класс, а Миша в одиннадцатый. Пора было браться за ум, надвигалась взрослая жизнь. Благодаря образовательной реформе выпускными оказались оба класса — и его и мой. По всей стране двойной выпуск, а мест в вузах не прибавилось. Оба мы метили в Университет, для меня это было безумным предприятием, для Миши — обдуманым, единственно верным шагом.

Императорский Томский университет, открытый в 1888 г., дал нашему городу в начале следующего века устойчивое прозвище — Сибирские Афины. Город просторный, люди мудрёные: если не учёные, так бывшие ссыльные. Мы чувствовали себя эллинами, нам всё было по силам, мы стремились к невозможному. Окружавший нас мир не совпадал с тем, что вошёл в головы из книг.

В Томске в середине 60-х ещё держалась оттепель. Молодёжь захлестнул интерес к истории и литературе: казалось, что близится эпоха поэтов. Мы знали о столичных стадионах, где стихотворцы собирали толпы людей. Местные поэты тоже гастролировали по фабрикам и учреждениям. И в нашей школе в тот выпускной год выступал не один поэт, но запомнился лишь синеглазый Василий Казанцев. Он, но не его стихи.

Не было ни одного одноклассника, который не писал бы в рифму, ни одной девочки, не переписывавшей лирические восторги и вздохи в альбомы, — графомания захлестнула всех и вся. К юбилею Данте наш со товарищ Витя Нукша сочинил 600 сонетов. И это было хорошо. Нет, стихи были ужасны, но было хорошо. Дыхание поэзии кружило головы. В самые что ни на есть демократические врата в мир искусства, широко распахнутые в советское время, хлынули грамотные миллионы. Тысячи стали профессиональными литераторами, сотни талантливыми авторами, единицы запомнились, но тот, кто прошёл бы сквозь игольное ушко гениальности, так и не появился.

В 1966 г. мы с Мишей благополучно поступили в Томский университет на историко-филологический факультет. Смотришь на фотографии студентов того плодovitого года — словно паюсная икра, рассыпаны головы, и каждое зёрнышко тщится стать осетром. Куда ни плюнь, всюду гений самомнения. Помню, собрали нас, икроголовых, в огромный зал старого корпуса, вышел ректор Александр Иванович Данилов и облудил нас, начав с приветствия: «Гуманитарии всей Сибири!..» Ох!.. Вся его последующая речь была посвящена методологии истории.

Потом началась экскурсия по коридорам и аудиториям. Мы остались в Музее археологии и этнографии Сибири, размещённом в помещении, где до революции была Домовая университетская церковь во имя Казанской Божией Матери. Внизу — возле алтарного возвышения — туеса, колотушки, шаманские бубны и пёстрые лоскутные одеяния. Тут же макет эволюции человека по Дарвину. Временная победа язычества. Наверху, на деревянных галереях, владения антропологов — черепа всех времён и народов. В этот день я познакомился с Владимиром Ивановичем Матющенко. Миша, как оказалось, уже встречался с ним раньше. Вопрос о специализации сразу был снят.

Вот так мы вошли в плотные слои гуманитариев. Миша в них не сгорел и не потерялся. В поэзии он поднял планку своих притязаний «по самое не горюй»: если уж быть поэтом, так не ниже Александра Блока. Довольно скоро мой друг решил, что высоты Блока ему не осилить, а значит, нечего и дурака валять:

Двадцать лет. За душою — простые грехи.
Груды книг, да табак, да плохие стихи...

И конечно, любовь — ведь на то и весна.
И конечно, его не любила она...

...Книжный мальчик, ау!.. Парохода гудок.
За спиной — пустота, за плечом — вещмешок...

Внешне похожий на Гаэтано, он поставил свой «парус косматый», отметил «крестом свои латы» и поплыл к архипелагу археологии до самого туманного палеолита. И опять нам было по пути, хотя я дальше островов Бронзового века не углублялся.

Миша как будто смотрел затылком, прошлое его завораживало. В то время он был азартным коллекционером марок, особенно ценил почту России, двуглавых орлов и царские профили. Я отдал ему коллекцию, доставшуюся мне по наследству. Ещё любил он старинное оружие и был счастлив однажды получить от меня в подарок дуэльный пистолет пушкинских времён с тяжёлой рукоятью из тёмного литого серебра. В Томск его привез блокадник, возлюбленный моей бабушки, — из Ленинграда, который он по привычке называл Петербургом. Я восхищался Мишиным чувством старинной вещи: как он её крутил, рассматривал, обнюхивал, чуть ли не пробовал на язык, старался разговорить... И вещи ему отвечали, чего не скажешь о людях.

Часто мы бродили по Университетской роще, любимому месту встреч всех томских романтиков. Встречу назначали у фонтана, а затем расходились кто куда. Благо, места было достаточно — и для шумных компаний, и для уединения. Когда на месте фонтана поставили памятник Куйбышеву, чьим именем с какого-то перепугу окрестили университет, мы, проходя мимо, задумчиво произносили: «Это не фонтан!» Дальше наше «инакомыслие» не шло.

Оправдание современности мы черпали в прошлом. В роще, возле островка сибирских кедров, чудом сохранился памятник Г. Н. Потанину. Помню, однажды мы подошли к нему. Рядом с памятником стоял кражистый старик. Таких мы ещё не видывали. Он представился: Донат Порфирьевич Славнин. Разговорились — и услышали: «Здесь покоится прах моего старшего друга, почётного гражданина Сибири, Григория Николаевича». Нас поразили эти слова: Потанин казался допотопной фигурой, а тут — друг!.. «Он мне много рассказывал о Михаиле Бакуanine, своём старшем друге, они жили по соседству на Воскресенской горе, недалеко от дома Александра Радищева». В тот день мы получили наглядный урок преемственности поколений. Донат Порфирьевич был геологом и старым лагерником. Позже нам пришлось общаться с ним и в экспедициях.

Дом, где обитала семья Аниковичей, стоял на краю площади, у центрального вокзала Томск-1. Главным в семье был огромный, булгаковского вида рыжий кот Август. Дома он никогда не покидал. Весною сидел на

форточке и созерцал окрестности. А Миша смотрел на него и влюблённо сочинял немудрёную песенку:

Летний вечер, тёплый вечер,
Неземная благодать.
Прыгай, кот, ко мне на плечи.
Будем время коротать...

Август прожил лет 20. У Миши сложился целый эпос, посвящённый этому мистическому существу. Они чувствовали и понимали друг друга так, словно их соединяла какая-то общая тайна.

Отец Миши, которого я звал дядя Вася, был, несмотря на свои внушительные размеры, незаметным человеком, вузовским преподавателем, доцентом. Говорил он с небольшим белорусским акцентом. Томск с начала позапрошлого века стал местом ссылки поляков-бунтарей. Я думал, что дядя Вася — один из их потомков. Что-то породистое, дворянское чудилось в его облике. Однако на деле он был самым что ни на есть природным белорусским крестьянином, которого военная служба забросила в Сибирь. В воспитание сына он не вмешивался.

Настоящим главой семьи являлась мама, Галина Тимофеевна, — худенькая, быстрая, всегда оживлённая. Она прекрасно стряпала, словно шаманила над плитой, призывая добрых духов выпечки. В те годы застолья были в чести, гостей щедро угощали. Сама она была коренной сибирячкой, с примесью крови местных татар. Томские татары не выговаривали «р», поэтому и она, и Миша слегка грассировали на французский манер. Работала Галина Тимофеевна библиотекарем в «Научке». Так называли мы университетскую библиотеку, богатейшее по тем временам книгохранилище, чудом избежавшее тотальной чистки. Ядро её составляли книжные собрания нескольких поколений графов Строгановых и князей Голицыных, пожертвованные владельцами Томскому университету при его основании, а также библиотека поэта В. А. Жуковского, приобретённая у его наследников иркутским купцом и меценатом А. М. Сибиряковым. Эти сто тысяч томов за годы советской власти утроились, но нас более всего притягивали именно старинные книги. Галина Тимофеевна приносила домой фолианты с перечёркнутой печатью: ТИУ — Томский Императорский Университет. И мы читали, воображая, что на дворе XIX в. Это сладкое ТИУ для сердечного слуха было приятней, чем ТГУ: в последнем проступало что-то тугое, тугоухое.

Миша всю жизнь много читал, эту добрую привычку он усвоил с детских лет. Когда в последние годы его стали подводить ноги, он терпел. Но когда почти ослепли глаза, дух его стал задыхаться. Читал Миша и в одиночестве, и вслух. Предпочитал классику. Его лёгкое грассирование и быстрое облизывание усов придавало прочитанному вид только что испечённых слов. Вкусно читал.

Приносила мама и новинки советской литературы, которые в 60-е гг. достать было невозможно. В книжном магазине не купить, из-под полы — не осилить,

дорого... Книгу он читал подряд, до конца, как и положено, не пролистывая и не выуживая цитат, как нас учили. Поэтические сборники не были исключением. Как-то мне пришлось несколько дней подряд приходить к нему в гости, и я видел, как продвигалась закладка по новенькому сборнику Андрея Вознесенского «Ахиллесово сердце», пока книжка не была Мишей полностью освоена.

В те годы даже глоток поэзии становился спасительным, он волновал память. У Миши глубина памяти была неизмерима. Богатая и подвижная память стала одним из источников его пронизательных научных изысканий, неповторимым понятийно-метафорическим методом проникновения в невидимое, недоступное беспамятному механическому уму. Мы оба вступили на тропу первобытной истории. Для Миши она оказалась длиною в целую жизнь, для меня оборвалась в годы службы, когда я после университета по распределению «загрел» в армию. Но и обрывок её всегда подстёгивал, направлял, так что даже диссертацию я защитил по истории воспитания детей в Древней Руси, благополучно миновав съезды КПСС... Может, потому я не стал археологом, что куда больше люблю «невещественное», певучее слово. Миша же по отношению к творческому слову был, помнится, даже излишне критичен, особенно к своим и моим стихам.

Всю жизнь он совершенно искренне говорил всем: «Я — не поэт...» Сочинял что-то — редко, случайно, урывками. И всё равно — он был верен поэзии, это нас объединяло. Лет пять назад из печати вышел его единственный поэтический сборник «Лишь пожелай...» (СПб., 2007). Книга эта — пример рыцарственного служения Музе, трофей, добытый на турнире бытия. Я назвал свое предисловие к ней: «Причастный тайнам...» Но тогда я писал живому, а сейчас... Так уже не написать.

Летом 1967 г. мы копали Еловский могильник под руководством В. И. Матющенко, разведывали стоянки андроновцев, оставленные в Приобье этими евразийскими странниками «зеркального» XX в. до Рождества Христова. Владимир Иванович учил нас жизни, его уроки запомнились: «Разбили лагерь — не сидеть, обследовать окрестности, пройтись под обрывистым берегом, изучить стратиграфию, собрать вымытые весной артефакты, зашурфить в перспективных местах. Нашли нечто интересное — не стоять, наливать в кружки, отмечать успех. Только тот оживит ушедшее, кто в полноте живёт в настоящем».

Помню, как в первый раз мы все вместе сидели у костра, пели Окуджаву и Высоцкого, пили спирт и вино. И я спросил Матющенко: «Владимир Иванович, можно я сегодня напьюсь? Я ещё ни разу не напивался...» А тот ответил: «Ну, если хотите...» Тогда Миша сочинил свой «Симанский вальс», посвятив его мне:

Кончен последний курган,
Сохнет земля на ветру.
Холодом серый Симан
Встретит меня поутру.

Утренний ветер колоч,
Лето ушло за холмы.
Веют из северных туч
Вестники ранней зимы.

Здесь мы копали с тобой
Древней истории тлен,
Здесь мы учились впервой
Нежности лёгких измен.
Пусть навсегда отболит
Боль уже сказанных слов,
Пусть всё былое сгорит
В пламени наших костров.

Вот и рюкзак снаряжён,
Вот и машина гудит.
Первый раскоп завершён,
Сколько еще впереди?
Время замедлило бег,
Поднят последний стакан.
Мы не забудем вовек
Благословенный Симан.

Походные костры были нашими настоящими учителями — и в поэзии, и в археологии. Миша мог часами созерцать пляшущие языки пламени до полного их исчезновения. Он читал огонь как книгу, как старинный фолиант, как берестяной свиток. Думаю, он знал алфавит пламени и владел грамматикой огненной стихии, а многие его идеи, возможно, — перевод с незримого для нас огненного языка. Когда я думаю о Мише, то вижу огонь — и наоборот. Костёр нам казался вратами к предкам, и мысленно Миша проходил сквозь этот живой портал и возвращался, обогащённый новыми чувствами и знаниями. Позднее, уже прочитав его удивительный роман «Тропа длиною в жизнь», изданный под псевдонимом «Олег Микулов» (М.: Азбука, 1999), я посвятил Мише цикл стихотворений «Тропы первобытного охотника». Начинаясь он так:

Острую мордочку вскинет огонь
И улизнёт вглубь костра.
Ящерку рыжую эту не тронь,
Духам она сестра.

Если увидел шалунью — молчи,
Створы костра горячи,
Мудрым безмолвьем, пламя, замри.
Ветер колдует внутри.

...Путь твой лежит от костра до костра
В трёх настоящих мирах.
Утро наступит и скажет: «Пора...»
Мёдом пропитан прах...

Летом 1968 г., идя по следу андроновцев, мы оказались в Ростовке под Омском, где обнаружился могильник древних воинов. Сохранились фотографии, на одной из них мы в раскопе с молодым В. И. Матющенко. Миша в неизменном берете, телогрейке и кедах сидит на сырой земле, рисует или заносит на миллиметровку план могильника. Он прекрасно рисовал, я великолепно копал. На другой я, тоже в берете,

разглядываю бронзовый листовидный наконечник копья. Мишу бронза не увлекла, судьба повелела ему стать миссионером верхнего палеолита. Позднее я спрашивал, почему он так любит древний каменный век? Наверное, в разные времена было по-разному. Но в последние годы он улыбался и отвечал: «Тогда люди были ближе к Богу...»

Петь Миша не умел, он читал стихи у костра под треск пылающего хвороста. Сколько их он хранил в своей первобытной памяти! Сутками мог читать и читать, черпая Слово из тёмной глубины. Даже по тем гуманитарным временам такое было редкостью. А читал он замечательно: сделает добрый глоток — и начнёт, отхлебнёт — и закончит. Спасибо Галине Тимофеевне: мы оба смогли углубиться в духовные пласты серебряного века, скрытые тогда на самом дне книгохранилищ. Оба хорошо знали и до безумия любили Блока. А в студенческие годы Мишу вдобавок захватила англоязычная поэзия: Уитмен, Бернс, Элиот, ну и, конечно, Эдгар По. Всех их он прекрасно знал и в переводе, и в подлиннике...

И ещё одно лето мы провели вместе, но уже не в археологической экспедиции, а на военных сборах. В 1969 г. мы оказались в Алтайском крае на берегу реки Алей, возле Топчихи. В университете была военная кафедра. Для подтверждения офицерского звания все мы должны были пройти эти сборы. Шли разговоры о китайцах на Даманском. Об американцах на Луне. Миша любил оружие, особенно пистолеты и автоматы. Но военная служба была не для него. Единственное, что мы потом вспоминали, так это слова командира сборов майора Пронина: «Погода нам благопрепятствует» — и другой перл майора, который, стараясь показать историкам, что он не чужд тонкости в суждениях, выдал: «Женщина — это нечто аморфное» — и провёл рукой, показывая, что имел он в виду очертания амфоры. Кстати, о девушках мы тогда с Мишей не говорили, а если думали, то лишь о своей Прекрасной Даме, о Единственной. Что тут поделаешь, одно слово — поэты!

После университета я оказался в Заполярье, в Петсамо-Вуоно, лейтенантом, а Миша — аспирантом в любимом своём Ленинграде, который он считал самым первым в мире центром палеолитоведения. Меня мотало по стране, его по раскопкам. Мы редко встречались, наездами. Но никогда не забывали друг друга. Своих Прекрасных Дам мы встретили поздно, но — примерно в одно и то же время. Помню, Миша как-то приехал к нам и все время, пока длилось застолье, рассказывал о Надежде Платоновой. Мы с женой смеялись: «Миша, за вечер ты слово „Надя“ произнёс 987 раз». Годы их совместной жизни ничуть не переменили его изначального отношения к возлюбленной жене — обожания. Мы имели возможность наблюдать это и в нашем подмосковном доме, и в уютной их квартире в Санкт-Петербурге.

Помнится, в начале 2000-х, в бытность мою ведущим редактором издательства «Молодая гвардия», я предложил Мише написать популярную книгу в серии

«Живая история: повседневная жизнь человечества». Книжки этой серии, выходявшие в нашем издательстве, вызывали большой интерес у читателей, однако такой временной глубины, как эпоха верхнего палеолита, никто из авторов не достигал. А у Миши к тому времени уже были изданы его занимательные и поучительные остросюжетные романы о первобытных людях, написанные в жанре то ли фэнтэзи, то ли исторической прозы — тут мнения читателей-почитателей до сих пор расходятся.

Сам я в своё время с восторгом принял эти романы — Мишину особую стилистику, образный и яркий художественный язык. А поскольку «палеолитическая» тема очень меня интересовала, я захотел узнать, «как же оно было на самом деле»? Так возник замысел книги «Повседневная жизнь охотников на мамонтов» — уже не в стиле фэнтэзи, а в научно-популярном жанре, где был бы задействован весь научный багаж моего друга.

Я познакомил Мишу с главным редактором издательства, моим однофамильцем Андреем Витальевичем Петровым. Тот идею одобрил, хотя и высказал сомнение, что подобная книга найдет читателя. Естественно, редактором предложили быть мне. И я не жалею, что на время отвлек Мишу от его научных трудов. Книга была издана в конце 2004 г. Она стала подлинным бестселлером, с прилавков ее словно ветром смело. Как говорится, «разошлась со свистом». А я в очередной раз убедился в многогранных талантах моего друга.

Моему сердцу близко, что Миша никогда не переставал писать стихи. Помню, как-то раз в конце 2011 г. в старинном доме на Тверской собрались наши друзья — поэты и литераторы. Миша с Надей тогда тоже прибыли в Москву с докладом об очередных открытиях в своих любимых Костенках. Это был один из последних Мишиных приездов в столицу... Из Института археологии РАН после выступления на научном собрании я привёз их в этот дом, чтобы познакомить с друзьями. Вечер удался. Сидели за огромным антикварным столом, говорили душевно, смеялись, читали стихи. Я обмолвился, что Миша вот тоже пишет, и его тут же попросили что-нибудь прочесть. Он долго отнекивался, а потом решился и прочитал триптих «Один год»:

... Вот и я, похоже, забыт,
Только месяц в окно глядит.

Что ты смотришь, жёлтый рожок?
Хочешь выпить на посошок?

Я бы рад тебе поднести,
Да вот выпито все. Прости...

... Хорошо, что далёк рассвет.
Хорошо, что и писем нет.

Хорошо, что и мной забыт
Древний край, где мороз звенит.

Хорошо никого не ждать,
Хорошо, что опять — в кровать.

Уплывать в бездонную тьму
Хорошо — совсем одному...

Когда Миша начал читать, наступила пронзительная тишина. В кухне за стенкой разом перестала звякать посуда. Все с удивлением слушали приезжего археолога, случайно попавшего на эту литературную вечеринку. А он продолжал:

...Затуманился берег,
И уносит вода
От забот и истерик,
Может быть, в никуда.
Эта сила потока,
Эта нежность волны,
Это мёртвое око
Восходящей луны.

Словно дождик по крыше,
Словно шепчет камыш...
Это ты меня слышишь
И со мной говоришь.
Это — светлое небо
Над пустынной рекой.

Это — корочка хлеба.
Это — вечный покой!

Всё, что было в начале,
Возвратилось в конце.
Свет любви и печали
На любимом лице.
Эта поздняя жалость
Уходящего дня.
Это всё, что осталось
Для тебя и меня...

Пожалуй, я никогда раньше не слышал, чтобы он так читал — негромко, проникновенно, с какой-то тихой и светлой грустью. А потом начались благодарные восклицания и восторги — совершенно искренние. Для Миши стало огромным открытием, что его поэтическое творчество может быть интересным кому-то, кроме самых близких. Тем более — что его высоко оценят литераторы-профессионалы (я, как старый друг, разумеется, в счёт не шёл). Он всегда был чрезмерно критичен к себе... Быть может, тот вечер принёс ему одно из самых приятных открытий в его последние нелёгкие годы.

С недоумением я осознаю, что теперь Миши нет. Но разве его нет?..

В. М. Шипулин

НИИ кардиологии ТНЦ РАМН, Томск

ЭТО БЫЛО 50 ЛЕТ НАЗАД

В 1963 г. в Томске была создана новая (теперь бы сказали — «суперэлитная») школа. На базе дотеле самой обыкновенной школы № 8 областной отдел народного образования создал пять классов профилирующего обучения школьников: два класса с математическим уклоном, два — с физическим и 1 класс — с радиофизическим. Идея была хорошая, вполне в духе времени. Тогда буквально в воздухе носился вопрос, кто главнее: физики или лирики? Причем тема дискуссий не была навязана сверху, она родилась в недрах самой молодежи. Стране хотелось понять, кто нужнее для строительства социализма и коммунизма (а «оттепель» многим внушила надежды на «социализм с человеческим лицом»).

Программа трехлетнего обучения была составлена основательно: по 8 часов обязательных занятий 6 дней в неделю. По профилю класса давали в два раза больше часов, чем в обычных школах. Набор в классы производился со всего города — по наклонностям школьников, подтвержденным их оценками за восьмой класс (тогда были серьезные экзамены), характеристиками... ну и по блату. Последнее как раз мой случай: мой папа был заведующим облоно.

Лично я был в тоске: по русскому языку я никогда больше тройки не имел — сочинять мог, но писать без ошибок не получалось. Задачи по математике, физике и химии решал, в силу учебной необходимости, но без энтузиазма. В решении моего папы отправить меня в класс математиков на другом конце города сказалось желание оторвать меня от дворовой компании, поместив в жесткие рамки школьной программы и дисциплины. В моей предыдущей школе и то и другое уже пришло в полный упадок. Частые визиты учителей в рабочий кабинет отца наскучили человеку, никогда ни с кем не конфликтовавшему.

Что касается Миши, то он был отличником и всё выполнял одинаково отлично, но в душе он уже в те годы был отъявленным «лириком» — гуманитарием. На его переходе в физико-математическую школу настояла его мама Галина Тимофеевна — библиотекарь закрытого фонда Университетской библиотеки, давно успевшая понять, что лиризм-гуманитаризм денег не заработаешь, а вот в какую-нибудь историю попасть — запросто. Зато представители точных наук были в большой чести: космос, атомная программа, электроника. Кстати, замечу: материальной базой для обучения по избранным направлениям в нашей школе служили ее тесные связи с Томским университетом и

заводом «Контур», выпускавшим станки с программным обеспечением. Так что при нормальной успеваемости поступление в вуз по физико-техническим специальностям было практически обеспечено.

Я постарался описать общую ситуацию и настрой того времени, чтобы понятнее стала динамика дальнейшего нашего знакомства с Мишей и крепкой дружбы с ним на протяжении 50 лет. Теперь расскажу подробно, что послужило ей началом.

Итак, всякое общество и общественные отношения начинаются с общности занятий и интересов. Исходя из этого постулата марксизма-ленинизма, руководство «элитной» школы в первое же воскресенье сентября отправляет все пять старших классов на заготовку турнепса на поля ближнего совхоза. Под звуки горна и барабанов проверенных на массовках трубадуров и барабанщиков мы высаживаемся из автобусов со своими бутербродами и термосами. Совет школьной дружины разбивает нас по участкам предстоящего фронта работ. Призыв один: собирать турнепс, складывать в бурты, распределяя овощи по размеру и сохранности. Есть норма, но есть и призовая добавка отличившимся — благодарности от пионерской и комсомольской организаций. Вперед!

Я, вообще-то любивший физический труд и знавший приемы сельской работы (дед и бабушка жили в деревне под Томском и вели хозяйство), довольно скоро выдернул весь турнепс на своей полосе и снес его в кучу. Получать новое задание и помогать другим, с которыми я за неделю занятий еще толком не познакомился, не хотелось. Хотелось спокойно покурить, не попавшись на глаза ни одноклассникам, ни, тем более, учителям и активистам. С таким благим намерением я потихоньку направился в ближайший лесок. Вокруг было поле, и на нем повсюду торчали попы мальчиков и девочек, в то время мало меня волновавших... И вдруг я замечаю, что в одном направлении со мной движется и другая, довольно хмурая и экстравагантно одетая, фигура.

Еще в первые дни занятий в 9б классе я заметил, что в первом ряду у окна за второй партой сидит довольно странный парень. Он выделялся и внешностью, и одеждой: на нем была куртка — блуза, ни дать ни взять как у какого-нибудь футуриста времен Маяковского, берет и ковбойская косынка на шее под рубашкой. Еще помню белокурые волосы, довольно большой нос и постоянное бормотание каких-то рифмованных фраз. Я остановился рядом с ним и совершенно невзна-

чай, видимо для приветствия, сказал: «Хочешь покурить?» Пачка «Примы» была надежно спрятана у меня в куртке. Он взглянул на меня, глаза его ожили. «Радость, о радость страданья!» — произнесли его губы. «Очень хочу курить, а еще бы и выпить, и будь проклят этот турнепс, есть его невозможно!» — ответил на одном выдохе мой будущий друг.

Мы вместе пошли в укромное место, и он уже ясно и четко пел окуджавское: «А ну, швейцары, откройте двери...» К тому времени я благодаря наличию у моего приятеля по двору старшего брата — студента уже знал и переписал тексты нескольких песен Окуджавы и Высоцкого, так что смог Мише подпеть. Это нас моментально сблизило, и за раскуренными сигаретами разговор с ходу пошел: «А это ты знаешь? А ты это слышал? А что читаешь?..» Накурившись, мы возвращались на поле уже близкими друзьями. Оказалось, что до восьмой школы он учился в двенадцатой, недалеко от моего дома, и у нас оказалось немало «корешей» по внешкольной жизни.

Дальше, во многом благодаря умной и довольно молодой классной руководительнице незабвенной Вере Ивановне Ломовой, преподавателю математики, класс стал стремительно сближаться. В школе, помимо занятий, проводился сбор макулатуры, металлолома и всего, что валялось во дворах и на улице. Кстати, памятник Олегу Кошевому перед восьмой школой был поставлен благодаря нашему металлолому. Но окончательно who is who в классе определилось 7 ноября 1963 г.

На демонстрации четко обозначилась группа парней и девчонок, которые были не против отметить годовщину Октябрьской революции в более интимном месте. Кое-какой опыт по этой части был уже у многих. К тому же у одной из девочек квартира в старом деревянном доме, с печным отоплением и водой из колонки, оказалась вечером свободной от «предков». Прямо «под знаменами» были распределены обязанности каждого члена будущего застолья, обозначены место и время встречи. Вечером на первом этаже столетнего деревянного строения, быть может впервые за всю его историю, бешено заорал магнитофон «Маяк». Под дикие звуки рок-н-ролла и щемящие мелодии танго кто-то топил печь, кто-то носил дрова и воду. Миша читал «Ворона» Эдгара По. Девчонки заходились в ужасе от стихов трагического поэта и от мысли о предстоящей «взрослой» пьянке. Но гул музыки и застолья подействовал не только на них. В то время на каждой улице и в каждом дворе были свои компании дворовой молодежи, к мнению которой следовало не только прислушиваться, но и соблюдать кое-какие обязанности и условности. Особенно это касалось проживающих на их территории девушек. Наша хозяйка опрометчиво об этом забыла.

Не успели мы выпить первую бутылку, как в окно комнаты постучали очень серьезные люди. В форточку мужчинам было предложено выйти на улицу для разговора. Для меня это было не внове. Надев на средний палец правой руки маленький стальной замок от письменного ящика, я вышел на крыльцо вместе с Мишей

и нашим общим другом Валерой Захлебным. Разговор начался с попытки гостей разбить мне нос, но мой аргумент в правой руке тоже оказался достаточно весомым... После перепалки обе стороны оказались в кухне за столом переговоров. Мы — трое парней, с нами часть девчонок (половина их смылись в суматохе) и ряд представителей противника. По ходу переговоров выяснилось досадное недоразумение: нас, питомцев «элитной» школы, поголовно считали неженками и маменькиными сынками. Но поскольку уже были получены доказательства обратного, стороны заключили мир. Хозяйка квартиры — наша одноклассница — без конца повторяла, ухаживая за ранеными: «А ведь я вам говорила, я говорила...» Разошлись мы довольно поздно — добрыми приятелями.

С тех пор незримо обозначился круг ближайших друзей, на которых всегда можно положиться в трудный момент. «Где просторен круг гостей, а кружок бутылочек тесен...» Откровенно говоря, в те годы Томск и томские школы были довольно хулиганскими. Никаких охранников у входа не было, а уборщицы тети Маши моментально исчезали в предчувствии очередной школьной разборки. Поэтому, чтобы не быть побитым в одиночку после занятий, мы всегда выходили из школы небольшой, но боевой и дружной компанией.

После девятого класса мой папа пристроил меня в КСЭ (Комплексная самодеятельная экспедиция) при Томском университете — поработать летом над разгадкой Тунгусского метеорита. После трех месяцев в тайге, среди бескрайних болот и полчищ кровососущих насекомых, я вернулся возмужавшим, загорелым, на шее у меня было ожерелье из медвежьих зубов, на ногах летние эвенкийские унты. Не могу, конечно, категорически утверждать, но моя экспедиционная эпопея произвела на Мишу большое впечатление. Может быть, это в какой-то мере окончательно склонило его к выбору специальности, связанной с исследовательской экспедиционной работой гуманитарного направления. Он с восхищением посмотрел на все эти побрякушки, взял один зуб себе и прочел: «Мы стреляли в них, целясь между глаз...»

Здесь нужно особо остановиться на поэзии. На всех наших школьных вечерах Миша читал стихи. В черном пиджаке и белой рубашке с бабочкой он чуть картавым речитативом читал внепрограммную поэзию, от содержания которой содрогались учителя и замирали сердца школьников.

Еще в девятом классе Мишина мама принесла нам на выходные старые сборники Николая Гумилева. Суббота и воскресенье прошли в переписывании стихов, а затем родилась мысль издать собственный сборник. Вот сейчас передо мной лежит эта книжка, напечатанная на «Эрике» и иллюстрированная самим Мишей. «Издательство Аникович^М, Захлебный^В и Шипулин^В», тираж 5 экземпляров...

В тот же период в Томске появился клуб любителей кино. По-видимому, зародился он в университете, так как Галина Тимофеевна каким-то образом достала нам три билета на полузапретный показ в Доме ученых американского шедевра «Великолепная семерка».

Выходя из зала, мы были уже не Миша, Валера и Вова, а Michel, Brit и Vin, и это осталось *навсегда*. Отсюда же, кстати, пошла Мишина приверженность к широкополюм ковбойским шляпам, в которых он любил являться не только в экспедиции, но и на высокие научные форумы.

Вторая страсть, родившаяся у нас в начале 10-го класса, — преферанс. Невозможно подсчитать, сколько бессонных ночей за преферансом провела компания в составе: Миша Аникович, Валера Захлебный, Алик Илус, я и наш неизменный компаньон — Мишин папа, подполковник артиллерии Василий Борисович. А наблюдал за игрой Мишин кот Август, рыжий сибарит, очень любивший лежать на Мишкиных книгах и пластинках. «Так в ненастные дни собирались они часто. Гнули, бог их прости, от пятидесяти на сто...» Это увлечение продолжалось всю студенческую жизнь и после. Говорят, что «математика — гимнастика ума». Преферанс тоже — так мы считали.

Здесь со светлой грустью хочется помянуть добрым словом Мишину маму, Галину Тимофеевну, и двух его тетушек, которые очень часто в соседней комнате готовили нам закуску, выпивку, ходили на цыпочках, чтобы не сбить «талию» играющим. Нам не запрещалось ничего: благословенное время, удивительное понимание взрослеющих юношей, высокий интеллект и образование родителей, переживших в своей жизни и ночные стук в дверь, и потерю близких в сталинский период.

Необходимо добавить, что радушный прием молодежи присутствовал в любой семье учеников и учениц нашего класса. Обычная картина раннего утра после нашего наглого вторжения в чей-то дом: отец семейства (варианты: доцент, директор, секретарь парторганизации и пр.) сам тихонько выносит в мусор пустую тару, только бы не видели соседи.

Школьные годы пронеслись быстро, хотя им сопутствовала достаточно тяжелая нагрузка повышенного курса математики, физики и химии. Кстати, по уровню математического образования выпускник нашей школы вполне соответствовал студенту второго курса физмата. Миша позднее говорил, что хорошая математическая подготовка очень помогла ему в археологии, избавив от излишних, необоснованных упований на

математические методы работы с материалом. В отличие от многих «чистых» гуманитариев, он с самого начала знал, что в математике допустимо, а что нет, какие вопросы можно решать с ее помощью, а какие нет. В школе он был прекрасным математиком, и наша Вера Ивановна даже мечтала отправить его по этой стезе. Она упрашивала его маму как-то повлиять на сына. Но Галина Тимофеевна понимала: любые уговоры тут бесполезны. Получив при выпуске серебряную медаль, Миша пошел на историко-филологический факультет.

Почти весь наш класс поступил в вузы и, на удивление, не распался, а только увеличился за счет новых, очень интересных, друзей. Несмотря на разные факультеты — математиков, физиков, историков и медиков — мы страстно тянулись к общению и к знаниям. Наши застолья всегда были одновременно дискуссионными клубами. Все очень много читали и рассказывали, все делились прочитанным и услышанным. И, кстати, не будь в компании Юры Кирюшина, Вити Петрова-Анта, Саши Ящука — этих гуманитариев-энциклопедистов, сокурсников и друзей Миши по историко-филологическому факультету — в нашей жизни не хватало бы очень мощного духовного пласта.

После университета Миша твердо решил уехать в Ленинград, так как только там он мог бы плодотворно работать по костенковскому палеолиту. Я видел и знаю, что ему было нелегко в чужом городе и окружении. Но все трудности меркли и глаза его загорались каким-то магическим светом, когда он показывал свои зарисовки предметов, найденных в Костенках, и рассказывал о них. Культура палеолита! КУЛЬТУРА... Ее и в нашем-то обществе сейчас не найти, а он описывал каменных богинь, сотворенных десятки тысяч лет назад. Для меня это были откровения оракула. Он нашел себя!

Приезды его в Томск были праздником для всех его друзей. Любить людей такими, как они есть, неизменно оставаться им верным — это был второй его удивительный дар и пример для подражания, как ни банально это звучит.

Светлая память моему другу Майклу — Михаилу Васильевичу Аниковичу! И дай Бог здоровья живущим!

В. И. Молодин

ИАЭт СО РАН, Новосибирск

ТРИ МАЛЕНЬКИХ РАССКАЗА О МИШЕ АНИКОВИЧЕ

Михаил Васильевич Аникович... Миша... Вот и еще один сверстник, товарищ, коллега ушел от меня в мир иной. Вроде и не время еще, и не покидала его твердая удача ни в поле, ни за письменным столом, и была настоящая любовь близких и искреннее уважение коллег, не хватало как будто самой малости — здоровья. Оказалось, что последнее перевесило все... Произошло то единственное, что уже не поправишь и не изменишь. Со смертью не поспоришь.

Ушел Миша, талантливый самородок — сибиряк, ученый, что называется, от Бога. Может быть, прозвучит кощунственно, но посмею сказать, что ушел он красиво, как настоящий мужик, — погиб на передовой, в экспедиции. Да и не просто в экспедиции, а в Костенках — месте, которое он, наверное, любил на свете более всего — даже больше Питера и Томска...

Имею ли я право писать об Аниковиче? Ведь мы почти все время с момента нашего знакомства занимались разными вещами, у нас был разный круг близких и коллег, общались редко — в основном на конференциях. Однако последняя наша встреча в Томске в 2010 г., когда мы оказались вместе в гостях, за одним столом, где разговорились по душам, как-то реанимировала те близкие и доверительные отношения, которые были в молодости. Этот разговор совершенно отчетливо показал мне, что хотя немало в мире и в нас самих изменилось, но самое главное осталось непоколебленным.

Кроме того, думаю, что для близких и друзей Михаила Васильевича каждое воспоминание о нем очень нужно и очень важно. Это как свет далекой звезды. Звезда погасла, а свет ее еще долгие, долгие годы доходит до нас и помогает не заблудиться в потемках.

Может быть, кому-то эти мои записки покажутся малосущественными. Возможно, так оно и есть. Но для меня эти воспоминания и важны, и дороги. Итак — три маленьких рассказа о Мише Аниковиче — светлая ему память.

1. Знакомство

Осень 1968 г. Я — второкурсник Новосибирского пединститута. Мой шеф по археологической части, в то время еще доцент, Татьяна Николаевна Троицкая, задумала провести студенческую археологическую конференцию. Конференция приурочена к нашему новоселью. Историки и филологи только что переехали в

новое здание, в котором Троицкой удалось получить целых два помещения — довольно большую аудиторию под музей и маленькую, без окон, (но свою!) — камералку. Более того, для меня «выбиты» полставки препаратора. Так что учебу с удовольствием совмещаю с любимой работой — клею, мою, шифрую, рисую.

Идею Татьяны Николаевны мы, кружковцы-археологи, воспринимаем на ура. Троицкая созванивается с Елизаветой Михайловной Берс — она в то время руководила археологической практикой студентов НГУ — и Владимиром Ивановичем Матющенко, лидером археологов Томского университета. Установлен день, а точнее, субботний вечер, когда к нам приедут гости из Академгородка и из Томска. Готовим выставку наших находок, стенную газету о полевой практике, думаем и о «культурной» программе.

Кроме того, я работаю над своим первым в жизни научным докладом о наших летних раскопках. Конечно, подлинным автором его была Татьяна Николаевна, однако тогда мне так почти не казалось, к тому же таблицы готовил сам.

И вот настал этот день. С утра мы в Институте встречали гостей. Из НГУ приехали Виталий Медведев, Сергей Глинский, Инна Павловна Ларичева, еще несколько ребят. Из Томска — двое парней, которых мне было поручено встречать в вестибюле. Первый, высокий, худенький, в очках, — Юра Кирюшин, второй, пониже и плотнее, — Миша Аникович. Кирюшин сразу притягивал к себе простотой, неиссякаемым юмором, общительностью. С ним мы с первых минут стали, что называется, на «ты». Миша, напротив, был серьезен и немногословен, хотя чем больше мы общались, тем, казалось, ближе друг другу становились.

Ребята привезли с собой небольшой чемоданчик. Когда его открыли, все мы (включая наших руководителей Троицкую и Ларичеву) просто оказались в шоке. В чемоданчике лежало более десятка удивительных предметов из бронзы. Это были громадные наконечники копий и кельты из Ростовкинского могильника эпохи бронзы на реке Оми. Эти замечательные предметы были получены экспедицией наших томских коллег, возглавляемой В. И. Матющенко. С докладом именно об этих раскопках и приехали Кирюшин и Аникович. Что и говорить — доклад томских коллег был привлекателен не только уникальными предметами, которые можно было подержать в руках, но и уже

ощутимым профессионализмом, в котором я им явно уступал.

Тем не менее и ко мне, «салажонку», все отнеслись дружески, а доклад даже похвалили (хотя я и совершил грубый «ляп», назвав «фоминский этап» «фомичёвским» — стыдно до сих пор).

Общались почти целый день. Говорили о серьезных и очень серьезных вещах, и для себя я в тот вечер сделал, может быть, главный вывод — читать, читать и читать.

Миша на общем фоне выделялся. Не то что он был сильнее всех по своей подготовке, но привлекало какое-то его спокойствие, уверенность и умение говорить по делу. Очевидно и то, что Миша на многие вещи уже тогда имел собственную точку зрения и умел ее отстаивать.

Разумеется, как принято и на взрослых конференциях, дело завершилось товарищеским ужином — теплым и душевным, с песнями под гитару и танцами под фортепиано (Инна Павловна прекрасно аккомпанировала).

Этого дня и вечера хватило нам с Кирюшиным и Аниковичем, чтобы стать друзьями на всю оставшуюся жизнь. Вот как бывает.

А уже в 1969 г., т. е. на следующий год, я получил от Аниковича подарок. Это небольшая книжка, она сейчас, когда пишу эти строки, лежит передо мной. На титуле: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969. В этом сборнике материалов крупной научной конференции, где участвовали все ведущие археологи-сибиреведы, на странице 62 я обнаружил статью Миши «О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья». Напомню, что статья написана студентом III курса. Вверху, прямо под фамилией автора, — дарственная надпись: «Как говорил великий русский мыслитель: „Сбылись мечты идиота“. Тебе желаю того же. Michail Аникович».

Событие я оценил. Несколько позднее оценил и суть написанного. Миша (кстати говоря, концептуально в пику своему шефу!) выделил новую неолитическую культуру в Верхнем Приобье. Ни больше ни меньше. Самое замечательное то, что впоследствии эта его гипотеза действительно подтвердилась!

Надо сказать, что в те годы опубликовать студенческую работу в настоящем, взрослом научном сборнике было очень непросто. Существовал довольно жесткий отбор, не в пример сегодняшней вседозволенности, когда по окончании ВУЗа молодой начинающий исследователь имеет десяток, а то и более так называемых «статей» — в лучшем случае рефератов, а в худшем, так и вообще плагиата...

А Аникович опубликовал даже не описание материала, а настоящую аналитическую работу! Скажу больше, на статью эту ссылаются до сих пор.

Миша, тем не менее, неолитом заниматься не стал. Его привлекали глубины человеческой истории, эпоха палеолита. И в Ленинград, в аспирантуру, он уехал в ведущую тогда в Союзе школу палеолитоведения, где

и стал, как известно, высококлассным профессионалом.

А для меня (и, думаю, не только для меня) появление этой Мишиной статьи — возможно самой первой в его научном творчестве — было блестящим примером для подражания.

Интересно, что история эта имела свое продолжение. В 1977 г. я послал Мише в Ленинград свою первую монографию, посвященную, в том числе, и неолиту Верхнего Приобья. Миша откликнулся теплым письмом и поздравлениями. К сожалению, оно не сохранилось, но запомнилось то, что Аникович благодарил меня, в том числе и за обращение к этой его статье. Еще он искренне писал, что уже как-то забыл об этой проблеме, которая увлекла его в студенчестве, а оказалось, все было по делу подмечено... В общем, ему было приятно.

2. Погребок

Будучи аспирантом, а потом и научным сотрудником в недавно созданном Алексеем Павловичем Окладниковым в Академгородке первом гуманитарном академическом учреждении — Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, в Ленинград я ездил довольно часто. В фондах Эрмитажа хранились коллекции археологических материалов, полученных М. П. Грязновым и М. Н. Комаровой при раскопках в зоне строительства Новосибирского водохранилища. Михаил Петрович разрешил мне использовать их в кандидатской диссертации, а затем и опубликовать. Кроме того, в ЛОИА — Ленинградском отделении Института археологии Академии наук была (да и сегодня есть) прекрасная библиотека.

Работать в Ленинграде было очень приятно. Все рабочее время проводишь в фондах или библиотеке, а после закрытия учреждения идешь в музей или в камралку к коллегам. Да и сам город, сам его воздух были неповторимы, как, кстати сказать, и ленинградцы, отличающиеся внутренней культурой и доброжелательностью.

Почти все мои командировки в Ленинград в семидесятых годах сопровождалась обязательной встречей с Аниковичем. Конечно, у него была ностальгия по Сибири, и встреча с земляком была ему радостна, тем более что отношения нас связывали по-прежнему теплые и дружеские.

Так вот, в это время сложилась у нас даже некая традиция, которая для обоих была весьма приятной. Инициатором был Миша, ставший уже настоящим ленинградцем.

Во время моего пребывания в командировке (а это, как правило, пара недель или дней десять, чтобы успеть поработать как можно продуктивнее) мы резервировали удобный для обоих вечер. Миша вел меня в заведение, именуемое «Погребок». Располагался ресторанчик очень удобно, в самом центре города, недалеко от Эрмитажа и Невского проспекта. Находился он в небольшом полуподвальном помещении, имел

один зал, однако пользовался большой популярностью. Чтобы попасть в «Погребок», порой приходилось выстоять очередь. При осенней или зимней ленинградской погоде все это могло быть неким испытанием. Зато попав внутрь, ты чувствовал, что все трудности с лихвой окупались. «Погребок» был знаменит одним блюдом — жареной свиной, все остальное — салаты, пиво, водка — являлось неким гарниром. Жаркое готовили настоящие мастера. На размере порции они не экономили. Замечательно было и то, что цены оказывались вполне подъемными даже для нас, младших научных сотрудников.

И вот здесь, в «Погребке», мы с Мишей проводили традиционно приятный вечер, сочетая вкусную еду с приятной беседой «за науку».

Мише было необходимо выговориться, что он с энтузиазмом и делал. На самом деле попасть в центральное научно-исследовательское учреждение с глубокой периферии (даже из университетского Томска) и суметь в нем закрепиться, остаться работать — без ленинградской прописки, стабильного жилья, при наличии в городе собственной кузницы кадров — ЛГУ — было сродни научной фантастике. У Аниковича же все получилось. Я представляю (точнее, наверное, будет сказать — не представляю), каких усилий это ему стоило. Требовался яркий талант, помноженный на колоссальную работоспособность.

Я был очень рад за Мишу. Вот уж действительно все получалось как у классика из цитаты, которую я уже приводил выше. Сегодня же совершенно очевидно, что за годы работ в ЛОИА (а затем в ИИМК) Аникович вырос в блестящего исследователя, одного из лучших палеолитоведов нашей страны.

Как потом оказалось, при нашей последней встрече в Томске Миша, как и я, «Погребок» хорошо помнил, и, к моему удивлению, даже воспроизвел лейтмотив некоторых наших юношеских бесед.

Пишу эти строки и вдруг ловлю себя на мысли, что в ближайшую поездку в Санкт-Петербург надо обязательно посетить это памятное для меня заведение. Только вот сохранилось ли оно? Жаль только, что пойду я туда уже один...

3. Последняя встреча

2010 г. Весна. Томский университет. Мы участвуем в очередном археолого-этнографическом совещании, истоки которого приходятся на нашу юность. Мы были еще студентами, когда первая такая конференция была проведена в Томске. Невольно ловлю себя на мысли о том, что эта наша последняя встреча с Мишей оказалась в чем-то похожей на первую... Вновь кон-

ференция, вновь знакомые лица, вновь душевный разговор за столом... Конечно, многое уже по-другому. Мы сильно повзрослели, если не сказать — постарели. Михаил Васильевич и Виталий Егорович Медведев приехали со своими очаровательными супругами. Миша, казалось, весь светился. Так приятно ему было вновь оказаться в родных стенах. Открылась для меня и еще одна грань его таланта — прекрасного поэта и популяризатора. К своему стыду, я не знал, что Миша пишет замечательные стихи. Книжку, подаренную им, «проглотил» за один вечер. Как многогранен все-таки может быть человек! Удивительное создание!

...Собрались на квартире у моей ученицы Маши Черной. Было по-домашнему тепло, как всегда бывает в гостях у Людмилы Александровны Чиндиной и ее дочери. Много говорили, вспоминали друзей, экспедиции, конечно, Томский университет, недавно ушедшего от нас Владимира Ивановича Матюшенко. И невольно думалось — как же все скоротечно в этом мире, как быстро летит время, как короток век человеческий!

Последней весточкой от Михаила Васильевича была его научная статья, присланная в наш сборник, посвященный юбилею академика А. П. Деревянко. В сборник этот мы старались пригласить всех российских корифеев палеолитоведения.

Эту свою работу Мише уже не суждено было увидеть...

Стихов я никогда не писал и не могу сказать, что жить не могу без поэзии. В последние годы, правда, пытаюсь наверстать упущенное и читаю самых разных поэтов, почти каждый день. И сейчас, когда заканчиваю эти строчки воспоминаний о Мише, хочу закончить тем, с чего начал. Потому что лучше, чем сказал о потере друзей Вадим Егоров — поэт-бард моей и Мишиной юности, не скажешь.

Может быть, когда-то, в далекие и такие прекрасные для нас шестидесятые—семидесятые, сидя у экспедиционного костра где-нибудь в Ростовке, Миша декламировал эти строчки. Знаете, я просто уверен в этом...

Друзья уходят как-то невзначай,
Друзья уходят в прошлое, как в замять,
А мы смеемся с новыми друзьями,
А старых вспоминаем по ночам...
А старых вспоминаем по ночам.

А мы во сне зовем их, как в бреду.
Асфальты топчем, юны и упруги,
И на прощанье стискиваем руки,
И руки обещают нам: «Приду!»
И руки обещают нам: «Приду!»

Х. А. Амирханов

ДНЦ РАН, Махачкала

МИША АНИКОВИЧ: КАРТИНКИ ЖИВОЙ ПАМЯТИ О ДРУГЕ

В августе 2012 г., меньше чем за неделю до дня археолога, мне в Махачкалу позвонил Миша Аникович. Звонил из Костенок, где он находился в экспедиции.

— Не можешь приехать — отметим вместе праздник?

— Да о чем ты говоришь, Миша? Занят так, что в свою-то экспедицию не могу выехать.

— А знаешь, мне приснилось, что я умер и нахожусь в раю.

— Ну и как там в раю, наверное, скучно?

— Не-е-ет, там светло и празднично!

— Пиво хоть дают?

— Там оно не нужно...

Так немного подумавшись в разговоре. Договорились, что встретимся осенью в Петербурге и пообщаемся.

Но Миша все-таки заставил меня приехать к себе — и именно ко дню археолога. На высоком берегу Дона тело Михаила Васильевича Аниковича опускали в могилу, выкопанную в меловой горе его учениками. На свежий земляной холмик ложились цветы от родных, друзей, коллег, жителей Костенок. В минуты прощания с Мишей я вспоминал, что именно здесь, в Костенках, я познакомился с ним. Оказалось, что и проститься было суждено здесь же, спустя сорок лет.

Впервые я приехал в Костенки в 1973 г. в экспедицию А. Н. Рогачева. Вид у меня был важный. На лацкане пиджака — едва ли не единственного тогда в моем гардеробе — поблескивал еще не потертый университетский значок. Знаний о палеолите имелся самый минимум, но здесь их было от кого перенимать. Была у меня и привычка, не всеми практикуемая, — приставать к окружающим с «непонятными» вопросами. Все из «комсостава» экспедиции показались мне — человеку, который чуть ли не в первый раз выехал за пределы Дагестана, — удивительно деликатными. Но аспирант Аникович был среди них, пожалуй, единственным, который не отвлекался на срочные дела после моего пятого-шестого вопроса.

Вопросы не предполагали особых умственных изощрений в ответах. Мне нужны были объяснения простейших терминов. Например, «пластинка с притупленным краем», «орудие с подтеской» и т. д. Ну а словосочетание «подживляющий скол с края площадки нуклеуса» казалось мне требующим нечеловеческого напряжения мысли для понимания. Все эти непонятные слова были мною аккуратно выписаны из прочитанных ранее книг и собраны в одной большой тетра-

ди. В ходе ежедневного общения с Мишей против каждого усвоенного термина ставились галочки.

Довелось мне под руководством Миши приобщиться и к практике вскрытия шурфа на палеолитическом памятнике. А. Н. Рогачев выделил двух физически крепких парней для вскрытия старого шурфа на Костенках 12. Одним из этих ребят был я. Пришлось на время расстаться с Таней Шевчук, с которой мы, под руководством З. А. Абрамовой, расчищали землянку «А» второго жилого комплекса Костенок 1.

Начальником Миша оказался жестким. Фамильярность допускалась, но поблажек — никаких. День за днем мы с напарником углубляли шурф, и нехилая фигура Аниковича, стоящего на краю раскопа, с каждым днем выглядела снизу все величественнее. Монументальность фигуры усиливал стиль «military» в наряде начальника — офицерская плащ-палатка и полевой планшет на длинном ремешке.

На этом шурфе я усвоил до мозолей на руках фундаментальные основы костенковской проблематики — стратиграфическую схему, ключевую для палеолита этого района. Верхняя и нижняя погребенные почвы, прослойка вулканического пепла, горизонты чередующихся суглинков — все это стало для меня уже не книжными абстракциями, а реальностью. Через несколько месяцев, сдавая вступительный экзамен в аспирантуру, я с благодарностью вспомнил «строгую Мишу»: вопрос мне попался как раз по стратиграфии Костенок. Члены комиссии, включая приехавших по этому случаю из Москвы М. Д. Гвоздовер и О. Н. Бадера, были весьма удивлены бойким ответом неизвестного им молодого человека из далекого Дагестана. Миша, ожидавший в коридоре конца экзамена, мог быть за меня спокоен.

Да, тогда Михаил Васильевич просто подтягивал меня, абитуриента, до нужного уровня знаний. А спустя годы он стал тем, на кого легло бремя ответственности за научный уровень знаменитой костенковской школы палеолитоведения. Он соответствовал этому высокому предназначению и достойно нес свое бремя до конца.

Семидесятые годы прошлого века — так называемая «эпоха застоя» — были годами вызревания тех социальных и политических потрясений, которым все мы стали свидетелями 15—20 лет спустя. Однако в ту пору они казались непредставимыми. Общежитие аспирантов Академии наук на Яковской улице, 8, рядом с Площадью Мужества, можно было назвать Ноевым

ковчем тогдашней академической поросли СССР. В двух корпусах общежития проживали аспиранты и стажеры из всех уголков страны — от Прибалтийских республик до Дальнего Востока, от Крайнего Севера до южных окраин. За годы нашей с Мишей учебы через это общежитие прошло около трех десятков молодых людей, готовивших диссертации по археологии. Отдельную группу составляли аспиранты и стажеры, специализировавшиеся по археологии каменного века. Миша Аникович и Галя Ложникова из Томска, Анатолий Кузнецов и, кажется, Валерий Лынша из Владивостока, Илья Борзьяк из Кишинева, Тенгиз Мешвелиани и Заал Кикодзе из Тбилиси, Рубен Казарян из Еревана, Асадулла Джафаров из Баку, Валя Артемова из Саранска, Уткур Исламов и Ташназар Оманжулов из Самарканда, Бакыт Аманбаева из Фрунзе (она занималась бронзовым веком, но держалась с палеолитчиками).

Нашему тесному кругу, пожалуй, больше всего подходило понятие «содружество». Ранжирования в нем не было. На почетное место мог претендовать, и то негласно, лишь тот, кто был более продвинутым в профессиональном отношении. Таким был Миша Аникович. Когда я появился в Ленинграде, Миша уже был аспирантом второго года обучения. Это добавляло ему авторитета в глазах аспирантов-первогодков. Но самое главное: он поступил в целевую аспирантуру, фактически окончив Ленинградский университет. Официально считаясь студентом Томского ГУ, Миша на четвертом и пятом курсах больше времени проводил в Ленинграде, чем в Томске, и умудрился прослушать и сдать на кафедре археологии все специальные курсы. Это обеспечило ему высокую базовую подготовку по археологии палеолита — настолько высокую, насколько вообще было возможно в те годы в нашей стране — да и не только в нашей (интересно, какова она сейчас: кажется, палеолит там преподает наша с Мишей однокашница по аспирантуре Валя Беляева?).

Миша был неординарным и как аспирант, и просто как личность. В нем была видна особая одаренность, характерная для очень немногих людей. Я говорил ему, что археологом он стал лишь благодаря расположению звезд в день его рождения. Он родился под знаком Козерога, а Козерога каменные тропы часто приводят в археологию. Из людей, хорошо знавших М. В. Аниковича, вряд ли кто будет спорить, что пойдя он другой стезей — он мог бы стать выдающимся литературоведом или философом. Уже в его аспирантские годы не просто было найти человека, который оказался бы эрудирован в литературе или в современном литературном процессе в такой же степени, как он. К тому же он обладал огромной, феноменально цепкой памятью на литературные произведения.

Очень часто наши аспирантские вечеринки затягивались до глубокой ночи, а иногда и до утра. Большая часть этого времени бывала заполнена чтением Мишей стихов. Гумилев для него, по-моему, был целиком своим поэтом. Эту любовь он сумел передать и некоторым своим друзьям. Стихи таких не похожих друг на друга поэтов, как Андрей Вознесенский, Николай Рубцов, Эдгар По, Редьярд Киплинг, тоже всегда бы-

вали у Миши наготове. В любой момент он мог переключиться на Блока, которого знал, как своего любимого поэта, практически целиком и наизусть. Кажется, нет ни одного сколько-нибудь значимого в литературе имени, чьи стихи Миша не мог бы воспроизвести по памяти. Причем касалось это как поэтов прошлого, так и современников.

К людям творческим Миша относился с особенным уважением, а к большим поэтам — с благоговением. Гордился своей дружбой с творческими людьми. Часто рассказывал о своем друге и однокашнике из Томска поэте Викторе Петрове, который в юности подписывался псевдонимом Ант. Хранил самодельную карманную книжку с его стихами, сделанную фотографическим способом в виде «раскладушки».

Миша много рассказывал о Томске. Он очень любил свой родной город. Искал в нем сходство с Ленинградом. В рассказах о близких и друзьях чаще всего фигурировали Ант, Шипулин, его тетушки. Особое место занимал в них его кот. Из многих рассказов я помню тот, который можно было бы назвать: «Как мы с Шипулиным везли труп в анатомичку на городском троллейбусе». Мы, конечно, не верили, но Миша не признавался, что разыгрывает нас.

Тогда, в аспирантские годы, он не говорил, что и сам пишет стихи. Потом, спустя много времени, открылся и начал очень ненавязчиво, между другими, читать свое. Кстати, профессиональными литераторами и поэтами они были оценены потом весьма высоко.

Спустя почти тридцать лет после аспирантуры у меня был случай поразиться тому, что память Миши на литературные произведения с годами не ослабела. Как-то, во время одной из поездок к коллегам на Алтай, на археологическую базу в долине р. Ануй, я прочел повесть Ф. М. Достоевского «Двойник», раньше остававшуюся мной не прочитанной. Находясь под большим впечатлением от нее, я позвонил Мише в Петербург.

— Я завидую тебе, — сказал Миша.

— Чему завидуешь?

— Тому, что ты читаешь эту повесть в первый раз.

Потом он спросил, куда я дошел, и с этого места вдруг стал читать на память большие куски текста. Данное произведение не относится к тем, которые «осваивают» и заучивают ради моды, для поддержания интеллектуального статуса. Тем удивительнее было, что Миша так естественно для себя и, главное, точно по тексту воспроизводил отрывки повести. Я слышал о людях с подобными способностями, но в жизни наблюдал это только у моего друга.

Наверное, мало кто знал литературные места Петербурга так хорошо, как Миша. Впрочем, памятные места Москвы, связанные с литературными именами, он знал тоже — лучше большинства москвичей. Наше общение в каждый его приезд в Москву предполагало разные «тематические» прогулки по городу и, по возможности, посещение театров. Когда после окончания аспирантуры я уже жил в Москве, именно Миша показал мне дворик на Никитском бульваре, где стоит ста-

рый памятник Н. В. Гоголю, а заодно и особняк в центре города, где жила семья Цветаевых.

Мишу действительно хватало на многое. Он любил и хорошо знал живопись, особенно современные течения искусства. У него имелась большая коллекция художественных альбомов. Увлечение это было разорительным. До сих пор помню, как мы вкладчину купили за 25 рублей (для нас это были большие деньги — свыше четверти аспирантской стипендии) даже не альбом, а всего-навсего диапозитивные копии с альбома Сальвадора Дали, популярного тогда у «продвинутой» интеллигенции.

В театре вкусы Миши склонялись то к классике, то к модернизму. Помню, в каком восторге был он от двух постановок, которые нам удалось посмотреть в Москве в театре на Таганке с участием Владимира Высоцкого. Запомнился спектакль «Дальше — тишина» в театре им. Моссовета — с Ростиславом Пляттом и Фаиной Раневской, а также «Царская охота» в театре им. Вахтангова. Конечно, в аспирантские годы мы с Мишей часто «стреляли» билеты в театры Ленинграда.

На музыку разносторонние способности Миши никак не распространялись. Однако комплексов по этому поводу у него не было. Как ни странно, не имея музыкального слуха, он все же любил и неплохо знал классическую оперу и балет. Но собственное исполнение его бывало устрашающим. Когда градус наших аспирантских посиделок доходил до определенного уровня, Миша по нашей просьбе затягивал арию индийского гостя из «Садко». Все слабонервные и утонченные натуры покидали помещение немедленно. Обычно к такому приему, как пение Миши, мы прибегали в тех случаях, когда надо было разрядить возникшую вдруг пафосную атмосферу вечеринки или приземлить какого-нибудь чрезмерно умничающего приятеля.

В отличие от многих из нас, Миша мог позволить себе некоторые удовольствия, в нашем аспирантском быту рассматривавшиеся как сибаритство. Помню, в те годы он употреблял в непомерном количестве шоколад. Обертки серебряной фольги не выбрасывал, а скатывал их в шар. Когда последний достигал такой величины, что очередная обертка на его поверхности уже не держалась, шар выставлялся как законченное произведение, рядом с другими «серебряными шарами» на книжную полку.

Для многих тогда были роскошью американские сигареты. Миша добывал их у фарцовщиков, крутившихся перед Гостиным двором. На стене у Мишиной кровати место коврика с оленями в деревенской избе занимал другой своеобразный кич — наклеенные на большое полотно бумаги пустые пачки от выкуренных им сигарет различных табачных фабрик мира. Вряд ли кто-то еще обладал такой необычной и обширной коллекцией.

В винах Миша был весьма разборчив. Но тут у него находились достойные соперники. Например, наш общий друг Илья Борзьяк. И неудивительно: ведь Илья родился и вырос в Молдавии. Иногда мы устраивали во время застолий соревновательную дегустацию — конкурсы по угадыванию марки вина на вкус. В нем

участвовали не только признанные знатоки, но и «любители», каким, например, был тогда я. Кстати, нужно сказать: шансы «любителей» вовсе не были нереальными — ведь у мастеров глаз часто «замыливается». И вкус тоже.

А выбирать нам было из чего. Может быть, в обычном гастрономе близ нашего общежития не было всего, чего хотелось бы, зато к винному ассортименту претензий быть не могло. На прилавках стояли грузинские, абхазские, молдавские, дагестанские, крымские, краснодарские, азербайджанские, болгарские, румынские, венгерские и даже алжирские вина. Наш взыскательный вкус не отличался постоянством, но выше других мы ставили молдавский сухой херес, который, кстати, бывал в продаже не часто.

Мы с Мишей любили ходить вдвоем в кафе «Погребок» на Невском, рядом с Казанским собором. Здесь привлекало сочетание простоты с претензией на особый стиль. Кафе было известно тем, что тут подавали «лучший в городе» эскалоп. При каждом посещении мы исполняли всегда один и тот же застольный ритуал. Все бывало выдержано в стиле комильфо. К эскалопу заказывали красное сухое вино, к десерту маленькую рюмку коньяка. Трапезу заканчивали чашкой ароматного кофе с маленькой рюмкой сливового ликера. Наш бюджет это позволял. Повышенная аспирантская стипендия составляла 100 рублей при зарплате молодого специалиста с высшим образованием 120 рублей. Мише к тому же регулярно помогали деньгами родители, и в случае чего у него можно было перехватить «до стипендии».

Разумеется, наши беседы во время подобных посиделок касались не только научных проблем. Непонятным мне образом Миша в ту пору совмещал в себе сознательную приверженность марксизму в историческом анализе с ненавязчивым диссидентством на грани антисоветизма. В отличие от него, я был в политическом смысле вполне «правоверным», хотя и не воплощением идеологического целомудрия. Тем не менее (в то время я сам не заметил, как это случилось!) благодаря Мише я незаметно приобщился к общей волне интеллигентской фронды, захватившей в те годы Ленинград. В этом кругу Миша был своим. Поэты, прозаики, художники, а в обычной жизни — дворники, сторожа, студенты или нигде не работающие. Все молодые, все не сомневающиеся в собственном таланте и исключительности... Миша никогда не демонстрировал такой самооценки, однако стесненным в их обществе он себя не чувствовал.

Один из таких неформальных клубов молодых талантов собирался на квартире у Феликса. У Феликса было смуглое широкое лицо, заросшее густой и длинной черной бородой, никогда не знавшей расчески и ножниц. Работал он кровельщиком, ради служебной квартиры от жилищной конторы, а окружением его были вольнодумствующие интеллигенты. Казалось, в его квартире никогда не переводятся гости. В конце недели возникали широкие стихийные вечеринки. Чтобы показать их атмосферу, мало способностей бытописателя, тут необходим талант незаурядный. Не-

возможно было знать заранее, кто именно придет на этот раз и сколько будет народу. Но сколько бы ни пришло, случайным себя не считал никто. Многие из пришедших могли прочесть собственные стихи, новые куски своей прозы, рассказать о работе над начатой картиной. При этом в одном углу большого помещения могло идти застолье с песнями под гитару, а в другом в это время плакал ребенок в детской кроватке.

Вечеринки завершались далеко за полночь. Часть многочисленной компании, где многие даже не были знакомы друг с другом, устраивалась спать как придется, здесь же, в помещении, безнадежно прокуренным и пропитанном алкогольным духом. Другие разбредались пешком по домам — по безлюдным улицам спящего города. Знакомства завязывались легко, так же легко они и забывались. Обязательства отвергались в любом их проявлении. Требований к окружающим не было никаких. Была отстранённость от государства, которое не оценило по достоинству их талант и мешало развитию творчества. Было и безразличие к обществу как таковому.

Спустя много лет, когда у нас зашел разговор о ставшем к тому времени знаменитым Сергее Довлатове, Миша спросил меня: «Ты помнишь, у Феликса виделись?..» Вполне могло быть. Представители ленинградского андеграунда, кто не эмигрировал и сохранил себя в творчестве, впоследствии нашли признание на родине. С некоторыми из них Миша поддерживал отношения всю жизнь. Особенно любил и уважал он петербургского художника Юрия Козлова.

Однажды в сезон встречи белых ночей мы с Мишей всю ночь гуляли по центру города. В общежитие вернулись к шести часам утра. В этот день проходили какие-то выборы депутатов. Помню, я сказал Мише: «Давай пойдем проголосуем. Наверное, мы будем первыми, по крайней мере в Выборгском районе, кто проголосует сегодня...» Дальше не помню точно, но, видимо, я продолжал говорить что-то оптимистическое о будущем — и нашем, и всей страны. В ответ Миша неожиданно спросил меня: «А ты что, веришь в коммунизм?»

Действие было такое, будто через мой мозг прошел светящийся разряд. Я вдруг представил себе, что именно *верю* в коммунизм, не задумываясь никогда о том, на чем же эта вера основана. Далее философствования на эту тему уже не требовались. В этот самый момент «марксист» Аникович подрубил во мне один из столпов (видимо, к тому времени изрядно подгнивший) моего юношеского мировоззрения. Для меня это действительно было потрясением, почему тот случай и запомнился.

Много лет спустя в биографической статье о своем учителе А. Н. Рогачеве Миша так описал свои тогдашние взгляды:

«В те годы я сам был убеждённым марксистом, правда, марксистом ярко выраженного ревизионистского толка. Главная суть моих идей заключалась в следующем: конечно, в СССР социализма нет и в помине, и никакой приход коммунизма в обозримом будущем нам не грозит. Революция 1917 г. была не со-

циалистической, а империалистической. Империализм же, с огосударственной собственностью на средства производства и чиновничьим засильем, есть не что иное, как зеркальное отражение „азиатского способа производства“. Ни пролетариату, ни, тем более, крестьянству коммунистические идеалы не нужны. Партийным чиновникам — тем паче. Они нужны интеллигенции. Переход к коммунизму станет возможным тогда, когда интеллигенция из класса в себе станет классом для себя, займёт ведущее положение в производстве и осознает это положение. Современная научно-техническая революция показывает реальность такого процесса...»

Приверженец таких взглядов не мог иметь непреодолимых идеологических противоречий с первоисточником марксизма — самим К. Марксом. Сейчас многим покажется странным, но Миша был единственным (и, думаю, не только в нашем общежитии!) аспирантом, который на стипендию купил и держал у себя в комнате на полке полное собрание сочинений Маркса. Спустя много лет я попрекал Мишу тем, что заработал мой радикулит именно тогда — когда вместе с ним тащил этот кладезь философской мысли из букинистического магазина.

У Миши всегда была склонность к философии истории. Она сложилась еще в томский период его жизни, на первых курсах университета. Уже к тому времени им были освоены основные труды по методологии исторического познания, гносеологии, культурологии и в целом философии истории. Неудивительно, что к концу аспирантуры М. В. Аникович был активным участником заметных тогда в научной жизни батальонов археологов-теоретиков. Мне эти споры казались тогда по большей части схоластическими. Миша кипятился. По ходу разговора он прямо на лестнице мог разразиться монологом:

— Ты что, не понимаешь? — тут у него проступала рогачевская патетика. — Нельзя же заниматься археологией, не определившись в ее основных теоретических вопросах!..

— Почему нельзя? — отвечал я. — Ведь занимается же Александр Николаевич Рогачев. Никто не замечал, чтобы он мучился вопросами предмета и объекта археологии. А если он и говорит часто о важности материалистического метода в истории, то его практическая научная работа и все достижения никак не связаны с приверженностью той или иной методологической платформе...

Впрочем, на деле мы оба прекрасно понимали, что даже собственное диссертационное исследование невозможно выполнить на приличном уровне без того, чтобы не определить в базовых проблемах. В начале 70-х годов наиболее актуальными проблемами такого рода для отечественных палеолитоведов выступали: стадиялизм и культурализм в объяснении исторического процесса; социальные и природные факторы в культурогенезе; гносеологические возможности понятия «археологическая культура» и онтологическая природа археологической культуры как реалии. К числу самых обсуждаемых относилась проблема места

археологии в системе гуманитарных дисциплин. Весьма актуальным был вопрос формирования строгого научного языка археологии. Ну и, конечно, вечная тема археологов — проблемы типологии.

В эмпирической археологии в те годы начала завоевывать себе пространство неопозитивистская методология анализа. Общепринятым стал комплексный характер полевых исследований с привлечением максимально возможного количества специалистов биологических, геологических и географических дисциплин. Само палеолитоведение весьма заметно отодвигалось от комплекса гуманитарных наук в сторону естественноведческих. Даже в такой, казалось бы, нейтральной к методологии сфере, как «вещеведческая» типология, явственно проявлялось порой невольное и не всегда осознаваемое самим исследователем (особенно молодым) воздействие тенденций, витавших тогда и в европейской, и в советской археологии. Неудивительно, что М. В. Аникович, которого большинство названных проблем глубоко волновало, очень рано продемонстрировал не только готовность, но и способность стать одним из тех, кто формировал научную атмосферу в теоретической области археологии.

Кандидатская диссертация М. В. Аниковича была посвящена стрелецкой культуре. Поскольку вопрос о культурной дифференциации костенковских памятников в то время считался в целом решенным, то тема казалась вполне обыденной. Достаточно было просто дать подробную типологическую характеристику культуры, установить ее хронологические рамки, очертить географическое распространение, по возможности рассмотреть вопросы генезиса и определить культурно-типологическое соотношение с другими синхронными культурами Восточной Европы. Однако на самом деле в ходе работы над этой диссертацией у М. В. Аниковича выработывалась, по существу, программа и главная линия всей его дальнейшей научной работы. Именно тогда он начал формулировать подходы к решению проблемы хронологии и механизма становления верхнего палеолита на Русской равнине, которые были изложены спустя много лет. Путь к решению этих проблем лежал через новые полевые исследования, в ходе которых, в частности, Мишей были предложены неожиданные для многих уточнения общей костенковской стратиграфической схемы («пятичленка» А. Н. Рогачева). Эти и другие данные легли в основу сформулированного им нового взгляда на хронологию и периодизацию верхнего палеолита Восточной Европы.

Конечно, сейчас еще не время давать оценку результатам научной деятельности М. В. Аниковича, да и не это главное в моих сегодняшних заметках. Не сомневаюсь, что спустя какое-то время его научное творчество во всех своих гранях станет предметом специального изучения.

Мне кажется, А. Н. Рогачев как учитель был Мишей доволен. Во-первых, ученик не являлся, как он считал, его идеологическим антиподом — а для А. Н. Рогачева это имело большое значение. Во-вторых, Михаилу Васильевичу была присуща творческая заряжен-

ность, отвергавшая всякий талмудизм и догматику в интерпретации археологических реалий. А приверженность тому или иному направлению проверялась легко. Теоретические дискуссии, переходившие часто в острые полемики по конкретным вопросам текущих исследований, были нередки в Отделе палеолита ЛОИА. Сейчас они даже представляются чрезмерно острыми. Многие вопросы теперь кажутся настолько очевидными, что невольно думаешь: «А стоило ли из-за них ломать копья?» Помню, какие непримиримые бои велись по поводу датировки верхнего слоя Костенок 1 и костенковской культуры в целом. Н. Д. Праслов (выражавший тут и точку зрения А. Н. Рогачева) считал правильными новые датировки верхнего слоя Костенок 1 в рамках 20—22 тыс. л. н. Против этого резко возражал Г. П. Григорьев. Он не видел достаточных оснований для пересмотра привычных датировок, установленных в рамках примерно 17 тыс. л. н. Главным аргументом поначалу был такой: «Одна дата — не дата». Однако в данном случае разрешение споров было делом времени. Увы, далеко не все археологические проблемы могут легко находить свое решение с помощью методов, основанных на законах физики.

Показателем того, как высоко ценил А. Н. Рогачев своего ученика, является его предложение Мише стать соавтором в написании раздела по верхнему палеолиту Русской равнины в томе «Палеолит СССР» многотомной серии «Археология СССР». Во время подготовки этого тома А. Н. Рогачев уже тяжело болел. Основная работа по подготовке раздела легла на плечи М. В. Аниковича. Авторство в этом томе было очень почетно. Речь шла, по сути, о подведении итогов исследований палеолита на территории страны за всю историю его изучения. Как эксперты в своей области авторы получали право расставлять акценты и давать личностные оценки, которые в условиях советского менталитета приобретали в научном сообществе почти канонический статус.

Знаю хорошо, что Миша испытывал глубочайшее уважение к А. Н. Рогачеву, но образцом для себя и даже идеалом (именно так он говорил мне) долго считал Н. Д. Праслова. Окружающие замечали, что даже внешне, своими жестами, речью он пытается походить на Праслова. Но с некоторых пор отношения между ними стали прохладными. В середине 90-х гг. в костенковской экспедиции накопилось немало проблем — и объективных, и субъективных, что привело к полной остановке ее работ. Возможность дальнейшей работы Миши в Костенках оказалась проблематичной. В это же время у него произошел разлад в семье и фактический разрыв с Таней Ярославской (Т. Н. Дмитриева). Между тем на дворе были «лихие девяностые» — тяжёлое время для научной интеллигенции. Каждый, кто не уехал в поисках лучшей доли за границу, вынужден был искать хоть какой-нибудь приработок на стороне. Только это давало возможность заниматься дальше своими научными изысканиями. Занятия наукой стали делом скорее личным, чем государственным. Для Ми-

хаила Васильевича в это время все беды сошлись вместе.

Все это усугублялось для него ощущением своего одиночества в огромном городе и тревогой за маму, забота о которой целиком лежала на нем. Рассказывая о том, как ему приходилось в тот период, Миша вспоминал, что иногда, навещая маму, не мог из-за безденежья купить ей даже плитку шоколада. То, с какой любовью Михаил Васильевич относился к своей маме, думаю, искупило все его грехи.

У меня же в описываемое время, а именно в 1995 г. начался совершенно новый проект — исследование Зарайской верхнепалеолитической стоянки в Подмосковье. Я исходил из того, что в полевых работах нужно учитывать опыт раскопок близких в культурном отношении стоянок, но не копировать его. Считал необходимым скорректировать методику разборки культурного слоя, использовать дифференцированный стратиграфический и планиграфический анализ раскапываемых объектов. Было ясно, что надо уделять естественным факторам накопления и проявлениях постпозиционных трансформаций культурного слоя такое же пристальное внимание, как и объектам собственно археологическим.

Мне удалось привлечь к работам в экспедиции Л. М. Тарасова с его опытом раскопок стоянки Гагарино, а также Е. В. Булочникову — многолетнюю участницу авдеевской экспедиции. Работала с нами и М. В. Александрова, которая ранее никогда не вела самостоятельных раскопок, но зато написала страстную статью с критикой того, как П. П. Ефименко раскапывал Костенки I. Естественно, Миша с его костенковским опытом оказался самым желанным помощником. Миша с радостью согласился приехать. Я радовался не меньше. Кроме всего прочего, у меня появилась возможность ежедневно общаться с ним. А он смог на время отвлечься от житейских невзгод и спокойно обдумать дальнейшие планы — в частности, по налаживанию новых полевых исследований в Костенках.

Раскопки начались довольно бойко. Но очень скоро пришлось замедлить темпы. Прояснялись особенности геологического строения изучаемых слоев. Были выявлены разнотипные проявления нарушений культурного слоя, переслаивание псевдоморфоз, наложение друг на друга остатков рукотворных объектов слоя и т. п. Становилось ясно, что ни один из методических приемов, применявшихся ранее в раскопках других памятников, не может быть применен в Зарайске в неизменном виде. Постепенно это стало понятно всем. Но некоторые из тех, кто высказывался на данную тему, вовсе не видели в этом беды и считали возможным вести работы в форсированном темпе. Я гнул свою линию и копал настолько медленно, насколько было возможно. Боялся лишь одного — что мотивы медлительности станут понятными рядовому составу экспедиции. Это могло стать «деморализующим фактором». С Мишей у нас разногласий не было: его исследовательская мысль шла примерно в том же направлении. Поэтому и в интерпретации раскопанных объектов у нас, по большей части, расхождений не возникало.

Занявшись проблематикой виллендорфско-костенковской культуры, я вызвал удивление одних и недовольство других. Ведь эта область считалась у наших палеолитоведов чуть ли не уделом избранных. Попытки привести хоть сколько-нибудь заметные коррективы в утвердившиеся схемы воспринимались как разрушение устоев и неприкрытый вызов продолжателям и наследникам традиций. В этой ситуации мне была важна любая поддержка. Однако Мишу мне даже не надо было убеждать в своей правоте — он сам был участником раскопок и видел воочию все, что являлось предметом обсуждения, — и в Костенках, и в Зарайске.

Безусловно, позицию Михаила Васильевича в тогдашних дискуссиях можно рассматривать как естественное выражение профессиональной точки зрения по конкретному вопросу. Он ведь был не из тех, кто, в ущерб истине, промолчит в принципиальном споре — из осторожности, из страха разонравиться кому-то или тем более из-за сиюминутной выгоды. Для М. В. Аниковича такое было бы непредставимо. Тем не менее мне те дискуссии вспоминаются с какой-то личностной окраской. Нет, даже не потому, что Миша на практике пришел к убеждению, что я прав, а потому, что он был искренне рад тому, что я прав. И я храню в памяти чувство благодарности Мише, который и здесь остался безупречным в верности долгу дружбы. Хотя, разумеется, соображения чисто научного характера имели для него очень большое значение. Особо сентиментальным он не был даже в последние годы жизни. Многие знают, что в вопросе выбора между научной истиной и личными отношениями предпочтение он отдавал первой — твердо и без колебаний.

Жизнь в Зарайской экспедиции протекала совсем не так, как в Костенках. Конечно, Зарайску тоже были присущи некоторый провинциализм и серость. Но последняя здесь отнюдь не определяла сути городской жизни. Главное чувство, которое вызывал Зарайск, — ощущение покоя, прозрачной и благодатной атмосферы.

Герой В. Пелевина из повести «Омон Ра» свое минутное впечатление о городе передал так:

«Помню город Зарайск. Точнее, нельзя сказать ни что я его помню, ни что я его забыл, — настолько в нем мало того, что можно забыть или помнить. В самом его центре высилась белокаменная колокольня, с которой когда-то давно прыгнула на камни княгиня, и хоть прошло уже много веков, ее поступок в городе помнили. Рядом стоял музей истории, а неподалеку от него — отделения связи и милиции».

Стиль текста, откуда взята эта цитата, хорошо передает настроение, которое Зарайск может навеять равнодушному проезжему. Но настоящего портрета города здесь нет. Вряд ли сумею создать его и я. Утверждаю только, что в Зарайске был и, думаю, есть настоящий, живой, поистине «культурный слой» города. Его составляют художники, музейщики, священнослужители, учителя, краеведы. Казалось удивительным, что в разрухе и безвременье тех лет в городе активно работает детская художественная школа, силами местных художников организуются двухнедельные

общероссийские пленэры в окрестностях города, в городском музее проводятся литературные и исторические вечера и конференции. Могли ли мы, и особенно Михаил Васильевич, оставаться в стороне от всего этого? Конечно нет. У каждого из нас образовался свой круг общения в городе. Многие знакомые и друзья оказались общими. Миша тогда очень сблизился с Володей Пименовым — народным художником России. Их связывала, в частности, любовь к Ф. М. Достоевскому. У Володи были очень интересные работы на тему «Достоевский и Зарайск». Ведь именно здесь, в нескольких километрах от Зарайска, располагается известная многим деревня Даровое — имение Достоевских, где писатель провел в отрочестве немало времени.

Миша и Володя многим делились друг с другом, высказываясь доверительно по всем вопросам и личной, и общественной жизни. Зимой, в экспедиционное межсезонье, связь между ними не прерывалась. Они общались старомодным способом — обычной почтовой перепиской. Это позволяло вести на расстоянии обстоятельные, осмысленные, неторопливые беседы. Интересно, сохранились ли эти письма? Знаю, что они касались очень важных вопросов, волновавших тогда Мишу.

Начало экспедиции складывалось не скучно. Был необыкновенный энтузиазм, был интерес к проблематике предстоящих исследований; были энергия и целеустремленность. Не было только денег на раскопки. Первый сезон раскопок в 1995 г. мы кое-как отработали. Наша неординарная экспедиция отличилась тем, что стала героем репортажа общероссийской новостной программы «Вести». В один прекрасный день с экранов всех телевизоров страны было сообщено, что в центре Зарайска ведет раскопки экспедиция Российской Академии наук. А финансирование ее настолько плохое, что сотрудникам приходится собирать у прохожих деньги на продолжение работ. При этом показывали картонную коробку у края нашего раскопа с надписью: «Пожертвования на проведение археологических раскопок Зарайской стоянки — палеолитического памятника мирового значения».

Конечно, в мире вряд ли кто догадывался тогда о существовании этого самого памятника — ведь он даже не упоминался в общих обзорах по России. Однако мы были уверены, что Зарайск получит мировую известность. Этим и объяснялась наша дерзость со способом сбора пожертвований на раскопки. Репортаж, естественно, стал известен в Президиуме РАН. Реакция могла быть двоякой: либо «выпороть» меня по полной, либо воспользоваться этим новым фактом информационной и общественной поддержки в пользу лучшего финансирования науки... В конце концов меня лишь слегка пожурили.

На второй год раскопок надо было искать более надежный и, главное, более щедрый источник дополнительного финансирования, чем взносы прохожих в нашу коробку из-под какао. Активистам пришла идея, казавшаяся авантюрной: воспользоваться знакомством с американским палеолитоведом Брюсом Бредли и предложить ему организовать приезд в Зарайск груп-

пы его сограждан — волонтеров. Мы бы предоставили им возможность участвовать в раскопках, а они оплатили бы свое пребывание в экспедиции и наши услуги по тренингу.

И вот в июле 1996 г. в Зарайск в расположение экспедиции прибыло четырнадцать американских граждан, из которых одиннадцать были пенсионерами в возрасте от 60 до 80 лет, а двое — индейцами. В городе началась переполох. Со времен Лжедмитрия и польско-литовских захватчиков в этих краях никогда не видели так много иностранцев одновременно. Особенно волновалась женщина — начальник паспортного стола. Спрашивала меня: «А у вас самого-то какое гражданство (видимо, ее смущала моя фамилия)? А лицензия на использование иностранной рабочей силы у Вас имеется?..»

Михаил Васильевич радовался приезду американцев больше всех. Америка была его любимой страной с детства, точнее — с просмотра в детстве кинофильма «Великолепная семерка». И вот он получил возможность реально пообщаться со столькими посланцами милой его сердцу страны. Английский он знал прилично. А я как начальник строил планы использования этого в интересах работы. Ведь всех волонтеров, многие из которых не имели и представления о культурном слое, предстояло хоть раз «посадить» на этот самый слой и даже позволить им его разбирать. Сей процесс требовал неотступного внимания и регулирования. И тут Мишин английский, конечно, был просто необходим.

Он очень подружился с американскими старушками (такими нам казались тогда эти симпатичные, доброжелательные женщины). Через год, именно с подачи старушек, бывшие волонтеры скинулись и устроили Мише поездку в Америку, в Колорадо, в научно-образовательный археологический центр «Кроу-Кэньон», где в ту пору работал наш друг Брюс Бредли. Догадывались ли они, насколько ценным был для него их подарок?

По возвращении Миши в Москву именно я встречал его в аэропорту. Впечатление от встречи было сильным. Навстречу мне шел мужчина в джинсах, плотной фетровой шляпе с очень широкими, загнутыми полями и коричневых ковбойских сапогах с тисненым узором по верху и голенищам... На следующий день мы условились пойти с ним в Исторический музей. Миша как ни в чем не бывало облачился с утра в тот же самый ковбойский наряд и был готов к походу. Говорю ему: «Ты иди по этой стороне Тверской, а я пойду по другой. На Манежной площади поблизости от музея встретимся. Там много людей в разных чудных нарядах — смешаемся в толпе».

Миша был страшно доволен поездкой. Ведь однажды у него уже сорвалась очень важная с профессиональной точки зрения и фантастически интересная поездка в США. В 1991 г. в рамках советско-американского симпозиума, организованного большей частью усилиями Ольги Соффер, была организована поездка группы наших палеолитоведов в Америку. Все складывалось как нельзя лучше. В делегацию была вклю-

чена вся наша троица — я, Миша и Илья Борзьяк. Но перед самым выездом Миша потерял в метро документы. Все ему очень сочувствовали. Кстати, уже в поездке меня удивил Г. П. Григорьев. Всякий раз, когда мы чем-нибудь там восторгались, он вспоминал Мишу и говорил: «Почему Миша? Было бы понятно, если бы потерял документы я». Именно Г. П. Григорьев собирал сувениры и мелкие подарки, полагавшиеся выбывшему члену делегации М. В. Аниковичу, в местах наших запланированных встреч с американцами и привез их в Петербург (кстати, официальное переименование города пришлось именно на время этой нашей поездки). До этого случая я не знал, что Геннадий Павлович был способен на такие проявления чувств.

Однако вернемся в Зарайск. Описанный выше способ зарабатывать деньги на археологические раскопки был трудным и рискованным. Визы, регистрации, медицинские страховки, которые для нас тогда были еще в новинку, устройство волонтеров, при том что у экспедиции еще не было своей базы, каждодневные заботы о качестве пищи, чтобы, не дай бог, не случилось отравления, и т. д. — все это требовало очень больших хлопот и нервов. Но выбора не было. На следующий год мы принимали новую группу, состоявшую из студентов Лондонского института. А через год у нас проходила полевую практику группа студентов кафедры археологии Университета Болоньи. Разумеется, практика была платной.

Миша был свидетелем и активным участником становления Зарайской экспедиции. Он видел, что, при минимуме стартовых возможностей, на новом, неосвоенном месте все-таки можно наладить полноценные экспедиционные работы. Необходимы только инициатива и изобретательность. Миша, хотя он и пребывал в кризисе личной и профессиональной жизни, не был безучастен к происходящему. Он стал заговаривать о необходимости возобновления своих раскопок в Костенках. Это в конечном счете оказалось возможным лишь при условии создания новой экспедиции, с новым местом базирования и новым научным проектом, который мог бы быть поддержан российскими и иностранными научными фондами.

Так вызрела идея создания Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Была определена общая тема — переход от среднего к верхнему палеолиту на Русской равнине. Проект был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований. Вскоре нашелся и иностранный партнер со своей долей финансирования. Начался новый этап жизни Михаила Васильевича.

Наладилась и семейная жизнь Миши. И еще как наладилась! В конце 2001 г. он женился на своей коллеге по ИИМК Надежде Игоревне Платоновой и стал похож на молодого влюбленного. Теперь это был уже не растрепанный мужчина в годах с видом холерического разночинца. Миша постепенно стал превращаться в стареющего бонвивана, авторитетного археолога и писателя, ухоженного и степенного интеллигента. Однажды я заговорил при Наде, как много она сделала для Миши, и услышал в ответ: «Это ничто по сравнению с тем, что дал мне Миша». Многие знали, сколько внимания и заботы требовалось Мише в его последние годы, и после такого ответа я проникся еще большим уважением к Наде.

До последних дней друг для друга мы, конечно же, оставались теми же Мишей и Хизри, которыми были в общегитии на Яковской, 8. Но вот не стало рядом нашего Ильи Борзьяка. А через год с небольшим ушел и Миша. Пройдут годы, уйдут все наши сверстники. И наверное, после каждого из нас останется что-то, что действительно значимо. О Мише мы уже можем сказать, что он жив не только в памяти многих, но и в итогах своих трудов.

Еще молодым я в течение трех сезонов вел раскопки в пещере Аль-Гуза в Южной Аравии. Все три сезона два раза в день — утром и вечером, по дороге на работу и назад, я пересекал пешком небольшое деревенское кладбище. В мою раскаленную аравийским солнцем голову приходили неожиданные мысли о собственной смерти. Никто ведь не гарантирован от укуса змеи, отравления пищей или другого несчастья. И удивительно, при этой мысли меня не охватывал ужас от сознания, что смерть может настичь в чужой стране, почти на краю земли, вдалеке от родных и друзей. Я думал, что мог бы быть похоронен вот на этом самом кладбище, рядом с изучаемым мною памятником. Ведь эти раскопки составляли тогда смысл моей жизни и, наверное, делали сколько-нибудь значимым само мое существование на земле.

Хочется думать, что в село Костенки и дальше будут приезжать экспедиции, чтобы продолжить изучение уникальных памятников. Работы там необозримо, на сотни лет. И каждый год пятнадцатого августа на могилу русского археолога Михаила Васильевича Аниковича на высоком берегу Дона будут приносить цветы его ученики, последователи и все те, кто выбрал своей профессией изучение первобытных древностей. Вечером в экспедиционном лагере они будут праздновать День археолога, и Миша, конечно же, будет незримо присутствовать среди живых. И так — из года в год, из десятилетия в десятилетие.

J. F. Hoffecker

Institute of Arctic and Alpine Research, University of Colorado, USA

MIKHAIL VASILYEVICH ANIKOVICH: A MEMORY

I first met Prof. M. V. Anikovich (Misha) in early 1986 at what was then known as the Institute of Archaeology, Leningrad Department. It was my first visit to Russia, which was a particularly memorable experience. I knew Misha's work from publications on Kostenki, including the lower layer at Kostenki 12, which was always of special interest to him, and also on the stratigraphy at Kostenki 1, particularly the lower layers. It was my good fortune to work with him on both of these subjects, but that did not begin until 15 years later. I remember well, meeting and talking with him for the first time in March 1986. He was friendly and gave me copies of several of his papers. I believe that we discussed the early Upper Paleolithic and the Middle/Upper Paleolithic transition.

I saw him again briefly at the end of 1988, during the last weeks of a four-month visit to Leningrad that I made as a participant in the exchange program between the USSR Academy of Sciences and the American National Academy of Sciences. I have a copy of a signed paper that he gave me on 19 December 1988. During most of the 1990s, I saw Misha only a few times in St.-Peterburg. I was working with other colleagues in the Northern Caucasus, primarily on Middle Paleolithic sites, and I visited the institute (once again the Institute of Material Culture History) on several occasions between 1991 and 1998.

In December 1999, I came to St-Peterburg to participate in the conference commemorating the 120th anniversary of the discovery of artifacts at Kostenki. As with my first visit to Russia, this was an especially memorable event. My main purpose in attending the conference was to develop a new collaborative field research project with colleagues at the institute, and my primary interest was the early Upper Paleolithic at Kostenki. Work at Kostenki had re-started in 1998 after a hiatus of several years. Misha and I discussed a plan for joint project and sealed it with a vodka toast on the last evening at the conference. During 2000, we communicated periodically about the Kostenki project; A. A. Sinitsyn (Andrey) also was involved.

Our first proposal to the Leakey Foundation was submitted in early January 2001, and it was the beginning of a remarkable string of unbroken successes. Every proposal that we submitted for Kostenki between 2001 and 2008 was funded, all but one at the full amount requested. I arrived at Kostenki (with Vance Holliday) for the first time on 4 August 2001 and we worked with Misha at Kostenki 12 for most of the month, also visiting with Andrey at Kostenki 14. In 2002, Misha's wife Dr. N. I. Platonova (Nadia) joined us as well. Although Vance was not able to

come to Kostenki in 2002, he returned in 2003, and we were all back in 2004 as well, when we began new work at Kostenki 1.

Misha was always relaxed and in good humor in the field, and he was a particularly congenial colleague and companion at Kostenki. He loved to go over to «Kostenki 13», where we could buy some beer and snacks and sit in a small patio and chat about archaeology, politics, beer, and anything else. V. V. Popov (Viktor) and his wife also worked with us during this period, and in the evening, all of us often got together to talk over some cognac or vodka. The research that I did with Misha at Kostenki was the most important of my professional life, but it also was the most enjoyable experience I have ever had in the field. This was due, in no small measure, to the very pleasant atmosphere that Misha and Nadia created in camp.

During these years and later, Misha continued to write numerous papers and books, including his novels of stone age life (that he wrote under the pseudonym Oleg Mikulov); he was extremely prolific. Misha wrote about specific issues and problems that we were researching in the field at Kostenki, but he also wrote about broad issues in Paleolithic archaeology, including the early Upper Paleolithic of Eastern Europe and the transition from the Middle to the Upper Paleolithic. He had a very wide knowledge of these subjects, and his writings, some of which were translated and published in English, were especially useful for our colleagues outside Russia. I also was impressed by Misha's objectivity, because he always noted carefully when he believed that the facts supporting his arguments were weak or problematic.

Our collaborative project at Kostenki had finished in 2004, but in May 2006, I visited with Misha and Nadia in St-Peterburg to discuss a new collaborative project, again involving Viktor Popov and Andrey Sinitsyn, as well as Sergey Lisitsyn, who had been working at Borshevo 5. (Another purpose of my visit was to receive an honorary degree from the Institute of Material Culture History, which was largely Misha's doing.) Once again, we had remarkable good fortune with our proposals (2007—2008), all of which (Leakey Foundation, National Science Foundation, National Geographic Society) were fully funded at the requested amounts, along with support from the Russian Foundation for Basic Research. Also in 2007—2008, our publications on the earlier project began appearing in major journals in the USA, including *Science* and the *Journal of Human Evolution*, and we received a good deal of publicity about our work on the early Upper

Paleolithic at Kostenki, including some internet news, radio, and television coverage. Misha was amused and pleased with this, although he found it somewhat exhausting after a while, as we all did.

Thus, we returned to Kostenki (and Borshchevo) in 2007–2008 with a new collaborative project, working with Viktor at Kostenki 1 and 8, while Sergey worked at Borshchevo 5 and Andrey at Kostenki 14. Vance Holliday also returned to Kostenki in 2008. Once again, we enjoyed the pleasant atmosphere at our field camp, now based at a house that Misha and Viktor had arranged for us to use in the upper reaches of Aleksandrovka Ravine. By 2007, however, Misha was suffering from several serious health problems, especially his failing vision. Of these problems, I never heard him once complain, and his manner remained as cheerful and humorous as ever. With Nadia's constant help, Misha was able to continue writing, including his excellent book on Kostenki (coauthored with Viktor and Nadia), which was published in 2008. Day-to-day work at Kostenki 1 was managed by A. V. Dudin (Sasha), while Viktor and his daughter excavated at Kostenki 8. We continued to enjoy our get-togethers in the evening, as well as at «Kostenki 13» (only a few hundred meters east of Kostenki 1).

In the spring of 2009, I returned to St.-Peterburg to finish work on the large mammal remains from Kostenki 14 and 15, as part of our 2007—2008 project (which had been focused on the later phase of the early Upper Paleolithic at Kostenki-Borshchevo). As always on these visits, I enjoyed the hospitality of Misha and Nadia at their apartment, and on this visit, we attended all-night Easter services in the basement catacombs of a church under restoration, which Misha noted, reminded him of the earliest period of the Christian Church. In 2009, I began a large project in northern Alaska, and I did not visit Russia during 2010—2011. Misha and Nadia continued work at Kostenki. We remained in touch and began to think about another collaborative project.

I returned to St.-Peterburg in late May 2012 to discuss a new project with other colleagues at the institute, but also to see Misha and Nadia after an unusually long interruption. In August, I traveled to Ukraine to work with Misha's friend and colleague Vadim Stepanchuk, along with Vance. My visit in May was the last time that I saw him. I was working at Mira in Ukraine on 14 August when Vadim told us the news of Misha's death, at Kostenki, on the previous day.

Н. И. Платонова

ИИМК РАН, Санкт-Петербург

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АНИКОВИЧ

Много раз я пыталась вспомнить, как познакомилась с Михаилом Васильевичем, но так и не смогла. Не помню... Я как будто знала его всегда и всегда имела о нем твердое мнение, выражаемое одной фразой: «Очень порядочный человек». Настоящая встреча произошла поздно — может, на пятнадцатом, а может, уже на двадцатом году знакомства. И вот тогда я действительно узнала его.

О многом хочется рассказать, чтоб не угасла память. Но осколки, собранные здесь, — это лишь малая толика известного и пережитого.

Истоки

Меня давно интересовало, из какого «гнезда» он вылетел? В его бумагах сохранился набросок: «По отцовской линии все просто: там уходит в историческую бесконечность вереница белорусских крестьян, может быть, даже с домонгольских времен не покидавших тот клочок земли, который зовется сейчас „Толочинским районом Витебской области“. По материнской — дело обстоит чуть-чуть сложнее...»

Просто, просто, да не совсем. С Мишиной крестьянской фамилией возникали забавные казусы. В начале девяностых ему вдруг предложили вступить в Томское Дворянское собрание. Уверяли, что его фамилия восходит к боярскому роду Анিকেевых, весьма прославленному в веках... и т. д.

Когда М. В. вспоминал об этом, его разбирал смех:

— Знаю я этот боярский род! Там, в Белоруссии, целые деревни Аниковичей! Те еще дворяне! Ну, я и сказал: «Будет у нас государь-император, сообразован он даровать мне дворянство, тогда я вступлю в Дворянское собрание. Не раньше...»

Мишина мама Галина Тимофеевна была коренной сибирячкой. С мужем они встретились в ее родном Томске. От нее Миша узнал, что один его прадед был потомственным хлебопашцем из Пензенской губернии. В Сибирь он прибыл по этапу. Исправник стегнул мужика плетью, а тот развернулся и отвесил обидчику доброго леща. Оказавшись на вольном поселении в Томской губернии, ссыльный «бунтовщик» пришел в восторг и начал писать родным: «Земли тут много. Земля хорошая. Приезжайте!» И все семейство действительно переселилось на сибирские просторы. Мише

очень нравился этот эпизод семейной истории, и он с удовольствием повествовал о нем друзьям.

По другой линии его сибирские корни уходят еще глубже. Прямые предки матери были казаками, или вольными «охочими» людьми, переселившимися за Урал неведомо когда. Хлебопашцев в их роду не водилось, хотя подсобное хозяйство, скотина, огород — все это, конечно, имелось. Думаю, род был казацкий: не случайно в 1930-е гг. все знаки отличия и боевые награды Мишиного деда Тимофея Алексеевича, полученные за японскую войну, оказались закопаны в землю от греха. Будь он простым солдатом, мог бы особо не беспокоиться.

Прадед М. В. (отец Тимофея) служил ямщиком на почтовом тракте. Прабабка по крови была томской татаркой. Младенцем ее «подкинули на порог» хозяину придорожной корчмы. Она выросла красавицей смешанного типа — черноглазой, с иссиня-черными волосами, но без явной монголоидности. Всем ее потомкам, до четвертого колена, была свойственна легкая картавость речи. Вдобавок, у ее сыновей и внуков совершенно не росла борода. Последнее, по словам Миши, очень печалило его дядю Михаила Тимофеевича — рослого красавца, прошедшего на фронте огонь, воду и медные трубы.

Вот этот сибирский материнский род Макаровых и стал для М. В. стержневым. По этой линии он сполна ощущал свою собственную связь и с предками, и с историей. Вообще Миша любил подчеркивать, что он природный сибиряк. Тут не было фронды по отношению к Европейской России: к дореволюционному сибирскому «областничеству» он всегда относился без пиетета, с большой долей иронии. Однако Сибирь любил «нутром и чревом» и надеялся, что Сибирью спасена будет Россия. Время покажет, был ли он прав, судить об этом не нам и не сейчас.

Его дед Тимофей Алексеевич отвоевал японскую, потом женился и осел в Томске. Понемногу скопил денег и купил маленький домик — на Кривой улице у Белого озера. Увы, это стало его первым и последним успехом в жизни.

Несмотря на свою бедность, ни в каком «грабеже награбленного» дед не участвовал. Заодно с ним оказалась и жена его Татьяна Ивановна — женщина властная, острая на язык, ни в грош не ставившая обещания

будущего коммунистического рая. Зато родню их лихие времена раскидали по разным партиям. Один двоюродный брат стал красным комиссаром, другой — белым офицером. Власть в Томске менялась несколько раз, и Макаровы периодически прятали в подвале своего домика то офицера, то комиссара. По семейному преданию, хорошо известному Мише, бабушка Татьяна Ивановна ругмя ругала при этом и того и другого.

Семья была вроде бы самая простая. Но нравственный стержень сохранялся в ней и в самые «замордованные» времена. Галина Тимофеевна рассказывала, как в середине тридцатых у них вдруг объявилась родственница, которая в прошлом была богатой томской купчихой. С нею их связывало лишь очень дальнее свойство. Но... близкие умерли в ссылках, и от горькой нужды она стала ежедневно приходиться обедать в домик на Кривой улице.

Макаровы сами почти голодали. На столе были хлеб да картошка со своего огорода — из миски ее брали по очереди. Но Тимофей Алексеевич, в других случаях весьма бережливый, говорил жене и детям: «Никогда не жалеете куска хлеба голодному». И его слушались. О том, что прибившаяся к ним женщина была из «бывших» и, вдобавок, недавней ссыльной, в округе отлично знали. За полночь хозяева не спали, прислушиваясь к звуку моторов. Когда однажды рядом остановился «воронок» и постучали в дверь, Тимофей сказал: «Ну, мать, давай прощаться...» Но оказалось, его звали в понятия...

Дедовского домишки Миша не запомнил. Его первые осознанные воспоминания связывались уже с домом по ул. Никитина, 15. Он описал его так: «...типичный купеческий особняк, с каменным полуподвалом и двумя бревенчатыми этажами, богато украшенный деревянной резьбой. Отопление — печное. Удобств — никаких: сортир, впрочем, не во дворе, а в конце коридора. Первые годы не было даже воды: я помню, как сопровождал тетю, когда она шла с коромыслом по воду к колонке...»

Вот в этом доме, представлявшем собой до революции «элитное жилье» на одну семью, молодому офицеру, преподавателю Томского артиллерийского училища Василию Борисовичу Аниковичу в конце сороковых годов выделили «квартиру» — две угловые комнаты на верхнем этаже. В двух комнатах размещались он сам с женой и сыном, а также теща и две незамужние свояченицы — Мишины тетушки. И это было большой удачей — старый домик на Кривой уже разваливался.

Помню, М. В. рассказывал, что читать он выучился самостоятельно, в три года. И еще — что его «игровое место» располагалось как раз под тарелкой репродуктора, который никогда не выключался. Оттуда в уши томских обывателей вливались без перерыва то репортажи об очередных достижениях, то классическая музыка, то браваурные песни. Годам к четырем мальчишка знал наизусть множество «хитов» позднесталинского периода, и они закрепились в его памяти на всю

жизнь. Мы с дочкой умирали со смеху, когда М. В., будучи уже за 60, нарочитым «козлетоном» начинал для нас свою мелодекламацию (петь он не мог из-за отсутствия слуха):

Р-русский с китайцем братья навек,
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек,
Плечи расправил простой человек,
Сталин и Мао слушают нас,
Слушают нас...

Песню о «Сталине и Мао» М. В. как-то особенно любил исполнять. И, к слову, рассказывал о том, как они школьниками слушали в Томске китайское радио. В 1960-х гг. красный Китай, будучи весьма и весьма недружественной нам державой, вел на СССР свое радиовещание. Зачем? Быть может, китайцам не давали покоя лавры радиостанции «Свобода»? Наш родимый КГБ, рьяно глушивший «вражьи голоса», явно не утруждал себя глушением китайского вещания. Томские мальчишки слушали эти передачи совершенно свободно и с неменьшим удовольствием, чем Аркадия Райкина. Действительно, было, что послушать. Например, сообщалось, что советские люди якобы подходят на станциях к поезду «Пекин—Москва» и, пугливо озираясь, шепчут китайцу-проводнику: «Как здоровье председателя Мао?» Получив ответ, что здоровье отличное, они тут же на перроне начинают скакать от восторга и кричать: «Тысяча лет жизни председателю Мао!» А кое-кто распахивает одежду и показывает приколотый к нижнему белью значок с председателем Мао... и т. д.

Весь этот азиатский бред с полнейшей серьезностью транслировался на русском языке для советских радиослушателей. Верно, гэбисты хохотали до колик во время прослушки. А мальчишки, придя утром в школу, спрашивали друг друга: «Ну, где у тебя значок с председателем Мао?» Далее, конечно, шел перечень интимных мест, куда его следует прикрепить...

Много лет спустя, приехав в Томск, мы с М. В. однажды дошли до дома его детства на улице Никитина. К счастью, дом этот уцелел от пожаров, которые устроила тогда в городе местная строительная мафия. Он и сейчас красив, по крайней мере с фасада. Улочка оказалась тенистой, довольно зеленой. Во двор мы не пошли. Миша сказал: «Надо же... Стоит!» Он не мог забыть о том, какие шедевры деревянного зодчества оказались утрачены в середине 2000-х. К Томску у него было очень личное, глубокое чувство, которое в конечном счете не смогли умалить никакие красоты Петербурга и Парижа. В юности он измерил его шагами вдоль и поперек, знал там все улочки и закоулки. Старинные дома были для него живыми, каждый из них имел свое лицо и свое, ему лишь положенное, место.

Будучи в Томске в 2006 и 2010 гг., мы часто ездили с ним по городу, и я с удовольствием наблюдала разные виды — ведь эти «Сибирские Афины» и сейчас очень красивы. Помню, приехав туда впервые, я ахнула, увидев главную улицу: «Да это же Невский проспект в миниатюре!..» А Миша в ходе этих поездок

периодически отворачивался и говорил: «Нет, не могу...» Значит, перед нами лежало очередное пепелище, и пустота эта была для него невосполнима.

Университет

И сам М. В., и многие знавшие его люди порой говорили, что археологию он выбрал своей профессией по признаку наименьшей идеологизированности. Доля правды тут есть, и все же такие рассуждения — плод уже «позднего ума». Конечно, официальной советской идеологии фрондирующая молодежь 1960-х гг. сторонилась, но тяга к археологии у Миши была безотчетной. Об этом немного успел рассказать и он сам:

«...С раннего детства я бредил археологией, а в старших классах 8-й средней школы (с математическим уклоном) твердо заявил родителям, что намерен стать археологом и только археологом. Однако любовь моя к этой науке была чисто платонической. Никаких археологических кружков для детей в Томске не было и в помине. В экспедиции я не ездил, не ходил даже в модные в те времена турпоходы. Все мои знания о будущей профессии были почерпнуты из популярной литературы и в особенности из замечательной книги Л. Успенского и К. Шнейдера (1958). Мама... решила, что неплохо бы ее сыну, витающему в облаках книжной романтики, познакомиться для начала хоть с одним живым археологом.

Помню, с каким трепетом поднимался я куда-то ввысь в том помещении, где впоследствии был организован археолого-этнографический музей ТГУ. Пробирался в полутьме по узкому проходу среди стеллажей, заставленных горшками и лотками, и очутился, наконец, перед огромным письменным столом, за которым в кресле сидел человек с веселыми карими глазами и обаятельной улыбкой. Его внешность, его манера держаться и говорить сразу располагали к себе. Состоялось знакомство, рукопожатие, и трясущийся от волнения старшеклассник опустился на стул перед мэтром археологии, которому самому-то едва исполнилось 35.

Беседа была непродолжительной. В. И. (Владимир Иванович Матющенко. — *Н. П.*) говорил о трудностях и тяготах профессии археолога, о неизбежной оторванности от семьи и дома, о сложности найти работу по специальности. О том, что романтика археологии — во многом иллюзия, создаваемая журналистами и популяризаторами науки. В действительности же археолог тратит уйму времени на скучнейшую повседневную работу, на возню с черепками, каменными осколками, на их склеивание, подсчеты и т. д., и т. п. „Подумайте, Миша, крепко подумайте! — заключил свою речь В. И. — И учтите, кстати: те, от кого зависит дальнейшая судьба выпускника университета, не очень-то любят нашего брата...“ Но я уже окончательно все решил. После этого разговора для меня не могло быть и речи о какой-то другой профессии, кроме археологии.

Поступив на первый курс историко-филологического факультета ТГУ, я взялся за дело рьяно. Сразу стал посещать и семинарские занятия по археологии, и заседания студенческого археологического кружка. Штудировал работы А. П. Окладникова, склеивал из черепков неолитические сосуды (что оказалось отнюдь не скучно!). В общем, старался как мог. В первой экспедиции, куда наш курс поехал на практику (раскопки Еловского курганного могильника), проявлял не меньшее рвение. В результате мне было позволено не только расчищать, но и зарисовывать некоторые погребения. По окончании практики, когда большинство моих однокурсников радостно разъехались по домам, я с несколькими товарищами отправился с В. И. под Омск, на раскопки Ростовкинского могильника. И там уже оказался принят, как говорят у нас, „в офицерский состав“ экспедиции.

Археологическую практику здесь проходили студенты Омского пединститута. Объявив о распорядке дня, дисциплине и пр., В. И. особенно строго предупредил: „В экспедиции — сухой закон!“ А ближе к вечеру Юра Кирюшин, с которым мы тогда особенно сдружились (ныне ректор Алтайского ГУ, доктор, профессор, лауреат и прочая, и прочая), предложил мне отправиться в село за водкой. Я несколько удивился, однако пошел. На обратном пути нас встретил начальник. „А что это вы несете? Ну-ка давайте ко мне в палатку!“ — приказал он. Ни тон, ни хорошо знакомая мне улыбка разноса не предвещали. И действительно, в палатке нас уже поджидал весь закаленный в многолетних экспедициях „офицерский состав“ — студенты-старшекурсники, аспиранты и молодые преподаватели, вырвавшиеся ненадолго „на свободу“. Так началась моя экспедиционная жизнь...» [Аникович, 2007. С. 38—39].

М. В. всегда с большой теплотой вспоминал своего первого учителя. Он говорил, что вообще ему с руководителями сказочно повезло. В Томске — Матющенко, в Ленинграде — Рогачев. Оба выдающиеся археологи и оба на редкость порядочные люди.

На первых курсах М. В. вполне успешно занялся сибирским неолитом. К этим временам, кстати, относятся его коронные рассказы о разведке по р. Чулым на лодке, вместе с Юрой Кирюшиным (старше его на два курса). Один из них назывался: «Как мы с медведем собирали ягоды». Другой рассказ имел короткое название «Самис». В нем повествовалось, как в глухом таежном селе местные парни пристали к археологам с просьбой обменять чуть ли не ящик французского коньяка «Камю» — на родной отечественный технический спирт. В местном сельпо ничего, кроме «Камю», не продавалось: «Ребята, сил уже нет пить этот чертов „Самис“!» Студенты с удовольствием совершили взаимовыгодный обмен.

Вот такая ерунда всегда лучше всего сохраняется в памяти. Умным людям вообще свойственно смеяться над собой и рассказывать, как они в молодости валялись дурака. Однако на деле студент Аникович в университете отнюдь дурака не валял и даже взял в обычай сдавать каждую сессию досрочно (на круглые «отлич-

но»), чтобы потом в освободившееся время без помех заниматься археологией. В дальнейшем именно это сделало возможным разговор о его стажировке в Ленинградском университете.

В. И. Матющенко в 1960-х гг. подумывал о разработке в Томске палеолитической проблематики. Однако специалиста еще надо было подготовить. Удобный случай представился, когда туда приехали на конференцию П. И. Борисковский и З. А. Абрамова. «...Мой учитель обратился к ним с просьбой помочь мне, — вспоминал М. В. — Речь шла об организации стажировки в Ленинграде при секторе палеолита. Поскольку ЛОИА как академическое учреждение, естественно, не могло официально принять на стажировку студента, необходимые документы были подготовлены и посланы в Ленинградский университет...» [Аникович, 2007. С. 39].

Владимиру Ивановичу удалось хорошо откомендовать своего ученика. Как раз перед этим четверокурсник Аникович отличился. Читая теоретическую статью, присланную сотрудником ИА АН СССР М-ным для публикации в «Материалах» Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, он вдруг обнаружил, что она представляет собой плохой перевод на русский язык одной недавней работы известного английского археолога. Сие означало, что четверокурсник оную английскую работу уже успел прочесть в оригинале и сунулся просмотреть присланную из Москвы статью из чистого интереса, привлеченный ее названием... В результате М-ну в публикации было отказано. В. И. Матющенко не стал поднимать скандала, однако в кулуарах эта история получила известность. Три года спустя, когда М. В. поступал в целевую аспирантуру, О. Н. Бадер в Москве задал ему прямой вопрос: «Миша, а правда, что вы эту сволочь на плагиате поймали?»

После отсылки документов в ЛГУ учитель и ученик стали ждать оттуда вызова, а он все не приходил. «Не видать бы мне Ленинграда, как своих ушей, — вспоминал М. В., — если бы не два человека. Мой друг Юра Кирюшин, к тому времени уже окончивший университет и официально стажировавшийся в ЛОИА, после нескольких моих отчаянных писем обратился за советом к Л. С. Клейну. Мудрый Лев Самойлович сказал примерно следующее: «Никакого вызова ваш друг не дождется. Пусть садится на самолет, прилетает сюда и прямоком является в деканат. Никуда они не денутся. Поворчат, но устроят!» Так оно и получилось. В результате последние полтора года я только числился студентом ТГУ, а реально учился в Ленинграде, специализируясь по палеолиту...» [Там же. С. 39—40].

Ленинград: 1970—1980-е годы

Иногда говорят: человек проживает за свою жизнь несколько жизней. Меняет не кожу, а душу. Ну, душу — это чересчур, но некоторые жизненные доминанты с течением времени правда меняются. М. В. не раз говорил с сожалением, что поздно он понял, как

важна для человека семья, надежный и добрый тыл. В юности не понимал: мысли были только о науке. Стремился к самореализации, рвался быть на «фронтире» любой ценой. Чем придется за это платить — по молодости не задумывался...

Первые две трети его земного века представляли собой сплошной аврал и стремление вперед и выше. Однажды, вспоминая свои аспирантские времена, он сказал мне: «Если бы тогда я решил, что центр мирового палеолитоведения находится в Париже, я был бы в Париже. Но в ту пору центр был — в Ленинграде...» Можно считать это шуткой, однако во всякой шутке есть своя доля правды.

«В 1971 г. я дважды защитил свою дипломную работу, — вспоминал он впоследствии, — сперва в ЛГУ, перед лицом комиссии, во главе с М. И. Артамоновым (чем и сейчас горжусь!), потом в родном Томске... Уже год спустя, после хлопот В. И. [Матющенко], с одной стороны, и П. И. Борисковского — с другой, я успешно сдал экзамены в целевую аспирантуру при секторе палеолита ЛОИА. В результате моим научным руководителем стал выдающийся российский палеолитовед А. Н. Рогачев, а моей судьбой — возглавляемая им Костенковская палеолитическая экспедиция. Ныне, оглядываясь назад, я прихожу к выводу: все это было тем, что одни называют Судьбой, а другие — Божьим промыслом...» [Там же. С. 40].

Как случилось, что в Томск аспирант не вернулся, а остался работать в Ленинграде, в секторе палеолита ЛОИА, М. В. тоже рассказал сам — без лишних подробностей, но вполне исчерпывающе. По его словам, чем глубже он входил в проблематику, тем острее сознавал, как узок его кругозор в области палеолитоведения, при всей внешней «успешности» его юношеской карьеры.

«Понимал я и другое, — писал он, — этих недостающих знаний за пределами Ленинграда мне не восполнить — нигде и никогда. Никакое чтение литературы не заменит живого общения со специалистами мирового уровня. В Томске же мне не только специалистов — и новейшей литературы по палеолиту не найти. Кроме того, я все больше и больше углублялся в проблематику верхнего палеолита Европы. А вот „поднять“ соответствующую проблематику Северной Азии — тут требовался совсем другой человек, не я. Низкой самооценкой я отнюдь не страдал, но всегда отдавал себе отчет: разведки новых памятников не были сильной стороной у меня как ученого.

Вот так. И в этот самый момент я вдруг получаю предложение от П. И. Борисковского (в ту пору заведующего сектором палеолита). В секторе освободилась ставка младшего научного сотрудника. Если мне удастся решить вопрос с пропиской, на это место возьмут меня... Это было полной неожиданностью, даже потрясением. Выходит, меня считают *способным* достичь уровня крупнейшей отечественной школы палеолитоведения?

В конце концов решение было принято, и я честно написал об этом В. И. [Матющенко]. Конечно, его оно

не обрадовало. Мешать мне он не захотел. Хотя, вероятно, надеялся, что я одумаюсь...

Среди моих недостатков (кои есть продолжение наших достоинств) или, напротив, достоинств (кои есть продолжение наших недостатков) имеется один, который, при желании, можно назвать либо непоколебимым упорством, либо ослиным упрямством. Так что своего я добился. Вожделенную питерскую прописку получил и был принят в штат ЛОИА...

Казалось бы, в такой ситуации В. И. имел полное право порвать со мной всякие отношения, а при встрече — перестать подавать руку. Думаю, многие так бы и поступили. Но не он. Наши отношения продолжали оставаться сердечными, теплыми и вполне доверительными...

Как объяснить все это? Конечно, В. И. прекрасно понимал: я остался в Ленинграде не ради денег и даже не ради карьеры. И то и другое я смог бы получить и в Сибири, причем значительно быстрее, проще и в большем количестве. В Томске оставалась моя семья. Там были друзья, близкие, приличное жилье. А в „северной столице“ на первых порах мне „светили“ лишь мизерная ставка мэнэса да защита кандидатской. И еще — нескончаемые скитания по комнатам, снятым в ленинградских коммуналках. Все остальное казалось зыбко и неопределенно. Так что нетрудно было понять: основой моего выбора явилась не жажда земных благ, а стремление реализовать себя по максимуму. Но даже поняв это, многие сочли бы такого ученика предателем. А вот В. И. Матющенко, всю жизнь считавший себя атеистом, поступил в этом вопросе (сам того не замечая!) истинно по-христиански...» [Аникович, 2007. С. 41—42].

Последнее — чистейшая правда. Свидетельство тому — объемистая пачка писем от Владимира Ивановича за разные годы, сохранившаяся в нашем семейном архиве.

Конечно, жизнь М. В. в тот период оказалась заполненной до предела. Была тут и работа — ненасытная, с восторгом и наслаждением, как от результатов, так и от самого процесса (благо, здоровье еще позволяло бешено эксплуатировать себя самого). Было дружеское общение — Мишина одаренность в этом плане всегда меня поражала. Нет, он не походил на «рубаху-парня», мимоходом покорявшего сердца ближних и дальних. Но у него были замечательные друзья, и сам он действительно умел становиться другом на всю жизнь. Это далеко не ординарное качество. Тут требуются одновременно и самоотдача, и полная внутренняя самодостаточность, исключаяющая любые ростки зависти. Насколько я смогла узнать Мишу за 11 лет, зависти он был лишен начисто, даже толком не понимал, что это такое. Ну не дал Бог, и все.

Круг его интересов был очень широк и не ограничивался профессиональной сферой. Мне часто приходилось слышать рассказы М. В. о его общении с диссидентской (или, скорее, околодиссидентской) компанией, собиравшейся «у Феликса». Там бывали интересные люди — из числа так называемых «отказников», сознательно пренебрегших профессиональной

карьерой, чтобы не быть «в системе». Кое-кто, впрочем, даже не отказывался специально: система сама не принимала их, как, например, Сергея Довлатова. Большинство посетителей «салона» работали дворниками, такелажниками, сторожами и пр., параллельно занимаясь литературным или художественным творчеством, без оглядки на цензуру и худсоветы.

Кстати, историю своего знакомства с Сергеем Довлатовым М. В. рассказывал всегда с большим удовольствием. Только подчеркивал с самого начала, что знакомиться пришлось не с писателем, а с «телом писателя». В один прекрасный вечер они с Хизри Амирхановым, придя к Феликсу, обнаружили на диване распростертое тело огромного мужика, временами подававшего слабые признаки жизни. Феликс тут же сказал с придыханием: «Это писатель Сергей Довлатов!» — и потащил обоих для официального представления. Далее имел место примерно такой диалог:

— Сергей, вот... это археологи...

— Му-у...

— Они хотят с тобой познакомиться. Это Миша Аникович...

— Му-у...

— А это Хизри Амирханов...

— Му-у...

С помощью Феликса с дивана была приподнята огромная ручища и сунута двум археологам для пожатия. Официальное знакомство состоялось.

Когда в конце 1980-х гг. Сергея Довлатова (к тому времени давно жившего в США) стали, наконец, печатать в СССР, Хизри, по словам Миши, пришел в восторг, прочитав «Рассказы из чемодана» или что-то в этом роде. Сценку с мужиком на диване он давно позабыл. Миша тогда спросил: «Ты не помнишь, нас же знакомили?..»

Как я сейчас понимаю, М. В. никогда не «западал» в эту компанию глубоко. Ему просто нравилось общаться, наблюдать и думать. Он действительно знал толк в живописи, увлекался театром, а его образованность в области мировой литературы и философии заметно превышала планку, принятую в нашем кругу. Хотя стоит отметить: в ту пору в нашем кругу эта самая «планка» была очень высокой. Далеко не каждый мог на нее равняться, а уж превзойти — тем паче!

Мишина эрудиция казалась необъятной, хотя сам он ничуть не кичился ею и никогда не выставлял напоказ. Видимо, просто считал в порядке вещей знать то, что знал. Он мог свободно переключаться с «Дневника писателя» Достоевского на стихи Франсуа Вийона, с «Критики чистого разума» Канта — на Фому Аквинского или Владимира Соловьева, с Эдгара По — на Стивена Кинга, с импрессионизма — на японскую живопись и т. д. И всякий раз его познания оказывались вполне основательными. Помню, как в 2009 г. моя дочь Оля вдруг неожиданно для всех (и для себя самой) по уши влюбилась в древнекитайскую поэзию. Однажды за вечерним чаем она стала рассказывать нам о великих поэтах эпохи Тан. М. В. внимательно слушал, потом улыбнулся и негромко прочел из Ду Фу (в переводе А. Гитовича):

Дикie гуси летели за тысячу ли,
Нынче на север они возвращаются снова... и т. д.

Так я впервые услышала эти удивительные строфы «короля поэтов», жившего в Поднебесной империи в VIII в. н. э. Для нас с Олей стало полным сюрпризом, что, оказывается, Миша давно знает и любит средневековую китайскую литературу. Поэтические сборники эпохи Тан стояли у него на полке, но к моменту того разговора он не перечитывал их, наверное, лет 10. Теперь, оглядываясь назад, я думаю: в тот решающий год взросления и профессионального самоопределения дочери именно его влияние и поддержка оказались для нее очень важными.

Конечно, при таком интересе к изящным искусствам М. В. не мог не интересоваться и новыми течениями, в том числе советским андеграундом. Среди отказников, собиравшихся «у Феликса», встречались люди, которых он действительно уважал и высоко ставил их творчество. Таким, в первую очередь, был прекрасный художник и достойный человек Юрий Андреевич Козлов. С ним и его женой Галей Миша потом меня познакомил. Он очень переживал, когда в 2005 г. Юра скоропостижно скончался, и принял самое горячее участие в издании альбома великолепных иллюстраций Ю. Козлова к роману «Мастер и Маргарита». Это издание осуществили друзья художника на спонсорские деньги.

Были в той компании и иные люди — те, кто, с наступлением новых времен, быстро «поиняли» и перекрасились. Оказалось, что и пресловутая «система», и КГБ на деле были нужны им как воздух — для придания значительности собственной персоне. Миша рассказывал мне о своем приятеле С. — писателе андеграунда, которого считали очень талантливым. С исчезновением советской цензуры он немедленно опубликовал свое главное произведение, которое писал много лет. Однако, попав в печать, оно прошло совершенно незамеченным. Тогда бывший диссидент совершил крутой поворот и сделался ярым сталинистом...

Однако, при всей увлеченности М. В. искусством и литературой в широком смысле слова, главным в его жизни оставалась наука — археология палеолита. Общение его с научным руководителем, А. Н. Рогачевым, было таким, каким и должно быть в идеале общение выдающегося ученого с талантливым учеником. То есть очень плодотворным, исполненным взаимного уважения и симпатии. По словам М. В., Александр Николаевич был человеком кристально честным. При этом — непоколебимо убежденным марксистом. В политике любого уровня — от общесоюзного до институтского — его наивность не знала границ. Когда в 2004 г. мы вместе с М. В. работали над биографической статьей о его учителе, я записала такой Мишин рассказ:

«В 1975 г. мы ехали в Костенки в мае, как раз в момент очередных „всенародных выборов“ в Верховный совет СССР. Уже в поезде Александр Николаевич неожиданно задал мне вопрос:

— Миша, а вы открепительный талон взяли?

Я, как это было принято в нашей среде, беспечно хмыкнул и махнул рукой:

— Да какая разница, Александр Николаевич? Всё равно 99,8 % проголосуют „за“.

Ответа не последовало, но дня через два после завтрака Рогачев неожиданно сказал:

— Миша, я думаю, вы все-таки неправы.

Я был ошеломлен. В чем неправ? Вроде, ни о чём и не спорили...

— А вот, помните, вы сказали тогда: „Какая разница?“ Нет, каждый из нас должен отвечать за свои поступки...» [Платонова, Аникович, 2005. С. 15].

А вот другая деталь, сохранившаяся благодаря заметке М. В. «на полях» рукописи Л. С. Клейна «История российской археологии в лицах». В конце 2000-х автор прислал ее нам на прочтение. К слову, в одном из его очерков оказался затронут вопрос о соавторстве в научных публикациях. На это Миша заметил следующее: «...Мой учитель Рогачев был весьма щепетилен на сей счет. Когда я, еще будучи аспирантом, предложил ему подписать со мной мою первую статью о Волковской стоянке, я получил в ответ изрядную головомойку («И чтобы больше этого не было, Михаил Васильевич!..»). Однако если речь шла об изложении результатов работ *коллектива*, он тоже подписывал с нами статьи, посвященные конкретным стоянкам Костенок...»

О своем общении с А. Н. Рогачевым в аспирантские годы и позднее М. В. рассказывал с неизменной затаенной нежностью. Разумеется, их взаимопониманию очень способствовало то, что сам ученик в ту пору искренне считал себя марксистом. Но, по правде сказать, за такой вариант марксистской доктрины (если изложить ее официально и публично) в эпоху «застоя» можно было загреметь туда, куда Макар телят не гонял. В частности, М. В. считал Октябрьскую революцию «империалистической», а советскую систему управления — вариантом чиновничьего государства, характерного для Востока с его «азиатским способом производства». Потом, оглядываясь назад, он с юмором вспоминал:

«...Ну вот... И все ЭТО я, ничтоже сумняшеся, выкладывал своему учителю во время наших многочасовых бесед и дискуссий у него дома. И „твердокаменный“ марксист А. Н. Рогачев слушал внимательно и заинтересованно. В конце концов он сказал:

— А что, пожалуй, это интересно... Мы когда-то недооценили идею азиатского способа производства...

Ему даже в голову не могло прийти, что его аспирант впал в явную ересь и следует сообщить об этом в партком... Я же, как ни стыдно признаться в этом теперь, был настолько глуп, что искренне верил: марксизм — не догма, а руководство к действию. Слухи о заключении здоровых людей в психушку — явное враньё. Пусть наша родимая советская действительность далеко не идеал, но... не до такой же степени!

Впоследствии я много думал о том, как в одном человеке могло сочетаться несовместимое — полнейшая „твердокаменность“ в вопросах идеологии и удивительное свободомыслие, лишь только речь переходила

в профессиональную область?.. Но в науке для А. Н. Рогачева не существовало ни закрытых тем, ни „последних постановлений ЦК КПСС“... В действительности марксистская вера Александра Николаевича, в сочетании с природной интуицией и глубокой честностью исследователя, привела к появлению любопытного феномена: все научное, интересное, свежее становилось для него марксистским, а не наоборот...» [Платонова, Аникович, 2005. С. 16].

Из рассказов М. В. об А. Н. Рогачеве и об их работе в Костенках можно было бы составить целый фольклорный сборник. Никогда не забуду, как в экспедициях 2000-х гг. Миша со своим другом и заместителем Виктором Поповым (директором музея «Костенки»), сходясь вместе, начинали, усмехаясь в бороды, описывать разные случаи из времен своей юности. Это могли быть короткие остроумные рассказы или циклы анекдотов-былей: «Как мы убирали гуано с крыши музея», «Как Гена Григорьев развалил череп пещерного льва», «Как Рогачев произносил тосты», «Как мы в 1981 году принимали французов», «Как Аникович нашел младенца» и т. п. Расскажу здесь только одну историю — о младенце.

А. Н. Рогачев всерьез готовил своих учеников к будущей самостоятельной деятельности. Те, в ком он замечал способность «видеть слой» и относиться к полевой работе ответственно, получали право работать в Костенках на «своем» памятнике, исследовать его, обобщать и самим публиковать результаты. То, что на археологическом жаргоне называется «придерживать материал» или «подгрести его под себя», было для Александра Николаевича попросту немислимо и непредставимо. По Мишиному выражению, его учитель любил науку, а не себя самого в науке. И в этом ученик всегда старался походить на него.

Разумеется, самостоятельные работы на других стоянках следовало согласовывать с общим планом работ экспедиции: главной задачей ее в 1970—1980-х гг. считались раскопки второго жилого комплекса Костенок 1/верхний слой. Так что все молодые и многообещающие, аспиранты и уже «остепененные», постоянные сотрудники экспедиции и приезжие из других мест — все неизменно, из года в год, подолгу работали на Костенках 1. «Двадцать пять лет нашей жизни вложено туда!..» — слышала я потом и от Миши, и от Виктора.

Однако периодически находилось время поработать и на других памятниках. Так, в 1982—1984 гг. М. В. получил возможность заложить новый раскоп на «своих» Костенках 12 — «Волковской стоянке», старые материалы которой он уже изучил вдоль и поперек в ходе работы над кандидатской диссертацией. И вот в самом начале полевого сезона 1983 г. в верхнем (городцовском) культурном слое вдруг обнаружили тоненькие, слабой сохранности косточки *in situ*. Чьи? Грызуна? Сурка? Может, ребенка?

В ребенка, по правде, не верилось никому. Следов могильной ямки в окружающем слое не прослеживалось. Охры, обычно сопровождающей намеренные захоронения, также не было видно. Между тем чтобы рас-

чистить косточки и вынуть их, не повредив, требовалось немалое терпение, умение и время. А. Н. Рогачев, регулярно обходивший в своих неизменных кирзовых сапогах один раскоп за другим, пригляделся к находке и сказал:

— Миша, снимайте своего сурка. Время поджимает, пора переходить на «Первые»...

— Хорошо, Александр Николаевич... — ответил М. В. и аккуратно законсервировал косточки.

С приездом основного состава экспедиции работы на «Двенадцатых» временно сворачивались. Несколько раз по вечерам Рогачев задавал вопрос:

— Миша, вы своего сурка сняли?

— Нет еще, Александр Николаевич...

Минул сезон на Костенках 1, появилась возможность поработать на Волковской. И в первый же день, с первыми движениями ножа при расчистке археологу вдруг открылась крошечная тазовая кость. Тазовая!.. Это означало со всей очевидностью — никакой тут не зверек, никакой не сурок! Это может быть только человек, новорожденный младенец...

М. В. аккуратно зачистил погребение и отправился в лагерь. «Александр Николаевич, — обратился он к Рогачеву, — что же вы не идете младенца крестить?..»

— Что-о?! Ребенок?! Миша, неужели ребенок?! — старик почти бегом кинулся на Костенки 12.

Вечером того же дня друзья передали М. В. восторженный отзыв учителя, изреченный в его отсутствие:

— Ну, Аникович! Ну, Аникович!!! Каков?! Кол на голове теши, а все равно по-своему сделает!..

Говорилось это без всякой задней мысли, без малейшего раздражения, с искренним восхищением предусмотрительностью своего ученика и его правотой.

В дальнейшем М. В. реконструировал последовательность действий при совершении этого захоронения. По его мнению, отсутствие зримых признаков погребения (яма, присыпка охрой и т. п.) объяснялось тем, что тут похоронили младенца, умершего сразу после рождения. Он как бы еще не успел стать членом сообщества, над ним, по-видимому, не требовалось совершать никаких обрядов. Тем не менее крошку не бросили просто так, на съедение зверям, — в противном случае от него и следа не осталось бы. Его вынесли за пределы жилой зоны, положили на поверхность и аккуратно присыпали сверху холмиком земли. Видимо, в этом проявились чисто человеческая жалость и забота о маленьком тельце.

В описываемый период раскопками в Костенковско-Борщевском районе руководили два человека — А. Н. Рогачев и Н. Д. Праслов, находившийся тогда в самом расцвете своего дарования. П. И. Борисковский еще в 1960-х гг. полностью завершил свои раскопки в Костенках и более уже не возвращался туда. Отношения между ним и А. Н. Рогачевым оставались напряженными. По свидетельству М. В., они немного сгладились лишь в самые последние годы жизни Александра Николаевича. Однако рознь между основоположниками никак не отражалась на младших коллегах. Павел Иосифович был для юного М. В. чем-то вроде

доброто гения. Именно при его активной поддержке никому не известный студент из Томска оказался в Ленинграде — сначала на стажировке, а затем и в аспирантуре. В дальнейшем П. И. сделал все, что мог, для того, чтобы М. В. Аникович остался работать в ЛОИА. Их отношения были неизменно равными и очень доброжелательными. М. В. вспоминал, как однажды, обсуждая с ним какую-то проблему, Борисковский улыбнулся и сказал: «Ну, у вас же такой замечательный научный руководитель...» Так оно и было, но когда дело доходило до административных решений (например, как «выбить ставку» для ученика?), Александр Николаевич оказывался совершенно беспомощным. Его стихией была наука, и только она. А вот П. И. Борисковский умел быть превосходным организатором и практически идеальным руководителем отдела палеолита — умным, тактичным, профессиональным.

М. В. высоко ценил и полевые исследования П. И. в Костенках, завершившиеся детальными монографическими публикациями. Полностью принимая «культуральную» парадигму верхнего палеолита, сформулированную его учителем, он всегда отдавал должное и его постоянному оппоненту П. И. Борисковскому — за высокий профессионализм и целый ряд научных идей, не устаревших до сей поры. Среди этих последних М. В. особо выделял концепцию так называемой «степной зоны», ставшей прообразом его «южной историко-культурной области». Он выражался так: «Конечно, я в первую очередь ученик Рогачева. Но во вторую — все-таки Борисковского... Рогачев был полевой гений, с ним мало кто мог сравниться в поле. Но никто не смеет утверждать, что Борисковский копал плохо. Это ложь...» Последнее высказывание было вызвано появлением в 2002 г. статьи А. А. Формозова о П. П. Ефименко. В этой работе — вообще-то достаточно ценной и интересной — мимоходом приводились весьма субъективные и уничижительные характеристики многих коллег и сверстников автора. Миша был не на шутку оскорблен за своих учителей и все порывался выступить в печати с ответом. Тогда я уговорила его не делать этого, зная, что ничего, кроме новых обид и скандала, отсюда не выйдет. А время все расставит по своим местам. По правде сказать, мне было неловко и обидно за самого Александра Александровича, которого я знала лично и всегда уважала.

В описываемый период мы с Мишей были еще далеки друг от друга. Более-менее тесное общение началось с 1988 г. Это был разгар перестройки, период всеобщего интеллигентского подъема, бурных дискуссий и длинных очередей за сахаром, водкой и табачными изделиями.

В общем, хорошее время было. Мы — молодые, уверенные в себе фронтеры — весьма смутно представляли, что грядет в недалеком будущем. Вдруг проснулись надежды на то, что и мы что-то можем, и с народом теперь посчитаются! Именно поэтому люди, еще вчера относившиеся иронически к любым общественным мероприятиям, стали вдруг с головой кидаться в политику и самоуправление.

Нечто подобное случилось с М. В. и со мной. В 1988 г. нас обоих выбрали в профком ЛОИА. Помню, он неизменно сидел справа от меня на наших заседаниях. Говорил мало, но всегда по делу. Запомнилась еще его острая реакция на один неоднозначный сюжет: «Ну, меня вы в склоку не затынете...» Впрочем, склоки и не случилось. Нужны были такт (совсем немного!) и выдержка. Но все равно Мишино априорное неприятие подобных вещей мне понравилось.

Забегая вперед, скажу: ни политика, ни общественная деятельность никогда не смогли бы стать для него доминирующей областью интересов. Во главу угла «по жизни» М. В. неизменно ставил науку. От всего остального быстро начинал нервничать. В глубине души он очень не любил «руководить», командовать, и ему это действительно как-то не шло. Правда, в 2000-х гг. ему все же пришлось взять на себя роль организатора, руководителя исследовательских групп и крупной экспедиции. Но тут уж тут сработало чувство долга.

На баррикадах

Летом 1991 г. с Мишей произошла малоприятная история — накануне долгожданной и очень интересной поездки в США он потерял заграничный паспорт и все документы. Положение было дурацкое и очень обидное. Видимо, чтобы скомпенсировать неудачу, он без долгих слов засел за стол и довел до ума свою докторскую диссертацию. Тема ее формулировалась просто и со вкусом: «Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы». Мне эта рукопись знакома хорошо. Впоследствии она стала одной из основ коллективной монографии «Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии» (2007).

Время, когда он готовил диссертацию, оказалось судьбоносным. Сюда вместились последняя судорога погибающего режима — путч ГКЧП. М. В. был тогда человеком весьма политизированным. В 1987—1988 гг. он даже пытался писать «Дневник свидетеля перестройки», который, к великому сожалению, не довел до конца. Его отношение к ГКЧП было однозначным. После «глотка свободы» конца восьмидесятых одна мысль о том, чтобы вновь начать жить в системе тотальной лжи, вызывала у него тошноту. Впрочем, в победе грядущей диктатуры он почти не сомневался. И пошел 18 августа к Мариинскому дворцу без особых надежд на благополучный исход. С собой захватил только несколько пачек сигарет, полученных по талонам.

Люди, с которыми он всю ночь строил баррикады на Мариинской площади, были безоружны. Помню, Миша рассказывал: там, у дворца, они требовали выдать им автоматы. Автоматы обещали, но, слава Богу, не выдали, хватило ума. Между тем в толпе шла самоорганизация. Выделялись те, кто имел отношение к военному делу. Рядом с Мишей какой-то старик оказался адмиралом в отставке: он живо взял в свои руки участок «укрепрайона» и расставил на нем людей по своему разумению. Неподалеку сидел бородатый че-

ловек с маленьким котенком на руках. Рядом лежали костыли. Они узнали друг друга: «А, у Феликса виделись!..» Это был известный поэт и эссеист Виктор Кривулин, инвалид с детства. У знакомого художника, встреченного тут же, оказалась бутылка коньяка. Выпили ее как воду, не пьянея. Утром им всем из Мариинского дворца организовали то ли кофе, то ли чай. К тому времени уже стало ясно: атаки не будет. Танковая колонна, следовавшая на Петербург, развернулась где-то под Гатчиной и отправилась обратно в казармы.

Безоружные победили. Не стой они там всю ночь, танковые части вошли бы в город. Но проехать по живым телам соотечественников их командиру явно не улыбалось.

М. В. никогда не сожалел о своем выборе — безотносительно к тому, что происходило в последующие годы. Он говорил мне полушутя-полусерьезно, что если бы ГКЧП победил, а он остался в живых, то ушел бы в партизаны. Впрочем, сослагательного наклонения история не знает. Да, «счастливого будущего» они не завоевали. Но вот почему так произошло — вопрос не простой и не праздный.

Увы, «прихватизаторы» 1990-х гг. не с Марса прилетели в Россию. Они вышли из недр самого народа, страшно изголодавшегося по деньгам и комфорту. Новое чиновничество, сращенное с бизнесом, сформировалось из старой партийной элиты и тех, кто ранее стремился в ее ряды. В бандитские группировки 1990-х гг. вступали вчерашние комсомольцы, выросшие, на деле, в условиях полной идейной бескормизны. Реальные экономические трудности со всей беспощадностью обнажили отсутствие у них нравственного «запаса прочности», настоящих, а не бутафорских ориентиров на жизненном пути. Несколько лет спустя М. В. с горечью напишет:

«...Можно было бы на что-то надеяться, если бы все дело было только в той банде грабителей, которая нами правит сейчас. ... А в прошлом? У меня хранится довольно много старых журналов, газет, вырезок, вплоть до двадцатых годов, и, открывая их, испытываю чувство глубокого и полного омерзения. ...Те-то бандюги чем были лучше? Вранья было больше, это так. А грабили столь же нагло и безудержно, и, что особенно забавно, — те же самые твари, что и сейчас...»

«...Корень зла не в правительственной чехарде... Дело в дефиците совести. На всех уровнях — от правительства и парламента до директора, бухгалтера и т. д. ... А совесть никакие массовые акции не пробудят, об этом можно только молиться, но не митинговать...»

Так что «революция 1991 г.» и ее реальные следствия в конечном счете избавили его от всяких упований на социальные перевороты и революции вообще.

Однако для себя лично М. В. всегда считал решение пойти 18 августа к Мариинскому дворцу одним из самых серьезных в своей жизни. Сакраментальный вопрос, заданный Александром Галичем нескольким поколениям советских людей: «Можешь выйти на пло-

щадь?..» — археолог М. В. Аникович не раз обращал к самому себе:

...И все так же, не проще,
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!

После ночи, проведенной на Мариинской площади в ожидании подхода танков, он по праву мог ответить: «Смею!» Сейчас действительное настроение тех дней уже позабылось, да многие и не любят о них вспоминать. Но я хорошо помню: страх перед будущим был очень велик. В этой обстановке кто-то бежал в партком с просьбой вернуть ему уже сданный партбилет. А кто-то — шел на баррикады.

Лихие девяностые: начало

Революционная героика сверкнула и прошла, а проблем вокруг только прибавилось. В числе этих проблем подготовка докторской диссертации, наверняка, была не самой тяжелой. В начале 1992 г. М. В. успешно защитился, став, на тот момент, одним из самых молодых докторов в институте (ему только что стукнуло 45, по тем временам это была ранняя защита).

Характерная примета времени: кто-то из зарубежных приятелей осенью 1991 г. подарил ему 10 долларов. Тогда этого хватило на все: заплатить машинистке за перепечатку текста (компьютеров ни у кого еще не было) и организовать банкет. На предзащите в отделе палеолита, разумеется, были высказаны замечания — иначе что же это за обсуждение? М. В. в ответном слове сказал: «Благодарю всех коллег за их замечания и пожелания, однако переделывать ничего не буду — денег на вторую перепечатку диссертации у меня нет...» Заявление было принято с полным пониманием.

Жилось ему в 1990-х гг. тяжело. Он принадлежал к тому поколению людей науки, которое успело «состояться» до начала всеобщего развала. Это было преимуществом, так как давало внутренний стержень, заставляло держаться за профессию. Но это же было бременем, ибо налагал обязательства — перед той же профессией, перед чем-то неуловимым и со стороны непонятным, что зовется «отечественной научной традицией». Именно в те годы возник анекдот: Ельцин спрашивает Гайдара: «У нас сотрудники Академии наук на работу ходят? — Ходят! — А ты убавь им зарплату. — Убавил уже. — Ну и что? — Ничего, все равно ходят. — Слушай, попробуй им вовсе не платить. — Пробовал. Ходят все равно. — Ладно, ты с них плату за вход бери!..»

Шутки шутками, а все так и было: и зарплату не платили с дивной регулярностью, и «за вход» брали (как еще назвать оплату проезда на работу обнищавшим научным сотрудником?). Но вопрос об отказе от профессии для большей части нашего поколения все

равно не стоял. Вот этого, кстати, не понимают сегодня те, кто привык каждый свой шаг мерить на доллары. До них просто не доходит, что можно порой выдавать блестящие результаты, когда тебе платят копейки. Научные традиции?! Долг?! Ка-кие традиции?! Согласны мало получать, значит, плохо работают! Долой Академию наук, строим Сколково!..

На самом же деле в ИИМК 1990-х гг. проблема стояла так: делай в археологии все, что можешь, — и ищи подработку, чтобы с голоду не умереть. Впоследствии М. В. рассказывал, как он хватался тогда за любую «халтуру», лишь бы платили. Писал статьи для разных энциклопедий (они возникали, как грибы после дождя). Приобретя компьютер, стал набивать чужие тексты, научился макетировать книги и редактировать иллюстрации... Тем более меня поражало, как много и продуктивно он в те годы работал.

Конечно, к началу 1990-х гг. у него уже были хорошие «заделы» по целому ряду направлений. Его занимала и практика технико-морфологического исследования индустрий верхнего палеолита, и методология этого исследования — постольку, поскольку она имела реальный «выход» на практику. Теоретизировать ради самой теории Миша не любил. Он говорил о себе: «Я в первую очередь типолог...» — и прекрасно осознавал ограниченность возможностей типологического метода. Однако не просто их констатировал, а искал новые подходы. Одним из таких подходов, и, пожалуй, ключевым, стал для него структурный анализ индустрий, впервые примененный в докторской диссертации. Интересовали его и история археологии, и теоретические основы историко-археологического исследования. По всем этим направлениям крупные работы стали выходить у него из печати в середине восьмидесятых. И — продолжали появляться в девяностых.

Если сейчас обратиться к списку его трудов, то окажется, что именно на то голодное, несчастливое время приходится появление целого ряда его концептуальных статей. Это, в первую очередь, «О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении» (1993), «Изучение формообразования каменных орудий и обобщающие понятия современного палеолитоведения...» (1994) и многие другие. Тогда же *Journal of World Prehistory* опубликовал его большую статью об индустриях РВП в Восточной Европе (1992). Принципиально важная работа, посвященная проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа (написанная когда-то совместно тремя неразлучными друзьями — Х. А. Амихановым, М. В. Аниковичем, И. А. Борзьяком), была дополнена, переведена на французский и опубликована в *L'Anthropologie* (1993).

И если бы только это! В 2000-х гг., когда мы уже вместе работали с ним над различными проектами, меня иногда смущало его «планов громадь» — я понимала, что за год или два такие книги не пишутся. А М. В. как ни в чем не бывало говорил: «Найди такую-то папку, достань оттуда мою рукопись, она будет основой. Только надо ее дополнить в том-то и в том-то...» В конце концов я уже перестала удивляться,

только спрашивала: «Сколько же их у тебя?» С трудом укладывалось в голове, что все это писалось в общем-то урывками, в часы, свободные от поисков хлеба насущного.

Был момент, когда ему вроде бы улыбнулась удача. От датского ученого Оле Грюна поступило предложение опубликовать обобщающую монографию по палеолиту Костенок на английском языке. Датский коллега предложил свою помощь и посредничество в деле перевода и публикации. К 1995 г. книга о Костенках на английском языке была написана полностью, иллюстрации подготовлены и введены в компьютер, текст проверен носителями языка. К сожалению, пока шла ее подготовка, ситуация заметно изменилась. Оле Грюна обстоятельства вынудили покинуть Данию и переехать в Англию. Без него дело с выделением издательского гранта сразу зашло в тупик. В туманном Альбионе проект осуществить не удалось. Был, правда, один вариант, но на кабальных условиях. На них М. В. не согласился. Задержка в несколько лет оказалась решающей. Когда в конце 1990-х гг. в Костенках возобновились исследования и были получены новые аналитические данные, книгу стало уже нельзя публиковать в прежнем виде. Требовалась ее переработка. В результате эта монография пополнила собой фонд неизданных рукописей в Мишином рабочем столе. Разумеется, она использовалась нами при написании книги «Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы», увидевшей свет в 2008 г. [Аникович и др., 2008].

«Минет лето, сгинет год...»: на рубеже тысячелетий

Да, жилось тяжело, порою — отчаянно. Конечно, потом, оглядываясь на прошлое, М. В. находил в нем немало смешного и трогательного. Чего стоит один его рассказ, как два доктора исторических наук — он и С. Н. Астахов — зашли в кафе на Большой Конюшенной поговорить «за жизнь» и пропустить по стопочке. Но, посмотрев на цены, Сергей Никитич грустно сказал: «Миша, пойдем отсюда — *этот праздник жизни не для нас...*» Обозрев свою наличность, археологи направили стопы в ближайшую аптеку. В ту пору там бойко торговали «брынцаловкой», сиречь — настойкой боярышника, расфасованной по 100 грамм. Сей лекарственный препарат представлял собой чуть-чуть подкрашенный 70-градусный спирт, предназначенный для самых широких, воистину — демократических слоев населения. Только этот продукт и был по карману двум крупным ученым, чьи имена уже получили известность в европейской и мировой науке.

Снятие стрессов с помощью алкоголя, увы, не новость в нашей матушке-России. А для М. В. девяностые годы оказались «черным десятилетием» отнюдь не из-за одного хронического безденежья. Когда к перманентному стрессу добавляется глубокое внутреннее одиночество, то и срывы бывают серьезнее, особенно у людей эмоциональных. У Миши эмоцио-

нальная составляющая всегда доминировала над «рацио», ведь он непостижимым образом сочетал в себе ученого и художника. Окажись наоборот, ему, возможно, жилось бы легче. Но тогда это был бы другой человек, не он.

Свои «загулы», пережевавшие в девяностых годах напряженную работу, М. В. вспоминал потом с грустным юмором. Расскажу лишь один эпизод, который может показаться неправдоподобным, но... с ним случались и не такие чудеса.

После чьей-то защиты и банкета в ИИМК доктор наук М. В. Аникович возвращался домой последним поездом метро. В вагоне он уснул и благополучно проспал пересадку на «Технологическом институте». В результате вместо проспекта Ветеранов его занесло в Купчино. И так...

Ночь. Холод. Совершенно пустая площадь. Огнями озарен только ресторанчик — «стекляшка», где гудит пиршество. Возле ресторанчика — большой черный «Мерседес». Времена были самые бандитские.

Метро закрылось. Деваться некуда. Денег на такси нет, как, впрочем, и самих такси. Потыкавшись туда-сюда, протрезвевший и замерзающий доктор наук подходит к черному автомобилю: «Ребята, вы меня извините... Я станцию свою проехал. Тут на машине недалеко. Может, подбросите?..»

Разумеется, в ответ этому «фраеру» потрепанного вида доходчиво объясняют, куда именно и как он должен пойти.

Но идти ему в самом деле некуда. Через полчаса он опять подходит к «браткам»: «Ребята, может, все-таки подбросите?..»

Бог весть, чем бы это закончилось, но из сверкающего огнями ресторана вдруг появился сам босс — хозяин братков и черного «Мерседеса».

В ответ на законный вопрос «Че те надо?» попавший в беду «фраер» начал объяснять, что он не какой-нибудь там... Он археолог, доктор исторических наук. Одна незадача: проехал свою станцию, а тут пусто, холодно. Просил вот подбросить...

Бандюга в ответ изменился в лице и задал новый вопрос:

«Ты — археолог?! А документ есть?»

Ну да, в кармане находится академический пропуск, в портфеле — отпечаток собственной статьи. Личность ученого установлена. И тут «босса» как прорывает:

«Надо же, *ВЫ* — *АРХЕОЛОГ*! Археолог!!! Да я с детства мечтал археологом стать!.. И раскопки ведете?.. Ох ты... Сейчас вас отвезут домой! Или нет, стойте!..»

Из ресторана быстро выносятся бутылка французского коньяка и вручается доктору исторических наук. На память о встрече.

Потом мафиозная черная машина мчит его по ночному Петербургу. У парадного телохранителя высккивает первым:

— Подождите! Я должен проверить подъезд... У вас какой этаж?

— Ребята, вы что, серьезно?.. Да кому я нужен?

— Нет уж, извините! Мне дан приказ, я делаю свою работу...

Под надежной бандитской охраной доктора исторических наук доводят до двери квартиры и водворяют домой...

М. В. частенько вспоминал этот случай. Быть может, сейчас уже нет в живых ни одного героя той истории. И «братки» девяностых годов, и их «боссы» по большей части перестреляли друг друга в «разборках». А теперь уж и Миши нет. Но думается иногда: не мог быть совершенно конченным человеком тот бедолага, пришедший в неопикуемый восторг от одного вида живого археолога, попавшегося на его пути. Где бы ни был он теперь, пусть зачтется ему доброе дело.

Конечно, сейчас подобный случай воспринимается со смехом, но в ту пору это был смех сквозь слезы. Бездна надежды накапливалась, достигая критической точки. В письмах М. В. середины девяностых встречаются такие пассажи:

«...Дела у нас идут веселые. Профсоюз призывает к забастовке, а Таня¹ советует лучше объявить голодовку: денег все равно не платят, а для семьи будет лучше — не нужно кормить. Может быть, смысл в этом есть. Впрочем, большинство наших ни на забастовку, ни на голодовку идти не собираются; предпочитают плакаться по углам друг другу...»

«...Академия наук фактически уничтожается: на то, что нам „платят“ (точнее — *не* платят) нельзя не только жить, но и существовать. Так что все мы главным образом занимаемся поисками хоть каких-то заработков, а в свободное от этого время пытаемся заниматься наукой...»

Однако новые времена открывали и новые возможности, бывшие ранее недоступной мечтой. Так, например, осенью 1994 г. М. В. был приглашен в Париж, в Институт им. Александра Койре, для чтения лекций. В феврале 1995 г. он пишет старому другу Виктору Петрову:

«...Как любил говорить мой покойный приятель Женя Глинский: „В море гадости бывают капли радости“. Вот такой каплей явилось для меня трехнедельное пребывание в Париже в ноябре прошлого года... Все-таки наша поездка состоялась, хотя в это не верилось до последнего момента. Понял, что сбылось, даже не тогда, когда сел в „Боинг“, а когда увидел в иллюминаторе Эйфелеву башню.

...Официально в Париже мы были... в отпуске! Да, это так, ибо перед поездкой нужны были деньги, и это был простейший способ добыть хоть сколько-нибудь. Все равно, как ты, наверное, понимаешь — не за счет нашего Института была эта поездка. Оплачивала ее приглашающая сторона, причем они поступили очень просто: заплатили нам с Андреем (А. А. Синицыным. — *Н. П.*) по месячной зарплате французского профессора, а уж из этих денег мы сами оплачивали и дорогу, и жилье, и все прочее. Как видишь, даже на компьютеры осталось (Андрей тоже приобрел себе такую машину).

¹ Т. Н. Ярославская (Дмитриева), в ту пору жена М. В. Аниковича.

О самом Париже много писать не буду: все равно не опишешь. Скажу только, что он превзошел все мои ожидания. Казалось бы, столько о нем читал, слышал и даже видел (хотя бы в кино) и все равно — это был для меня настоящий „культурный шок“. Более того, этот город, казалось бы, совершенно чужой, навсегда запал в мое сердце. Теперь Париж — это моя любовь; может быть, последняя любовь в этой жизни...»

М. В. частенько повторял, что, только увидев Париж, он понял, как верно определение, данное ему Э. Хэмингуэем: «Праздник, который всегда с тобой». Впрочем, этот праздник миновал быстро и вновь подступили суровые будни. В 1996 г. в его письмах к Виктору Петрову звучат все более грустные нотки:

«...Какое-то тяжелое время, и очень трудно стало писать. Не только письма, но и вообще... Пытаюсь найти хоть какие-то источники существования. Немного заработал в „Аванта +“, но все уже кануло в Лету: последний столик в тумбочке ждет своего часа, и на этой неделе ему придут кранты. Сейчас гоню халтуру на своей машине: набиваю текст чужой монографии для подготовки к изданию. К сожалению, деньги будут не раньше июля... В „Знании-сила“ № 1 вышла моя статья о Костенках.

В общем, хвастаться нечем. Какая-то пустота и бесперспективность. Конечно, „пройдет и это“. Надеюсь, что не сменится худшим, впрочем, как знать? Как христианин, верю, что „в конце концов все будет хорошо“. Но — будет ли что-нибудь такое *здесь*? Нет, конечно, кому-кому, а мне жаловаться грех: Господь давал мне все, о чем я просил...»

В другом письме, написанном в октябре 1996 г., есть такие строки:

«...Недавно я обратил внимание: а есть ли вокруг нормальные, благополучные семьи? Стал присматриваться — и вижу: или ничтожно мало, или вовсе нет! Тех, кто кажется более или менее благополучными, я не знаю совсем. А тех, кого знаю, — хоть сколько-нибудь благополучными никак не назовешь. Спросил себя: а когда это началось? И вспомнил статью А. Блока „Безвремяе“. Помнишь, конец ее первой части? „Что же делать? Что же делать? Нет больше домашнего очага. Необозримый, липкий паук поселился на месте святом и безмятежном, которое было символом Золотого Века. Чистые нравы, спокойные улыбки, тихие вечера — все заткано паутиной, и самое время остановилось. Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет. Двери открыты на выюжную площадь“. Это писалось в 1906 г. Чего же мы хотим сейчас, когда гниль и распад всего и вся достигли таких пределов, которые в „серебряном веке“ могли лишь смутно прозреваться? ...И сейчас понятно, что „отвратительное животное“, прочно поселившееся под нашими кровами, — не просто „серая паучиха скуки“, но несравненно более зловещее существо: это если не Уголинат, то Шелоб или кто-то из их потомков. Семья, брак возможен как таинство или невозможен вовсе...»

«*Мне жаловаться грех: Господь давал мне все, о чем я просил...*», — говоря так, М. В. ничуть не лукавил. Что было в нем всегда, так это ответственность за

свои поступки. Он никогда не искал виноватых вовне, счет предпочитал выставлять себе самому.

Он добился своего: оказался в полном смысле слова «в большой науке», достиг в ней успехов, работал в ведущем российском центре палеолитоведения. Однако цена оказалась дорогой: в конечном счете пришлось расплатиться собственной семьей. В Томске в начале 1970-х у М. В. оставались жена и сын. По тем временам об их переезде в Ленинград даже речи не шло. Получить питерскую прописку для всей семьи (не говоря уже о том, чтобы реально обеспечить ее жилплощадью) было для иногороднего советского смертного задачей непосильной. А без прописки нельзя было ни работать, ни просто существовать. В результате брак надолго превратился в «дистанционный». Год за годом молодые супруги проводили врозь, разлуки перемежались короткими встречами. Рано или поздно этому должен был наступить конец.

М. В. всегда с большой теплотой вспоминал свою первую жену². В сущности, их развели обстоятельства, но сам он однозначно винил в этом только себя. Конечно, он смотрел в корень: в основе случившегося так или иначе лежал его выбор. С ранних лет его главным жизненным приоритетом была наука. С ней одной он категорически отказывался «развестись». Все дальнейшее стало лишь следствием этого выбора.

Очень поддерживало его в 1990-х гг. — и морально, и материально — участие в Зарайской экспедиции Х. А. Амирханова. Здесь он действительно отдыхал душой. Здесь можно было не бояться столкнуться с предательством — ни в каком обличье. После первого полевого сезона (1995) М. В. пишет Виктору Петрову:

«...Экспедиция прошла очень хорошо. Понравилось все: и город, и стоянка, и особенно — организация работы и быта. Хизри просто молодец: не только блестящий ученый, но и прекрасный организатор...»

Сам Зарайск — маленький старинный русский городок, до сих пор сохранивший красоту, несмотря на все старания большевиков... Город маленький, безработица приняла большие размеры, пьянство — чудовищно даже на мой взгляд. Но при этом — тяга к духовному очень заметна... Очень популярно изобразительное искусство... Много по-настоящему интересных людей... Так что же, может, и впрямь провинция спасет Россию? Хотелось бы поверить, но поголовное пьянство, но мат, звучащий из уст 12—13-летних девочек, к этому не располагает...»

Год спустя М. В. написал В. И. Матющенко:

«...Мой полевой сезон в Зарайске прошел на высшем уровне во всех отношениях. ...Зарайск в этот раз мне понравился еще больше, чем в прошлый. Можно сказать, я полюбил этот городок — своего рода кон-

² Татьяна Николаевна Аникович (урожденная Григорьева) была однокурсницей М. В. по Томскому государственному университету. Работала в Томске учительницей. В середине 1970-х гг. переехала с сыном в г. Полярные Зори (Мурманская обл.) и стала работать на Кольской АЭС. В настоящее время живет в г. Конаково Московской обл.

центрированную Россию, со всеми ее мерзостями, но и со всеми ее достоинствами...

Возвращаться из такой экспедиции было грустно: плюхаешься в привычное море гадости, без всяких надежд на изменения к лучшему. Сейчас я в отпуске и главное, чем занимаюсь, — бегаю по издательствам в поисках работы...

Во второй половине девяностых я довольно часто встречала М. В. в ИИМК. Сама я была тогда замужем за Андреем Глебовичем Бонч-Осмоловским. Жить приходилось на одну грошовую пенсию и одну грошовую зарплату. Муж серьезно болел, дочь была совсем маленькая. Сейчас, оглядываясь назад, я удивляюсь одному: как мы не опускали рук, как умели радоваться жизни, несмотря ни на что. Разумеется, я искала подработок, и Миша не раз давал мне консультации на сей счет. Помочь мне хоть как-то ощутимо он не мог, но в конце концов дружеское участие тоже поддержка.

Ни о его проблемах, ни о его внутреннем одиночестве я в ту пору даже не догадывалась. Напротив, всегда отмечала про себя, с каким спокойствием и уверенностью он держится, как умеет не теряться в трудный момент, как неизменно находит работу. Разумеется, в разговорах со мной М. В. не особенно откровенничал. Душу он раскрывал только близким друзьям да в стихах, предназначенных для узкого круга. Именно в тот период у него сложился пронзительный поэтический цикл «Один год».

Весной 1997 г. М. В. получил очередные отказы на свои заявки в российские научные фонды (заявки он все равно продолжал подавать упорно, каждый год) и приглашение в США на август. «Смогу ли его реализовать, не знаю, — написал он тогда, — здоровье хромает...»

Однако поездка в Америку все-таки состоялась. Дорога была долгой: первая пересадка в Париже, следующая — в Чикаго, потом в Денвере (столица штата Колорадо), и наконец, на маленьком самолете, через Скалистые горы, — в городок Кортез. Там его встретили друзья, посадили в машину и повезли в научно-туристический археологический центр Кроу Кэньон.

«...Сейчас мне трудно понять, — читаем мы в его письме к тому же Виктору Петрову, — почему так не хотелось ехать? Там это сразу же прошло; еще бы!.. Ведь попал-то я в самые что ни на есть ковбойско-индейские районы и жил там не как турист, а как „свой“, — в самой что ни на есть американской „глубинке“! ... У индейцев я был в двух резервациях: у Навахо (как турист) и у Зиа (как гость — у Питера Пино, с кем познакомился в прошлом году). Хороший дом; угостили отличным обедом — индейским, разумеется: оленина, разные овощи, какие-то очень специфические блюда. Все очень вкусно. На следующий день разъезжали по памятникам. Питер напоследок свозил меня на одно из их Священных мест — выходы гипса; очень похоже на снег. Кусок гипса оттуда сейчас на моем столе. И еще он подарил мне духа «качинос», которого сделал специально для меня, употребив и индейскую, и зарайскую охру. Эти духи привели пу-

эбло на Запад и сами живут где-то на Западе (помнишь валаров?).

...Кстати, о резервациях. Это вовсе не то, что нам внушалось с детских лет. Это — индейская территория, на которой действует индейское самоуправление. Федералы не имеют права туда соваться ни для строительства, ни для разработки полезных ископаемых, ни для чего-то подобного. Население там постоянно увеличивается, хотя, конечно, свои проблемы есть...»

В конце того же, 1997-го, года в жизни М. В. происходят заметные перемены. По совету своего друга Олега Кулова он пробует себя в писательстве. Результат превосходит все ожидания — два его романа («Закон крови» и «Тропа длиною в жизнь»), изданные в 1998 и 1999 гг. под псевдонимом «Олег Микулов», оказываются захватывающе интересными (залог коммерческого успеха) и очень неординарными по жанру. В них как бы соединилось несоединимое. Совершенно «детективные», увлекательные сюжеты — и глубокий философский смысл (кстати, именно динамичность сюжетов сделала его ненавязчивым). Предельная достоверность антуража (прописанный со знанием дела быт палеолитических охотников) — и сверхъестественные события. В романном пространстве мистика органично вплеталась в быт, а быт, в свою очередь, обнаруживал мистическую изнанку...

Романы оказались востребованными. Их высоко оценили и издатели, и читатели. С книжных прилавков они исчезли очень быстро. Издательство «Азбука» явно с ними не прогадало. В результате материальное положение автора несколько поправилось. Однако мигнувшее «черное десятилетие» даром для него не прошло. Результатом стали частые приливы депрессии и резкий упадок зрения.

Незабываемые 2000-е

Тем не менее перемены в его судьбе продолжались — пусть не слишком заметные, но неуклонные. Хотя жизнь по-прежнему шла «в полосочку», он раз за разом словно переламывал неудачу.

В 1999 г. М. В. удалось возобновить исследования на Костенках 12 — поначалу на небольшое спонсорское пожертвование. Однако весной 2000 г. РФФИ наконец поддержал его очередную заявку. Это открывало возможность поставить работы более широко. Кстати, М. В. любил рассказывать, как до него дошло это радостное известие. Однажды на самом подходе к дому ему вдруг пришлось остановиться. Дорогу пересекал большой черный кот. «...Огромный такой котяра, важный, чернущий как смоль. Еще приостановился, нахал, посмотрел мне в глаза, мяукнул и дальше пошел вразвалочку. Я, конечно, и не подумал обходить его трассу. Перешагнул, вошел в подъезд, сунул руку в почтовый ящик — а там открытка из РФФИ: „Ваш проект поддержан“. Ну, тогда я окончательно понял: черные коты мне — к счастью...»

Так в 2000 г. впервые была создана Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция ИИМК под

его руководством. В сентябре, по окончании полевого сезона, М. В. написал В. И. Матющенко:

«...Только что вернулся из экспедиции и был очень рад получить от Вас письмо, и особенно тому, что Ваше здоровье налаживается. Дай-то бог! Что же касается экспедиций... честно говоря, я бы и сам сейчас с большим удовольствием отошел от полевой археологии, если и не совсем, то в значительной мере. К сожалению, побывав в прошлом году в Костенках, понял, что время для этого еще не настало. Чтобы дело не погибло окончательно, нужно брать его в свои руки и не просто восстанавливать разрушенное, а создавать механизм, способный функционировать в современных условиях... Трудно? Очень! Но это — единственный выход, ибо в ближайшие десятилетия ни на какие сколько-нибудь серьезные государственные „вливания“ надеяться не приходится. Как бы то ни было, — меня вдохновляет история создания ныне процветающего Археологического центра „Кроу Кэньон“ (США, Колорадо), где мне посчастливилось побывать. Начинаю с малого: собираю местный „костяк“ единомышленников...

Сейчас я работаю на грант РФФИ. В Костенках таким образом действуют две экспедиции: А. А. Синицына (грант РГНФ) и моя. Живем врозь: он на нашей старой базе, давным-давно нуждающейся в капитальнейшем ремонте, а я арендую горнолыжную базу, что весьма удобно: оборудованная кухня, горячий душ, нормальный туалет и — на отшибе от села. Мой заместитель и ближайший помощник — В. В. Попов...

Раскопки веду на Костенках 12; продолжаю начатое в прошлом году... 25—28 [августа] вместе с Поповым съездили в Зарайск. Там много нового и интересного; в общем, прежние представления вполне подтверждаются. 2 сентября вернулся домой, чтобы в первую очередь вплотную заняться отчетами. В этом году в связи с руководством гранта заниматься „чистой“ наукой сложно, но я все же сумел написать три довольно большие статьи: о начальной поре верхнего палеолита (2,5 авт. л.; для „Stratum+“, должны уже опубликовать) ...о ранней поре верхнего палеолита Восточной Европы — для Франции, и статью, в которой анализируются последние концепции происхождения костенковско-стрелецкой АК...»

Следующий год — 2001-й — ознаменовал собой начало нового этапа исследований: в Костенках возобновилось международное сотрудничество, причем не «представительское», а весьма деловое. В основу его легли устные договоренности М. В. с Дж. Ф. Хоффекером, состоявшиеся еще осенью 1999 г. в ходе конференции, посвященной 120-летию исследований Костенок. В начале октября 2001 г. Миша написал В. И. Матющенко:

«...Во всех отношениях — это один из лучших моих сезонов! Я работал на многослойном памятнике Костенки 12 совместно с Виктором Поповым (директор музея-заповедника «Костенки» с марта этого года; слава богу — от прежнего подонка наконец-то избави-

лись³) и с американцами — Джоном Хоффекером и Вэнсом Холлидеем. У меня был маленький грант от РФФИ, у Виктора небольшие хоздоговорные деньги, а Джон добыл грант фонда Лики! Так что не бедствовали, был и транспорт, и хорошая еда, и оборудование прикупили, и ребятам заплатили так, что, думаю, они не ожидали. Но главное: будет всесторонняя аналитика, сделанная как в США, так и у нас. И еще важнее: я не ожидал такого успеха! Достаточно сказать, что были открыты два древнейших культурных слоя. Материалы невелики, но есть орудия...»

Это письмо долго оставалось неоконченным: Миша дописал его лишь через два месяца. Причиной задержки стали перемены, кардинально изменившие и его жизнь, и мою.

Об особом отношении Миши ко мне я стала догадываться с изрядным опозданием. Стыдно признаться, но понадобились годы, чтобы осознать простой факт: этот человек, которого я привыкла считать только приятелем, на самом деле любит меня — любит давно, беззаветно и безнадежно... Собственно, толчком, открывшим мне глаза, послужил один эпизод, случившийся в 1998 г. Миша тогда откровенно схулиганил, чего раньше за ним не водилось. Он подарил мне свой роман «Закон крови» с надписью: «Наде Платоновой — с великой любовью. М. Аникович». Это было «немного много» — даже для непонятливых. Именно с того момента разные мелкие детали, которым я совершенно не придавала значения, вдруг сложились для меня в цельную картину. Впрочем, и тогда в наших отношениях абсолютно ничего не изменилось. Моя семья поглощала меня целиком. Да Миша и не рассчитывал ни на какие перемены. Ему просто уже нечего было терять... Мой муж, получив от меня его книгу, прочел ее с огромным интересом и просил передать автору свое восхищение. Надписи на форзаце он ухитрился не заметить.

В январе 2001 г. я похоронила Андрея Глебовича. К тому времени М. В. уже год как жил вдвоем с мамой в

³ Упомянутый «прежний» директор музея Д. Волков отличился тем, что дал разрешение на строительство двухэтажного коттеджа на культурном слое стоянки Костенки 12. Было это сделано за взятку или за красивые глаза — теперь, в сущности, неважно. Однако горе-строители слишком поторопились: не учли крутизну склона, плохо рассчитали фундамент. В результате коттедж дал сквозные трещины и в первой половине 2000-х гг. оставался необитаемым. Только это и позволило нашей экспедиции спокойно провести работы на ряде оставшихся участков слоя. Разумеется, после этих художеств М. В. упомянутого «подонка» видеть не мог. Тот предпочел уйти с поста директора по собственному желанию. Впрочем, нам еще долго придется пожирать плоды его кипучей деятельности по «охране» Костенок. Как выяснилось сейчас, именно в годы директорства Д. Волкова местной администрацией производилось оформление и выдача крестьянам документов о собственности на землю. Ни в один из них не было вписано обременение в связи с наличием на земельных участках культурного слоя, хотя в арендных документах советского периода такое обременение присутствовало.

двухкомнатной квартирке в Ломоносове, полученной в обмен на томскую трехкомнатную квартиру. Его отец и тетушки умерли в конце восьмидесятых. Еще раньше, совсем не старым, скоропостижно скончался любимый брат матери — Михаил Тимофеевич, боевой офицер-артиллерист, прошедший войну от Ленинграда до Будапешта. Круг близких неотвратно сужался. От когда-то большой, дружной сибирской семьи осталась лишь старая мама, которую М. В. перевез в Ленинград. С ней вдвоем он и собирался коротать ближайшие годы, не загадывая на особенно долгий срок. Здоровье его ухудшалось — он сам это чувствовал... Но все получилось иначе: у них вновь появилась семья. В октябре 2001 г. Мише Аниковичу выпало принять на руки и меня, и мою осиротевшую дочь. В результате он не просто занял отцовское место. Он действительно сумел стать ей отцом в самом высоком смысле этого слова.

Под Новый год М. В. написал старому школьному другу Мише Фрейдину в Тель-Авив:

«...А теперь — почему я так долго молчал. Причина простая: женился и обалдел. Чувствую себя лет на 20 моложе! Сам себе не верю! Ничего не могу понять: почему [она] избрала меня — старого, закомплексованного... Но пока чувствую себя до омерзения счастливым, в чем и признаюсь!

...И у меня вдруг появилась 10-летняя дочка, которая, как ни странно, очень обрадовалась происшедшему! И пожалуй, я никого в жизни так не любил, как Надю! Мне страшно представить сейчас: что было бы, если мы остались бы врозь...»

В письме к сыну Александру, написанном тогда же, М. В. признавался: «...Чувствую себя до безобразия (и незаслуженно!) счастливым. Никогда бы не поверил, что в моей жизни такое возможно!...»

Пожалуй, в этих словах весь он, без остатка! В науке М. В. хорошо знал себе цену, но всякий раз, когда дела переходили в личную сферу, он совершенно искренне считал себя «недостойным» решительно всего хорошего, что выпадало ему на веку. Такому явлению есть название в христианской терминологии: «держатъ ум во аде».

Сейчас, когда я оглядываюсь назад, все 11 лет, проведенные бок о бок с Мишей, кажутся мне единым светлым праздником. Хотя, конечно, у нас были не только счастливые дни — особенно когда его зрение ухудшилось настолько, что он окончательно потерял возможность самостоятельно читать и работать за компьютером. В последние годы болезнь Паркинсона медленно, но верно лишала его возможности ходить на дальние расстояния. Из-за той же болезни руки стали слушаться его плохо — не могло быть и речи о том, чтобы, скажем, учиться компьютерному набору «вслепую». Он выносил все это стоически. Думаю, немногие догадывались о том, чего ему стоили последние научные достижения, книги и статьи, изданные после 2006 г. Очень выручала его совершенно феноменальная память. Он помнил в деталях почти все, что было прочитано им ранее и что содержалось в его недописанных монографиях. Он зрительно помнил практиче-

ски все костенковские разрезы, включая те, что изучались нашей экспедицией в первой половине 2000-х гг. Но конечно, когда надо было осваивать новые материалы, роль его «глаз» зачастую приходилось выполнять мне — в меру возможностей. Если что-то меня отвлекало, выручали секретари — в основном из числа студентов, искавших подработку.

Все это так. Почему же тогда все годы, пройденные с ним рука об руку, сейчас кажутся мне сплошь озаренными светом? — Да потому, что так оно и было. Все наши трудности и беды неизменно «перекрывались» другим — нашими совместными трудами, нашим внутренним единством и радостью, которую давало ощущение этого единства.

С 2002 г. я начала ездить с М. В. в Костенки. Поскольку зачерчивать стратиграфию раскопа было для меня делом привычным, я сразу же предложила Мише свои услуги по этой части. Конечно, подобный вопрос и не встал бы, если бы в начале 2000-х у него самого не начало падать зрение. До полной потери его тогда казалось далеко, но чертежная работа стала ему тяжелой. Среди прочих сотрудников опытных чертежников не было. Я же в своих экспедициях занималась разрезами много лет...

Мишина реакция оказалась для меня совершенно неожиданной. Можно сказать, тогда я впервые столкнулась с особым палеолитическим снобизмом. Раньше мне было невдомек, что палеолитоведы смотрят на специалистов по поздним эпохам ну вроде как кроманьонцы на неандертальцев. Стоило мне упомянуть о чертежах, как мой супруг замаялся и начал путано объяснять, что это очень трудно, что я, наверное, не справлюсь и т. д. Сие показалось мне диким, но я не переживала. Мы всегда приходили к консенсусу. В конце концов решили попробовать.

Помню, какое впечатление произвела на меня впервые увиденная тогда стратиграфия многослойной Волковской стоянки. В 2001—2002 гг. Миша наконец осуществил свое давнее стремление — объединил все старые раскопы и шурфы Костенок 12, чтобы вскрыть единый протяженный разрез и детально разобраться в соотношении слоев.

Недели две я только приглядывалась к 20-метровой восточной стене раскопа, вскрытой тогда на высоту около 2,5 м. Старалась выделить стратиграфические узлы, уловить основные закономерности. Прикидывала, в какой же технике все это лучше зафиксировать? Решила чертить разрез в цвете... В конечном счете мне все-таки удалось «самоутвердиться» на палеолитическом раскопе. Изо дня в день, наблюдая мою работу, и Миша, и Витя Попов проникались уважением к археологам-медиевистам вообще и к их способностям читать стратиграфию в частности. Правда, под это оказалась подведена отдельная «научная база». Оба палеолитоведа честно признали: да, те, кто имел дело с мощными напластованиями Рюрикава городища, Старой Ладоги и пр., пожалуй, и впрямь должны разбираться в микростратиграфии. Все остальные — бог весть...

Со своей стороны, я тоже поняла, что Мишины опасения в 2002 г. были отчасти оправданы. На палеолитическом раскопе необходимо понимать и учитывать факторы, обусловленные геологическими и почвенными процессами — такими, с которыми вовсе не сталкиваются археологи, изучающие голоцен. К счастью, мне выпало постигать все это под хорошим руководством.

Три года я как сумасшедшая занималась разрезами Мишиных раскопов: в 2002—2003 гг. — на Костенках 12, в 2004 г. — на Костенках 1. Потом эстафету решительно «перехватили» у меня растущие молодые кадры, о чем я, по правде, ничуть не сожалела. Теперь я радуюсь, оценивая великолепные цветные разрезы, которые уже лет 6 выполняет в нашей экспедиции Е. М. Иконникова. Лыщу себя надеждой: в основе всего этого лежит частичка и моего опыта.

Пришла пора задать вопрос: насколько верной оказалась сама направленность работ М. В. Аниковича в Костенках в последнее десятилетие? Научные результаты их хорошо известны, хотя бы потому, что на средства, выделявшиеся из его исследовательских грантов, регулярно издавались «Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции». Разумеется, можно было бы перечислить немало конкретных научных результатов и открытий последнего десятилетия, но сейчас я хочу сказать о другом.

Еще в конце 1990-х гг. М. В. — один из немногих — понял необходимость тесной увязки академической науки о палеолите с музейными структурами Костенок, на которые теперь легла ответственность за сохранность уникальных памятников этого района. Его письма 1999—2001 гг., включая уже цитированные выше, недвусмысленно показывают: он считал нужным искать новые формы работы, способные обеспечить финансирование в изменившихся условиях. Считал необходимым не замыкаться в башне из слоновой кости, глядя на местных работников как на подсобных рабочих, а готовить из них на месте специалистов высокого класса. Использовать, по возможности, зарубежный опыт организации «живых музеев» и научного туризма (в этой связи ему представлялся ценным и опыт организации Кроу-Кэньона в США, и опыт Зарайской экспедиции Х. А. Амирханова). К сожалению, сейчас можно констатировать: на рубеже 1990 и 2000-х гг. все это абсолютно не встретило понимания у коллег.

Выше я уже упоминала: быть начальником М. В. откровенно не любил и не хотел. Сам он нередко говорил мне: «Меня бы вполне устроила в Костенках роль „свадебного генерала“ при хорошем начальнике-организаторе. Как у нас в Зарайске было с Хизри. Да вот не получилось...» Тем не менее в создавшейся ситуации он решил действовать самостоятельно, ибо иного выхода не видел. Тут сработало чувство долга перед костенковскими памятниками, в которые им уже было вложено полжизни. В 1999 г. М. В. официально зарегистрировал некоммерческую организацию — фонд «Археолит». В рамках его он планировал организовать

поиск спонсоров костенковских исследований, наладить издательскую деятельность и т. д.

Сохранившиеся в нашем семейном архиве документы и письма М. В. начала 2000-х гг. не оставляют сомнений: не случись с ним несчастья — почти полного упадка зрения, страшно затруднившего ведение всяких бумажных дел и обширной переписки, он, конечно, сумел бы довести дело до конца и воплотить свою идею в жизнь. Но в создавшихся условиях пришлось сосредоточиться на отдаче собственных научных долгов. Надо было довести до логического завершения полевые исследования, надо было дописать монографии, ждавшие очереди в его рабочем столе.

Однако другой своей идеи — о постановке археологических работ в единой связке с музеем-заповедником «Костенки», о подготовке кадров и передаче опыта — М. В. не оставлял. К слову замечу: и здесь ему пришлось идти буквально «против течения». Парадоксально, но факт: за последнюю четверть века ни Воронежский университет, ни Санкт-Петербургский абсолютно не интересовались исследованиями в Костенках. Практикантов оттуда у нас не бывало. Зато... в последние годы дважды приезжала «полевая школа» из далекого Новосибирска во главе с Л. В. Лбовой. Оставалось смотреть и завидовать белой завистью, как там готовят студентов-археологов.

При таком отношении со стороны двух ведущих университетов обеспечить экспедицию необходимым количеством молодых специалистов и сформировать из них «костяк единомышленников» оказалось совсем непросто. Это был трудный и долгий путь. Однако практическим результатом этих трудов М. В. и его друга В. В. Попова стало то, что музей-заповедник «Костенки» ныне располагает такими кадрами профессионалов-палеолитоведов, как, пожалуй, ни один музей России. Сейчас, когда наша академическая наука переживает очень смутные дни, наличие этих кадров — один из немногих «лучей света в темном царстве». Быть может, это единственный залог того, что памятники действительно будут охраняться, что на них не будет вестись непрофессиональных раскопок (хотя бы и спасательных), что музей не скатится до пропаганды псевдонаучных идей, вроде «славянства» верхнего палеолита.

Разумеется, и полевые работы, и издательская деятельность, и те обобщения, которые делались М. В. в 2000-х гг., в конечном счете оказались бы невозможными, если бы не щедрая поддержка его проектов со стороны РФФИ, а позднее — Президиума РАН и РГНФ. В этом плане ситуация резко изменилась для него по сравнению с девяностыми годами. Очень большое значение имело и развитие сотрудничества с целым рядом ведущих университетов США — в лице археолога и тафономиста Дж. Ф. Хоффекера, геолога В. Холлидея и целого ряда видных специалистов, производивших разнообразные лабораторные исследования костенковских материалов. Трудно переоценить тот факт, что эти весьма дорогостоящие аналитические работы оказались обеспечены грантами американских научных фондов.

Будучи руководителем целого ряда крупных проектов, М. В. любил создавать вокруг себя атмосферу, напоминающую вольное научное общество, проводящее обсуждение интересных проблем. Если у него это получалось, результаты бывали наилучшими. Он всегда был сторонником коллективных методов исследования, утверждая, что «нельзя объять необъятное» и не зачем стараться самому сделать то, что без тебя прекрасно сделают другие. Работы и так по горло... Когда к 2011 г. у нас вышел из печати шестой том «Трудов Костенковско-Борщевской археологической экспедиции», он как-то раз протянул с искренним удивлением: «А ведь и вправду я этого добился... Все вокруг меня вертится. Вот не подумал бы...»

Тем не менее в середине 2000-х гг. М. В. переживал очень тяжелое время. Его мучило предчувствие надвигающейся слепоты, слабели ноги, появились проблемы с сердцем. Как на грех, добавились сюда и неприятности в отношениях с некоторыми коллегами. Стала развиваться депрессия. Он начал говорить мне: «Ну зачем я все это пишу? Никто же читать не будет... Утрачен навык нормального чтения. Может, романы мои еще прочтут, а статьи — да кому сейчас это нужно?»

И вот в 2006 г. мы с ним приезжаем на I Археологический съезд. Хорошо помню тот пригородный комплекс под Новосибирском, где нас разместили. Наши с Мишей апартаменты оказались на первом этаже. В самый первый день мы заторопились с ним наверх, на пленарное заседание. Миша со своей палкой в числе последних заскочил в лифт, где уже было полно молодого, абсолютно незнакомого народу. Двери закрылись... И вдруг где-то рядом с ним раздался веселый голос: «Ну, теперь Съезд точно состоится! Классики приехали!» М. В. с изумлением огляделся. Еще больше пришлось ему изумляться вечером, когда во время фуршета к нему вдруг выстроилась целая очередь незнакомых людей, желающих представиться, просто пожать руку, сказать какие-то теплые слова. Больше всех мне тогда запомнился А. А. Василевский, занимавшийся палеолитом Сахалина. Он подошел со словами: «Михаил Васильевич, ваши труды стоят у меня на полке на почетном месте...» Миша потом сказал мне: «Ну, уж если на Сахалине мои труды на почетном месте, значит, и вправду стоит работать...» Пожалуй, в тот исключительно трудный момент эти вроде бы мелкие эпизоды, связанные с путешествием в Сибирь, оказались для него большой психологической поддержкой.

Я уже говорила: М. В. очень любил Сибирь. Стоило ему появиться на своей «малой родине», как вокруг него мгновенно создавалась особая аура. Он словно излучал тепло, любовь и уверенность и в ответ получал то же самое полной мерой. Приезжая с ним в Томск, мы встречались с его друзьями, с университетскими преподавателями и коллегами, с бывшими одноклассниками и однокашниками. Среди них были и крупные ученые, и скромные служащие, и домохозяйки — и все эти встречи дарили радость их участникам. Про своих одноклассников М. В. говорил мне в 2010 г.: «Вот здорово, что у меня зрение упало. Слушаю их го-

лоса и вижу кругом не бабушек, а одиннадцатиклассниц...» Он с искренним участием вникал в дела и разнообразные проблемы «девочек», переживал за них, обменивался электронными адресами, чтобы потом посылать им письма, по возможности бодрые. Признавался мне наедине: «Понимаешь, столько лет прошло. Я чувствую: они мне все как родные...»

Хочу сказать и еще об одном: истинным подарком судьбы М. В. считал то, что сын его Александр⁴, став взрослым, восстановил с ним отношения. Их общение началось еще в 1990-х, когда между отцом и сыном завязалась постоянная серьезная переписка. Так, в середине 1999 г. М. В. написал Саше:

«...Был очень рад получить твое письмо... Рад и тому, что ты сменил место работы, — ведь ты этого хотел, не так ли? Что же касается будущего, то, боюсь, какой бы то ни было совет дать здесь чрезвычайно трудно. Видишь ли, как историк могу сказать одно: в нашей матушке-России во все времена преуспевали только чиновники и воры (что, впрочем, одно и то же). Так было, по крайней мере, со времен Алексея Михайловича, так есть, и так будет. Но ведь для этого тоже нужны определенные способности, не так ли? У меня их нет; насколько тебя знаю — думаю, что их нет и у тебя. Ergo? Значит, — я так думаю, и не больше того! — прикидывай не то, что будет „выгодно“ через 5 или 10 лет (все равно ошибешься), а то, к чему у тебя больше лежит душа. Сейчас у тебя за плечами достаточно большой опыт — вот и прикидывай! Знаешь, в стабильной ситуации я бы, честно говоря, переживал, что тебя мотает туда-сюда. Но в современной ситуации это, может быть, и к лучшему. Если, конечно, ты сможешь использовать приобретенный опыт...»

После смерти М. В. я однажды задала Саше вопрос: как началось его общение с отцом? Он ответил, что, собственно, хотел посмотреть, как отец отнесется к его появлению? Если бы почувствовал, что не нужен ему, ушел бы сразу и не стал более о себе напоминать. Но вышло совсем по-другому...

Да, вышло по-другому. С годами отношения становились — уже на моих глазах — все более тесными и по-настоящему семейными. Миша очень переживал за сына, радовался, когда тот сумел, уже в зрелом возрасте, заочно окончить ГУАП. Говорил про него: «Он такой же упрямый, как я. Пожалуй, даже больше...» М. В. искренне полюбил и свою невестку Аннушку, был счастлив рождению внука Артема. Мы с ним как-то пропустили момент, когда наши дети стали называть друг друга братом и сестрой, это произошло совершенно спонтанно. Теперь уж и Миши нет, но старший брат Саша у Ольги остался.

В последние годы мы с М. В. не раз обсуждали, как перейдем потом с конкретной археологической проблематики на философию истории и художественную литературу. Миша мечтал об этом давно: с некоторых пор на него стало давить сознание своей неполноцен-

⁴ Александр Михайлович Аникович в настоящее время живет с семьей в г. Полярные Зори Мурманской обл., работает на Кольской АЭС.

ности — физической невозможности самому работать с коллекциями. А в философии и писательстве у него были большие заделы. Достаточно сказать, что так и остался неоконченным его третий роман «Мудрый Узун». Когда-то, прочитав его в компьютере, я сказала Мише: «Блестяще! Дописывай!» Он только отмахнулся: «Некогда».

Увы, всякий раз эти беседы кончались тем, что у него еще слишком много долгов в науке. Нужно с ними развязываться. Нужна детальная публикация новых материалов, нужно доследовать объекты на «Первых» и «Восьмых»... Миша вздыхал и говорил: «Ну на кого я все это оставляю? Ребятам же без меня и денег не дадут...» Нет, конечно, он вполне серьезно думал о своем уходе с поста начальника Костенковско-Борщевской археологической экспедиции и не скрывал, что в С. Н. Лисицыне видит своего преемника. Но при этом М. В. прекрасно сознавал: именно он является той «тяжелой артиллерией», которая без единого выстрела, просто своим наличием, позволяет решать очень многие проблемы. Когда я заикнулась в 2012 г. о том, чтобы не ехать в экспедицию, он отреагировал так, что я поняла: для него это станет худшим потрясением...

Умер Миша в Костенках, у меня на руках, 13 августа 2012 г. Был, видимо, сильный перепад давления,

он с утра чувствовал себя неважно. Но в первую половину дня мы ещё работали с ним над статьёй.

Похоронили мы его там же, на костенковском погосте, в самый День археолога. Наверное, для ученого не такой уж плохой исход — найти упокое в том месте, на которое он положил и душу, и жизнь свою. Писатель Олег Микулов, потомок костенковских колдунов, он же доктор наук М. В. Аникович, лег в землю своих далеких предков. Он просто исполнил свой долг, а случилось то, что случилось.

За несколько дней до смерти М. В. позвонил в Махачкалу Хизри Амирханову. Сообщил, что чувствует себя лучше, и заодно рассказал, что видел во сне рай. Да-да, это был настоящий рай. Он лежал там в траве и смотрел в небо. Небо было зеленое... И он не знал, сколько тысячелетий уже протекло?.. Они еще посмеялись тогда, что отдохнут от нынешней суеты только под гробовой крышкой.

Через день после похорон мне вдруг подумалось: а как бы я сама представила себе рай? И вдруг показалось: рай — это когда Миша лежит рядом на диване и диктует мне какие-то строчки. А потом мы их обсуждаем, переделываем — творим совместно. И он говорит мне: «Ну, это достижение... Давай-ка по коньячку!»

Оказывается, я долго жила в раю. И, пожалуй, не понимала этого по-настоящему.

Иллюстрации к статье:
Н. И. Платонова. Михаил Васильевич Аникович

Тимофей Алексеевич и Татьяна Ивановна Макаровы. Томск. Фото 1909 г.

Миша Аникович с матерью Галиной Тимофеевной. Фото 1954 г.

Дом 15 по ул. Никитина в Томске. Фото 2006 г.

Одноклассники. Фото середины 1960-х гг. В центре В. М. Шипулин и М. В. Аникович

М. В. Аникович с котом Августом. Фото 1968 г.

М. В. Аникович в экспедиции. Сибирь. Вторая половина 1960-х гг.

На раскопках Ростовкинского могильника (1967). Внизу (слева направо) — М. В. Аникович, В. И. Матюшенко (спиной).
В верхнем ряду крайний слева — В. М. Петров

На раскопках Костенок 1/1. Слева направо: А. Н. Рогачёв, З. А. Абрамова, Н. Д. Праслов, В. Я. Сергин, М. В. Аникович.
Фото 1972 г.

М. В. Аникович. Томск, фото 1986 г.

На раскопках Зарайской стоянки. М. В. Аникович и Е. Ю. Гирия. Фото середины 1990-х гг.

М. В. Аникович и Х. А. Амирханов. 1980-е гг.

На Костенках 12 (15 августа 2001 г.). Сидят (слева направо): С. С. Чернышов, А. Ю. Пустовалов, А. Е. Дудин.
Стоят: Дж. Ф. Хоффекер, Н. К. Анисюткин, А. А. Сеницын, М. В. Аникович

Остановка по дороге в Костенки. Зарайск, июнь 2002.
Справа налево: С. Н. Астахов, М. В. Аникович, Х. А. Амирханов

В Костенках 2002 г. Справа налево: М. В. Аникович, Н. И. Платонова, В. В. Попов, Дэвид Пайл, Дж. Ф. Хоффекер

Общий вид раскопок на Костенках 12. Фото 2003 г.

Раскопки на Костенках 12. На первом плане А. Е. Дудин (слева), А. Ю. Пустовалов (справа). За ними — М. В. Аникович.
Фото 2003 г.

М. В. Аникович на Костенках 12. Фото 2004 г.

М. В. Аникович на раскопках Костенок 1. Фото 2004 г.

М. В. Аникович и Брюс Бредли. Зарайск. Фото 2005 г.

М. В. Аникович в Зарайском кремле. Фото 2005 г.

М. В. Аникович на международном симпозиуме в Денисовой пещере. Фото 2005 г.

М. В. Аникович на международном симпозиуме в Денисовой пещере. Экскурсия. Фото 2005 г.

В кулуарах I Археологического съезда. Слева направо: Н. И. Платонова, М. В. Аникович, Л. А. Чиндина

Н. К. Анисюткин и М. В. Аникович в командировке в Кишиневе в 2007 г.

На экскурсии в Дербент. Фото 2009 г. Справа налево: М. В. Аникович, А. П. Дервянко, О. М. Давудов

М. В. Аникович и Н. Горен-Инбар на Международном симпозиуме в Махачкале. 2009 г.

Выступление М. В. Аниковича в Томском ГУ на ЗСАЭК. Фото 2010 г.

В кулуарах ЗСАЭК. Томск. Фото 2010 г. М. В. Аникович и Н. И. Платонова

М. В. Аникович с женой и сыном Александром. Фото 2002 г.

М. В. Аникович и В. М. Шипулин на берегу р. Томи. 2010 г.

М. В. Аникович и Н. И. Платонова у раскопа на Костенках 1. Фото 2011 г.

На могиле М. В. Аниковича 21 августа 2012 г. Справа налево: Е. М. Иконникова,
О. А. Бонч-Осмоловская, Т. А. Родионова

Памятник М. В. Аниковичу в Костенках. Фото 2013 г.

А. С. Смирнов

ИА РАН, Москва

А. С. УВАРОВ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗАСЕЛЕНИИ КАВКАЗА

Имя Алексея Сергеевича Уварова неразрывно связано с процессом становления палеолитоведения в России. Его фундаментальный труд «Археология России. Каменный период» [Уваров, 1881], включавший два выпуска, стал знаковым событием для российской и мировой археологии. Известный французский антрополог и археолог, создатель классификации палеолита Луи Лоран Габриель де Мортилье в 1890 г., обращаясь к вдове А. С. Уварова, просил ее выслать это издание. «Я смогу многое рассказать о прекрасных работах господина графа Уварова... Господин граф выразил желание подарить мне свой выдающийся труд по камню». Сведения, изложенные в работе А. С. Уварова, Г. де Мортилье предполагал использовать в своих лекциях в Школе антропологии в Париже [ЦИАМ. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 21. Л. 1—2]. И это вполне объяснимо. Французский ученый мог почерпнуть из работ А. С. Уварова данные о памятниках каменного века в России, историю их изучения, анализ четвертичных отложений и много других интересных для него сведений¹.

При всем различии научных взглядов этих двух выдающихся ученых, в их методологических подходах был один общий момент, который следовало бы назвать ключевым. И Г. де Мортилье и А. С. Уваров считали *форму орудий* ведущим критерием при создании периодизации каменного века.

Проблема древнейших этапов истории человечества начиная с середины XIX в. вызывала острые дебаты в европейском и мировом научном сообществе. А. С. Уваров прекрасно представлял себе всю остроту развернувшихся дискуссий. Будучи в 1869 г. одним из участников Международного археологического конгресса в Копенгагене, он присутствовал на докладах Р. Вирхова, Й. Ворсо и др. Именно в Копенгагене граф познакомился с Г. де Мортилье [Анучин, 1886. С. XIII] (возможно, они встречались и позднее, в ходе визита французского ученого в Россию в 1879 г.). Большое внимание на конгрессе было уделено результатам изучения европейских пещер, осуществленного не только археологами, но и геологами. Помимо маститых ученых, в работе конгресса участвовала «целая вереница юных геологов, с неотразимым усердием устремив-

шихся к исследованию доисторических древностей» [Уваров, 1869. С. 952].

Еще до конгресса в Копенгагене А. С. Уваров совместно с чешским археологом Генрихом Ванкелем «имел случай исследовать» в Моравии несколько пещер (Столбовую, Евину, Биче Скала, Выпустек) и оценил важность этих памятников [Протокол МАО № 124. С. 45—46; Уваров, 1881. С. 181—182]. Не исключено, что полученные впечатления стали побудительным мотивом для исследования графом пещерных стоянок в России. Одной из первых попыток такого рода стали произведенные А. С. Уваровым в 1875 г. раскопки пещеры в Крыму, «в Арбутской горе, напротив Ореадны» [Древности, 1878. С. 24]. Им была заложена траншея «от входа пещеры до самой глубины ее», затем участники раскопок «очистили все дно пещеры от слоя земли». На поверхности и в культурном слое были найдены кости человека и животных, фрагменты сосудов, многочисленные металлические изделия. Все находки оказались переотложенными. Остеологические материалы памятника по просьбе А. С. Уварова исследовал молодой магистр зоологии и член МАО Д. Н. Анучин, только начинавший тогда свою научную карьеру. Но никакого отношения к палеолиту, да и каменному веку вообще, эти артефакты не имели [Уваров, 1877. С. 19—23].

Так же безрезультатно для А. С. Уварова закончились раскопки в 1879 г. на Кавказе, в Язоновом гроте у г. Кутаиса. До него этот памятник осматривали Дюбуа де Монпере и затем швейцарский геолог Эрнест Фавр, обнаруживший в 1868 г. «несколько отбивных орудий из кремня... в виде небольших наконечников для стрел». Но раскопки не дали материалов каменного века. Только находки нескольких кусочков угля позволили графу утверждать, что он обнаружил «новое и несомненное доказательство пребывания в пещере человека в весьма глубокой древности» [Уваров, 1881. С. 205].

Все эти неудачи ничуть не поколебали уверенности А. С. Уварова в значимости изучения пещерных памятников России для отечественной науки. Успехи европейских коллег утверждали его в этом мнении. Недаром он уделил такое внимание пещерам в своем труде «Археология России. Каменный период». Детально охарактеризовав результаты исследований пещерных памятников в Европе и геологические условия

¹ Подробный анализ труда А. С. Уварова см.: [Формозов, 1983. С. 88—102].

их расположения, А. С. Уваров высказал уверенность, что «...со временем и у нас откроют много погребальных пещер такого же типа и такой же эпохи» [Уваров, 1881. С. 189].

Особое внимание А. С. Уварова в этом плане привлекал Кавказ, где он надеялся найти места пребывания человека каменного века. Конечно, по результатам спорадических исследований, проводившихся ранее, нельзя было составить сколько-нибудь полную картину палеолита Кавказа. Хотя местные любители древностей, в силу своих знаний и опыта, пытались изучать пещеры, каких-либо достоверных материалов получено не было [Чернявский, 1879. С. 14—25]. По оценке директора Кавказского музея Г. И. Радде, данной им в 1878 г., «естественные пещеры Кавказа до сих пор остаются неисследованными, точно так же, как и вопросы, связанные с этими памятниками доисторической эпохи Закавказья» [Протоколы... 1879. С. 5].

Целенаправленные работы начались в рамках подготовки Пятого археологического съезда в Тифлисе. В преддверии этого А. С. Уваров еще в 1878 г. начал составлять «перечень кавказских пещер», а А. А. Иностранцев тогда же подготовил список лиц, «способных для геологических и палеонтологических исследований в области кавказских пещер» [Протоколы... 1879. С. 6]. Прекрасно понимая необходимость проведения естественно-научных исследований древнейших памятников, А. С. Уваров обратился к профессору Санкт-Петербургского университета М. О. Ковалевскому с предложением «участвовать в исследованиях кавказских пещер со стороны палеонтологической» и заручился его согласием [Протоколы... 1879. С. 13]. В качестве методической основы для изучения пещерных памятников было решено использовать труд президента Британского геологического общества профессора Вильяма Доукинса «Researches on the evidence of caves...» [Dawkins, 1874], перевод которого и был напечатан в «Протоколах» Предварительного комитета [Протоколы... 1879. С. 25—29].

Для обследования пещерных памятников Кавказа Предварительный комитет Тифлисского съезда постановил организовать особую «пещерную экспедицию», указав «начать исследование пещер с Большого и Малого Арарата», на склонах которого, по сведениям А. С. Уварова, «открыты были пещеры», затем «продвигаясь все более к северу внутрь Кавказа». Исследование требовалось проводить не только в археологическом, но и в «палеонтологическом отношении», обращая внимание «на остатки ледникового периода». Эту экспедицию, взамен отказавшегося М. О. Ковалевского, было поручено возглавить И. С. Полякову, причем для него была подготовлена особая инструкция [Протоколы... 1879. С. 38, 39; Инструкция... 1879. С. 44—46].

Увы, работы И. С. Полякова в Эриванской губернии по берегам озера Гочки, на склонах Арарата и в его окрестностях, а также по течению Аракса до Ордубата «привели... к отрицательному результату и указали на отсутствие в пещерах этой местности следов первобытного человека и остатков древней флоры

и фауны». Никаких доисторических артефактов в кавказских пещерах не обнаружилось [Протокол пятого заседания... 1880. С. 93—94].

Неудачей закончилась и экспедиция горного инженера Штейна в Дагестан, предпринятая также по поручению Предварительного комитета Тифлисского съезда. Осмотрев несколько пещер в долине р. Аракс и близ Дербента, он не обнаружил никаких свидетельств каменного века [О пещерах и могилах... 1882. С. 473—482].

Несмотря на все эти неудачи, следовавшие одна за другой, А. С. Уваров по-прежнему не оставлял мысли найти на Кавказе пещерные палеолитические стоянки. И не просто найти, но исследовать их комплексно, с привлечением географов, геологов, минералогов. Целью графа была организация совместной экспедиции археологов и естественников.

Спустя два месяца после окончания Тифлисского съезда, 16 декабря 1881 г., А. С. Уваров на общем собрании Русского археологического общества от имени МАО сделал заявление «о полезности, в видах экономических, снаряжения ученых экспедиций для ближайшего изучения памятников отечественной старины несколькими обществами совместно». Задачей подобной экспедиции он предложил избрать «исследование кавказских пещерных жилищ» [Веселовский, 1900. С. 90]. С таким предложением граф обратился к членам Русского географического общества.

На первый план А. С. Уваров выдвигал экономические аргументы, указывая на то, что затраты каждого из обществ в таком случае будут минимизированы. Но одновременно он представил на суд коллег уже готовый, детально разработанный план экспедиции с целью поиска пещерных палеолитических памятников в конкретном районе Кавказа. Поэтому можно предположить: для самого графа финансовая сторона не являлась главной. Это был лишь способ привлечь научные силы иных обществ к исследованию палеолита.

Получив принципиальное согласие РАО, А. С. Уваров вынес это предложение на обсуждение Московского археологического общества, члены которого, поддержав в заседании 20 января 1882 г. предложение своего председателя, постановили создать комиссию в составе Д. Н. Анучина, А. И. Кельсиева и В. Ф. Миллера «для выслушания доклада председателя и для обсуждения как вопроса, так и подробной программы об экспедициях для исследования пещерных жилищ на Кавказе». Для участия в этих исследованиях было решено привлечь не только РАО и РГО, но также Геологическое и Минералогическое общества.

По результатам работы комиссии 10 февраля 1882 г. Русскому археологическому обществу было направлено официальное письмо МАО за подписью А. С. Уварова с предложением принять участие в исследовании пещерных памятников Кавказа.

Судя по всему, А. С. Уваров, который был инициатором и главной движущей силой проекта, учел результаты предыдущих неудачных попыток найти палеолитические пещерные стоянки. Ранее он обращал внимание на памятники Центрального Кавказа. Неда-

ром районом исследований экспедиции И. С. Полякова была избрана Армения.

Теперь же А. С. Уваров считал наиболее перспективной территорию Восточного Кавказа, в первую очередь Дагестана. К этой мысли графа подтолкнула гипотеза о путях миграции древнего населения из Азии в Европу, пролежавших, возможно, по равнине западного побережья Каспийского моря.

В своем обращении к РАО А. С. Уваров писал: «Допуская, что через Кавказский перешеек происходило древнейшее движение народов из Азии в Европу, весьма естественно предположить, что это движение совершалось не через центральные перевалы главного хребта, а по более удобной местности вдоль западного берега Каспийского моря, вследствие того возможно думать, что в восточной части перешейка могут найтись скорее всего следы, оставленные двигавшимися переселенцами, и такие следы — быть может, остатки палеолитического каменного века, — всего вероятнее, скрываются в пещерах Дагестана».

Именно для подтверждения указанной гипотезы А. С. Уваров и стремился направить в Дагестан комплексную экспедицию, в которой, при главенстве археологов, должны были участвовать представители Географического, Геологического и Минералогического обществ.

Но, как часто бывало и бывает, планировавшееся масштабное научное мероприятие удалось осуществить лишь в небольшой степени. Основные финансовые затраты понесло МАО, выделив на проведение экспедиции 500 руб. Русское археологическое общество в заседании 8 марта 1882 г. решило ассигновать 350 руб. В организации экспедиции приняло участие и Русское географическое общество.

Предполагавшуюся большую комплексную экспедицию удалось реализовать лишь как поездку Д. Н. Анучина, на которого А. С. Уваровым было возложено «поручение это в археологическом отношении». Поездка осуществлялась «при содействии Императорского Русского географического общества». Специалисты по геологии и минералогии, столь желательные при исследовании палеолитических поселений, тем более пещерных, не приняли участия в экспедиции.

То, что именно на Д. Н. Анучина была возложена подобная миссия, еще раз подтверждает, что главной целью поездки был поиск древнейших памятников Кавказа. В 1876—1879 гг. Д. Н. Анучин проходил стажировку за рубежом, занимаясь преимущественно в Антропологической школе и лаборатории П. Брока. В эти годы ему удалось ознакомиться с доисторическими древностями Франции и принять участие в раскопках, проводившихся в пещере Бизе и некоторых других. Несомненно, А. С. Уваров учел наличие у Д. Н. Анучина опыта, приобретенного в ходе изучения европейского палеолита. Налицо была и высокая оценка деятельности Д. Н. Анучина по подготовке русской экспозиции на Всемирной выставке 1878 г. в Париже (антропологического отдела), данная Г. де Мортилье [Залкинд, 1974. С. 49]. Наконец, в активе А. С. Уварова и

Д. Н. Анучина была совместная работа по изучению материалов Ореандовской пещеры.

Поездка Д. Н. Анучина в Дагестан² продолжалась с 13 июня по 20 августа 1882 г. Судя по тексту отчета, первоначально он надеялся на успех в части обнаружения палеолитических пещерных памятников на Кавказе, «гористый характер которого заставляет предполагать существование там многих пещер, а древность культуры в этой местности — возможность нахождения в пещерах следов каменного века» [Анучин, 1884. С. 3—4].

Помимо поиска палеолитических стоянок, Д. Н. Анучин большое внимание уделил осмотру более поздних памятников, в том числе бронзового и железного веков, собиранию этнографических сведений о жизни горцев и даже эпизодам новейшей истории, описание и анализ которых занимают значительную часть его отчета.

План поездки, составленный лично А. С. Уваровым, включал «местности по течению реки Параул, Манас и Губден-озен (в Темир-Хан-Шурином округе)... а также один грот вблизи Дербента» [Анучин, 1884. С. 10].

Выполняя наказ А. С. Уварова, Д. Н. Анучин осмотрел навес вблизи Шатоя, гроты в окрестностях Губдена, Цудахара, Кази-Кумых и Гергебиль, пещеры около аулов Эльхот, Урма, Куппа, Кочер и близ Дербента [Анучин, 1884. С. 19—20, 24, 29, 32, 74, 77, 80—81, 82, 89—90, 92—93]. Заложенные в некоторых из них шурфы и небольшие раскопы никаких находок не дали. Как заключил сам Д. Н. Анучин, «в отыскании следов каменного века в пещерах Кавказа я был не счастливее моих предшественников на том же поприще — гг. Милашевича, Полякова и Штейна. Мне не удалось даже констатировать для Дагестана ни одной несомненной находки каменного века, что невольно вызывает сомнения в существовании здесь следов каменного века».

На таком основании Д. Н. Анучин сделал весьма смелый вывод, что население здесь появилось впервые только в эпоху металла: «Кавказ был заселен позже многих других азиатских местностей и племенами, уже знакомыми с употреблением не только бронзы, но и железа... Дагестан, по характеру своего рельефа и почвы, должен был представлять мало привлекательного для первобытных эмигрантов, его голые, каменистые хребты, узкие ущелья, скудные леса едва ли могли привлечь к себе добровольно выходцев с юга или севера. Скорее надо думать, что население его составилось из загнанных сюда силою обществ, которые вынуждены были покинуть более удобные и плодородные местности под напором более сильных и многочисленных племен. И, по всей видимости, это произошло уже в довольно позднюю эпоху, когда в окрестных странах уже было известно употребление металлов» [Анучин, 1884. С. 93].

² В своей поездке Д. Н. Анучин посетил и некоторые районы Чечни.

РГО в своих «Отчетах» не менее категорично оценило поездку Д. Н. Анучина. «Исследования Д. Н. Анучина, имевшие целью отыскание следов каменного века в пещерах Кавказа, привели его, так же как и исследователей, ему предшествовавших, к отрицательным выводам, что указывает на поселение здесь человека в более позднюю металлическую эпоху» [Археологическая поездка... 1883. С. 36].

Подобное заключение молодого, но уже достаточно авторитетного ученого, противоречившее его же первоначальным высказываниям, кардинально расходилось с предположениями А. С. Уварова, так надеявшегося найти следы палеолитического человека на востоке Кавказа. Неудивительно, что выводы Д. Н. Анучина, прозвучавшие в его выступлении на заседании МАО 21 сентября 1882 г., вызвали возражение графа, «который не согласился с одним из предположений референта, что Дагестан как страна безлесная не мог быть обитаем первобытным человеком» [Древности, 1883. С. 44].

Тем не менее отсутствие сколько-нибудь значительных научных результатов поездки Д. Н. Анучина, о чем он сообщил и на общем собрании РАО 29 октября 1882 г., поставило крест на уваровских планах дальнейшего проведения комплексных научных экспедиций совместно с другими обществами. Как писал Н. И. Веселовский, «изыскания г. Анучина... дали только отрицательные результаты. После этого общество [РАО] не повторяло археологических предприятий с другими учеными обществами» [Веселовский, 1900. С. 91].

Ранняя смерть графа Уварова, последовавшая в 1884 г., привела к тому, что поиски палеолитических памятников Восточного Кавказа на многие годы оказались прекращены. Авторитетное мнение Д. Н. Анучина об отсутствии памятников древнего каменного века в Дагестане и на Кавказе в целом почти полвека доминировало в науке. Лишь в середине 1930-х гг. работами экспедиции С. Н. Замятнина было достоверно подтверждено наличие на Кавказе палеолитических стоянок. А в 1939 г. М. З. Паничкина обнаружила близ с. Геджух в Дагестане кремневые изделия с признаками мустьерской техники.

Широкие систематические поиски памятников палеолита в Дагестане начались лишь в 1950-х гг. Не останавливаясь подробно на их истории, хочется отметить одно: в начале XXI в. они увенчались совершенно сенсационными открытиями, во многом подтвердившими прозорливые предположения А. С. Уварова. К настоящему моменту в Дагестане известно уже 10 стоянок, датируемых ранним и средним плейстоценом. Их исследование позволило сделать обобщения не только регионального, но и общеисторического характера. Главное из них — утверждение, что первоначальное заселение Северного Кавказа произошло в период от 1,2 млн л. н. до 1,8 млн л. н. [Деревянко, 2006. С. 91—97; 2009; Амирханов, 2007]. Напомню: гипотеза А. С. Уварова строилась именно на том, что наиболее ранние памятники каменного века могут находиться на востоке «Кавказского перешейка». «Остатки палео-

литического каменного века, — всего вероятнее, скрываются в пещерах Дагестана», — писал граф в 1882 г.

Исследования последних лет подтвердили и предположение А. С. Уварова о миграциях из Азии в Европу, проходивших по равнинам Западного Прикаспия. Он утверждал, что «это движение совершалось не через центральные перевалы главного хребта, а по более удобной местности вдоль западного берега Каспийского моря».

Как утверждает Х. А. Амирханов, «полученные материалы служат надежным подтверждением концепции каспийского пути как одного из направлений первоначального заселения Евразии, и прежде всего юго-востока Европы со стороны Западной Азии» [Амирханов, 2007. С. 24].

Можно констатировать, что давний спор между А. С. Уваровым и Д. Н. Анучиным, избранным в 1884 г. профессором Московского университета, был разрешен спустя многие годы в пользу первого. Надо думать, это объясняется тем, что граф в своем предвидении сумел опереться на результаты обобщения всех имевшихся к тому времени данных о палеолите Европы (включая случайные находки на Кавказе), прекрасно понимая их отрывочность и неполноту. Именно представляя себе всю картину в целом, А. С. Уваров смог прогнозировать будущие открытия.

В противоположность графу, Д. Н. Анучин, сосредоточившись на результатах собственных, на тот момент еще скромных, изысканий, осмелился сделать очень далеко идущее заключение о первоначальном заселении Кавказа в эпоху металла, хотя такой вывод противоречил уже имевшимся к тому времени отдельным находкам артефактов эпохи каменного века.

Разумеется, для успеха научного исследования требуется сочетание обоих указанных факторов, а именно сухого анализа фактов и широты взгляда, учитывающей их неизбежную неполноту. Так или иначе, анализируя сейчас ситуацию, сложившуюся в начале 1880-х гг. в связи с поисками палеолита на Кавказе, следует признать, что в данной ситуации глава МАО оказался на высоте. Именно он сумел, при весьма ограниченных исходных данных, правильно оценить и интерпретировать имевшиеся свидетельства. Представляется вполне справедливым, что именем А. С. Уварова названа ныне не только Уваровская базилика в Херсонесе, но и Уваровская пещера близ Кутаиси.

Ниже приводится текст письма А. С. Уварова в адрес Русского археологического общества, в котором он излагает свои предложения по поиску и исследованию пещерных памятников Кавказа.

Документ хранится в Рукописном архиве НА ИИМК РАН [Ф. 3. Оп. 1. Д. 149. Л. 3—6]. Он представляет собой писарский текст с собственноручными подписями на печатном бланке МАО от 10 февраля 1882 г. за № 12.

Содержание письма приводится полностью, без изменений, по правилам современной орфографии и пунктуации, с сохранением характерных оборотов и написаний имен.

«В императорское Русское археологическое общество.

В заседании 20 января Археологическое общество слушало доклад председателя относительно участия наших ученых обществ в экспедициях, предпринимаемых несколькими учеными обществами совместно. Это предложение было передано г. председателем во время пребывания его в Петербурге членам императорского Русского археологического и императорского Русского географического обществ. Секретарь Археологического общества письмом за № 200 сообщил о том, что Русское археологическое общество, признавая в общем совместны снаряжения экспедиций со стороны нескольких ученых обществ весьма желательным, изъявило готовность принимать посильное участие в тех предприятиях, которые окажутся соответствующими целям общества. Сверх того, узнав из сообщения графа Уварова о том, что императорское Московское археологическое общество готово подвергнуть обсуждению вопрос об ученой экспедиции на Кавказ для исследования находящихся там во множестве пещерных жилищ, Общее собрание, желая принять участие в этом весьма важном предприятии, решило просить графа Уварова сообщить Русскому археологическому обществу как подробную программу означенной экспедиции, так и соображения Московского археологического общества относительно ее предполагаемой стоимости, продолжительности, числа лиц, которое признается необходимым ввести в ее состав. Члены императорского Географического общества обещали передать Совету общества предложение, сделанное графом Уваровым, которое председатель Московского археологического общества, к сожалению, не имел возможности также лично изложить и в заседании Географического общества.

Московское археологическое общество избрало членов Анучина, Кельсиева и Миллера для выслушания доклада председателя и для обсуждения как вопроса, так и подробной программы об экспедициях для исследования пещерных жилищ на Кавказе.

Комиссия, обсуждая вопрос об исследовании пещер на Кавказе, обратила внимание, что императорскому Русскому географическому обществу принадлежит заслуга первой ученой экспедиции для исследования пещер в Крыму, которая достигла важных результатов по части палеолитической эпохи на Таврическом полуострове. Ввиду этого комиссия прежде всего полагает необходимым обратиться к Географическому обществу с предложением принять участие в предполагаемой экспедиции и вместе с тем просить как Географическое общество, так и Археологическое общество сделать предложение Петербургскому Геологическому и Минералогическому обществу присоединиться к совместному снаряжению предполагаемой экспедиции; так как следы ледникового периода мало были еще исследованы на Кавказе, а тем менее в Дагестане, куда предполагается направить будущую экспедицию, то комиссия находит, что полезно было бы Геологическому обществу принять совместно участие в этой экспедиции ввиду сокращения многих общих расходов.

На происходившем в Тифлисе в сентябре месяце 1881 г. V Археологическом съезде выяснилось, между прочим, что одним из любопытнейших вопросов археологии Кавказа должно быть признано исследование тамошних пещерных жилищ.

Все горные местности этого края весьма богаты пещерами, и оне еще донныне служат если не местом обитания для туземцев, то, по крайней мере, местом, куда они загоняют свой скот. Некоторые пещеры обнаруживают ясные следы того, что они были обитаемы в историческую эпоху и даже обращены были в христианские храмы. Естественно поэтому предполагать, что точно таким же образом пещеры могли служить обиталищем и для доисторических или первобытных жителей Кавказа. С другой стороны, хотя найденные до сих пор в этом краю следы каменного периода относятся все к периоду неолитическому, однако нет основания предполагать, чтобы там не оказалось и следов периода палеолитического, и всего естественнее искать остатков его именно в пещерах, подобно тому как следы этого периода были найдены в пещерах же Западной Европы. На возможность таких находок на Кавказе указывает та небольшая находка грубо оббитых кремневых орудий, которая была сделана французским геологом Фавром в так называемой Язоновой пещере на Красной речке близ Кутаиса. Если то была до сих пор единственная в этом роде находка на Кавказе, это следует объяснять главным образом тем, что сделанные поныне опыты осмотра кавказских пещер с археологическою целью имели характер чисто разведочный. Таковы именно осмотры, произведенные по поручению Предварительного комитета Тифлисского съезда Н. С. Поляковым в горах Армении и г. Штейном — в Дагестане. Притом осмотры эти коснулись всего лишь нескольких пещер, тогда как вообще мы находили их на Кавказе весьма много.

Если бы было признано возможным приступить ныне же к общему археологическому исследованию кавказских пещер, казалось бы наиболее полезным начать эти исследования с пещер восточной части Кавказа. Допуская, что через Кавказский перешеек происходило древнейшее движение народов из Азии в Европу, весьма естественно предположить, что это движение совершалось не через центральные перевалы главного хребта, а по более удобной местности вдоль западного берега Каспийского моря, вследствие того возможно думать, что в восточной части перешейка могут найтись скорее всего следы, оставленные двигавшимися переселенцами, и такие следы — быть может остатки палеолитического каменного века, — всего вероятнее, скрываются в пещерах Дагестана. Общине приемы исследования костеносных пещер прекрасно изложены английским ученым Доукинсом, записка которого об этом предмете, в переводе Г. Е. Щуровского, была помещена в протоколах по антропологической выставке в Москве, а также в другом переводе, в приложениях к протоколам Предварительного комитета V Тифлисского съезда. Правилами, изложенными в этой записке, следует руководствоваться и при исследовании кавказских пещер.

Что касается личного состава экспедиции, то главные работы ее могли бы быть возложены на одно лицо, с достаточной археологической подготовкой и притом знакомое на практике с приемами археологических работ в пещерах.

Кроме того, комиссия полагает необходимым при исследовании пещер не упускать из виду и мегалитических памятников, которые могут ей встретиться, а также исследовать, по возможности, следы обнаружившихся близ пещер могильников. Прежде отправки экспедиции полезно будет обратиться циркулярно к окружным начальникам Дагестана для получения от них сведений о местах нахождения пещер.

Московское археологическое общество, соображаясь с своими средствами, находит возможным отпустить 500 рублей на исследование пещер в Дагестане и вместе с тем предлагает возложить поручение это в археологическом отношении на действительного его члена Д. Н. Анучина, прикомандировав к нему по распоряжению местного начальства особого переводчика для облегчения собирания сведений и сношений с местными жителями.

Председатель *Граф Уваров*
Секретарь *В. Румянцев*»

Список литературы

- Амирханов, 2007: *Амирханов Х. А.* Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М., 2007.
- Анучин, 1884: *Анучин Д. Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского географического общества. СПб., 1884.
- Анучин, 1886: *Анучин Д. Н.* Граф Алексей Сергеевич Уваров. Биографический очерк. Одесса, 1886.
- Археологическая поездка... 1883: Археологическая поездка действительного члена Д. Н. Анучина на Кавказ // Отчет императорского Русского географического общества за 1882 г. СПб., 1883.
- Веселовский, 1900: *Веселовский Н. И.* История императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896. СПб., 1900.
- Деревянко, Амирханов, Зенин, 2006: *Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н.* Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения Юго-Восточной Европы (Предварительное сообщение) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М., 2006.
- Древности, 1878: Древности. Труды МАО. Т. VII, вып. 2. Протоколы. М., 1878.
- Древности, 1883: Древности. Труды МАО. Т. IX, вып. 2—3. М., 1883.
- Залкинд, 1974: *Залкинд Н. Г.* Московская школа антропологов. М., 1974.
- Инструкция... 1879: Инструкция ученому хранителю музея Академии наук И. С. Полякову, заведывающему пещерной экспедицией, отправляемой на Кавказ // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Предварительного комитета. М., 1879.
- О пещерах и могилах... 1882: О пещерах и могилах в Дагестане. Отчет горного инженера Штейна // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Предварительного комитета. Вып. II. М., 1882.
- Протокол... 1877: Протокол обыкновенного заседания МАО № 124 от 29 ноября 1876 г. // Древности. Труды МАО. Т. VII, вып. I. Протоколы. М., 1877.
- Протокол пятого заседания... 1880: Протокол пятого заседания Московского Подготовительного комитета 28 ноября 1879 г. // Древности. Труды МАО. Т. VIII. Протоколы. М., 1880.
- Протоколы... 1879: Протоколы Предварительного комитета // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Вып. I. М., 1879.
- Уваров, 1869: *Уваров А. С.* Международный съезд в Копенгагене // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. Т. IV. СПб., 1869.
- Уваров, 1877: *Уваров А. С.* Ореандовская пещера // Древности. Труды МАО. Т. VII, вып. I. М., 1877.
- Уваров, 1881: *Уваров А. С.* Археология России. Каменный период. Т. I. М., 1881.
- Формозов, 1983: *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. М., 1983.
- Чернявский, 1879: *Чернявский В. И.* Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Предварительного комитета. Вып. I. М., 1879.
- Dawkins, 1874: Dawkins William-Boyd. Cave hunting. Researches on the evidences of caves respecting the early inhabitants of Europe. London, 1874.

Архивные источники

ЦИАМ. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 21. Л. 1—2.

И. М. Бухтоярова

ГАМЗ «Костенки», Воронеж

С. Н. ЗАМЯТНИН И ОТКРЫТИЕ ПЕРВОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЖИЛИЩА В СССР

Попытки выделения особого жилого пространства вокруг очагов на стоянках и прямые указания на наличие жилищ в палеолите присутствовали ещё в работах отечественных исследователей второй половины XIX в. — в первую очередь И. С. Полякова и В. В. Хвойки. Однако мы не можем назвать упомянутых выше исследователей первооткрывателями палеолитических жилищ. Их предположения так и остались умозрительными: ими не было приведено никаких убедительных археологических доказательств. Вполне вероятно, что уровень развития полевой методики в то время не позволял этого сделать.

Первым о долговременных поселениях в верхнем палеолите и их археологических реконструкциях со всей определенностью заговорил П. П. Ефименко — в своей известной работе «Значение женщины в ориньякскую эпоху» [Ефименко, 1931]. Тем не менее первооткрывателем палеолитических жилищ на материалах Восточной Европы является не он, а С. Н. Замятнин.

Исследование С. Н. Замятниним Гагаринской стоянки (в 1926, 1927 и 1929 гг.) явилось важной вехой в изучении не только палеолитических памятников лесостепного Подонья, но и европейского палеолита в целом [Бухтоярова, 2008. С. 41; 2008а. С. 72]. Открытие долговременного палеолитического жилища резко изменило общие представления об уровне культуры древнего человека.

Рассмотрим подробнее историю открытия и изучения данного археологического памятника. Первые сведения о находке костей мамонта в Гагарино были получены Замятниним осенью 1925 г. от липецкого краеведа М. П. Трунова и местного учителя Т. А. Владимиров. Летом 1926 г. С. Н. Замятнин посетил с. Гагарино и лично убедился в наличии там материалов верхнепалеолитической эпохи. «В обмазке постройки на усадьбе мною [Замятниним] были обнаружены в большом числе мелкие обломки бивня мамонта, осколки кремня, кости и отдельные кремневые орудия» [НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 1926. Д. 267. Л. 1]. Однако из-за нехватки денег в текущем году раскопки не были начаты, и он ограничился лишь расчисткой засыпанной ямы-траншеи, прорезавшей жилище, и разборкой частично сохранившихся на дне её отдельных участков слоя. Но даже в ходе этой работы Сергею Николаевичу удалось собрать около 50 орудий, 100 пластин и несколько костяных изделий [Там же. Л. 2]. Шурфы для выяснения границ распространения слоя с находками в 1926 г. еще не были заложены. Из отчета о раз-

ведках С. Н. Замятнина в 1926 г.: «Яма, в которой были сделаны находки крестьян, — имела довольно правильное прямоугольное очертание. Размеры — 8,30 м длины и 1,25—1,50 м ширины. В обоих концах глубина её больше, нежели глубина залегания костей. Культурный слой сохранился лишь в центральной её части, на протяжении около 3 м находки залегали в светлосветлом делювиальном суглинке, на глубине около 1 м, почти непосредственно под почвенным слоем» [Там же. Л. 3]. Культурный слой был разобран С. Н. Замятниним на площади 4,5 м² и, по его словам, представлял «характерную картину для палеолитических стоянок Южной России» [Там же. Л. 3]. На первом этапе изучения Гагаринской стоянки С. Н. Замятнин высказал предположение о близости ее стоянкам Костенки 2 и 3 и датировал «мадленской эпохой».

Детальное изучение Гагаринского местонахождения состоялось летом 1927 г. Работы продолжены совместно с научными сотрудниками Воронежского областного музея В. К. Быстржинским и Д. Д. Леоновым. К сожалению, письменного отчета о раскопках 1927 г. не сохранилось. А в соответствующей папке в архиве ИИМК РАН по ошибке долгое время хранился печатный вариант отчета о раскопках 1926 г. [НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 1927. Д. 147. Л. 1].

Осенью 1929 г. исследования в с. Гагарино были завершены. Раскопки последнего года внесли мало нового как в характеристику местонахождения, так и в коллекционный материал. Все палеолитические находки 1929 г. были переданы С. Н. Замятниним в МАЭ [Станюкович, 1978. С. 211].

Значительно позже, в 1961—1969 гг., Л. М. Тарасовым производится исследование жилища в Гагарино. Результатом работ стало уточнение планиграфии поселения, обнаружение двух двухкамерных сооружений, примыкающих к жилищу, увеличение коллекции каменных изделий вдвое, открытие новой серии женских статуэток. Все это нашло отражение вначале в его кандидатской диссертации [НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 181], а затем и в монографии [Тарасов, 1979]. Л. М. Тарасов частично опубликовал архивные материалы С. Н. Замятнина, среди которых фото и планы раскопов 1927 и 1929 гг., а также рисунки каменных орудий, украшений и женских статуэток (1979).

До настоящего времени вопрос о точном времени открытия С. Н. Замятниним палеолитического жилища оставался спорным. Сомнения внес А. А. Формо-

зов, указав 1929 г. Мною были изучены подробные рукописные отчеты аспиранта С. Н. Замятнина за 1926 и 1927 гг. В отчете 1926 г. нет никаких сведений о наличии очага. Зато в аспирантском отчете С. Н. Замятнина за 1927 г. мы читаем: «...Среди других результатов исследования в Гагарино заслуживает особого внимания открытие остатков сооружения из камней (по-видимому, основания шалаша или чума), впервые позволяющее составить некоторое суждение о характере жилища палеолитического человека в тех случаях, когда он не мог пользоваться пещерами и другими естественными укрытиями» [НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 220. Л. 31; Замятнин, 1929; Григорьев, 2005. С. 72]. Таким образом, факт открытия жилища был зафиксирован археологом ещё осенью 1927 г.

Однако к публикации материалы Гагаринской стоянки были подготовлены значительно позже. В статье 1929 г. подводятся краткие итоги прошедшего археологического сезона 1927 г. с описанием раскопок Костенок 2, 3 и стоянки Бердыж. В заключении отмечены работы в с. Гагарино, которые «дали исключительно богатые результаты» [Замятнин, 1929. С. 213]. Очень характерно, что, по мнению самого С. Н. Замятнина, особого внимания заслуживало открытие в Гагарино ряда скульптур из бивня мамонта. И только лишь «среди других результатов исследований в Гагарине» Сергей Николаевич отметил уже упомянутое ранее в аспирантском отчете «открытие остатков сооружения из камней, по-видимому, основания шалаша или чума, впервые позволяющее составить некоторое суждение о характере жилища палеолитического человека» [Замятнин, 1929. С. 214]. Причем в статье не опубликовано ни одного плана раскопа. Таким образом, собственное открытие было явно недооценено С. Н. Замятниним как в ходе разведок, так и в процессе раскопок.

В результате разрез культурного слоя в Гагарино и план жилища оказались впервые опубликованы П. П. Ефименко в 1931 г. с пометкой о «дружеской признательности С. Н. Замятнину за любезное предоставление этих данных до опубликования их автором» [Ефименко, 1931. С. 49—51; Григорьев, 2005. С. 72]. «Открытие очага» Петр Петрович датирует 1928—1929 гг., что неверно [Ефименко, 1931. С. 49]. В 1928 г. С. Н. Замятнин проводил раскопки Ильской, а в 1929 г. работы в Гагарино уже завершались. Так или иначе, П. П. Ефименко, по-видимому, был первым, кто по достоинству оценил находку С. Н. Замятнина. В своем кратком изложении гагаринских материалов он подчеркнул значение открытия для науки в целом. Самого Петра Петровича это событие подтолкнуло к обнаружению целого ряда палеолитических жилищ в Костенках в 1931—1936 гг.

В 1934 г. другой известный археолог-палеолитовед, а в то время аспирант ГАИМК, П. И. Борисковский опубликовал в «Вестнике знания» статью «Древнейшие охотники за мамонтом в верховьях Дона». В основу ее были положены материалы рукописи монографии С. Н. Замятнина, ещё не вышедшей в свет [Борисковский, 1934. С. 178—181]. На четырех страницах текста Павел Иосифович делает попытку в подробно-

стях, на основе всего найденного материала стоянки, воссоздать социальную структуру палеолитического общества. Он специально оговаривает, что «французский текст С. Н. Замятнина рассчитан на узкий круг специалистов, а между тем материал, добытый и изученный им, настолько важен и интересен, что заслуживает внимания широких слоев советских читателей» [Там же. С. 178]. В свете всего этого можно критически отнестись к высказыванию А. А. Формозова, что «Ефименко вырвал это открытие» у С. Н. Замятнина из рук [Формозов, 2006]. При внимательном прочтении текстов обеих работ можно заметить, что текст П. П. Ефименко написан более корректно.

В том же году из печати вышла французская публикация С. Н. Замятнина об открытии в Гагарино (1934). Как и следовало ожидать, монография была написана очень грамотно и подробно.

На русском языке статья С. Н. Замятнина о Гагарино вышла только в 1935 г. По словам П. И. Борисковского, «около пяти-шести лет потребовалось для изучения добытого материала» [Борисковский, 1934. С. 178].

Теперь обратимся к сравнению планов и разрезов Гагаринской стоянки в обеих статьях С. Н. Замятнина (рис. 1, 2). Первым неточности в них увидел Л. М. Тарасов, отметивший, что «опубликованный план раскопа был недостаточно полный: средняя часть жилища, поврежденная хозяйственной ямой, и исследования 1926 г. на этом плане не нашли отражения, а восточная и западная части явно неполные» (1935). Кроме того, по словам исследователя, «один и тот же разрез, опубликованный в двух работах, имеет некоторые расхождения (размеры ямки-хранилища, место третьей статуэтки, уровень залегания культурного слоя)» [НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 181. Л. 75].

В дальнейшем Г. П. Григорьев также провел детальное изучение опубликованных С. Н. Замятниним планов и разрезов Гагаринского жилища [Григорьев, 2005. С. 71—83]. По его мнению, сохранилось всего 3 фотографии с раскопок, и те были опубликованы археологом в 1934 и 1935 гг. (план жилища и два различных варианта разреза). На обоих чертежах (во французском и русском вариантах статьи) у С. Н. Замятнина заметно разнятся размеры и форма ямы. Так, «разрез, приведенный в работах С. Н. Замятнина, примерно на 1,5 м короче, чем длина жилища в плане и во французском и в русском варианте» [Там же. С. 74]. Кроме того, Г. П. Григорьев подчеркнул «домашнее производство чертежей» археолога и сделал неутешительный вывод, что его «отчет стоит на уровне исследования Большого Майкопского кургана (1897 г.), от которого остался один рисунок» [Григорьев, 2005. С. 73].

То, что С. Н. Замятнин рисовал плохо, он признавал и сам в письмах друзьям (правда, это касалось в первую очередь рисунков кремней). Не исключено, что плохой художественный уровень изготовления рисунков мог послужить одним из поводов задержки выхода в свет публикации С. Н. Замятнина 1934 г. В целом Г. П. Григорьев весьма критично подходит к анализу опубликованных рисунков С. Н. Замятнина, гово-

ря о том, что французский вариант разреза несовместим с планом, следовательно, он был сделан позже [Григорьев, 2005. С. 75]. А С. Н. Замятнин не сумел согласовать текст с чертежами. В статье он настаивает на том, что «архива Гагарина никогда не было» [Там же. С. 71].

Мне удалось в личном фонде С. Н. Замятнина найти материалы из его раскопок 1927 и 1929 гг. Среди них — два плана раскопа 1927 г. (I и II), разрез культурного слоя по квадратам (с большим количеством карандашных заметок), таблица находок [НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 1927. Д. 249]. Материалы 1929 г. — чертежи раскопа с поквдратной сеткой и расположение шурфов [НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 1929. Д. 295]. При детальном рассмотрении и сопоставлении чертежей и планов С. Н. Замятнина можно видеть, что археолог не уточняет линию разреза ни на одном из опубликованных планов Гагаринского жилища. По-видимому, разрез проходил не совсем в направлении сетки квадратов и не был ровно зачищен. В результате осыпи в нём могли быть видны крупные камни, не находившиеся строго на одной линии. Тем не менее наличие этих камней на опубликованном плане говорит о том, что разрез был проведен по восточному участку раскопа I. Схематические планы, сохранившиеся в архиве и имеющие нумерацию квадратов, полностью подтверждают наше предположение. А вот на всех опубликованных планах нумерация квадратов отсутствует, что создает немалые трудности при работе с гагаринскими материалами.

Мною был проведен частичный сравнительный анализ русского и французского текстов публикаций С. Н. Замятнина (1934; 1935). Статья С. Н. Замятнина 1935 г. представляет собой краткий вариант французской монографии в хорошем литературном переводе. Для нас представляет интерес характеристика культурных слоев в обоих опубликованных текстах. Так, в первоначальной французской версии выделено три культурных слоя:

«I. Верхний слой:

1. Растительный покров ... 10 см.

2. Темно-черный гумусный слой, менее интенсивный в нижней части, резко отделяющий границу от нижележащего слоя ... 80 см.

II. Прослойка песчаного известняка, толщиной 0,05—0,10 м, распространенная не по всему периметру, а лишь в западной части исследуемого пространства. Эта прослойка имеет сильный крен к юго-западу (36 см на каждый метр) ... 5—10 см.

III. Пласт мергелевой глины, напоминающей лёсс, коричневого цвета, в верхней части слегка окрашен гумусом ... 1,70 м.

Итого... 2,65 м» [Zamiatnine, 1934. P. 24]¹.

Из публикации 1935 г. [Замятнин, 1935. С. 33]:

«Раскопками было установлено следующее чередование слоев:

1. Дерновый и мусорный слой ... 0, 10 м.

2. Интенсивно-черный гумусный слой, в нижней части слегка более светлый, отделяющийся довольно резкой границей от нижележащего слоя ... 0,70—0,90 м.

3. Прослойка известняковой щебенки, мощностью 0,05—0,10 см, распространенная не по всей площади, а на отдельных участках, преимущественно в западной части исследуемой площади. Прослойка этот имеет сильное (до 30 см на метр) падение на юго-запад.

4. Светло-бурая лёссовидная глина. В верхней части слегка окрашена гумусом. В нижней части делается слегка песчанистой и местами хрящеватой. Довольно много кротовин; прослеженная в раскопе мощность ... 1,65 м.

Всего... 2,65 м».

Далее С. Н. Замятнин продолжает: «...на поверхности культурного слоя (на глубине 0,95—1,00 м) находятся скопления костей (преимущественно бивней) мамонта и крупных плиток местного девонского известняка, несомненно, принесенного сюда человеком...» [Замятнин, 1935. С. 33—34]. Между тем во французской версии: «...на поверхности культурного слоя (на глубине 0,75—1,00 м) находятся скопления костей бивней мамонтов и крупных плиток местного девонского известняка, несомненно, принесенного сюда человеком...» [Zamiatnine, 1934. P. 25—26]. Описание раскопа также отличается в обеих публикациях. «Обнаруженное скопление культурных остатков имело довольно правильную округло-овальную форму, диаметр его равнялся 5,5 м в направлении 3-В и 4,5 м в направлении С-Ю» [Замятнин, 1935. С. 35]. Из французской монографии: «Обнаруженное скопление культурных остатков имело довольно правильную округло-овальную форму, диаметр его равнялся 5,5 м в направлении С-Ю и 4,5 м в направлении 3-В» [Zamiatnine, 1934. P. 28]. При описании находок у С. Н. Замятнина есть разница в поквдратном обозначении: «За пределами описанного скопления, принесенного человеком, культурные остатки в незначительном количестве были собраны в квадратах № 6 и 51, 52» [Zamiatnine, 1934. P. 30]. А вот описание нескольких других квадратов в более поздней версии: «За пределами описанного скопления культурных остатков в виде незначительной прослойки были встречены в квадратах 6, 40—46 и 52—55» [Замятнин, 1935. С. 37].

Таким образом, при детальном изучении археологических раскопок С. Н. Замятниним Гагаринского жилища, с привлечением как опубликованных, так и не опубликованных ранее источников, мною достоверно установлено, что открытие его состоялось в 1927 г. Существующие неточности и расхождения в русской и французской публикациях, скорее всего, говорят о поспешности автора на определенных этапах работы. То же самое можно сказать о полевых материалах С. Н. Замятнина. Он, несомненно, верно «схватывал» картину, наблюдаемую в раскопе, и достаточно вдумчиво ее оценивал. Характерно, что никому из его последующих критиков, в сущности, даже не пришлось в голову пересматривать трактовки и выводы Сергея

¹ Перевод с французского языка З. Л. Кульбакиной.

Николаевича по существу. Во всем, что касалось деталей, точности археологической фиксации, к раскопкам С. Н. Замятнина в Гагарино достаточно много претензий. Ему как будто бывало скучно «доводить до других» то, что он уже прекрасно понял сам. Аналогичная история повторилась с ним в дальнейшем неоднократно.

Открытие С. Н. Замятниним палеолитического жилища впоследствии по достоинству оценили многие археологи, в том числе П. И. Борисковский и А. Н. Рогачев. Все они отмечали высокий уровень обобщений, характерный для ученого, и тщательный анализ материалов при реконструкции гагаринского комплекса.

Список литературы

Борисковский, 1934: *Борисковский П. И.* Древнейшие охотники за мамонтом в верховьях Дона // Вестник знания. Вып. 3. Л., 1934.

Бухтоярова, 2008: *Бухтоярова И. М.* Советские археологи о проблеме распространения палеолитических поселений на территории Верхнего и Среднего Подонья // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. 1. М., 2008.

Бухтоярова, 2008а: *Бухтоярова И. М.* Палеолитические стоянки Верхнего и Среднего Дона в советской археологии (1920—1930-е гг.) // Археология восточноевропейской лесостепи: Материалы II Междунар. науч. конф. «Археология восточноевропейской лесостепи», посвященной 100-летию со дня рождения археолога, заслуженного работника культуры М. Р. Полесских (25—27 сентября 2008 г.). Т. 1, вып. 2. Пенза, 2008.

Григорьев, 2005: *Григорьев Г. П.* Статуэтки из Гагарино // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. Луганск, 2005.

Ефименко, 1931: *Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия ГАИМК. Т. XI, вып. 3—4. М., 1931.

Замятнин, 1929: *Замятнин С. Н.* Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. Т. 2. Л., 1929.

Замятнин, 1935: *Замятнин С. Н.* Раскопки у с. Гагарино // Известия ГАИМК. Вып. 118. М.; Л., 1935.

Станюкович, 1978: *Станюкович Т. В.* Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978.

Тарасов, 1979: *Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и её место в палеолите Европы. Л., 1979.

Формозов, 2006: *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006.

Zamiatnine, 1934: *Zamiatnine S.* La station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles qu'elle fournit sur les rites magiques des chasseurs quaternaires. Moscou; Léningrad, 1934.

Архивные источники

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 1926. Д. 267. Л. 1—4

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 1927. Д. 147. Л. 1.

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 1927. Д. 249.

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 1929. Д. 295.

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 181.

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 181. Л. 75.

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 220. Л. 31.

И. В. Котлярова

ГАМЗ «Костенки», Воронеж

ИСТОРИЯ СОХРАНЕНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 11

Археологический комплекс верхнепалеолитических памятников Костенки и Борщево исследуется с 1879 г. и уже давно очень хорошо знаком археологам всего мира благодаря знаменитым находкам и открытиям и сделанным на их основе выводам. Но широкой публике Костенки стали известны благодаря музею, начало которого было положено в 60-е гг. XX в. принятием решения о музеефикации раскопанного верхнего слоя стоянки Костенки 11. С момента принятия решения о сохранении памятника до нашего времени прошло более пятидесяти лет. За это время несколько раз менялся контекст его использования: от служения научным целям в качестве вещественного документа до широчайшего использования в туристической инфраструктуре. Сохранение верхнепалеолитического памятника, с одной стороны, стало закономерным продолжением процесса развития науки, ее нужд и потребностей, а с другой — результатом усиления общественного интереса к истории и культуре своей страны и создания многих историко-культурных музеев-заповедников в 60-е гг. XX в.

К 50-м гг. прошлого века советской археологической наукой благодаря исследованиям в Костенках был накоплен колоссальный фактический материал в виде археологических коллекций и сделано множество научных открытий. Вторая половина 40-х—первая половина 50-х гг. были необыкновенно плодотворными в исследовании памятников в Костенках. Особая роль в создании музея в Костенках принадлежит неумолимо исследователю костенковских памятников А. Н. Рогачеву. Этот ученый полностью посвятил себя изучению именно этого региона, практически не покидая его пределов. Обладавший потрясающей археологической интуицией, великолепный практик, Рогачев обнаружил большую часть из открытых в Костенках стоянок. К 1954 г. уже было открыто 22 таких поселения, и Александр Николаевич утверждал, что «там имеется еще десяток мест, где, несомненно, будут открыты новые палеолитические стоянки» [Рогачев, 1954а. С. 1].

В начале 50-х гг. в Костенках одно за другим открываются подряд четыре верхнепалеолитических погребения, позволившие в буквальном смысле слова «взглянуть в лицо» нашим предкам, поскольку по двум из них М. М. Герасимовым были сделаны скульптурные реконструкции. Становится ясно, что Костенки — это выдающийся памятник по древнейшей истории не только в СССР, но и во всем мире.

Но уже в эти годы перед археологами встала злободневная проблема сохранности костенковских памятников, располагавшихся на территории сел Костенки и Борщево, повседневные нужды обитателей которых кардинально расходились с вопросами охраны стоянок. В 1954 г. А. Н. Рогачев записал, что «многочисленные места поселений людей древнекаменного века в районе Костенок с хорошо сохранившимися остатками жилищ и погребений... являются единственными наиболее полными источниками для познания истории культуры нашей страны и представляют поэтому величайшие научные и культурно-исторические сокровища нашего народа. Ценность их является не меньшей, чем любых актов и древних вещей, хранящихся в государственных архивах и музеях. Однако система охраны этих находящихся в земле сокровищ науки и культуры менее совершенна: она не дает полной гарантии от частичного их разрушения и полного уничтожения. По неосознанности и непросвещенности отдельных граждан, незаконно оправдываемой часто хозяйственной необходимостью, продолжается частичное разрушение этих памятников древности, отличающихся от памятников других мест хорошей сохранностью» [Рогачев, 1954а. С. 6]. Несмотря на авторитет, который Александр Николаевич имел среди жителей села Костенки, доглядеть за всеми фактами таких разрушений археологам было невозможно.

В эти же годы А. Н. Рогачев перечисляет необходимые меры, которые, на его взгляд, могли бы спасти положение. В ноябре 1954 г. им было высказано мнение о необходимости «учредить специальную станцию и заповедник с выделением двух-трех штатных единиц». Позволю себе предположить, что он видел ее как местный форпост Академии наук, обеспечивающий охрану костенковских памятников от разрушения. Ни о какой музеефикации или культурном учреждении здесь нет и речи, поскольку следующие два пункта касаются непосредственно нужд экспедиции — это расширение технической базы для раскопок и организация геологических и палеогеографических исследований [Рогачев, 1954б. С. 6]. Но здесь мы видим уже осознание необходимости нового научного подразделения, главной задачей деятельности которого должно было быть обеспечение сохранности костенковских стоянок.

Для осуществления этой задачи археологам, постоянно жившим в Ленинграде и приезжавшим в Костенки только на летний период, очень требовалась как

помощь местных органов власти, так и личная поддержка местных деятелей науки и культуры. Главным помощником в столь сложном и рутинном деле стал Воронежский краеведческий музей, с которым у экспедиции, начиная с 20-х гг., установились достаточно прочные связи, когда молодой сотрудник этого учреждения С. Н. Замятин попросил помощи у маститого петроградского коллеги П. П. Ефименко в руководстве исследованиями на стоянке Костенки 1.

В конце 1940-х—начале 1950-х гг. контакты между археологической экспедицией и Воронежским краеведческим музеем, прерванные войной, возобновились на новом качественном уровне. Во многом это было связано с приходом в музей на пост директора яркой личности воронежской культуры Андрея Петровича Соловьева, при котором развитию музейного дела в регионе был дан новый качественный импульс. Во многом благодаря Андрею Петровичу воронежский музей стал незаурядным явлением культурной жизни города и области. Его политика была очень мудрой: с одной стороны, он реагировал на все правительственные постановления того времени (и реагировал действительно, а не формально), а с другой — сумел сохранить у музея свое собственное лицо, сохранить старые традиции и не «заидеологизироваться» в бурном потоке бюрократического бумаготворчества. Музей направляет своих сотрудников на «стажировки» в экспедицию, частично финансирует работы в Костенках. Одним из самых успешных совместных проектов экспедиции и музея стала музеефикация древнего очага, произведенная в 1957 г. П. И. Борисковским на стоянке Костенки 19. Древний очаг был аккуратно расчищен и монолитом в специально сооруженном коробе отправлен в фонды музея. Такое плодотворное сотрудничество между археологической экспедицией и Воронежским краеведческим музеем, а также энтузиазм двух ярких личностей — А. Н. Рогачева и А. П. Соловьева сделали возможным воплощение в жизнь уникального проекта по сохранению верхнепалеолитической стоянки.

Летом 1960 г. А. Н. Рогачев начал раскопки на открытом в 1949 г. памятнике Костенки 11 (Аносовка 2). Как и большинство костенковских памятников, Костенки 11-е находились на территории жилой усадьбы местного жителя. Хозяин усадьбы Иван Иванович Протопопов не стал препятствовать как небольшим разведочным работам в 1951 г., так и началу широкомасштабных раскопок, подошедших вплотную к стене его дома в 1960 г. А. Н. Рогачев на этот раз позаботился о том, чтобы работы проходили беспрепятственно, для чего выхлопотал для И. И. Протопопова новый участок под усадьбу, лесоматериалы и значительную сумму денег [Рогачев, 1960. Л. 2]. Через некоторое время Иван Иванович с семьей переехал на новое место, старый дом снесли, что позволило завершить исследование данного памятника.

При исследовании этой стоянки было обнаружено отлично сохранившееся скопление из костей мамонта, интерпретированное как остатки древнего жилища. У А. Н. Рогачева возникла мысль сохранить эти остатки

в качестве вещественного источника, главным образом для будущих поколений археологов. Он настолько загорелся этой идеей, что озвучивал ее каждому новому посетителю раскопа во время короткой ознакомительной экскурсии, а таких посетителей в Костенках всегда было множество. 28 июля 1960 г. Александр Николаевич обсуждал вопрос перекрытия жилища временным навесом с заведующим Гремяченским отделом культуры и инспектором по охране памятников, а 23 августа в Костенки приехали сотрудники Воронежского краеведческого музея, с которыми «обсуждался вопрос о превращении Аносовки 2 в открытый памятник археологии, сохраняемый под навесом в процессе исследования с последующим сооружением павильона» [Рогачев, 1960. Л. 49].

Это обсуждение не прошло даром. Заручившись поддержкой руководства музея и получив от него финансовую помощь в размере 1500 рублей, А. Н. Рогачев приступил к консервации памятника силами сотрудников экспедиции. Раскапываемые кости мамонта, бережно освобождаемые от земли, оставляли недвижимыми на своих местах. Очистка от земли костей, входивших в состав сложного костно-земляного нагромождения, была чрезвычайно трудной задачей. Еще сложнее была их пропитка: из-за невозможности в полевых условиях на месте нахождения памятника хорошо очистить кости от земли на их поверхности в процессе консервации образовывалась клеевая пленка, которая не позволяла составу проникнуть внутрь костей, а впоследствии препятствовала их реставрации.

В сентябре—начале октября 1960 г. приступили к сооружению дощатого сарая, для чего на всей площади скопления очень аккуратно, чтобы его не повредить, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга соорудили зондажи, в которых были вскрыты подстилающие нагромождение слои; они же служили для крепления опорных жердей кровли. Затем были сооружены дощатые стены, а потом крыша этого нехитрого сооружения, которое и сохранило жилище в первое десятилетие после его открытия.

Конечно, это сооружение было очень недолговечно и требовалось возведение над раскопом стационарного здания, но для этого требовалось осознание этой необходимости не только А. Н. Рогачевым и сотрудниками музея, но и местными органами власти, которые должны были инициировать это строительство. А сделать это было достаточно сложно, поскольку пятьдесят лет назад сама мысль музеефицирования археологического памятника была совершенно новой для провинциального менталитета, и необходимость такой сохранности инициаторам создания музея приходилось доказывать на всех уровнях. А. Н. Рогачев постоянно писал письма в Воронежский облисполком, Министерство культуры, директору Института археологии АН СССР Б. А. Рыбакову о необходимости сохранения этого уникального объекта. Так, в памятной записке от 27 мая 1965 г. на имя Б. А. Рыбакова Александр Николаевич написал, что «экспедиция ежегодно тратит большую сумму средств и сил на расчистку раскопа из-за обвала стен, просушку (связанную еже-

годно с разборкой стен павильона) и консервацию скопления костей, не имея возможности продолжить его исследование. Следует отметить и то, что выхлопывать обещанные ранее 1500 рублей на ремонт и расширение павильона в 1964 г. пришлось с преодолением невероятных трудностей, с потерей колоссального количества рабочего экспедиционного времени» [Рогачев, 1965а. С. 2]. В 1964 г. весной раскопанное жилище подверглось угрожающему затоплению, земляные стены раскопа очень сильно оползли, и возникла реальная угроза существованию сохраняемого памятника. Вот почему в 1965 г. все лето шла напряженная переписка между представителями воронежской власти и Рогачевым. Эти усилия не пропали даром: в том году жилище было раскопано до конца, была увеличена экспонируемая площадь и, что самое главное, стены раскопа были облицованы кирпичной кладкой. Размеры дощатого павильона были доведены до площади 195 квадратных метров (15×13), а площадь сохраняемого раскопа с облицованными кирпичной кладкой стенами составила 148 квадратных метров (11,0×13,5) [Рогачев, 1965б. Л. 2].

На музейный объект в то время это сооружение явно не походило, а просто служило футляром-защитой для сохраняемого жилища. Требовалось строительство полноценного здания музея, которое могло бы сохранить памятник и сделать его доступным для обозрения посетителями. В июле 1964 г. директор Воронежского музея А. П. Соловьев обращается в государственный проектный институт «Воронежгражданпроект» с просьбой сделать проект музейного здания и посчитать приблизительную стоимость его строительства. Заручившись устной договоренностью с этой организацией, начальник Воронежского областного управления культуры Н. П. Никифоров обращается к тогдашнему министру культуры РСФСР А. И. Попову с просьбой поддержать эту инициативу ученых и культурных деятелей и выделить на первоначальное проектирование и строительство здания двадцать тысяч рублей.

Всю зиму и весну 1965 г. между А. Н. Рогачевым и А. П. Соловьевым шла интенсивная переписка по поводу, каким быть зданию музея, как расположить внутри него сохраняемое жилище. Ясно было одно, что при проектировании нужно было учесть три основные задачи: максимально полное сохранение древнего жилища внутри здания, проектирование музейной среды для будущей экспозиции и грамотная привязка создаваемого объекта к местности. В конце концов в сентябре того же года А. П. Соловьев подписал конечный вариант задания на проектирование здания музея в селе Костенки. Это здание должно было отвечать следующим требованиям: быть максимально простым, не имеющим опор внутри, достаточно светлым, площадь его должна была быть не менее 24×18 квадратных метров [Задание на проектирование, 1965]. Все эти требования были учтены при создании проекта в 1966 г., но размеры этого здания были определены гораздо большими, чем предполагалось, а именно 24×30 м. Общая площадь спроектированного здания составила 720 квадратных метров, раскоп сво-

бодно помещался в северо-восточной части здания, и большая свободная площадь была предусмотрена для создания экспозиции. Само здание должно было быть построено без фундамента, свайным способом на восемнадцати столбах-опорах, идущих по периметру стен. Это было очень продуманное и важное решение, поскольку внутри здания сохранялся многослойный памятник археологии, до конца не изученный, и на будущее создавалась возможность дальнейшего исследования этого комплекса как снаружи, так и внутри.

Котлованы для опорных столбов были вырыты экспедицией и одновременно являлись разведочными шурфами, имеющими размеры 2,4×2,4 и 2×2 метра. Благодаря строительству Костенки 11 стали самым хорошо разведанным из всех костенковских памятников на тот период времени.

Одновременно начавшееся проектирование и закладка фундамента отвлекали огромное количество сил, средств и рабочего времени экспедиции от исследовательского процесса. О неразберихе, проволочках и препятствиях очень красноречиво говорят записи в отчете Рогачева за 1967 г.: «задержка с изготовлением проекта фундамента „Воронежгражданпроект“, неясности с финансированием строительства и трудности с осуществлением решения о переносе жилого дома и надворных построек М. А. Сидельникова, а также занятость строительной площадки фруктовым садом тормозили работу экспедиции до самых последних дней. Лишь в сентябре удалось осуществить переселение, выкупить сады и срубить яблони, мешавшие работе экспедиции» [Рогачев, 1967а. Л. 4].

Стал мешать работе экспедиции и сам памятник в новом качестве своего существования — в качестве сохраняемого и представляемого публике объекта. Уже с появлением над раскопом простого деревянного сарайчика поток организованных и неорганизованных туристов в Костенки резко возрос. А. Н. Рогачев относился к будущему музею как к своему детищу, поэтому каждому, кто приходил или приезжал в Костенки, старался рассказать и показать как можно больше, а это, наряду с хождением по инстанциям и писанием писем, стало отнимать у него большую часть времени от исследовательской работы. Особенно трудно было весной и ранней осенью, когда в Костенки на экскурсии ехали школьники. 26 мая 1967 г. Александр Николаевич записал в своем дневнике: «...состоялась большая экскурсия 32-й отроженской школы города Воронежа. Сто двадцать детей смогли разместиться на стене кирпичной облицовки раскопа. Больше ста человек в раскоп пускать не следует, так как детям тесно внутри дощатого павильона. В субботу и воскресенье бесконечные экскурсии, туристские походы учащих и пионеров, следующих по реке Дон. Туристы следуют пешком, на велосипедах, на лодках, в автобусах и на грузовиках. Необходим экскурсовод, без этого нельзя отлучиться для осмотра раскопа» [Рогачев, 1967б. Л. 4].

Иными словами, с появившимся новым качеством сохраняемого памятника возникла необходимость в чисто музейной работе — обеспечении его сохранности и популяризации. Экспедиция делать этого не

могла, во-первых, из-за большого объема исследовательской работы, а во-вторых, потому что все ее постоянные члены, как правило, были жителями Ленинграда. Заняться этой работой должна была иная структура, а поскольку Воронежский краеведческий музей был соучастником процесса создания музея в Костенках, то постепенно он взял на себя все музейные функции. В январе 1963 г. был заключен договор между Воронежским музеем и жителем села Костенки Иваном Ивановичем Протопоповым об обеспечении последним сохранности памятника и имущества экспедиции. В случае повреждения объекта или кражи имущества он должен был сообщать в сельсовет, областной музей или в институт археологии Академии наук. Таким образом, Иван Иванович стал первым хранителем музея.

Колоссальная работа, проделанная сотрудниками экспедиции, лично ее начальником А. Н. Рогачевым, директором Воронежского музея А. П. Соловьевым, руководителем управления культуры Воронежской области Н. П. Никифоровым и многими другими людьми, привела к очень важному итогу: 4 января 1967 г.

Воронежский облисполком принял, наконец, решение о строительстве музея в селе Костенки, асфальтовой дороги, ведущей к нему, и гостиницы на 12 мест [О состоянии и мерах по улучшению охраны памятников... 1967. Л. 58—63]. Осенью того же года управление музеев и планово-финансовое управление министерства культуры РСФСР выделило Воронежскому областному музею специально для Костенок две ставки: заведующего филиалом и старшего научного сотрудника.

Так 1967 г. стал поворотным в сохранении уникального памятника археологии — было принято официальное решение о строительстве здания музея и создана его структура. Этот год по праву можно считать годом рождения музея в Костенках и завершения длительного этапа превращения археологического памятника в музейный экспонат. С этого момента раскопанное и сохраненное жилище каменного века вводится не только в научный, но и в культурный оборот, и результаты археологических исследований в Костенках начинают приобретать все больший общественный резонанс.

Архивные источники

Задание на проектирование... 1965: Задание на проектирование павильона в селе Костенки над остатками жилища человека древнекаменного века — археологическим памятником «Костенки XI» (Аносовка II) // Архив ВОКМ. 1965.

О состоянии и мерах улучшения охраны памятников... 1967: Решение № 4 от 4 января 1967 года «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в области» // ГАВО. Ф. 1440. Оп. 88а. Д. 189.

Рогачев, 1954а: *Рогачев А. Н.* Сокровища древней культуры в Гремяченском районе // Архив ВОКМ. 1954.

Рогачев, 1954б: *Рогачев А. Н.* Об изучении поселений и погребений древнекаменного века у с. Костенки на Дону // Архив ВОКМ. 1954.

Рогачев, 1960: *Рогачев А. Н.* Отчет о работе Костенковского отряда ЛОИА АН СССР в 1960 году // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 25.

Рогачев, 1965а: *Рогачев А. Н.* Памятная записка // Архив музея-заповедника «Костенки». 1965.

Рогачев, 1965б: *Рогачев А. Н.* Отчет о работе костенковской палеолитической экспедиции в 1965 г. // Архив ИИМК РАН. 1965. Ф. 35. Оп. 1. Д. 94.

Рогачев, 1967а: *Рогачев А. Н.* Отчет о раскопках в Костенках в 1967 году // Архив ИИМК РАН. 1967. Ф. 35. Оп. 1. Д. 29а.

Рогачев, 1967б: *Рогачев А. Н.* Дневник Костенковской экспедиции 1967 года // Архив ИИМК РАН. 1967. Ф. 35. Оп. 1. Д. 30.

А. С. Вдовин *, Н. П. Макаров **

* Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

** Красноярский краевой краеведческий музей

АФОНТОВА ГОРА. 1914 г. ОТЕЦ И СЫН САВЕНКОВЫ

В научном наследии М. В. Аниковича, без сомнения, ведущее место занимает исследование палеолитической эпохи. При этом изучение памятников сибирского палеолита выпадает на начальный период биографии ученого. Осмысление материалов Могочино, Ачинской и других стоянок [Аникович, 1973; 1976] на тот период было невозможно без сопоставления новых материалов с артефактами одного из наиболее известных памятников палеолита Сибири — Афонтовой горы.

Казалось бы, благодаря многочисленным публикациям об этом памятнике известно многое. Но именно первые масштабные раскопки Афонтовой горы И. Т. Савенковым остаются практически неизвестными.

Имя Ивана Тимофеевича Савенкова (1846—1914) занимает достойное место в отечественной истории археологии. Жизненный путь И. Т. Савенкова уже нашел отражение в многочисленных публикациях [Ауэрбах, 1928. С. 183—185; Ларичев, 1969. С. 35—58; 1981. С. 48—95; Макаров, Безывестных, 1989. С. 43—57; Дэвлет, 1996. С. 68—10; Астахов, 1999; Вдовин, Макаров, 1997. С. 34—36; Писарева, Вдовин, 2002. С. 58—60; Вдовин, 2006. С. 4—9; Жук, 2006. С. 8—12]. Однако мы должны еще раз отметить, что последние годы его жизни, последние исследования остаются малоизвестными. Буквально накануне Первой мировой войны И. Т. Савенков проводит последние свои археологические исследования на открытой им в 1884 г. и уже благодаря ему всемирно известной палеолитической стоянке Афонтова гора в черте города Красноярска.

После оставления должности заведующего Минусинским музеем, которым он руководил в 1907—1911 гг., он уезжает в Москву, где разбирает свои коллекции, проводит археологические исследования на Волге и в Тверской губернии [Жук, 2006. С. 11; Савенков, 1914. С. 41—46; АМКМ. Оп. 3. Д. 199]. Однако, как и в период пребывания его на посту инспектора народных училищ в Царстве Польском, где он также не оставлял своих занятий археологией и был членом общества естествоиспытателей при Варшавском университете [Подъявилова, Вдовин, 2006. С. 282—289], его тянет на Енисей, на Афонтову гору. Он планирует вернуться в Минусинский музей. В письме к А. В. Адрианову из Петербурга П. С. Троицкий в апреле 1913 г. сообщает: «Третьего дня у меня был Иван Тимофеевич Савенков, который весьма энергично хлопочет здесь об утверждении постоянной должности консерватора

музея с окладом в 1800 руб. и особой субсидии в 400 руб. ежегодно на развитие научной деятельности музея. Должность консерватора может, по его словам, считаться обеспеченной, что касается субсидии, то и здесь имеются шансы на успех, быть может и не в той сумме, о которой он просит, но все же тысячи три, вероятно, дадут. Иван Тимофеевич думает сам года на 3—4 ехать работать в музей, я очень радуюсь этому обстоятельству, потому что Савенков предан интересам края не за страх, а за совесть. В нем Минусинский музей найдет себе энергичного работника с широким горизонтом и основательными знаниями как ученого, так и административного характера» [Дэвлет, 1996. С. 96—97].

Весной 1914 г. И. Т. Савенков обращается в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении с целью получить возможность проведения широкомасштабных археологических раскопок на Афонтовой горе. Комитет, рассмотрев предложения И. Т. Савенкова, утвердил «Программу исследования памятников эпохи палеолита и неолита в окрестностях г. Красноярска» и выделил на раскопки 800 рублей [Радлов, Штернберг, 1914. С. 64—67]. В конце апреля И. Т. Савенков получает Открытый лист № 245 на раскопки в Красноярском, Ачинском и Минусинском округах [СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 82. Л. 82].

Программа исследований И. Т. Савенкова на 1914 г. была достаточно обширной, предполагалось наряду с раскопками на Афонтовой горе провести археологическую разведку по Енисею. Однако здоровье Ивана Тимофеевича не позволило полностью осуществить намеченные планы. К раскопкам под Красноярском он смог приступить только в конце июля.

Следует обратить внимание на то, что основная часть представленных ниже материалов принадлежит не только И. Т. Савенкову, но в первую очередь его младшему сыну Тимофею Ивановичу Савенкову (1886—1938), который в 1914 г. был его главным помощником на раскопках. К моменту начала исследований на Афонтовой горе И. Т. Савенков был в преклонном возрасте (ему было 68 лет) и был болен. Поэтому основная нагрузка легла на Т. И. Савенкова.

Младший сын, Тимофей, как и его отец, был незаурядной личностью. Атлетически сложенный, еще на голову выше отца, он был объектом пристального

внимания художников. Известен карандашный портрет Тимофея, написанный В. И. Суриковым. Кроме того, есть все основания полагать, что фигура Ермака написана В. И. Суриковым в его известной картине «Покорение Сибири Ермаком» также с младшего Савенкова [Макаров, Безывестных, 1989. С. 43—57].

За распространение марксистской литературы в войсках Царства Польского Тимофей Савенков был приговорен к пяти годам каторги, которую отбывал в орловской каторжной тюрьме. В 1912 г. срок ссылки Тимофея заканчивался. Отец написал на имя генерал-губернатора Восточной Сибири ходатайство, в котором просил, чтобы после окончания срока наказания сына отправили на место жительства в Минусинск. «К настоящему ходатайству меня склоняют опасения, что по выходе из тюрьмы сын, лишенный общения с престарелыми родителями, может опуститься, огрубеть сердцем и душою. А между тем сын, подобно большинству жертв смутной эпидемии, пронесшейся над Россией после 1905 г., как видно из писем, осознал свое неразумие, раскаялся, скорбит о невозможности продолжить образование и стремится стать на верный путь к своей реабилитации. Приехав в Минусинский округ для собирания... материалов... я надеюсь усилить в сыне любознательность и склонить его к научным знаниям. Будучи хорошим чертежником, рисовальщиком, фотографом, сын мог бы быть не только полезным коллектором, но и помощником в научных исследованиях» [ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1274. Л. 2—3].

Заслуженный авторитет И. Т. Савенкова позволил решить этот вопрос положительно.

«Начальнику Енисейского Губернского Жандармского Управления.

Ссылнопоселенцу Мало-Минусинской волости Тимофею Савенкову по резолюции, утвержденной Управляющим губернией, разрешена отлучка в Красноярск и в с. Батеневское на июнь и июль сего года для работы в археологической экспедиции около Красноярска и с. Батеневского под личную ответственность отца его Статского Советника Ивана Тимофеевича Савенкова.

Об этом Тюремная Инспекция сообщает Вашему Высокоблагородию для сведения (30.06.1914 г.)» [ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 72. Л. 33].

В письме П. С. Уваровой 28.06.1914 г. И. Т. Савенков пишет: «Считаю долгом сообщить, что получил телеграмму о разрешении сыну ехать со мной на раскопки, я немедленно выезжаю в Красноярск» [ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 569. Л. 26—26 об.].

Т. И. Савенков интересовался древней историей и этнографией, принимал участие в первых экспедиционных поездках Б. Э. Петри на Байкал, обследовал наскальные рисунки в бухте Саган-Заба. В 1913 г. на страницах газеты «Сибирь» опубликовано сообщение «Распорядительный комитет В[осточно]-С[ибирского] Отдела Императорского Русского Географического Общества получил от Т. И. Савенкова, проживающего в Косой степи, в селе Курет, письмо, в котором сообщается, что на берегу Байкала, верстах в 10 от устья Анги на юг, вблизи улуса Быркым им, г. Савенковым, найдены интересные писаницы — нарисованные

фигуры животных и людей на утесе розового мрамора. По словам автора письма, многие знаки от времени уже испорчены, но есть и рисунки, весьма хорошо сохранившиеся. Высечка их — хорошая и чистая. Г[осподин] Савенков прислал комитету несколько фотографических снимков с писаницы. В скале, тут же, г. Савенков нашел несколько штук старинных монет. По видимому, здесь устраивались моления инородцев. Заинтересовавшись этими памятниками, г. Савенков обратился в комитет географического общества с просьбой дать указания, что можно сделать с писаницами. Кроме того, г. Савенков просит выслать ему принадлежности для производства фотографических снимков. Комитет отдела просьбу Савенкова удовлетворил, причем постановил предложить г. Савенкову подробно описать найденные им памятники и зарисовать их на бумаге, общий труд этот поместить в книжке „Известий“ отдела» [Сибирь, 1913. 15 марта. № 363].

Для раскопок И. Т. Савенков выбрал ранее не исследованный участок Афонтовой горы, получивший позже название Афонтова гора III. Было заложено несколько раскопов в разных пунктах. Один из раскопов находился на склоне горы, а остальные 5 располагались на месте карьеров в левой приустьевой части Иванихина Лога, на территории Нефтесклада. Раскопки проводились большими площадями и осуществлялись на высоком научном методическом уровне. Одновременно проводились шурфовка и зачистки обнажений в других местах Афонтовой горы. В результате была собрана самая крупная коллекция материалов, лучше других сохранившаяся к настоящему времени. В коллекции имеются и два зуба человека [Астахов, 1999. С. 14].

Раскопки, как отмечают В. Е. Ларичев и С. Н. Астахов, были проведены на высоком для своего времени методическом уровне [Ларичев, 1969. С. 109—111; Астахов, 1999].

К сожалению, спустя почти 100 лет материалы последней экспедиции И. Т. Савенкова полностью так и не опубликованы [Астахов, 1999]. Лишь перу Т. И. Савенкова принадлежит «отчет» о раскопках 1914 г. на Афонтовой горе, частично опубликованный в журнале «Сибирская летопись» в 1916 г. [Савенков, 1916. С. 247—257].

Смерть И. Т. Савенкова совпала с началом Первой мировой войны. Тем не менее почти все сибирские газеты опубликовали некрологи и другие материалы, посвященные И. Т. Савенкову [Отклики Сибири, 1914. № 117; № 127; Сибирская жизнь, 1914. № 210; Сибирская мысль, 1916. 17 апр.]. Позднее появляются некрологи и в центральной прессе [Штернберг, 1916].

16 ноября 1914 г. прошло заседание КОРГО, посвященное памяти члена подотдела Ивана Тимофеевича Савенкова. Были прочитаны доклады А. Я. Тугаринова «О раскопках в Ачинском уезде и об археологических исследованиях в окрестностях г. Красноярска И. Т. Савенкова» и Н. Н. Козьмина «Научная деятельность И. Т. Савенкова и выяснение интересной и многогранной духовной личности его» [Краткий отчет... 1924. С. 44].

Т. И. Савенков был знаком с Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским и В. И. Громовым, которые проводили исследования на Афонтовой горе в 1923—1926 гг., неоднократно посещал их раскопки. Тимофей Иванович был избран, наряду с В. А. Городцовым, Г. Мергартом, С. А. Теплоуховым и А. Я. Тугариновым, почетным членом археологического кружка им. И. Т. Савенкова. Он не только поддерживал связь с руководителями археологического кружка, но и писал письма кружковцам.

После смерти отца архив и библиотека были оставлены Т. И. Савенковым на хранение в Минусинском музее. Однако после гражданской войны он не смог получить эти материалы от заведующего Д. В. Кожанчикова.

Н. К. Ауэрбах пытался с помощью В. А. Городцова решить судьбу архива И. Т. Савенкова. В письме от 23 марта 1925 г. он пишет: «Т. И. Савенков сообщил мне, что после смерти отца он оставил в Минусинском музее на хранение несколько ящиков рукописей, писем и различных материалов И. Т. [Савенкова], также его библиотеку, главным образом по двум вопросам: археологии и шахматам. *Monstrum horrendum* — [Д. В.] Кожанчиков в 1920 или 1921 г. вскрыл все ящики, забрал все книги в библиотеку, а рукописи в Музей, никаких актов, конечно, не составил и даже отказал Т. И. [Савенкову] в выдаче личной его переписки, личных книг. Все это лежит сейчас в Музее в Минусинске, лежит, конечно, без толку. Т. И. просит все Савенковские материалы передать Красноярскому музею. У Вас, говорит он, жизнь кипит ключом, в Минусинске все это истлеет, никто не использует.

Я лично считаю поступок [Д. В.] Кожанчикова возмутительным. Кто толкал его на захват библиотеки и архива? Хороша благодарность государства семье крупнейшего исследователя Сибири. Замечу еще, что сам Т. И. [Савенков] пять лет сидел в каторжной тюрьме в дореволюционное время за принадлежность к партии.

Справедливым мне кажется вернуть семье Савенкова все содержимое неправоммерно захваченных ящиков. Археологические книги библиотеки [И. Т.] Савенкова, конечно, оказались дубликатами в Минусинском музее, так как [Д. В.] Кожанчиков захватил, и кажется, таким же образом, библиотеку [И. П.] Кузнецова[-Красноярского], кроме того, еще во время Мартыянова археологический отдел книжного собрания Минусинского музея был огромен.

К Вам просьба, Василий Алексеевич. Сообщите, можно ли что-либо сделать для восстановления справедливости, в крайнем случае можно ли выполнить волю семьи покойного — передать материалы И. Т. в Музей Приенисейского края?» [Вдовин, Кузьминых, 2012. С. 345—350].

В. А. Городцов 5 апреля 1925 г. в письме Н. К. Ауэрбаху отвечает: «Относительно архива И. Т. Савенкова едва ли что можно сделать в настоящее время. Во всяком случае, частные ходатайства совершенно бессильны. Вернее было бы, если бы сын И. Т. [Савенкова] вошел в Отдел по делам музеев с официальным хода-

тайством; тогда бы, по крайней мере, дело могло бы обратить на себя внимание. Что касается совершенно некорректного поступка [Д. В.] Кожанчикова, то об этом говорить не стоит, ибо что можно требовать от человека, совершенно одичавшего в своем медвежьем углу. Передача архива Савенкова в Красноярск, мне кажется, могла бы состояться и по одному распоряжению красноярской власти, так как Минусинск находится в зависимости от нее» [Вдовин, Кузьминых, 2012. С. 345—350].

Т. И. Савенков в 20-е гг. работал в советских учреждениях г. Новосибирска. Тогда же им была опубликована статья о Байкале [Савенков, 1925. С. 16—17].

В 1938 г. Т. И. Савенков был арестован и обвинен в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 8 апреля 1938 г. в Московской области. Реабилитирован в июне 1957 г.

Ниже приведены два документа, принадлежащие И. Т. Савенкову¹.

Первый, черновой вариант письма в РКИСВА (Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии), который был передан Т. И. Савенковым в 1920-е гг. Н. К. Ауэрбаху и хранился в семейном архиве, позднее был передан в Красноярский краевой краеведческий музей сыном Н. К. Ауэрбаха — Константином Николаевичем вместе с рядом других рукописных материалов.

Второй вариант письма недавно обнаружен в Санкт-Петербургском филиале Архива АН РАН, в материалах ф. 148 — Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (1903—1921).

Приложение

№ 1

КККМ. Б/н.

В Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии

Собранный мною в 80-х гг. пр[ошлого] столетия материал по палеолиту на Енисее, полностью принесенный в дар Академии наук, как я убедился при обработке его, настоятельно нуждается во многих разносторонних (не только антропологических) дополнительных исследованиях, требующих, быть может, и настоячивых раскопок.

Программы и инструкции того времени далеко не отвечают всем современным требованиям. Изучение последних работ по палеолитической эпохе, имеющихся в библиотеке Музея антропологии, как нельзя более убеждает в этом.

Особенно нуждается в дополнительных некотором освещении физико-географического очерка к описанию памятников культуры, в котором, для выяснения особенностей в ходе ледниковых явлений, денудации и долинообразования, к описанию само местонахож-

¹ Стиль и орфография автора в этих документах сохранены.

дения памятников палеолитической культуры и костей — кухонных отходов животных — необходимо присоединить и краткое резюме орографических и геологических особенностей в строении верхней части долины Енисея, по которому есть основание заключать о некоторой устойчивости преобладающих местами большую или меньшую региональность в отложении продуктов геологической деятельности атмосферы и воды. Исследований в вышеотмеченном направлении за последние десятилетия не производилось, и пополнить библиографические указанные пробелы в моих старых материалах невозможно.

Недавнее усовершенствование в отмучивании глин, должное 10 ноября в Парижской академии наук проф. Мюнц (Münz) и Годпшон (Gaudtchon) отныне обязывает и антропологов и археологов, встречаясь с различными глинами, лёссом и лёссовидными суглинками, брать надлежащим образом их образцы для отмучивания при возможно большем разводнении глин. Тогда частицы глин плавают в небольшом отдалении одна от другой: они остаются обособленными, а не сближаются и не слипаются друг с другом. Если микроскопические исследования производятся над большим процентом слипшихся частиц, то это обстоятельство больше всего замаскировывает настоящее строение глины и не дает возможности различать сходные глины и устанавливать с полной точностью индивидуальность каждой глины.

Если техника отмучивания глин и их микроскопического исследования может быть доведена до совершенной точности, дающей теперь возможность устанавливать индивидуальность каждой глины с такою же достоверностью, с какою антропологические измерения устанавливают индивидуальность каждого человека, то можно надеяться, что разрешение вопросов о субаквальном и субаэральном (эоловом) отложении глин для геологов будет скоро поставлено на научные основания и существующие на этот счет разногласия значительно ослабеют.

Значительная часть склонов Афонтовой горы теперь застроена, но для раскопок можно еще найти подходящие места. Работать придется конными тачками, на окраине городского предместья. Очень затруднительно определить заранее стоимость работ, она может быть очень значительною, даже взяв небольшую площадь для достаточно глубокой выемки. Конечно, для обследования белой мергелистой глины, включающей в себя кости вымерших послетретичных животных, мы используем известные нам старые выработанные разрезы, из которых буровато-желтая кирпичная глина уже удалена.

Вот причины, по которым физико-географический очерк, составленный по старым материалам и дневникам 80-х годов, мы затрудняемся представлять к печати, особенно когда представляется возможность, в пределах средств и времени и сил исследователя собрать дополнительные материалы не только по палеоэтнологии, геологии, но и по климату, обусловившему

и иное течение ледниковых явлений в Сибири, чем в России.

Изучение ледниковых явлений началось в горных альпийских странах полуостровной части Европы, там они наилучше изучены, там установлены ледниковые и межледниковые эпохи, там впервые сложились многие устойчивые научные воззрения и воспринимались и ныне нередко воспринимаются исследователями других стран, с иным строением поверхности, иногда имеющих и равнинный характер. Это имеет свои выгоды: при забвении некоторых гипсометрических и климатических условий, приводит к научным недоразумениям и к ошибочным предвзятым взглядам. Многие забываются, что в альпийских странах климатический масштаб поставлен вертикально, а на равнинах и низменных местностях они лежат горизонтально: вследствие чего некоторые ледниковые эпохи оставили свои следы только в гористых местностях, совершенно не спускаясь в равнины.

Уменьшение влажности в ледниковые эпохи в центрах континентов также нередко оставляется без внимания.

В особенности денудации, долинообразования, отложения наносов и образования террас (развития и накопления) нагляднее усваиваются на хороших стереоскопических снимках. Такой аппарат, вполне исправный, с достаточным числом кассет, отчетливо работающий, в данном случае настоятельно необходим. Большое количество снимков с типичнейших местностей легко будут восприняты смотрящим, научное значение каждого снимка выясняется в нескольких словах — длинные специальные объяснения будут совершенно излишни.

Раскопки в нескольких местах необходимо сделать и на противоположной стороне Енисея, вблизи рек и в нескольких верстах от Енисея, на террасах и на склонах к ним. Спуститься ниже Красноярска придется не далее с. Атамановского.

После этого экспедиция спустится на пароходе до с. Новоселовского и через с. Анаш и Карасук выйдет на с. Батеневское. Дюнная местность между последними селениями будет подвергнута тщательному обследованию для заложения раскопок на докурбанное неолитическое или переходное к меди поселение.

Через Лепехину экспедиция пройдет через с. Беллык и Байкалово в окрестности Копен, где на дюнах следует сделать раскопочные поиски на древнее (докурбанное) поселение.

Осмотр окрестностей Усть-Сыды будет направлен на ознаменование с местонахождениями костей вымерших животных, находимых и выше по Сыде, берега которой в соответственных местах будут исследованы — до с. Большой Идры и д. Адрихи. Будут произведены раскопки, более обширные будут поставлены в местах, подающих наибольшую надежду на нахождение антрополого-археологических предметов.

С Сыды экспедиция перейдет на р. Шушь и от с. Старо-Кнышинского сначала направится на восток, до д. Чердаки, затем повернет на юг, на р. Ирбу и осмотрит берега этой речки и ее притоков, особенно

р. Грязнуху и её окрестности. На Тубе, в окрестностях с. Курагинского и Кочергино, местонахождения будут обследованы и экспедиция, осмотрев таковые же попутно по р. Жарлык и в окрестностях Большой Нички, возвратится в Минусинск.

Маршрут от Новоселовой, по берегу Енисея, по Сыде и Ирбе, через Тубу, между с. Курагинским и Кочергиным, будет около 350 верст. На две подводки около 40 р., не считая расходов на местные экскурсионные поездки. Предвидеть последние расходы весьма трудно. Маршрут обилён местонахождениями костей вымерших животных, местность не подвергалась обследованию, трудно предугадать, что может прибавиться в антрополого-археологических программах, предварительно составленных.

Но если бы расходы на предприятие в Минусинском уезде оказались рублей на 200 с небольшим и более, то научные результаты, несомненно, будут более значительны уже потому, что будут возможны некоторые сопоставления двух озеровидных котловин долины Енисея: Красноярскою и Минусинскою, разделённых, верст на 75, почти горною пустынною странюю. Они отличаются по геологическому строению и по географическим условиям, а главное, по составу и расположению наносов; денудация в южной котловине проходила, видимо, несколько иначе, чем в северной. Какие указания на особенности в расположении следов палеолитической культуры даст южное расширение долины? Спускаются ли стоянки к берегам Енисея или поднимаются на верхние террасы размытия? Причины этих особенностей?

И с точки зрения, вопрос о констатировании и хотя бы о предварительном выяснении особенностей палеолитической культуры в Минусинском крае едва ли возможно признать преждевременными, напротив, производство работ одним и тем же исследователем даёт некоторые шансы на больший успех; одновременность обработки и обозрения коллекций в значительной степени облегчает научные сопоставления.

Лично о себе позволю сказать, что после тяжелой болезни, которую пришлось перенести, врачами рекомендовано мне воздержаться от физического утомления. — Только это указание вынуждает меня высказаться за 2-го помощника. Но принять во внимание серьёзные требования, которые будут предъявлены к фотографической работе 1-го помощника, помимо экспедиционных и других коллекторских обязанностей, 2-й помощник является далеко не излишним, тем более что в свободное от раскопок время, в соответственных местностях будут делаться экспедициею сборы различных естественно-исторических коллекций. Минусинский Мартыановский музей имеет на жаловании препаратора, опытного и бывавшего в путешествиях, я буду хлопотать о его прикомандировании, но продовольственная часть должна несколько увеличиться. Раскопки и экскурсии по геологии, по сбору образцов глин и различных общих естественно-исторических материалов, этикетирование, ремарки, дневники, упорка научной добычи увеличат продолжительность

путешествия; экономическая торопливость может вредно отозваться на коллекциях и ухудшит их монтировку.

Вышеизложенные нужды сильно озабочивают меня и вынуждают доложить о крайней необходимости несколько увеличить предложенную сумму (600 р.), хотя бы на 200 р., чтобы обезопасить экспедицию от нежелательных материальных затруднений и не повредить успешному ходу её работ.

С. Петербург 24 февраля 1914 г.

Ив. Савенков

(Машинопись, черновик)

№ 2

СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 76. Л. 16.

В Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии

Памятники палеолитической культуры на Енисее, близ Красноярска, извлечены из верхних слоев лёсса, из буровато-желтой глины, годной для выделки кирпичей. Но кости вымерших животных и орудия встречаются глубже, в подстилающем слое, в беловатой мергелистой глине.

По неимению средств, я не имел возможности своевременно углубиться в подстилающий слой, где должна находиться более древняя культура.

Хотя наиболее интересные по прежним находкам части склонов Афонтовой горы уже застроены, кирпичные сараи и выработки глины давно прекращены на этих местах, но по воспоминаниям, по дневникам, по планам, составленным мною в 80-е гг. пр[ошлого] ст[олетия], и по распросам можно выбрать подходящие старые выработки без верхнего слоя глины.

Но, мне кажется, было бы неосновательно уклониться от разведочных попыток поиска очагов или стоянок в точном смысле этого слова. Конечно, эти поиски рискованные и трудные, они потребуют от Комитета несколько больших расходов, а от экспедиции наиболее внимательной и усиленной деятельности, но при удаче наука может обогатиться не только археологическими, но и антропологическими материалами.

Проработав вблизи Красноярска не менее 4 недель, экспедиция передвинется на пароходе в окрестности с. Батеневского. Обширное пространство, занимаемое дюнами в окрестностях этого селения, потребует для более обстоятельного обследования не менее 4 недель. На более древних дюнах будут произведены раскопки в расчете на неолитическую эпоху.

Из приложенной при этом сметы, при одном помощнике и при постоянном слуге при научном багаже экспедиции, видно, что более или менее обстоятельные исследования и раскопки при ассигновании в 600 р. провести нет возможности. Цены на продовольствие и на рабочие руки в Красноярске довольно высокие. Если оба научных предприятия Комитет найдет заслуживающими внимания и поддержки, то ассигнование на них необходимо увеличить по меньшей мере на 200 рублей.

С.-Петербург. 12 марта 1914 года.

Ив. Савенков

(Машинопись, оригинал)

Список литературы

- Аникович, 1973: *Аникович М. В.* Могочинская стоянка — новый памятник верхнего палеолита Западной Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. ТД Всесоюз. конф. Новосибирск, 1973.
- Аникович, 1976: *Аникович М. В.* Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха палеолита). Новосибирск, 1976.
- Астахов, 1999: *Астахов С. Н.* Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в Красноярске. СПб., 1999.
- Ауэрбах, 1928: *Ауэрбах Н. К.* Первый период археологической деятельности И. Т. Савенкова // Ежегодник государственного музея им. Н. М. Мартьянова. Т. VI. Минусинск, 1928.
- Вдовин, 2006: *Вдовин А. С.* Иван Тимофеевич Савенков (1846—1914) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И. Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В. И. Громова. Красноярск, 28—30 марта 2006 года. Т. 1. Красноярск, 2006.
- Вдовин, Кузьминых, 2012: *Вдовин А. С., Кузьминых С. В.* В. А. Городцов в Минусинске (1924 г.) // Мартьяновские краеведческие чтения (2010—2011 гг.). Вып. VII. Минусинск, 2012.
- Вдовин, Макаров, 1997: *Вдовин А. С., Макаров Н. П.* Археологические карты И. Т. Савенкова // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997.
- Дэвлет, 1996: *Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея. М., 1996.
- Жук, 2006: *Жук А. В.* Иван Тимофеевич Савенков (1846—1914) // Интеграция археол. и этногр. исслед.: Сб. науч. трудов. Красноярск; Омск, 2006.
- Краткий отчет... 1924: Краткий отчет о деятельности Красноярского отдела РГО за 1911—1922 гг. // Известия Красноярского отдела Русского геогр. о-ва. Т. 3, вып. 2. Красноярск, 1924.
- Ларичев, 1969: *Ларичев В. Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Новосибирск, 1969.
- Ларичев, 1981: *Ларичев В. Е.* Дом из бивней мамонта. Красноярск, 1981.
- Макаров, Безызвестных, 1989: *Макаров Н. П., Безызвестных Е. Ю.* Неутомимый исследователь древностей // Век подвижничества. Красноярск, 1989.
- Открытый лист... 1913: Открытый лист № 1007, 11 мая 1913 г., Ржевского и Старицкого уездов (по течению реки Волги), Тверской губернии и Валдайского и Боровиченского уездов (в пределах до оз. Пирос и ст. Бологое, Новгородской губернии) // АМКМ. Оп. 3. Д. 199.
- Писарева, Вдовин, 2002: *Писарева Г. В., Вдовин А. С.* К научной биографии И. Т. Савенкова // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII Региональной археолого-этногр. студ. конф. Омск, 2002.
- Подъявилова, Вдовин, 2006: *Подъявилова Г. В., Вдовин А. С.* Иван Тимофеевич Савенков в Польше // История науки и образования в Сибири: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Красноярск, 15—16 ноября 2005 г. Красноярск, 2006.
- Радлов, Штернберг, 1914: *Радлов В. В., Штернберг Л. Я.* Программа исследования памятников эпохи палеолита и неолита в окрестностях г. Красноярска // ИРКИСВА. Сер. 2. № 3. Проток. 1914.
- Савенков, 1914: *Савенков И. Т.* Отчет по командировке для археологических изысканий в Тверской губернии // Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого за 1913 г. СПб., 1914.
- Савенков, 1916: *Савенков Т. И.* О памятниках, оставленных на р. Енисее человеком, современником мамонта // Сибирская летопись. 1916. № 6—8.
- Савенков, 1925: *Т. С. (Тимофей Савенков).* Байкал // Сибирь. Новониколаевск, 1925.
- Штернберг, 1916: *Штернберг Л. Я.* Иван Тимофеевич Савенков // Сб. МАЭ. Т. 3. Петроград, 1916.

Архивные источники

- СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 82. Л. 82.
 ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1274. Л. 2—3.
 ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 72. Л. 33. (30.06.1914 г.).
 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 569. Л. 26—26 об.
 КККМ. Б/н.
 СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 76. Л. 16.

Е. В. Детлова

Красноярский государственный музей, Красноярск

**«ДЛЯ МЕНЯ ВЫ ЯВЛЯЕТЕСЬ ЕДИНСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ В СИБИРИ,
У КОТОРОГО Я МОГУ СМЕЛО УЧИТЬСЯ...»
(К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ Г. П. СОСНОВСКОГО И ГЕРО ФОН МЕРГАРТА)**

История российского палеолитоведения знает немало ученых, чья жизнь и научная судьба теснейшим образом связаны с Сибирью: И. Т. Савенков, Б. Э. Петри, З. А. Абрамова, С. Н. Астахов, А. П. Окладников... К числу их принадлежит и Михаил Васильевич Аникович. С Сибирью его связывают и происхождение от рода сибирских казаков, или «охочих людей»¹, и учеба в Томском университете — ученичество у В. И. Матющенко, о котором он отзывался с огромным уважением и любовью (см.: [Аникович, 2007. С. 38—50]). Профессиональные интересы зрелого периода, конечно, связывались с Европой. Но все, кто знал Михаила Васильевича в последние годы, кто общался с ним в моменты его редких приездов в Сибирь, хорошо видели: ему тут на удивление легко дышалось.

История археологии в течение десятков лет неизменно входила в круг научных интересов М. В. Аниковича. Поэтому представляется вполне уместным опубликовать в настоящем мемориальном сборнике статью, посвященную другому выдающемуся исследователю отечественного палеолита, в жизни которого Сибирь также сыграла исключительную роль, — Георгию Петровичу Сосновскому. Этому ученому археологическая наука «обязана разработкой основ современных представлений о древнейшем этапе истории Сибири» [Ларичев, 1969. С. 143]. Зрелый период его творчества был связан с Ленинградом. А на формирование его как специалиста немалое влияние оказал человек, чье имя давно стало легендарным в европейской науке. Это известный австрийский археолог, первый штатный профессор древней истории Германии Геро фон Мергарт.

Об обстоятельствах, при которых он, выпускник Мюнхенского университета, офицер австро-венгерской армии, попал в Сибирь, а также о подробностях его жизни в России, итогах работы в Красноярском музее писалось неоднократно ([Вдовин, Детлова, Макаров, 2012. С. 104—124; Детлова, 2006. С. 414—416; 2007. С. 76—87; Китова, 2007. С. 51—59, 164—170; Ларичев, 1969. С. 148—159, 216—220; Мартынов, 1992. С. 21—24; Матющенко, 2001. С. 38, 79—81; Det-

lowa, Swozilek, 2008. С. 7—45] и др.)². Не только своим дебютом в науке, но и первым педагогическим опытом Геро Мергарт, «отец-основатель» «марбургской школы», воспитавший в Германии несколько поколений блестящих археологов, обязан России. А самым первым его учеником был Г. П. Сосновский.

К моменту их знакомства в 1920 г. Г. П. Сосновский не был совершенным новичком в археологии. Наукой о древностях он увлекся еще в отрочестве, учась в Петроградском коммерческом училище в Лесном. Свои первые шаги на этом поприще сделал под руководством Б. Э. Петри, когда в 1917—1918 гг. работал в археологическом отделе Музея антропологии и этнографии РАН [Ларичев, 1969. С. 144]. В дальнейшем голод и гражданская война привели обоих в Сибирь. Г. П. Сосновский оказался в Красноярске, где судьба свела его с сотрудниками Музея Приенисейского края³. В 1920 г. он был зачислен в штат музея в качестве ассистента археологического отдела. С этого момента начинается не только совместная работа, но и дружба его с Г. Мергартом, длившаяся много лет.

В своих мемуарах Г. Мергарт часто вспоминает Г. П. Сосновского тех лет — молодого человека, искренне стремившегося заниматься доисторией, но не обладавшего серьезными познаниями в этой области. Качество его работы и избыток рвения вызывали со стороны учителя довольно ироничные замечания:

«Георгий Петрович был доисториком по призванию. <...> Он с пристрастием задавал мне вопросы относительно новейших проблем науки, которые могли лишить сна специалиста, и дрожал перед интересным местонахождением, как добрая легава перед дичью. Он был неутомим, невзыскателен, любознателен и припадал к доистории, как мучимый жаждой лебедь — к воде» [Merhart, 1958. S. 82].

С другой стороны, Г. Мергарт отмечал любознательность и пытливость ума начинающего ученого и искреннее стремление его проникнуть в самую суть

² В 1919 г. Геро фон Мергарт попадает в Красноярск, где получает возможность вернуться к научной деятельности. В ноябре он приступает к работе в Красноярском музее в качестве реставратора, в 1920—1921 гг. является заведующим археологическим отделом.

³ Ныне — Красноярский краевой краеведческий музей.

¹ Благодарю Н. И. Платонову за предоставленные сведения и большую помощь в подготовке данной статьи.

вещей. Критические ремарки в адрес Г. П. Сосновского свидетельствуют не о недоброжелательности, а скорее о присущем Г. Мергарту чувстве юмора и о его требовательности по отношению как к себе, так и к своим ученикам. Он ценил усердие, упорство и трудолюбие своего помощника, вместе с которым они продолжали в губернии серьезную исследовательскую работу. Вместе занимались упорядочением хаотичных музейных коллекций, совершили ряд экскурсий по окрестностям Красноярска, а также поездку на юг края летом 1920 г. Эта «вторая, после путешествия по Енисею И. Т. Савенкова, специально организованная экспедиция с широкими задачами комплексного изучения североазиатского палеолита увенчалась блестящим успехом» [Ларичев, 1969. С. 150]. В ходе ее было раскопано два кургана, проведена рекогносцировка местонахождений различных эпох, открыты новые стоянки (Кокорево, Лепешкино, Аешки, Бузуново, Потрошилово, Лигостаево, Борки) и осмотрены ранее известные у селений Батени, Изых и Тесь на р. Тубе [Там же].

Сотрудничество Г. Мергарта и Г. П. Сосновского продолжалось недолго, всего несколько месяцев. Летом 1920 г. Георгий Петрович оставил Красноярск и службу в музее, чтобы продолжить обучение в Иркутске, где в 1918 г. благодаря усилиям Б. Э. Петри в университете была основана кафедра первобытной культуры (единственная в ту пору в Сибири, а возможно, и во всей России). Здесь Петри читает курс археологии и этнографии, ведет семинары, создает при кафедре кабинет с хорошей библиотекой и богатыми археолого-этнографическими коллекциями, а также студенческий научный кружок «Народоведение» [Ларичев, 1969. С. 138]. Вместе с учениками он организует масштабное изучение территорий Восточной Сибири. В работе ему активно помогает Г. П. Сосновский. Со своим красноярским наставником в эти годы он ведет интенсивную переписку, в которой дает подробный отчет о своей жизни и занятиях в Иркутске⁴ (архив Геро фон Мергарта в Марбургском университете; дальнейшие отсылки, кроме особо оговоренных, — к нему):

«Кроме обязанностей по археологическому отделу приходится заниматься административными и хозяйственными делами (быть помощником Б. Э. Петри по заведованию музеем). В университете слушаю лекции по этнографии, истории Сибири, археологическим разведкам и раскопкам и т. д. Участвую в работах студенческого кружка „Народоведение“, комиссии по составлению археологической карты Иркутской губернии...» (27.02.1921).

В письмах он также описывает доисторические коллекции иркутских музеев и отдельные, особенно интересующие Г. Мергарта, предметы и пишет об исследованиях, которые проводит в Забайкалье и Приенисейском крае. В Иркутской губернии это участие в раскопках на Верхоленской горе и в окрестностях Иркутска в 1920—1921 гг. и в археологической разведке в долине р. Ангары под руководством Б. Э. Петри летом 1921 г.

Более подробно он останавливается на своей работе в Енисейской губернии. Самым важным пунктом и объектом внимания сибирских археологов в 1920-е гг. остается Афонтова гора — первый памятник палеолита в Сибири, подвергшийся целенаправленным раскопкам. Открытие И. Т. Савенковым в 1884 г. следов пребывания палеолитического человека в окрестностях Красноярска предопределило устойчивый и непреходящий интерес к этому памятнику со стороны российских и зарубежных ученых. Раскопки на Афонтовой горе не прекращались с конца XIX в. За И. Т. Савенковым и Ж. де Баем эстафету приняли красноярские археологи А. Я. Тугаринов и Н. К. Ауэрбах. Весьма интересовался этим памятником и Геро Мергарт. В 1919—1920 гг. он участвовал в раскопках на Афонтовой горе. Его спутником и компаньоном в этих экскурсиях был Г. П. Сосновский. О том, в каких условиях проводились исследования, Г. Мергарт также пишет в своих мемуарах:

«От музея до Афонтовой горы пять километров пути. Моя упитанность весной была такова, что после преодоления этих пяти километров мне требовался получасовой отдых, чтобы быть в состоянии вести наблюдения. Но когда Георгий Петрович чуял тающую землю, остановиться было невозможно при всем моем желании. <...> И так, мы ползали, искали, собирали, наблюдали и копали. Иногда Георгий Петрович целый день носил с собой наш жидкий суп, каким его выдавали в государственной столовой, и если где-нибудь его удавалось разогреть и употребить с — ах, таким тонким кусочком хлеба! — скорчившись от всепронизывающего ветра в песчаной яме, и определить по карте, как приблизиться к хорошему обнажению <...> тогда, с обманчивым теплом в желудке, мы забывали наше плачевное состояние, приходили в азарт и строили планы один грандиознее другого. А вечером или на другой день отрабатывали это длинными-длинными километрами обратного пути с урчащими желудками, усталыми членами и притупленной головой» [Merhart, 1958. S. 94].

После отъезда Г. Мергарта из Красноярска изучение Афонтовой горы было продолжено. В 1923 г. Восточно-Сибирский отдел Географического общества и его Средне-Сибирское отделение выделили средства на продолжение работ⁵. Раскопками руководили Г. П. Сосновский, Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов. Итоги этих исследований ученые до сих пор называют не иначе, как «сенсационными». Во-первых, из-за их масштабы: всего в первый год работ на Афонтовой горе в раскопках приняли участие около двух с половиной тысяч учащихся города. Было вскрыто более 300 м² площади. Во-вторых, из-за обильности находок: переданная в музей коллекция составила около 2500 изделий, среди которых — скребла мустьерского типа и миниатюрные скребки, остроконечники, про-

⁴ Стиль и орфография писем сохранены.

⁵ Выделенной суммы все же оказалось недостаточно, и из-за нехватки средств для найма рабочих пришлось привлечь школьников.

колки, нуклеусы, масса костяных орудий, а также кости животных [Макаров, 1989. С. 147]. Одним из самых важных результатов работ 1923 г. на Афонтовой горе стало открытие первых в России и во всей восточной половине Азии костных остатков палеолитического человека [Ларичев, 1969. С. 157].

О ходе работ Г. П. Сосновский детально информирует Г. Мергарта. Например, он сообщает, что «собрал около 50 предметов, гл[авным] обр[азом] с Переселенческого пункта и Афонтовой горы, где удалось найти костяную бусину и пластину из рога оленя с 3 отверстиями. Обе вещи из культурного слоя с костями мамонта и других четвертичных животных» (1.06.1923). В другом месте он пишет, что в результате проведенных им и Н. К. Ауэрбахом раскопок «была обнажена площадь культ[урного] слоя в 38 кв. метров при толщине верхнележащего лесса 5 метров. Найдены остатки четырех мамонтов, съеденных палеолитичес[еским] человеком. Обнаружены две кости ископаемого человека. Богатая фауна. Камен[ных] и костяных орудий свыше 250. Интересны украшения. Культурный слой мощностью ½ метра. Nucleosor, lames, eclats и пр. <...> Кроме этого участка стоянки на месте „у дороги“ было разрыто 7 кв. метров. Найдены кам[енные] орудия, кости» (24.12.1923).

Результаты исследований публикуются в виде отчетов, снабженных рисунками, фотографиями и чертежами, которые, по мере выхода их в свет, также пересылаются Г. Мергарту.

Раскопки на Афонтовой горе (Афонтова гора II, III, IV) в 1924—1925 гг. также увенчались большим успехом: было вскрыто более 106 м² площади, «сделаны богатые находки каменных и костяных орудий, украшений, кости человека и остатки животных» (3.03.1924), которые характеризуются «преобладанием форм раннего палеолита скребел, мустьерских наконечников, костяного „начальнического жезла“» (28.04.1924; 27.05.1924). Кроме того, Г. П. Сосновскому, Н. К. Ауэрбаху и В. И. Громову удалось раскопать первое в России и в Азии долговременное палеолитическое жилище типа землянки [Ларичев, 1969. С. 163]. Впрочем, в те годы это открытие как бы «не состоялось», так как не было понято даже ими самими. Материалы оказались осмыслены и опубликованы лишь в 1930-х гг., после выхода в свет брошюры П. П. Ефименко, где приводилось описание Гагаринского палеолитического жилища в контексте скудных сведений о жилых конструкциях на стоянках Западной Европы (тоже до поры до времени недооцененных их авторами) [Ефименко, 1931].

Помимо большого количества находок были сделаны важные наблюдения по стратиграфии памятника, причем окончательно подтвердилось заключение о многослойности Афонтовой горы [Ларичев, 1969. С. 161]. Важным представлялось Г. П. Сосновскому определение состава фауны, синхронной палеолитическому поселению. Анализ палеонтологического материала продемонстрировал смешение элементов полярной фауны со степной и горной (мамонт, северный олень, песец,

лошадь, бизон, сайга, гигантский олень, волк, россомаха, лисица, заяц, птицы, грызуны). Палеолит Афонтовой горы Г. П. Сосновский разграничивал с палеолитом Верхоленской горы — этот факт, по его словам, подтверждался сравнением «фауны и каменной индустрии» (28.04.1924; 27.05.1924).

«Хотя проф[ессор] Петри и отнес ее к Мадлен[ской] эпохе и нашел, что она по культуре тождественна Афонтовой горе, но целый ряд предметов кам[енной] и кост[яной] индустрий противоречит этому заключению. Так, например, на Верхол[енской] горе найдены лавролистные наконеч[ники] копий, обработанные с двух сторон (солотрейский тип. См.: Офнет)» (8.09.1920).

Вслед за Г. Мергартом он был склонен сравнивать енисейский палеолит с «кориньяком» [Сосновский, 1924. С. 6], однако не считал правильным всецело подгонять его под общепринятую французскую шкалу. Как в письмах, так и в публикациях он настаивал на «самобытности сибирского палеолита» и необходимости «выделения палеолита Северной Азии в особую провинцию» [Там же]:

«Приятно было узнать, что более правы те, кто настаивают на самобытности сибирского палеолита и критически относятся к слепому сравнению с палеолитом Франции. Вам в центре Европы, среди научных кругов, удобнее делать сопоставление палеолита Азии с палеолитом других частей света. Нам это трудно за отсутствием материала и знаний, наша роль более скромная — быть собирателями, археологами-разведчиками» (27.05.1924).

Кроме Афонтовой горы, в поле зрения Г. П. Сосновского и его коллег в эти годы попадают другие палеолитические памятники губернии. Это ранее известные стоянки (Переселенческий пункт, Ладейки, Кирпичные сараи, Военный городок, Бузунова, Лепешкино, Батени, Аешки, стоянки на р. Бирюсе и в Ачинском уезде) и новые (у с. Анаш, в районе д. Кокоровой, д. Улазы). Описание проделанной работы в письмах Г. Мергарту — очень подробное, обстоятельное, по сути, близко к официальным отчетам или издаваемым сибирскими археологами информационным бюллетеням:

«Признаки его (палеолита. — Е. Д.) констатированы у с. Новоселово и д. Яновой. Собрано до 30 каменных орудий и остатки фауны с разрушившейся уже стоянки у д. Улазы. В районе д. Кокоровой обнаружены 4 новые интересные стоянки, которые в 1920 г. нам остались неизвестны. В одной из них культ[урный] слой залегает в глинистых отложениях на глуб[ине] 6 м 20 см от поверхности и содержит остатки мамонта. Другие стоянки мамонта не имеют; находки с них сделаны на глуб[ине] 2 м 80 см <...> в лессовидных слоях и пылеватых песках. При поставленной разведочной раскопке разрыто до 15 кв. метров площади этих стоянок. Найдены очаги, масса камен[ных] осколков, свыше 30 законченных камен[ных] орудий и обильная фауна. Культ[урный] слой ясно выражен и залегает in situ. Стратиграфические условия благоприятны для

определения характера и геологии террасы (10 метров). В своей работе Вы упоминаете д. Легостаеву и д. Старую, где может быть палеолит. Там я был и никаких признаков его не нашел, а также и на других пунктах Верхнего Чулыма. Там иной, более древний ярус лессовидных отложений и более высокие террасы» (3.08.1925).

Круг поисков молодого ученого не ограничивается палеолитом, в поле его зрения находятся самые разные памятники, подлежащие фиксации и изучению. В 1925 г. в его письмах перечисляются такие полевые открытия, как «нахождение нового могильника Андроновской культуры в Хакасском уезде у улуса Орак», «детская могила той же культуры у д. Андроновой», «курган средней бронзы с 2 погребениями у ул. Орак, могила железного века у д. Кокоревой и курган с коллективными погребениями бронзового века у с. Новоселово» (30.08.1925).

Однако именно в эти годы определяется преимущественный интерес Г. П. Сосновского к древнему каменному веку. О концентрации на проблемах сибирского палеолита он упоминал и ранее в письмах Г. Мергарту. При этом он живо интересовался мнением австрийского коллеги относительно древних культур Сибири, новинками и достижениями европейского палеолитоведения:

«Очень хотелось бы познакомиться с приемами раскопок палеолитических стоянок в Европе, буду Вам очень благодарен, если Вы сообщите мне по этому вопросу иностранную литературу. Сейчас я больше всего интересуюсь палеолитом и весьма желал бы перед Вашим отъездом из Сибири знать Ваше мнение о палеолите Енисейского края. Для меня Вы являетесь единственным человеком в Сибири, у которого я могу смело учиться, так как только Вы специалист-археолог и исследователь в полном смысле этого слова, а не „провизорный классификатор“. Поэтому прошу Вас не оставлять меня без Ваших указаний» (25.10.1920).

В этом пассаже, помимо уважения к профессионализму Геро Мергарта, чувствуется выпад в сторону некоторых его сибирских коллег. Георгий Петрович не скрывал того факта, что отношения с его первым наставником — Б. Э. Петри — развивались не вполне мирно. Более подробно об этом сказано в отдельной публикации [Детлова, Макаров, 2009. С. 36—45]. Однако стоит вкратце остановиться и на этом эпизоде.

Знакомый с Б. Э. Петри заочно, Г. Мергарт на протяжении 1920-х гг. ведет с ним переписку, из которой среди прочего узнает об успехах своего бывшего ассистента. Еще во время пребывания Г. П. Сосновского в Красноярске Б. Э. Петри горячо приветствует факт его с Г. Мергартом совместной работы в Музее Приенисейского края:

«Меня очень радует, что Вы приводите в порядок доисторические коллекции в Красноярском музее и что мой ученик Сосновский чему-то может поучиться под Вашим руководством. Первая работа очень важна для сибирской древней истории, а вторая работа для этой же науки» (25.06.1920).

Б. Э. Петри отмечал значительный прогресс в знаниях, практических умениях и навыках, которые явились плодами этого сотрудничества:

«Я очень благодарен Вам за моего ученика Г. Сосновского. Моя система: „учиться в работе“. Сосновский очень хорошо учился этой зимой и очень развился: путешествия и практические работы „в поле“ были хорошим фундаментом, на котором теория пускает крепкие корни. Этим летом он может сделать свои первые самостоятельные шаги, хотя те легкие задания, которые я ему даю, могу считать только тренировкой. Моя большая просьба к Вам состоит в том, чтобы помогать ему в Музее, если он встретит препятствия» (5.05.1921).

Но с первого же письма Г. П. Сосновского Г. Мергарту становится ясно, что с Б. Э. Петри отношения у него не складываются: обнаруживаются расхождения во взглядах, критике подвергается техника и методика ведения раскопок:

«Присутствовал на одной из раскопок палеолита на Верхолен[ской] горе. Культ[урного] слоя не заметно. Вся раскопка свелась к чисто механическому процессу копания <...> Проф[ессор] Петри — хороший человек и мы с ним друзья, но в вопросах археологии частенько держимся противоположных взглядов. Вы смело можете сообщать мне все, что найдете нужным, так как Ваших мыслей я никому не передам, будьте за это спокойны» (25.10.1920).

Не слишком лестно Сосновский отзывается и об учебнике Петри «Сибирский палеолит» [Петри, 1923]:

«По моему мнению, ч. 1 — „Палеолит“ для Вас не представляет особого интереса, так как здесь приводятся выдержки из Обермайера⁶ и Спицына („Русский палеолит“⁷) и оригинального очень мало; о своих находках на Верхолен[ской] горе Б. Э. Петри ничего не говорит» (10.12.1920).

Такое отношение к книге подогревается еще и тем, что, по утверждению Г. П. Сосновского, «Б. Э. Петри напечатал „Сибирский палеолит“, взяв некоторые сведения о находках в Енисейской губ[ернии] из моей рукописи, не получив на это разрешения» (1.06.1923).

С течением времени напряженность в отношениях с Б. Э. Петри нарастает. Окончательный вердикт ситуации Г. П. Сосновский выносит емкой и категоричной фразой в одном из писем: «У Петри в Иркутске своя „школа“, с которой я не согласен» (3.03.1924). Имеется ли в виду научная направленность школы Б. Э. Петри, методика проведения раскопок и интерпретаций или «внутрицеховые» отношения — не поясняется. Но можно предположить, что тут соединилось и то и другое. Стоит отметить, что эта конфронтация никак не отразилась на диалоге самого Б. Э. Петри и Г. Мергарта.

Оценивая принципиальную позицию Г. П. Сосновского, можно сделать вывод: он уже тогда не был сто-

⁶ Видимо, имеется в виду русское издание [Обермайер, 1913].

⁷ Спицын, 1915.

ронником «позднего эволюционизма», воспринятого Б. Э. Петри от его учителей Л. Я. Штернберга и Ф. К. Волкова. Именно поэтому Георгий Петрович не соглашался ни с игнорированием различий между афонтовским и верхоленским материалом, ни с отнесением обеих стоянок к «мадлену» (см. выше). Общение с Г. Мергартом, по-видимому, заронило в голову молодого Сосновского идеи диффузионизма, привело его к убеждению о важности выделения в палеолите разных ареалов и их культурной самобытности. В сущности, это был нормальный путь развития отечественного палеолитоведения: те же самые мысли мы видим и в публикации П. П. Ефименко, вышедших в 1915 г. [Платонова, 2010. С. 189—190]. Однако Георгий Петрович, в силу обстоятельств, воспринял их именно от Г. Мергарта. Поэтому последний воспринимался им тогда как единственный авторитет в вопросах сибирской археологии.

Именно по ходу сотрудничества с Г. Мергартом были намечены основные вехи и программа дальнейших исследований молодого ученого. Неслучайно в своей работе «Палеолитические находки в Минусинском крае» он упоминает, что его изыскания летом 1923 г. в Минусинском уезде «явились непосредственным продолжением исследований д-ра Г. Мергарта по древнейшему прошлому края» [Сосновский, 1924, С. 1]. И далее он неоднократно ссылается на их совместные раскопки, безоговорочно признавая ведущую роль Г. Мергарта в организации этих исследований:

«В 1920 г. д-ром Г. Мергартом при участии пишущего эти строки были обнаружены следы пребывания палеолитического человека на берегах р. Енисея у д. Бузуновой, д. Лепешкиной, д. Аешки и д. Кокоревой. Результаты своих наблюдений и описание сделанных находок д-р Мергарт опубликовал в Америке на английском языке⁸» [Там же].

Оценить в полной мере глубину воздействия Г. Мергарта на его ученика Г. П. Сосновского довольно сложно, для этого потребуется анализ большого количества источников. Но можно точно сказать, что от своего учителя Г. П. Сосновский воспринял скрупулезность в характеристике памятников. Им всегда подробно описывалась география местности, значительное внимание уделялось геологии, условиям залегания находок, описанию инвентаря и пр. Из писем, приведенных выше, прямо следует: к методике раскопок Б. Э. Петри у молодого Сосновского были претензии. Учиться он старался именно у Мергарта.

В литературе уже высказывалась точка зрения, согласно которой влияние Геро Мергарта на сибирских археологов было весьма значительным:

«Пребывание Г. Мергарта в Красноярске оставило глубокие следы. Сотрудничество красноярских исследователей с одним из видных археологов Западной Европы явилось отличной школой знакомства их с методами изучения памятников, выработанными западноевропейской археологией. Оно значительно расши-

рило их кругозор, позволило лучше понять и оценить особенности североазиатского палеолита, особенно с точки зрения отношения его к европейскому палеолиту. Роль Г. Мергарта в формировании таких видных исследователей сибирского палеолита, как Г. П. Сосновский и Н. К. Ауэрбах, трудно переоценить» [Ларичев, 1969. С. 152—153]

Тут следует сделать поправку на то, что в указанный период Г. Мергарт был еще не «видным археологом», а скорее начинающим ученым, вдобавок долго пребывавшим в отрыве от науки. Разумеется, за плечами у него была хорошая университетская школа, а в настоящем — большой интерес к делу. Поэтому он несказанно обрадовался возможности принять участие в первичном сборе материала в малоисследованном, очень интересном регионе. Говорить об очень глубоком воздействии его на сибирскую археологию палеолита нет оснований. Но общение с ним оказалось действительно полезным и для совсем молодого Г. П. Сосновского, и для Н. К. Ауэрбаха, ученика В. А. Городцова по Московскому археологическому институту.

Стоит отметить и другое: разрыв научных связей между Россией и Германией наступил в 1914 г. и к 1920 г. еще не восстановился. Г. Мергарту было о чем рассказать своим русским друзьям. Вдобавок, при традиционной ориентации русских археологов школы Ф. К. Волкова на французскую палеоэтнологию некоторые идеи немецкой школы явно должны были прозвучать для русского уха оригинально и привлекательно. Безусловно, именно общение с Г. Мергартом определило научные взгляды Г. П. Сосновского на раннем этапе его деятельности.

В их диалоге важен также личностный аспект. Лейтмотивом каждого письма молодого археолога Г. Мергарту проходят заверения в глубоком к нему уважении. Георгий Петрович просит не только советов в профессиональных вопросах, помощи в приобретении литературы и содействия в публикации материалов. Ценной для него является моральная поддержка, выказываемая австрийским ученым:

«Очень приятно было бы снова встретиться с Вами в Сибири. Ваши взгляды на археологическую работу и методы мне близки, и я с большим удовольствием поучился бы у вас ей. <...> После Вашего отъезда на родину я остался один, и это обстоятельство особенно чувствуется сейчас, когда нужно заканчивать свое высшее образование» (3.03.1924).

Письма Г. П. Сосновского, помимо важной фактической информации, многое дают для понимания его характера. Молодой Георгий Петрович — натура довольно сложная и противоречивая. Довольно самолюбив, амбициозен, категоричен в оценке людей и явлений, вместе с тем искренен и не терпит недомолвок. Болезненно реагирует на замечания старших коллег. Например, на упрек в неаккуратности его как корреспондента. В одном из писем он запальчиво и с некоторой обидой оправдывается, что «перерыв в сношениях» произошел не по его вине, тем не менее он сделает все, чтобы информировать Г. Мергарта «о наших работах и новостях» (28.04.1924). Особенно задевают его

⁸ Имеется в виду: [Merhart, 1923].

проявления недоверия или сомнения в его знаниях. В 1921 г. произошел небольшой инцидент, в который оказались втянутыми Г. Мергарт, Б. Э. Петри и красноярские музейщики в лице А. Я. Тугаринова и Н. К. Ауэрбаха. Летом того года Г. П. Сосновский планировал продолжить начатые им с Г. Мергартом исследования в Енисейской губернии самостоятельно, в качестве руководителя экспедиции. Однако его более опытные коллеги отнеслись к этой идее довольно скептически. Отчасти здесь сыграло свою роль мнение Г. Мергарта, высказанное им в одном из писем А. Я. Тугаринову еще летом 1920 г.:

«Геorgia Петровича я, конечно, возьму с собой. Он лично — прекрасный человек, но что касается археологии, то ему должно быть ясно, что одного интереса недостаточно. <...> Ему нужно многому учиться, прежде чем разрешить что-то делать самостоятельно, а он — человек, который мало учится сам по себе и хочет иметь всё сразу написанным, напечатанным или сказанным <...> Иными словами, ему нужна школа и практика под руководством, безусловно, не только пару месяцев» [Архив Красноярского краевого краеведческого музея. Оп. 1. Д. 1615. Л. 59].

Памятуя об этом предостережении, красноярцы реагируют на энтузиазм молодого археолога сдержанно, высказывая сомнения по поводу его компетентности. Г. П. Сосновский, узнав об этом, не сдерживает своего негодования:

«Вас, наверное, немного удивило, что я с Н. К. Ауэрбахом не послал в Красноярский музей письменное извещение о себе. Но этого я не мог сделать по следующим причинам. Буду откровенен. В последнем письме Арк[адия] Яковл[евича] Тугаринова к Б. Э. Петри относительно меня был сделан намек, в котором я усмотрел не совсем правильное отношение к себе. Мне было дано понять, что я слишком переоцениваю свои силы, намереваясь выполнить программу занятий по палеолиту Енисея, намеченную проф[ессором] Петри, и что разработкой этих вопросов заняты вы; при этом была подчеркнута степень моего образования — студент и Ваше ученое звание. Я никогда не собирался и не собираюсь себя в научных познаниях сравнивать с настоящими археологами; мне было указано место. Что я являюсь простым собирателем коллекций, это настоящая правда, но я надеялся, что Красноярский музей (который я ставлю всегда в пример другим) поддержит меня морально и поможет мне научиться когда-нибудь работать „научно“. Конкурировать я ни с кем не собираюсь и буду очень доволен, если вы, доктор, возьмете на себя научный сбор материала по палеолиту Минусинского, Ачинского и Красноярского уездов и обработку его. Мои интересы сейчас сконцентрированы вокруг палеолита, поэтому я раньше надеялся, что мой интерес к этой области доисторической культуры поможет Красноярскому музею пополнить коллекцию соответствующего отдела, и я попутно смогу извлечь из этого для себя пользу, знакомясь с материалами <...> делая по этому поводу для себя заметки. <...> Экономический отдел Сибнаробраза утвер-

дил мою смету на поездку в Енисейскую губ[ернию] и дает снаряжение. Оставалось только его получить и поехать в Красноярск. Но вдруг это письмо! Я своих услуг никому не навязываю, я с успехом могу работать и по палеолиту Иркутской губ[ернии] (по некоторым данным, не менее обильной, чем Енисейская), не вторгаясь в „чужую“ область исследования. <...> Арк[адия] Яковл[евичу] показалось, что я чересчур стал уверен в своих познаниях, и поэтому он решил предостеречь меня от увлечения через Б. Э. Петри. Обработать материал я не собираюсь <...> и подобной „обработкой“ компрометировать Красноярский музей не желаю. Опасения напрасны. С Вами лично перед Вашим отъездом я хотел бы повидаться. <...> Сейчас меня посылают в Балаганский уезд (дней на 12) для разведок палеолита и обследования найденных остатков мамонтов. Если после этого меня отпустят для работ в Енисейскую губ[ернию], то я выполню намеченный Вами маршрут, при условии если вы держитесь другого взгляда на мои предполагаемые занятия, чем Арк[адий] Яковл[евич]» (22.05.1921).

Этот случай, впрочем, не имел пагубных последствий для взаимоотношений Г. П. Сосновского и Г. Мергарта. Для последнего общение со своим ассистентом и другом было не менее важно. На протяжении следующего десятилетия Г. П. Сосновский оставался самым активным из его русских корреспондентов, информировавшим своего учителя обо всех новостях музейной, научной жизни, знакомил с открытиями и достижениями русских коллег — П. П. Ефименко, С. А. Теплоухова, С. И. Руденко, М. П. Грязнова, снабжал литературой по археологии Сибири. Это позволяло австрийскому ученому оставаться в курсе событий и успешно работать на ниве российской науки.

К судьбе своего самого первого ученика Г. Мергарт долгое время проявлял большой интерес. Он следил за его научной карьерой и пытался со своей стороны сделать что-то для того, чтобы тот получил качественную подготовку. Например, организовать поездку Г. П. Сосновского за границу, где были возможности для продолжения образования под руководством лучших археологов Европы. В переписке с Г. Берсу⁹ (архив Геро фон Мергарта в Римско-Германской Центральной Комиссии во Франкфурте-на-Майне), обсуждая визит в 1929 г. Г. И. Боровки на Берлинский конгресс, Г. Мергарт просил передать сердечный привет русскому коллеге и просьбу посдействовать в организации поездки Г. П. Сосновского в Германию (1.11.1929). К сожалению, эта идея не осуществилась.

В марбургском архиве Г. Мергарта сохранилось большое количество писем Г. П. Сосновского, которые охватывают период с 1920 по 1929 г.¹⁰ В отличие от

⁹ Герхард Берсу (Gerhard Bersu) (1889—1964) — немецкий археолог, в 1929 г. — второй, с 1931 г. — первый директор Римско-Германской комиссии во Франкфурте-на-Майне.

¹⁰ В «год коренного перелома» судьба и политика развоят Г. Мергарта со всеми его русскими коллегами.

ранних писем, начала 1920-х гг., поздние послания становятся более деловыми и менее сердечными. Яркий пример тому — одно из последних писем Г. П. Сосновского Г. Мергарту. В нем автор делает общую сводку работы, проделанной в Восточной Сибири летом 1928 г. Результаты исследований он выстраивает по традиционной схеме, начиная с палеолита и заканчивая культурами железного века. Исчерпывающее, емкое описание свидетельствует о росте профессионализма Г. П. Сосновского. В письме он делится планами дальнейших исследований на 1929 г., пишет о намерении «продолжить раскопки в Западном Забайкалье и начать обследование р. Онона в восточной части этого края, а также Агинской степи», совершить «поездку на Дальний Восток для проверки сведений о находках палеолита у г. Хабаровска и Владивостока и для осмотра местных музеев» (точная дата письма не установлена).

Но «лирики» и прежней доверительности практически нет, как нет ее и в других поздних посланиях. Это вполне объяснимо: слишком многое разделяло ученых в те годы. Г. Мергарт к тому времени почти полностью отошел от российской тематики, уйдя с головой в проблемы европейской археологии и преподавание. В Германии у него появились новые ученики, сложилась научная школа, которая доказала свою жизнеспособность, стала «зародышем для всеобщего признания доистории и ранней истории как самостоятельной дисциплины» и в послевоенные годы «приобрела исключительное значение» [Eggert, 2008. S. 18—19].

Что касается Георгия Петровича, то к концу 1920-х он, разумеется, очень далеко ушел от того неоперившегося юнца, который так жаждал «поучиться» у своего немецкого коллеги. В 1928—1929 гг. это был уже старший научный сотрудник ГАИМК, начальник Бурят-Монгольской археологической экспедиции, первооткрыватель палеолита в Забайкалье и т. д. Вероятно, ему было бы о чем поговорить с Г. Мергартом и помимо экспедиционных дел, однако политическая ситуация в СССР не благоприятствовала откровениям в переписке с зарубежными друзьями. Ну, а после 1929 г. вести такую переписку вообще стало смертельно опасно. Она и оборвалась.

Вторая мировая война, величайшая трагедия XX в., стала для Геро фон Мергарта не только общечеловеческой катастрофой. В первую очередь это была его личная драма — как человека, гуманиста, учителя. В ходе военных действий безжалостно уничтожались памятники, об охране которых он всегда так радел. А на Восточном фронте, под бомбами или в рукопашных схватках, погибали его немецкие и русские друзья, коллеги, ученики...

Знал ли он о трагической судьбе Г. П. Сосновского, умершего от голода в блокадном Ленинграде осенью 1941 г.? Скорее всего, он узнал об этом уже в послевоенные годы. Совершенно точно можно сказать: отношение Г. Мергарта к России с течением времени не переменялось. Неизменной осталась и его глубокая симпатия к своему «замечательному помощнику в музее и в поле» [Merhart, 1958. S. 228], своему первому ученику, чей образ он хранил в памяти до конца жизни.

Список литературы

- Абрамова, 1979: *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979.
- Аникович, 2007: *Аникович М. В.* О моем первом учителе // Археологические материалы и исследования Северной Азии в древности и Средневековье. Томск, 2007.
- Вдовин, Детлова, Макаров, 2012: *Вдовин А. С., Детлова Е. В., Макаров Н. П.* «Я только еще учусь и каждый ваш совет и в особенности критические замечания послужат мне только на пользу»: Г. П. Сосновский в 1918—1922 гг. // Евразийский археолого-историогр. сб. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб.; Красноярск, 2012.
- Детлова, 2006: *Детлова Е. В.* Геро фон Мергарт и российская археология: новое в исследованиях // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археол. съезда. Т. II. Новосибирск, 2006.
- Детлова, 2007: *Детлова Е. В.* Письма Геро фон Мергарта в Красноярский музей // Енисейская провинция. Вып. 3. Красноярск, 2007.
- Детлова, Макаров, 2009: *Детлова Е. В., Макаров Н. П.* Красноярск—Иркутск. К истории научных связей Б. Э. Петри и Г. К. Мергарта // Вузовская научная археология и этнология в Северной Азии. Иркутская школа 1918—1937 гг.: Материалы всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3—6 мая. Иркутск, 2009.
- Ефименко, 1931: *Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия ГАИМК. Т. XI, вып. 3—4. М., 1931.
- Китова, 2007: *Китова Л. Ю.* История сибирской археологии (1920—1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск, 2007.
- Ларичев, 1969: *Ларичев В. Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. I. Новосибирск, 1969.
- Макаров, 1989: *Макаров Н. П.* К истории изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск, 1989.
- Мартынов, 1992: *Мартынов А. И.* Мерхарт и археология Сибири // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Т. I. Красноярск, 1992.
- Матющенко, 2001: *Матющенко В. И.* Триста лет сибирской археологии. Т. I. Омск, 2001.
- Обермайер, 1913: *Обермайер Г.* Доисторический человек. Сер.: Библиотека естествознания / Пер. с нем. П. Ю. Шмидта; Предисл. проф. Д. А. Анучина. СПб., 1913.
- Петри, 1923: *Петри Б. Э.* Сибирский палеолит. Иркутск, 1923.
- Платонова, 2010: *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX—первая треть XX века. СПб., 2010.
- Сосновский, 1924: *Сосновский Г. П.* Палеолитические находки в Минусинском крае. Иркутск, 1924.

Спицын, 1915: *Спицын А. А.* Русский палеолит // Зап. отделения русской и славянской археологии ИРАО. Т. XI. Петербург, 1915.

Detlowa, Swozilek, 2006: *Detlowa K., Swozilek H.* Briefe des Gero von Merhart nach Krasnojarsk und ein «Vorschlag betreffs der Organisation der archäologischen Erforschung des Jenissei-Gebietes» // Sonderdruck aus dem Jahrbuch des Vorarlberger Landesmuseumsvereins — Freunde der Landeskunde 2005. Bregenz, 2006.

Eggert, 2008: *Eggert Manfred K. H.* Prähistorische Archäologie. Konzepte und Methoden. Tübingen, 2008.

Merhart, 1923: *Merhart G.* The palaeolithic period in Sibiria: Contributions to the prehistory of the Jenissei region // *American Anthropologist*. Vol. 25: 1. Cambridge, 1923.

Merhart, 1958: *Merhart G.* Einige Erinnerungen an Sibirien // *Palaeologia*. Nr 7. Osaka, 1958.

Архивные источники

Архив Красноярского краевого краеведческого музея. Оп. 1. Д. 1615. Л. 59.

ГЕНЕЗИС ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ

Н. К. Анисюткин

ИИМК РАН, Санкт-Петербург

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИЙ «ВОСТОЧНОГО МИКОКА» НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Введение

В настоящее время на обширной территории Восточной Европы выделено несколько вариантов среднего палеолита, среди которых заметное место принадлежит каменным индустриям с бифасами, для описания которых широко используется такое понятие, как «восточный микок». Сейчас микок описывается как «индустрия, существовавшая в Европе в конце среднего и в первой половине верхнего плейстоцена. Памятники распространены от Франции (Ля Микок) до востока Русской равнины (Сухая Мечетка). Характерные черты: своеобразные рубила со слегка вогнутыми в нижней части продольными краями, рубильца, а также скребла и ножи с двусторонней ретушью рабочего края, а нередко с обушком» [Васильев и др., 2007. С. 233]. Правда, данное определение не учитывает в полной мере некоторого различия классической каменной индустрии из верхнего слоя б грота La Micoque во Франции, которая впервые получила название Micoquen, и комплексов с бифасами из Центральной и Восточной Европы. В частности, в микокских комплексах Западной Европы отсутствуют или случайны такие обычные для Востока формы, как ножи-бифасы типа прондник (Pradnik) и бокштайн (Bockstein), а также довольно широко распространенные листовидные острия [Kulakovskaya, 1990]. На очевидные недостатки термина Micoquen обращали внимание различные европейские исследователи палеолита, в частности немецкие, предложившие взамен новый — Keilmessergruppen [Veil et al., 1978], который, в свою очередь, не лишен определенных недостатков. В частности, известны каменные индустрии, однозначно отнесенные к микокскому технокомплексу, где соответствующие бифасы с обушками (Keilmesser немецких исследователей) единичны или отсутствуют вообще. В качестве примера можно указать на несколько слоев грота Кульна в Моравии [Valoch, 1988].

Микок в Восточной Европе

В предлагаемой работе термин «восточный микок» рассматривается как географическое понятие, характеризующее только восточноевропейские каменные ин-

дустрии с характерными двусторонними формами. Подобное понимание наиболее распространено, естественно, среди исследователей палеолита Центральной и особенно Восточной Европы. На территории Восточной Европы этот технокомплекс имеет весьма широкое распространение (рис. 1), но наиболее выразительные материалы происходят с территории Крыма, Донбасса и южной части России, а также из Украинского Полесья и прилегающих областей, включая Житомирскую и Хотылевскую стоянки¹ [Кухарчук, Мясца, 1991; Степанчук, 2006].

На самом крайнем юго-западе, в пределах Пруто-Днестровского междуречья, «восточный микок» представлен преимущественно отдельными комплексами с немногочисленными находками. Многочисленные коллекции выявлены лишь в верхних слоях стоянки Рипичени-Извор, каменные индустрии которой имеют достаточно поздний возраст, соответствуя среднему вюрму или OIS3. Более древняя индустрия, которая, возможно, соответствует самому началу позднего плейстоцена (рисс-вюрм), обнаружена в среднем слое грота Выхватинцы, расположенного на левом берегу реки Днестр (рис. 2). В этом слое обнаружены остатки обильной фауны плейстоценовых животных, среди которых преобладают кости пещерных медведей, реже — лошадей, бизонов, мамонтов, носорогов (*Coelodonta antiquitatis*), благородного и гигантского оленей, а также 54 выразительных кремневых изделия, включая отщепы и пластины леваллуа, типичные микокские бифасы, в их числе клиновидные ножи с обушками, соответствующие Keilmesser Центральной Европы [Кетрапу, 1973; Anissutkine, 1990; Анисюткин, 2001]. Геологи относят эту стоянку ко второй половине рисс-вюрма [Ivanova, 1969].

Центральноевропейский микок, как известно, весьма вариабелен. Так, согласно Г. Бозинскому, только на территории Германии можно выделить до 4 типов собственно микокских индустрий — Bokstein, Klausen- niche, Schambach, Rorshein [Bosinski, 1967. P. 42—43]. Разнообразие отмечается и в Восточной Европе, где комплексы, сопоставляемые с восточным микоком,

¹ Новые исследования А. К. Очередного позволяют с уверенностью говорить о том, что местонахождение Хотылево 1 является группой мустьерских стоянок.

отличаются друг от друга рядом существенных показателей [Кухарчук, 1989. С. 39; 1999; Евтушенко, 1999; Колесник, 2004; Ситник, 2000; Анисюткин, 2001; Чабай, 2004; Степанчук, 2006]. В соответствии с современными данными микок Центральной и Восточной

Европы является одной из важных основ, на которой формируется селетоидный технокомплекс начального верхнего палеолита, включая ярко выраженную стрелецкую культуру [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007].

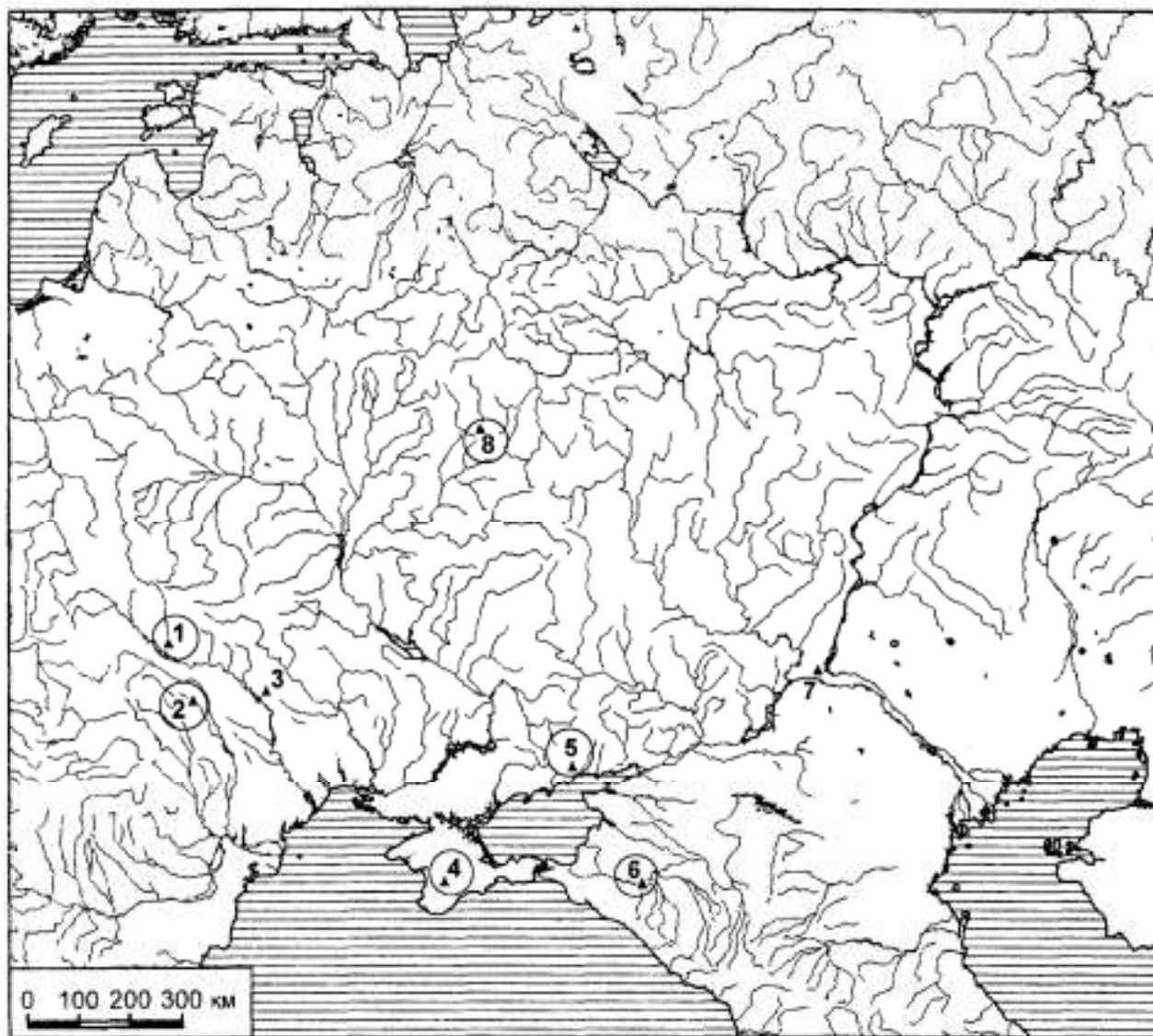

Рис. 1. Карта распространения основных групп памятников среднего палеолита Восточной Европы:

- 1) приднестровская группа (Молодова 1 и 5, Кетросы, Великий Глыбочек, Езуполь, Пронятин, Кишлянский яр);
- 2) прутская группа (Рипичени-Извор, Бутешты, гроты Тринка 1, 2, 3); 3) грот Выхватинцы; 4) крымская группа,
- 5) приазовская группа; 6) Ильская стоянка; 7) Сухая Мечетка; 8) деснинская группа (Хотылево, Бетово, Коршево 1 и 2)

Особенности развития

При сопоставлении индустрий выявляются некоторые особенности развития двух вариантов данного технокомплекса, расположенных друг от друга на огромном расстоянии — в предгорьях Карпат и Кавказа.

Первый, находящийся на правом берегу реки Прут, представлен многослойной стоянкой Рипичени-Извор, где в слоях 4 и 5 выявлена выразительная индустрия микокского типа (рис. 3). Правда, по совокупности технико-типологических показателей она неотличима

от комплекса из лежащих ниже слоев 1, 2, 3, отнесенных Александру Паунеску к типичному мустье. Отчетливые отличия прослеживаются лишь в количестве бифасов, обильных и разнообразных в верхних слоях [Paunescu, 1993]. Аналогичные материалы получены с территории соседней республики Молдова, имеется в виду комплекс из среднего слоя грота Выхватинцы. Немногочисленные, но выразительные микокские формы найдены в гроте Бутешты [Кетрару, 1970; 1973; Анисюткин, 2001] и в Подолии, здесь имеется в виду прежде всего такой памятник, как Великий Глыбочек,

который имеет наиболее ранний возраст, соответствующий второй половине рисского оледенения [Ситник, 2000]. Весьма важно отметить, что все микоокские комплексы с данной территории могут считаться леваллуазскими,

отличаясь от Крыма, где микок представлен многочисленными памятниками с низкими индексами леваллуа [Колосов, Степанчук, Чабай, 1993].

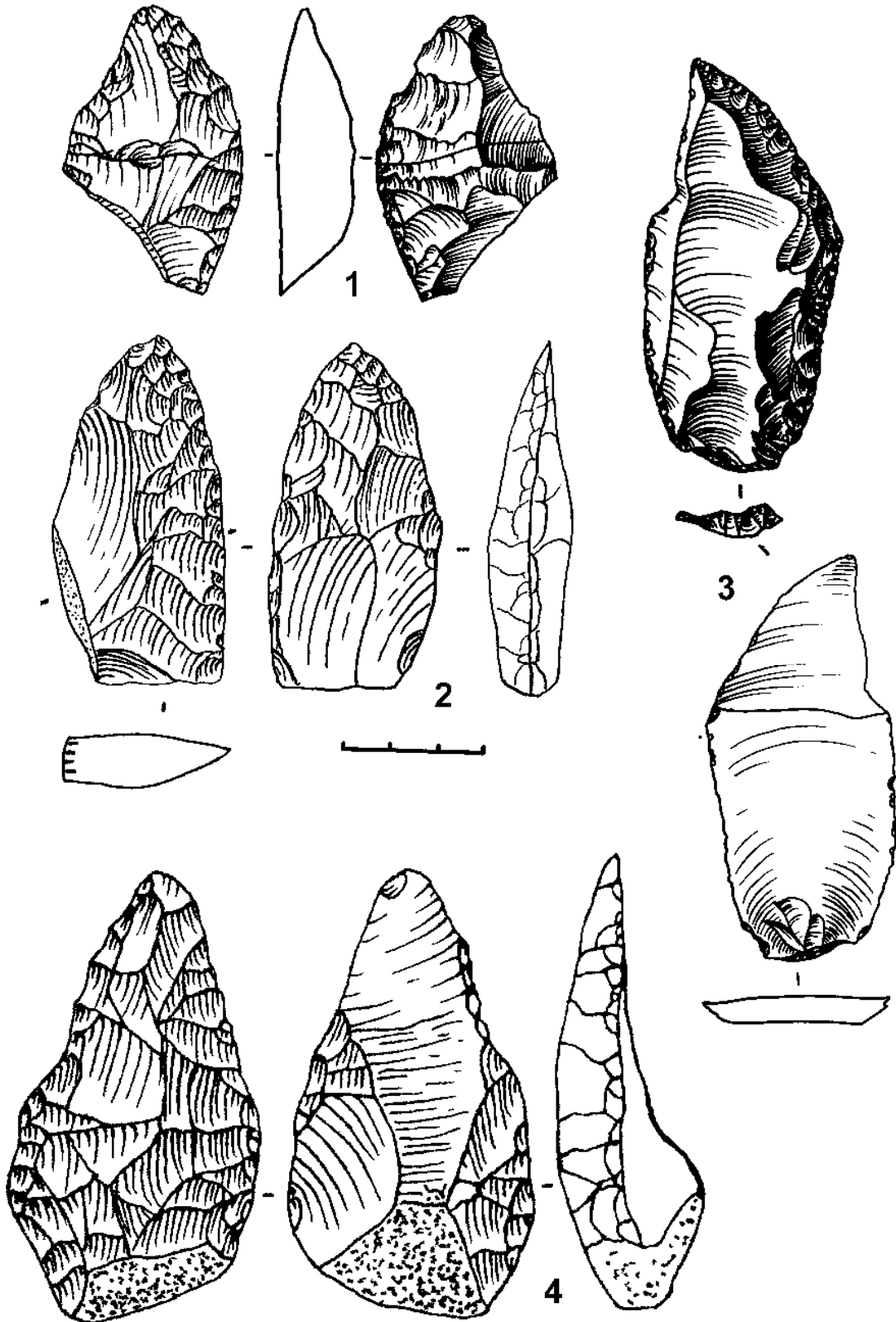

Рис. 2. Кремневые орудия из среднего слоя грота Выхватинцы:

1, 4 — Bifaces micoquennes; 2 — Keilmesser (type Klausennische); 3 — Racloire sur lame levalloise (par Anissutkine et Chetaru)

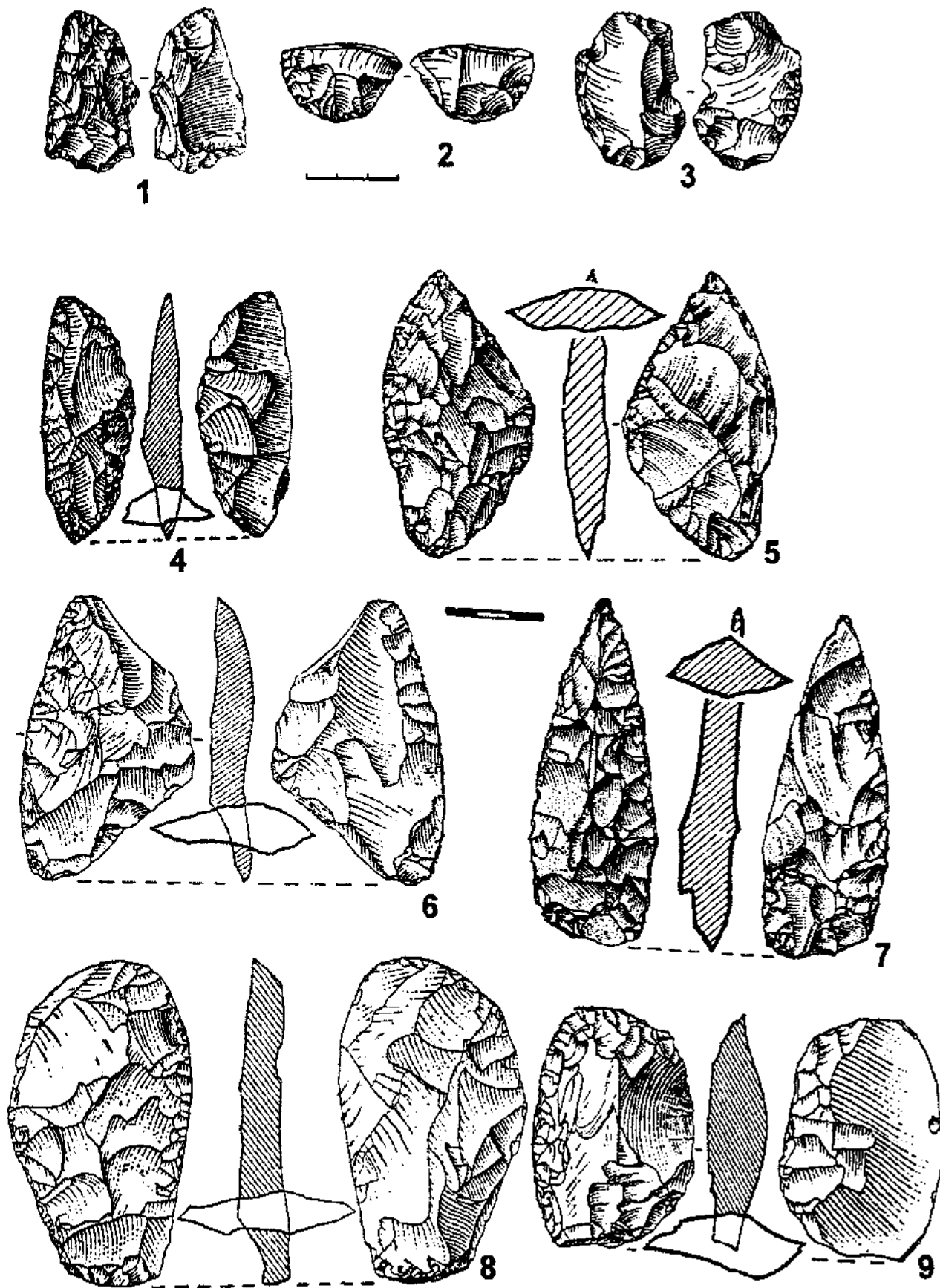

Рис. 3. Образцы кремневых орудий со стоянки Бутешты (1, 2, 3) и из микокских слоев 4 и 5 стоянки Рипичени-Извор (по Н. А. Кетрару и А. Паунеску)

Второй вариант, представленный Ильской стоянкой, расположен на левобережном притоке Кубани — реке Иль, примерно в 40 км от г. Краснодара [Щелинский, Кулаков, 2005]. К микоку относится индустрия нижнего комплекса (слоя) Ильской стоянки 1, для которой характерен относительно невысокий процент сколов леваллуа и пластин, но существенно количество шарантских элементов и вариабельных скребел-острий при обилии разнообразных бифасов [Анисюткин, 1968; 2007; Щелинский, Кулаков, 2005]. При анализе коллекций стоянки с использованием системы Франсуа Борда удалось выделить два находившихся в стратиграфической последовательности разновременных комплекса, которые заметно отличались друг от друга технико-типологическими показателями [Анисюткин, 1968]. Данная интерпретация получила поддержку у ряда исследователей [Klein, 1969].

Нижний комплекс (рис. 4, 5) Ильской стоянки, представленный многочисленными находками из самого нижнего горизонта раскопов В. Г. Городцова 1936 и 1937 гг., происходит из отложений нижней ископаемой почвы [Городцов, 1941; Щелинский, Кулаков, 2005]. Ему соответствуют коллекции из раскопов С. Н. Замятнина 1924 и 1926 гг., основная часть которых также происходила из нижней ископаемой почвы [Zamiatnine, 1929; Щелинский, Кулаков, 2005].

В настоящее время нижний комплекс датируется концом ресс-вюрма или самым началом вюрма, т. е. OIS 5 [Klein, 1969. Fig. 2; Щелинский, Кулаков, 2005], а верхний — средним вюрмом. Абсолютные датировки не вносят ясности: по ^{14}C возраст костных остатков из культурного слоя всего около 41 000 BP, а по отношению изотопов урана — от 34 000 до 135 000 BP [Природа и древний человек, 1981. С. 119]. Наиболее вероятно, что ископаемая почва с нижним комплексом соответствует ранневюрмскому интерстадиалу бреруп.

Одна из наиболее заметных особенностей индустрии нижнего комплекса Ильской стоянки заключается в относительной многочисленности и выразительности различных бифасиальных форм, включая отдельные листовидные острия и серии бифасов с обушками (Keilmesser). Последние обычно рассматриваются в качестве «руководящих ископаемых» микокского технокомплекса Центральной Европы [Bosinski, 1967]. Среди орудий на отщепах в коллекции Ильской стоянки постоянно много острий, в том числе остроконечников, лимасов, скребел конвергентных и *dejetes*. Заметен значительный процент шарантских элементов. Так, для всех коллекций, происходящих из нижнего комплекса Ильской стоянки, шарантский индекс (IC) всегда выше 25 %. Подобные формы хорошо представлены также в коллекциях ряда среднепалеолитических памятников Восточной Европы [Евтушенко, 1999], включая Волгоградскую стоянку [Klein, 1969], мустье Приазовья [Праслов, 1968], Крыма [Колосов, Степанчук, Чабай, 1993; Чабай, 2004. С. 159] и Донбасса [Колесник, 2004], но малочисленны на Юго-Западе Русской равнины [Анисюткин, 2001].

Аналогичный комплекс отмечен также на территории Центральной Европы [Кулаковська, 2003]. Своеобразный *Charantien* с обилием острий, сопоставимый по этим признакам с нижним комплексом Ильской стоянки, известен на Средиземноморском побережье Франции и Италии [Lumley, 1969; 1976]. Напротив, напомним еще раз, аналогичные формы слабо представлены в среднем палеолите юго-запада Русской равнины, включая Восточное Прикарпатье. Количество орудий с остриями, например, варьирует во всех слоях стоянки Рипичени-Извор (по А. Паунеску) в пределах от 5,0 % до 9,2 % [Paunescu, 1993]. Причем наиболее «многочисленны» они в нижних слоях «типичного мустье» с единичными бифасами (слой 1 — 8,6 %, слой 2 — 9,2 %), но относительно малочисленны в слоях «мустье с ашельской традицией» или микока (слой 4 — 5,0 %, слой 5 — 6,2 %). Мало этих форм в леваллуа-мустьерских слоях стоянок Молодова I и V [Klein, 1969], в Кетросах, в гротах Бутешты и Тринка I [Кетрару, 1970; 1973; Анисюткин, 2001], а также в Подолии, где в коллекции стоянки Пронятин А. С. Сытником выделено их всего 6,6 % [Ситник, 2000. С. 74]. Мало острий также в нижнем мустьерском слое 4 грота Тринка I, где их всего 6 %. Напротив, данных орудий много в Волгоградской стоянке, каменная индустрия которой похожа на индустрию нижнего комплекса Ильской стоянки. По данным Ричарда Клейна, который изучал данные материалы на основе методики Борда, общее количество мустьерских остроконечников и скребел-острий (особенно *dejetes*) превышало здесь 20 % [Klein, 1969. Fig. 3].

Верхний комплекс Ильской стоянки (рис. 6), реально выявленный только в раскопках В. А. Городцова, представлен коллекциями каменных изделий из перекрывающих ископаемую почву делювиальных лессовидных суглинков, мощность которых ничтожна в раскопе С. Н. Замятнина 1924 г. и незначительна в раскопе 1926 г., расположенном несколько выше по склону. Раскопы В. А. Городцова, в которых заметно увеличение четвертичных отложений, перекрывающих ископаемую почву, расположены еще выше раскопа Замятнина 1926 г. [Анисюткин, 1968; 2007]. Этот комплекс существенно отличается от нижнего как техникой расщепления, так и набором каменных орудий, имеющих более развитый облик. В частности, здесь отсутствуют некоторые характерные для нижнего комплекса формы, прежде всего бифасы типа Keilmessern. Показательно, что бифасы представлены здесь лишь 2 листовидными остриями, отличающимися от подобных форм нижнего комплекса меньшей массивностью и более тщательной вторичной обработкой поверхностей (рис. 6: 14—15). Отсюда следует, что различия между комплексами не ограничиваются только процентными соотношениями между сопоставляемыми технико-типологическими показателями, они более существенны. Правда, если иметь в виду комплекс орудий на отщепах, то сравниваемые комплексы имеют весьма значительное сходство.

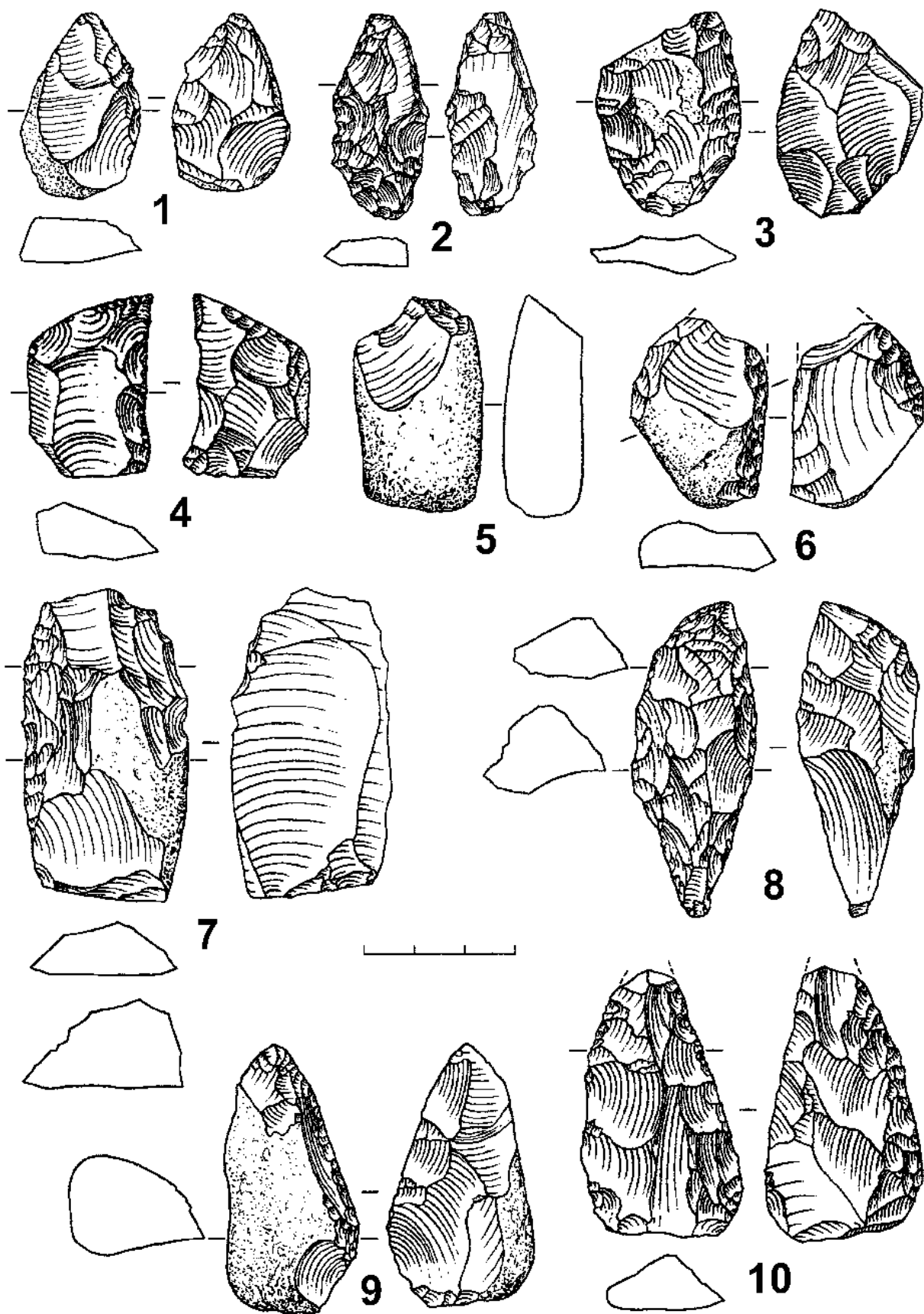

Рис. 4. Каменные орудия нижнего комплекса Ильской стоянки из раскопок С. Н. Замятнина (по В. Е. Щелинскому и С. А. Кулакову)

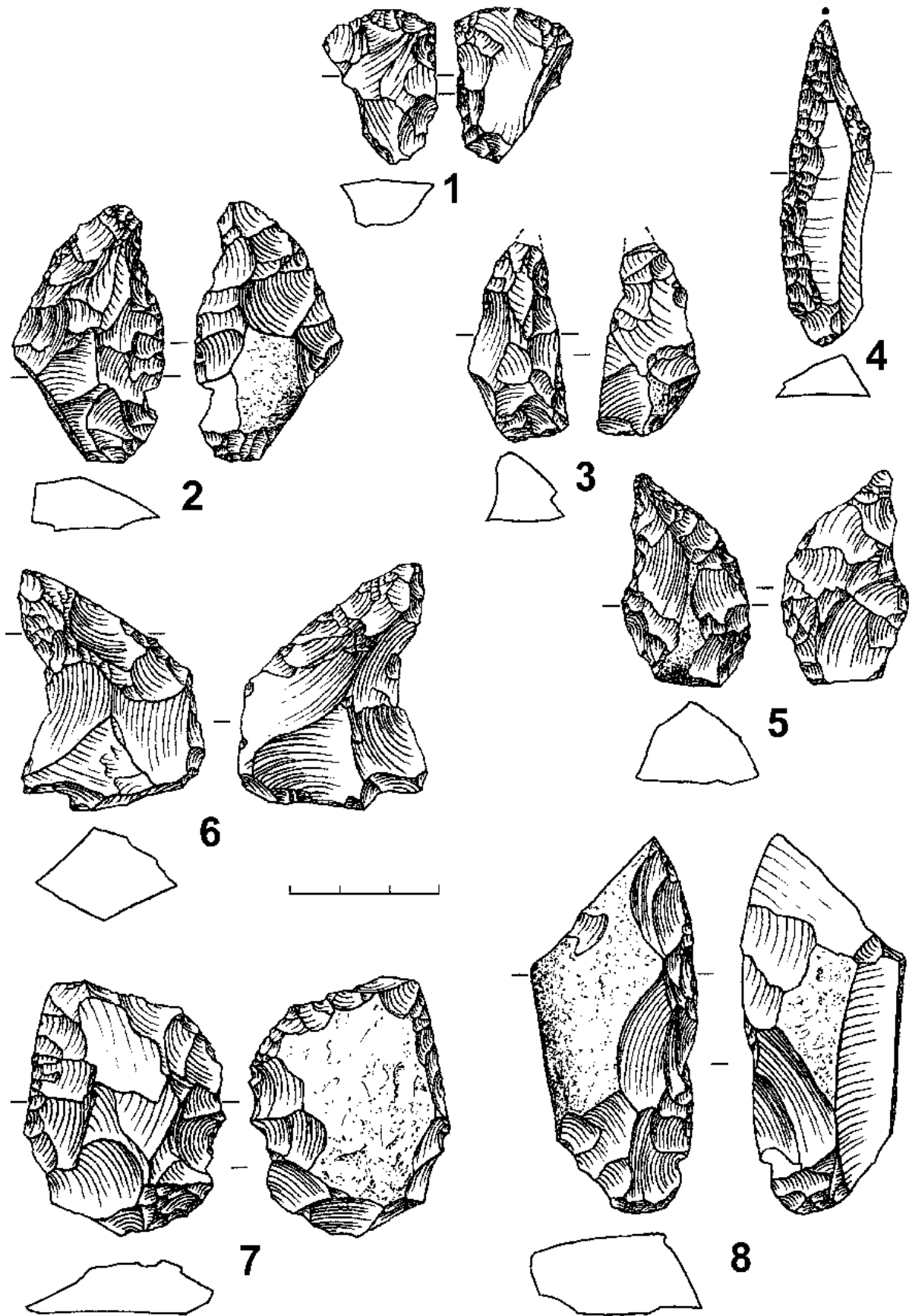

Рис. 5. Каменные изделия нижнего комплекса Ильской стоянки из раскопок В. А. Гордцова (по В. Е. Щелинскому и С. А. Кулакову)

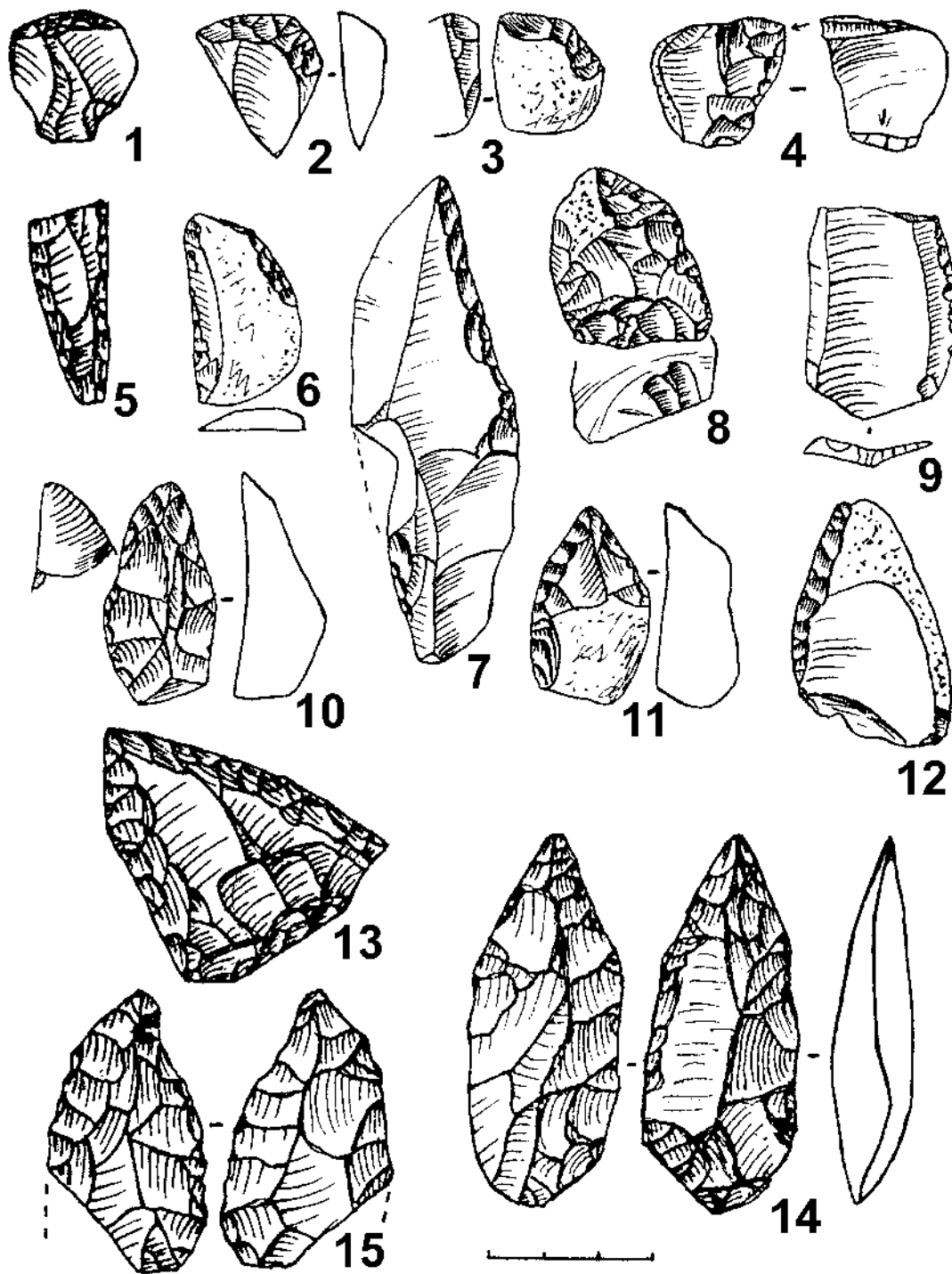

Рис. 6. Каменные орудия верхнего комплекса Ильской стоянки (по Н. К. Анисюткину)

Для наглядности важно сравнить типологические показатели Ильской стоянки и слоя 4 Рипичени-Извор (далее Р-И), многочисленный каменный инвентарь последнего можно считать типичным для индустрий восточного микока Русской равнины. Этот комплекс имеет достаточно позднюю датировку, непосредственно предшествуя интерстадиалу Hengelo (OIS 3). По данным А. Паунеску, культурный слой 4 существовал весь-

ма поздно — примерно 44 000—40 000 ВР [Paunescu, 1993. P. 218].

Обратимся к таблице, в которой приведены наиболее показательные типологические индексы системы Франсуа Борда, предварительно отметив, что по техническим индексам леваллуа и пластин различия нижнего и верхнего комплексов также весьма существенны: если для нижнего комплекса IL — 11,5 % и Пам — 15,4 %, то для верхнего IL — 37,5 %, Пам — 25 %.

Сопоставление основных типологических показателей индустрий из комплексов стоянок Ильской и слоя 4 Рипичени-Извор

Группы орудий (essentiels)	Коллекции				
	С. Н. Замятнин		В. А. Городцов		Рипичени-Извор
	№ 4267	№ 5203	комплексы		слой 4
			нижний	верхний	
I Levallois	0,8 %	0,4 %	0	1,4 %	0,9 %
II Mousterien	78 %	85 %	75,8 %	48,5 %	68,4 %
III Paleolithique superieur	6,2 %	4,8 %	5,6 %	25,0 %	5,0 %
IV Denticulees	0,8 %	1,5 %	0,8 %	0	7,4 %
Pointes	20,4 %	22,2 %	24,1 %	25,0 %	6,0 %
Bifaces	11,5 %	9,2 %	15,3 %	4,4 %	13,3 %

Анализ таблицы показывает значительное сходство коллекций из раскопок С. Н. Замятнина и нижнего комплекса («слоя») В. А. Городцова, которые существенно отличаются от стратиграфически более позднего верхнего комплекса. Для нижнего комплекса наиболее характерными являются шарантские элементы [Анисюткин, 1968. С. 121], которые сочетаются с многочисленными мустьерскими остроконечниками и остроконечными скреблами, а также со специфическими бифасами.

В свою очередь, орудия шарантской группы и различные острия нехарактерны для микокской индустрии слоя 4 Рипичени-Извор, которая может быть сопоставимой с индустрией Ильской 1 лишь по общему количеству бифасов и скребел, хотя среди последних мало конвергентных и угловатых (dejetes). К тому же если для нижнего комплекса Ильской стоянки техника леваллуа нехарактерна, то для слоев 4 и 5 Рипичени-Извор она вполне типична. Здесь ІІ для всех слоев постоянно выше 37 % [Paunescu, 1993]. Напротив, в Ильской стоянке ІІ существенно увеличивается только в верхнем комплексе. В отличие от комплекса из слоя 4 стоянки Рипичени-Извор, где хорошо представлены разнообразные denticules, в Ильской они случайны или отсутствуют вообще.

Для развития восточного микока, происходящего с территории Северного Кавказа, судя прежде всего по коллекциям Ильской стоянки, характерной тенденцией является резкое уменьшение в верхнем комплексе процента бифасов, но существенное увеличение индексов леваллуа и пластин. К аналогичному выводу пришла также Л. В. Голованова на почти аналогичных материалах Мезмайской пещеры, расположенной недалеко, также на Северном Кавказе [Голованова, 1993; 1997; Голованова, Хоффекер, 2000].

В этом плане особый интерес представляют мустьерские индустрии на северо-западе Северного Кавказа, которые хронологически явно позднее индустрии нижнего комплекса Ильской стоянки, но, скорее всего, синхронны верхнему комплексу. К примеру, набор ретушированных каменных орудий «губской культуры», происходящих из Монашеской пещеры и Губского на-

веса, по соотношению характерных форм в целом достаточно близок верхнему комплексу Ильской стоянки. Для этой мустьерской культуры, описанной и выделенной В. П. Любиным и Е. В. Беляевой, характерны основные признаки типичного мустье (Mousterien typique), где бифасиальные формы единичны, а орудия с остриями (особенно скребла dejetes) относительно многочисленны и разнообразны [Любин, 1977; Беляева, 1999]. В коллекциях также постоянно отмечаются выразительные шарантские элементы [Любин, 1989. С. 138]. В этом плане недостаточно высокие индексы леваллуа, полученные для индустрий Монашеской пещеры (ІІ — 23 %) и Губского навеса (ІІ — 20,7%), объясняются, на мой взгляд, функциональной особенностью пещерных памятников [Любин, 1977. С. 186—187], где орудия неоднократно переоформлялись, а первичное расщепление находилось в «угнетенном» состоянии. Подобная картина типична для подавляющего большинства пещерных памятников Евразии. Весьма показательны, что листовидные острия-бифасы, два из которых еще найдены в верхнем слое Ильской стоянки, не являются характерными для финального мустье и начального верхнего палеолита Кавказа [Любин, 1989]. Аналогичная тенденция развития прослежена, напомним еще раз, Л. В. Головановой, сформулировавшей еще в 1997 г. общий вывод о трансформации микока в одну из индустрий регионального типичного мустье, каковой является «губская мустьерская культура» [Голованова, 1997. С. 46].

Напротив, как мы видим, Micoquen oriental юго-западной части Русской равнины развивается иначе, сохраняя и совершенствуя бифасиальные формы, в первую очередь листовидные острия [Анисюткин, 2005], которые обычны и хорошо выражены во всех вариантах, включая микок Крыма. Листовидные бифасы являются одним из основных элементов раннего верхнего палеолита, представленного селетоидным технокомплексом, который получил широкое распространение на территории Центральной и Восточной Европы. Наиболее яркой археологической культурой, соответствующей селетоидному технокомплексу на территории Восточной Европы, является стрелецкая археологиче-

ская культура начала верхнего палеолита. Формы каменных орудий и их вторичная обработка наиболее близки именно крымскому микоку, что было убедительно продемонстрировано М. В. Аниковичем в ряде его публикаций [Аникович, 1991; 2001—2002; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007]. К тому же важно отметить нелеваллуазский характер техники первичного расщепления, которая характерна как для крымского микока, так и для стрелецкой культуры. Сейчас это единственная группа памятников ранней поры верхнего палеолита на территории Восточной Европы со столь четко выраженными элементами вторичной обработки и характерными формами орудий, включая плоско-выпуклую обработку, типичными только для микока Крыма. Правда, последний, как свидетельствуют новые данные [Степанчук, 2002; Чабай, 2004], никак не связан с региональным верхним палеолитом, с которым он сосуществовал [Степанчук, 2006. С. 206]. Можно полагать, что основой стрелецкой культуры стала та часть среднепалеолитического населения Крыма, которая, сохранив микокские традиции, частично оставила эту территорию в один из этапов раннего вюрма, распространившись на более северные территории Восточной Европы.

Заключение

Из приведенных выше сравнений, основанных на материалах таких основополагающих памятников, как

Рипичени-Извор и Ильская 1, прослеживается очевидное различие в тенденции развития между двумя вариантами каменных индустрий, описываемых как «восточный микок». Если более ранний комплекс Ильской стоянки, расположенный на юге, в предгорьях Кавказа, имеет все характерные признаки типичного микока с многочисленными и разнообразными бифасами, то поздний комплекс, характеризующийся индустрией верхнего слоя Ильской 1, трансформируется в процессе развития в типичное мустье с малочисленными бифасами, сохраняя сходство форм и их композиций между основными группами каменных орудий. Напротив, далеко на западе, на территории Восточного Прикарпатья, можно наблюдать совершенно иную картину: индустрия типичного мустье без бифасов из нижних слоев Рипичени-Извор преобразуется в индустрию с многочисленными и разнообразными бифасами, характерными для микокского технокомплекса, сохраняя неизменными остальные элементы данной индустрии. Причем если говорить о хронологии, то вполне вероятно синхронность данных вариантов, т. е. процесс проходил одновременно, но с разной направленностью. В отличие от кавказского варианта «восточного микока», связь которого с верхним палеолитом весьма проблематична, западный вариант трансформируется в результате аккультурации в одну из основных форм селетоидного технокомплекса, каковым является стрелецкая культура [Аникович, 2004; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007].

Список литературы

- Аникович, 1991: *Аникович М. В.* Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1991.
- Аникович, 2001—2002.: *Аникович М. В.* Происхождение Костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между мустье и верхним палеолитом // *Stratum plus*. № 1. СПб.; Кишинев; Одесса, 2001—2002.
- Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007: *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб., 2007.
- Анисюткин, 1968: *Анисюткин Н. К.* Два комплекса Ильской стоянки // *СА*. 1968. № 2.
- Анисюткин, 2001: *Анисюткин Н. К.* Мустьерская эпоха на Юго-Западе Русской равнины. СПб., 2001.
- Анисюткин, 2005: *Анисюткин Н. К.* Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на Юго-Западе Восточной Европы // *Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции*. Вып. 2. СПб., 2005.
- Анисюткин, 2007: *Анисюткин Н. К.* О выделении двух комплексов Ильской мустьерской стоянки // *Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого света*. ИИМК РАН. Труды. Т. XXI. СПб., 2007.
- Беляева, 1999: *Беляева Е. В.* Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ) // ИИМК РАН. Труды. Т. 1: Палеолит Кавказа. Кн. 2. СПб., 1999.
- Васильев и др., 2007: *Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гиря Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н.* Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб., 2007.
- Городцов, 1941: *Городцов В. А.* Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки // *МИА*. 1941. № 2: Палеолит и неолит.
- Голованова, 1993: *Голованова Л. В.* Об истории одной мустьерской культуры на Северном Кавказе // *Кубанская археол. конф.* ТД. Краснодар, 1993.
- Голованова, 1997: *Голованова Л. В.* Проблемы преемственности и инноваций в палеолите Северного Кавказа // *Развитие культуры в каменном веке*. Краткое сод. докладов Междунар. конф., посвящ. 100-летию Отдела археологии МАЭ РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). ИИМК РАН. СПб., 1997.
- Голованова, Хоффекер, 2000: *Голованова Л. В., Хоффекер Д.* Микок на Северном Кавказе // *Археологический альманах*. № 9. Донецк, 2000.
- Евтушенко, 1999: *Евтушенко А. И.* Проблемы «восточного микока» // *Археологический альманах*. № 8. Донецк, 1999.
- Кетрару, 1969: *Кетрару Н. А.* Палеолитическая стоянка в гроте Бугешты // *Охрана природы Молдавии*. Вып. 8. Кишинев, 1969.
- Кетрару, 1973: *Кетрару Н. А.* Памятники эпох палеолита и мезолита // *Археол. карта Молдавской ССР*. Вып. 1. Кишинев, 1973.
- Колесник, 2003: *Колесник А. В.* Средний палеолит Донбасса. Донецк, 2003.

- Колосов, Степанчук, Чабай, 1993: *Колосов Ю. Г., Степанчук В. Н., Чабай В. П.* Ранний палеолит Крыма. Киев, 1993.
- Кулаковська, 2003: *Кулаковська Л. В.* Середньопалеолітичні варіації на заході України // *Варіабельність середнього палеоліту України*. Київ, 2003.
- Кухарчук, 1989: *Кухарчук Ю. В.* Палеолит Юго-Запада СССР и сопредельных территорий. Рихта. Академия наук Украинской ССР. Институт зоологии им. И. И. Шмальгаузена. Киев, 1989.
- Кухарчук, 1999: *Кухарчук Ю. В.* Метаморфозы микока // *Археол. альманах*. № 8. Донецк, 1999.
- Кухарчук, Месяц, 1991: *Кухарчук Ю. В., Месяц В. А.* Ранний палеолит Украинского Полесья. Житомирская стоянка (мустье). Академия наук Украинской ССР. Киев, 1991.
- Любин, 1977: *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
- Любин, 1989: *Любин В. П.* Палеолит Кавказа. Палеолит Кавказа и Северной Азии // *Палеолит мира*. Л., 1989.
- Праслов, 1968: *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона // *МИА*. Л., 1968. № 157.
- Природа и древний человек, 1981: *Природа и древний человек*. М., 1981.
- Ситник, 2000: *Ситник О.* Середній палеоліт Поділля. Львів, 2000.
- Степанчук, 2002: *Степанчук В. Н.* Поздние неандертальцы Крыма. Киев, 2002.
- Степанчук, 2006: *Степанчук В. Н.* Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы, 2006.
- Чабай, 2004: *Чабай В. П.* Средний палеолит Крыма. Симферополь, 2004.
- Щелинский, Кулаков, 2005: *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Ильская мустьерская стоянка. Раскопки 1920—1930-х годов. СПб., 2005.
- Anissutkine, 1990: *Anissutkine N. K.* Le Mousterien du Sud-Ouest de L'URSS // *L'Anthropologie* (Paris). Tome 94, nr 4. 1990.
- Bosinski, 1967: *Bosinski G.* Die Mittelpalaolithischen Funde im Westlichen Mitteleuropa // *Fundamenta Reihe*. A/4, 206. 1967.
- Ivanova, 1969: *Ivanova I. K.* Etude geologique des gisements Paleolithique de L'URSS // *L'Anthropologie*. Tome 73, nr 1—2. 1969.
- Klein, 1969: *Klein R. G.* Mousterian Cultures in European Russia // *Science*. Vol. 165. 1969.
- Kulakovskaya, 1990: *Kulakovskaya L.* Leaf-shaped implements in «Eastern Micoquian» of the European Part of URSS // *Feuilles de pierre. Les industries a pointes foliacees du Paleolithique superieur Europeen. Etudes et Recherches archeologiques de l'Universitete de Liege*. 1990.
- Lumley-Woodyear, 1969: *Lumley-Woodyear H.* La Paleolithique inferieur et moyen du Midi Mediterranee // *Gallia Prehistoire*. Paris, 1969.
- Paunescu, 1993: *Paunescu A.* Ripiceni-Izvor. Paleolithic si mezolitic. Bucuresti, 1993.
- Valoch, 1988: *Valoch K.* Die Erforschung der Kulna-Hohle // *Antropos*. Band 24 (N. S. 16). Brno, 1988.
- Veil, 1978: *Veil S.* (Ed.). Alt- und mittelsteinzeitliche Fundplatze des Rheinlandes // *Kunst und Altertum am Rhein*. Nr. 81. Bonn, 1978.
- Zamjatnine, 1929: *Zamjatnine S. N.* Ststion mousterienne a Il'skaia, province de Kouban' (Caucase Nord) // *Revue anthropologique*. 7—9. 1929.

Л. Б. Вишняцкий
ИИМК РАН, Санкт-Петербург

ТРЕУГОЛЬНЫЕ БИФАСИАЛЬНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ С ВОГНУТЫМ ОСНОВАНИЕМ И ДИСКУССИЯ О КОРНЯХ СТРЕЛЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о генезисе стрелецкой культуры был впервые поставлен выделившим её А. Н. Рогачевым [Рогачев, 1957]. Впоследствии эту тему затрагивали многие исследователи, но по-настоящему детального рассмотрения она получила только в работах М. В. Аниковича (см., например: [Аникович, 1983; 2001—2002; 2013]). Выявив ряд типологических параллелей между микокскими индустриями Крыма и Русской равнины, с одной стороны, и инвентарем памятников стрелецкой культуры — с другой, он истолковал их как свидетельство генетической связи между этими двумя явлениями. И гипотеза в целом, и отдельные её положения не раз подвергались критике [Гладилин, Демиденко, 1989; Чабай, 2011; Матюхин, 2012. С. 218—220]. В ряде своих работ, и особенно в посмертно опубликованной статье, М. В. Аникович подробно ответил на большинство замечаний оппонентов [Аникович, 2013], но один важный вопрос фактически обойден в ней молчанием — это вопрос о наличии в среднем палеолите Восточной Европы треугольных бифасиальных наконечников с вогнутым основанием. Между тем в построениях М. В. Аниковича и в развернувшейся вокруг них дискуссии эти наконечники играют особую роль. Из всех форм орудий, фигурирующих в качестве возможных типологических параллелей между микокком и стрелецкой культурой, они стилистически наиболее выразительны и легко опознаваемы. В этой статье я попытаюсь суммировать информацию о таких вещах, дать их оценку в контексте рассматриваемой проблемы и приведу новые сведения о возрасте некоторых из них.

Первым, кто отметил сходство и возможность преемственности между среднепалеолитическими и стрелецкими формами, был А. Н. Рогачев. В 1950 г. он писал о наконечниках из 5-го слоя Костенок 1: «Ближайшей аналогией этим наконечникам метательных орудий являются известные северо-испанские наконечники с вогнутым основанием. Обермайер считает их солотрейскими. <...> Сходный по форме наконечник копья имеется в Ильской палеолитической стоянке. <...> Следовательно, наконечники из нижнего слоя Костенок 1 не являются какой-то чуждой формой для Европейской части СССР. По сравнению с наконечником из Ильской они представляют более совершенные формы этого орудия ([Рогачев, 1950. С. 72]; см. также:

[Рогачев, 1957. С. 40, 123]). В последующие годы эту мысль поддержали А. П. Окладников [Окладников, 1954. С. 16], А. Н. Формозов [Формозов, 1958. С. 85], О. Н. Бадер [Бадер, 1961. С. 127], а затем и многие зарубежные исследователи, искавшие свидетельства местного генезиса верхнего палеолита Европы. Вполне определенно о возможной генетической связи между костенковско-стрелецкой индустрией с бифасиальными наконечниками с вогнутым основанием и микокком Восточной Европы писал А. Дельпорт [Delporte, 1963. Р. 43], ссылаясь при этом на наконечники из Ильской и Староселья. По-видимому, и саму идею, и аргументы он почерпнул в книге А. Н. Формозова о Староселье [Формозов, 1958].

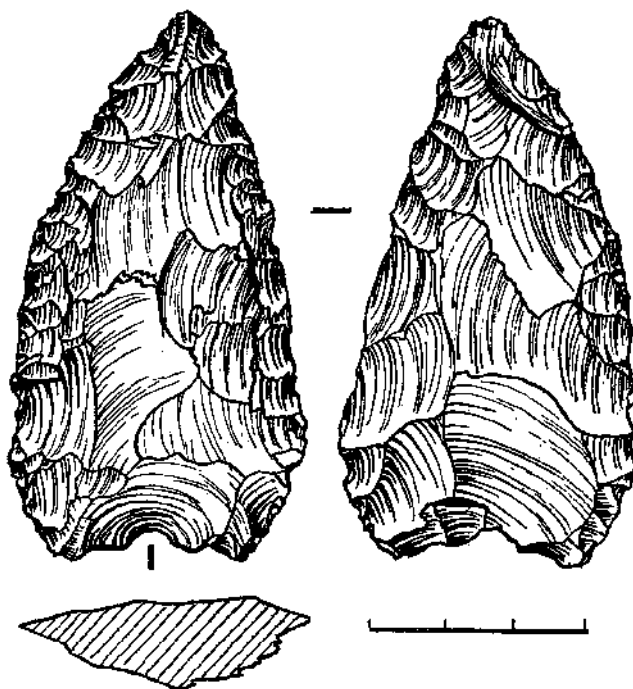

Рис. 1. Бифасиальный наконечник из Староселья [Формозов, 1958]

В. Хмелевский полагал, что «костенковско-сунгирская культура развилась на основе ильско-кииккобинской культуры». У обеих, писал он, много общих черт в области технологии изготовления орудий и в типо-

логии. При этом он отмечал наличие и там и там треугольных двусторонне ретушированных наконечников с вогнутым основанием [Chmielewski, 1972. P. 176]. Ф. Борд также считал возможным выводить индустрию 5-го слоя Костенок 1, не имеющую, как он считал, «ничего общего ни с ориньяком, ни с перигордьном», из «русского мустье с листовидными бифасами» [Vogdes, 1972. P. 215, 216].

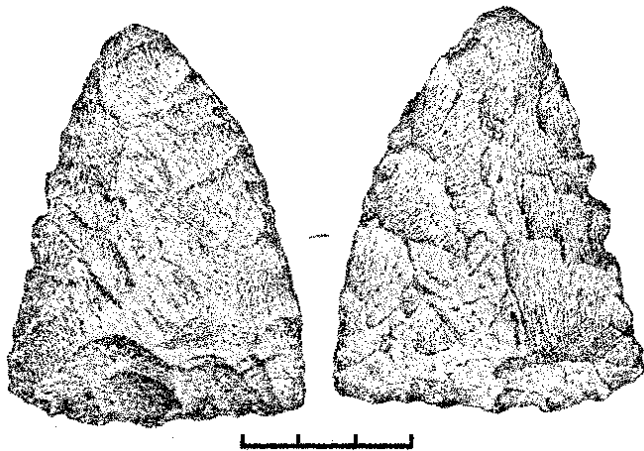

Рис. 2. Бифас из Смоленской [Замятнин, 1949]

Если А. Н. Рогачев в качестве среднепалеолитического «прототипа» [Рогачев, 1957. С. 123] стрелецких наконечников рассматривал только наконечник из Ильской, то А. Н. Формозов, О. Н. Бадер и некоторые другие авторы писали также о наличии близких форм в Староселье [Формозов, 1958. С. 85], в небольшой коллекции подъёмного материала, собранного у станицы Смоленской, и «в особенности в коллекции раскопок Чокурчи 1928 г., хранящейся в Одесском музее» [Бадер, 1978. С. 216]. М. В. Аникович, однако, вещи из этих памятников в числе ранних аналогий стрелецким наконечникам не упоминал, и в отношении большинства из них это вполне понятно. Дело в том, что выемка в основании наконечника из Староселья явно возникла случайно, в результате неудачной попытки утончения базальной части этого изделия (см. об этом: [Чабай, 2011. С. 124]), имевшей, видимо, выпуклую форму (рис. 1), изделие из Смоленской имеет слабо-выпуклое основание (рис. 2), а ознакомление с сохранившейся частью старой чокурчинской коллекции показывает, что наконечников, в которых бы можно было усмотреть хотя бы отдаленное сходство со стрелецкими, в ней нет.

Сложнее ситуация с изделием из Ильской (рис. 3). С. Н. Замятнин, а вслед за ним и А. Н. Рогачев считали этот предмет наконечником, причем С. Н. Замятнин отмечал, что нижняя его часть «утончена рядом последовательных тщательных ударов для лучшего укрепления в древке» [Замятнин, 1934. С. 212]. М. В. Аникович не принял это определение: по его мнению, рассматриваемое орудие являлось «вариацией специфического типа конвергентного подтреугольного скребла с

вентральной подтеской основания» [Аникович, 2001—2002. С. 269]. Однако при всей тонкости — если не полном отсутствии — типологической грани между остроконечниками/наконечниками, с одной стороны, и конвергентными скреблами — с другой, орудие из Ильской с его тщательно приостренным (в том числе посредством диагонального резцового скола с брюшка) дистальным концом, симметричными краями и утонченным ретушью со специально изготовленной ударной площадки основанием [Щелинский, Кулаков, 2005. С. 37] гораздо естественней вписывается в первую группу, чем во вторую. Другое дело, что некоторая (впрочем очень слабая) вогнутость основания в данном случае может объясняться скорее формой исходной заготовки, чем характером обработки, но выбор именно такой формы мог быть неслучаен. Древность слоя, откуда происходит данный предмет, остается под вопросом. В старых работах его часто определяли как «позднемустьерский», но имеющиеся естественно-научные данные, суммированные и проанализированные В. Е. Щелинским, указывают на микулинский или ранневалдайский возраст [Щелинский, 2012].

Таким образом, из всех изделий, выдвигавшихся в 50-е и 60-е гг. на роль возможных прототипов стрелецких наконечников, лишь изделие из Ильской являет некоторое типологическое сходство с ними. Оно, конечно, массивней и намного толще в сечении, но тоже треугольное, с почти сплошной обработкой обеих поверхностей, с намеренным утончением вогнутого основания.

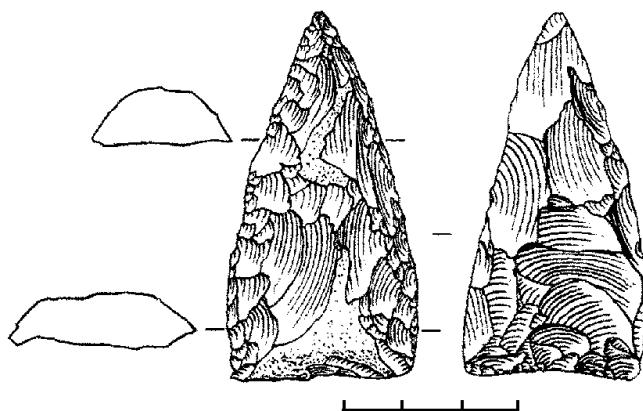

Рис. 3. Наконечник из Ильской [Щелинский, Кулаков, 2005]

Более «достойные», как полагал М. В. Аникович [Аникович, 2001—2002. С. 269], кандидаты на эту роль появились в 70-е гг. Это два орудия из комплексов крымского микока (Заскальная 5, слой 2 и Пролом 1, верхний слой), одно из бассейна Прута (грот Тринка 3, слой 3) и одно из Верхнего Подесенья (Бетово).

Предмет из 2-го слоя Заскальной 5 трудно оценить однозначно, тем более что в данном случае я могу исходить только из опубликованных описаний и рисунка (рис. 4). Ю. Г. Колосов [Колосов, 1983. С. 62] опреде-

лил эту вещь как двусторонний нож с обушком («с комбинированной площадкой для упора»), и если считать, что перед нами законченное изделие, то с таким определением нельзя не согласиться. Вместе с тем можно ли полностью исключить, как это делает, дискутируя с М. В. Аниковичем, В. П. Чабай [Чабай, 2011. С. 124—125], что вогнутый широкий конец — это на самом деле не лезвие, а насад, а продольные края, из которых один обработан сколами, а второй покрыт желвачной коркой, — это не обушки, а остатки площадок, с которых производилось утончение сломавшегося в процессе изготовления наконечника (утончающие сколы, судя по рисунку, с этих площадок действительно снимались)? Сомневаюсь. Интересно, кстати, есть ли вообще в микроке Крыма двусторонние ножи с вогнутым лезвием? Никаких упоминаний о таковых в обобщающей монографии В. П. Чабая я не нашёл. Напротив, говоря об обушковых плиточных ножах аккайской фации (к которой относится слой 2 Заскальной 5), он подчеркивает, что у них «форма ретушированного края сильно выпуклая» [Чабай, 2004. С. 34]. В сводной типологической таблице для кииккобинской фации, где скребла и ножи классифицированы в числе прочих признаков и по форме рабочего края, двусторонние орудия с вогнутым лезвием также отсутствуют [Чабай, 2004. С. 189]. Словом, на мой взгляд, не всё здесь так ясно, хотя я допускаю, что в трактовке этого изделия В. П. Чабай ближе к истине, чем М. В. Аникович.

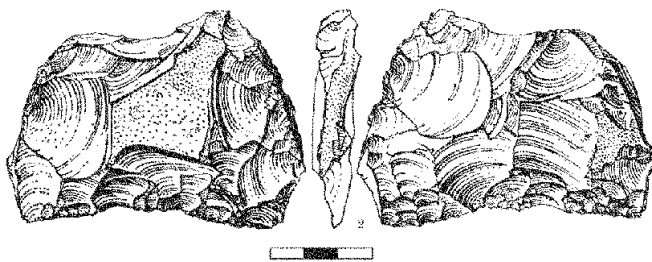

Рис. 4. Фрагмент бифасиального орудия из 2-го слоя Заскальной 5 [Колосов, 1983]

С наконечником из Пролома 1 (рис. 5) возникает вопрос иного рода. В том, что это именно наконечник [Степанчук, 2002. С. 80—81], сомневаться вряд ли приходится. Общее сходство со стрелецкими по форме здесь тоже налицо, хотя по степени уплощенности он им, конечно, уступает. Неясно, однако, каким образом получилось вогнутое основание, было ли оно создано намеренно или же явилось результатом неудачной попытки его утончения, как в случае с упомянутым выше изделием из Староселья. В. П. Чабай склоняется ко второму варианту [Чабай, 2011. С. 124], на мой же взгляд, первый не менее вероятен. Так или иначе, основание обработано довольно тщательно с обеих сторон как сравнительно крупными продольными снятиями, так и ретушью, формообразующая роль которой отражена опубликованными рисунками не в полной мере.

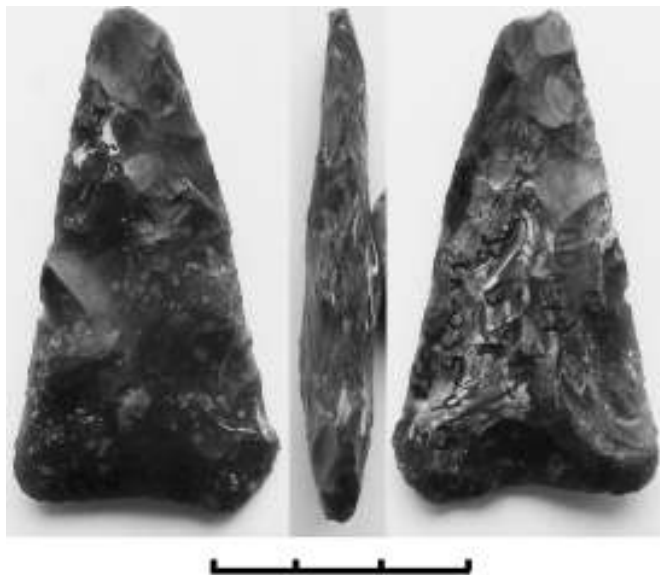

Рис. 5. Наконечник из верхнего слоя Пролома 1
Фото В. Н. Степанчука

В отличие от двух крымских орудий, наконечник, найденный в 3-м культурном (4-м литологическом) слое грота Тринка 3, типологически совершенно безупречен (рис. 6). Хотя дистальный конец этого орудия утрачен, оставшаяся часть дает достаточно четкое представление о его общей форме, а характер обработки основания не оставляет сомнений в неслучайном происхождении его вогнутости (пусть и незначительной). По степени уплощенности это изделие не уступает самым совершенным костенковским образцам, отличаясь, правда, от них более крупными размерами (длина сохранившейся части составляет 63 мм, а длина целого орудия, видимо, была порядка 85—90 мм при максимальной ширине 47 мм и толщине, не превышающей 6 мм). Почти столь же сильную уплощенность имеет и обломок (дистальная половина) другого бифасиального наконечника, найденного в этом же слое [Анисюткин и др., 1986. Рис. 34, 4]. Обе эти вещи вполне вписались бы в верхнепалеолитический контекст, тем более что треугольные наконечники с вогнутым основанием в верхнем палеолите Прутско-Днестровского региона действительно известны (Рипичени-Извор, Гординешты 1). Поскольку коллекция каменных изделий, происходящих из слоя, невелика (всего 18 предметов) и других типологически выразительных вещей в ней нет, возникает вопрос о правомерности отнесения комплекса к среднему палеолиту. Именующиеся фаунистические остатки не позволяют оценить возраст отложений в сколько-нибудь узких рамках. В 2011 г. С. И. Коваленко специально провёл дополнительную шурфовку отложений грота, чтобы получить данные для уточнения их возраста. В 2012 г. по предоставленному им образцу рога северного оленя из 4-го литологического (3-го культурного) слоя Тринки 3 в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН бы-

ла получена дата $19\ 700 \pm 250$ л. н. (JE-9735). Вкупе со сделанными выше замечаниями о морфологии наконечника с вогнутым основанием и сопровождающего его обломка другого листовидного наконечника эта дата, я считаю, хотя и не решает вопрос окончательно, но всё же склоняет чашу весов в пользу мнения, согласно которому индустрия слоя является верхнепалеолитической. Более того, возможно, она относится даже не к ранней, а к средней поре верхнего палеолита.

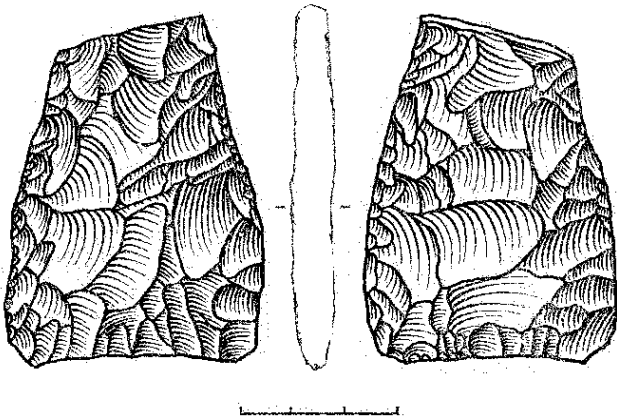

Рис. 6. Наконечник из Тринки [Анисюткин, Борзьяк, Кетрару, 1986, с дополнением]

Последнее изделие, которое входит в интересующую нас группу, — это обломок сильно уплощенного бифасиального орудия из среднепалеолитического культурного слоя стоянки Бетово, точнее, два обломка, составляющие фрагмент базальной (предположительно) части этого орудия (рис. 7). Точно восстановить по этому фрагменту форму целого вряд ли возможно. Реконструкция, предложенная Л. М. Тарасовым, считавшим данный предмет обломком наконечника с вогнутым основанием и видевшим в нем прототип стрелецких наконечников, а в бетовской индустрии — связующее звено между средним и верхним палеолитом [Тарасов, 1999], вполне реалистична, но при желании ее всё же можно поставить под сомнение. Не исключено, что в какой-то мере ситуацию мог бы прояснить анализ следов износа на вогнутом крае фрагмента: если бы оказалось, что они отсутствуют или представляют собой следствие крепления в древке, то это (особенно второй вариант) повысило бы вероятность того, что перед нами обломок именно наконечника, а не ножа/скребла с вогнутым лезвием. По совокупности стратиграфических, литологических и палеомагнитных данных, полученных в результате новых полевых исследований, проведенных на памятнике в 2009 г., было сделано предварительное заключение, что культурный слой относится скорее не к раннему валдаю, как предполагалось ранее [Тарасов, 1977. С. 29], а к первой половине средневалдайского времени [Ochednoi et al., 2014]. Есть надежда и на получение радиоуглеродных дат по образцам кости из этого слоя (в работе).

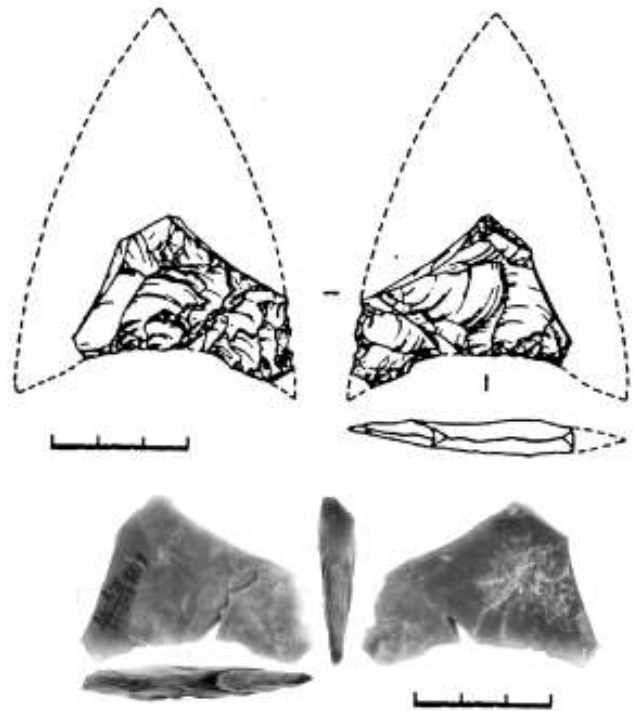

Рис. 7. Обломок двусторонне обработанного изделия из Бетово. Вверху реконструкция Л. М. Тарасова [Тарасов, 1991], внизу фото А. К. Очердного

В итоге получается, что ни одна из описанных здесь вещей не может с абсолютно полной уверенностью рассматриваться как пример среднепалеолитического «прообраза» общей формы стрелецких наконечников. Тем не менее для, по крайней мере, трех из них — из Ильской, Пролома 1 и Бетово — такая трактовка не исключена, а для двух последних очень вероятна. Подчеркну, что речь идет лишь о сходстве основных морфологических характеристик (треугольная форма, вогнутое утонченное основание, сплошная двусторонняя обработка), а не о полном технологическом тождестве. В этой связи не могу не процитировать М. В. Аниковича. Отвечая критикам, указывающим на и без того очевидные различия в технологии изготовления средне- и верхнепалеолитических орудий, рассматривавшихся им в качестве возможных свидетельств преемственности между микоком и стрелецкой культурой, он писал: «При поисках культурно-генетических связей между археологическими эпохами никак нельзя ориентироваться на технологическое сходство. Более того, надо признать заранее, что если комплексы, так или иначе связанные генетически, принадлежат разным эпохам, то в технологическом отношении они всё равно обязательно будут различаться». И далее «...культурно-генетическое родство есть не что иное, как передача культурных традиций... Естественно, при такой глобальной трансформации, как смена археологических эпох, речь может идти только о редуцированной (и даже очень сильно редуцированной!) передаче. В каменных индустриях культурные традиции наиболее ярко проявляются в фор-

мообразования (в типах, если угодно). Следовательно, при попытках установить связи между мустьерскими и ранними верхнепалеолитическими индустриями необходимо ориентироваться именно на сходство форм орудий». «Таким образом, в поисках генетических связей между средне- и верхнепалеолитической эпохами на конкретно-историческом уровне мы можем в лучшем случае обнаружить некий слабый типологический след — типологическую связь между индустриями, заведомо разными в технологическом отношении» [Аникович, 2013. С. 285—286].

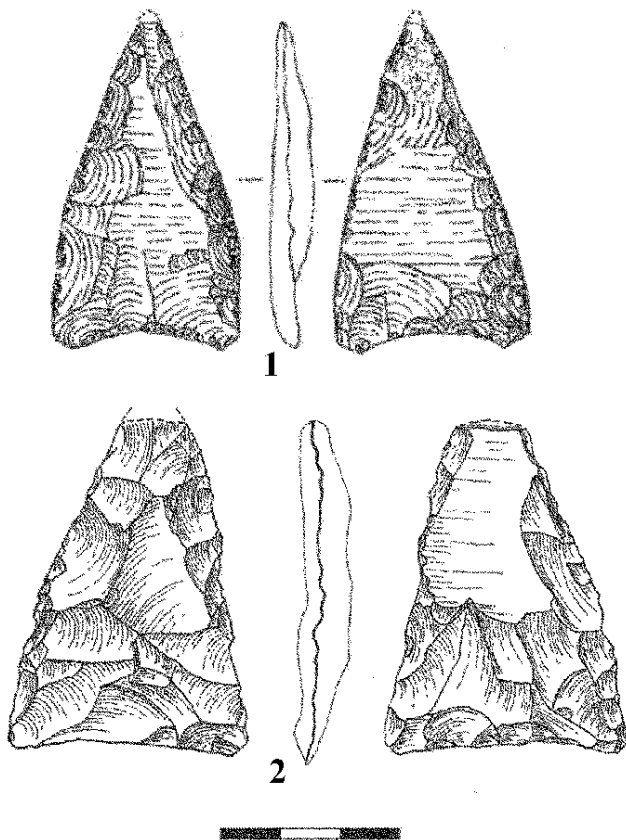

Рис 8. Треугольные наконечники из пещеры Сибуду (средний палеолит, Южная Африка). 1 — по: [Wadley, 2005]; 2 — по: [Villa and Lenoir, 2006]

В заключение хочу обратить внимание еще на одно обстоятельство. Хотя число возможных среднепалеолитических «прототипов» стрелецких наконечников в Восточной Европе очень невелико, за ее пределами их, кажется, нет вообще. Более или менее близкие аналогии есть в солютре Северной Испании и Западной Франции [Schmidt, 2013], очень много похожих форм в неолите разных регионов, а вот в среднем и раннем верхнем палеолите треугольные бифасиальные наконечники с вогнутым основанием встречаются, насколько мне известно, только на памятниках Русской равнины и смежных с ней районов. Есть, правда, нечто подобное в среднем палеолите Южной Африки (рис. 8), но это очень далеко от нашей темы. Найти же примеры похожих орудий в Центральной и Западной Европе мне не удалось (допускаю, что мог что-то упустить, но и зарубежные коллеги, с кем я беседовал на эту тему, не вспомнили о таких находках). Упоминаемые А. А. Формозовым [Формозов, 1958. С. 85] предметы из Венгрии и Германии, опубликованные в сводке Г. Фройнд [Freund, 1952], так же далеки от интересующего нас типа, как находки из Староселья и Смоленской (см. выше). Следовательно, если, признавая сходство, объяснять его в данном случае не преемственностью традиций, а случайным совпадением, ограниченностью вариантов формообразования, то надо ответить на вопрос, почему совпадения случались и ограниченность вариантов формообразования проявлялась только в одном регионе Европы.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00345-а, и РФФИ, проект № 14-06-00139-а. Я искренне благодарен В. Н. Степанчуку за доступ к коллекции Пролома 1 и предоставленную для публикации фотографию наконечника из верхнего слоя этого памятника, С. И. Коваленко за содействие в получении доступа к коллекции Тринки 3 и предоставленный для датирования образец рога, И. В. Бруяко за доступ к коллекции Чокурчи и А. К. Очередному за разрешение опубликовать сделанную им фотографию орудия из Бетово.

Список литературы

Аникович, 1983: Аникович М. В. О возможных юго-западных корнях костенковско-стрелецкой культуры // Первобытные древности Молдавии. Кишинев, 1983.

Аникович, 2001—2002: Аникович М. В. Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между средним и верхним палеолитом // *Stratum plus*. 2001—2002. № 1.

Аникович, 2013: Аникович М. В. Еще раз о проблеме происхождения верхнего палеолита, или «Критика критической критики» // *Stratum plus*. 2013. № 1.

Анисюткин и др., 1986: Анисюткин Н. К., Борзьяк И. А., Кетрару Н. А. Первобытный человек в гротах Тринка I—III. Кишинев, 1986.

Бадер, 1961: Бадер О. Н. Стоянка Сунгирь, её возраст и место в палеолите Восточной Европы // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. 1961. Т. 18.

Бадер, 1978: Бадер О. Н. Сунгирь: верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.

Гладилин, Демиденко, 1989: Гладилин В. Н., Демиденко Ю. Э. К происхождению костенковско-стрелецкой культуры: Европа или Азия? // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев, 1989.

Замятин, 1934: Замятин С. Н. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Труды II Междунар. конф. Ассоциации исследователей четвертичного периода Европы. 1934. Вып. V.

Замятнин, 1949: *Замятнин С. Н.* Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани // Сб. МАЭ. 1949. Т. 12.

Колосов, 1983: *Колосов Ю. Г.* Мустьерские стоянки района Белогорска. Киев, 1983.

Матюхин, 2012: *Матюхин А. Е.* Бирючья Балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. СПб., 2012.

Окладников, 1954: *Окладников А. П.* Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований // СА. 1954. № XXI.

Рогачев, 1950: *Рогачев А. Н.* О нижнем горизонте культурных остатков Костенок I // Краткие сообщения ИИМК. 1950. Вып. 31.

Рогачев, 1957: *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59.

Тарасов, 1977: *Тарасов Л. М.* Мустьерская стоянка Бетово и её природное окружение // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.

Тарасов, 1991: *Тарасов Л. М.* Палеолит бассейна Десны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1991.

Тарасов, 1999: *Тарасов Л. М.* О переходе от мустье к позднему палеолиту // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999.

Формозов, 1958: *Формозов А. Н.* Пещерная стоянка Староселье и её место в палеолите // МИА. 1958. № 71.

Чабай, 2011: *Чабай В. П.* Проблема сходства специфических типов орудий крымского микока и стрелецкой культуры // Палеолит и мезолит Восточной Европы. М., 2011.

Щелинский, 2012: *Щелинский В. Е.* Об Ильской мустьерской стоянке // Sratum plus. 2012. № 1.

Щелинский, Кулаков, 2005: *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920—1930-х годов). СПб., 2005.

Bordes, 1972: *Bordes F.* Du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur, continuité ou discontinuité? // The origin of *Homo sapiens*. Paris, 1972.

Chmielewski, 1972: *Chmielewski W.* The continuity and discontinuity of the evolution of archaeological cultures in central and eastern Europe between the 55th and 25th millenaries B. C. // The origin of *Homo sapiens*. Paris, 1972.

Delporte, 1963: *Delporte H.* Le passage du Moustérien au Paléolithique supérieur. Aurignac et l'Aurignacien // Bulletin de la Société Méridionale de Spéléologie et de Préhistoire, 1963. V. 6—9.

Freund, 1952: *Freund G.* Die Blattspitzen des Paläolithikums in Europa. Bonn, 1952.

Ocherednoi et al., 2014: Ocherednoi A., Salnaya N., Voskresenskaya E., Vishnyatsky L. New geoarchaeological studies at the Middle Paleolithic sites of Khotylevo I and Betovo (Bryansk oblast, Russia): some preliminary results // Quaternary International. 2014. V. 326—327. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618213008707>

Schmidt, 2013: *Schmidt I.* The Solutrean concave based points from Northern Spain: Analysis of production, hafting, maintenance and recycling // Pleistocene Foragers: Their Culture and Environment. Mettmann, 2013.

Villa, Lenoir, 2006: *Villa P., Lenoir M.* Hunting weapons of the Middle Stone Age and Middle Palaeolithic: spear points from Sibudu, Rose Cottage and Bouheben // Southern African Humanities. 2006. V. 18.

Wadley, 2005: *Wadley L.* A Typological study of the final Middle Stone Age stone tools from Sibudu Cave, Kwazulu-Natal // The South African Archaeological Bulletin. 2005. V. 60. Nr. 182.

Ph. Allsworth-Jones

Department of Archaeology, University of Sheffield, UK

MIDDLE TO UPPER PALAEOLITHIC: WHAT MODALITIES?

Introduction

I first became aware of Mikhail Anikovich's work when I was preparing my paper on the Szeletian and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe in 1986—1987 (first for the World Archaeological Congress in Southampton and then for the conference on the «Origins and Dispersal of Modern Humans» in Cambridge organised by Paul Mellars). I was very interested in his analysis of the industry from Kostenki 12 (Volkovskaya) layer 3, and also in his summary of research on the Early Upper Palaeolithic of Moldavia provided in conjunction with Ilie Borzias and Hizri Amirkhanov [Anikovich, 1977, Amirkhanov et al., 1980; Allsworth-Jones, 1990. P. 215—229. Tab. 7.13]. Anikovich's arguments were repeated a little later in an article published in the «Journal of World Prehistory» (1992). He contrasted industries such as the «Brynzenian» in Moldavia and the «Kostenki-Streletian» on the Don, which were termed «archaic», with other contemporaneous industries such as the «Spitsynian», which lacked these characteristics. Different as they were, they coexisted. Hence, it was postulated that cultures such as the Spitsynian «acted as catalysts on the development of the archaic cultures», whose local origin was regarded as certain [Anikovich, 1992. P. 241]. Anikovich pursued this line of reasoning throughout the remainder of his career, stating that fully-fledged Upper Palaeolithic industries, such as the Spitsynian, «exerted cultural influence» on their «symbiotic» (i. e. «archaic») neighbours, which were transformed by a «process of acculturation» [Anikovich, 2008. P. 15—18]. This process also led to the «assimilation» of the «indigenous Neanderthal population» who were assumed to be the creators of the Streletian and similar industries.

I had expressed the same kind of idea in my book on the Szeletian, which I concluded by saying that both it and the Châtelperronian were consonant with an acculturation model, and that it was not coincidental that the inception of the Upper Palaeolithic coincided with «the advent of anatomically modern man and the demise of Neanderthal man, who, it seems, carried both Châtelperronian and Szeletian with him» [Allsworth-Jones, 1986]. Mikhail Anikovich was aware of this, and on my visits to Russia from 1992 onwards, we did get the chance to discuss it, both in St Petersburg and at Kostenki. We also discussed many other things, and since in general he felt that we were of like mind, our meetings were cordial, and not to be forgotten.

Prehistory and Quaternary studies do not however stand still, and one must always take cognisance of new methods and new discoveries as they come to light. I took this into account when I was invited to attend a conference on «Neanderthals and Modern Humans in Late Pleistocene Eurasia» held in Gibraltar in 2001 [Finlayson, 2001]. I decided to speak on «The Szeletian Revisited» and a revised version of this paper was published in Brno, for which thanks go to Jiří Svoboda [Allsworth-Jones, 2004]. It might be useful to summarise the main points which I made at that time. It is still worth emphasising the fact that in 1986 the predominant paradigm favoured a European-wide evolution of Neanderthal into modern man, accompanied by an in situ transformation of Middle into Upper Palaeolithic. It is remarkable how the balance has shifted in recent years in favour of a replacement hypothesis, a key component of which is the partial contemporaneity of the two species, as subsequently exemplified in the title of the book edited by Conard in 2006, «When Neanderthals and Modern Humans Met». Since in these circumstances some kind of interaction between the two populations was practically inevitable, I concluded that the debate had in fact become a more nuanced one, as to what exactly the nature of that interaction was. On the basis of the evidence available at the time, my conclusion was that Neanderthal man continued to be associated with the Middle Palaeolithic and at least the Jankovichian, whereas the Aurignacian was exclusively the product of anatomically modern man. The radiocarbon dates, considered in detail for Central Europe, still suggested the contemporaneity of the Aurignacian and the Szeletian, as well as the Bohunician and the Jerzmanowician, as at Nietoperzowa. I therefore took the view that my original acculturation hypothesis could still be defended. I conceded however that «more research, involving both re-examination of old materials, and if possible the excavation of new sites, is needed to clarify many outstanding issues» relating (in particular) to the Initial Upper Palaeolithic in Central Europe.

Moreover, I added that «quite possibly the situation may look very different in a few years' time» [Allsworth-Jones, 2004. P. 292]. Exactly. Here we are a few years later. It is not my intention now (as I did then) to go over in detail the circumstances of individual sites, except where absolutely necessary. Rather, the idea is to try to give a broad tour d'horizon of where we find ourselves at this point, without necessarily trying to defend any particular hypothesis, but with the concerns which both Mikhail Anikovich and myself had well to the fore.

New dating methods and their consequences

Improvements in dating methods introduced recently have altered our perspective on this question drastically. These concern both radiocarbon dates on bone and charcoal, and tephrochronology. So far as radiocarbon dates are concerned, the essential work has been carried out at the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (ORAU) [Higham et al., 2006a; Mellars, 2006; Higham, 2011]. Improved sample processing of bone collagen by ultrafiltration, to remove contaminants below a certain molecular weight, and of charcoal by an acid-base-oxidation: stepped combustion (ABOx-SC) protocol, instead of the former acid-base-acid (ABA) one, have resulted in a succession of results which are markedly older than previous assays on the same materials. As Higham remarks (2011), the conclusion we have to draw is that «as many as 70 % of the oldest radiocarbon dates in the literature may be too young». On the plus side, it may be noted that fears previously expressed about «sudden aberrant oscillations» in the radiocarbon content of the atmosphere may not be warranted ([Higham et al., 2006a; Mellars, 2006]; cf.: [Allsworth-Jones, 2004. P. 284]) and calibration techniques (IntCal09) have also been refined. The advantage of tephrochronology is that it provides a dating method which is completely independent of radiocarbon. In favourable circumstances it can take advantage of the deposition over wide areas of volcanic layers or traces which can be reliably correlated and assigned to the same age. At first this study was confined to macro-tephra, which in themselves provided startling results. Thus, it has been known since the 1970's that there was a major explosion in Italy at the Phlegrean Fields in the late Pleistocene, and in 1984 it was recognized by Melekestsev and his colleagues that traces of this explosion could be found in deposits in Russia including Kostenki. This was confirmed by Pyle et al. (2006) on the basis of a detailed chemical, trace element, and particle size analysis. Now further advances have been made possible by the study of micro- (or crypto-) tephra, i. e., those which are not visible to the naked eye [Lowe et al., 2012; RESET, 2013]. The RESET (RESPONSE of humans to abrupt Environmental Transitions) project, running from 2008 to 2013, has had as its objective the construction of a «tephra lattice» that would permit the reliable synchronization of sedimentary deposits throughout Europe and adjacent areas. The work done in relation to the Campanian Ignimbrite (i. e., the Phlegrean Fields explosion) is of particular relevance. Thus, at Kostenki not only has a reliable chronological framework for the period now been constructed, but also for the first time the apparent discrepancy between radiocarbon and other dating methods at this location has been resolved [Anikovich et al., 2007; Hoffecker et al., 2008; Douka et al., 2010; Sinityn, 2013].

On the basis of Ar^{40}/Ar^{39} dating results, the mean weighted age of the Campanian Ignimbrite can best be estimated as 39,3 kyrs ([Pyle et al., 2006]; cf.: [RESET 2013]: modelled age of 39,135—39,225). Hitherto an uncalibrated radiocarbon date on charcoal for this horizon at

Kostenki 14—Markina Gora put its age at 32,420 ±440 BP (GrA-18053). This date and others in an inconsistent and wide range definitely created problems of interpretation at the site [Hoffecker et al., 2008]. Now, applying the ABOx-SC protocol to the same charcoal, an age of 35,080 ±240 BP (OxA-19021) has been obtained, which when calibrated comes to 40,990—39,340 BP [Douka et al., 2010]. As these authors say, this is the first radiocarbon determination of an archaeological sample to provide an age consistent with the «calendar age» of the Campanian Ignimbrite at the site. The coincidence of the two sets of dates using different methodologies augurs well for the future. The archaeological succession remains essentially as before, but it is important to note that an Early Upper Palaeolithic industry has now been recognized as occurring before, in, and after the tephra horizon itself at Kostenki 14. On the basis of artefacts such as Dufour bladelets, it has been classified as «Proto-Aurignacian» [Hoffecker et al., 2008. Fig. 6] whereas layer IVb beneath, while representing an abrupt departure from the Middle Palaeolithic, is regarded as only «generically» Upper Palaeolithic. By contrast, the «Streletsian» is termed «transitional», but in the summary by Anikovich et al. (2007) the idea is also floated that it may represent «an activity variant ... related to the butchering of large animals».

So far only two isolated human teeth, regarded tentatively as modern, have been found beneath the Campanian Ignimbrite, but it seems that one might now take another look at the burial located at Markina Gora in 1954 [Sinityn, 1996. P. 284—285. Fig. 4C, 15; Sinityn, 2013]. The burial pit was cut down from the base of level III through the volcanic ash horizon. The skeleton itself was in very good condition, but there were no characteristic accompanying artefacts. It has always been recognized as anatomically modern human, although opinions have differed as to its precise status. It has now been dated to 33,250 ±500 BP (equivalent to a calibrated age of 36,9—38,8 kyrs BP) and Sinityn (2013) has suggested that its association with the «Proto-Aurignacian» seems now «most probable». In general, the claim is made that modern humans on the Don were as early as anywhere else in Northern Eurasia [Anikovich et al., 2007].

By contrast, the Neanderthals in the Caucasus, once suggested to be relatively recent, have retreated into the past. At Mezmaiskaya in the Northern Caucasus, a Neanderthal neonate skeleton from layer 3 was originally dated to 29,195 ±965 BP, but now infant cranial fragments from the (overlying) layer 2 have been dated (using ultrafiltration) to 39,700 ±1,100 BP (OxA-21839), equivalent to 42,300—45,600 cal BP [Pinhasi et al., 2011]. There are similar dates for the Late Middle Palaeolithic in the Southern Caucasus, at Ortvale Klde, Sakazhia, and Ortvale [Pinhasi et al., 2012]. The suggestion is therefore that there was no Neanderthal refugium in the Caucasus and no interaction in this region between Neanderthals and moderns. There are no industries that could be classified as «transitional», and the Early Upper Palaeolithic in layer 1C at Mezmaiskaya (with backed bladelets and points) is compared to the Ahmarian of the Near East and not the Aurignacian [Golovanova et al., 2010. Fig. 14]. The re-

sults for Mezmaiskaya bear out the warning given by Melars (2006) that the new dating techniques (particularly ultrafiltration) are likely to prove a severe test for the supposed «long tail» of more recent dates supposedly associated with the Middle Palaeolithic and by implication Neanderthals in Europe as a whole.

Central Europe

The Campanian Ignimbrite does not extend to Central Europe, so we are deprived of that marker, nor do we yet have many radiocarbon dates from this area which have been subject to ultrafiltration. Nonetheless, there have been a number of significant developments, both in terms of re-assessment of old finds, and re-excavation of certain key sites, as well as some new discoveries.

The cave site of Vindija has attracted considerable attention over the last few years, partly because of the presence in layer G1 of a Neanderthal mandible and parietal with comparatively late radiocarbon dates of 29,080 ±400 and 28,020 ±360 BP, and partly because of their claimed association in this layer with split-based and non-split-based bone points [Allsworth-Jones, 2004. P. 282—283, 288—289]. Using small remnants of bone powder archived at the Oxford laboratory, the original samples have been re-dated using ultrafiltration, with results for the mandible and parietal respectively as follows: 32,460 ±1,800 and 32,400 ±800 BP [Higham et al., 2006b]. The authors warn that even these dates may be an underestimate. Moreover, Zilhão had the opportunity in 2004 to re-examine the artefacts from G1. According to him, the majority of the «tools» from this layer previously listed by Karavanić are no more than edge-damaged pieces, although the claimed bifacial foliate is considered genuine [Zilhão, 2009. Fig. 3h]. He agrees that in layer G/F there are a number of characteristically Aurignacian artefacts and he thinks that the split-based bone point could plausibly be associated with them. In his view, the Neanderthals (essentially on the basis of the bifacial foliate) can more probably be linked to the Szeletian. It is clear that this assertion cannot be proven, since as he emphasizes G1 is a complex post-depositionally disturbed palimpsest, hence, as I put it in 2004, «we would be on safer ground to regard this layer as not homogeneous». Having said that, I do think that Zilhão's suggestion makes good sense, although I might amend it in one way. The bifacial foliate, of which he reproduces a photograph, looks just like comparable pieces from Jankovich, so maybe that is the better parallel.

In contrast to Vindija, a great deal of precision has been introduced into our understanding of the situation at Dzeravá Skala, thanks to new excavations conducted at the site in 2002—2003 and covering 8 m² [Kaminská et al., 2005]. This cave was first excavated by Hillebrand in 1912—1913 and then by Prošek in 1950. Hillebrand found both a bifacial leafpoint and a split-based bone point in his lower layers (4) and (5) [Allsworth-Jones, 1986. Fig. 33, 5—6]. Prošek also found leafpoints and bone points in his basal complex (5)—(11). He regarded them as forming part of a single assemblage, but later authors have queried

whether this was really so. The new stratigraphic record obtained at the cave (with 12 layers, some of them subdivided) has settled this question. Layers 3-5 and 9-5a' contain artefacts attributed to the Gravettian and the Aurignacian respectively. Above a basal sandy deposit, layer 11 in its mid part (220—230 cm depth) contained traces of an industry with leafpoints [Kaminská et al., 2005. Fig. 18]. The Aurignacian and this industry are therefore distinct. Layer 11 is up to 80 cm thick and likely covered a long period of time. Artefacts are scattered throughout, and their vertical distribution suggests that they were not deposited as a result of a single event. Some limestone debris did enter the cave from a chimney at the back, and there are some indications of cryoturbation, as also noted by Prošek. Nonetheless, the authors' conclusion is that the impact of post-depositional factors at the cave was not sufficient to disturb the integrity of the recognized layers [Kaminská et al., 2005. P. 84—85, 222—223].

A total of 19 radiocarbon dates has been obtained for the site, 7 of them being ultrafiltered results from the Oxford laboratory [Kaminská et al., 2005. P. 62—63. Tab. 1]. There are also two OSL dates. Some but not all of the radiocarbon dates from other laboratories are obviously too young. Relying principally on the Oxford results, it can be said that the Gravettian in layer 5 dates to around 24,760 ±130 BP (OxA-13861). There are 5 dates for the Aurignacian in layers 9 and 5a' in the range from 33,333 ±820 to 37,370 ±2,060 BP, the Oxford result being in the middle at 35,100 ±400 (OxA-13860). This date agrees with an OSL determination of 35,900 ±3,000 years ago (K0085) for the same level. Layer 11 is divided stratigraphically into three parts. The mid part, as already stated, contained evidence of an industry with leafpoints. It has an infinite date from Oxford > 44,600 BP (OxA-13973) due to the small quantity of datable collagen. The upper part however is dated to 36,920 ±470 BP (Beta-173342) and the lower part to 47,000 ±2,300 BP (OxA-13859) and 49,700 ±3,000 BP (OxA-14247). For the mid part of the layer (depth 225 cm) there is a further OSL date of 57,000 ±4,900 years ago (K0082) which (without taking account of calibration) obviously is considerably older. Because of the apparent age of the leafpoint occurrence in this layer, it was suggested that it might belong with the Micoquian rather than the Szeletian as hitherto supposed [Kaminská et al., 2005. P. 64]. In contrast to that, one of the non-split-based bone points from Prošek's collection of 1950 produced median values of 31—31,600 BP (OxA-15534/15535). It proved impossible to date any of the other bone points, and this result is based on a very small amount of collagen, but it does serve to reinforce the observation that the bone points and the leafpoints at this site do not belong together.

As at so many other caves in the region, the large mammal fauna at the site was dominated by cave bear, 57.9 % of the total by NISP, the remains being particularly abundant in layers 9 and 11. The second most abundant animal was the hare, 26.6 % of the total by NISP, particularly abundant in layers 9 and later. The suggestion is that the inhabitants hunted mainly small or medium sized mammals such as this.

In my view, the sequence now documented at Dzeravá Skala provides a perfect support for the idea advanced by Gábori-Csánk concerning the existence and nature of what she termed the Jankovichian (ex-«Trans-Danubian Szeletian») in this part of the Carpathian basin ([Gábori-Csánk, 1993]; cf.: [Allsworth-Jones, 1986. P. 111—123; 2003]). She conceived of it as an entity independent of the Szeletian in the Bükk and older than that, without any connection to the Aurignacian, despite the frequent appearance of split-based and non-split-based bone points at the same sites, and strongly marked by Middle Palaeolithic and Levallois characteristics. For the first time a site belonging to this entity has been dated and its relationship to the Aurignacian clarified.

There have also been some new developments in relation to the Bohunician, now regarded as a separate «Levallois-leptolithic» entity, but at the type site originally defined as part of the Szeletian as well [Valoch, 1976]. As mentioned previously [Allsworth-Jones, 2004. Tab. 2, 4] excavations at Stránská skála (7 km east of Bohunice) showed that the Aurignacian at this site was stratigraphically in situ above the Bohunician, whereas it was absent at Bohunice itself. Six radiocarbon dates were quoted in this context, the Aurignacian extending from 32,600 \pm 1,700/–1,400 to 30,980 \pm 360 BP and the Bohunician from 41,300 \pm 3,100/–2,200 to 38,200 \pm 1,100 BP. Further dates have now been published by Svoboda [Svoboda, 2006. Tab. 2, 5] as a result of which the range for both is somewhat wider than before, with some overlap, but the stratigraphic superposition of the two entities is not in doubt. At Bohunice itself, new excavations were undertaken in 2002 at a point adjacent to Kejbaly IV just above the vertical face of the brickyard [Richter et al., 2008. Fig. 1]. Originally, two radiocarbon dates were published from the archaeological site at Kejbaly I and II: 40,173 \pm 1200 (Q-1044) and 41,400 \pm 1,400/–1,200 (GrN-6802) BP respectively [Valoch, 1976]. Two further dates were obtained from the brickyard, and three more (one infinite) from the recent work at the site [Richter et al., 2008. Tab. 1, 878] but, as the authors say, they do «not improve the picture». Hence it was decided to attempt TL dating on 11 samples (9 artefacts with one split into three) whose exact position in the stratigraphy was known. The weighted mean date comes to 48,200 \pm 1,900 BP_{TL}, which can be regarded as very satisfactory.

The new excavations have confirmed that there is only one archaeological layer at the site, and that leafpoints (manufactured on the spot) are an integral part of the assemblage, as originally claimed [Richter et al., 2008. Fig. 2]. I have to say, that I never doubted it [Allsworth-Jones, 1986. P. 143—144]. From the beginning, it was recognized that at Bohunice there was evidence for a very evolved stage of the Levallois technique which could lead on to the blade technique of the Upper Palaeolithic [Valoch, 1976. P. 52, 55]. Up to now, however, as Svoboda puts it, the «Bohunician technology has been interpreted by various authors alternatively as a link between the Middle and Upper Paleolithic cultural entities or as an evolutionary cul-de-sac» [Svoboda, 2006. P. 15]. If we do not know where it led to, what about its origin? For the re-

cord, I should point out that I was among the first to recognize the technological similarity between the industry at Bohunice and certain others in the Near East, especially Ksar Akil and Boker Tachtit [Allsworth-Jones, 1976; 1986. P. 194—196]. Our colleagues have of course taken these comparisons far further, by means for example of core-by-core refits, suggesting similar approaches to the exploitation of core volumes and directionality of reduction in the two cases. The result has been the suggestion, e. g. by Hoffecker (2009), that the Bohunician is evidence of a movement of population into Central Europe from the Near East, and that that population was anatomically modern human. I have some doubts as to whether that explanation is sufficiently supported by the evidence. If we look to the Crimea, not hitherto mentioned in this debate, we find there a well-documented industry characterized as Western Crimean Mousterian [Chabai, 2000; 2004]. This was a Levallois-based industry which showed significant changes through time in methods of core reduction, with a gradual move to a volumetric technique similar to that of the Upper Palaeolithic. I am not suggesting for a moment that there was a connection between this industry and the Bohunician. Rather it should make us aware of the fact that Levallois-based industries in general can show a convergent tendency to independent development in this manner. So far as the human population is concerned, we have no evidence at all as yet as to who made these artefacts.

So far as the Aurignacian is concerned, obviously the sites in the Swabian Jura, particularly Geissenklösterle and Hohle Fels, are of great importance. The situation at Geissenklösterle was previously summarized [Allsworth-Jones, 2004. P. 284—286] and this summary largely holds true. The original excavator Joachim Hahn emphasised that there were only two real primary Aurignacian horizons, IIb and IIIa or Typical and Early Aurignacian. Relying only on bones which were demonstrably connected to the human occupation horizons, it was found that the mean radiocarbon ages for these layers respectively were 33,500 \pm 350 and 38,400 \pm 850 BP. On the basis of TL dates, however, it was ascertained that the mean date for the Early Aurignacian was 40,200 \pm 1,500 years ago. Further radiocarbon dates have now been obtained [Conard, Bolus, 2008], according to which (among other things) the Early Aurignacian is said to fall between about 33 and 37 thousand years ago; but the authors admit that this constitutes a «noisy signal», and they reject the results obtained for the underlying Middle Palaeolithic layers (between 31 and 42 thousand years ago) as being much too young. Most of the new dates have been determined at the Kiel laboratory and they have not been ultrafiltrated, so Higham's warning (2011) surely applies. In fact, the authors themselves prefer still to rely on the previously published TL date of 40,200 \pm 1,500 to characterise the Early Aurignacian at Geissenklösterle. They emphasise the importance of exact stratigraphic control, and they are now concentrating on the identification of discrete anthropogenic features in the Aurignacian, as at Hohle Fels [Conard, Bolus, 2008. Fig. 7]. On the basis of stratigraphy, it is clear that the Swabian Upper Palaeolithic begins abruptly with the Aurignacian, which is always separated by sterile deposits

from the underlying Middle Palaeolithic, and there is no admixture between the two, nor any signs of a gradual transition.

Dates in the range 34,100 \pm 1,200/–1,000 to 38,880 \pm 1,530/–1,280 BP were also previously quoted for the Aurignacian in layer 3 at Willendorf II [Allsworth-Jones, 2004. Tab. 2]. Further research by Nigst (2006) has confirmed the nature of this industry, partly through his having had access to a hitherto unopened box of finds from the excavations of 1908/1909 (I), and he considers that it is very similar technologically to the Early Aurignacian at Geissenklösterle, and distinct from the Bohunician.

In the light of the above, one has to ask, what is the position of Szeleta and Istállóskő? New data regarding these sites has been published [Adams, Ringer, 2004] but since Brian Adams was kind enough to provide me with the details of the new radiocarbon dates in advance, I did take them into account in my previous summary ([Allsworth-Jones, 2004. Tab. 5]; it should be noted that the layers as numbered here differ slightly from those given by Adams and Ringer). So far as Szeleta is concerned, the claim is that a new date at the base of layer 4 of 42,960 \pm 860 BP precedes the Early Szeletian, whereas (on the basis of evidence at the entrance to the cave) a date of 26,002 \pm 182 BP from that layer is a more reliable estimate for it, and a date of 22,107 \pm 130 BP recovered in layer 7/a is appropriate for the Developed Szeletian. At Istállóskő, there are two new dates for Aurignacian II of 27,933 \pm 224 and 31,604 \pm 295 BP, as well as a date of 29,035 \pm 237 BP for Aurignacian I/II, and two for the Aurignacian I level of 32,701 \pm 316 and 33,101 \pm 512 BP. The older dates for the Aurignacian at Istállóskő are disregarded and obviously, as the authors say, if these dates as a whole are accepted the effect would be to rejuvenate both the Aurignacian and the Szeletian in the Bükk considerably. The Istállóskő dates now reported clearly are comparable to those for layer IIb at Geissenklösterle, for example, but can they really be appropriate for an industry at the base of the succession which (while poor in lithics) does include a large number of split-based bone points? So far as Szeleta is concerned, as I already pointed out, I have some doubts about the proposed stratigraphic correlation between the layers excavated at the entrance to the cave [Adams and Ringer, 2004. Fig. 3] and those in the interior. Kadić referred to the presence of a light yellow layer (which he did not number) at the top of his layer 7 at the entrance, and I wonder whether the date of 22,107 \pm 130 BP may not relate to that. (There are finds in the cave which typologically are Gravettian). Vértes obtained a date of 32,620 \pm 400 BP for the Developed Szeletian in layer 7 in the interior of the cave, and I do not see any reason to query it (though it is not in agreement with the association claimed for the date of c. 26,000 at the entrance). The Early Szeletian in the interior of the cave therefore would be bracketed at some point between this time and the base of the sequence at about 43 thousand years ago. In present circumstances it is difficult to say more than this, just as we cannot be too definite about the date of the Aurignacian I occupation at Istállóskő.

In one respect the new excavations have confirmed and indeed strengthened a supposition about the two sites that was already current, namely, that they were contemporaneous. This idea is based upon the occurrence at both of artefacts characteristic of the other. At Szeleta in 1928, in circumstances that deserve to be better known [Allsworth-Jones, 1978], a split-based bone point was discovered in a level equivalent to the Early Szeletian, and a further bone point with a broken base was found at the same location in 1947 [Allsworth-Jones, 1986. Fig. 16.5, 15.5]. At Istállóskő, Vértes found two leafpoints similar to those at Szeleta in Aurignacian levels I and II [Allsworth-Jones, 1986. Fig. 16: 1, 2]. Then, in 2000 Adams and Ringer (2004. P. 548) found a third leafpoint at this site, in a horizon intermediate between these two levels, made of the same «highly localized raw material used to produce the majority of leafpoints at Szeleta».

As in the case of the «Streletsian» at Kostenki, the idea has been put forward that the Szeletian sites in the Bükk may — rather than reflecting acculturation — be «more parsimoniously» explained as «tool kits related to large animal hunting and carcass processing» [Hoffecker, 2009]. A zooarchaeological explanation of this kind is practically impossible to test in the existing state of things, since the sites in the Bükk have been excavated practically in their entirety, in a manner not designed to address this kind of question. In general, these sites, and others in Central Europe, are dominated by cave bear, and this has just been newly confirmed at Dzeravá Skala. At that site, as noted above, it is believed that small or medium sized mammals (certainly not cave bear) provided the main hunting target, and that may well have been the case elsewhere. That is not to deny that these sites were special in some way. Indeed I have repeatedly emphasized that they, together with «culturally» completely different sites such as Mauern and Ranis, constitute «specialized, intermittent, and for the most part strictly temporary settlements» [Allsworth-Jones, 1990. P. 191—200]. In the case of Szeleta the «highly localized raw material» noted by Adams and Ringer undoubtedly played a major role. This is what was first called «ash grey chalcedony» later identified by Vértes and Tóth as «glassy quartz porphyry» the source of which is at the head of the Tatár-Árok valley about 3 km south of the cave. It helped to determine the character of the industry. But apart from this purely functional aspect, it may still be legitimate to regard the Szeletian as manifesting what Svoboda has called a «conservative way of thinking» or a persisting «bifacial memory» [Svoboda, 2006. P. 12].

Also subject to a drastic revision and rejuvenation is the «Brynzenian» industry or culture in Moldavia, previously regarded as «transitional» between Middle and Upper Palaeolithic. Samples of bone and teeth were collected from both Brînzeni I and Ciuntu in 1992, and in 1993 control excavations were carried out, for dating purposes, thanks to the kind cooperation of Ilie Borzic and Nicolae Chetraru [Allsworth-Jones, 2000]. The radiocarbon dates were published in 1996 and the results in full for Ciuntu in 1997 [Hedges et al., 1996; Borzic et al., 1997]. The three dates at Ciuntu range from 18,510 \pm 200 to 22,100

± 220 BP. Hence Borziac concluded that it would be more appropriate to regard Ciuntu as belonging to the Eastern Gravettian techno-complex. The dates for layer 3 at Brînzești cover a span from $14,700 \pm 130$ to $26,600 \pm 370$ BP. Among them, two dates from the 1993 excavation, of $20,140 \pm 260$ and $19,780 \pm 260$ BP (OxA-4898 and OxA-4899), fall in the middle of the set, and provide the best estimate for that particular part of the sequence. Obviously they are comparable to those from Ciuntu. Three further dates obtained later do not alter the range [Noiret, 2009. Tab. 57]. The results from Ciuntu, as it was said [Borziac et al., 1996. P. 298], «threw into doubt the real existence» of the «Brînzești culture» as previously characterised. In my view, however, it would be wise to be cautious before regarding these results as definitive for the totality of Brînzești layer 3. The wide spread of dates in the interior of the cave, together with the thickness of the deposits, suggest that the occupation is likely to have extended over a long period of time, and it may well have been interrupted by more than one hiatus, hence the last word on this site may not yet have been spoken, particularly since the homogeneity of the archaeological material is not guaranteed. In his very careful re-assessment of the entire Upper Palaeolithic of Moldavia, Noiret (2004, 2009) prefers to group together Brînzești, Gordinești, and Corpaci (which previously were regarded as representative of a bewildering array of entities, cf. [Allsworth-Jones, 1990. P. 221—226] into a single «Pruth culture» which ran parallel to the Aurignacian and Gravettian in the region, and was not antecedent to them. We still have no direct indication as to who made these industries.

For the Aurignacian in Central Europe, we do have well attested human remains in a good context at Mladeč, despite the fact that they were first discovered and recorded as long ago as the 1880's and in the following years by Szombathy and others [Svoboda, 2006]. New investigations at the site suggest that the material was deposited in the cave system by way of accumulation through vertical fissures or chimneys, and there are two dates (mentioned previously) for the sealing travertine horizon of $34,160 + 520/-490$ and $34,930 + 520/-490$ BP. Four of the skeletal remains attributed to anatomically modern humans (Mladeč 1, 2, 8, and 9a) have now been directly dated at the Vienna laboratory to a period between $30,680 + 380/-360$ and $31,500 + 420/-400$ BP [Wild et al., 2005]. The discovery of similarly classified human remains at the site of Peștera cu Oase in Romania [Trinkaus et al., 2003; Rougier et al., 2007] has attracted considerable interest, but it should be remembered that there was no associated archaeological material, the human cranium and mandible being likewise probably washed into the cave (diagram in [Roberts, 2009. P. 214]). For the mandible there is an ultrafiltrated date of $> 35,200$ BP (OxA-11711) and a finite date from Groningen of $34,950 + 970/-870$ BP (GrA-22810). The combined OxA-GrA date is given as $34,950 + 990/-890$ BP. It is inferred that the cranium (from a different individual) was contemporaneous with the mandible. Whilst it is agreed that both are essentially modern, attention has been drawn to two features of the mandible which are seen as «archaic», the large third molars and

lingual bridging of the mandibular foramen, on one ramus only. The team reinvestigating Dzeravá Skála relocated the juvenile tooth discovered by Hillebrand in 1913. This was confirmed as a lower right second molar. It had, as claimed by Hillebrand, a well defined anterior fovea. Nonetheless, the authors [Tillier et al., 2005] concluded that it could not be reliably assigned to either Neanderthals or to early modern humans.

Since there is no common marker horizon, and dating methods — on which so much else depends — are in course of evolution, it is difficult to come to a definitive conclusion about Central Europe at the moment. The best TL estimate for the Early Aurignacian in the Swabian Jura is c. 40,000 years ago, and the ^{14}C evidence from Willendorf II is not in disagreement with this. The Aurignacian in this region has no apparent connection to the local Middle Palaeolithic, and is usually regarded as the product of immigration. The Bohunician by contrast has been TL dated to c. 48,000 BP at the type site and is situated stratigraphically below the Aurignacian at Stránská skála. The Aurignacian also overlies an industry characterized by leafpoints, best regarded as Jankovichian, at Dzeravá Skála, for which there is an infinite ^{14}C date of $> 44,600$ BP from the Oxford laboratory. Both these industries predate the Aurignacian and cannot owe anything to it. The archaeological evidence suggests that the Aurignacian and the Szeletian in the Bükk ran parallel to each other. On the basis of the ^{14}C dates previously obtained, both might go back to c. 40,000 BP. This still seems likely for the Szeletian, and in the light of the dates obtained elsewhere it would not be surprising for the Aurignacian either. It is also suggested that the «Pruth culture» in Moldavia ran parallel with the Aurignacian and the Gravettian, but in this case the available ^{14}C dates are much younger, and the idea of the «Brynzenian» as a «transitional» industry has been abandoned. Anatomically modern humans, as shown at Oase, were present in this region from at least c. 35,000 years ago, although their first demonstrated co-occurrence with the Aurignacian is at Mladeč c. 31,000 years ago. The Neanderthals at Vindija are now dated to c. 32,000 years ago, but even these dates may be an underestimate, hence the degree of contemporaneity between the two species is still a matter for debate.

Northwestern and Southern Europe

It has long been known that leafpoints form an integral part of the British Early Upper Palaeolithic [Allsworth-Jones, 1986. P. 181—188] and that there is a connection between them and Continental sites such as Goyet, Spy, Ranis, and Nietoperzowa. It is now common to refer to this entity as the Lincombian- Ranisian-Jerzmanowician (or LRJ for short) the name Lincombian coming from Lincombe Hill where Kent's Cavern is situated [Flas, 2011]. Our knowledge of the LRJ has been much improved in recent years thanks to the work of the AHOB (Ancient Human Occupation of Britain) team and in particular the late Roger Jacobi [Ashton et al., 2011]. Previously, the majority of locations where significant numbers of leafpoints

were found in Britain were in caves, but two important open-air sites (Beedings and Glaston) have now been added to the list [Jacobi, 2007; Cooper et al., 2011]. Both seem to have constituted «look-out» points. No fauna was preserved at Beedings, but that is not so at Glaston. It is a reasonable interpretation that hyaena den food caches provided a target for the people who came to the area, but they were also horse hunters. The EUP finds include a few fully bifacially worked leafpoints, but the majority are what Jacobi referred to as «blade-points» with partial bifacial retouch, and these are the essential leitmotif of the LRJ. For the first time at Beedings it was possible to suggest the kind of artefacts that accompanied them. Apart from 36 whole or broken leafpoints, there were 44 other

retouched tool forms, including several burins and end-scrapers, but, as Jacobi said, nothing that could be taken to indicate a «transitional» technology, nor for that matter anything distinctively Aurignacian. The patterns of damage on the «blade-points» suggested to him that these were spear points, or, as he called them, «weapon-heads». It therefore seems that, from the functional angle, the LRJ sites are the traces of fleeting hunting expeditions, or what have been termed brief «settlement events» [Jacobi, Higham, 2011].

As part of the AHOB project, several new radiocarbon dates have been obtained from both Aurignacian and LRJ contexts in Britain. Those considered most reliable by Jacobi (tab. 1).

Table 1

LRJ			Aurignacian		
Badger Hole	OxA-11963	36,000 ±450 BP	Hyaena Den	OxA-13803	31,550 ±340 BP
Kent's Cavern	OxA-10806	36,750 ±450 BP	Uphill Quarry	OxA-13716	31,730 ±250 BP
Bench Quarry	OxA-13512	36,800 ±450 BP	Pin Hole Cave	OxA-15053	32,640 ±340 BP
Pin Hole Cave	OxA-4754	37,800 ±1600 BP			

It should be noted that the dated piece of bone OxA-10806 comes from the Gallery in Kent's Cavern; it was excavated by Pengelly (not Ogilvie) and is from the same block of deposit as a bifacial leafpoint [Jacobi, 2007. P. 282, fig. 45, 46]. The date from Pin Hole OxA-4754 is on a hyaena bone found in a block of deposit which also has the impression of a broken «blade-point» found by Armstrong during his excavations [Jacobi, 2007. P. 291—293. Fig. 52]. The listed Aurignacian dates are all on bone artefacts [Jacobi, Higham, 2011. Fig. 11.10].

To these dates have to be added the results from Beedings and Glaston. At Beedings there is a TL date of 31,000 ±5,700 years ago on a fragment of a burned leafpoint, but this is regarded as a minimal age estimate. At Glaston, five radiocarbon age determinations were obtained for the «bone bed» in close proximity to the leafpoints, in the range from 37,380 to 38,800 BP [Cooper et al., 2011. Tab. 2]. The calibrated age equivalent at 1 σ is 41,260—43,150 cal BP.

It is quite obvious from the above that chronologically the LRJ and Aurignacian «settlement events» in Britain are distinct. It is true that both Aurignacian and LRJ style artefacts are now found in the collections from Kent's Cavern (Pengelly excavations), Paviland, and Ffynnon Bueno, but Jacobi (2007. P. 299) advances sound reasons in terms of their respective conditions and likely places of origin to regard them also as distinct. If these circumstances still hold true, as stated by Jacobi (2007) and Flas (2011), it would no longer be possible or necessary to think in terms of acculturation to explain the characteristics of the LRJ.

These authors regard the LRJ as having its «evolutionary roots» in the Middle Palaeolithic and as having been made by Neanderthal man. In fact there is now a specific suggestion that it may be linked to the Neanderthal skeletons (I and II) found by de Puydt and Lohest at Spy in

1886 [Semal et al., 2009; Flas, 2011]. Two teeth from these skeletons have now been radiocarbon dated to 35,810 +260/–240 and 36,350 +310/–280 BP (GrA-32623 and -32626). It is pointed out that these dates are more appropriate for an LRJ (represented by at least 22 leafpoints at the site) rather than a Late Mousterian context. This supposition would be strengthened if, as claimed, the burials in which the skeletons were found were actually dug down from layer 2 into layer 3 at the cave. Clearly no case can be proven here, but as the authors say the new dates are in agreement with this hypothesis.

Until a short time ago, the above represented a coherent and internally consistent interpretation of the likely sequence of events in the British Early Upper Palaeolithic. To a certain extent, a bomb has been thrown into the works by new results claimed for Kent's Cavern following a re-examination of the evidence resulting from the excavations carried out by Arthur Ogilvie in 1926—1932 and onwards [Jacobi, Higham, 2011; Higham et al., 2011]. Ogilvie and his team excavated a deep trench in the Vestibule, such that there are no more deposits left in this area. Among other things, in 1927 they found a fragmentary human maxilla and teeth at a depth of 10 feet 6 inches, beneath a stalagmite floor, which may or may not have been continuous. Sir Arthur Keith identified the remains as anatomically modern, and the specimen was previously dated by the Oxford laboratory to 30,900 ±900 BP (OxA-1621). As part of the new study, the specimen was disassembled and put back together again (P3 had been mistaken for P4) and its identity as anatomically modern was confirmed (13 traits out 23, 7 being ambiguous and 3 of Neanderthal type). It could not be directly re-dated, so the attempt was made to do so by identifying and dating other bones from the excavation both above and below the specimen. They were chosen using the «Kent's Cavern Excavation Journal» and marks upon the bones themselves. The results

were assembled in an age-versus-depth Bayesian diagram and (according to its own depth indications) the maxilla was placed at an appropriate point within the model. Hence an estimate of its age was obtained which (at 1 σ) amounts to 41,890—43,110 cal BP. Below the stalagmite there were only a few blades of Upper Palaeolithic type which, as the first account stated correctly, were «not attributable to a particular industry» [Jacobi, Higham, 2011]. Above the stalagmite some artefacts of a later Aurignacian type were found, although it was noted that they had been subject to solifluction and cryoturbation. The date estimate given is congruent with the LRJ, as at Glaston, but the authors consider that an association with an early Aurignacian is the «most likely» [Higham et al., 2011]. The implication is therefore that there were two Aurignacian occupation episodes at the cave, separated by a considerable chronological gap, which the authors suggest may correspond to the cold Heinrich 4 (H4) event. This scenario obviously is radically different to any one previously proposed for the British EUP.

Objections to the new reconstruction of events at Kent's Cavern have however been raised by White and Pettitt (2012). In their view, Ogilvie's excavation and recording methods left so much to be desired that it is risky to rely on them. For example, in 1928 he himself noted that the depth measurements taken in 1927 were out by 1 foot. It cannot be said that we have here an ordered stratigraphic sequence such as Bayesian methodology requires. Among other things, it is known that the Vestibule served as a hyaena den, and there were other possible causes of disturbance. Many of the reported radiocarbon dates are statistically the same, which is surprising, and may be an indication of redeposition within the cave system. Their conclusion is that the proposed age of the maxilla is «not as safe as the estimate suggests». One does not have to agree with all these criticisms to feel somewhat uneasy that this conclusion may be right. The suggested scenario by Jacobi and Higham is so much at odds with what we know about the rest of the British EUP that it would be prudent to suspend belief in the new dating results until the situation has been thoroughly verified.

It has also long been evident that the Châtelperronian in Western Europe is, generally speaking, analogous to the «transitional» industries of Central Europe [Allsworth-Jones, 1986. P. 188—190, 217—218]. A key role here is played by the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure, but the very vexed question of the relationship between the Châtelperronian and the Aurignacian at this site has been bedeviled by difficulties and inconsistencies in the radiocarbon dates attributed to each. The Oxford laboratory sought to tackle this problem by an ambitious new dating programme, as reported by Higham et al. (2010). The results however were not as expected. 31 dates judged technically satisfactory were eventually obtained for layers V to XII at the site, including layers VII (Proto-Aurignacian) and VIII—X (Châtelperronian), but 19 other samples failed. Five dates from layer VII produced a mean age of 34,800 \pm 300 BP, which was judged satisfactory, but for layers VIII—X there was a very wide and inconsistent range from c. 21,000 to 49,000 BP, not an improvement on the dates obtained by various laboratories in previous years, which did not of course have the advantage of ultrafiltration. The large number of outliers also prevented a successful Bayesian analysis of the results. The conclusion was that the material was mixed, the layers were not homogeneous, and therefore no clear answer could be given to the questions concerning who-made-what-when at the site.

It is quite startling that a totally different set of results from the same site were announced not long afterwards by a different team, employing the same methodology of ultrafiltration and calibration as at Oxford [Hublin et al., 2012]. 40 samples from layers VII—XI were pretreated at the Max Planck Institute and then dated at the Curt Engelhorn Centre in Mannheim. 13 of them had traces of anthropogenic working, but the rest did not, the main criterion for selection (apart from a sure provenance) being good bone preservation. The results turned out to be entirely consistent with Leroi-Gourhan's stratigraphy [Hublin et al., 2012. Fig. 53] the date ranges established being as follows (tab. 2).

Table 2

Proto-Aurignacian	VII	29,930—34,810 BP	Châtelperronian	IX—X	35,500—40,970 BP
Later Châtelperronian	VIII	35,380—37,710 BP	Mousterian	XI	40,900—43,230 BP

The reason for the difference between these results and the previous ones from Oxford, according to Hublin and his colleagues, resides in the different sampling strategies adopted. Oxford (for reasons which are good in themselves) laid principal emphasis on selecting only bones which had traces of anthropogenic working, but the price was that the collagen yields of these samples (even after the rejection of 19) were markedly less than those of Hublin's team [Hublin et al., 2012. Fig. 2]. In this situation, as they say, «contamination is a huge issue» [Hublin et al., 2012]. The conclusion is that the layers are homogeneous and that there was no considerable degree of admixture.

To me it has always seemed very strange that there was such a problem with dating at Arcy, since it is known that Leroi-Gourhan's excavation methods were very meticulous, and these results if confirmed do vindicate him.

There are 29 teeth and one temporal bone from the Châtelperronian layers that are classified as Neanderthal, which incidentally is also a confirmation of the diagnosis made by Leroi-Gourhan. These results imply that the body ornaments found in the Châtelperronian layers are in situ, but in the view of Hublin and his colleagues the dating of the layers (in comparison with dates for the earliest Aurignacian elsewhere) means that they should be regarded as

the result of «stimulus diffusion» from incoming modern humans, in other words they are the product of acculturation.

Backing up the above diagnosis is a new date for the Châtelperronian layer at St Césaire («Ejop sup») where the Neanderthal remains were located [Hublin et al., 2012. Fig. 52] of $36,200 \pm 750$ BP (OxA-18099) equivalent to a calibrated date (at 1σ) of 40,660—41,950 cal BP.

The Uluzzian in Italy has long been assumed to be the equivalent of the Châtelperronian in France. Here too new evidence has come to light, from the type site of Grotta del Cavallo, in the south of the country [Benazzi et al., 2011]. This site was first excavated by Palma di Cesnola in the 1960's, and the authors still adhere to the stratigraphic nomenclature employed by him [Benazzi et al., 2011. Fig. S1]. Layers DIb and DII correspond to what he called the Final Uluzzian, above layers EI and EII (Evolved Uluzzian) and EIII (Archaic Uluzzian). They were separated from the Mousterian beneath by a thin layer of volcanic ash (Fa), and also from the Epigravettian above (which is much later) by a thin stalagmitic crust (DIa) and two layers of tephra (CI and CII). The tephra has been assumed to correspond to the Campanian Ignimbrite. Following Palma di Cesnola's excavations, the site was left open and the section was severely disturbed by looters. Rescue work was undertaken by the University of Siena in 1978—1984, and it is possible to correlate the stratigraphy established then with that of Palma di Cesnola [Benazzi et al., 2011. Tab. S1]. Further excavations in 1986—2008 related only to the basal Mousterian layers. 8 marine shells were selected for radiocarbon dating, all but two of which came from the rescue excavations [Benazzi et al., 2011. Tab. S5]. One of Palma di Cesnola's samples produced too young a date, and one of the others was rejected as too old. Leaving these aside, there are four dates from layer DI-II in the range $35,080 \pm 230$ to $36,780 \pm 310$ BP, one from E-D (ignoring the duplicate) of $39,060 \pm 310$ BP, and one from EII-I of $39,990 \pm 340$ BP (OxA-19242). This corresponds to a calibrated age (at 2σ) of 43,000—44,300 cal BP.

In 1964 Palma di Cesnola found two deciduous human molars at the site, B in layer EIII and C in layer EII-I. Initially the first was said to be modern and the second was said to be Neanderthal in character, but subsequently they have both been regarded as Neanderthal. They have been re-examined by Benazzi and his colleagues, and on morphometrical grounds (dental crown outlines and enamel thickness versus dentine volume) both have been determined as anatomically modern. Hence the authors conclude that the «makers of the Uluzzian techno-complex were not Neanderthals». This looks like an open-and-shut case. But is it? In fact the stratigraphic context at the cave may not be as sure as the authors seem to think. Margherita Mussi (2001. P. 172—175) comments that the final part of the Uluzzian sequence was topped, in layer D, by an Aurignacian level that was not recognized by Palma di Cesnola. In this she was guided by the research carried out by Patrizia Gioia (1990). In Gioia's opinion, a «true Aurignacian» was present in this layer. The limit between layers D and E was not clearly established by Palma di

Cesnola, and moreover «all the Uluzzian deposit was cut by a large pit» starting at a point above layers CI and CII. This pit contained among other things a «strangled blade» of Aurignacian type [Gioia, 1990. Fig. 3]. Only new excavation data, in her opinion, could clarify the situation, but presumably the looters have rendered that practically impossible, at least so far as the area where Palma di Cesnola originally dug is concerned. If layer D is really Aurignacian, then most of the dates reported above are also Aurignacian-related. That is not at all impossible, granted that elsewhere in Italy Proto-Aurignacian sites are said to have been found beneath the Campanian Ignimbrite. In view of the evidence reported above, it would also be rash to assume that the provenance of the deciduous teeth is assured.

With these results may be compared some new dates which have been obtained for the Proto-Aurignacian (or Early Aurignacian with Dufour bladelets) in layer G at Riparo Mochi on the Ligurian coast [Douka et al., 2012]. No Uluzzian is present at this cave, and it is separated from the Mousterian in layer I beneath by a few cm of sterile deposit. For layer G there is an ABOx-SC re-date (OxA-19569) of an earlier age determination on charcoal of $36,350 \pm 260$ BP, equivalent to a calibrated date (at 2σ) of 38,410—41,800 cal BP. There are also four dates for layer G on marine shell in the range 30,770—36,750 BP, which are actually not too different from five dates on charcoal previously obtained for the same layer at Oxford (in the range 32,280—35,700 BP). The dates for layer DI-II at Grotta del Cavallo are also not too different, unsurprising if that layer is in fact Aurignacian. The Proto-Aurignacian is generally considered intrusive in Italy, and it may have come by way of the Balkans and then along the Mediterranean coast [Mellars, 2006. Fig. 4] but, in the light of what is said above, it would be premature at this stage to conclude that the same applies to the Uluzzian [Mellars, 2011. Fig. 2].

Neanderthal and anatomically modern humans

Mitochondrial DNA (mtDNA) studies of Neanderthal fossils had already been carried out at the time my previous article was published, and the conclusion was that they were distinct, with no evidence of interbreeding between them and early anatomically modern humans [Allsworth-Jones, 2004. P. 284]. Now that analysis of Neanderthal nuclear (autosomal) ancient DNA (aDNA) has become possible, a different picture has emerged [Green et al., 2010; Gibbons, 2010; Stringer, 2012a; 2012b]. Green and his colleagues used three Neanderthal bones from Vindija as their key sample, bones which represent three different female individuals. They were compared with five present day human examples, two from Africa two from Asia and one from Europe. The results suggested that «between 1 and 4 % of the genomes of people in Eurasia are derived from Neanderthals» [Green et al., 2010. P. 721]. This result did not apply in Africa, and it was said that all or almost all of the gene flow was from Neander-

thals into early modern humans and not vice versa. It was assumed that this gene flow occurred between 50 and 80 thousand years ago, and that it must have taken place in the Near East. This is an important point so far as we are concerned. The reasoning behind it is that all non-Africans, Europeans and Asians alike, were equally recipients of the Neanderthal genes. There was no special bias towards Europe ([Green et al., 2010. Fig. 6], scenario 3 rather than scenario 2). Gene flow between late Neanderthals and early moderns in Europe cannot be excluded, but up to now we have no evidence for it. At any time, as the authors say, the «actual amount of interbreeding between Neanderthals and modern humans may have been very limited» [Green et al., 2010. P. 721]. It has been suggested moreover that, because of their limited genetic variability and apparently low numbers, the late Neanderthals could already have been a «threatened» species, even without the «destabilizing impact of the arrival of modern humans» [Stringer, 2012a. P. 191—192, 195].

The picture has been complicated in an unexpected way by the discovery and analysis of the human remains from Denisova cave, far away in the Altai mountains [Krause et al., 2010; Meyer et al., 2012; Gibbons, 2012]. Apart from two molars, these remains consist of the distal manual phalanx of the fifth digit — in other words the small finger bone — of a young girl in a context which on stratigraphic grounds is said to be about 30—50 thousand years old. The analysis of this girl's MtDNA first showed that it was genetically distinct from both Neanderthals and anatomically modern humans, and that it formed a separate lineage which may have branched off on its own some 1 million years ago, more than twice the suggested branching point for Neanderthals and modern humans [Krause et al., 2010. Fig. 3]. These results were confirmed by an analysis of the individual's nuclear genome sequence [Meyer et al., 2012] which also suggested a surprising link to present day Melanesian populations. In other words, there were two «admixture events», «not the only hypothesis consistent with the data, but the simplest» [Wall, Slatkin, 2012].

The results are illustrated by Chris Stringer (2012b. P. 34) in the form of a «winding path», showing what is in effect a replacement scenario with two «leaks», one from Denisovans and one from Neanderthals. The result worldwide has been to create a «patchwork planet» [Stringer, 2012b. P. 35] where most people's genomes contain remnants of archaic DNA, but the nature of those remnants varies from one continent to another. That takes us altogether too far from our theme, but so far as Europe is concerned, we may agree with his conclusion [Stringer, 2012a. P. 193] that «both fossil and DNA data indicate that the Neanderthals were a distinct lineage from modern humans, but a closely related one». Our primary task is to see how that relationship may have worked out in practice through what we can discern in the archaeological record.

Conclusion

No condition is permanent. This field of study is rapidly changing, so any summary of where we are now can

be no more than an interim statement. From the account given above, it is obvious that there are differences of interpretation and unresolved questions, nor would it be right to over-simplify the matter in attempting to wrap it up. One can do no more than indicate some of the main points which seem to stand out at the moment.

To recommence more or less where we started, it is a matter of great satisfaction that for large areas of southern and eastern Europe at least we now have a fixed chronological marker in the shape of the Campanian Ignimbrite, dated by argon/argon to 39,3 k years ago. At Kostenki 14 a revised radiocarbon date on charcoal of 35,1 k BP when calibrated is in agreement with this date (39,3—41 k cal BP) so a longstanding contradiction has been resolved. We also now have a sure date for the Proto-Aurignacian industry which occurs before, in, and after the CI horizon at the site. Other dates for the beginning of the Aurignacian in Central and Southern Europe are not inconsistent with this. The Early Aurignacian at Geissenklösterle is most reliably dated by TL to 40,2 k years ago, and the uncalibrated radiocarbon dates for layer 3 at Willendorf II are in the range 34,1—38,9 k BP. Other uncalibrated dates mentioned above in the ≥ 35 k BP bracket include those from Dzeravá Skala layer 5 (35,1) Riparo Mochi layer G (36,3) and Cavallo layer D (35—36,8). The latter is situated below a tephra horizon equated with the Campanian Ignimbrite. In Northwestern Europe the dates mentioned for the Aurignacian are significantly younger than this: 31,5—32,6 k BP for the three English cave sites of Hyaena Den, Uphill Quarry, and Pin Hole, and 29,9—34,8 k BP for layer VII at the Grotte de Renne. For the moment this is assumed to be a real difference, reflecting a possible progress of Aurignacian migration. At Dzeravá Skala and at Riparo Mochi the Aurignacian is stratified above the Jankovichian and the Uluzzian respectively, and at Arcy it is stratified above the Châtelperronian.

With these may be compared the dates mentioned for the various «transitional» industries. The type site of Bohunice now has a TL date of 48,2 k years ago, and at Stránská skála (7 km distant) the Bohunician industry is stratified below the Aurignacian. The other sites generally have uncalibrated radiocarbon dates greater (sometimes much greater) than 36 k BP, as follows. Dzeravá Skala layer 11 (36,9—49,7) the Grotte du Renne layers VIII—X (35,4—40,9) St Césaire (36,2) and Cavallo layer EII-I (39,9). In Britain the four LRJ cave sites of Badger Hole, Kent's Cavern, Bench Quarry, and Pin Hole are dated at 36—37,8 and Glaston at 37,4—38,8 k BP (equivalent to 41,2—43 k cal BP). In general in this country it is now accepted that there is a clear distinction between the LRJ and the succeeding Aurignacian.

In fact in Europe as a whole it is obvious that in many cases a chronological gap, on occasions a stratigraphical superposition as well, separate the Aurignacian from the industries which preceded it. In such instances, it may be difficult to see how an acculturation mechanism could have come into play, but there are two ways in which it possibly could. In the first place, if there was actually a «wave of advance» of the Aurignacian towards Western Europe, it could have affected those who were in its path.

This is the model adopted by Hublin and his colleagues to explain the characteristics of the Châtelperronian at the Grotte du Renne. In the second place, as mentioned above, there are still some cases of apparent contemporaneity between the Aurignacian and industries classified as «transitional». The foremost example of this is at Szeleta. In my view, there is still a good case for regarding the Early Szeletian as having existed at a time between 32,6 and 42,9 k BP, and despite the new dates which have been obtained for Istállóskő it is not impossible that the Early Aurignacian with split-based bone points ran parallel with it [Allsworth-Jones, 2004. Tab. 5]. Unquestionably, if at all possible, it would be desirable to verify the chronology here yet again. In the meantime, all parties are agreed that there are signs, in terms of the artefacts reciprocally present, that there was contact or exchange between the inhabitants of the two sites. The same issues arise in the case of the «Streletsian» at Kostenki, which is known to exist both below and above the Campanian Ignimbrite, and in relation to the «Pruth culture» (ex-«Brynzenian») in Moldavia, although the latter has certainly been drastically rejuvenated.

As an alternative explanation, the view has been put forward that these industries may constitute no more than an «activity variant», possibly related to the butchering of large animals. Certainly in the past some «cultural» barriers have been erected which are more plausibly explained in functional terms, such as the supposed separation of the «Olschewian» from the Aurignacian. So far as the caves are concerned, I have always emphasized that they seem to show specialized and intermittent occupation, indicative of temporary settlement. Undoubtedly raw material factors played a role at Szeleta, and it seems that they did so at Kostenki 12 — Volkovskaya as well [Anikovich, 1977]. Jacobi, in his study of the «blade-points» from Beedings (2007), has convincingly shown that they functioned as spear points, and no doubt the same may be true for most of the bifacial leafpoints found elsewhere. In the existing state of things, it would be difficult to demonstrate the validity of the functional hypothesis in a cave context, since unfortunately most of them have been totally dug out. It is unlikely that cave bears were the main object of attention, rather they were rival occupants of the caves, just as hyaenas were in Britain. At Dzeravá Skála, as mentioned above, small or medium sized animals appear to have been the target, as, in a different context, chamois and reindeer may have been at Istállóskő [Allsworth-Jones, 1990. P. 198—200]. A better chance for testing the hypothesis exists at open-air sites, since surely it can only be tested by the use of modern excavation methods. At Glaston such an excavation was carried out, as a result of which it was possible to compare the distribution of the (rather few) artefacts and the animal bone clusters present at the site [Cooper et al., 2012. Fig. 5, 11]. One of the «blade-points» was found in close proximity to a group of wild horse limb bones which were not gnawed by hyaenas, and which may represent the result of the hunt, the bones being splintered for marrow extraction [Cooper et al., 2012. Fig. 9]. If this kind of investigation can be carried out at Kostenki we will be in a much better position to

weigh the evidence for a «cultural» versus a functional explanation.

With regard to reliably dated human remains, there have been significant changes as compared with the situation 10 years ago, when it was reported that Neanderthal man lingered late in various localities, hence allowing for a considerable period of overlap with anatomically modern humans, some of whom (notably Vogelherd) have now been removed from the scene altogether (cf.: [Allsworth-Jones, 2004. P. 281—284]). At present, the earliest dated generally accepted modern human remains in Europe are those from Peștera cu Oase (36,2 k BP) but it must be remembered that there is no accompanying archaeological material. There is quite a gap between this date and the date now established for the Aurignacian related modern human remains at Mladeč (30,6—31,5 k BP). Still, these are not the only fossils likely to be associated with the Early (or Proto-) Aurignacian, if we take into account the burial at Kostenki 14 originally found in 1954 but now dated to 33,2 k BP, equivalent to a calibrated age of 36,9—38,8 k cal BP [Sinitsyn, 2013]. The date originally claimed for the modern human maxilla from Kent's Cavern (30,9 k BP) would not be discordant with the above, but the new Bayesian model estimate of 43,1—41,9 k cal BP is, for the reasons mentioned above. Right or wrong, its archaeological correlates, as at Peștera cu Oase, are not at all clear. The situation at Cavallo is the same. Layer EII-I has a date of 39,9 k BP, but there is some uncertainty concerning the context of the modern human deciduous teeth found there.

So far as Neanderthals are concerned, the most startling move backwards has been at Mezmaiskaya, previously 29,1 k but now 39,7 k BP. The dates for Spy (35,8 and 36,3) St Césaire (36,2) and the Grotte du Renne (35,4—40,9) have already been mentioned. The two new dates for the Vindija Neanderthals (32,4 k BP) are somewhat older than the previous age determinations, but the Oxford laboratory warns that they may still be too young. In general, with the tendency for the «long tail» of more recent dates for both Neanderthal and Middle Palaeolithic industries to be cut off, there is a shrunken window for their possible coexistence in Europe with anatomically modern humans and the Upper Palaeolithic. We have noted the suggestion above, on inferred genetic grounds, that Neanderthals may already have been a «threatened» species even before the arrival of modern humans, and after that event, at the extreme short end of the scale, the suggestion has been made that they could have become extinct within 30 generations [Roebroeks, 2008. P. 924].

Prior to that event, the Middle Palaeolithic industries of Europe were all made by Neanderthals, and the balance of probability is that the same applies to those industries termed «transitional». The late Roger Jacobi and his colleagues considered that the LRJ had its «evolutionary roots» in the Middle Palaeolithic and it is highly likely that the same applies to its analogues elsewhere. So far as the Châtelperronian is concerned, its association with Neanderthals at the Grotte du Renne and St Césaire is as sure as anything can be archaeologically. For the Jankovichian, the latest analysis claims that the tooth found by Hille-

brand at Dzeravá Skala is non-diagnostic, but the claim that the mandible excavated at Máriaremete is Neanderthal remains to be either confirmed or refuted [Allsworth-Jones, 2004. P. 282—283]. The teeth found in the Uluzzian layers at Cavallo have been redefined as modern, but, as noted above, there is some doubt about the stratigraphic homogeneity of those layers. No human remains have so far been associated with the Bohunician, hence there is no evidence for the assertion that it was manufactured by moderns. There is a technological similarity between that industry and the one at Boker Tachtit, but that does not prove any kind of direct link between the two, nor can we be sure that industries of this type «evolved» into the Upper Palaeolithic as such. It is fair to say that the arrival of the Aurignacian marked a true rupture, both in terms of its nature and of who was responsible for its manufacture.

Some of the salient differences between the Middle and Upper Palaeolithic, and their makers, are listed by Roebroeks in the form of nine points (2008. Tab. 1). He suggests that modern humans had a significant advantage in terms of «gracile energetically less costly bodies» and that they had a broader choice of prey, which may in turn have been linked to lower infant mortality and longer life expectancy. Technologically, apart from the introduction of a sophisticated blade technology, they replaced spears (such as we have seen in the LRJ) by projectile points, in bone, antler, and ivory, as well as stone. On-site structures such as hearths became common and burials became much more elaborate. The geographical area inhabited became more extensive. Finally, there was the commencement of parietal art, as well as an abundance of portable ornaments such as had not been seen before. Some of the most remarkable of these pieces, from Hohlenstein-Stadel, Hohle Fels, Geissenklösterle, and Vogelherd, are illustrated in Jill Cook's recent book on «Ice Age Art» (2013. P. 26—57). Not unreasonably she refers to the whole process as «the arrival of the modern mind». All in all, it was a dramatic change.

So in what way did it come about? Pettitt, in commenting on the revised dates for Mezmaiskaya [Golovanova et al., 2010. P. 683] made the point that the biogeographical

processes involved must surely have been «too complex to be treated as one generalized archaeological phenomenon». In the light of the changes in our knowledge over the last ten years, summarized above, I think this is a fair assessment. So far as Europe is concerned, replacement is the dominant mode which we can discern. Some contact and exchange between the different populations is on the face of it likely, and in that case acculturation is still a possibility, which requires to be tested further, but it is by no means the only mechanism or interpretation that we need to consider.

Adieu

At the end of it all, here we are on one side of the divide, and there is Neanderthal man on the other. He has often been sadly traduced. Marcellin Boule's reconstruction of the «Old Man» found at La-Chapelle-aux-Saints in 1908 did him no favours. It helped to provide the image of Neanderthal man («simpler and lower than we are») used by otherwise well-meaning writers such as H. G. Wells (1951. P. 87). This so enraged William Golding that he provided quite a different narrative (1955). Golding was a novelist (a point that would surely have appealed to Mikhail Anikovich since he himself was one) and no archaeologist. But the point he made was valid. Today, we can see a fuller, rather sympathetic, reconstruction of the «Old Man» of La-Chapelle-aux-Saints which no doubt is nearer to the truth [Roberts, 2011. P. 158—159]. We continue to spend our time looking for him, and we remember those of our colleagues who did the same.

Acknowledgements

Thanks go to Nadezhda Platonova for inviting me to contribute to the present volume. For discussion and references I thank Rob Dinnis, Rupert Housley, and Chris Stringer. I am however solely responsible for what is said here, which I offer as a tribute to a man who was not only a colleague but also a friend.

Ф. Олсворс-Джоунс

ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ: КАК, КОГДА, КТО И ПОЧЕМУ?

Введение

Впервые с работами Михаила Аниковича я познакомился в 1986—1987 гг., занимаясь подготовкой статьи о селете и переходе от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Европе (сначала для Мирового археологического конгресса в Саутгемптоне, а затем для конференции «Origins and Dispersal of Modern Humans» в Кембридже, организованной Полом Мелларсом). Меня очень заинтересовал его анализ индустрии 3-го слоя Костенок 12 (Волковской), а также обзор по раннему верхнему палеолиту Молдавии, написанный совместно с Ильей Борзияком и Хизри Амирхановым [Anikovich, 1977; Amirkhanov et al., 1980; Allsworth-Jones, 1990. P. 215—229. Tab. 7. 13]. Несколько позже он изложил свои взгляды в статье в «Journal of World Prehistory» (1992). Он противопоставлял индустрии, которые называл «архаичными» (типа брынзенской в Молдавии и костенковско-стрелецкой на Дону) другим современным им индустриям, где архаичные черты отсутствовали (спицынская). При всех своих различиях эти индустрии сосуществовали. Отсюда постулировалось, что культуры, подобные спицынской, «послужили катализатором для развития архаичных культур», местное происхождение которых считалось безусловным [Anikovich, 1992. P. 241]. Аникович развивал эту аргументацию на протяжении всей своей последующей карьеры, утверждая, что верхнепалеолитические в полном смысле слова индустрии, такие как спицынская, «оказывали культурное влияние» на их «симбиотических» (т. е. «архаичных») соседей, которые трансформировались в результате «процесса аккумуляции» [Anikovich, 2008. P. 15—18]. Этот процесс вел также к «ассимиляции» «коренного неандертальского населения», которое рассматривалось в качестве создателей стрелецкой и иных подобных индустрий.

Я высказал идеи того же рода в своей книге о селете, которую завершил словами, что как эта индустрия, так и шательперрон вписываются в аккумуляционную модель и что начало верхнего палеолита неслучайно совпало с «приходом анатомически современных людей и прекращением существования неандертальцев, которые, по-видимому, унесли с собой и шательперрон с селетом» [Allsworth-Jones, 1986]. Михаил Аникович знал об этих идеях, и во время моих приездов в Россию начиная с 1992 г. у нас была возможность обсудить их при встречах в С.-Петербурге и в Костенках. Мы говорили и о многих других вещах, и

поскольку в целом он чувствовал, что мы были единомышленниками, наши встречи были сердечными и памятными.

Преистория и изучение четвертичного периода, однако, не стоят на месте, и всегда необходимо принимать во внимание появление новых методов и новых открытий. Я учел это, когда получил приглашение участвовать в конференции «Neanderthals and Modern Humans in Late Pleistocene Eurasia», состоявшейся на Гибралтаре в 2001 г. [Finlayson, 2001]. Я решил назвать свой доклад «The Szeletian Revisited», и впоследствии, благодаря Иржи Свободе, его обновленная версия была опубликована в Брно [Allsworth-Jones, 2004]. Видимо, имеет смысл повторить здесь основные соображения, высказанные мной в той работе. Стоит также подчеркнуть то обстоятельство, что, согласно парадигме, преобладавшей в 1986 г., европейские неандертальцы эволюционировали в современных людей, и этот процесс сопровождался трансформацией местного среднего палеолита в верхний. В последующие годы баланс мнений резко сместился в пользу гипотезы замещения, ключевым компонентом которой является представление о частичном сосуществовании двух этих видов, нашедшее, в частности, отражение в названии сборника, изданного под редакцией Н. Конарда в 2006 г.: «Когда неандертальцы и современные люди встретились». Поскольку в условиях сосуществования некое взаимодействие между двумя популяциями становилось практически неизбежным, я заключил, что главным теперь является вопрос о том, каков именно был характер этого взаимодействия. Мой вывод, сделанный на основании имевшихся тогда данных, состоял в том, что неандертальцы оставались связанными со средним палеолитом и с янковичьеном, тогда как ориньяк был делом рук только анатомически современных людей. Детальный анализ радиоуглеродных дат из Центральной Европы указывал, как и прежде, на сосуществование ориньяка с селетом, а также с богуннице и ежмановице (например в Нетопежовой). Таким образом, я остался при мнении, что гипотезу аккумуляции все еще можно отстаивать. Вместе с тем я признал, что для прояснения многих важных вопросов, относящихся, в частности, и к начальному верхнему палеолиту Центральной Европы, «необходимы дополнительные исследования, включая как пересмотр старых коллекций, так и, если возможно, раскопки новых памятников».

Более того, я добавил к сказанному, что, «вполне возможно, всего через несколько лет ситуация может выглядеть совсем по-другому» [Allsworth-Jones, 2004. P. 292]. Так и вышло. И прошло всего несколько лет. В мои намерения здесь не входит вдаваться в детали, касающиеся отдельных памятников (как это было сделано в той статье), кроме случаев, когда это будет совершенно необходимо. Идея скорее в том, чтобы попытаться дать общий обзор (*tour d'horizon*) современного состояния наших знаний, не стремясь при этом непременно отстоять какую-то конкретную гипотезу, но уделяя особое внимание тем вопросам, которые для Михаила Аниковича и для меня всегда были на переднем плане.

Новые методы датирования и последствия их появления

Недавние усовершенствования в методах датирования коренным образом изменили наше поле зрения проблемы. Эти усовершенствования затронули как радиоуглеродное датирование кости и древесного угля, так и тефрохронологию. Что касается первого, то основополагающая работа была проведена в Оксфордской радиоуглеродной лаборатории [Higham et al., 2006a; Mellars, 2006; Higham, 2011]. Очистка образцов костного коллагена посредством ультрафильтрации, позволяющей удалить контаминанты ниже определенного молекулярного веса, и очистка образцов древесного угля методом влажного окисления с последующим ступенчатым сжиганием (ABOx-SC) вместо применявшейся прежде кислотнo-щелочной очистки (ABA) привели к получению целой серии дат, оказавшихся заметно древнее предыдущих, полученных по тем же материалам. Как замечает Хигхэм [Higham, 2011], приходится заключить, что «до 70 % древнейших радиоуглеродных дат, фигурирующих в литературе, могут быть омоложенными». Из плюсов следует отметить, что выразившиеся прежде опасения относительно искажающих хронологию «резких колебаний» содержания радиоуглеродного газа в атмосфере, возможно, неоправданны ([Higham et al., 2006a; Mellars, 2006]; ср.: [Allsworth-Jones, 2004. P. 284]) и что методы калибровки дат (IntCal09) также были усовершенствованы. Преимущество же тефрохронологии в том, что она дает метод датирования, не зависящий от радиоактивного углерода. Сначала эти исследования проводились на макропеплах, и уже они дали поразительные результаты. Так, еще с 1970-х гг. было известно, что сильное извержение произошло в позднем плейстоцене в районе Флегрейских полей в Италии, а в 1984 г. Мелекесцев с коллегами выявили следы этого извержения в России, и в частности в Костенках. Их вывод был подтвержден Пайлом с соавторами [Pyle et al., 2006] на основании детального химического, микроэлементного и гранулометрического анализа. Дальнейший прогресс в этой области достигнут в настоящее время благодаря изучению микропеплов (или криптопеплов), невидимых невооруженным глазом [Lowe et

al., 2012; RESET, 2013]. Проект RESET (RESponse of humans to abrupt Environmental Transitions — Ответ людей на резкие природные изменения), осуществлявшийся в 2008—2013 гг., имел целью построение «пространственной сети пеплов» (*tephra lattice*), которая позволила бы надежную синхронизацию отложений по всей Европе и сопредельным регионам. Особенно важны для нашей темы исследования следов кампанского игнимбритового извержения (т. е. извержения во Флегрейских полях). В частности, в Костенках благодаря им удалось не только получить надежную хронологическую шкалу для рассматриваемого периода, но и разрешить наконец явное противоречие между радиоуглеродными датами, с одной стороны, и датами, полученными с помощью иных методов, — с другой [Anikovich et al., 2007; Hoffecker et al., 2008; Douka et al., 2010; Sinitsyn, 2013].

На основании аргон-аргоновых (Ar^{40}/Ar^{39}) дат среднее взвешенное значение возраста кампанского игнимбрита может быть определено как 39,3 тыс. л. н. ([Pyle et al., 2006]; ср.: [RESET, 2013]: 39 135—39 225 л. н.). Ранее на основании некалиброванной радиоуглеродной даты, полученной по древесному углю, считалось, что соответствующий горизонт Костенок 14 (Маркина гора) имеет возраст $32\,420 \pm 440$ л. н. (GrA-18053). Эта дата и другие, с широким разбросом значений, определенно создавали проблемы при интерпретации памятника [Hoffecker et al., 2008]. Теперь применение методики ABOx-SC к тому же древесному углю позволило получить дату $35\,080 \pm 240$ л. н. (OxA-19021), калиброванное значение которой составляет $40\,990—39\,340$ л. н. [Douka et al., 2010]. Как утверждают Дука с соавторами, это первое радиоуглеродное определение возраста археологического образца, давшее значение, сопоставимое с «календарным возрастом» кампанского игнимбрита. Совпадение дат, полученных разными методами, позволяет с оптимизмом смотреть в будущее. Важно отметить, что индустрия раннего верхнего палеолита в Костенках 14 зафиксирована сейчас и под горизонтом пепла, и в самом этом горизонте, и над ним. На основании таких артефактов, как пластинки дюфур, она была отнесена к протоориньяку [Hoffecker et al., 2008. Fig. 6], тогда как еще ниже залегающий слой IVб, тоже являющий резкий разрыв со средним палеолитом, рассматривается лишь как «в целом» верхнепалеолитический. Напротив, стрелецкая индустрия именуется «переходной», хотя в сводке Аниковича с соавторами [Anikovich et al., 2007] проскальзывает также мысль, что она может представлять собой «функциональный вариант ... связанный с разделкой крупных животных».

Ниже пепла до сих пор было найдено лишь два изолированных человеческих зуба, предварительно определенных как зубы анатомически современных людей, но представляется, что сейчас можно по-новому посмотреть на погребение, открытое на Маркиной горе в 1954 г. [Sinitsyn, 1996. С. 284—285. Fig. 4C, 15; Sinitsyn, 2013]. Могильная яма, впущенная из низов слоя III, прорезает горизонт вулканического пепла. Скелет был в очень хорошем состоянии, но не сопровождался ка-

кими-либо характерными артефактами. Он всегда считался анатомически современным, хотя мнения относительно его точного статуса разнились. Сейчас он имеет дату $33\,250 \pm 500$ л. н., эквивалентную калиброванному возрасту $36,9\text{—}38,8$ тыс. л. н., и Синицын [Sinitsyn, 2013] предположил, что его связь с протоориньяком кажется теперь «более вероятной». В целом же утверждается, что современные люди появились на Дону не позже, чем в каких бы то ни было еще районах Северной Евразии [Anikovich et al., 2007].

Напротив, кавказские неандертальцы, для которых одно время постулировался относительно поздний возраст, отступили глубже в прошлое. В Мезмайской пещере на Северном Кавказе скелет новорожденного неандертальца из слоя 3 получил первоначально дату $29\,195 \pm 965$ л. н., но фрагменты черепа младенца из перекрывающего слоя 2 датированы теперь (с использованием ультрафильтрации) временем $39\,700 \pm 1100$ л. н. (OxA-21839), что равно $42\,300\text{—}45\,600$ кал. л. н. [Pinhasi et al., 2011]. В Закавказье похожие даты получены для позднего среднего палеолита стоянок Ортвала Клде, Сакажиа и Ортвала [Pinhasi et al., 2012]. Можно предполагать, таким образом, что на Кавказе не было ни неандертальского рефугиума, ни взаимодействия неандертальцев с современными людьми. Там нет индустрий, которые бы можно было определить как «переходные», а ранний верхний палеолит слоя 1С Мезмайской (с остриями и пластинками с притупленным краем) сопоставляется с ахмаром Ближнего Востока, а не с ориньяком [Golovanova et al., 2010. Fig. 14]. Результаты, полученные для Мезмайской пещеры, подтверждают предостережение Мелларса [Mellars, 2006], что новые способы датирования вполне могут стать суровым испытанием для череды сравнительно поздних дат, связываемых со средним палеолитом и, следовательно, с европейскими неандертальцами в целом.

Центральная Европа

Кампанский игнимбрит не распространился в Центральную Европу, и здесь мы лишены этого маркера. Число радиоуглеродных дат, полученных с использованием ультрафильтрации, для этого региона пока также невелико. Тем не менее здесь также имел место ряд подвижек — как в плане переоценки старых находок, так и в плане новых раскопок некоторых ключевых памятников и новых открытий.

Большое внимание в последние годы привлекала пещера Виндия. Одной из причин этого было наличие в слое G1 неандертальской нижней челюсти и теменной кости со сравнительно поздними радиоуглеродными датами $29\,080 \pm 400$ и $28\,020 \pm 360$ л. н., а другой — их предполагаемая связь с найденными в этом же слое костяными наконечниками с расщепленным и нерасщепленным основанием [Allsworth-Jones, 2004. С. 282—283, 288—289]. По сохранившимся в оксфордской лаборатории мелким остаткам (костный порошок) оригинальных образцов было произведено их передатирование с использованием ультрафильтрации.

Новые даты для челюсти и височной кости составили $32\,460 \pm 1800$ и $32\,400 \pm 800$ л. н., соответственно [Higam et al., 2006b]. Авторы исследования предостерегают, что даже эти даты могут занижать реальный возраст. Кроме того, в 2004 г. Зильяо имел возможность изучить артефакты из слоя G1. На его взгляд, большинство «орудий» из этого слоя, упоминавшихся ранее Караваничем, представляют собой всего лишь предметы с поврежденными краями, хотя листовидный бифас признан настоящим [Zilhão, 2009. Fig. 3h]. Зильяо согласен, что в слое G/F есть ряд типично ориньякских изделий, и полагает, что наконечник с расщепленным основанием мог, скорее, быть связан с ними. Неандертальские же останки, по его мнению (базирующемуся, по сути, на наличии упомянутого листовидного бифаса), с большей вероятностью можно связать с селетом. Ясно, что доказать это нельзя, поскольку, как подчеркивает Зильяо, слой G1 представляет собой сложный палимпсест, сильно затронутый постдепозиционными смещениями, а это значит, что, как я писал в 2004 г., «было бы рискованно считать этот слой гомогенным». Тем не менее я все же думаю, что в предположении Зильяо есть смысл, хотя я и поправил бы его в одном отношении. Листовидный бифас, фотографию которого он приводит, выглядит точно как некоторые вещи из пещеры Янкович, так что, возможно, именно там лежат наилучшие аналогии.

В противоположность Виндии, наше понимание ситуации в пещере Джерава Скала удалось существенным образом уточнить. Это произошло благодаря новым раскопкам, проводившимся в 2002—2003 гг. и вскрывшим площадь 8 м^2 [Kaminská et al., 2005]. Пещера впервые исследовалась Гиллебрандом в 1912—1913 гг., а затем Прошекком в 1950 г. Хиллебранд обнаружил в его нижних слоях 4 и 5 листовидный бифас и костяной наконечник с расщепленным основанием [Allsworth-Jones, 1986. Fig. 33: 5—6]. Прошек тоже нашел листовидные острия и костяные наконечники в базальной пачке слоев 5—11. Он рассматривал их как части единого комплекса, но впоследствии это мнение было поставлено под сомнение. Новые исследования стратиграфии пещерных отложений (всего 12 слоев, некоторые из них с более дробными подразделениями) внесли ясность в этот вопрос. Слои 3—5 и 9—5a' дали артефакты, относимые, соответственно, к граветту и ориньяку. Залегающий над базальными песчаными отложениями слой 11 содержал в своей средней части (глубина 220—230 см) следы индустрии с листовидными остриями [Kaminská et al., 2005. Fig. 18]. Таким образом, эта индустрия и ориньяк отличны друг от друга. Мощность слоя 11 достигает 80 см и, вероятно, его формирование растянулось на длительное время. Артефакты рассеяны по всей его толще, и их распределение по вертикали указывает на то, что появились они тут не в результате единичного события. Часть известняковых обломков действительно попали в пещеру через «камин» в ее тыльной части, и есть также некоторые признаки криотурбации, как отмечал Прошек. Тем не менее авторы новых раскопок приходят к выводу, что воздействие постдепозиционных факторов

было не настолько значительным, чтобы нарушить целостность выделенных слоев [Kaminská et al., 2005. P. 84—85, 222—223].

Всего для памятника имеется 19 радиоуглеродных дат, 7 из которых были получены в оксфордской лаборатории с использованием ультрафильтрации [Kaminská et al., 2005. P. 62—63. Tab. 1]. Есть также две даты ОСЛ. Некоторые — но не все — радиоуглеродные даты из других лабораторий выглядят заведомо омоложенными. Если основываться преимущественно на оксфордских датах, то можно сказать, что граветт в слое 5 имеет возраст около $24\,760 \pm 130$ л. н. (OxA-13861). Есть 5 дат для ориньяка из слоев 9 и 5a', варьирующих от $33\,333 \pm 820$ до $37\,370 \pm 2060$ л. н., причем оксфордское определение попадает в середину: $35\,100 \pm 400$ л. н. (OxA-13860). Оно хорошо согласуется с датой ОСЛ для этого же слоя: $35\,900 \pm 3000$ л. н. (K0085). Слой 11 стратиграфически расчленен на три части. Средняя, как уже говорилось, содержала индустрию с листовидными острьями. Для нее есть открытая (вследствие малого количества пригодного для датирования коллагена) оксфордская дата $> 44\,600$ л. н. (OxA-13973). Для верхней части слоя получена дата $36\,920 \pm 470$ л. н. (Beta-173342), а для нижней — $47\,000 \pm 2300$ л. н. (OxA-13859) и $49\,700 \pm 3000$ л. н. (OxA-14247). Кроме того, для средней части слоя (глубина 225 см) есть дата ОСЛ $57\,000 \pm 4900$ л. н. (K0082), которая (если не принимать во внимание калибровку) значительно древнее остальных. Было высказано предположение, что этот комплекс может относиться скорее к микроку, а не к селету, как считалось ранее [Kaminská et al., 2005. P. 64]. Однако один из костяных наконечников с нерасщепленным основанием из коллекции Прошека 1950 г. показал при датировании средний возраст $31\,000—31\,600$ л. н. (OxA-15534/15535). Датировать другие костяные острья оказалось невозможно, да и единственное имеющееся определение получено по слишком малому количеству коллагена, и все же оно подкрепляет мнение, что листовидные острья и костяные наконечники не принадлежат к одному комплексу.

Как и во многих других пещерах региона, среди найденных на памятнике костных остатков крупных млекопитающих преобладают кости пещерного медведя (57,9 % от общего числа определимых находок), которые особенно обильны в слоях 9 и 11. На втором месте заяц (26,6 %), его костей особенно много в слое 9 и в более поздних слоях. Это дает основание полагать, что обитатели пещеры охотились в основном на животных мелкого или среднего размера.

На мой взгляд, колонка, зафиксированная в Джераве Скале, служит отличным подкреплением мыслей, высказанных Габори-Ксанк относительно существования в этой части Карпатского бассейна явления, которое она назвала янковичьеном (бывший «задунайский селет»), а также относительно его природы ([Gábori-Csánk, 1993]; ср.: [Allsworth-Jones, 1986. P. 111—123; 2003]). Она считала его независимым от селета Бюккских гор, более древним, чем последний, никак не связанным с ориньяком (несмотря на частое присутствие на памятниках янковичьена костяных наконечников с

расщепленным и нерасщепленным основанием) и обладающим хорошо выраженными среднепалеолитическими и леваллуазскими чертами. Впервые удалось датировать памятник, принадлежащий к этой группе, и прояснить соотношение ее с ориньяком.

Некоторые новшества имели место и в исследовании богунице, которое теперь рассматривается как отдельная «леваллуазско-пластинчатая» индустрия, но на эпонимном памятнике первоначально определялось также как часть селета [Valoch, 1976]. Как отмечалось ранее [Allsworth-Jones, 2004. Tab. 2, 4], раскопки в Странской Скале (7 км к востоку от Богунице) показали, что ориньяк на этом памятнике залегает над богунице, тогда как на самой стоянке Богунице он отсутствует. В этой связи приводилось шесть радиоуглеродных дат, для ориньяка варьирующих от $32\,600 + 1700/-1400$ до $30\,980 \pm 360$ л. н., а для богунице — от $41\,300 + 3100/-2200$ до $38\,200 \pm 1100$ л. н. Новые даты, опубликованные Свободой [Svoboda 2006. Tab. 2, 5], раздвинули хронологические рамки обеих индустрий несколько шире, чем прежде, с некоторым перекрытием, но их стратиграфическое соотношение не ставится под сомнение. В самом Богунице, на участке, смежном с пунктом Кейбалы IV, в непосредственной близости к кирпичному заводу, в 2002 г. были проведены новые раскопки [Richter et al., 2008. Fig. 1]. Ранее были опубликованы две радиоуглеродные даты из раскопок в Кейбалах I и II: $40\,173 \pm 1200$ (Q-1044) и $41\,400 + 1400/-1200$ (GrN-6802) л. н., соответственно [Valoch, 1976]. Впоследствии две даты были получены для раскопа на кирпичном заводе, а еще три (одна из них открытая) по материалам из недавних раскопок на памятнике [Richter et al., 2008. Tab. 1, 878], но, как пишут авторы публикации, «они не проясняют картину». По этой причине было принято решение попытаться получить ТЛ даты по 11 образцам (9 артефактов, один из которых представлен тремя частями), точное стратиграфическое положение которых осталось неизвестным. Взвешенное среднее значение дат оказалось равным $48\,200 \pm 1900$ л. н._{TL}, что можно считать весьма удовлетворительным результатом.

Новые раскопки подтвердили, что на памятнике имеется только один археологический слой и что листовидные острья (изготавливавшиеся на месте) являются неотъемлемой частью комплекса, как и предполагалось изначально [Richter et al., 2008. Fig. 2]. Должен заметить, что я никогда не сомневался в этом [Allsworth-Jones, 1986. P. 143—144]. С самого начала существовало понимание того, что в Богунице представлена очень продвинутая форма техники леваллуа, дальнейшее развитие которой могло вести к пластинчатой технике верхнего палеолита [Valoch, 1976. P. 52, 55]. Тем не менее, как пишет Свобода, по сей день «технология богунице рассматривается разными авторами по-разному, то как связующее звено между культурами среднего и верхнего палеолита, то как эволюционный тупик» [Svoboda, 2006. P. 15]. Если мы не знаем, какова была ее последующая история, то что можем сказать насчет ее происхождения? Для справки хочу указать на тот факт, что я был одним из первых,

кто заметил технологическое сходство между индустрией, открытой в Богунице, и некоторыми индустриями, известными на Ближнем Востоке, особенно в Кзар Акиле и Бокер Тахтит [Allsworth-Jones, 1976; 1986. P. 194—196]. Другими коллегами сопоставление этих комплексов было детализировано, например, посредством ремонта, показавшего, что в обоих случаях имел место похожий подход к эксплуатации объема нуклеусов и направленности их срабатывания. В результате возникло предположение, высказанное, например, Хоффекером [Hoffecker, 2009], что богунице представляет собой свидетельство движения анатомически современных людей с Ближнего Востока в Центральную Европу. У меня есть некоторые сомнения относительно обоснованности такого истолкования. Если мы обратимся к Крыму, до сих пор не фигурировавшему в этом споре, то обнаружим там хорошо изученную индустрию, известную как западно-крымское мустье [Chabai, 2000; 2004]. Это была леваллуазская индустрия, причем присущие ей методы срабатывания нуклеусов со временем заметно менялись, постепенно приближаясь к объемной технологии, похожей на верхнепалеолитическую. Я не утверждаю здесь, что между этой индустрией и богунице существовала связь. Просто следует иметь в виду, что индустрии, основанные на леваллуазской технологии, в целом могут являть тенденцию конвергентного и независимого развития в таком направлении. Что же касается людей, то у нас пока нет никаких данных о том, кто именно делал эти артефакты.

Что касается ориньяка, то здесь большую важность имеют памятники Швабской Юры, особенно Гейсенкlostерле и Холефельс. Информация по Гейсенкlostерле была суммирована в предыдущей работе [Allsworth-Jones, 2004. P. 284—286], и сказанное там в основном сохраняет силу. Первый исследователь памятника Йоахим Хан подчеркивал, что памятник содержит только два настоящих первичных ориньякских слоя — Пб и Ша, или типичный и ранний ориньяк. На основании дат, полученных по костям, связь которых с культурными горизонтами не вызывала сомнений, был сделан вывод, что средний радиоуглеродный возраст этих слоев составляет, соответственно, $33\,500 \pm 350$ и $38\,400 \pm 850$ л. н. ТЛ даты для раннего ориньяка показали, однако, среднее значение $40\,200 \pm 1500$ л. н. Впоследствии были получены новые радиоуглеродные определения [Conard, Bolus, 2008], согласно которым (в числе прочего) для раннего ориньяка постулируется возраст примерно от 33 до 37 тыс. л. н., хотя авторы признают, что в данном случае мы имеем «сигнал с помехами», и отвергают даты, полученные для нижележащих среднепалеолитических слоев (от 31 до 42 тыс. л. н.), как слишком поздние. Большинство новых определений было сделано в кильской лаборатории и без использования ультрафильтрации, так что к данному случаю предостережение Хигхэма [Higham, 2011] относится в полной мере. Фактически и сами авторы при характеристике раннего ориньяка Гейсенкlostерле предпочитают по-прежнему полагаться на ранее опубликованную ТЛ дату ($40\,200 \pm 1500$ л. н.). Они

подчеркивают важность стратиграфических наблюдений и сосредотачивают свои усилия на выделении дискретных антропогенных объектов в слоях ориньяка, в частности в Холефельс [Conard, Bolus, 2008. Fig. 7]. Стратиграфия памятников Швабской Юры ясно показывает, что верхний палеолит начинается здесь с ориньяка, который всегда отделен от нижележащего среднего палеолита стерильными отложениями, причем нет ни смешения слоев двух этих эпох, ни каких-либо следов плавного перехода между ними.

Ранее даты от $34\,100 \pm 1200$ — 1000 до $38\,880 \pm 1530$ — 1280 л. н. были приведены также для ориньяка из 3-го слоя Виллендорфа II [Allsworth-Jones, 2004. Tab. 2]. Новые исследования, включая изучение материалов из раскопок 1908/1909 гг., оставшихся нераспакованными (!), подтвердили прежнее определение этой индустрии и позволили заключить, что технологически она очень близка раннему ориньяку из Гейсенкlostерле, но отлична от богунице [Nigst, 2006].

Возникает вопрос, какой же в свете сказанного видится позиция Селеты и Ишталлошко? По этим памятникам были опубликованы новые данные [Adams, Ringer, 2004], а благодаря любезности Брайана Эдамса, загодя предоставившего мне сведения о вновь полученных радиоуглеродных датах, я смог учесть их в своей предыдущей сводке ([Allsworth-Jones, 2004. Tab. 5]; следует заметить, что нумерация слоев в этой работе несколько отличается от той, что дают Эдамс и Рингер). Что касается Селеты, то утверждается, что дата в $42\,960 \pm 860$ л. н. для низов слоя 4 предшествует раннему селету, а вот дата $26\,002 \pm 182$ л. н. из этого же слоя (в привходовой части пещеры) может рассматриваться как более надежная оценка его (раннего селета) возраста. Для развитого же селета принимается дата $22\,107 \pm 130$ л. н., полученная для слоя 7а. В Ишталлошко есть две новые даты для слоя ориньяка II ($27\,933 \pm 224$ и $31\,604 \pm 295$ л. н.), а также дата $29\,035 \pm 237$ л. н. для ориньяка I/II и две даты для слоя ориньяка I ($32\,701 \pm 316$ и $33\,101 \pm 512$ л. н.). Более ранние датировки для ориньяка Ишталлошко не берутся во внимание, и, как пишут авторы, если принимать приводимые ими новые даты, то следствием этого должно стать значительное омоложение и ориньяка, и селета Бюккского региона. Даты, опубликованные для Ишталлошко, вполне сопоставимы, например, с определениями, полученными для слоя Пб в Гейсенкlostерле, но можно ли их и в самом деле считать приемлемыми для индустрии, которая, будучи бедной каменными изделиями, содержит большое количество костяных наконечников с расщепленным основанием? Что касается Селеты, то, как я уже замечал, у меня есть сомнения относительно постулируемой стратиграфической корреляции между слоями, вскрытыми в привходовой части пещеры [Adams, Ringer, 2004. Fig. 3], и слоями в ее тыльной части. Кадич отмечал наличие светло-желтого слоя (которому он не дал отдельного номера) в верхах его слоя 7 в привходовой части, и возникает вопрос, не может ли в действительности дата $22\,107 \pm 130$ л. н. относиться именно к этому образованию? (В пещере есть находки, которые типологи-

чески можно отнести к граветту.) Вертеш получил для развитого селета из слоя 7 в тыльной части пещеры дату $32\ 620 \pm 400$ л. н., и я не вижу причин подвергать ее сомнению. Таким образом, ранний селет в тыльной части пещеры может иметь возраст где-то между этой датой, с одной стороны, и датой в 43 тыс. л. н., имеющейся для основания колонки, — с другой. Определить его точнее сейчас вряд ли возможно, точно так же, как нельзя пока точно определить и возраст ориньяка I в Ишталлошко.

Новые раскопки подтвердили и даже усилили гипотезу, согласно которой оба памятника были одновременны. Эта идея основывалась на присутствии в каждом из них изделий, характерных для другого. В Селете в 1928 г., при непроясненных обстоятельствах [Allsworth-Jones, 1978], в слое, эквивалентном раннему селету, был обнаружен костяной наконечник с расщепленным основанием, и еще один костяной наконечник с утраченным основанием нашли в том же месте в 1947 г. [Allsworth-Jones, 1986. Fig. 16.5, 15.5]. В Ишталлошко Вертеш нашел два листовидных острья, подобных селетским, в ориньякских слоях I и II [Allsworth-Jones, 1986. Fig. 16: 1, 2]. Затем в 2000 г. Эдамс и Рингер [Adams, Ringer, 2004. P. 548] нашли в горизонте между этими двумя слоями еще одно листовидное острие, сделанное из того же «местного сырья, которое послужило для изготовления большинства листовидных острей, обнаруженных в Селете».

Как и для стрелецкой индустрии Костенок, для селетских памятников Бюкских гор тоже было выдвинуто предположение, что проще рассматривать их не как отражение аккультурации, а как орудийные «комплексы, связанные с охотой на крупных животных и разделкой их туш» [Hoffecker, 2009]. Зооархеологическое объяснение такого рода практически невозможно проверить при нынешнем положении вещей, поскольку бюкские памятники были раскопаны, по существу, целиком, причем характер раскопок не предусматривал обращения на их основе к вопросам, подобным этому. В целом в фауне этих и других центрально-европейских памятников преобладает пещерный медведь, что вновь подтвердили и раскопки в Джераве Скале. Как говорилось выше, считается, что для обитателей этой пещеры главным объектом охоты были млекопитающие мелкого и среднего размера (безусловно не пещерный медведь), и то же самое вполне могло иметь место на других стоянках. Это не значит, что данные стоянки не обладали своей спецификой. Более того, я не раз подчеркивал, что они вместе с совершенно отличающимися от них в «культурном» плане памятниками, такими как Мауэрн и Ранис, представляют собой «специализированные стоянки нерегулярного и большей частью весьма кратковременного обитания» [Allsworth-Jones, 1990. P. 191—200]. В случае с Селетой главную роль, несомненно, играло упоминаемое Эдамсом и Рингером «специфическое сугубо местное сырье». Названное поначалу «пепельно-серым халцедоном», позже оно было идентифицировано Вертешем и Тотом как «стекловатый кварцевый порфирит», источник которого находится в верховьях доли-

ны Татар-Арок в 3 км к югу от пещеры. Это сырье помогло определить характер индустрии. Но, независимо от данного чисто функционального аспекта, было бы, возможно, оправданно продолжать считать селет проявлением того, что Свобода назвал «консервативным способом мышления» или пережиточной «бифасиальной традицией» («bifacial memory») [Svoboda, 2006. P. 12].

Кардинальной ревизии и обновлению подверглась также оценка брынзенской индустрии или культуры в Молдавии, которая ранее рассматривалась как переходная от среднего к верхнему палеолиту. Образцы костей и зубов были отобраны в Брынзенах I и Чунту в 1992 г., а в 1993 г. в сотрудничестве с И. Борзияком и Н. Кетрару были проведены контрольные раскопки с целью уточнения датировок [Allsworth-Jones, 2000]. Радиоуглеродные даты были опубликованы в 1996 г., а результаты для Чунту — в 1997 [Hedges et al., 1996; Borzias et al., 1997]. Три даты для Чунту варьируют от $18\ 510 \pm 200$ до $22\ 100 \pm 220$ л. н. Отсюда Борзияк заключил, что Чунту правильнее относить к восточно-граветтскому технокомплексу. Даты для 3-го слоя Брынзен охватывают интервал от $14\ 700 \pm 130$ до $26\ 600 \pm 370$ л. н. Из них две даты, полученные по образцам, взятым в 1993 г., — $20\ 140 \pm 260$ и $19\ 780 \pm 260$ л. н. (OxA-4898 и OxA-4899) — попадают в середину этого интервала и дают наилучшую оценку возраста для данной части колонки. Очевидно, что они сопоставимы с датами для Чунту. Еще три датировки, выполненные позже, не меняют общей картины [Noiret, 2009. Tab. 57]. Высказывалось мнение, что результаты по Чунту «ставят под сомнение реальность брынзенской культуры» [Borzias et al., 1996. P. 298]. На мой взгляд, однако, стоило бы более осторожно подходить к принятию этих материалов в качестве доказательства возраста всего 3-го слоя Брынзен. Широкий разброс дат из внутренней части грота, а также большая мощность отложений позволяют предполагать, что слой формировался в течение длительного времени и что этот процесс не раз прерывался, так что последнее слово об этом памятнике, возможно, еще не сказано, тем более что и гомогенность археологических материалов не гарантирована. Нуарэ [Noiret, 2004; 2009] предпочитает объединять Брынзены, Гординешты и Корпач в единую прутскую культуру, которая существовала параллельно с ориньяком и граветтом, не предшествуя им. Какие-либо прямые данные о том, кто были создатели этих индустрий, до сих пор отсутствуют.

Для ориньяка Центральной Европы имеются человеческие останки из Младеча, причем в хорошем контексте, несмотря на то что впервые они были найдены еще в 1880-е гг. Зомбаты и другими [Svoboda, 2006]. Новые исследования на этом памятнике свидетельствуют о том, что материал накапливался в пещере, попадая туда через вертикальные трещины или камины, а для перекрывающего травертинового горизонта есть даты $34\ 160 + 520 / - 490$ и $34\ 930 + 520 / - 490$ л. н. Для четырех из костей, относимых к анатомически современным людям (Младеч 1, 2, 8 и 9а) сейчас имеются

прямые даты, полученные в венской лаборатории и варьирующие от 30 680 +380/–360 до 31 500 +420/–400 л. н. [Wild et al., 2005]. Открытие аналогичным же образом классифицируемых человеческих останков в пещере Оасе в Румынии [Trinkaus et al., 2003; Rougier et al., 2007] вызвало большой интерес, но следует помнить, что археологические материалы в данном случае отсутствовали, а антропологические находки — череп и нижняя челюсть — могли быть вымыты в пещеру [Roberts, 2009. P. 214]. Для нижней челюсти есть полученная с использованием ультрафильтрации открытая дата > 35 200 л. н. (OxA-11711) и закрытая дата 34 950 +970/–870 л. н. (GrA-22810). Их комбинированное значение 34 950 +990/–890 л. н. Предполагается, что череп и челюсть, хотя они и принадлежат разным индивидам, одновременны. При том что обе эти находки, согласно общему мнению, являются анатомически современными, было обращено внимание на две особенности челюсти, которые можно считать архаичными: крупные третьи моляры и наличие язычка лишь на одном из двух нижнечелюстных отверстий, находящихся с внутренней стороны на восходящих ветвях. Зуб (нижний правый второй моляр) ребенка из Джеравы Скалы, найденный Гиллебрандом в 1913 г., по заключению авторов недавнего исследования, не может быть с уверенностью отнесен ни к неандертальцам, ни к ранним современным людям [Tillier et al., 2005].

В настоящее время, при отсутствии общего стратиграфического репера, а также при том, что методы датирования, от которых так много зависит, находятся в процессе становления, трудно прийти к определенному выводу о ситуации в Центральной Европе. Возраст раннего ориньяка Швабской Юры, согласно ТЛ датам, около 40 000 л. н., чему не противоречат и радиоуглеродные определения для Виллендорфа II. Ориньяк в этом регионе не имеет явной связи с местным средним палеолитом и обычно рассматривается как пришлое явление. Богунице на эпонимном памятнике имеет, судя по ТЛ датам, возраст около 48 000 л. н., и в Странской Скале эта индустрия залегает ниже ориньяка. Ниже ориньяка лежит и характеризующийся листовидными острьями янковичьен Джеравы Скалы, для которого имеется открытая радиоуглеродная дата > 44 600 л. н. Обе эти индустрии предшествовали ориньяку и не могли ничего от него заимствовать. Археологические данные свидетельствуют, что в Бюккских горах ориньяк и селет существовали параллельно. На основании ранее полученных радиоуглеродных дат для обеих индустрий можно было предполагать древность порядка 40 000 л. н. Для селета это по-прежнему кажется вероятным и для ориньяка — в свете данных из других регионов — тоже было бы неудивительно. Предполагается также, что прутская культура в Молдавии развивалась параллельно с ориньяком и граветом, но имеющиеся радиоуглеродные даты слишком поздние, и от представления о брынзенской индустрии как о «переходной» следует отказаться. Анатомически современные люди пришли в этот регион, как показывает находка в Оасе, как минимум 35 000 л. н., хотя их

связь с ориньяком фиксируется лишь с 31 000 л. н. (в Младече). Неандертальцы в Виндии датируются теперь примерно 32 000 л. н., хотя на самом деле они могут быть древнее, так что степень сосуществования двух видов все еще остается предметом дебатов.

Северо-Западная и Южная Европа

Давно известно, что листовидные острья являются неотъемлемой частью раннего верхнего палеолита Британии [Allsworth-Jones, 1986. P. 181—188] и что существует связь между ними и материалами континентальных памятников, таких как Гойе, Спи, Ранис и Нетопежева. Эту общность теперь принято обозначать как Линкомб-Ранис-Ежмановице (или, для краткости, ЛРЕ). Наши знания о ЛРЕ значительно обогатились в последние годы благодаря работам группы АНОВ (Ancient Human Occupation of Britain — Заселение Британии древним человеком) и, особенно, покойного Роджера Джекоби [Ashton et al., 2011]. Ранее листовидные острья обнаруживали большей частью в пещерах, но теперь к числу памятников, давших такие находки, добавились две важные стоянки под открытым небом — Бидингс и Глэстон [Jacobi, 2007; Cooper et al., 2011]. Обе, как кажется, служили «наблюдательными пунктами». В Бидингсе не сохранилось никаких фаунистических остатков, в Глэстоне картина иная. Резонно полагать, что людей, пришедших сюда, привлекли запасы пищи в логовах гиен, но эти люди были также охотниками на лошадей. Находки раннего верхнего палеолита включают несколько листовидных острий со сплошной двусторонней обработкой, но преобладают изделия с частичной двусторонней ретушью, которые Джекоби именовал «пластинчатыми острьями» («blade-points») и которые для ЛРЕ являются ведущей формой. Материалы Бидингса дали возможность судить о том, какого рода артефакты сопровождали эту форму. Кроме 36 целых и фрагментированных острий, здесь имелось 44 орудия иных типов, включая несколько резцов и скребков, но, как заметил Джекоби, не было ничего такого, что могло бы указывать на «переходную» технологию, равно как ничего и чисто ориньякского. Характер поврежденных на «пластинчатых острьях» свидетельствовал, по его мнению, о том, что они служили наконечниками копий, или, как он выражался, «наконечниками оружия» («weapon-heads»). Таким образом, представляется, что в функциональном плане памятники ЛРЕ представляют собой следы летучих охотничьих экспедиций, результат кратких «эпизодов обитания» [Jacobi, Higham, 2011].

В рамках проекта АНОВ для ориньяка и ЛРЕ Британии было получено несколько новых радиоуглеродных дат. В таблице приведены те из них, которые Джекоби считал наиболее надежными (см. табл. 1).

Следует заметить, что костный образец OxA-10806 происходит из Галереи в Кентс Кейверн, из тех же отложений, что и бифасиальное листовидное острье [Jacobi, 2007. P. 282. Fig. 45, 46]. Дата OxA-4754 для

Пин Хоул получена по образцу кости гиены, найденной в тех же отложениях, откуда, видимо, происходит фрагмент «пластинчатого острья» из раскопок Армст-

ронга [Jacobi 2007. P. 291—293. Fig. 52]. Все даты, приведенные для ориньяка, получены по костяным артефактам [Jacobi, Higham, 2011. Fig. 11.10].

Т а б л и ц а 1

ЛРЕ			Ориньяк		
Бэдджер Хоул	ОхА-11963	36 000 ±450 л. н.	Хайина Ден	ОхА-13803	31 550 ±340 л. н.
Кентс Кейверн	ОхА-10806	36 750 ±450 л. н.	Апхил Куорри	ОхА-13716	31 730 ±250 л. н.
Бенч Куорри	ОхА-13512	36 800 ±450 л. н.	Пин Хоул	ОхА-15053	32 640 ±340 л. н.
Пин Хоул	ОхА-4754	37 800 ±1600 л. н.			

К этим датам надо добавить определения для Бидингса и Глэстона. В Бидингсе есть ТЛ дата 31 000 ±5700 л. н., полученная по обломку обожженного листовидного острья, но она рассматривается как минимальная. В Глэстоне получено пять радиоуглеродных определений для образцов из костеносной линзы, близ которой были найдены листовидные острья. Даты варьируют от 37 380 до 38 800 л. н. [Cooper et al., 2011. Tab. 2]. Их калиброванное значение при 1 σ равно 41 260—43 150 кал. л. н.

В свете сказанного совершенно очевидно, что ЛРЕ и ориньяк в Британии не были одновременны. Хотя артефакты, типичные и для той, и для другой индустрии, найдены теперь в коллекциях Кентс Кейверн, Пэвилэнда и Флиннон Буэно. Джекоби, проанализировав данные об их взаимном расположении и вероятных местах первоначального залегания, выдвинул резонные доводы в пользу связи их с разными, обособленными комплексами [Jacobi, 2007. P. 299]. Если это верно, как утверждали Джекоби [Jacobi, 2007] и Фляс [Flas, 2011], то, значит, нет причин привлекать гипотезу аккумуляции для объяснения особенностей ЛРЕ.

По мнению названных авторов, ЛРЕ имеет «эволюционные корни» в среднем палеолите и является делом рук неандертальцев. Есть даже предположение, что эту индустрию можно связывать с неандертальскими скелетами (I и II), найденными в Спи в 1986 г. [Semal et al., 2009; Flas, 2011]. По двум зубам этих скелетов получены радиоуглеродные даты 35 810 +260/–240 и 36 350 +310/–280 л. н. (GrA- 32623 и 32626). Заявляется при этом, что обе даты более подходят для комплекса ЛРЕ (представленного на памятнике как минимум 22 листовидными острьями), чем для позднемустьерского контекста. Реалистичность этого предположения возросла бы, если бы, как утверждается, погребения, с которыми связаны костяки, действительно были впущены в слой 2 из слоя 3. Доказать что-либо здесь трудно, но, как пишут авторы, новые даты согласуются с их гипотезой.

До совсем недавнего времени изложенная выше интерпретация последовательности событий в раннем верхнем палеолите Британии казалась цельной и внутренне непротиворечивой. Однако новые данные, полученные для Кентс Кейверн в результате пересмотра материалов из раскопок Артура Огилви 1926—1932 гг. и более поздних, отчасти ее подрывают [Jacobi, Higham, 2011; Higham et al., 2011]. Огилви раскопал Вес-

тибюль таким образом, что больше никаких отложений в этой части пещеры не осталось. В числе прочего в 1927 г. он нашел там, на глубине 10 футов 6 дюймов, фрагмент человеческой верхней челюсти и зубы, залегавшие под сталагмитовым слоем. Сэр Артур Кизс идентифицировал эти остатки как анатомически современные, а впоследствии для них в оксфордской лаборатории была получена дата 30 900 ±900 л. н. (ОхА-1621). В ходе новых исследований было установлено, что премоляр Р3 раньше ошибочно принимали за Р4, но анатомически современный характер находок подтвердился (13 признаков из 23 признаны современными, 7 недиагностируемыми, а 3 неандертальскими). Провести прямое датирование было невозможно, поэтому попытались определить возраст костей, залегавших выше и ниже. Их отобрали, руководствуясь старыми раскопочными дневниками («Kent's Cavern Excavation Journal») и шифрами на самих костях. На основе полученных для них дат была произведена оценка возраста челюсти: она попала в интервал от 41 890 до 43 110 кал. л. н. (при 1 σ). Ниже сталагмитового слоя было найдено лишь несколько пластин верхнепалеолитического типа, которые «невозможно отнести к какой-либо конкретной индустрии» [Jacobi, Higham, 2011]. Выше были найдены изделия позднеориньякского облика, хотя отмечалось, что они испытали воздействие солифлюкции и криотурбации. Предполагаемый возраст челюсти сопоставим с возрастом ЛРЕ (например в Глэстоне), но авторы публикации полагают, что связь с ориньяком «более вероятна» [Higham et al., 2011]. Если так, то, значит, можно говорить о двух эпизодах обитания ориньякцев в пещере, разделенных значительным хронологическим промежутком, который, как предполагается в той же работе, может соответствовать похолоданию в период 4-го события Хайнриха (Heinrich event 4). Очевидно, что этот сценарий радикально отличается от того, что прежде был предложен для раннего верхнего палеолита Британии.

Уайт и Петит выдвинули возражения против новой реконструкции ситуации в Кентс Кейверн [White, Pettitt, 2012]. По их мнению, раскопки Огилви и его методы фиксации были столь несовершенны, что полагаться на них слишком рискованно. Например, в 1928 г. он сам отметил, что замеры глубин, сделанные в 1927 г., имеют погрешность в 1 фут. Кроме того, известно, что Вестибюль служил логовом для гиен и что существовали также другие возможные причины на-

рушений и смещений. Многие из опубликованных радиоуглеродных дат статистически не различаются, что удивительно и может означать переотложение внутри пещеры. Уайт и Петит заключают, что возраст, провозглашаемый для челюсти, «не столь надежен, как утверждается». Можно не соглашаться с какими-то доводами критиков, но это не избавляет от беспокойного ощущения, что их заключительный вывод, возможно, верен. Сценарий, предложенный Джекоби и Хигхэмом, настолько расходится с тем, что мы знаем о раннем верхнем палеолите Британии, что было бы благоразумно не торопиться принимать на веру новые датировки, пока не удастся все тщательно проверить.

Давно было очевидно, что шательперрон Западной Европы в целом аналогичен «переходным» индустриям Центральной Европы [Allsworth-Jones, 1986. P. 188—190, 217—218]. Ключевую роль здесь играл грот Олена в Арси-сюр-Кюр, но решение горячо дебатированного вопроса о соотношении шательперрона и ориньяка на этом памятнике осложнялось неувязками с радиоуглеродными датами для этих индустрий. Оксфордская лаборатория предприняла амбициозный новый проект, нацеленный на решение данной проблемы [Higham et al., 2010]. Результаты, однако, оказались иными, чем ожидалось. Для слоев с V по XII, включая протоориньякский слой VII и шательперронские слои VIII—X,

получили 31 технически удовлетворительную дату, но анализ других 19 образцов оказался безрезультатным. Пять дат для слоя VII дали среднее значение 34 800 ±300 л. н., признанное удовлетворительным, но для слоев VIII—X разброс дат оказался слишком широк (от 21 000 до 49 000 л. н.), а последовательность внутренне противоречива. Был сделан вывод, что материал смешан, слои не гомогенны, а потому четко ответить на вопрос, кто какие орудия делал, в данном случае нельзя.

Поразительно, но совсем немного времени спустя для того же памятника были опубликованы совершенно иные даты, полученные другой группой исследователей, но с использованием тех же методов ультрафильтрации и калибровки, что применяются в Оксфорде [Hublin et al., 2012]. Сорок образцов из слоев VII—XI были подготовлены в Институте им. Макса Планка, а затем продатированы в Центре Курта Энгельгорна в Мангейме. На 13 образцах были следы антропогенного воздействия (работы), на остальных не было, а главным критерием отбора (наряду с точно зафиксированным положением в слое) служила сохранность кости. Результаты оказались полностью совместимы со стратиграфией Леруа-Гурана [Hublin et al., 2012. Fig. 53]. Размах дат показан в таблице (см. табл. 2).

Таблица 2

Протоориньяк	VII	29 930—34 810 л. н.	Шательперрон	IX—X	35 500—40 970 л. н.
Поздний шательперрон	VIII	35 380—37 710 л. н.	Мустье	XI	40 900—43 230 л. н.

Причина расхождений между этими результатами и оксфордскими, по мнению Юблэна и его коллег, кроется в различиях стратегий отбора образцов. Оксфордская группа придавала первостепенное значение тому, чтобы все использовавшиеся для анализа кости имели следы работы, что само по себе вполне понятно. Однако платой за это стало малое содержание коллагена в образцах — значительно меньшее, чем в тех, что использовала группа Юблэна [Hublin et al., 2012. Fig. 2]. В такой ситуации «контаминация становится огромной проблемой» [Hublin et al., 2012]. Из данных Юблэна с соавторами следует вывод, что слои гомогенны и что степень смешения слоев незначительна. Мне же всегда казалось очень странным, что с датированием Арси были сопряжены такие сложности, поскольку известно, что раскопанные методы Леруа-Гурана отличались тщательностью.

Из шательперронских слоев происходит 29 зубов и одна височная кость, которые определены как неандертальские, что утверждал и Леруа-Гуран. Полученные результаты подразумевают, что украшения, найденные в этих слоях, залежали *in situ*, но, по мнению Юблэна с коллегами, их даты (сравниваемые с датами, полученными для древнейшего ориньяка на других памятниках) означают, что эти украшения должны рассматриваться как результат «стимулированной диффузии» от пришлых современных людей, т. е., иными словами, как следствие аккультурации.

Датам для Арси вполне соответствует новая датировка шательперронского слоя («Ejor sup») в Сен Сезэр, где найдены останки неандертальца: 36 200 ±750 л. н. (OxA-18099) с калиброванным (1 σ) значением 40 660—41 950 кал. л. н. [Hublin et al., 2012. Fig. 52].

Улиццо Италии долгое время считали аналогом французского шательперрона. Здесь также получены новые данные. Происходят они из грота дель Кавалло, опорного памятника улиццо [Benazzi et al., 2011]. Он раскапывался в 1960-е гг. Пальма ди Чеснолой, стратиграфическую номенклатуру которого принимают и авторы нового исследования [Benazzi et al., 2011. Fig. S1]. Слои DIb и DIc соответствуют тому, что Чеснола назвал финальным улиццо, ниже лежат слои EI и EII (развитое улиццо), а под ними EIII (архаичное улиццо). Они отделены от нижележащего мустье тонким слоем вулканического пепла (Fa), а от вышележащего и много более позднего эпиграветта тонкой сталагмитовой коркой (DIa) и двумя слоями пепла (CI и CII). Считалось, что пеплы соответствуют кампанскому игнимбритовому извержению. После раскопок Пальмы ди Чеснолы памятник остался незаконсервированным, и разрез был сильно поврежден грабителями. В 1978—1984 гг. университет Сиены предпринял спасательные работы; установленная в эти годы стратиграфическая картина коррелируется с той, что выявил Пальма ди Чеснола [Benazzi et al., 2011. Tab. S1].

Раскопки 1986—2008 гг. затронули лишь базальные мустьерские слои. Для радиоуглеродного датирования было отобрано 8 морских раковин, все, кроме 2, из спасательных раскопок [Benazzi et al. 2011. Tab. S5]. Одна дата оказалась заведомо омоложенной, еще одна отвергнута как слишком древняя. Если не принимать их во внимание, то 4 даты для слоя DI-II варьируют от $35\,080 \pm 230$ до $36\,780 \pm 310$ л. н., единственная дата для E-D составляет $39\,060 \pm 310$ л. н., а для EII-I — $39\,990 \pm 340$ л. н. (OxA-19242). Это соответствует калиброванному значению (при 2σ) $43\,000$ — $44\,300$ кал. л. н.

В 1964 г. в гроте было найдено два молочных моляра: В в слое EIII и С в слое EII-I. Первый из них первоначально был определен как современный, а второй — как неандертальский по своему характеру, но впоследствии оба стали рассматриваться как неандертальские. Изучив их вновь, Бенацци с коллегами, исходя из морфометрических признаков (очертания коронки и отношение толщины эмали к объему дентина), определили их как анатомически современные. Из этого они заключают, что «создатели технокомплекса улуццо не были неандертальцами». Но можно ли считать вопрос закрытым? В действительности со стратиграфическим контекстом находок не все так ясно, как может показаться. Маргарита Мусси замечает [Mussi, 2001. P. 172—175], что верхняя часть колонки улуццо в слое D была перекрыта ориньякским слоем, не опознанным ди Чеснолой. О том же писала Патриция Джиоя, с точки зрения которой, в этом слое был «настоящий ориньяк» [Gioia, 1990]. Пальма ди Чеснола не провел четкой границы между слоями D и E, и кроме того, «все отложения улуццо прорезала большая яма», начинавшаяся над слоями CI и CII. Эта яма содержала, среди прочего, пластины с перехватом ориньякского типа [Gioia, 1990. Fig. 3]. Лишь новые раскопки, по мнению Джиои, могли бы прояснить ситуацию, но, по-видимому, разрушения, причиненные грабителями, сделали это недостижимым, по крайней мере для участка, где копал Пальма ди Чеснола. Если слой D действительно ориньякский, то и большинство упомянутых выше датировок тоже относятся к ориньяку. В свете всего сказанного было бы преждевременно считать происхождение описанных молочных зубов установленным.

Новые даты были получены для протоориньяка (или раннего ориньяка с пластинками дюфура) из слоя G Рипаро Мочи на Лигурийском побережье [Douka et al., 2012]. Здесь нет улуццо, а от мустье ориньяк отделен несколькими сантиметрами стерильных отложений. Для слоя G имеется дата $36\,350 \pm 260$ л. н., полученная по древесному углю с использованием методики ABOx-SC (OxA-19569). Ее калиброванное значение (при 2σ) $38\,410$ — $41\,800$ кал. л. н. Для этого же слоя есть четыре даты по морским раковинам, варьирующие от $30\,770$ до $36\,750$ л. н. Даты для слоя DI-II грота дель Кавалло не сильно от них отличаются, что неудивительно, если этот слой и в самом деле ориньякский. Протоориньяк считается в Италии явлением пришлым, он мог попасть сюда с Балкан через Средиземноморское побережье [Mellars, 2006. Fig. 4], но заключать,

что то же самое имело место и в случае с улуццо [Mellars, 2011. Fig. 2], было бы, в свете сказанного выше, преждевременно.

Неандертальцы и анатомически современные люди

Ко времени выхода моей предыдущей статьи уже велись исследования митохондриальной ДНК (мтДНК) неандертальцев и были сделаны выводы об отсутствии свидетельств скрещивания между ними и ранними анатомически современными людьми [Allsworth-Jones, 2004. P. 284]. Теперь, когда стал возможен анализ неандертальской ядерной ДНК, вырисовывается иная картина [Green et al., 2010; Gibbons, 2010; Stringer, 2012a; 2012b]. Грин с коллегами использовали в качестве основной своей выборки три кости трех разных неандерталок из Виндии. Они сопоставили их с пятью современными образцами, включая два африканских, два азиатских и один европейский, придя в результате к выводу, что «от 1 до 4 % генома обитателей Евразии унаследовано от неандертальцев» [Green et al., 2010. P. 721]. Этот вывод не распространяется на Африку, кроме того, утверждается, что поток генов шел от неандертальцев к современным людям, но не наоборот. Предполагается, что происходило это в интервале от 50 до 80 тыс. л. н., по-видимому, на Ближнем Востоке, и что все не-африканцы, как европейцы, так и азиаты, получали неандертальские гены ([Green et al., 2010. Fig. 6], сценарий 3 скорее, чем сценарий 2). Обмен генами между поздними неандертальцами и ранними современными людьми в Европе не исключен, но свидетельств такового до сих пор нет. В каждый конкретный период, как утверждается, «интербридинг между неандертальцами и современными людьми мог быть очень ограниченным» [Green et al., 2010. P. 721]. Было также высказано предположение, что по причине их малой генетической вариативности и малой численности поздние неандертальцы и до начала «дестабилизирующего давления со стороны современных» людей могли уже представлять собой вид, находившийся под угрозой исчезновения [Stringer, 2012a. P. 191—192, 195].

Картина неожиданно усложнилась в результате открытия и изучения человеческих останков в Денисовой пещере на Алтае [Krause et al., 2010; Meyer et al., 2012; Gibbons, 2012]. Кроме двух моляров, находки включали дистальную фалангу мизинца девочки. Возраст соответствующего слоя на основании стратиграфии оценивается в 30—50 тыс. лет. Анализ мтДНК из фаланги показал, что его обладательница генетически отличалась и от неандертальцев, и от современных людей, принадлежа к особой линии, которая могладелиться примерно 1 млн л. н., т. е. в два с лишним раза раньше, чем разделились линии неандертальцев и современных людей [Krause et al., 2010. Fig. 3]. Эти выводы подтвердил и анализ ядерного генома того же индивида [Meyer et al., 2012], выявивший также удивительную связь с современными меланезийцами.

Результаты, полученные генетиками, графически представлены Крисом Стрингером в виде «извилистой тропинки» [Stringer, 2012b. P. 34], изображающей не что иное, как сценарий замещения с двумя «протечками» — от денисовцев и от неандертальцев. В итоге получается «лоскутная планета» [Stringer, 2012b. P. 35], где геномы большинства людей содержат следы архаичной ДНК, но характер этих следов меняется от одного континента к другому. Все это уводит слишком далеко от нашей темы, но применительно к Европе мы можем согласиться с выводом Стрингера [Stringer, 2012a. P. 193], что и «скелетные материалы, и ДНК показывают, что неандертальцы представляли собой отдельную эволюционную линию, хотя и близко родственную линии современных людей».

Заключение

Все меняется. Быстро меняется и наша область исследований, так что любое обобщение состояния дел на данный момент следует рассматривать как всего лишь промежуточный отчет. Из изложенного выше ясно следует, что есть нерешенные проблемы, есть различия в интерпретациях, и было бы неправильно закрывать на них глаза. Что сейчас можно сделать, так это обозначить те вопросы, которые на данный момент представляются наиболее актуальными.

Вызывает большое удовлетворение то обстоятельство, что для обширных пространств юга и востока Европы у нас имеется теперь такой надежный хронологический маркер, как кампанский игнимбритовый горизонт с аргон-аргоновой датой 39,3 тыс. л. н. Радиоуглеродная дата в 35,1 тыс. л. н., полученная по древесному углю для Костенок 14, имеет калиброванное значение 39,3—41 тыс. л. н., соответствующее древности кампанского горизонта, что разрешает давнее противоречие. Есть у нас сейчас и надежная дата для индустрии протоориньяка, залегающей под этим горизонтом, в нем самом и выше него. С этими результатами могут быть увязаны и даты, полученные для начала ориньяка на памятниках Центральной и Южной Европы: Гейсенклотерле, Виллендорф II, Джерава Скала (слой 5), Рипаро Мочи (слой G) и Кавалло (слой D). В Кавалло слой D лежит ниже горизонта кампанского игнимбритового пепла. На северо-западе Европы даты, имеющиеся для ориньяка (Хайина Ден, Апхил Куорри, Пин Холе, слой VII грота Оленя), значительно моложе. Сейчас представляется, что это различие реально и отражает постепенность ориньякской миграции. В Джераве Скале и Рипаро Мочи ориньяк залегает, соответственно, над янковиченом и улущо, а в Арси над шательперроном.

Что касается «переходных» индустрий, то для богунице на эпонимном памятнике есть теперь ТЛ дата 48,2 тыс. л. н., а в Странской Скале эта индустрия зафиксирована под ориньяком. Ряд других памятников (Джерава Скала, слой 11, грот Оленя, слой VIII—X, Сен Сезер, Кавалло, слой ЕП-I) дал некалиброванные радиоуглеродные даты древнее (иногда намного древ-

нее) 36 тыс. л. н. В Британии четыре пещерные стоянки ЛРЕ (Бэдджер Хоул, Кентс Кейверн, Бенч Куорри, Пин Хоул) датируются временем 36—37,8 тыс. л. н., а Глэстон — 37,4—38,8 тыс. л. н. (эквивалентно 41,2—43 тыс. кал. л. н.). В целом сейчас считается, что в Британии существует четкая грань между ЛРЕ и сменяющим эту индустрию ориньяком.

Фактически для Европы в целом очевидно, что между ориньяком и предшествовавшими ему индустриями часто существует хронологическая брешь. В таких случаях непросто представить, как мог работать механизм аккультурации, но все же есть два возможных способа осуществления этого процесса. Первый: если действительно была «волна продвижения» ориньяка в Западную Европу, то она могла затронуть тех, кто оказался на ее пути. Эту модель принимают Юблэн с коллегами, чтобы объяснить особенности шательперрона в гроте Оленя. Второй: как отмечалось выше, в некоторых случаях как будто все же наблюдается сосуществование ориньяка с индустриями, определяемыми в качестве «переходных». Лучший пример тому — Селета. На мой взгляд, здесь пока достаточно оснований датировать ранний селет временем между 32,6 и 42,9 тыс. л. н. и, несмотря на новые даты для Ишталлошко, параллельное существование селета с ранним ориньяком (с костяными наконечниками с расщепленным основанием) не является невозможным [Allsworth-Jones, 2004. Tab. 5]. Бесспорно, хронология в данном случае нуждается в перепроверке, если таковая вообще осуществима. Пока же все стороны согласны, что имеются признаки контактов и обмена между обитателями обеих стоянок. Та же тема возникает применительно к стрелецкой индустрии Костенок, а также к прутской культуре (бывшей брынзенской) в Молдавии.

В качестве альтернативного объяснения была выдвинута гипотеза, что все эти индустрии являются не более чем «функциональными вариантами», возможно, связанными с деятельностью по разделке крупных животных. Безусловно, в прошлом археологами были воздвигнуты некие «культурные» барьеры, которые с большей степенью правдоподобия можно объяснить функциональными различиями (например разделение ольшевия и ориньяка). Говоря о пещерах, я всегда подчеркивал, что они, как кажется, являют следы нерегулярного кратковременного обитания, связанного со специализированной деятельностью. В Селете, несомненно, большую роль играл сырьевой фактор, и то же самое можно предполагать для Костенок 12 — Волковской [Anikovich, 1977]. Джекоби в своем исследовании «пластинчатых острий» из Бидингса [Jacobi, 2007] убедительно показал, что они служили наконечниками копий, и это вполне может относиться к большинству бифасиальных листовидных наконечников, найденных в других местах. Сейчас уже трудно доказать применимость функциональной гипотезы к пещерным комплексам, поскольку большинство пещер были раскопаны полностью. Вряд ли главным объектом внимания их обитателей был пещерный медведь. В Джераве Скале, как отмечалось выше, целью охотников, по-видимому, были животные мелкого и сред-

него размера, как, возможно, и в Ишталлошко, где эту роль выполняли серна и северный олень [Allsworth-Jones, 1990. P. 198—200]. Наилучшие шансы для проверки рассматриваемой гипотезы дают памятники открытого типа, поскольку осуществить такую проверку можно только посредством раскопок на современном методическом уровне. В Гластоне благодаря таким раскопкам стало возможно сравнить распределение артефактов (весьма малочисленных) и скоплений костей животных [Cooper et al., 2012. Fig. 5, 11]. Одно из «пластинчатых острий» было найдено в непосредственной близости от группы костей конечностей лошади, не имевших следов погрызов гиенами и могущих представлять собой результат охоты. Кости были расколоты для извлечения костного мозга [Cooper et al., 2012. Fig. 9]. Если подобного рода исследование можно провести в Костенках, то будет гораздо проще сравнить вес свидетельств, имеющих в пользу «культурного» и в пользу функционального объяснения.

Если говорить о надежно датированных человеческих останках, то нынешняя ситуация сильно отличается от той, что имела место 10 лет назад, когда для разных памятников сообщалось об очень позднем присутствии неандертальцев, что позволяло говорить об их длительном сосуществовании с анатомически современными людьми. Сейчас древнейшими общепринятыми останками человека современного типа в Европе являются кости из пещеры Оасе (36,2 тыс. л. н.), но следует помнить, что они не сопровождаются археологическим материалом. Существует разрыв между этой датой и датой для костей ориньякских людей из Младеча (30,6—31,5 тыс. л. н.). Однако это не единственные находки, которые, возможно, связаны с ранним (или прото-) ориньяком. Не будем забывать о погребении в Костенках 14, для которого теперь есть дата 33,2 тыс. л. н. с калиброванным значением 36,9—38,8 тыс. л. н. [Sinitsyn, 2013]. Вписывалась сюда и прежняя датировка челюсти из Кентс Кейверн (30,9 тыс. л. н.), в отличие от новой оценки возраста этой находки (43,1—41,9 тыс. л. н.). Впрочем, так или иначе, ее археологический контекст все равно неясен. Такова же и ситуация в Кавалло. Слои ЕП-I имеет дату 39,9 тыс. л. н., но есть некоторая неопределенность относительно археологического контекста найденных здесь человеческих зубов.

Что касается неандертальцев, то самое поразительное удревнение их возраста произошло в Мезмайской — с прежних 29,1 до нынешних 39,7 тыс. л. н. Даты для Спи (35,8 и 36,3), Сен Сезера (36,2) и грота Оленя (35,4—40,9) уже упоминались выше. Две новые даты для Виндии (32,4 тыс. л. н.) несколько древнее предыдущих, но и они, как предупреждает оксфордская лаборатория, могут быть омоложенными. В целом период, в течение которого было возможно сосуществование в Европе неандертальцев с современными людьми, а среднего палеолита с верхним, сузился. Выше мы уже отмечали предположение, сделанное на основании генетических данных, что неандертальцы еще до прихода современных людей могли представлять собой вид, находившийся под угрозой исчезновения, а

согласно другому предположению, в условиях сосуществования они могли вымереть всего за 30 поколений [Roebroeks, 2008. P. 924].

До прихода современных людей все среднепалеолитические индустрии Европы делались неандертальцами, и то же самое, вероятнее всего, относится к индустриям, именуемым «переходными». Покойный Роджер Якоби считал, что «эволюционные корни» ЛРЕ уходят в средний палеолит, и так, по-видимому, было повсеместно. Что касается шательперрона, то его связь с неандертальцами в гроте Оленя и в Сен Сезер установлена настолько надежно, насколько вообще археология может что-либо установить. Если обратиться к Янковичену, то, согласно последнему исследованию, зуб, найденный Гильдебрандом в Джераве Скале, невозможно отнести к тому или другому виду, а определение челюсти из Марьяремте как неандертальской остается еще либо подтвердить, либо опровергнуть [Allsworth-Jones, 2004. P. 282—283]. Зубы из Кавалло переопределили как современные, но, как замечено выше, есть сомнения относительно их археологического контекста. Находки человеческих останков на памятниках богунице пока отсутствуют, а оснований для утверждения о связи этой индустрии с современными людьми нет. Технологически она сходна с индустрией Бокер Тахтит, но это не доказывает существования прямой связи между ними, и мы не можем также быть уверены, что индустрии этого типа «эволюционировали» в верхний палеолит. Следует признать, что приход ориньяка ознаменовал собой подлинный разрыв с тем, что было до него, как в плане характера индустрии, так и в отношении ее создателей.

Некоторые из основных различий между средним и верхним палеолитом и их изготовителями суммированы Роброксом [Roebroeks, 2008. Tab. 1]. Он полагает, что современные люди обладали значительным преимуществом за счет «грацильного, энергетически менее затратного тела» и что им был доступен более широкий круг дичи, а это, в свою очередь, могло способствовать понижению младенческой смертности и увеличению ожидаемой продолжительности жизни. В области технологии, помимо внедрения изошренной пластинчатой технологии, они заменили копыя металлическим оружием с наконечниками из кости, рога, бивня, а также и камня. Разные сооружения на стоянках — вроде очагов — стали обычным делом, а погребения приобрели развитые черты. Увеличилась их область распространения. Наконец, появилось монументальное искусство, а также невиданное прежде изобилие украшений и предметов мобильного искусства. Некоторые из наиболее значимых вещей такого рода представлены на иллюстрациях в недавно вышедшей книге Джил Кук «Искусство ледниковой эпохи» [Cook, 2013. P. 26—57]. В этой книге она не без оснований характеризует весь процесс как «появление современного разума». В общем и целом это были драматические изменения.

Каким же образом они произошли? Петит в комментарии к статье о Мезмайской [Golovanova et al., 2010. P. 683] заметил, что биогеографические процес-

сы, происходившие в соответствующий период, были, безусловно, «слишком сложными, чтобы рассматриваться как единое целостное явление». В свете суммированных выше изменений в наших знаниях, произошедших в последние десять лет, это суждение представляется справедливым. Что касается Европы, то здесь замещение является основной из различных форм перехода. Определенные контакты и обмен между разными популяциями, судя по всему, тоже могли иметь место, так что и аккультурация остается одним из возможных вариантов, подлежащих проверке. Однако ее ни в коем случае нельзя считать единственным механизмом изменений или единственной интерпретацией, которые заслуживают рассмотрения.

P. S.

И вот мы здесь, по одну сторону рубежа, а неандерталец по другую. Он не раз был ошельмован. Плохую службу ему сослужила сделанная Марселином Булем реконструкция «старика», найденного в Ля-Шапель-о-Сен в 1908 г. Она способствовала созданию непривлекательного образа неандертальца таким писателем,

как Герберт Уэллс [Wells, 1951. P. 87], и другими. Это настолько разозлило Уильяма Голдинга, что он придумал совсем иную историю [Golding, 1955]. Голдинг, как и Михаил Аникович, был романистом, но, в отличие от него, не был археологом. Однако его идея получила подтверждение. Сегодня мы можем видеть более полную и довольно сочувственную реконструкцию «старика» из Ля-Шапель-о-Сен, которая, вне сомнения, ближе к истине, чем прежняя [Roberts, 2011. P. 158—159]. Мы продолжаем свои поиски, и мы помним тех своих коллег, кто занимался тем же самым.

Благодарности

Я признателен Надежде Платоновой за приглашение принять участие в этом сборнике. За замечания и ссылки хочу поблагодарить Роба Динниса, Руперта Хаусли и Криса Стрингера. Однако ответственность за все сказанное в статье, которая является данью памяти человека, бывшего для меня не просто коллегой, но и другом, лежит лишь на мне одном.

Перевод Л. Б. Вишняцкого

Список литературы

- Adams, Ringer, 2004: *Adams B., Ringer. A. New C14 Dates for the Hungarian Early Upper Palaeolithic // Current Anthropology. 2004. 45 (4).*
- Allsworth-Jones, 1976: *Allsworth-Jones P. Untersuchung einiger metrischer Aspekte der Steinartefakte // Valoch K. Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice. Prague, 87—108. Academia. Prague, 1976.*
- Allsworth-Jones, 1978: *Allsworth-Jones P. Szeleta cave, the excavations of 1928, and the Cambridge Archaeological Museum collection // Acta Archaeologica Carpathica. 18. Krakow, 1978.*
- Allsworth-Jones, 1986: *Allsworth-Jones P. The Szeletian and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford University Press. Oxford, 1986.*
- Allsworth-Jones, 1990: *Allsworth-Jones P. The Szeletian and the stratigraphic succession in Central Europe and adjacent areas: main trends, recent results, and problems for resolution // P. Mellars (ed.) The Emergence of Modern Humans. Edinburgh, 1990.*
- Allsworth-Jones, 2000: *Allsworth-Jones P. Dating the Transition between Middle and Upper Palaeolithic in Eastern Europe // J. Orschiedt and G. C. Weniger (ed.) Neanderthals and Modern Humans — Discussing the Transition. Wissenschaftliche Schriften des Neanderthal Museums. Band 2. 2000.*
- Allsworth-Jones, 2003: *Allsworth-Jones P. Review of: V. Gábori-Csánk, «Le Jankovichien» and B. Adams, «The Middle to Upper Paleolithic Transition in Central Europe» // Journal of Field Archaeology. 2003. 27.*
- Allsworth-Jones, 2004: *Allsworth-Jones P. The Szeletian Revisited // Anthropologie. 2004. XLII-3.*
- Amirkhanov et al., 1980: *Amirkhanov Kh. A., Anikovich M. V., Borziyak I. A. (Амирханов Х. А., Аникович М. В., Борзияк И. А.). К проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа // СА. 1980. 2.*
- Anikovich, 1977: *Anikovich M. V. (Аникович М. В.). Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки //*
- Н. Д. Праслов (ред.). Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977.
- Anikovich, 1992: *Anikovich M. V. Early Upper Paleolithic Industries of Eastern Europe // Journal of World Prehistory. 1992. 6 (2).*
- Anikovich, 2008: *Anikovich M. V. The beginning of the Upper Palaeolithic in East Europe and South Siberia: similarities and differences // A. P. Derevianko, M. V. Shunkov (ed.). The Current Issues of Paleolithic Studies in Asia: 13—19. Institute of Archaeology and Ethnography. Novosibirsk, 2008.*
- Anikovich et al., 2007: *Anikovich M. V., Sinityn A. A., Hofecker J. F., Holliday V. T., Popov V. V., Lisitsyn S. N., Forman S. L., Levkovskaya G. M., Pospelova G. A., Kuz'mina I. E., Burova N. D., Goldberg P., Macphail R. I., Giaccio B. N., Praslov N. D. Early Upper Paleolithic in Eastern Europe and Implications for the Dispersal of Modern Humans // Science. 2007. 315 (5809).*
- Ashton et al., 2011: *Ashton N. M., Lewis S. G., Stringer C. B. (ed.) The Ancient Human Occupation of Britain. Amsterdam, 2011.*
- Benazzi et al., 2011: *Benazzi S., Douka K., Fornai C., Bauer C. C., Kullmer O., Svoboda J., Mallegni F., Bayle P., Coquerelle M., Condemi S., Ronchitelli A., Harvati K., Weber G. W. Early dispersal of modern humans in Europe and implications for Neanderthal behavior // Nature. 2011. 471.*
- Borziac et al., 1997: *Borziac I. A., Allsworth-Jones P., French C., Medyanik S. I., Rink W. J., Lee H. K. The Upper Palaeolithic Site of Ciuntu on the Middle Pruth, Moldova: a multidisciplinary study and reinterpretation // Proceedings of the Prehistoric Society. 1997. 63.*
- Chabai, 2000: *Chabai V. P. The Evolution of Western Crimean Mousterian Industry // J. Orschiedt and G. C. Weniger (ed.). Neanderthals and Modern Humans — Discussing the Transition. P. 196—211. Wissenschaftliche Schriften des Neanderthal Museums. Band 2. 2000.*

- Chabai, 2004: *Chabai V. P. (Чабай В. П.)*. Средний палеолит Крыма. Симферополь, 2004.
- Conard, Bolus, 2008: *Conard N. J., Bolus M.* Radiocarbon dating the late Middle Paleolithic and the Aurignacian of the Swabian Jura // *Journal of Human Evolution*. 2008. 55.
- Conard, 2006: *Conard N. J.* (ed.) *When Neanderthals and Modern Humans Met*. Kerns Verlag, Tübingen, 2006.
- Cook, 2013: *Cook J.* *Ice Age art: the arrival of the modern mind*. London, 2013.
- Cooper et al., 2011: *Cooper L. P., Thomas J. S., Beamish M. G., Gouldwell A., Colcutt S. N., Williams J., Jacobi R. M., Higham T. F. G.* An Early Upper Palaeolithic Open-air Station and Mid-Devensian Hyaena Den at Grange Farm, Glaston, Rutland, UK // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 2011. 78.
- Douka et al., 2010: *Douka K., Higham T., Sinitsyn A.* The influence of pretreatment chemistry on the radiocarbon dating of Campanian Ignimbrite-aged charcoal from Kostenki 14 (Russia) // *Quaternary Research*. 2010. 73.
- Douka et al., 2012: *Douka K., Grimaldi S., Boschian G., del Lucchese A., Higham T. F. G.* A new chronostratigraphic framework for the Upper Palaeolithic of Riparo Mochi (Italy) // *Journal of Human Evolution*. 2012. 62.
- Farizy, 1990: *Farizy C.* (ed.) *Paléolithique moyen récent et paléolithique supérieur ancien en Europe*. Actes du Colloque International de Nemours 9—11 Mai 1988. Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ile de France. 3. APRAIF, Nemours. 1990.
- Finlayson, 2001: *Finlayson C.* (ed.) *Neanderthals and Modern Humans in Late Pleistocene Eurasia: Abstracts*. Gibraltar, 2001.
- Flas, 2011: *Flas D.* The Middle to Upper Paleolithic transition in Northern Europe: the Lincombian-Ranisian-Jerzmanowician and the issue of acculturation of the last Neanderthals // *World Archaeology*. 2011. 43 (4).
- Gábori-Csánk, 1993: *Gábori-Csánk V.* Le Jankovichien: Une civilisation paléolithique en Hongrie // ERAUL. 53. Liège, 1993.
- Gibbons, 2010: *Gibbons A.* Close Encounters of the Prehistoric Kind // *Science*. 2010. 328.
- Gibbons, 2012: *Gibbons A.* A Crystal-clear View of an Extinct Girls's Genome // *Science*. 2012. 337.
- Gioia, 1990: *Gioia P.* An aspect of the transition between Middle and Upper Palaeolithic in Italy: the Uluzzian // *Farizy C.* (ed.) *Paléolithique moyen récent et paléolithique supérieur ancien en Europe*. Actes du Colloque International de Nemours 9—11 Mai 1988. Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ile de France. 3. APRAIF, Nemours. 1990.
- Golding, 1955: *Golding W.* *The Inheritors*. Faber and Faber. London, 1955.
- Golovanova et al., 2010: *Golovanova L. V., Doronichev V. B., Cleghorn N. E., Koulikova M. A., Sapelko T. V., Shackley M. S.* Significance of Ecological Factors in the Middle to Upper Paleolithic Transition // *Current Anthropology*. 2010. 51 (5).
- Green et al., 2010: *Green R. E., Krause J., Briggs A. W., Maricic T., Stenzel U., Kircher M., Patterson N., Li H., Zhai W., Fritz M. H. Y., Hansen N. F., Durand E. Y., Malaspina A. S., Jensen J. D., Marques-Bonet T., Alkan C., Prüfer K., Meyer M., Burbano H. A., Good J. M., Schultz R., Aximu-Petri A., Butthof A., Höber B., Höffner B., Siegemund M., Weihmann A., Nusbaum C., Lander E. S., Russ C., Novod N., Affourtit J., Egholm M., Verna C., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Ž., Gušić I., Doronichev V. B., Golovanova L. V., Lalueva-Fox C., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Schmitz R. W., Johnson P. L. F., Eichler E. E., Falush D., Birney E., Mullikin J. C., Slatkin M., Nielsen R., Kelso J., Lachmann M., Reich D., Svante Pääbo.* A Draft Sequence of the Neandertal Genome // *Science*. 2010. 328.
- Hedges et al., 1996: *Hedges R. E. M., Housley R. A., Pettitt P. B., Bronk Ramsey C., van Klinken G. J.* Radiocarbon dates from the Oxford AMS system: Archaeometry datelist 21 // *Archaeometry*. 1996. 38 (1).
- Higham, 2011: *Higham T.* European Middle and Upper Palaeolithic radiocarbon dates are often older than they look: problems with previous dates and some remedies // *Antiquity*. 2011. 85.
- Higham et al., 2006a: *Higham T., Jacobi R. M., Bronk Ramsey C.* AMS radiocarbon dating of ancient bone using ultrafiltration // *Radiocarbon*. 2006. 48.
- Higham et al., 2006b: *Higham T., Bronk Ramsey C., Karavančić I., Smith F. H., Trinkaus E.* Revised direct radiocarbon dating of the Vindija G1 Upper Paleolithic Neandertals // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2006. 103 (3).
- Higham et al., 2010: *Higham T., Jacobi R., Julien M., David F., Basell L., Wood R., Davies W., Bronk Ramsey C.* Chronology of the Grotte du Renne (France) and implications for the context of ornaments and human remains within the Châtelperronian // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. 107 (47).
- Higham et al., 2011: *Higham T., Compton T., Stringer C., Jacobi R., Shapiro B., Trinkaus E., Chandler B., Gröning F., Collins C., Hillson S., O'Higgins P., FitzGerald C., Fagan M.* The earliest evidence for anatomically modern humans in northwestern Europe. *Nature*. 479. 2011.
- Hoffecker, 2009: *Hoffecker J. F.* The spread of modern humans in Europe // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. 106 (38).
- Hoffecker et al., 2008: *Hoffecker J. F., Holliday V. T., Anikovich M. V., Sinitsyn A. A., Popov V. V., Lisitsyn S. N., Levkovskaya G. M., Pospelova G. A., Forman S. L., Giaccio B.* From the Bay of Naples to the River Don: The Campanian Ignimbrite eruption and the Middle to Upper Paleolithic transition in Eastern Europe // *Journal of Human Evolution*. 2008. 55.
- Hublin et al., 2012: *Hublin J. J., Talamo S., Julien M., David F., Connet N., Bodub P., Vandermeersch B., Richards M. P.* Radiocarbon dates from the Grotte du Renne and Saint-Césaire support a Neandertal origin for the Châtelperronian // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2012. 109 (46).
- Jacobi, 2007: *Jacobi R.* A Collection of Early Upper Palaeolithic Artefacts from Beedings, near Pulborough, West Sussex, and the Context of Similar Finds from the British Isles // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 2007. 73.
- Jacobi, Higham, 2011: *Jacobi R., Higham T.* The British Earlier Upper Palaeolithic: Settlement and Chronology // *Ashton N. M., Lewis S. G., Stringer C. B.* (ed.) *The Ancient Human Occupation of Britain*. Amsterdam, 2011.
- Kaminská et al., 2005: *Kaminská L., Kozłowski J. K., Svoboda J. A.* (ed.) *Pleistocene Environments and Archaeology of the Dzeravá skala Cave, Lesser Carpathians, Slovakia*. Kraków, 2005.
- Krause et al., 2010: *Krause J., Fu Q., Good J. M., Viola B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Svante Pääbo.* The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // *Nature*. 2010. 464 (7290).
- Lowe et al., 2012: *Lowe J., Barton N., Blockley S., Bronk Ramsey C., Cullen V. L., Davies W., Gamble C., Grant K., Hardiman M., Housley R., Lane C. S., Lee S., Lewis M., MacLeod A., Menzies M., Müller W., Pollard M., Price C., Roberts A. P., Rohling E. J., Satow C., Smith V. C., Stringer C. B., Tomlinson E. L., White D., Albert P., Arienzo I., Barker G., Borčić D., Carandente A., Civetta L., Ferrier C., Guadelli J. L., Karkanas P., Koumouzelis M., Müller U. C., Orsi G., Prossio J., Rosi M., Shalmanov-Korobar L., Sirakov N., Polychronis C., Tzedakis P. C.*

Volcanic ash layers illuminate the resilience of Neanderthals and early modern humans to natural hazards // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2012. 109 (34).

Mellars, 2006: *Mellars P.* A new radiocarbon revolution and the dispersal of modern humans in Eurasia // *Nature*. 2006. 439.

Mellars, 2011: *Mellars P.* The earliest modern humans in Europe // *Nature*. 2011. 471.

Meyer et al., 2012: *Meyer M., Kircher M., Gansauge M. T., Li H., Racimo F., Mallick S., Schraiber J. G., Jay F., Prüfer K., de Filippo C., Sudmant P. H., Alkan C., Fu Q., Do R., Rohland N., Tandon A., Siebauer M., Green R. E., Bryc K., Briggs A. W., Stenzel U., Dabney J., Shendure J., Kitzman J., Hammer M. F., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Patterson N., Andrés A. M., Eichler E. E., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Svante Pääbo.* A High-Coverage Genome Sequence from an Archaic Denisovan Individual // *Science*. 2012. 338.

Mussi, 2001: *Mussi M.* Earliest Italy. New York, 2001.

Nigst, 2006: *Nigst P. R.* The First Modern Humans in the Middle Danube Area? New Evidence from Willendorf II (Eastern Austria) // Conard N. J. (ed.). *When Neanderthals and Modern Humans Met*. Tübingen: Kerns Verlag, 2006.

Noiret, 2004: *Noiret P.* Le Paléolithique Supérieur de la Moldavie // *L'Anthropologie*. 2004. 108.

Noiret, 2009: *Noiret P.* Le Paléolithique Supérieur de Moldavie // ERAUL. 121, Liège, 2009.

Pinhasi et al., 2011: *Pinhasi R., Higham T. F. G., Golovanova L. V., Doronichev V. B.* Revised age of late Neanderthal occupation and the end of the Middle Paleolithic in the northern Caucasus // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2011. 108 (21).

Pinhasi et al., 2012: *Pinhasi R., Nioradze M., Tushabramishvili N., Lordkipanidze D., Pleurdeau D., Moncel M. H., Adler D. S., Stringer C., Higham T. F. G.* New chronology for the Middle Palaeolithic of the southern Caucasus suggests early demise of Neanderthals in this region // *Journal of Human Evolution*. 2012. 63.

Pyle et al., 2006: *Pyle D. M., Ricketts G. D., Margari V., van Andel T., Sinitsyn A. A., Praslov N. D., Lisitsyn S.* Wide dispersal and deposition of distal tephra during the Pleistocene 'Campanian Ignimbrite/Y5' eruption, Italy // *Quaternary Science Reviews*. 2006. 25.

RESET, 2013: RESET. Response of humans to abrupt Environmental Transitions. Finale Meeting: Programme and Abstracts. London, 2013.

Richter et al., 2008: *Richter D., Tostevin G., Škrdla P.* Bohunician technology and thermoluminescence dating of the type locality of Brno-Bohunice (Czech Republic) // *Journal of Human Evolution*. 2008. 55.

Roberts, 2009: *Roberts A.* The Incredible Human Journey. London, 2009.

Roberts, 2011 *Roberts A.* (ed.) *Evolution: The Human Story*. London, 2011.

Roebroeks, 2008: *Roebroeks W.* Time for the Middle to Upper Paleolithic transition in Europe // *Journal of Human Evolution*. 2008. 55.

Rougier et al., 2007: *Rougier H., Milota Š., Rodrigo R., Gherase M., Sarcina L., Moldovan O., Zilhão J., Constantin S., Franciscus R. G., Zollikofer C. P. E., Ponce de León M., Trinkaus E.* Peștera cu Oase 2 and the cranial morphology of early modern Europeans // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2007. 104 (4).

Semalet et al., 2009: *Semal P., Rougier H., Crevecoeur I., Jungels C., Flas D., Hauzeur A., Maureille B., Germonpré M., Boucherens H., Pirson S., Cammaert L., De Clerck N., Hambucken A., Higham T., Toussaint M., van der Plicht J.* New data on the Late Neanderthals: direct dating of the Belgian Spy fossils // *American Journal of Physical Anthropology*. 2009. 138.

Sinitsyn, 1996: *Sinitsyn A. A.* Kostenki 14 (Markina Gora): data, problems, and perspectives // *Préhistoire Européenne*. 1996. 9.

Sinitsyn, 2013: *Sinitsyn A. A.* Tephra at Kostenki: the current state of research in the light of new evidence // *RESET*. 2013. 41—42.

Stringer, 2012a: *Stringer C.* *The Origin of our Species*. London, 2012.

Stringer, 2012b: *Stringer C.* What makes a modern human // *Nature*. 2012. 485

Svoboda, 2006: *Svoboda J.* The Danubian Gate to Europe: patterns of chronology, settlement archaeology, and demography of late Neanderthals and early modern humans on the Middle Danube // Conard N. J. (ed.). *When Neanderthals and Modern Humans Met*. Tübingen: Kerns Verlag, 2006.

Tillier et al., 2005: *Tillier A. M., Henry-Gambier D., Papp I.* Upper Pleistocene Homo sapiens remains // Kaminská L., Kozłowski J. K., Svoboda J. A. (ed.). *Pleistocene Environments and Archaeology of the Dzeraváskala Cave, Lesser Carpathians, Slovakia*. Kraków, 2005.

Trinkaus et al., 2003: *Trinkaus E., Moldovan O., Milota Š., Bîlgăr A., Sarcina L., Athreya S., Bailey S. E., Rodrigo R., Mircea G., Higham T., Bronk Ramsey C., van der Plicht J.* An early modern human from the Peștera cu Oase, Romania // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2003. 100 (20).

Valoch, 1976: *Valoch K.* Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice. Prague, 1976.

Wall, Slatkin, 2012: *Wall J. D., Slatkin M.* Paleopopulation Genetics // *Annual Review of Genetics*. 2012. 46.

Wells, 1951: *Wells H. G.* *The Outline of History*. 12th edition, revised by Raymond Postgate. London, 1951.

White, Pettitt, 2012: *White M., Pettitt P.* Ancient Digs and Modern Myths: The Age and Context of the Kent's Cavern 4 Maxilla and the Earliest Homo sapiens Specimens in Europe // *European Journal of Archaeology*. 2012. 15.

Wild et al., 2005: *Wild E. M., Teschler-Nicola M., Kutschera W., Steier P., Trinkaus E., Wanek W.* Direct dating of Early Upper Palaeolithic human remains from Mladeč. *Nature*. 2005. 435.

Zilhão, 2009: *Zilhão J.* Szeletian, not Aurignacian: a Review of the chronology and cultural associations of the Vindija G1 Neanderthals // M. Camps and P. Chauhan (ed.) *A Sourcebook of Paleolithic Transitions*. New York, 2009.

J. F. Hoffecker *, V. T. Holliday **

* *Institute of Arctic and Alpine Research, University of Colorado, USA*

** *Departments of Anthropology and Geosciences, University of Arizona, USA*

LANDSCAPE ARCHAEOLOGY AND THE DISPERSAL OF MODERN HUMANS IN EASTERN EUROPE

Anatomically modern humans (*Homo sapiens*) evolved in sub-Saharan Africa and migrated into Eastern Europe as part of a wider global dispersal. The recent African origin (RAO) and global dispersal of modern humans is based on three lines of evidence [Wells, 2007; Endicott et al., 2009; Klein, 2009; Stringer, 2012]: (a) the skeletal remains of *Homo sapiens*, which date to at least 200,000 years ago in sub-Saharan Africa, but date to more recent time periods in North Africa, Eurasia, Australia, and other parts of the world (e. g.: [Bräuer, 1989]); (b) the genetics of living humans (e. g.: [Ingman et al., 2000; Underhill et al., 2000]), which exhibit a pattern of decreasing diversity as a function of distance from sub-Saharan Africa (and which may be «ground-truthed» with aDNA extracted from human skeletal remains, where preservation conditions permit (e. g.: [Krause et al., 2010]); and (c) archaeological data (e. g.: [Hoffecker, 2009; Roberts, 2009]). All three categories of evidence (including some aDNA) are available to address the issue of modern human dispersal in Eastern Europe.

When diagnostic human skeletal remains (or aDNA) are absent, archaeological data may provide a proxy for migrating groups of modern humans during the period of the global dispersal. Thus, for example, the earliest dated archaeological remains in Australia, although not associated with skeletal materials or any sources of ancient DNA, may be assumed to represent an early movement of *Homo sapiens* into Australia (there is no evidence for pre-modern humans in Australia). The attribution of archaeological remains to a specific form of *Homo* may be problematic in some cases, however, when the artifacts and/or features are not diagnostic of modern humans; there are a number of sites in Eastern Europe that fall into this category (e. g. Byzovaya: [Slimak et al., 2011]). Eventually, it may be possible to assign particular groups of artifacts to specific genetic units, such as an mtDNA haplogroup, but this cannot be done at present anywhere in northern Eurasia.

The archaeological evidence also provides insights as to how modern humans were able to rapidly colonize a wide variety of habitats and climate zones. The rapid pace of the global dispersal was achieved to a significant degree through equally rapid technological innovation [Hoffecker, 2005. P. 187—190]. Modern humans designed their own adaptive traits by translating information in the brain to novel and often complex technologies (e. g., sewing need-

les) in manner analogous to the translation of genetic information to phenotypes. Modern human skeletal remains sometimes underscore the critical importance of a capacity for technological innovation; in Europe, they reveal retention of anatomical adaptations to the tropical zone (e. g., high brachial index) many thousands of years after the arrival of modern humans in cold regions (e. g.: [Hoffecker, 2002. P. 153—158]).

The archaeological record of modern human dispersal (which corresponds to the «early Upper Paleolithic» or EUP in Europe) differs significantly in some regions from that of other regions, however, and the differences must be accounted for in the interpretation of the evidence for the global dispersal. In each part of the world, archaeological remains must be placed into a regional landscape context (i. e., «landscape archaeology» perspective [Butzer, 1982; Roberts, 1987]). The contrast in archaeological records is pronounced between Eastern Europe and the region in Western Europe (Franco-Cantabria), where most of the interpretive concepts and classificatory units that pertain to the archaeological data were developed in the late 19th and early 20th centuries.

The principal EUP sites in Franco-Cantabria are caves and rock shelters, which bias the archaeological remains in several ways. To begin with, natural shelters represent an enduring and visible point of attraction on the landscape; they are a magnet for human settlement and archaeological survey. Natural shelters often accumulate lengthy sequences of occupation, buried in sediments that are protected from erosion; the geochemical environment of the sediments usually is favorable to preservation of non-stone materials. Caves and rock shelters are typically used as habitation areas, rather than kill-butcher locations or quarry-workshop sites, and this affects the types or artifacts, features, and associated food debris that are recovered from them.

Most EUP sites in Eastern Europe are open-air localities found on the immense plain that occupies most of Europe east of the Carpathian Mountains. In many respects, the EUP sites of the East European Plain exhibit a pattern more similar to the early prehistoric sites of the North American Plains (and Southwest) than to the natural shelters of the Franco-Cantabrian region. The EUP sites of the East European Plain are comparatively scarce (especially per unit area); they are often deeply buried and difficult to

discover. They do not reflect the strong bias towards habitation areas evident in Franco-Cantabria (as well as other parts of Western Europe where caves and rock shelters are common). Many East European Plain sites contain evidence of large-mammal butchery and carcass-processing, along with the artifacts and features that are typically found in such sites [Hoffecker, 2011].

Landscapes of Eastern Europe

The dominant landform of the European continent is a vast lowland plain that lies between the Carpathian and Ural Mountains, and extends from the Arctic Ocean to the Black and Caspian Seas in the south. The East European Plain represents a stable platform of Precambrian igneous and metamorphic rock that crops out in the glacially scoured northwest and along the Dnepr River in south-central Ukraine. The Precambrian basement complex is mantled with thick sedimentary rock units that fill the troughs and basins and create a relatively level surface.

The most significant topographic relief on the southern half of the East European Plain is provided by several low plateaus composed of blocks of pre-Quaternary sediment uplifted by tectonic processes generated by movements of the platform. These plateaus include the Volyn-Podolian Upland, which adjoins the eastern slope of the Carpathian Mountains on the southwest margin of the plain and averages 200–400 meters above sea level in elevation. Near the center of the plain is the Central Russian Upland, which averages only about 200 meters in elevation, and further east lies the Volga Upland (200–300 meters above sea level). In the south-central plain, near the Sea of Azov, is the smaller Donets Ridge, which averages 200–250 meters in elevation.

Between the upland plateaus lie major southward-flowing river systems that empty into the Black and Caspian Seas. Although the Dnepr River has incised deeply into the Volyn-Podolian Upland, creating many terraces, the major rivers on the central plain (Dnepr-Desna Basin, Don River, and Volga River) have created shallow valley systems (much of the topographic relief in these valleys is provided by the margins of the low plateaus described above). Along the rivers, ravine systems have formed in the low terraces and in the bedrock plateaus.

Although there are a number of natural shelters in the valleys of the Volyn-Podolian Upland, caves and rock shelters in the central plain are extremely rare. An isolated exception is *Novgorod-Severskii* on the Desna River, which apparently represents a collapsed rock-shelter [Gromov, 1948. P. 152–153]. Paleolithic sites — including long-term habitation areas — are found in open-air settings, typically located on the low terraces and often associated with side-valley ravines. Occasionally, they are found on the former floodplain surface. At least some sites are associated with active springs (e. g.: [Holliday et al., 2007]), which would have attracted large mammals. In an open landscape, springs provide a rare example of a point of a recurring attraction for human settlement, similar to a natural shelter in other settings, and a consistent associa-

tion between springs and both kill-butchery sites and habitation areas is found in the North American Plains and Southwest (e. g.: [Holliday, Mandel, 2006]).

Climate and biota on the East European Plain differ from those of other parts of mid-latitude Europe, and the differences also factor into modern human dispersal in the region. While Western Europe receives warm, moist air from the North Atlantic Ocean, Eastern Europe is characterized by a more continental climate. Winter temperatures on the East European Plain are significantly lower than those at comparable latitudes in Western Europe. Reduced available moisture also accounts for lower primary productivity, especially on the arid southern plain. Both Neanderthals and modern humans were compelled to adapt to seasonally lower temperatures and less productive habitat on the East European Plain.

Landscape Archaeology of the EUP in Eastern Europe

Several major EUP sites are found in the natural shelters of the southern upland margins of Eastern Europe. In southern Crimea (Crimean Mountains), these include *Syuren' I* and *Buran-Kaya III* [Otte et al., 1996; Prat et al., 2011]. In the Northern Caucasus, an important EUP occupation has been investigated at *Mezmaiskaya Cave* [Golovanova et al., 2010a]. Several other EUP sites are known in the caves of the western Ural Mountains. The majority of EUP sites in Eastern Europe, however, are open-air localities on the East European Plain.

The largest concentration of sites is at *Kostenki-Borshchevo* on the Middle Don River [Klein, 1969; Praslov, Rogachev, 1982; Anikovich et al., 2008]. Another group of EUP sites is concentrated along the Middle Dnepr Valley (i. e., *Molodova* group) [Chernysh, 1987]. At least one EUP site is known in the Dnepr Basin near Zaporozhiye (*Mira*), while a major stratified EUP site is found near the confluence of the Severskii Donets and Don Rivers at *Biryuch'ya Balka* [Stepanchuk, 2005; Matyukhin, 2002; 2006]. In the northern portion of the plain, the famous site of *Sungir'* is located along an Oka River tributary near Vladimir [Bader, 1978]. Further north, in the Pechora Basin, are the sites of *Byzovaya* and *Mamontovaya Kurya* [Pavlov et al., 2001].

Overall, the density of known EUP sites in Eastern Europe is low, especially for the East European Plain, where the quantity of sites per square kilometer is small in comparison to the Franco-Cantabrian region, as well as other parts of Western Europe that contain caves and rock shelters. EUP site density on the plain also is low in comparison to later Upper Paleolithic sites in the same geographic setting, and it is low in comparison to early prehistoric sites on the North American Plains. Despite the reduced primary productivity of the East European Plain, the low density of EUP sites seems unlikely to reflect a correspondingly low human population density, given the large-mammal bone beds (e. g., Kostenki 14, *Mira*) and wealth of occupation debris, including art objects and elaborate grave offerings at some sites (e. g., *Sungir'*), especially

later EUP sites. The reason appears to be the significantly greater age and often deeper burial of EUP remains on the East European Plain. A comparatively small sample is therefore available to address issues related to the dispersal of modern humans on the East European Plain.

As is the case among the terminal Upper Paleolithic (or Paleoindian) sites of the North American Plains (and Southwest), the open-air EUP sites of the East European Plain contain a high proportion of localities associated with the killing and butchering of large mammals, and the processing of large-mammal carcasses. This inference is based chiefly on the taphonomic characteristics of the faunal remains, but is supported by the landscape context of the sites, as well as the types of artifacts represented. The latter comprise a high proportion of expedient tools (e. g., flake scrapers, unretouched flakes, utilized cobbles) and other forms typically found at locations where large mammals were killed and/or butchered (e. g., large cutting tools, bifaces, end-scrapers). Although such artifacts are rarely diagnostic of specific cultural entities, an exception is the pressure-flaked bifacial projectile point, which is one of the most important diagnostic types on the North American Plains and Southwest (e. g., Folsom, Plainview). Bifacial projectile points also represent a major diagnostic artifact type in the EUP sites of the East European Plain (e. g.: [Bradley et al., 1995; Anikovich et al., 2007]).

In a number of cases, traces of kill-butcher events or carcass-processing activities are associated with evidence for a long-term encampment; this pattern also is recognized in the North American Plains and Southwest (e. g., [Hester, 1972; Haynes, Huckell, 2007; Hill et al., 2011]). In these sites, the faunal remains, features and artifacts exhibit a combination of forms typical of both large-mammal kill-butcher and extended habitation (e. g., articulated sequences of bone and traces of a shelter). The assemblages usually contain typical kill-butcher implements (described above), as well as those more characteristic of a long-term occupation, such as bone-working tools, digging equipment, and personal ornaments. Examples among the EUP sites of the East European Plain include Kostenki 15, Mira, and Sungir'. Finally, there are also examples of EUP open-air sites that represent long-term camps without evidence for kill-butcher activities, such as at Kostenki 8, Molodova 5, and Kulychivka. It should be noted that most evidence for technological innovation in the EUP is found in sites that reflect extended habitation (with or without associated traces of kill-butcher).

After 30,000 cal BP (i. e., following the EUP), kill-butcher sites and traces of large-mammal carcass-processing are relatively scarce in Eastern Europe with isolated exceptions (e. g., Amvrosievka in Ukraine [Krotova, Belan, 1993]). The reason for the change in the archaeological record is not clear, but seems likely to reflect a shift in land-use strategy: habitation areas apparently were no longer established at or near kill sites or carcass-processing locations. The expedient tool types associated with large-mammal kill-butcher are present but less common in long-term campsites of the middle and later Upper Paleolithic (e. g., side-scrapers and large bifaces in the uppermost level at Kostenki 1 [Efimenko, 1958]). The

reduced visibility of kill-butcher activities after 30,000 cal BP accounts for the overall low percentages of these artifact types in post-EUP industries.

A descriptive overview of EUP sites in Eastern Europe is presented below, with an emphasis on sites that contain evidence for the killing and butchering of large mammals. Open-air sites that lack such evidence, as well as EUP sites that are found in natural shelters on the margins of the East European Plain, are briefly summarized. The purpose of this review is to show that a significant percentage of EUP sites on the East European Plain represent locations where kill-butcher or carcass-processing activities are represented. The pattern holds implications for the interpretation of the artifacts at these sites, and more generally, for the interpretation of the archaeological record of modern human dispersal in Eastern Europe.

Kostenki-Borshchevo. The largest group of EUP sites in Eastern Europe is concentrated around several spring-fed drainages along the west bank of the Don River near Voronezh. At least nine EUP sites — most of them containing multiple EUP occupation layers — are found around the village of Kostenki, and at least one multi-layered EUP site is known at Borshchevo (*Borshchevo 5*), several km to the southeast. The EUP sites are found on the Second Terrace level of the Don River, although most are situated along the deep side-valley ravines incised into the high west side of the valley (which represents the eastern margin of the Central Russian Upland). The high concentration of sites in the area probably reflects local spring activity. Most of the EUP levels are deeply buried, and many were discovered only when archaeologists probed beneath younger occupations [Rogachev, 1957].

The early EUP sites at Kostenki underlie the 40,000-year-old CI tephra and include one locality in the main valley (*Kostenki 17*) and several occupations associated with a large ravine system (*Kostenki 1, 12 and 14*) [Anikovich et al., 2007; Hoffecker et al., 2008]. The dating of these levels indicates that they fall within several periods (*Greenland Interstadials 11–10* [GI 11–GI 10]) that precede the HE4 cold event (e. g.: [Weninger, Jöris, 2008]). The occupation debris is buried in slopewash with occasional inclusions of small rubble (derived from the limestone bedrock) and traces of soil formation. There is evidence of spring activity in the form of primary carbonate bands (and a spring tufa at Kostenki 14) [Holliday et al., 2007: 218].

In Layer III at *Kostenki 12* (on the south side of the ravine mouth), a mass of more than 500 bone fragments — primarily reindeer and horse — were excavated in 2002–2003 and are associated with a modest quantity of artifacts (small bifaces, hammer-stones, side-scrapers, end-scrapers, and others) [Anikovich et al., 2004. P. 27–29]. The bones are somewhat weathered, although carnivore damage and probable tool damage (percussion marks) are observable on many fragments, and they exhibit evidence of transport and partial sorting on a roughly 5° slope [Hoffecker et al., 2010. P. 1081–1083]. Differences in the taphonomy of the two taxa (significantly greater rootlet-etching and gnaw marks on reindeer bones) indicate that they probably were deposited at different times. Most por-

tions of the skeleton are represented, although cranial parts are absent [Hoffecker et al., 2010. P. 1083, tab. 8].

Both the weathering effects and sorting complicate analysis and interpretation, but the bones may be tentatively ascribed to separate kill-butchery events that took place near or at the site, the bones subsequently washed down the slope. Processing of the carcasses by humans is suggested by the percussion marks (as well as a high incidence of fresh breakage) and mortality in close proximity to the site is indicated by the nearly complete representation of skeletal parts. The associated artifacts are typical for Paleoindian kill-butchery sites (with short-term camps) in North America, and the assemblage is similar to that from *Blackwater Draw No. 1* (Clovis-type site) in New Mexico [Hester, 1972. P. 97—110].

On the north side of the same ravine mouth, *Kostenki 1* recently produced evidence of a unique EUP analog to the many examples of mammoth butchery known in North America. The lowermost level (Layer V) contains the partial skeleton of a sub-adult mammoth associated with a low-density scatter of stone artifacts. The latter include bifacial projectile points, large cutting tools, side-scrapers, small end-scrapers, and others are similar to those found in Layer III at *Kostenki 12* [Anikovitch et al., 2006. P. 91]. Although Layer V is often assigned to the early EUP group at *Kostenki* (e. g.: [Sinityn et al., 1997. P. 27]), its dating remains problematic — in part owing to the local absence of the CI tephra — and it may be younger [Anikovitch, 1977].

Only about 25 % of the mammoth skeleton is present, mostly comprising rib fragments (additional skeletal parts probably lie in unexcavated areas); the remains appear unlikely to have been accumulated by water and gravity (there are no signs of sorting) or collected by carnivores [Hoffecker et al., 2010. P. 1083—1085]. Some fresh breakage is evident, and some carnivore modification and probable tool damage was observed on the bones (see: [Hoffecker et al., 2010. P. 1085, fig. 10]. It appears that the site's occupants butchered a mammoth carcass at this location; although there is no direct evidence that the mammoth was killed by human hunters, its sub-adult status renders natural mortality unlikely.

Occupations at *Kostenki-Borshchevo* that antedate 40,000 cal BP and probably represent long-term encampments include *Kostenki 14*, Layer IV and *Kostenki 17*, Layer II [Boriskovskii, 1963. P. 83—105; Sinityn et al., 2004. P. 52—54]. They yielded little evidence for large mammal carcass-processing, but produced a diverse array of large and small mammals (including a concentration of hare remains at *Kostenki 14*, Layer IV) [Vereshchagin, Kuz'mina, 1977. P. 107—108]. The artifact assemblages are typical of extended habitation areas (e. g., burins, antler mattocks, personal ornaments) and more likely to exhibit attributes that are diagnostic of specific cultural entities (as well as evidence of important technological innovations). The topographic setting for *Kostenki 17*, which is situated in the main river valley, is anomalous for the EUP at *Kostenki-Borshchevo* [Lazukov, 1982].

The *Kostenki* sites also yield a rich record of EUP occupation during 40,000—30,000 cal BP. During this later period (which corresponds to *GI 8—GI 5* in the Greenland ice core record (e. g.: [Weninger and Jöris, 2008])), there is much evidence for the killing and butchering of groups of horses in the side-valley ravines. Perhaps the best example of a mass kill-butchery event in the EUP of Eastern Europe is found in Layer II at *Kostenki 14*, where Rogachev [Rogachev, 1957. P. 77—81] excavated a large concentration of horse remains and associated artifacts in 1954 (more than 2,000 bones and teeth identified as *Equus latipes*). In contrast to *Kostenki 12*, Layer III, there was minimal post-depositional disturbance, and multiple examples of articulated bones were recorded, including cervical, thoracic, and lumbar vertebrae, and lower limb sequences [Rogachev, 1957. P. 78]. The bones are exceptionally well-preserved for an open-air site and exhibit numerous cut-marks, many of which are in anatomically significant locations. Because of the excellent state of preservation, the low incidence of carnivore damage is significant [Hoffecker et al., 2010. P. 1076—1077]. A high percentage of bones were broken in fresh or green condition, and a number of bones possess percussion marks.

A similar pattern is found at *Kostenki 15*, which is a rare example of a single-occupation EUP site at *Kostenki-Borshchevo* (discovered during the construction of a local reservoir in late 1951 and subject to salvage excavation by Rogachev [1957. C. 106—118] the following year). The site is found near the mouth of Aleksandrovka Ravine about 2 km southeast of *Kostenki 14*, and the occupation is roughly contemporaneous with Layer II at the latter (A. A. Sinityn, personal communication, 2009). Although the sample of horse bones and teeth was somewhat smaller ($n = 1,501$) and less well preserved than the assemblage from Layer II at *Kostenki 14*, the taphonomy was similar: (1) articulated sequences of vertebrae and lower extremities; (2) virtually all portions of the skeleton represented; (3) high proportion of green breakage; (4) low incidence of carnivore damage, and (5) traces of tool cut-marks in anatomically significant locations [Hoffecker et al., 2010. P. 1079—1081].

A third occupation level containing a large quantity of horse remains from the same time period is found in Layer I at *Kostenki 12* [Rogachev, 1957. P. 61—65; Anikovitch et al., 2008. P. 76—77, fig. 31]. A total of 3,262 bones and teeth (MNI = 57) were recovered [Vereshchagin, Kuz'mina, 1977. C. 106]. Although a detailed taphonomic analysis has not been undertaken, the assemblage differs from those described for *Kostenki 14* and *15*. Examination of a sample of several hundred bones revealed that many long-bones were intact, dry breakage appeared to be common, and there are some traces of gnawing but little evidence of tool marks (J. F. Hoffecker, unpublished notes, 2012). The significance of these observations is unclear, but the assemblage may simply represent a less heavily processed set of remains. This pattern is observed at some sites on the North American Plains (e. g., Horner II, Wyoming [Todd, 1987]) characterized by a high

proportion of articulated bone sequences and intact limb bones. Although a large number of articulated bone sequences is not reported from Kostenki 12, Layer I, this could be a function of the comparatively steep slope at the site (see above).

All three of these occupations yielded a combination of artifacts typical for the processing of large-mammal carcasses, and also for a habitation area (the artifact assemblages are traditionally classified as *Gorodtsovian Culture* (e. g.: [Rogachev, Anikovich, 1984. P. 183—185]). At each site, a group of horses appears to have been butchered (although evidence for carcass-processing at Kostenki 12 is limited) and a long-term camp also was established. The ravines on the west side of the Don Valley appear to have been used as cul-de-sacs to trap and kill groups of horses (probably mare-bands, as indicated by the demographic profiles from Kostenki 14, Layer II and 15 [Hoffecker et al., 2010]) in a manner similar to that at Solutré (central France) [Olsen 1989; 1995]. The establishment of a long-term camp at the same site reflects the lack of constraints on habitation locations in a landscape where natural shelters are scarce or absent.

One of the most interesting later EUP occupations at Kostenki is found in Layer III at *Kostenki 1*, originally excavated by Rogachev [1957. C. 30—35]. The rather thick cultural layer is associated with (and also underlies) a cryoturbated buried soil that may correlate with GI 8 [Holliday et al., 2007. P. 207—210] and has yielded a new set of radiocarbon dates of ca. 36,000 cal BP. The assemblage contains several diagnostic elements of the Aurignacian techno-complex (e. g., carinated scraper, large blade with scalar retouch, Dufour bladelets) [Anikovich et al., 2007] and a diverse array of faunal remains that are consistent with a long-term habitation [Vereshchagin, Kuz'mina, 1977. C. 100]. But recent investigations of Layer III (2004—2009) revealed a more complex picture (e. g.: [Anikovich et al., 2006]) that includes a concentration of large mammal remains (horse and mammoth) and artifacts typical for a kill-butcher site (e. g., retouched flakes, large cutting tools, hammer-stones).

Among the later EUP occupations, Layer II/III at *Kostenki 8*, which is located on a low promontory at the confluence of two ravines (Aleksandrovka and Biryuchii), conforms most closely to the pattern of long-term habitation without evidence for large-mammal carcass-processing. A charcoal sample collected by the authors in 2008 yielded a date of 30,709 ± 395 cal BP (CURL-15797). Excavation uncovered traces of several oval-shaped shelters with central hearths, and a mass of occupation debris comprising more than 20,000 artifacts [Rogachev, 1957. C. 47—58; Rogachev et al., 1982. C. 101—109]. The diverse faunal assemblage included large numbers of small and medium mammal remains, as well as some bird and fish remains [Vereshchagin, Kuz'mina, 1977. C. 104]. In contrast to Kostenki 1, Layer III, the artifacts include forms diagnostic of the Gravettian techno-complex [Anikovich et al., 2008. P. 128—132].

Sungir'. Best known for its spectacular human burials, *Sungir'* also represents a major EUP locality on the basis

of its geographic setting and other contents (i. e., artifacts and faunal remains). The site is located on a low promontory near a ravine that empties into a small tributary (Klyaz'ma River) of the Oka River. It is near the city of Vladimir (northeast of Moscow at latitude 56°11' North). The occupation debris is associated with a buried soil that apparently dates to one of the later phases of MIS 3; new dates on Burials 2 and 3 (and a mammoth bone) cluster at ~ 35,000 cal BP [Marom et al., 2012. Fig. 1], which correlates with a brief mild interval (GI 7 in the Greenland ice-core record [Weninger, Jöris, 2008]). The site was discovered as a result of clay quarrying (for brick production) and the artifacts and faunal remains are not as deeply buried as some EUP horizons at Kostenki or elsewhere on the East European Plain [Bader, 1978. P. 4—19].

Sungir' contains a single EUP occupation layer (analogous to Kostenki 15), although it is conceivable that its occupants returned to the location on a seasonal basis over a period of many years (the vertical distribution of artifacts and bones, which is up to 90 cm in places, is likely to be influenced by frost action). The site presents another classic example of a long-term encampment associated with evidence for at least one major kill-butcher event. A group of reindeer appear to have been killed near the site — perhaps in the ravine — and the carcasses probably were processed at the site. Although an NISP total is not reported, reindeer dominates the faunal assemblage at *Sungir'* [Gromov, 1966; Bader, 1978. P. 183]. All portions of the skeleton are represented and several groups of vertebrae and articulated limb elements were found in anatomical order. Photographs published by Gromov (1966: plates XVI—XVII) indicate that at least some bones were broken in fresh or green condition, and tool cut-marks are reported on many fragments [Gromov, 1966. C. 78]. The presence of frontal bones with attached antlers (and complete absence of frontal with shed antlers) indicates summer or fall mortality. *Sungir'* contains a significant percentage of tools commonly associated with kill-butcher sites (i. e., hammer-stones, bifaces, flake scrapers or side-scrapers, end-scrapers, and bifacial projectile points [Bader, 1978. P. 127—137]).

Sungir' also yields evidence of a long-term encampment in the form of the burials, pits, numerous former hearths, and a dense concentration of debris. The other mammalian remains are varied (including mammoth, horse, bison, saiga, hare, and several carnivores, especially arctic fox) and typical of an extended habitation. The other artifacts are more characteristic of a multiple-activity habitation area (e. g., burins, awls) and include a variety of non-stone tools such as mattocks of bone and antler, bone awls, and a needle fragment [Bader, 1978. P. 146—164]. The assemblage also contained ornaments and art objects. Thus, the overall pattern is similar to that seen in the broadly contemporaneous occupations at Kostenki 14, Layer II and Kostenki 15.

Mira. This site remains the only firmly dated EUP locality in the immense Dnepr Basin, underscoring the low visibility of EUP sites on the East European Plain. *Mira* occupies a unique paleo-topographic setting for the EUP in

Eastern Europe; it is found near the center of what was — at roughly 32,000 cal BP — the broad floodplain of the Dnepr River. The site was visited at least twice during a period of floodplain stability and weak soil formation under cool climate conditions (dating to Greenland Stadial 5/Heinrich Event 3 [GS 5/HE3] in the North Atlantic climate-stratigraphic framework). The lower occupation (Layer II/2) yielded only a small number of artifacts and bones, but contains several retouched bladelets diagnostic of the early Gravettian [Stepanchuk, 2005. P. 27—28. Fig. 3].

The upper occupation (Layer I) produced another example of an extended habitation associated with a nearby kill-butcher event. Evidence of a long-term camp includes traces of an artificial structure (occupying an estimated 14.5 m²) in the form of a post-hole arrangement [Stepanchuk, 2005. P. 28], former hearths, small pits, and a dense concentration of debris. The artifacts include perforators, burins, and microliths, as well as various implements of bone and antler and ornaments. The faunal remains comprise a diverse array of large and small mammals (including mammoth, red deer, reindeer, bison, arctic fox [common], and hare).

Evidence for the killing and butchering of a group of animals near the site includes hundreds of identifiable bones and teeth of horse (*Equus latipes*), representing virtually all skeletal parts and exhibiting signs of fresh breakage and tool cut-marks. Patterns of eruption and wear on the teeth, and the scarcity of canines, indicate a mare band structure [Stepanchuk, 2005. P. 28; Hoffecker et al., unpublished ms.]. Besides the artifacts already noted, Layer I contains a high proportion of tool types typically found in kill-butcher sites (i. e., side-scrapers, small bifaces, points) and the assemblage as a whole is similar to those of Kostenki 14, Layer II and Kostenki 15.

Biryuch'ya Balka. Located along a ravine system on the Severskii Donets River, near its confluence with the Don, are several localities containing EUP occupations, as well as older assemblages assigned to the Mousterian [Matyukhin, 2002; 2006]. At **Biryuch'ya Balka 2**, EUP horizons 3a and 3 are associated with a weakly developed soil, and yielded radiocarbon dates on bone (wood charcoal is absent) of 31,345 ± 364 cal BP and 35,474 ± 439 cal BP [Dodonov et al., 2007. P. 74]. Faunal remains from these layers were relatively scarce, chiefly representing steppe bison (*Bison priscus*), but a large quantity of artifacts was recovered from Layer 3, including those typical for kill-butcher sites such as bifacial projectile points (triangular), side-scrapers, bifaces, and large cutting tools [Matyukhin, 2006. P. 165—167]. Despite the tool types, supporting taphonomic evidence for large-mammal kill-butcher activities is lacking, and the occupation has been interpreted as a workshop location (a complete sequence of projectile point production is represented).

Several underlying levels at Biryuch'ya Balka 2 (Layers 5c–4) contain tool assemblages dominated by side-scrapers, along with end-scrapers (including typical Upper Paleolithic forms), and bladelets (struck with hard-hammer technique) [Matyukhin, 2006. P. 163—164]. Larger sam-

ples of faunal remains were recovered from these layers, especially Layer 5, where a minimum of five individual bison are represented [Dodonov et al., 2007. P. 76. Tab. 2]. The Laschamps paleomagnetic excursion is tentatively identified in Layer 5, which indicates that these occupations may be less than ~ 45,000 cal BP [Matyukhin, 2006. P. 162; Dodonov et al., 2007. P. 73]. Both the presence of typical Upper Paleolithic forms (e. g., bladelets), and the potentially late age of Layers 5c–4 at Biryuch'ya Balka 2, suggest these levels might have been occupied by modern humans, despite the fact that the assemblages are classified as Mousterian. As described above, many EUP assemblages on the East European Plain contain significant numbers of side-scrapers, which simply reflect site function.

East European Plain: Other EUP Sites. The remaining EUP sites on the East European Plain lack evidence for kill-butcher events or carcass-processing activities. At least several of these probably represent long-term campsites, but there also are examples of short-term occupations (e. g., *Mamontovaya kurya* on the Usa River, northern Urals at latitude 66° North [Pavlov et al., 2001]).

Layer II at **Kulychivka** — an open-air site found in the northern Volyn-Podolian Upland in western Ukraine — yielded traces of several oval shelters with stone-lined central hearths, a large lithic assemblage, some non-stone artifacts, and a diverse large-mammal fauna [Savich, 1975; Rogachev, Anikovich, 1984. P. 175]. It seems to be a good example of an extended habitation area for this region, and yielded a single radiocarbon date of ~ 30,000 cal BP. Long-term camps also appears to be represented in EUP Layers 10–9 at **Molodova V** in the Middle Dnepr Valley [Chernysh, 1987. P. 27—32], which date to roughly the same time period or slightly earlier, and are associated with a buried soil.

Crimea and Northern Caucasus. The mountain systems that adjoin the southern margin of the East European Plain contain several important EUP sites, all of which are found in natural shelters. Predictably, these caves and rock-shelters appear to have been used as long-term habitation areas, and they provide important information on *Homo sapiens* dispersal in Eastern Europe because they contain artifacts diagnostic of specific cultural entities and evidence of significant technological innovation.

At **Syuren' I** in southwest Crimea, artifacts typical of the Aurignacian techno-complex were recovered from a layer dating to more than 30,000 cal BP [Bonch-Osmolovskii, 1934; Otte et al., 1996]. Further east, at **Buran-Kaya III**, an early Gravettian assemblage (Layer 6-2) recently was dated to ~ 40,000—38,000 cal BP. Modern human skeletal remains in the overlying unit (Layer 6-1) were dated to ~ 36,000—35,000 cal BP [Prat et al., 2011. P. 7. Tab. 1].

In the northern Caucasus, an EUP occupation has been identified in Layer 1C at **Mezmaiskaya Cave** [Golovanova et al., 2010a]. The lithic assemblage contains a large number of bladelets and has been compared to the Ahmarian industry of the Levant. Especially important from this level is an eyed needle fragment that represents the oldest

known evidence for sewn clothing in Europe [Golovanova et al., 2010b].

Modern Human Dispersal and the EUP Record in Eastern Europe

Modern humans dispersed into Eastern Europe ~44,000—42,000 cal BP and may have arrived in an earlier wave roughly 50,000 years ago. Population movements into Eastern Europe may sometimes have been via the Balkans, but also probably were direct from the Levant via the Caucasus Mountains. The East European archaeological record yields important information regarding technological innovations that facilitated the dispersal of modern humans into northern Eurasia; these probably reflect the more challenging environmental conditions that confronted modern humans east of the Carpathian Mountains (i. e., low winter temperatures and reduced biological productivity).

At least two potentially important competitor species were present in Europe during the Late Pleistocene, and their spatial and temporal distribution could have influenced the timing and routes of modern human movements into Eastern Europe. Both hyenas and Neanderthals were established in the southwest plain and southern uplands (Crimea and Northern Caucasus) before the arrival of modern humans [Hoffecker, 2002]. Hyena remains continue to show up in a few sites occupied by modern humans in the southwest plain and in the southern uplands (e. g., Buran-Kaya III in Crimea [Yanevich et al., 2009. P. 189—190]), but are absent on the central plain. Neanderthals also are well documented in Crimea and the Northern Caucasus (i. e., diagnostic skeletal remains, as well as ancient DNA from Mezmaiskaya Cave) during the earlier phases of MIS 3 [Golovanova et al., 2010].

Initial Upper Paleolithic. The earliest movement of *Homo sapiens* into Europe may have taken place roughly 50,000 years ago, during a pronounced and sustained interval of warm climate in the northern hemisphere (GI 12). At this time, artifact assemblages containing Levallois points and blades and varying proportions of typical Upper Paleolithic tools (e. g., end-scrapers) appear in the Balkans and parts of Central Europe. These assemblages, which are assigned to the *Bohunician* industry (or Initial Upper Paleolithic [IUP]) are similar to and apparently derived from the IUP industry of the Levant [Kuhn, 2003; Svoboda, Bar-Yosef, 2003; Bar-Yosef, 2007; Stringer, 2012. P. 96—97]. To date, no diagnostic human skeletal remains (or ancient DNA) have been recovered in these sites, and although the IUP is a credible proxy for modern humans, this remains to be confirmed.

A parallel development may have occurred in Eastern Europe, where at least one Bohunician assemblage is widely recognized in western Ukraine (Kulychivka, Layer III [Cohen, Stepanchuk, 1999; Anikovich et al., 2007]) and other assemblages containing Levallois points and blades are found in many parts of Eastern Europe. As in Central Europe, no diagnostic human skeletal remains have been recovered from these sites. In Eastern Europe,

the primary issue is the dating of the Levallois point and blade industry. A single — relatively young — date is available for the Kulychivka assemblage (~35,000 cal BP) [Cohen, Stepanchuk, 1999. P. 293]. Most of the East European assemblages appear to be of comparable age to the Bohunician sites (roughly 50,000 years ago or younger) but some may be significantly older. Another issue in Eastern Europe is the scarcity of typical Upper Paleolithic tools, which are common in the Bohunician. While Upper Paleolithic types are present in some of these assemblages (e. g., Monasheskaya Cave), they are rare or absent in others (e. g., Shlyakh [Nehoroshev, 1999]).

If the Levallois point and blade assemblages represent an early movement of modern humans into Central and Eastern Europe from the Levant at ~50,000 cal BP, they are likely to have belonged to an mtDNA haplogroup such as N and/or I, although this hypothesis can be tested only with the analysis of aDNA from human skeletal remains. It is unclear if their route(s) into Eastern Europe would have been through the Caucasus Mountains or via the Balkans or both. The apparent association with the GI 12 warm period suggests that climate might have played a major role in the earliest hypothesized *Homo sapiens* dispersal into Europe. Significantly, there is little evidence for technological innovation in the IUP [Hoffecker, 2011].

Proto-Gravettian. If there are doubts about the authorship of the Levallois point and blade assemblages, there is little doubt that modern humans produced the bladelet-dominated assemblages that appear in Mediterranean Europe roughly 42,000 cal BP (usually termed *Proto-Aurignacian*). In addition to large number of bladelets and points, they often contain a variety of non-stone tools and personal ornaments. The Proto-Aurignacian is almost certainly derived from the Ahmarian industry of the Levant (which, in turn, appears to be an outgrowth of the local IUP); it is associated with modern human skeletal remains in Lebanon (i. e., Ksar Akil) [Mellars, 2006; Bar-Yosef, 2007].

Ahmarian assemblages are found on both the southern and northern slopes of the Caucasus Mountains, and appear to represent a separate movement of modern humans from the Levant directly into Eastern Europe at roughly the same time as the Proto-Aurignacian movement into Mediterranean Europe. An Ahmarian assemblage in Layer 4d at *Ortvale Klde* in Georgia dates to ~43,000—42,000 cal BP ([Adler et al., 2006]; D. S. Adler, personal communication, 2012), while the Ahmarian assemblage in Layer 1C at Mezmaiskaya Cave in the northern Caucasus is dated to ~38,000—37,000 cal BP [Golovanova et al., 2010a]. However, bladelets at Kostenki 14 (Layer IVb) and Kostenki 17 (Layer II) underlie the CI tephra and probably are at least ~42,000 cal BP (and the bladelets in Layer 5 at Biryuch'ya Balka 2 probably are of comparable age) indicating that this industry moved into Eastern Europe at roughly the same time that the Proto-Aurignacian industry appeared in Mediterranean Europe. Because it probably represents a separate movement of modern humans from the Near East, and is likely related to the early Gravettian bladelet industry of Eastern Europe, this industry is most appropriately termed *Proto-Gravettian* [Hof-

fecker, 2012]. It is associated with isolated human teeth at Kostenki 14 (Layer IVb) and Kostenki 17 (Layer II) that are tentatively assigned to *Homo sapiens* [Boriskovskii, 1963; Sinitsyn, 2002].

The low visibility of this industry on the East European Plain reflects the nature of the archaeological record for old sites in an open landscape (and contrasts with the relatively high visibility of later Upper Paleolithic sites on the East European Plain and Paleoindian sites of the North American Plains). In the near absence of natural shelters, these deeply buried sites are discovered only as a consequence of unusual circumstances. The concentration of early EUP sites at Kostenki-Borshchevo reflects both the consistent attraction of active springs — also a magnet for sites on the North American Plains and Southwest — and the presence of later Upper Paleolithic sites near the surface, which encouraged archaeologists (especially Rogachev) to dig deeper and encounter the EUP occupations.

In contrast to the Levallois point and blade industry described above, the Proto-Gravettian yields evidence of major technological innovations that probably were critical to successful dispersal in Eastern Europe. Although the initial appearance of the bladelet industry may coincide with another warm period (GI 11), it is clear that it also dates to one or more cold intervals, including GS 10 (see: [Weninger, Jöris, 2008. Fig. 3]). In addition to low winter temperatures, the colonizing population would have had to adapt to reduced biological productivity — especially on the East European Plain. The eyed needle fragment recovered from Mezmaiskaya Cave suggests improved insulation of clothing (and it should be noted that sewing needles are not present in West European industries until the Solutrean) [Golovanova et al., 2010b]. A concentration of hare remains in Layer IV at Kostenki 14 apparently indicates efficient harvesting of these small mammals and implies the use of snares or traps. Kostenki 14 also yielded digging implements [Sinitsyn, 2002], while ornaments at Kostenki 17 indicate use of a hand-operated rotary drill [Boriskovskii, 1963].

Later EUP Industries of Eastern Europe. A richer archaeological and human fossil record is available for the period after 40,000 cal BP (and the CI eruption and ash-fall). At least two major techno-complexes are represented in Eastern Europe during 40,000—30,000 cal BP. One of these is the *early Gravettian* industry, which probably is connected to the preceding Ahmarian or Proto-Gravettian industry, at sites such as Buran-Kaya III (Layer 6-2), Mira (Layer II/2), and Kostenki 8 (Layer II/III). The other is an East European variant of the Aurignacian techno-complex (or *Eastern Aurignacian*), which is recognized at Molodova V (Layer 10), Syuren' I, and Kostenki 1 (Layer III). The Aurignacian sites presumably reflect a movement of people from Central into Eastern Europe after the CI eruption [Richards et al., 1998].

The early Gravettian assemblages are distinguished by the presence of large retouched and pointed bladelets, while the Aurignacian assemblages contain some diagnostic elements of the techno-complex in Western Europe (e. g., carinate end-scrapers, small Dufour bladelets). Many assemblages are difficult to assign to either entity

(e. g., Kostenki 14, Layer II; Mira, Layer I; Sungir') and could represent other groups. Thus, for example, the assemblages assigned to the *Gorodtsovan Culture* might represent a separate cultural entity, although it should be noted that all of the sites in this category yield traces of large-mammal carcass-processing.

Reflecting the open landscape setting, much of the later EUP archaeological record of the East European Plain comprises kill-butchery locations, which significantly affects the types of artifacts and features representing these industries. Many occupations contain typical (and expedient) carcass-processing tools, such as side-scrapers, bifaces, and large cutting implements. Also common in these contexts are bifacial projectile points, which are more diagnostic of a specific cultural entity and may be associated with the Eastern Aurignacian (but could represent yet another group, as in the case of the Gorodtsovan sites). An important component of the later EUP economy was the hunting of large mammals in groups, especially horse and reindeer; complex ravine topography probably was used to trap these groups in a manner similar to that on the North American Plains (e. g.: [Todd, 1987]).

We see no compelling evidence for any «archaic» industries in the EUP of Eastern Europe (i. e., industries that exhibit high production and use of diagnostic Mousterian tools in comparison to later industries). The occurrence of these types of artifacts in EUP assemblages (e. g., side-scrapers, large cutting implements) is logically related to the processing of large-mammal carcasses, for which there is consistent supporting evidence (i. e., taphonomic characteristics of associated large mammal remains). The comparatively high incidence of kill-butchery sites in EUP sites of the East European Plain reflects the landscape setting, and has parallels in the archaeological record of the North American Plains [Holliday, Mandel, 2006]. The reduced occurrence of these artifact types in later Upper Paleolithic industries of Eastern Europe is more plausibly attributed to lower visibility of carcass-processing areas than a progressive development of lithic technology and tool types.

The various hypothesized scenarios regarding population movements and sources may eventually be tested with aDNA recovered from human skeletal remains in the later EUP sites. Analysis of aDNA from a skeleton excavated at Kostenki 14 (Layer III) indicates the presence of mtDNA haplogroup U (sub-group U2) at ~35,000 cal BP on the central plain [Krause et al., 2010]. Haplogroup U represents one of the earliest movements of modern humans into Europe (Proto-Aurignacian?) and East European subgroups may be derived from a Central European population [Malyarchuk et al., 2010]. It is likely that other mtDNA haplogroups are represented in Eastern Europe during this interval, including one or more haplogroups or sub-groups related to the people who made the Proto-Gravettian industry. Analysis of the skeletal remains from Kostenki 14, Layer III and Sungir' indicates retention of anatomical traits associated with tropical climate settings (e. g., high brachial index), despite the likelihood that these individuals probably are derived from a population

that had inhabited higher latitudes for many millennia [Hoffecker, 2002. P. 155—158].

The tropical physique of the later EUP people would have exposed them to a high risk of cold injury on the central and northern plain of Eastern Europe at this time (~ 35,000 cal BP), and it underscores the continuing importance of technologies for cold protection. Needles and/or needle fragments have been recovered from several of these sites, including Kostenki 15, Mira (Layer I), and Sungir' [Bader 1978; Rogachev, Sinitsyn 1982; Stepanchuk, 2005]. Habitation areas in these sites contain substantial evidence for artificial shelter construction, and traces of shelters are reported from Kulychivka (Layer II), Mira (Layer I), and Kostenki 8 (Layer II/III). Improvements in fishing technology may be indicated by the pre-

sence of fish remains in sites like Kostenki 8 (Layer II/III) and stable isotope values for human bone from Kostenki 1 (Layer III) that reflect high consumption of freshwater aquatic foods [Richards et al., 2001].

Acknowledgment and Dedication. The authors dedicate this paper to the memory of Prof. M. V. Anikovich (1947—2012) with whom we worked at Kostenki during 2001—2004 and 2007—2008. Prof. Anikovich was the foremost authority on the EUP of Eastern Europe, as well as a highly congenial companion in the field, and it was both a privilege and a pleasure to work with him at Kostenki. We also acknowledge the support of the Leakey Foundation, National Science Foundation, and National Geographic Society for research at Kostenki 1, 8, and 12 with Prof. Anikovich.

Fig. 1. Both early and later EUP occupations are concentrated around spring-fed side-valley drainages on the west bank of the Don River at Kostenki. Pokrovskii Ravine is shown in this photograph. Kostenki 12 is located on the south side of the ravine mouth (photographed by JFH in August 2003)

Fig. 2. The later EUP occupation layers at Mira (Lower Dnepr Valley, south-central Ukraine) are buried about 10 meters below the modern surface in alluvium of the Second Terrace (photographed by JFH in August 2012)

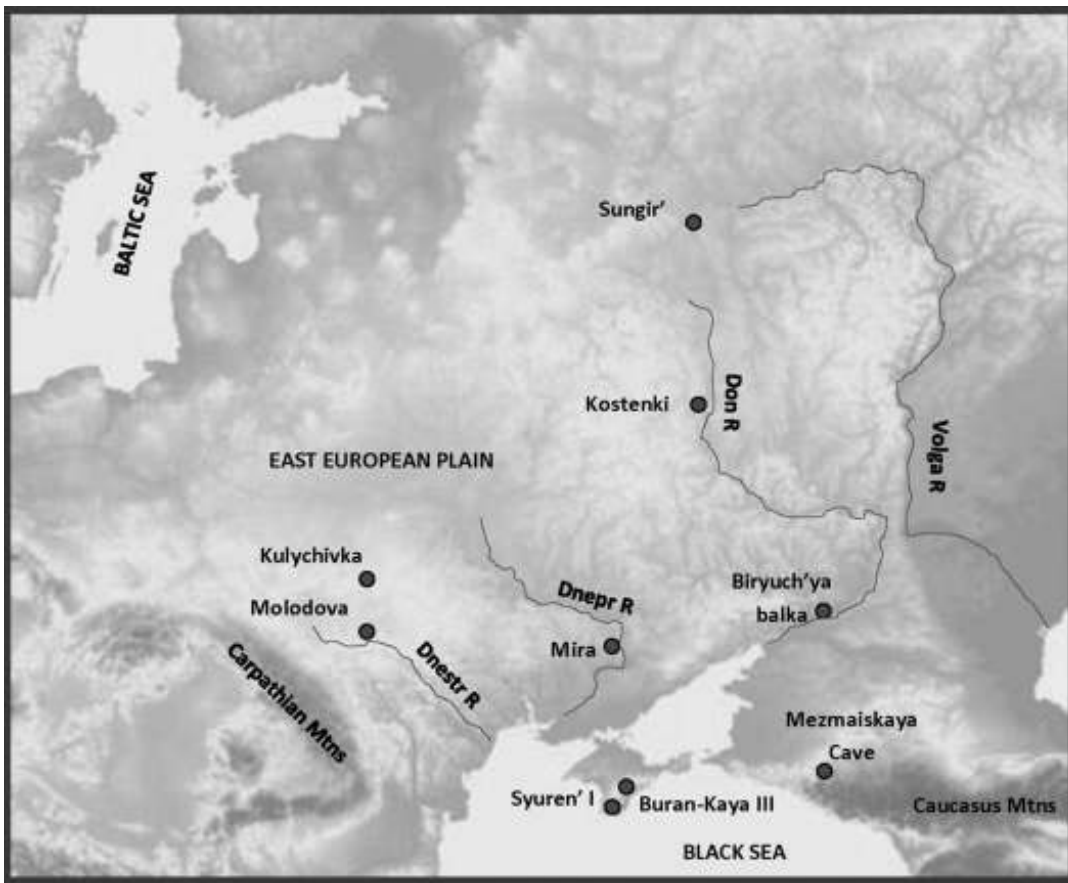

Fig. 3. Map of major EUP sites in Eastern Europe mentioned in the text

Fig. 4. A mass of reindeer and horse bones (also mammoth bones) washed downslope at Kostenki 12 (Layer III) and apparently representing traces of several kill-butcher events (photographed by M. V. Anikovich in August 2012)

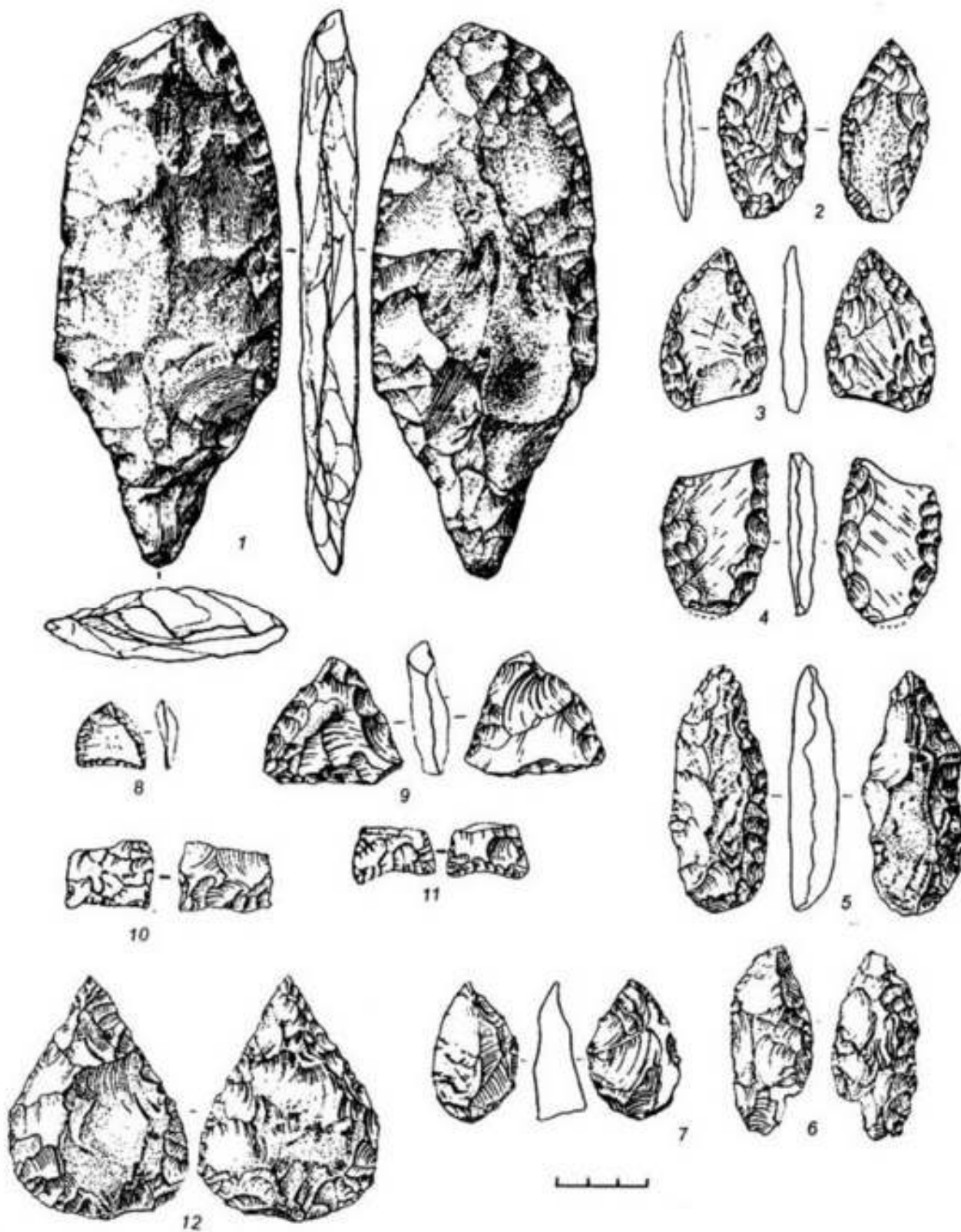

Fig. 5. Artifacts associated with the large mammal bones at Kostenki 12 (Layer III) comprise types found in kill-butcher sites and carcass-processing areas in Palaeindian sites of North America (after [Anikovitch et al., 2008. P. 91. Fig. 43])

Fig. 6. Bones of Don hare (*Lepus tanaicus*) recovered from Layer IV at Kostenki by Rogachev (photographed by JFH in March 2008 courtesy of G. F. Baryshnikov)

Fig. 7. Horse bones and human burial at Kostenki 15, photographed during Rogachev's 1951 salvage excavation at the site (from [Anikovich et al., 2008. P. 139. Fig. 77])

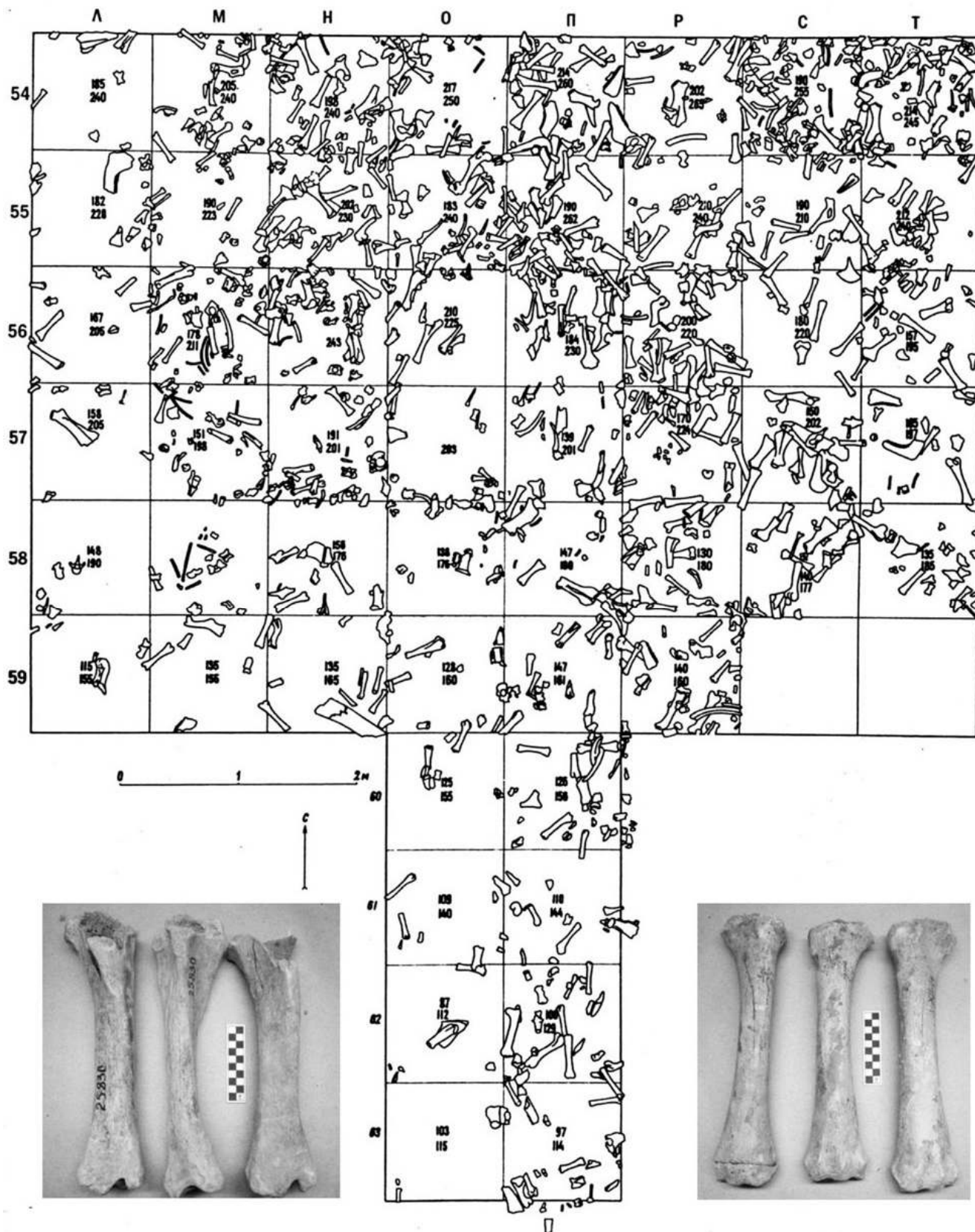

Fig. 8. Bone bed comprising remains of horse (*Equus latipes*) excavated by Rogachev at Kostenki 12 (Layer I) in 1961—1962. Insets (lower left): complete tibiae with damaged proximal ends; (lower right): complete radii (photographed by JFH in May 2012 courtesy of G. F. Baryshnikov)

Fig. 9. Artifacts associated with evidence for carcass-processing at Kostenki 14 (photographed by JFH in March 2009, courtesy of A. A. Sinitsyn)

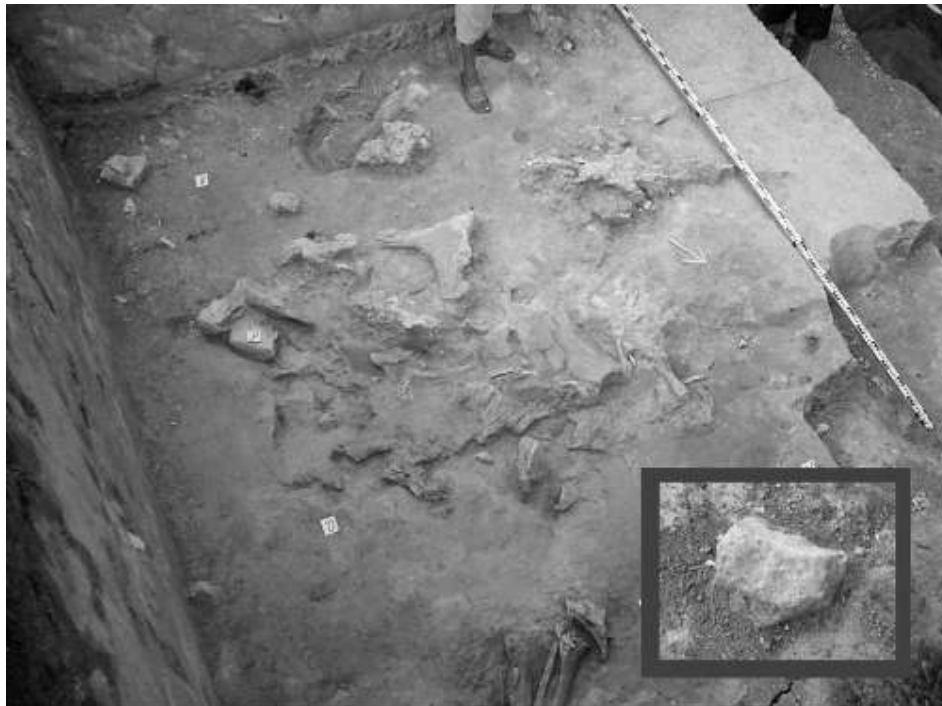

Fig. 10. Concentration of horse and mammoth bones in Layer III at Kostenki I, excavated in 2008 by M. V. Anikovich and A. V. Dudin. Inset: rock associated with the bones (photographed by JFH in August 2008)

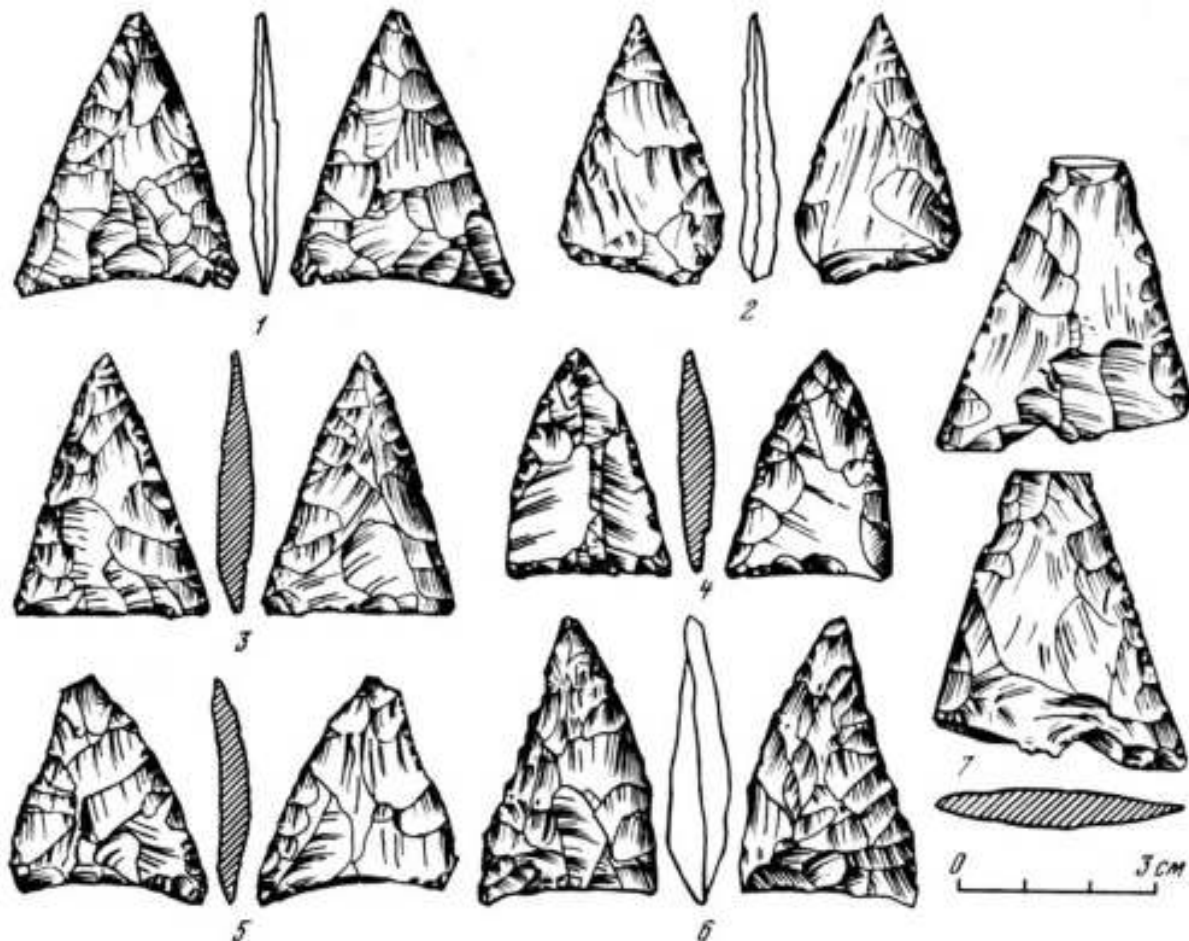

Fig. 11. Bifacial projectile points from Sungir' (from [Bader, 1978. P. 86])

Fig. 12. Bladelets recovered from Mira, Layer II/2 (photographed by JFH in October 2011, courtesy of V. N. Stepanchuk)

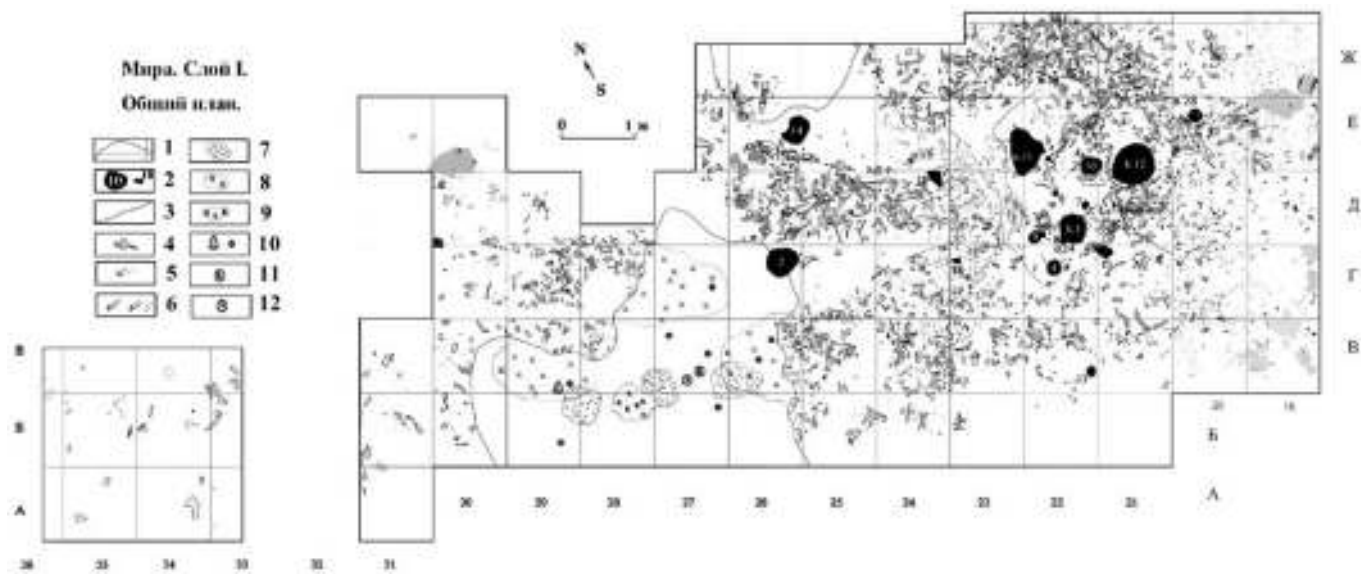

Fig. 13. Occupation floor at Mira, Layer I, which appears to represent a habitation area with artificial shelter associated with the processing of horse carcasses (from V. N. Stepanchuk)

Fig. 14. Biryuch'ya Balka localities along a side-valley ravine that empties into the Sererskii Donets River near its confluence with the Don River (source: Google maps)

Fig. 15. Levallois blades from Layer 8 at Shlyakh (photographed by JFH in May 2012, courtesy of N. E. Nehoroshev)

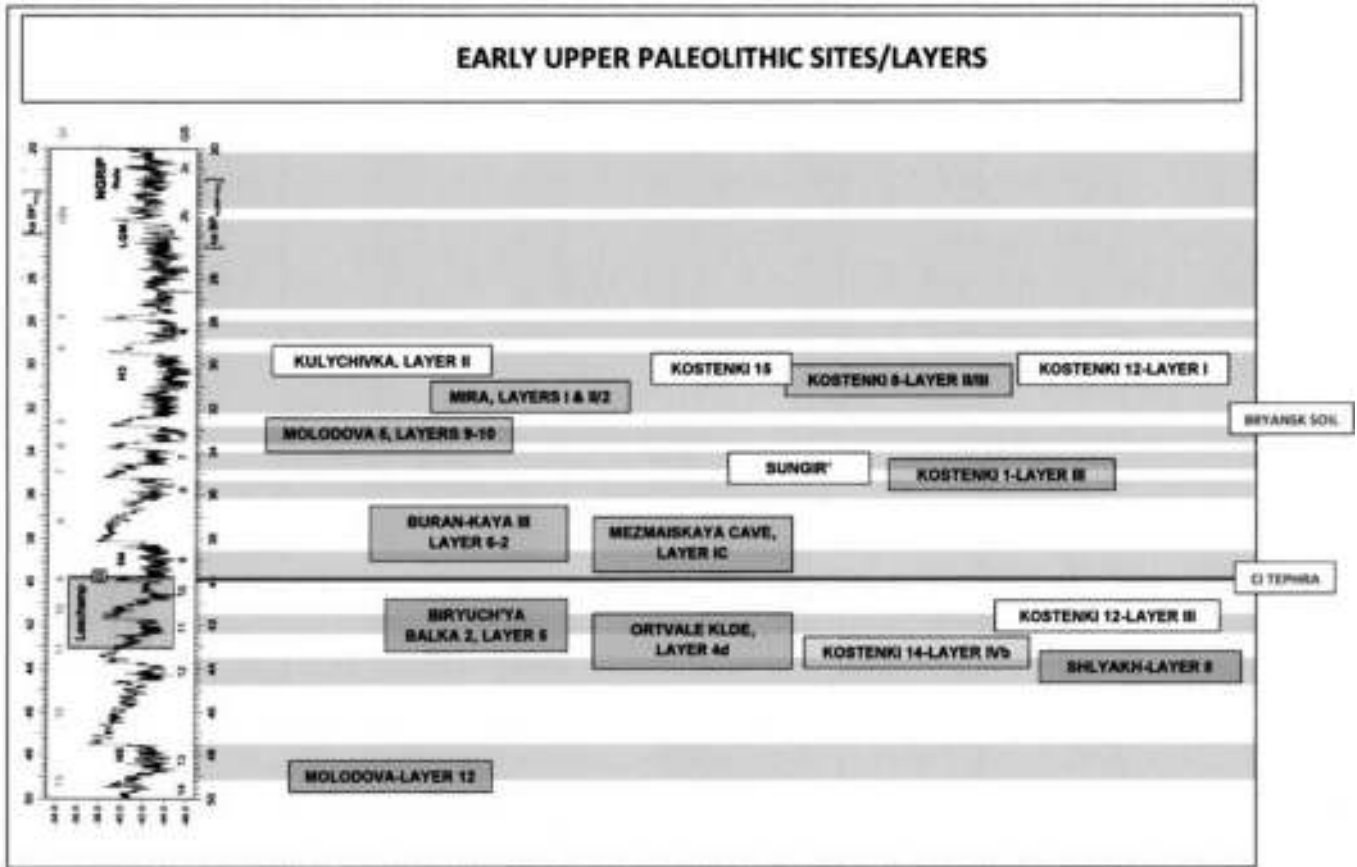

Fig. 16. Climato-stratigraphy based on the Greenland ice-core record (after [Weninger, Joris, 2008. Fig. 3]) and chronology of major EUP sites in eastern Europe. Sites/layers containing diagnostic elements of the Proto-Gravettian/early Gravettian are coded in red, while sites/layers containing diagnostic elements of the Aurignacian techno-complex are coded in blue. Levallois point and blade assemblages that might represent the IUP are coded in amber

Дж. Ф. Хоффекер, В. Т. Холлидей

ЛАНДШАФТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ЗАСЕЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫМИ ЛЮДЬМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Анатомически современные люди (*Homo sapiens*) эволюционировали в Тропической Африке, а в Восточную Европу они мигрировали в ходе более широкого, глобального расселения. Об африканском происхождении и глобальном расселении современных людей свидетельствуют данные следующих трех видов [Wells, 2007; Endicott et al., 2009; Klein, 2009; Stringer, 2012]: (1) скелетные остатки *Homo sapiens* из Тропической Африки, датируемые временем как минимум 200 000 л. н., тогда как в Северной Африке, Евразии, Австралии и иных частях света они имеют более поздний возраст (например: [Bräuer, 1989]); (2) генетика ныне живущих людей (например: [Ingman et al., 2000; Underhill et al., 2000]), которая являет картину уменьшения разнообразия по мере удаления от Тропической Африки (и которая может быть проверена анализом древней ДНК, выделенной из человеческих скелетных остатков, когда это позволяет их сохранность (например: [Krause et al., 2010])); (3) археологические данные (например: [Hoffecker, 2009; Roberts, 2009]). Данные всех этих трех категорий (включая древнюю ДНК) имеются в наличии и применительно к проблеме заселения современными людьми Восточной Европы.

Когда определяемые человеческие кости (или древняя ДНК) отсутствуют, археологические данные могут дать свидетельства миграций групп современных людей в период их глобального расселения. Так, например, древнейшие из датированных археологических находок в Австралии, хотя они и не связаны со скелетными материалами и древней ДНК, могут считаться свидетельствами раннего продвижения *Homo sapiens* на этот континент (в Австралии нет следов пребывания людей досовременных форм). Однако в некоторых случаях отнесение археологических находок к той или иной из видовых форм *Homo* может быть проблематичным; в Восточной Европе имеется ряд памятников, попадающих в эту категорию (например Бызовая [Slimak et al., 2011]). В конечном счете может оказаться возможным соотнесение конкретных групп артефактов с определенными генетическими единицами, такими как митохондриальные гаплогруппы, но в настоящее время для Северной Евразии это неосуществимо.

Археологические материалы проливают свет также на то, каким образом современные люди сумели так быстро освоить широкий спектр местообитаний и климатических зон. Высокая скорость глобального расселения была достигнута в значительной степени благо-

даря столь же быстрым технологическим инновациям [Hoffecker, 2005. P. 187—190]. Современные люди конструировали свои собственные адаптивные приспособления посредством перевода информации из мозга в новые и часто сложные технологии (например швейные иглы) аналогично тому, как генетическая информация переводится в фенотипы. Сами скелетные остатки современных людей иногда явно указывают на критическую важность способности к технологическим инновациям — так, в Европе они демонстрируют сохранение анатомических адаптаций к тропикам (например высокий брахиальный индекс) еще многие тысячи лет после того, как современные люди расселились в регионах с холодным климатом (например: [Hoffecker, 2002. P. 153—158]).

Археологические материалы, связанные с расселением современных людей, т. е. соответствующие раннему верхнему палеолиту (РВП) Европы, могут, однако, существенно различаться от региона к региону, и эти различия должны получить объяснение в рамках интерпретации свидетельств глобального расселения. Археологические материалы каждой части мира должны быть рассмотрены в региональном ландшафтном контексте, т. е. с позиций «ландшафтной археологии» [Butzer, 1982; Roberts, 1987]. Выразителен контраст между археологическими материалами Восточной Европы и Франко-Кантабрии, т. е. того региона Европы Западной, где в конце XIX—начале XX в. произошло становление большинства интерпретационных и классификационных понятий археологии палеолита.

Основные памятники РВП Франко-Кантабрии связаны с пещерами и скальными навесами, что определенным образом влияет на характер культурных остатков. Начать с того, что естественные убежища представляют собой долговечные и хорошо заметные ландшафтные точки притяжения, они являются магнитами и для людей, ищущих где поселиться, и для людей, проводящих археологические разведки. Такие убежища часто являются местами накопления мощных культурных напластований, защищенных от эрозии; геохимические условия их залегания обычно благоприятствуют сохранению и иных, нежели камень, материалов. Пещеры и навесы обычно использовались как стоянки, а не как места забоя/разделки дичи или как карьеры/мастерские, и это сказывается на характере обнаруживаемых на них артефактов, сооружений и пищевых отбросов.

Большинство памятников РВП Восточной Европы представляют собой местонахождения под открытым небом, находящиеся на огромной равнине, занимающей большую часть европейской территории к востоку от Карпатских гор. Во многих отношениях эти памятники больше похожи на ранние преисторические памятники североамериканских равнин и Юго-Запада, нежели на франко-кантабрийские стоянки в естественных убежищах. Памятники РВП Восточной Европы сравнительно немногочисленны (особенно в пересчете на единицу площади), часто они глубоко погребены и обнаружить их трудно. Многие стоянки Восточно-Европейской равнины содержат свидетельства забоя и разделки туш крупных млекопитающих, а также артефакты и сооружения, типичные для памятников такого рода [Hoffecker, 2011].

Ландшафты Восточной Европы

Доминирующим на европейском континенте элементом ландшафта является обширная низменная равнина, простирающаяся от Карпат до Урала и от Ледовитого океана до Черного и Каспийского морей на юге. Восточно-Европейская равнина представляет собой стабильную платформу из докембрийских изверженных и метаморфических пород, которые обнажаются на ее изрезанном ледниками северо-западе, а также вдоль течения Днепра в Центральной и Южной Украине. Докембрийское основание перекрыто мощным чехлом осадочных пород, заполняющих прогибы и котловины и создающих относительно ровную поверхность.

В южной половине Восточно-Европейской равнины наиболее значительными элементами рельефа являются несколько низких плато, сложенных блоками дочетвертичных отложений, воздымание которых произошло в результате тектонических процессов, порожденных подвижками платформы. Одним из этих плато является Волыно-Подольская возвышенность, примыкающая на юго-западе равнины к восточному склону Карпат и возвышающаяся над уровнем моря в среднем на 200—400 метров. Близ центра равнины находится Среднерусская возвышенность, средняя высота которой составляет лишь около 200 метров, а далее к востоку лежит Волжская возвышенность (200—300 метров над уровнем моря). На юге центральной части равнины, близ Азовского моря, расположен небольшой Донецкий кряж со средней высотой 200—250 метров.

Меж возвышенностями лежат бассейны главных рек, текущих на юг и впадающих в Черное и Каспийское моря. Если Днестр глубоко прорезает Волыно-Подольскую возвышенность, создавая многочисленные террасы, то основные реки центральной части равнины (Днепр-Деснинский бассейн, Дон, Волга) образуют системы мелких долин (значительная часть топографического рельефа этих долин связана с краевыми участками описанных выше низких плато). Вдоль рек сформировались системы балок, разрезающих низкие террасы и коренные породы плато.

Хотя в речных долинах Волыно-Подольской возвышенности известен ряд естественных убежищ, в центре равнины пещеры и навесы чрезвычайно редки. Палеолитические памятники, включая долговременные стоянки и участки их сосредоточения, относятся к открытому типу, располагаются обычно на низких террасах и часто приурочены к долинам боковых балок. От случая к случаю они встречаются и на древних поймах. По крайней мере, некоторые памятники связаны с источниками (например: [Holliday et al. 2007]), которые должны были привлекать крупных млекопитающих. В открытых ландшафтах источники являются одним из немногих видов объектов, неизменно привлекающих людей для поселения, подобно тому как в других природных условиях их привлекают естественные убежища. Для Великих равнин и Юго-Запада Северной Америки фиксируется тесная связь между источниками, с одной стороны, и стоянками, а также местами забоя/разделки дичи — с другой (например: [Holliday, Mandel, 2006]).

Климат и биота Восточно-Европейской равнины отличаются от таковых в других частях среднеширотной Европы, и эти различия также сказывались на характере освоения современными людьми региона. В то время как Западная Европа получает влажный теплый воздух из Северной Атлантики, Восточная Европа характеризуется более континентальным климатом. Зимние температуры на Восточно-Европейской равнине значительно ниже, чем на аналогичных западноевропейских широтах. Пониженная влажность ведет к более низкой первичной продуктивности, особенно в аридных районах юга равнины. Как неандертальцы, так и современные люди были вынуждены приспосабливаться к более низким сезонным температурам и менее продуктивным ландшафтам Восточно-Европейской равнины.

Ландшафтная археология и РВП Восточной Европы

Несколько важных памятников РВП найдено на южных возвышенных окраинах Восточной Европы. Таковы Сюрень и Буран-Кая III в горах Южного Крыма [Otte et al., 1996; Prat et al., 2011; Demidenko et al., 2012]. На Северном Кавказе важный комплекс РВП был исследован в Мезмайской пещере [Golovanova et al., 2010a]. Еще ряд памятников РВП известен в пещерах Западного Урала. Однако большинство РВП памятников Восточной Европы представлено открытыми местонахождениями Восточно-Европейской равнины.

Крупнейшее скопление памятников находится в Костенковско-Борщевском районе на Среднем Дону [Klein, 1969; Praslov, Rogachev, 1982; Anikovich et al., 2008] (рис. 1). Еще одна группа (Молодовская) связана с долиной Среднего Днестра [Chernysh, 1987]. По меньшей мере один памятник РВП известен в бассейне Днепра близ Запорожья (Мира) (рис. 2), и еще один, очень важный, стратифицированный памятник найден в Бирючьей Балке недалеко от места впадения в Дон

Северского Донца [Stepanchuk, 2005; Matyukhin, 2002; 2006]. В северной части равнины, на одном из притоков Оки близ Владимира, находится знаменитая стоянка Сунгирь [Bader, 1978]. Еще дальше к северу, в бассейне Печоры, известны такие памятники, как Бызовая и Мамонтова Курья [Pavlov et al., 2001].

В целом плотность известных памятников РВП Восточной Европы низка, особенно на Восточно-Европейской равнине (рис. 3). Их количество на квадратный километр здесь меньше, чем во Франко-Кантабрийском регионе и иных частях Западной Европы, где имеются пещеры и скальные навесы. Невелико их количество и по сравнению с более поздними памятниками верхнего палеолита в этом же самом регионе, а также по сравнению с ранними преисторическими памятниками североамериканских равнин. Несмотря на сравнительно невысокую первичную продуктивность Восточно-Европейской равнины, низкая плотность памятников РВП вряд ли является отражением столь же низкой плотности населения, против чего свидетельствуют мощные скопления костей крупных млекопитающих (например в Костенках 14 и Мире) и обилие культурных остатков, среди которых в ряде случаев — особенно на поздних памятниках РВП — представлены предметы искусства и богатый погребальный инвентарь (как в Сунгире). Представляется, что причиной является значительно более древний возраст и часто более глубокое залегание материалов РВП на Восточно-Европейской равнине. Таким образом, выборка материалов, позволяющих обратиться к вопросам, связанным с заселением современными людьми Восточно-Европейской равнины, сравнительно невелика.

Как и в случае с финальнопалеолитическими (или палеоиндейскими) памятниками североамериканских равнин (и Юго-Запада), среди памятников РВП Восточно-Европейской равнины тоже высока доля местонахождений, связанных с забоем крупных млекопитающих и разделкой их туш. Этот вывод базируется главным образом на тафономических характеристиках фаунистических остатков, но подкрепляется также ландшафтным контекстом местонахождений, равно как и типами представленных на них артефактов. Среди последних значительную часть составляют ситуационные (*expedient*) изделия (например скребловидные на отщепах, неретушированные отщепы, обломки со следами использования) и другие формы, обнаруживаемые обычно там, где убивали и разделяли крупных млекопитающих (например крупные рубящие орудия, бифасы, скребки). Хотя подобные артефакты редко бывают диагностирующими в культурном плане, есть и исключения, например, изготовленные с помощью отжима бифасиальные наконечники метательного оружия, служащие одним из важнейших диагностирующих типов для культур североамериканских равнин и Юго-Запада (например Фолсом, Плэйнвью). В РВП Восточно-Европейской равнины бифасиальные наконечники также являются важным диагностирующим типом (например: [Bradley et al., 1995; Anikovich et al., 2007]).

В ряде случаев следы забоя животных или разделки их туш связаны со свидетельствами долговременного обитания; такая картина тоже известна для Великих равнин и Юго-Запада Северной Америки (например: [Hester, 1972; Haynes, Huckell, 2007; Hill et al., 2011]). На этих стоянках фаунистические остатки, элементы организации пространства и артефакты являют сочетание форм, типичных как для забоя/разделки крупных млекопитающих, так и для продолжительного обитания (например кости, залегающие в анатомической последовательности, и следы укрытий). Инвентарь обычно содержит типичные для забоя/разделки инструменты (см. выше), а также вещи, более характерные для длительного обитания, в частности орудия для обработки кости, для копания, а также украшения. Примеры такого рода среди памятников РВП Восточно-Европейской равнины включают Костенки 15, Мир и Сунгирь. Наконец, некоторые РВП памятники открытого типа представляют собой долговременные стоянки без признаков забоя/разделки. Таковы Костенки 8, Молодова 5 и Куличивка. Следует отметить, что большинство свидетельств технологических инноваций в РВП обнаружено на стоянках длительного обитания (безотносительно к наличию-отсутствию следов забоя/разделки).

После 30 000 л. н. (кал.), т. е. в период, следующий за РВП, памятники со следами забоя и разделки туш крупных млекопитающих редки в Восточной Европе, хотя есть единичные исключения (например Амвросиевка на Украине [Krotova, Belan, 1993]). Причина этого неясна, но возможно, что она связана с изменениями в стратегии землепользования: стоянки перестали устраивать близ мест забоя/разделки дичи. Ситуационные орудия, связанные с забоем/разделкой крупных млекопитающих, на стоянках середины и конца верхнего палеолита встречаются, но не столь часто (например скребла в верхнем слое Костенок 1 [Efimenko, 1958. P. 283—287], леваллуазские отщепы в гроте Чунту в Молдавии [Borziac et al., 1997]). Меньшая заметность деятельности, связанной с забоем/разделкой, после 30 000 л. н. (кал.) объясняет низкий в целом процент таких изделий в индустриях, сменивших РВП.

Ниже дается описательный обзор памятников РВП Восточной Европы с упором на те из них, что содержат свидетельства забоя и разделки крупных млекопитающих. Данные о памятниках открытого типа, где нет таких свидетельств, равно как и о памятниках, найденных в естественных убежищах на окраинах Восточно-Европейской равнины, лишь кратко суммируются. Цель обзора — показать, что на значительной части памятников РВП Восточно-Европейской равнины представлены следы деятельности по забоя и разделке туш животных. Из этого вытекает ряд следствий для интерпретации артефактов, найденных на этих памятниках, а на более общем уровне и для интерпретации археологических материалов, проливающих свет на процесс первоначального заселения современными людьми Восточной Европы.

Костенки-Борщеве. Самая большая группа памятников РВП в Восточной Европе сосредоточена вокруг

нескольких питаемых родниками водотоков вдоль западного берега Дона недалеко от Воронежа. Как минимум 9 памятников РВП, в большинстве своем многослойных, найдено в районе села Костенки, и как минимум еще один многослойный памятник РВП известен в Борщеве, в нескольких километрах к юго-востоку. Они приурочены ко второму террасовому уровню Дона, хотя расположены в большинстве своем вдоль глубоких боковых балок, врезанных в высокий западный борт долины (которая является восточной окраиной Среднерусской возвышенности). Высокая концентрация памятников в этом районе, вероятно, связана с активностью местных родников. Большинство слоев РВП погребено на значительной глубине, и многие из них были открыты лишь после того, как археологи прозондировали отложения, залегающие под более молодыми культурными слоями [Rogachev, 1957].

Ранние слои РВП Костенок лежат ниже кампанских игнимбритовых пеплов древностью 40 000 лет и включают один пункт в главной долине (Костенки 17) и еще несколько пунктов, связанных с крупными логами (Костенки 1, 12 и 14) [Anikovich et al., 2007; Hoffecker et al., 2008]. Результаты датирования этих слоев указывают на то, что они относятся к нескольким периодам (*гренландским интерстадиалам 11–10* [GI 11–GI 10]), предшествовавшим похолоданию, известному как HE4 — эпизод или событие Хайнриха 4 (например: [Weninger, Jöris, 2008]). Культурные остатки погребены в склоновых отложениях с редкими включениями щебенки (из коренных известняков) и следами почвообразования. Имеются следы родниковой деятельности в виде первичных карбонатных прослоек (и родниковых туфов на Костенках 14) [Holliday et al., 2007. P. 218].

В 2002—2003 гг. в слое III *Костенок 12* (на южной стороне балочного устья) было раскопано скопление из более чем 500 костных обломков (в основном это кости северного оленя и лошади) в сочетании с умеренным количеством каменных изделий (небольшие бифасы, отбойники, скребла, скребки и др.) [Anikovich et al., 2004. P. 27—29] (рис. 4). Кости до некоторой степени выветрены, хотя на многих фрагментах различимы повреждения, оставленные зубами хищников, а также, вероятно, орудиями (отметины от ударов). Зафиксированы следы частичной сортировки в результате перемещения по склону под углом примерно 5° [Hoffecker et al., 2010. P. 1081—1083]. Различия в тафономии останков двух названных таксонов (кости северного оленя намного сильнее протравлены корешками и повреждены погрызами) указывают на вероятную разновременность их отложения. Представлено большинство частей скелета, но кости черепа отсутствуют [Hoffecker et al., 2010. P. 1083. Tab. 8].

Последствия выветривания и сортировки усложняют анализ и интерпретацию, но предположительно описанные фаунистические остатки можно соотнести с двумя отдельными эпизодами забоя/разделки, имевшими место на стоянке или рядом с ней, после чего кости были смыты вниз по склону. Разделку туш людьми заставляют предполагать отметины от ударов

(а также частая встречаемость сломов, сделанных, когда кость была еще свежей) и факт смерти животных в непосредственной близости от стоянки, засвидетельствованный почти полной представленностью всех частей скелета. Связанные с костями артефакты (рис. 5) типичны для палеоиндейских кратковременных охотничьих лагерей Северной Америки. Комплекс близок таковому стоянки Блэкуотер Дро 1 (кловис) в Нью Мексико [Hester, 1972. P. 97—110].

В *Костенках 1* на северной стороне того же балочного устья недавно был обнаружен уникальный ранневерхнепалеолитический аналог многочисленным примерам забоя мамонтов, известным в Северной Америке. Самый нижний слой (слой V) дал частичный скелет полувзрослого мамонта в сочетании с разреженным скоплением каменных артефактов. Среди последних бифасиальные наконечники, крупные рубящие орудия, скребла, мелкие скребки и другие изделия, близкие таковым из слоя III Костенок 12 [Anikovich et al., 2006. P. 91]. Хотя слой V часто относят к костенковской группе комплексов РВП (например: [Sinitsyn et al., 1997. P. 27], его возраст остается проблематичным — отчасти вследствие отсутствия пепла на данном участке — и он может быть более поздним [Anikovich, 1977].

Наличеству лишь около 25 % скелета мамонта, в основном это обломки ребер (другие части скелета, вероятно, залегают на еще не раскопанных участках); кажется маловероятным, что они были переотложены водой и гравитацией (нет следов сортировки) или собраны падальщиками [Hoffecker et al., 2010. P. 1083—1085]. Некоторые сломы явно сделаны на свежей кости, в ряде случаев заметны следы погрызов хищниками и возможные повреждения от орудий (см.: [Hoffecker et al., 2010. P. 1085. Fig. 10]). Складывается впечатление, что на данном участке обитатели стоянки производили разделку туши мамонта; хотя прямых указаний на то, что мамонт был убит охотниками, нет, его молодой возраст делает естественную смерть маловероятной.

Остатки долговременных, по всей вероятности, стоянок, имеющие возраст древнее 40 000 лет (кал.), выявлены в *Костенках 14*, слой IV и *Костенках 17*, слой II [Boriskovskii, 1963. P. 83—105; Sinitsyn et al., 2004. P. 52—54]. Здесь мало свидетельств разделки туш крупных млекопитающих, но представлен широкий спектр останков крупных и малых животных (включая скопление костей зайца в слое IV Костенок 14) [Vereshchagin, Kuz'mina, 1977. P. 107—108] (рис. 6). Комплексы артефактов типичны для участков продолжительного обитания (например резцы, роговые мотыги, личные украшения) и могут включать элементы, диагностирующие для конкретных культурных образований (а также свидетельства важных технологических инноваций). Топографическая ситуация Костенок 17, расположенных в главной речной долине, для РВП Костенковско-Борщевского района является аномальной [Lazukov, 1982].

Костенковские памятники дали также богатые материалы РВП древностью от 40 000 до 30 000 лет

(кал.). Для этого периода, соответствующего стадиям GI 8—GI 5 (например: [Weninger, Jöris, 2008]), имеется множество свидетельств забоя и разделки в боковых логах групп лошадей. Возможно, лучший пример массового забоя в РВП Восточной Европы найден в слое II **Костенок 14**, где Рогачев [Rogachev, 1957. P. 77—81] раскопал в 1954 г. крупное скопление останков лошади и связанных с ними артефактов (более 2000 костей и зубов, отнесенных к *Equus latipes*). В отличие от слоя III Костенок 12, здесь постдепозиционные нарушения были минимальны и удалось зафиксировать многочисленные случаи залегания костей в анатомическом порядке, включая последовательность шейных, грудных и поясничных позвонков и нижних конечностей [Rogachev, 1957. P. 78]. Кости отличаются исключительно хорошей для памятника открытого типа сохранностью и несут многочисленные следы, оставленные орудиями, многие из которых находятся на анатомически значимых участках. При блестящей сохранности особое значение приобретает факт редкой встречаемости повреждений, причиненных хищниками [Hoffecker et al., 2010. P. 1076—1077]. Высок процент костей, сломанных в свежем или почти свежем состоянии, а некоторые из них имеют отметины от ударов.

Сходная картина зафиксирована на **Костенках 15**, являющих собой редкий для РВП Костенковско-Борщевского района пример однослойного памятника (открыт в конце 1951 г. в ходе сооружения местного водохранилища, спасательные раскопки были проведены в следующем году Рогачевым [Rogachev, 1957. P. 106—118]) (рис. 7). Стоянка расположена близ устья Александровской балки примерно в 2 км к юго-востоку от Костенок 14, и по времени она тоже близка слою II последнего памятника (А. А. Сеницын, личное сообщение, 2009). Хотя коллекция костей и зубов лошади здесь несколько меньше, а сохранность их хуже, чем в слое II Костенок 14, тафономия сходна: (1) последовательность сочлененных позвонков и нижних конечностей; (2) представлены, по существу, все части скелета; (3) высокая доля сломов, сделанных на сырой кости; (4) низкая встречаемость повреждений, причиненных хищниками; (5) следы работы орудиями на анатомически значимых участках [Hoffecker et al., 2010. P. 1079—1081].

Третий комплект того же времени, содержащий большое количество костей лошади, связан со слоем I **Костенок 12** [Rogachev, 1957. P. 61—65; Anikovich et al., 2008. P. 76—77. Рис. 31] (рис. 8). Всего найдено 3262 кости и зуба, минимальное число особей равно 57 [Vereshchagin, Kuz'mina, 1977. P. 106]. Хотя детальный тафономический анализ не проводился, комплекс отличается от тех, что были описаны для Костенок 14 (рис. 9) и 15. Изучение выборки в несколько сотен костей показало, что многие длинные кости сохранились целиком, обычным является слом по сухой кости, и при наличии следов погрызов отметин, оставленных орудиями, очень мало (J. F. Hoffecker, неопубликованные записи, 2012). Смысл этой картины неясен, но, возможно, данный комплекс просто представляет собой результат менее интенсивной разделки. Похожая

ситуация наблюдается на некоторых памятниках североамериканских равнин (например Horner II, Wyoming [Todd, 1987]) с высокой долей костей в анатомическом сочленении и целых длинных костей. Хотя первая из этих черт не зафиксирована в слое I Костенок 12, это может быть следствием крутизны склона, к которому приурочен памятник (см. выше).

Все три комплекса дали сочетание артефактов, типичных для обработки туш крупных млекопитающих и для жилых стоянок (эти комплексы артефактов традиционно относят к *городцовской культуре* (например: [Rogachev, Anikovich, 1984. P. 183—185])). По-видимому, на каждой из этих стоянок имели место забой и разделка нескольких лошадей (хотя для Костенок 12 свидетельства разделки туш ограничены) и устраивался долговременный лагерь. Балки западного берега долины Дона служили, как представляется, тупиками-ловушками для забоя групп лошадей (вероятно кобыл, о чем свидетельствуют демографические профили для Костенок 14, слой II и Костенок 15 [Hoffecker et al., 2010]) подобно тому, как это было в солжуре [Olsen, 1989; 1995]. Устройство долговременного лагеря на том же месте отражает отсутствие ограничений в выборе мест поселения на местности, где естественные убежища редки или отсутствуют.

Один из наиболее интересных костенковских комплексов позднего РВП найден в слое III **Костенок 1**, первоначально исследованном Рогачевым [Rogachev, 1957. P. 30—35]. Довольно мощный культурный слой связан (а также подстилает ее) с криотурбированной погребенной почвой, которая может быть одновременна стадии GI 8 [Holliday et al., 2007. P. 207—210] и дала серию радиоуглеродных дат порядка 36 000 л. н. Инвентарь содержит несколько элементов, диагностирующих для ориньякского технокомплекса, как то кареноидные скребки, крупные пластины с чешуйчатой ретушью, пластинки дюфур [Anikovich et al., 2007] и широкий спектр фаунистических остатков, указывающих на возможность долговременного обитания [Vereshchagin, Kuz'mina, 1977. P. 100]. Однако новые исследования слоя III (2004—2009) выявили более сложную картину (например: [Anikovich et al., 2006]), частью которой является скопление костей крупных млекопитающих (лошади и мамонта) и артефактов, типичных для мест забоя/разделки (например ретушированные отщепы, крупные рубящие орудия, отбойники) (рис. 10).

Другой комплекс позднего РВП, слой II/III **Костенок 8**, находящийся на низком мысу при слиянии двух логов (Александровского и Бирючьего), более всего соответствует картине долговременного обитания без признаков разделки туш крупных млекопитающих. Образец древесного угля, взятый авторами в 2008 г., дал калиброванную дату 30 709 ± 395 л. н. (CURL-15797). Раскопками выявлены следы нескольких жилищ овальной формы с очагами в центре и множество иных культурных остатков, включая более 20 000 артефактов [Rogachev, 1957. P. 47—58; Rogachev et al., 1982. P. 101—109]. Фаунистический комплекс включал большое количество останков мелких и средних млекопитающих, а также некоторое количество птичь-

их и рыбных костей [Vereshchagin, Kuz'mina, 1977. P. 104]. В отличие от слоя III Костенок 1, среди артефактов представлены формы, характерные для граветтского технокомплекса [Anikovich et al., 2008. P. 128—132].

Сунгирь. Приобретший известность своими великолепными погребениями, Сунгирь является важным памятником РВП также в плане его географического положения и иных характеристик, включая найденные здесь артефакты и фаунистические остатки. Он находится на низком мысу близ балки, впадающей в приток Оки Клязьму, неподалеку от Владимира (северо-восточнее Москвы, на широте 56°11'). Культурные остатки связаны с погребенной почвой, которая, видимо, сформировалась на одной из поздних фаз изотопной стадии 3; новые калиброванные даты для 2-го и 3-го погребений указывают на возраст порядка 35 000 л. н. [Marom et al., 2012. Fig. 1], что соответствует короткому эпизоду мягкого климата (*GI 7* по гренландской ледниковой шкале [Weninger, Jöris, 2008]). Памятник был открыт в результате разработки глиняного карьера (для производства кирпичей), артефакты и фаунистические остатки погребены здесь не так глубоко, как на некоторых стоянках в Костенках и в других местах Восточно-Европейской равнины [Bader, 1978. P. 4—19].

РВП представлен на Сунгире одним культурным слоем (аналогично Костенкам 15), хотя можно допустить, что люди возвращались сюда в определенные сезоны на протяжении многих лет (вертикальный разброс находок, достигающий местами 90 см, обусловлен, вероятно, криогенными процессами). Памятник представляет собой еще один классический пример долговременной стоянки со следами по крайней мере одного эпизода забоя/разделки. Судя по всему, близ памятника — возможно в овраге — была добыта группа северных оленей, и их туши, вероятно, разделявали непосредственно на стоянке. Хотя данные о количестве определяемых костей отсутствуют, останки северного оленя являются преобладающими в фаунистической коллекции [Gromov, 1966; Bader, 1978. P. 183]. Представлены все части скелета, а несколько групп позвонков и костей конечностей были найдены в анатомической последовательности. Фотографии, опубликованные Громовым (1966: вклейки XVI—XVII), показывают, что по меньшей мере некоторые кости были сломаны, будучи еще свежими или сырыми, и на многих обломках зафиксированы следы от орудий [Gromov, 1966. P. 78]. Наличие лобных костей с рогами (при полном отсутствии таковых со сброшенными рогами) говорит о том, что животные погибли летом или осенью. Коллекция Сунгирия содержит значительный процент орудий, характерных для стоянок, где осуществлялись забой и разделка животных (отбойники, бифасы, скребловидные орудия на отщепах или скребла, скребки и бифасиальные наконечники [Bader, 1978. P. 127—137]) (рис. 11).

На Сунгире имеются также свидетельства продолжительного обитания в виде погребений, ям, многочисленных очагов и плотных скоплений бытовых отходов. Фаунистические остатки разнообразны (кроме

северного оленя представлены мамонт, лошадь, бизон, сайга, заяц и несколько хищных млекопитающих, в том числе песец) и типичны для долговременных стоянок. Другие (помимо описанных выше) артефакты больше характерны для многофункциональных жилых участков (например резцы, шилья) и включают ряд орудий не из камня, таких как костяные и роговые мотыжки, костяные шилья и фрагмент иглы [Bader, 1978. P. 46—164]. Комплекс включал также украшения и предметы искусства. Таким образом, в целом картина близка той, что наблюдается в хронологически сопоставимых слоях Костенок 14 (слой II) и 15.

Мира. Это единственный надежно датированный памятник РВП на огромной территории бассейна Днепра, что подчеркивает «низкую видимость» стоянок этой эпохи на Восточно-Европейской равнине. Мира занимает уникальную для РВП Восточной Европы палеотопографическую позицию: она находится близ центра того, что примерно 32 000 л. н. (кал.) было широкой поймой Днепра. Люди приходили сюда по меньшей мере дважды в течение периода стабильной поймы и слабого почвообразования в условиях холодного климата (гренландский стадиял 5/эпизод Хайнриха 3 [GS 5/HE3] по североатлантической климато-стратиграфической шкале). Нижний слой (II/2) дал лишь небольшое число артефактов и костей, но среди первых есть несколько ретушированных пластинок, характерных для раннего граветта [Stepanchuk, 2005. P. 27—28. Fig. 3].

Верхний слой (I) является еще одним примером продолжительного обитания, связанного с произведенными неподалеку забоем и разделкой охотничьей добычи. Признаки долговременного лагеря включают следы (в виде ямок от столбов) сооружения площадью 14,5 м² [Stepanchuk, 2005. P. 28], очаги, небольшие ямы и плотные скопления жилых отходов. Среди артефактов проколки, резцы и микролиты (рис. 12), а также различные изделия из рога и кости и украшения. Фаунистические остатки включают широкий спектр костей крупных и мелких млекопитающих (в том числе мамонта, благородного оленя, северного оленя, бизона, песца [обычен] и зайца).

Свидетельства забоя/разделки группы животных рядом со стоянкой (рис. 13) включают сотни определяемых костей и зубов лошади (*Equus latipes*), представляющих практически все части скелета и являющихся сломы, сделанные по свежей кости, и следы орудий. Степень прорезанности и износа зубов, а также редкость клыков указывают на забой группы кобыл [Stepanchuk, 2005. P. 28; Hoffecker et al., неопубликованная рукопись]. Кроме уже упомянутых артефактов, коллекция слоя I содержит большой процент орудий, находимых обычно на местах забоя/разделки (скребла, небольшие бифасы, остроконечники), и в целом комплекс похож на комплексы Костенок 14 (слой II) и 15.

Бирючья Балка. Несколько памятников со слоями РВП, а также более древними слоями, относимыми к мустье, приурочено к системе балок Северского Донца близ его впадения в Дон [Матюхин, 2002; 2006] (рис. 14). В **Бирючьей Балке 2** горизонты РВП (3а и 3) связаны

со слабо развитой почвой и дали калиброванные радиоуглеродные даты (по кости, древесный уголь отсутствует) 31 345 ±364 и 35 474 ±439 л. н. [Dodonov et al., 2007. P. 74]. Фаунистические остатки в этих слоях сравнительно скудны и представлены в основном костями степного бизона (*Bison priscus*), но в слое 3 было обнаружено большое количество артефактов, включая орудия, характерные для мест забоя/разделки, такие как бифасиальные треугольные наконечники, скребла, бифасы и крупные рубящие орудия [Matyukhin, 2006. P. 165—167]. Несмотря на наличие таких типов орудий, тафономические свидетельства забоя/разделки крупных млекопитающих отсутствуют, и комплекс был интерпретирован как мастерская (представлена полная последовательность производства наконечников).

В орудийном наборе нескольких нижележащих слоев Бирючьей Балки 2 (слои 5с—4) доминируют скребла, сочетающиеся со скребками (в том числе типично верхнепалеолитических форм) и пластинками, сколотыми с помощью твердого отбойника [Matyukhin, 2006. P. 163—164]. Из этих слоев происходят более богатые фаунистические коллекции, в частности, в слое 5 встречены останки как минимум пяти бизонов [Dodonov et al., 2007. P. 76. Tab. 2]. Для слоя 5 предварительно определен палеомагнитный экскурс Лашамп, это означает, что данные слои могут быть моложе 45 000 лет (кал.) [Dodonov et al., 2007. P. 73; Matyukhin, 2006. P. 162; Nowaczyk et al., 2012]. Как наличие типичных верхнепалеолитических форм (например пластинок), так и поздний, возможно, возраст слоев 5с—4 позволяют предполагать, что их обитатели были современными людьми, хотя эти комплексы были определены как мустье. На деле Матюхин [2006. С. 168] сопоставляет данные комплексы с пластинчато-острийной индустрией Шляха (на Дону) и памятников Донбасса, которые похожи на богунице Центральной Европы [Nehoroshev, 1999] (рис. 15).

Восточно-Европейская равнина: другие памятники РВП. На остальных памятниках РВП Восточно-Европейской равнины отсутствуют признаки забоя животных или разделки их туш. Вероятно, по крайней мере несколько из этих памятников представляют собой долговременные лагеря, но есть и примеры кратковременного обитания (например *Мамонтовая курья* на Северном Урале на 66° с. ш. [Pavlov et al., 2001]).

Слой II **Куличивки** — памятника открытого типа на севере Вольно-Подольской возвышенности дал следы нескольких овальных жилищ с выложенными камнем очагами в центре, большую коллекцию каменных изделий, ряд артефактов не из камня и разнообразную фауну крупных млекопитающих [Savich, 1975; Rogachev, Anikovich, 1984. P. 175]. Для данного региона этот комплекс кажется хорошим примером продолжительного обитания; он дал единственную радиоуглеродную дату около 30 000 л. н. (кал.). Долговременные лагеря представлены также, по-видимому, РВП слоями 10—9 **Молодово V** в долине Среднего Днестра [Chernysh, 1987. P. 27—32], которые относятся при-

мерно к тому же или чуть более раннему периоду и связаны с погребенной почвой.

Крым и Северный Кавказ. В горах, примыкающих к южной окраине Восточно-Европейской равнины, расположено несколько важных памятников РВП, и все они связаны с естественными убежищами. Как и следовало бы ожидать, эти пещеры и навесы являют следы использования их в качестве долговременных мест обитания. Они дают важную информацию об освоении *Homo sapiens* Восточной Европы, поскольку содержат артефакты, диагностирующие для конкретных культур, а также свидетельства важных технологических инноваций.

В **Сюрени I** на юго-западе Крыма в слое возрастом древнее 30 000 лет (кал.) были найдены артефакты, типичные для ориньякского технокомплекса [Bonch-Osmolovskii, 1934; Otte et al., 1996; Demidenko et al., 2012]. Далее к востоку, в **Буран-Кая III**, комплекс раннего граветта (слой 6-2) получил недавно дату порядка 40 000—38 000 л. н. (кал.). Человеческие скелетные остатки современного анатомического типа из вышележащего слоя (слой 6-1) датируются временем около 36 000—35 000 л. н. (кал.) [Prat et al., 2011. P. 7. Tab. 1].

На Северном Кавказе РВП был идентифицирован в слое 1с **Мезмайской пещеры** [Golovanova et al., 2010a]. Комплекс каменного инвентаря содержит большое количество пластинок и был сопоставлен с ахмаром Леванта. Особенно важно обнаружение в этом слое фрагмента иглы с ушком, представляющей древнейшее свидетельство шитья одежды в Европе [Golovanova et al., 2010b].

Распространение современных людей и РВП Восточной Европы

Современные люди стали распространяться в Восточной Европе примерно 44 000—42 000 л. н. (кал.), а впервые появились в этом регионе, возможно, с еще более ранней волной расселения — около 50 000 л. н. Их продвижение в Восточную Европу иногда могло идти через Балканы, но были также, вероятно, и прямые миграции из Леванта через Кавказ. Археологические материалы Восточной Европы дают важную информацию о технологических инновациях, которые облегчали расселение современных людей в Северной Евразии; эти инновации, по-видимому, отражают то обстоятельство, что к востоку от Карпат люди столкнулись с более стимулирующими природными условиями (т. е. с низкими зимними температурами и менее продуктивными ландшафтами).

В позднелейстоценовой Европе у *Homo sapiens* было как минимум два серьезных вида-конкурента, распространение которых в пространстве и времени могло влиять на время и пути продвижения современных людей в Восточную Европу. Как гиены, так и неандертальцы укоренились на юго-западе равнины и в южных горах (Крым и Северный Кавказ) до прихода туда современных людей [Hoffecker, 2002]. И там и

там кости гиен продолжают встречаться еще на нескольких памятниках, оставленных современными людьми (например Буран-Кая III в Крыму [Yanevich et al., 2009. P. 189—190]), но в центральной части равнины их нет. Присутствие неандертальцев на ранних фазах изотопной стадии 3 также хорошо документировано для Крыма и Северного Кавказа [Golovanova et al., 2010].

Начальный верхний палеолит (рис. 16). Первоначальное проникновение *Homo sapiens* в Европу могло иметь место примерно 50 000 л. н., в период господства в северном полушарии устойчивого теплого климата (*GI 12*). В это время на Балканах и в некоторых областях Центральной Европы появляются комплексы с леваллуазскими острьями и пластинами, а также количественно варьирующими группами типичных верхнепалеолитических орудий (например скребков). Эти комплексы, относимые к индустрии богунце или начальному верхнему палеолиту (далее НВП), похожи на левантийскую индустрию НВП, из которой они, видимо, и выросли [Kuhn, 2003; Svoboda, Bar-Yosef, 2003; 2007; Stringer, 2012. P. 96—97]. До настоящего времени эти памятники не дали ни диагностирующих человеческих костей, ни древней ДНК, и хотя НВП считается делом рук современных людей, это еще нуждается в подтверждении.

Процесс параллельного развития мог протекать в Восточной Европе, где есть по меньшей мере один широко признанный комплекс богунце (Куличивка, слой III [Cohen, Stepanchuk, 1999; Anikovich et al., 2007]) и другие комплексы, содержащие леваллуазские острья и пластины. Как и в Центральной Европе, эти памятники пока не дали диагностирующих человеческих останков. Для Восточной Европы важнейшим является вопрос о возрасте индустрии с леваллуазскими острьями и пластинами. Единичная — относительно поздняя — дата (около 35 000 л. н. кал.) имеется для комплекса Куличивки [Cohen, Stepanchuk, 1999. P. 293]. Большинство восточноевропейских комплексов, по видимому, сопоставимы по возрасту с богунецкими стоянками (порядка 45 000 лет), но некоторые могут быть значительно древнее. Другая проблема — малое количество в восточноевропейских комплексах типичных верхнепалеолитических форм, которые обычны для богунце. На некоторых памятниках такие формы представлены (например Бирючья Балка 2, слой 4), а на некоторых они редки или отсутствуют (например Шлях, слой 8 [Nehoroshev, 1999]).

Если комплексы с леваллуазскими острьями и пластинами маркируют раннее проникновение современных людей в Центральную и Восточную Европу из Леванта около 50 000 л. н., то они, вероятно, были связаны с людьми, принадлежащими к гаплогруппам N и/или I, хотя эта гипотеза может быть проверена лишь посредством анализа древней ДНК из человеческих костей. Неясно, пролегли ли пути в Восточную Европу через Кавказ или через Балканы, или же они проходили и там и там. Видимая связь с теплым периодом *GI 12* позволяет предполагать, что климат мог играть основную роль на самом раннем гипотетичном этапе

расселения *Homo sapiens* в Европе. Важно отметить, что свидетельства технологических инноваций для НВП редки [Hoffecker, 2011].

Протограветт. Если относительно того, кто был автором комплексов с леваллуазскими острьями и пластинами, существуют сомнения, то в том, что именно современные люди стоят за комплексами с преобладанием пластинок, появившимися в средиземноморской Европе около 42 000 л. н. (кал.) и именуемыми протоориньяком, сомневаться практически не приходится. Кроме большого числа пластинок и острий, они обычно содержат орудия и украшения из иных, нежели камень, материалов. Протоориньяк почти наверняка развился из ахмарской индустрии Леванта, которая, в свою очередь, выросла, как кажется, из местного НВП и связана со скелетными остатками современных людей (Кзар Акил) [Mellars, 2006; Bar-Yosef, 2007].

Ахмарские комплексы обнаружены как на южных, так и на северных склонах Кавказа и, видимо, маркируют обособленную миграцию современных людей из Леванта непосредственно в Восточную Европу примерно в то же время, когда протоориньяк продвинулся в средиземноморские области Европы. Ахмарский слой 4d в Ортвале Клде в Грузии имеет даты порядка 43 000—42 000 л. н. кал. ([Adler et al., 2006]; D. S. Adler, личное сообщение, 2012), а ахмар слоя 1c Мезмайской пещеры на Северном Кавказе датируется временем около 38 000—37 000 л. н. кал. [Golovanova et al., 2010a]. Однако в Костенках 14 (слой IVb) и 17 (слой II) пластины найдены ниже пепла и их древность, вероятно, составляет не менее 42 000 лет кал. (пластинки из слоя 5 Бирючьей Балки 2 имеют, видимо, сопоставимый возраст), что указывает на продвижение этой индустрии в Восточную Европу примерно в то же время, когда протоориньяк появился в средиземноморских областях континента. Поскольку эта индустрия, по всей видимости, представляет независимое продвижение современных людей с Ближнего Востока и поскольку она, вероятно, связана с ранним граветтом Восточной Европы, ее можно назвать *протограветтом* [Hoffecker, 2012].

В протограветтских слоях Костенок 14 (слой IVb) и 17 (слой II) найдены единичные человеческие зубы, отнесенные в предварительном порядке к *Homo sapiens* [Boriskovskii, 1963; Sinitsyn, 2002]. В Западной Европе ранний граветт связывают с гаплогруппой N на основании анализа мтДНК из пещеры Пальичи в Италии [Caramelli et al., 2008]. Принадлежали ли к этой же гаплогруппе и люди, принесшие раннюю индустрию с пластинами в Восточную Европу, еще предстоит выяснить.

Малая заметность этой индустрии на Восточно-Европейской равнине является следствием характера древних археологических памятников в открытой местности, она контрастирует с относительно хорошей заметностью более поздних верхнепалеолитических стоянок в этом же регионе и палеоиндейских стоянок на североамериканских равнинах. При почти полном отсутствии естественных убежищ эти глубоко погреб-

бенные памятники обнаруживаются лишь вследствие необычных обстоятельств. Концентрация памятников начала РВП в Костенковско-Борщевском районе отражает как привлекательность этой местности для людей вследствие наличия активных источников (бывших также «магнитом» и для обитателей Великих равнин и Юго-Запада Северной Америки), так и наличие здесь неглубоко залегающих слоев более поздних верхнепалеолитических стоянок, что побуждало археологов (особенно Рогачева) копать глубже и находить в итоге слои РВП.

В отличие от описанной выше индустрии с левалуазскими острями и пластинами, протограветт дает свидетельства важных технологических инноваций, которые, вероятно, имели критическое значение для успешного расселения в Восточной Европе. Хотя первоначальное появление индустрии с пластинками может совпадать с теплым периодом *GI 11*, ясно, что оно захватывает также и один или несколько холодных интервалов, включая *GS 10* (см.: [Weninger, Jöris, 2008. Fig. 3]). Осваивающие новые территории люди должны были приспосабливаться не только к низким зимним температурам, но и к пониженной биологической продуктивности — особенно на Восточно-Европейской равнине. Обломок иглы с ушком из Мезмайской пещеры [Golovanova et al., 2010b] указывает на усовершенствование теплоизоляционных свойств одежды (следует заметить, что швейные иглы отсутствуют в западноевропейских индустриях вплоть до солютре). Скопление костей зайца в слое IV Костенок 14, видимо, указывает на эффективную добычу этих мелких млекопитающих и подразумевает использование силков и ловушек. Костенки 14 дали также копательные инструменты [Sinitsyn, 2002], а украшения из Костенок 17 свидетельствуют о применении ручного вращательного сверла [Voriskovskii, 1963].

Поздние индустрии РВП Восточной Европы. Для периода после 40 000 л. н. (кал.) имеющиеся археологические и палеоантропологические материалы богаче. В интервале от 40 000 до 30 000 л. н. (кал.) в Восточной Европе представлены как минимум два основных технокомплекса. Первый — это *ранний граветт*, вероятно, связанный генетически с ахмаром или протограветтом и известный в Буран-Кае III (слой 6-2), Мире (слой II/2) и Костенках 8 (слой II/III). Второй — это восточноевропейский вариант ориньякского технокомплекса (или *восточный ориньяк*), который представлен в Молодове V (слой 10), Сюрени I и Костенках 1 (слой III). Ориньякские памятники, как можно предполагать, отражают приход людей из Центральной Европы после кампанского игнимбритового извержения [Richards et al., 1998].

Комплексы раннего граветта отличаются наличием крупных ретушированных и приостренных пластинок, а ориньякские содержат некоторые элементы, типичные для этого технокомплекса в Западной Европе (например кареноидные скребки, маленькие пластинки дюфур). Многие комплексы трудно отнести к той или иной индустрии (например Костенки 14, слой II; Мира, слой I; Сунгирь), они могут представлять другие груп-

пы. Так, например, памятники, относимые к *городцовской культуре*, могут представлять самостоятельное культурное образование, хотя следует заметить, что все они являют следы разделки туш крупных млекопитающих.

Большая часть археологических материалов позднего РВП Восточно-Европейской равнины связана с местами забоя/разделки, что существенно влияет на типы артефактов, представленных в этих индустриях. Многие слои содержат типичные для разделки туш орудия (ситуационные), такие как скребла, бифасы и крупные рубящие инструменты. Обычны для таких контекстов и бифасиальные наконечники метательного оружия, которые являются более диагностирующими в культурном плане и могут быть связаны с восточным ориньяком (но могут представлять и какую-то еще группу, как в случае с городцовскими памятниками). Важным компонентом хозяйства позднего РВП была охота на группы крупных млекопитающих, особенно лошадей и северных оленей; сложный балочный рельеф, вероятно, использовался для загона таких групп в ловушку, подобно тому как это имело место на равнинах Северной Америки (например: [Todd, 1987]).

Мы не видим убедительных свидетельств существования каких-либо «архаичных» индустрий в РВП Восточной Европы, т. е. индустрий, в которых бы большую роль играло производство и использование типично мустьерских орудий. Наличие подобных типов изделий (например скребел, крупных рубящих орудий) в комплексах РВП логически увязывается с разделкой туш крупных млекопитающих, каковая засвидетельствована тафономическими характеристиками соответствующих фаунистических остатков. Относительно высокая встречаемость пунктов забоя/разделки на памятниках РВП Восточно-Европейской равнины отражает ландшафтные условия и имеет аналогии в археологии североамериканских равнин [Holliday, Mandel, 2006]. Меньшая частота таких артефактов в более поздних индустриях верхнего палеолита Восточной Европы объясняется скорее не столь высокой заметностью мест забоя/разделки, нежели прогрессивным развитием технологии обработки камня.

Разные гипотетические сценарии, касающиеся миграций населения и их истоков, могут в конечном счете быть проверены посредством изучения ДНК из человеческих костей, найденных на поздних памятниках РВП. Анализ ДНК из скелета, раскопанного в слое III Костенок 14, указывает на присутствие в центре равнины около 35 000 л. н. (кал.) гаплогруппы U (подгруппа U2) [Krause et al., 2010]. Эта гаплогруппа маркирует одно из наиболее ранних продвижений современных людей в Европу (протоориньяк?), а восточноевропейские подгруппы могут происходить от центрально-европейской популяции [Malyarchuk et al., 2010]. Вполне возможно, в Восточной Европе в это время были представлены и другие гаплогруппы, в том числе связанные с носителями протограветта. Анализ скелетных остатков людей из слоя III Костенок 14 и из Сунгирия свидетельствует о сохранении анатомических черт, типичных для обитателей тропиков (например

высокий брахиальный индекс), несмотря на то что эти люди, вероятно, представляют популяцию, которая обитала в высоких широтах уже многие тысячи лет [Hoffecker, 2002. P. 155—158].

Вследствие тропического телосложения люди позднего РВП, жившие на севере и в центре равнин Восточной Европы, могли серьезно подвергаться риску обморожения, что подчеркивает непреходящую важность технологий защиты от холода. Иглы и/или их обломки были найдены на нескольких памятниках этого времени, включая Костенки 15, Миру (слой I) и Сунгирь [Bader, 1978; Rogachev, Sinitsyn 1982; Stepanchuk, 2005]. На таких памятниках представлены свидетельства устройства искусственных убежищ, следы которых были описаны для Куличивки (слой II), Миры (слой I) и Костенок 8 (слой II/III). О совершенствовании способов рыболовства могут свидетельствовать остатки рыб в слое II/III Костенок 8 и данные изотоп-

ного анализа человеческой кости из слоя III Костенок 1, который говорит о потреблении большого количества пресноводных продуктов [Richards et al., 2001].

Благодарности и посвящение. Авторы посвящают эту статью памяти д-ра ист. наук М. В. Аниковича (1947—2012), с которым они совместно проводили исследования в Костенках в 2001—2004 и 2007—2008 гг. Михаил Васильевич Аникович являлся признанным авторитетом по РВП Восточной Европы, а также прекрасным компаньоном в поле, так что работать с ним в Костенках было и честью, и удовольствием. Совместные с М. В. Аниковичем исследования на Костенках 1, 8 и 12 проводились при поддержке фонда Лики, Национального научного фонда и Национального географического общества США.

Перевод Л. Б. Вишняцкого

Список литературы

- Adler et al., 2006: *Adler D. S., Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O.* Between a rock and a hard place: Neandertal-modern human interactions in the southern Caucasus // Conard N. J. (ed.). Neandertals and Modern Humans Meet. Krems-Verlag, Tübingen, 2006.
- Anikovich, 1977: *Anikovich M. V. (Аникович М. В.)*. Строчение верхней гумусированной толщи в с. Костенки и относительный возраст залегающих в ней стоянок // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
- Anikovich et al., 2004: *Anikovich M. V. et al. (Аникович М. В. и др.)*. Новые данные о многослойной стоянке Костенки 12 (Волковская) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.
- Anikovich et al., 2006: *Anikovich M. V. et al. (Аникович М. В. и др.)*. Новые данные о хроностратиграфии многослойной стоянки Костенки I (стоянка Полякова) // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. СПб., 2006.
- Anikovich et al., 2007: *Anikovich M. V., Anisyutkin N. K., Vishnyatsky L. B. (Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. В.)*. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб., 2007.
- Anikovich et al., 2007: *Anikovich M. V. et al.* Early Upper Paleolithic in eastern Europe and implications for the dispersal of modern humans // *Science*. 2007. 315.
- Anikovich et al., 2008: *Anikovich M. V., Popov V. V., Platonova N. I. (Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.)*. Палеолит Костенковско-Боршевского региона в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.
- Bader, 1978: *Bader O. N. (Бадеп О. Н.)*. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.
- Bar-Yosef, 2007: *Bar-Yosef O.* The dispersal of modern humans in Eurasia: a cultural interpretation // *Rethinking the human revolution: new behavioural and biological perspectives on the origin and dispersal of modern humans*. Cambridge, 2007.
- Belyaeva, 1999: *Belyaeva E. V. (Беляева Е. В.)*. Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб., 1999.
- Berger, 1986: *Berger J.* Wild Horses of the Great Basin. Chicago, 1986.
- Bonch-Osmolovskii, 1934: *Bonch-Osmolovskii G. A.* Resultats de l'Etude du Paleolithique du Crimee // *Transactions of the II International Conference of the Association on the Study of the Quaternary Period in Europe* 5. 1934.
- Boriskovskii, 1963: *Boriskovskii P. I. (Борисковский П. И.)*. Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. 1963. № 121.
- Bradley et al., 1995: *Bradley B. A., Anikovich M. V., Giria E.* Early Upper Paleolithic in the Russian Plain: Streletskayan Flaked Stone Artifacts and Technology // *Antiquity*. 1995. 69.
- Bräuer, 1989: *Bräuer Günter.* The evolution of modern humans: a comparison of the African and non-African evidence // *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives in the Origins of Modern Humans*. Princeton, 1989.
- Butzer, 1971: *Butzer K. W.* Environment and Archaeology: An Ecological Approach to Prehistory. Second Edition. Chicago, 1971.
- Butzer, 1982: *Butzer K. W.* Archaeology as Human Ecology. Cambridge, 1982.
- Chernysh, 1987: *Chernysh A. P. (Черных А. П.)*. Эталонная многослойная стоянка Молодова V // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V: люди каменного века и окружающая среда. М., 1987.
- Cohen, Stepanchuk, 1999: *Cohen V. Yu., Stepanchuk V. N.* Late Middle and early Upper Paleolithic evidence from the East European Plain and Caucasus: a new look at variability, interactions, and transitions // *Journal of World Prehistory*. 1999. 13 (3).
- Dodonov et al., 2007: *Dodonov A. E., Matyukhin A. E., Sitakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V. (Додонов А. Е., Матюхин А. Е., Симакова А. Н., Тесаков А. С., Титов В. В.)*. Геоархеология и палеография палеолитической стоянки Бирючья Балка 2, долина р. Северский Донец // *Вестник Южного научного центра РАН*. 2007. 3 (3).
- Efimenko, 1958: *Efimenko P. P. (Ефименко П. П.)*. Костенки I. М., 1958.
- Endicott et al., 2009: *Endicott P., Ho S. Y. W., Metspalu M., Stringer C.* Evaluating the mitochondrial timescale of human evolution // *Trends in Ecology and Evolution*. 2009. 24 (9).
- Frison, 1974: *Frison G. C.* The Casper Site: A Hell Gap Bison Kill on the High Plains. New York, 1974.
- Golovanova, 2010a: *Golovanova L. V., Doronichev V. B., Cleghorn N. E., Kulkova M. A., Sapelko T. V. & Shackley M. S.* Significance of ecological factors in the Middle to Upper Paleolithic transition // *Current Anthropology*. 2010. 51.

- Golovanova, 2010b: *Golovanova L. V., Doronichev V. B. and Cleghorn N. E.* The emergence of bone-working and ornamental art in the Caucasian Upper Paleolithic // *Antiquity*. 2010. 84.
- Gromov, 1948: *Gromov V. I. (Громов В. И.)*. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (Млекопитающие, палеолит) // *Труды Ин-та геогр. наук АН СССР*, 64. Геологическая серия 17. 1948.
- Gromov, 1966: *Gromov V. I. (Громов В. И.)*. Фауна из стоянки Сунгирь // *Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь*. М., 1966.
- Haesaerts et al., 2003: *Haesaerts P., Borziak I., Chirica V., Damblon F., Koulakovska L., van der Plicht J.* The east Carpathian loess record: a reference for the middle and late Pleniglacial stratigraphy in central Europe // *Quaternaire*. 2003. 14.
- Haynes, Huckell, 2007: *Haynes C. V., Huckell B. B. (ed.)*. Murray Springs: A Clovis Site with Multiple Activity Areas in the San Pedro Valley, Arizona. Tucson, 2007.
- Hester, 1972: *Hester J.* Blackwater Locality No. 1: A Stratified Early Man Site in Eastern New Mexico. 1972.
- Hill et al., 2011: *Hill M. G., Rapson D. J., Loebel T. J. and May D. W.* Site structure and activity organization at a late Paleoindian base camp in western Nebraska // *American Antiquity*. 2011. 76.
- Hoffecker, 2002: *Hoffecker J. F.* Desolate Landscapes: Ice-Age Settlement in Eastern Europe. 2002.
- Hoffecker, 2005: *Hoffecker J. F.* Innovation and technological knowledge in the Upper Paleolithic of Northern Eurasia // *Evolutionary Anthropology*. 2005. 14 (5).
- Hoffecker, 2009: *Hoffecker J. F.* The spread of modern humans in Europe // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. 106 (38).
- Hoffecker, 2002: *Hoffecker J. F.* The early Upper Paleolithic of eastern Europe reconsidered // *Evolutionary Anthropology*. 2011. 20 (1).
- Hoffecker, 2012: *Hoffecker J. F.* A new framework for the Upper Paleolithic of Eastern Europe // *Proceedings of the European Society for the Study of Human Evolution*. 2012. 1.
- Hoffecker et al., 2008: *Hoffecker J. F., Holliday V. T., Anikovich M. V., Sinitsyn A. A., Popov V. V., Levkovskaya G. M., Pospelova G. A., Forman S. L., Lisitsyn S. N. and Giaccio B.* From the Bay of Naples to the River Don: the Campanian Ignimbrite eruption and the Middle to Upper Paleolithic transition in Eastern Europe // *Journal of Human Evolution*. 2008. 55.
- Hoffecker et al.: *Hoffecker J. F., Holliday V. T., Stepanchuk V. N., Brugère A., Forman S. L., Goldberg P., Tubolzev O. and Pisarev I.* Geoarchaeological and bioarchaeological studies at Mira, an early Upper Paleolithic site in the Lower Dnepr Valley, Ukraine. Unpublished manuscript. 14 p.
- Hoffecker et al., 2010: *Hoffecker J. F., Kuz'mina I. E., Syromyatnikova E. V., Anikovich M. V., Sinitsyn A. A., Popov V. V. and Holliday V. T.* Evidence for kill-butcher events of early Upper Paleolithic age at Kostenki, Russia // *Journal of Archaeological Science*. 2010. 37.
- Holliday, 2004: *Holliday V. T.* Soils in Archaeological Research. New York, 2004.
- Holliday et al., 2007: *Holliday V. T., Hoffecker J. F., Goldberg P., Macphail R. I., Forman S. L., Anikovich M., Sinitsyn A.* Geoarchaeology of the Kostenki-Borshchevo sites, Don River, Russia // *Geoarchaeology: An International Journal*. 2007. 22 (2).
- Holliday, Mandel, 2006: *Holliday V. T., Mandel R. E.* Geoarchaeology of the Plains, Southwest, and Great Lakes // *Handbook of North American Indians: Environment, Origins, Population*. Vol. 3. Washington, 2006.
- Ingman, 2000: *Ingman M., Kaessmann H., Pääbo S. and Gyllenstein U.* Mitochondrial genome variation and the origin of modern humans // *Nature*. 2000. 408.
- Johnson, 1985: *Johnson E.* Current developments in bone technology // *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 8. New York, 1985.
- Johnson, 1987: *Johnson E.* Cultural activities and interactions // *Lubbock Lake: Late Quaternary Studies on the Southern High Plains*. 1987.
- Klein, 1969: *Klein R. G.* Man and Culture in the Late Pleistocene: A Case Study. San Francisco, 1969.
- Klein, 2009: *Klein R. G.* The Human Career. 3rd edition. Chicago, 2009.
- Kozłowski, 2007: *Kozłowski J. K.* The significance of blade technologies in the period 50—35 kya BP for the Middle-Upper Palaeolithic transition in central and Eastern Europe // *Rethinking the human revolution: new behavioural and biological perspectives on the origin and dispersal of modern humans*. Cambridge, 2007.
- Krause, 2010: *Krause J., Briggs A. W., Kircher M., Maricic T., Zwyns N., Derevianko A. M. and Pääbo S.* A complete mtDNA genome of an early modern human from Kostenki, Russia // *Current Biology*. 2010. 20 (3).
- Krotova, Belan, 1993: *Krotova A. A., Belan N. G.* Amvrosievka: a unique Upper Paleolithic site in Eastern Europe // *From Kostenki to Clovis*. New York, 1993.
- Kuhn, 2003: *Kuhn S. L.* In what sense is the Levantine Initial Upper Palaeolithic a 'transitional' industry? // *The Chronology of the Aurignacian and the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Lisbon, 2003.
- Lam et al., 1999: *Lam Y. M., Chen X., Pearson O. M.* Inter-taxonomic variability in patterns of bone density and the differential representation of bovid, cervid, and equid elements in the archaeological record // *American Antiquity*. 1999. 64.
- Lazukov, 1982: *Lazukov G. I. (Лазуков Г. И.)*. Характеристика четвертичных отложений района // *Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879—1979*. Л., 1982.
- Malyarchuk et al., 2010: *Malyarchuk B., Derenko M., Gryzbowski T., Perkova M., Rogalla U., Vanecsek T. and Tsybovsky I.* The peopling of Europe from the mitochondrial haplogroup U5 perspective // *PLoS ONE*. 2010. 5 (4).
- Marom et al., 2012: *Marom A., McCullagh, Higham T. F. G., Sinitsyn A. A. and Hedges R. E. M.* Single amino acid radiocarbon dating of Upper Paleolithic modern humans // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2012. doi/10.1037/pnas.1116328109
- Matyukhin, 2002: *Matyukhin A. E. (Матюхин А. Е.)*. О ранней поро и генезисе позднего палеолита бассейна Нижнего Дона // *Костенки в контексте палеолита Евразии*. СПб., 2002.
- Matyukhin, 2006: *Matyukhin A. E. (Матюхин А. Е.)*. Многослойные палеолитические памятники в устье Северского Донца // *Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное*. СПб., 2006.
- Mellars, 2006: *Mellars P.* Archeology and the dispersal of modern humans in Europe: deconstructing the «Aurignacian» // *Evolutionary Anthropology*. 2006. 15.
- Montet-White, 2002: *Montet-White A.* Les outillages des chasseurs de Solutré, in: *Combiér J., Montet-White A., editors*, Solutré 1968—1998 // *Société Préhistorique Française Mémoire*. 2002. 30.
- Nehoroshev, 1999: *Nehoroshev P. E. (Нехорошев П. Е.)*. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.

- Niven, 2007: *Niven L.* From carcass to cave: Large mammal exploitation during the Aurignacian at Vogelherd, Germany // *Journal of Human Evolution*. 2007. 53.
- Olsen, 1989: *Olsen S. L.* Solutré: a theoretical approach to the reconstruction of Upper Palaeolithic hunting strategies // *Journal of Human Evolution*. 1989. 18.
- Olsen, 1995: *Olsen S. L.* Pleistocene horse-hunting at Solutré: why bison jump analogies // *Ancient Peoples and Landscapes*. 1995.
- Otte et al., 1996: *Otte M., Noiret P., Tatartsev S. and Lopez Bayon I.* L'Aurignacien de Siuren I (Crimee): Fouilles 1994 et 1995 // XIII Congrès d'UISPP. 1996. 6.
- Outram, Rowley-Conwy, 1998: *Outram A. K., Rowley-Conwy P.* Meat and marrow utility indices for horse (*Equus*) // *Journal of Archaeological Science*. 1998. 25.
- Pavlov et al., 2001: *Pavlov P., Svendsen J. and Indrelid S.* Human presence in the European Arctic nearly 40 000 years ago // *Nature*. 2001. 413.
- Praslov, Rogachev, 1982: *Praslov N. D., Rogachev A. N.* (ed.). (*Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.)*). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879—1979. Л., 1982.
- Prat et al., 2011: *Prat S., Péan S. C., Crépin L., Drucker D. G., Puaud S. J., Valladas H., Lázničková-Galetová M., van der Plicht J., Yanevich A.* The oldest anatomically modern humans from far southeast Europe: direct dating, culture, and behavior // *PLoS ONE*. 2011. 6.
- Richardset al., 1998: *Richards M. B., Maccaulay V. A., Bandelt H.-J. and Sykes B. C.* Phylogeography of mitochondrial DNA in western Europe // *Annals of Human Genetics*. 1998. 62.
- Richards et al., 2001: *Richards M., Pettitt P. B., Stiner M. C. and Trinkaus E.* Stable Isotope Evidence for Increasing Dietary Breadth in the European Mid-Upper Paleolithic // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2001. 98.
- Roberts, 2009: *Roberts A.* The Incredible Human Journey: The Story of How We Colonised the Planet. London, 2009.
- Roberts, 1987: *Roberts B. K.* Landscape archaeology // *Landscape and Culture: Geographical and Archaeological Perspectives*. New York, 1987.
- Rogachev, 1957: *Rogachev A. N.* (Рогачев А. Н.). Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // *МИА*. 1957. № 59.
- Rogachev, Anikovich, 1984: *Rogachev A. N., Anikovich M. V.* (Рогачев А. Н., Аникович М. В.). Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // *Палеолит СССР*. М., 1984.
- Rogachev, Sinitsyn, 1982: *Rogachev A. N., Sinitsyn A. A.* (Рогачев А. Н., Синицын А. А.). Костенки 15 (Городцовская стоянка) // *Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879—1979*. Л., 1982.
- Rogachev et al., 1982: *Rogachev A. N., Anikovich M. V., Dmitrieva T. N.* (Рогачев А. Н., Аникович М. В., Дмитриева Т. Н.). Костенки 8 (Тельманская стоянка) // *Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879—1979*. Л., 1982.
- Savich, 1975: *Savich V. P.* (Савич В. П.). Позднепалеолитические поселения на горе Куличивка в г. Кременец (Тернопольская область СССР) // *Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода*. 1975. 44.
- Slimak et al., 2011: *Slimak L., Svendsen J. I., Mangerud J., Plissin H., Heggen H. P., Brugère A. and Pavlov P. Y.* Late Mousterian persistence near the Arctic Circle // *Science*. 2011. 332.
- Sinitsyn, 2002: *Sinitsyn A. A.* (Синицын А. А.). Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина гора) (раскопки 1998—2001 гг.) // *Костенки в контексте палеолита Евразии*. СПб., 2002.
- Sinitsyn et al., 1997: *Sinitsyn A. A., Praslov N. D., Svezhentsev Yu. S. and Sulerzhitskii L. D.* (Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д.) Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // *Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы*. СПб., 1997.
- Sinitsyn et al., 2004: *Sinitsyn A. A. et al.* (Синицын А. А. и др.). Костенки 14 (Маркина гора) // *Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное*. Воронеж, 2004.
- Stepanchuk, 2005: *Stepanchuk V. N.* The archaic to true Upper Paleolithic interface: the case of Mira in the Middle Dnieper area // *Eurasian Prehistory*. 2005. 3 (1).
- Stepanchuk et al., 2004: *Stepanchuk V. N. et al.* (Степанчук В. Н. и др.). Багатошарова стоянка Міра на Середньому Дніпрі: основні результати розкопок 2000 року // *Кам'яна доба України*. Київ, 2004.
- Stepanchuk et al., 2009: *Stepanchuk V. N. et al.* Ukrainian Upper Paleolithic between 40/10 000 BP: Current insights into environmental-climatic change and cultural development // *Le Concept de Territoires dans le Paléolithique Supérieur Européen*. BAR International Series 1938. 2009.
- Stringer, 2012: *Stringer C.* Lone Survivors: How We Came to be the Only Humans on Earth. New York, 2012.
- Svoboda, 2007: *Svoboda J. A.* On modern human penetration into northern Eurasia: the multiple advances hypothesis // *Rethinking the Human Revolution*. Cambridge, 2007.
- Svoboda, Bar-Yosef, 2003: *Svoboda J. A., Bar-Yosef O.* (ed.) *Stránska skála: Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic*. American School of Prehistoric Research Bulletin 47. Cambridge, 2003.
- Todd, 1987: *Todd L. C.* Taphonomy of the Horner II bone bed // *The Horner Site: The Type Site of the Cody Cultural Complex*. Orlando, 1987.
- Turner, 2002: *Turner E.* Analyse archéozoologique des restes de faune magdaléniens de Solutré (Secteurs I11 et P16) // *Société Préhistorique Française Mémoire*. 2002. 30.
- Underhill et al., 2000: *Underhill P. A. et al.* Y chromosome sequence variation and the history of human populations // *Nature Genetics*. 2000. 26.
- Vereshchagin, Kuz'mina, 1977: *Vereshchagin N. K., Kuz'mina I. E.* (Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е.). Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне // *Труды Зоол. Ин-та АН СССР*. 72. 1977.
- Wells, 2007: *Wells S.* Deep Ancestry: Inside the Genographic Project. Washington, 2007.
- Weninger, Jöris, 2008: *Weninger B., Jöris O.* A ¹⁴C calibration curve for the last 60 ka: the Greenland-Hulu U/Th timescale and its impact on understanding the Middle to Upper Paleolithic transition in western Eurasia // *Journal of Human Evolution*. 2008. 55.

КОСТЕНКИ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ, НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Е. Дудин

ГАМЗ «Костенки», Воронеж

СТОЯНКА КОСТЕНКИ 1, СЛОЙ III: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК 2004—2012 гг.)

(грант РГНФ № 13-01-00292)

1. Вводные замечания

В 2004—2012 гг. в течение девяти полевых сезонов силами Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН, возглавляемой М. В. Анико-

вичем, проводились исследования на многослойной верхнепалеолитической стоянке Костенки 1. Основная их цель заключалась в изучении характера и условий залегания культурных слоёв, относящихся к периоду ранней поры верхнего палеолита (РВП).

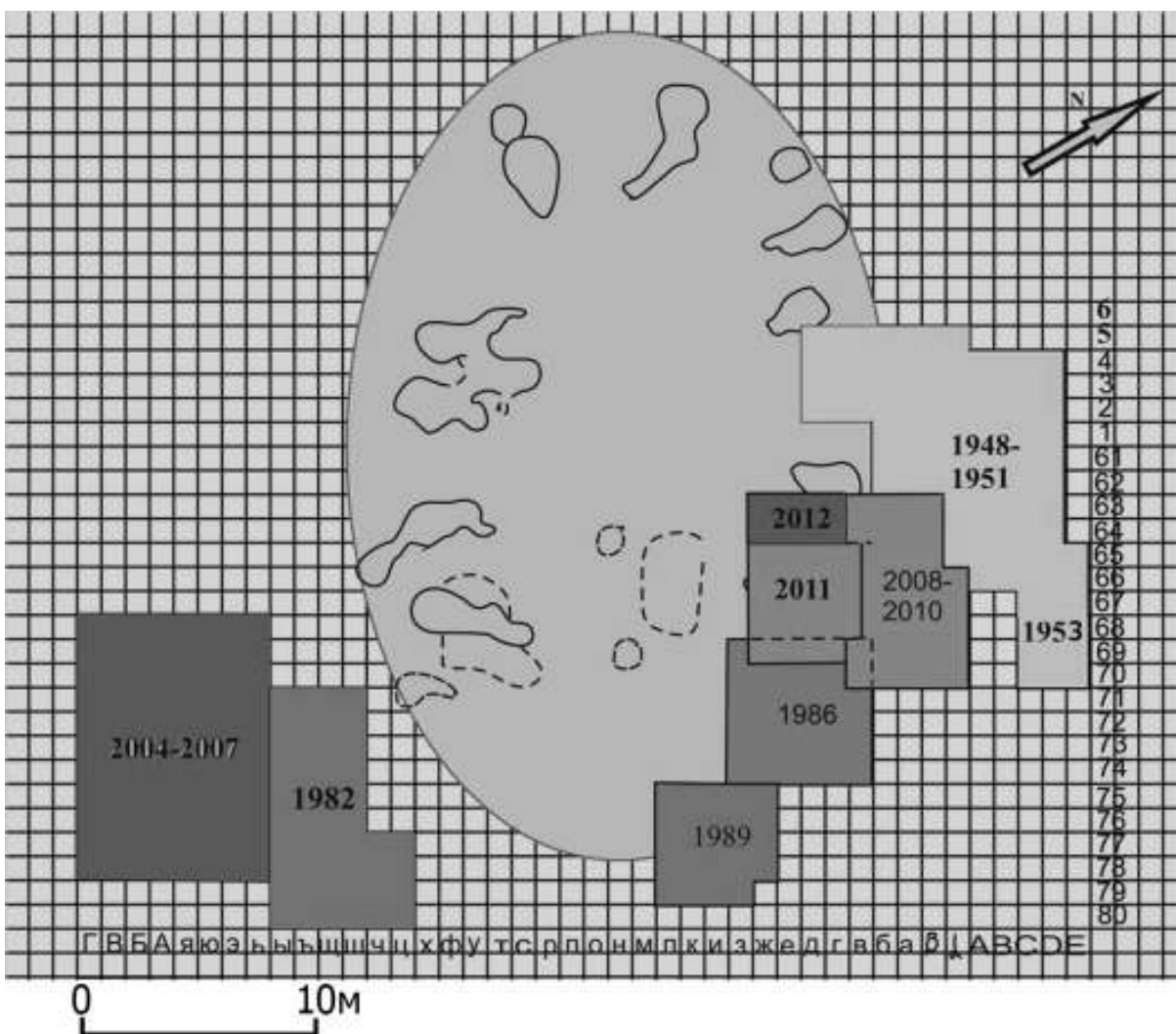

Рис. 1. Общий план раскопок III культурного слоя стоянки Костенки 1

При осуществлении этой исследовательской программы очень большое место было отведено комплексному изучению третьего культурного слоя стоянки, который традиционно рассматривается в контексте проявления ориньякских (при ином подходе — «ориньякоидных») традиций на территории Русской равнины, и в частности Костенковско-Борщевского района. В рамках отдельно взятой статьи практически нереально дать целостное и в то же время детальное рассмотрение всех аспектов проблем, связанных с оценкой места и значения этого памятника в структуре РВП региона. Но сформулировать основные выводы по итогам новейших исследований стоянки Костенки I/III совершенно необходимо.

Указанные выводы никак нельзя свести к ряду сугубо утвердительных констант, закрепляющих и «консервирующих» наши прежние представления о памятнике. Скорее наоборот, они добавляют несколько вопросительных знаков к перечню важнейших его характеристик. Причем в ряду вопросов, стоящих сейчас перед исследователем слоя III, есть один ключевой и определяющий — вопрос о его единстве. Его решение требует рассмотрения по двум основным параметрам — стратиграфической привязке и культурному контексту. Следует отметить, что по мере продвижения исследования интересные результаты появились по обоим направлениям.

Исследования третьего культурного слоя стоянки Костенки I в 2004—2012 гг. можно чётко разделить на два этапа — по признаку дислокации базовых раскопов, которыми вскрывались нижние культурные слои стоянки (рис. 1). Первоначально, в 2004—2007 гг., исследования были сконцентрированы на юго-западной периферии второго жилого комплекса верхнего слоя стоянки. Здесь третий культурный слой был вскрыт на общей площади 88 кв. м — прямоугольным сектором, ограниченными квадратами ь,э,ю,я,А,Б,В,Г–68-78. Материалы самого первого сезона раскопок (2004) были достаточно подробно опубликованы «по горячим следам». Но данные, полученные в 2005—2006 гг., в этой публикации были фактически лишь упомянуты, а связанные с ними проблемы — поставлены в предварительном плане [Аникович и др., 2006].

Отметим, что в непосредственной близости к нашему раскопу 2004—2007 гг., к востоку от него, культурный слой III исследовался и ранее отдельными сезонными вскрытиями (раскопы 1982, 1986, 1989 гг.). По их результатам тогда был вполне надёжно подтверждён ориньякский характер памятника, впервые открытого и исследованного А. Н. Рогачёвым в 1948—1953 гг. [Рогачев, 1957. С. 30—35].

В 2008 г. в 24 м к востоку от западной границы раскопа 2004—2007 гг. был заложен новый раскоп, общая итоговая площадь которого за 2008—2012 гг. составила 65 кв. м (квадраты £,β,а,б,в,г,д,е,ж–63-70). Место для него оказалось выбрано предельно удачно, так как он фактически соединил старый раскоп А. Н. Рогачёва и раскопы Костенковской экспедиции 1986 и 1989 гг.

2. Раскоп 2004—2007 гг. («западный»)

Стратиграфическое единство находок III слоя на этом участке и на участках «классического» третьего слоя, исследованных раскопами 1979, 1982, 1986, 1989 гг. к востоку от него, не вызывает сомнений. Оно обусловлено совершенно чёткой привязкой слоя к уровню погребённой почвы с признаками вторичных деформаций криогенного характера, но с хорошо сохранившимся профилем. В рамках почвенного профиля отчётливо прослеживаются два среднегумусированных литологических горизонта (№ 5, 6), вмещающих культурные остатки. Следует отметить, что выделение двух горизонтов палеопочвы произошло относительно поздно, уже в ходе раскопок Костенковско-Борщевской археологической экспедиции в 2004 г. К востоку от раскопа 2004—2007 гг. почвенный профиль представлен в разрезах как единый среднегумусированный литологический горизонт.

При очевидном стратиграфическом единстве слоя на рассматриваемом участке выявилась его хорошо выраженная специфика. Она отчётливо проявляется в общей планиграфии, плотности и насыщенности культурных остатков, а также в характере обнаруженных предметов каменного инвентаря. Планиграфически — это отсутствие какой-либо структурированности, объёктности культурных остатков. Данное обстоятельство в сочетании с низкой плотностью находок позволяет определить культурный слой III на «западном» раскопе как культурный горизонт. Распределение находок по площади раскопа неравномерно. В трёх случаях фиксировался факт локализации сколов от общей отдельности сырья. Редкие фаунистические остатки предельно фрагментированы и большей частью неопределимы. Нет никаких признаков окрашенности слоя охрой. Отсутствуют линзы и пятна зольности. Вкрапления костного и древесного угля носят единичный характер.

При этом разброс находок по мощности вполне сопоставим с мощностью слоя на более восточных участках и составляет на некоторых квадратах 0,30—0,45 м (в среднем интервале нивелировок от –160 до –200). Для сравнения, на «классических» участках третьего культурного слоя (1986, 1989), при той же средней мощности, чётко фиксировались следы объектов (очаги; жилище (?); погребение (?)) [Аникович и др., 2008. С. 145]. Все они были или разрушены, или перетолжены в результате вторичных деформаций погребённой почвы, вмещающей культурный слой (в основном криогенных). Пожалуй, именно перетолженный характер культурных остатков, рассредоточенных по всей мощности вмещающей их палеопочвы, в одинаковой степени характерен для всех рассматриваемых раскопов.

Примечателен и состав коллекции каменного инвентаря, собранной с «западного» раскопа. Во-первых, заметные отличия проявляются в сырьевой базе. Из 140 предметов каменного инвентаря, собранных с «западного» раскопа, более половины составляют предметы из цветного (плитчатого и желвачного) кремня

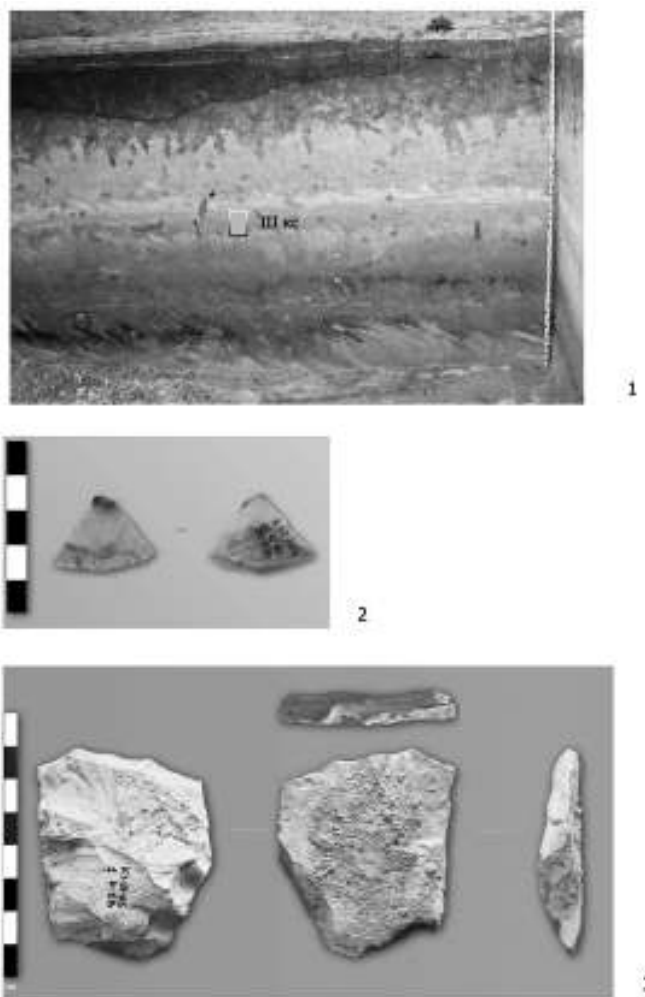

Рис. 2. Стратиграфическое положение III культурного слоя раскопа 2004—2007 гг. (1) и предметы каменного инвентаря (2, 3)

(75 предметов), превышая, таким образом, количество изделий из мелового кремня. Отдельные предметы изготовлены из кварцита и окремненного известняка. Во-вторых, в отличие от более восточных участков III слоя, где наблюдалось абсолютное преобладание пластинчатых форм, с выраженным ориньякским характером инвентаря, здесь ситуация иная. При гораздо меньшей плотности находок резко увеличивается процент изделий и технологических сколов, отражающих принципиально иные традиции в обработке камня и отсылающих нас к памятникам костенковско-стрелецкой АК. В 2006 г. на квадрате А-77 был найден обломок наконечника стрелецкого типа, выполненный на отщепе светло-серого цветного кремня. Было встречено несколько скребловидных форм, фрагментов изделий с бифасиальной обработкой (рис. 2). Кроме того, в коллекции имеются сколы, характерные для использования приёма вторичного утончения бифасов. Поэтому при принятии в 2008 г. решения о выборе нового участка исследования нижних культурных слоёв и о начале работ в восточной части стоянки принималась во внимание и неоднозначная ситуация с третьим куль-

турным слоем, сложившаяся по итогам раскопок «западного» участка.

3. Раскоп 2008—2012 гг. («восточный»)

Раскоп 2008 г. был заложен к востоку от границы второго жилого комплекса верхнего культурного слоя, на площади, где третий слой частично уже исследовался А. Н. Рогачёвым в конце 1940-х—начале 1950-х гг. Основной задачей на этот сезон предполагалось исследование нижнего, пятого культурного слоя стоянки. В таком контексте выбор места раскопа был вполне логичен. Планировалось без особых задержек выбрать засыпку раскопа А. Н. Рогачёва и, начиная с уровня основания третьего культурного слоя, углубляться вниз. Исследование самого культурного слоя III предполагалось ограничить небольшим участком в 10 кв. м, где, согласно плану раскопок и шурфов стоянки, он ещё не исследовался. Действительно, на этом локальном участке, начиная с уровня нивелировочных значений $-202/-205$ см, стали проявляться признаки культурного горизонта, представленного отдельными разрозненными находками расщеплённого кремня, фауны, фрагментов кальцинированных костей и вкраплениями древесного угля. Согласованность этих находок с уровнем залегания (по нивелировочным отметкам) и характером распространения верхних находок слоя III в расположенном рядом раскопе 1986 г. позволила соотнести его с верхами III культурного слоя.

Определённые проблемы возникли при стратиграфической привязке открывшегося культурного горизонта, так как литологические горизонты, связанные с уже упомянутой выше палеопочвой, вмещающей в себя находки III культурного слоя, здесь морфологически не выражены и визуально не просматривались. На уровне средних значений нивелировочных отметок $-230/-235$ см мы вышли на контактную зону вторичных отложений засыпки и стратиграфических слоёв *in situ* на основной площади раскопа. Это было несколько неожиданно, так как оказалось, что значительная часть отложений, с которыми связаны находки III культурного слоя, не была исследована и выбрана ранее.

Именно с этого уровня на значительной части площади раскопа, за исключением его северо-западного сектора, стали открываться крупные кости мамонта в сочетании с отдельными находками костей широкопалой лошади, северного оленя, волка и песка. Уже по итогам полевого сезона 2008 г. стало ясно, что мы имеем дело с хорошо локализованным планиграфически, относительно компактным по площади, плотным скоплением находок, аналогов которому в III культурном слое ещё не было встречено (рис. 3).

Общая площадь скопления фауны, исследованного в 2008—2011 гг., составляет 18 кв. м (квадраты β,а-66-68; б,в,г-65-68). В плане объект имеет подовальную форму с прямым юго-западным краем. Граница скопления резкая, предельно чёткая. В частности, с запада, севера и северо-востока за его пределами не было

встречено каких-либо признаков культурного слоя. Исключение составляет его юго-восточный край, который частично попадает на площадь раскопа 1986 г. По описанию характера распространения находок третьего слоя в нём мы можем сделать вывод, что в этом направлении скопление не было изолировано стерильным участком.

Наибольшая мощность залегания культурных остатков наблюдалась в центральной части объекта (квадраты а-66-68; б,в-65-68) — до 40—45 см. К северу и северо-востоку общая мощность культурного слоя уменьшается, а верхние находки залегают на 15—20 см ниже, чем в центральной части. Здесь наблюда-

ется прямая зависимость от состава компонентов, формирующих культурные отложения. В центральной части скопления, по его верхам, были сконцентрированы крупные плоские кости мамонта — лопатки (целые и фрагментированные) и тазовые. По линии ЮВ—СЗ (кв. б-65,66) находились развалы как минимум двух черепов мамонта. С северо-востока и юго-запада (β-67, в-67) центральную группу окаймляли наклонно расположенные плечевые кости мамонта. В более низких позициях краевой зоны (β-66, а-65,66, в-65) преобладали кости широкопалой лошади, северного оленя, волка, песца в сочетании с сильно фрагментированными костями мамонта.

Рис. 3. Скопление фауны III культурного слоя. Фотография 2009 г.

Строение скопления и его профиль хорошо наблюдаются в разрезе центральной части объекта, где представлены все основные элементы (горизонты), определяющие его структуру по мощности простираения. Основание скопления связано со слоистым ожелезненным серо-коричневым суглинком, окисленным, с включением меловой крошки. Отдельные находки из культурного слоя (мелкие осколки кости, фрагменты кремня, древесного угля) были вмещены в него. В основном же они залегают непосредственно на нём. На

трёх локальных участках фиксировались линзовидные включения вкраплений охры в этот горизонт и, как следствие, наблюдался эффект слабой окрашенности суглинка в результате их «размывания».

Мощность горизонта, обозначенного как «основание скопления», предельно мала и не превышала 0,05 м. Показательно, что поверхность, на которой позднее формировалось скопление, представляет собой хорошо выположенную площадку, без заметных признаков склона. Невысокий, но достаточно резкий

борт, ограничивающий этот участок с юго-запада, предполагает наличие здесь небольшой локальной западины. Следующий горизонт заполнения скопления связан с тонкими прослойками серо-коричневого суглинка с признаками гумусированности. Они имели оттенки от серо-коричневого до серого и лучше всего были представлены на квадратах б,в-67,68. Средняя суммарная мощность прослоек не превышала 0,09 м. Интенсивность окраса падала в направлении границ скопления. Характер отложения культурных остатков в этой части заполнения неодинаков и определяется локальными участками концентрации фаунистических остатков. На квадратах а,б-68 была открыта группа из 12 рёбер мамонта, хорошо локализованная в плане. Характер их залегания — строго горизонтальный, с преимущественной ориентацией на северо-запад. Рядом, на квадрате β-68, на чуть более высокой нивелировочной позиции (+1—2 см) была открыта группа из двух расщеплённых костей лошади в сочетании с рас-

щеплённой трубчатой мамонта. Характер залегания — опять же строго горизонтальный. Две кости сориентированы строго поперёк древнего склона (по вектору ЮЗ—СВ), третья — строго им перпендикулярна.

Анализ фаунистических остатков среднего уровня заполнения показал, что преобладают два основных вида: целые и фрагментированные, в том числе расщеплённые, кости (часто мелкие и неопределимые) и анатомические связки. Отдельные, не фрагментированные кости представлены в основном рёбрами и позвоночными.

Отдельного упоминания стоит находка задней правой стопы мамонта (квадрат в-66). Она располагалась в небольшой, хорошо локализованной западинке диаметром 0,8 м. Суглинок вскрытой части её заполнения был окрашен охрой (рис. 4). Необходимо отметить, что для среднего уровня заполнения скопления в целом очень характерно наличие предметов, залегающих в позициях, близких к *in situ*.

Рис. 4. Стопа мамонта *in situ*

Существенно иной характер залегания фаунистических остатков наблюдался в юго-западной части скопления (квадраты б,в-68). Этот участок характери-

зуется небольшим уклоном в направлении на северо-запад. Падение нивелировочных отметок составляет 0,1—0,15 м на метр по протяжённости. Заполнение

рассматриваемого локального участка скопления формируют в основном фаунистические остатки средних размеров. При этом для них характерна разная направленность. Некоторые кости (как правило фрагменти-

рованные) залежали в наклонном положении. Характер культурного слоя на этой площади явно переотложенный. Здесь же, на квадрате б-68, были встречены три линзы вулканического пепла (рис. 5).

Рис. 5. Прослойка гумусированного суглинка (1) и линза вулканического пепла (2)

Основная масса фаунистических остатков скопления, включающая крупные плоские, трубчатые, черепные кости мамонта, формирует верхний уровень заполнения и залегают в серо-коричневом лессовидном суглинке без признаков гумусированности. Мощность культурного слоя этого уровня заполнения достигает 0,25—0,30 м в центральной части скопления. Непосредственно на площади скопления большинство крупных костей верхнего уровня полностью или частично вмещено в мощный горизонт плотного белесого мергелистого суглинка. Мощность мергелистого горизонта составила в среднем 0,10—0,15 м с тенденцией к увеличению на более высоких нивелировочных позициях в юго-восточном направлении. В плане она выглядит, как шлейф, ориентированный вниз по склону в северном — северо-западном направлении и выходящий за пределы скопления на юго-восток и северо-запад. При этом в периферийной северо-западной части скопления, где он языками как бы затекает на по-

верхность слабослоистого ожелезнённого суглинка, с которым связано основание скопления, его структура становится более слоистой, с включением ожелезнённых прослоек. В целом плавно-ровное «сползание» мергелистого горизонта по вектору ЮВ—СЗ отражает слабосклоновый характер формирования верхнего уровня заполнения скопления фауны. Характерно, что крупные трубчатые кости в основном сориентированы продольно, по направлению склона.

Как уже выше отмечалось, с юго-востока скопление не изолировано стерильным пространством, а непосредственно контактирует с находками культурного слоя III. Тем не менее и здесь граница ловится достаточно хорошо. По линии квадратов 69 крупных костей уже нет, а преобладают расколотые, фрагментированные кости небольших и средних размеров. Для них характерно разнонаправленное положение без выраженной связи со склоном. На квадрате б-69 была открыта группа вертикально «торчащих» расщеплённых кос-

тей, полностью вмещённых в слой белесости. На этой площади какая-либо структурированность отсутствует.

Для верхнего уровня заполнения скопления фауны характерно наличие таких элементов культурного слоя, как мелкие фрагменты охры и древесного угля, обожжённой кости, костного угля. Все эти составляющие неравномерно рассредоточены по всей площади скопления. Таким образом, мы видим, что, несмотря на внешнюю монолитность, скопление структурно неоднородно. Его формирование в том виде, в каком оно дошло до нас, происходило в несколько этапов. Но главным является факт наличия начальных уровней его заполнения, где культурные остатки или близки к позициям *in situ*, или не переотложены вовсе.

Последнее абсолютно не характерно для культурного слоя III в целом. В раскопах 1948—1951 и 1986 гг., примыкающих к площади нашего раскопа 2008—2012 гг. с севера и юго-востока, аналогичных участков культурного слоя не наблюдалось. Отметим и то, что на площади скопления не фиксировалось объектов с «обратной» стратиграфией. За исключением небольшого локального участка в юго-западной его части нет выраженных признаков серьёзного смещения фаунистических остатков. В то же время при разборке слоя отчётливо наблюдался факт вторичных затёков в полости скопления. Этим можно объяснить как бы взвешенное состояние мелких фрагментов костного и древесного угля, охристые подтёки и разнонаправленное положение мельчайших фрагментов кости, выпадающих из общей картины структуры скопления. Крупные кости его своеобразного «купола» также имеют отчётливые признаки некоторого смещения по направлению на северо-запад, это косвенно указывает на то, что первоначально они залегали более плотно и компактно.

Характер распределения костных остатков весьма интересен. Так, анатомические связки, представленные костями широкопалой лошади, северного оленя, песца, волка, в большинстве своём тяготеют к зонам границ скопления. При этом значительная часть их представлены вполне определённой комбинацией — пяточная-таранная-заплюсна. Общая статистика по фаунистическим остаткам ещё не проведена, можно лишь констатировать, что фаунистическая составляющая включает в себя кости не менее трёх особей мамонта, трёх особей широкопалой лошади, двух особей северного оленя, трёх особей песца, одной особи волка, одной особи россомахи, одной особи медведя.

Вопрос о функциональном назначении раскопанного объекта остается открытым. Конечно, его вполне корректно можно определить как геоархеологический объект, учитывая некоторую неизбежную роль природных процессов в формировании его окончательного вида и структуры. Но определённая избирательность составляющих его компонентов и системность их распределения предполагают элемент преднамеренности в их образовании и допускают возможность рассматривать исследованный комплекс как полноценный археологический объект, без приставки «гео».

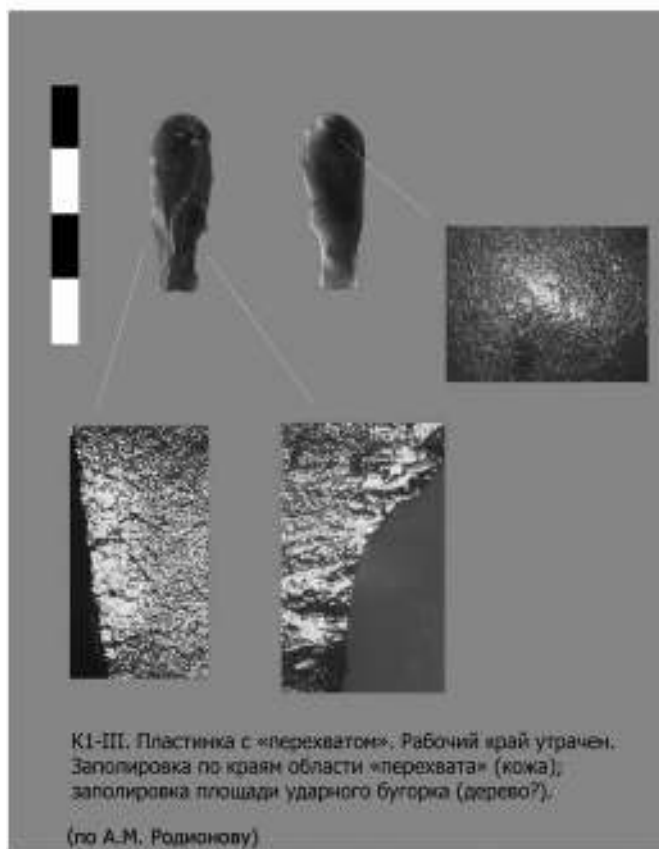
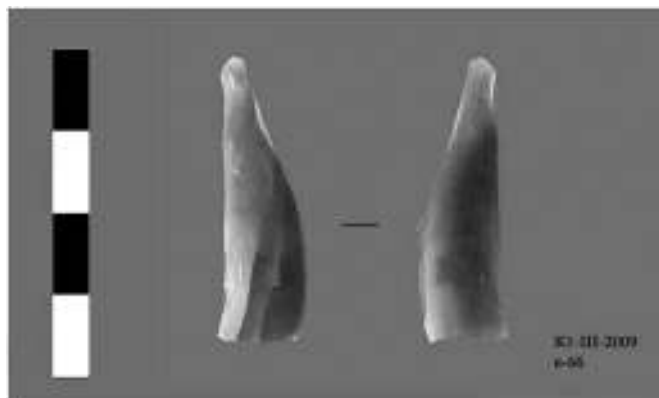

Рис. 6. Предметы каменного инвентаря
Раскоп 2008—2012 гг.

Специфичность открытого в 2008 г. скопления фауны третьего культурного слоя нашла своё отражение и в составе коллекции предметов каменного инвентаря, собранной с площади скопления. Она немногочисленна и составляет чуть более двухсот предметов из камня. Орудийных форм среди них — единицы. Отметим находку (квадрат в-66) кончика острия с полукрутой ретушью краёв, типологически идентичного аналогичным орудиям с участков «классического» третьего слоя. В коллекции присутствует также одна пластишка с «перехватом» — с заполировкой по краям области перехвата и утраченным в древности рабочим краем. Кроме того, внимания заслуживают два микро-нуклеуса. Один из них призматический, конусовидной

формы. Второй — торцевого снятия. В составе коллекции представлено около тридцати микропластинок и их фрагментов. Все они не ретушированы. Абсолютное большинство их имеет слабоизогнутый профиль. Основное сырьё — меловой кремль. Абсолютное большинство предметов из мелового кремня не патинированы (рис. 6).

Находки предметов каменного инвентаря рассредоточены по всей мощности заполнения скопления. Часть их (в том числе и фрагмент острия) оказались там в результате затёков в полости между костями. Однако это последнее наблюдение не относится к предметам из камня, залегающим на уровне основания скопления фауны. Здесь они находятся в общем контексте отдельных локальных участков концентрации культурных остатков, близких к позициям *in situ*.

Малочисленность коллекции, возможно, обусловлена спецификой вмещавшего её объекта. В целом она отнюдь не выпадает из культурного контекста третьего культурного слоя. Но, учитывая предельно малое количество диагностирующих форм и тот факт, что большая часть их попали в заполнение скопления в результате переотложения, принимать это утверждение надо с известной осторожностью.

Отдельно стоит упомянуть проблему верхнего горизонта находок третьего культурного слоя, который отчётливо локализуется на восточном раскопе 2008—2012 гг. В среднем его отрыв от основной массы находок составляет 0,08—0,15 м. Стратиграфически — это та же толща серо-коричневого суглинка без признаков гумусированности. У юго-восточной стены раскопа мы фиксировали факт его прямого наложения на кости юго-восточной, пограничной части скопления фауны. По составу фауны верхний горизонт имеет полное сходство с основной массой находок третьего слоя. Диагностика по предметам каменного инвентаря в настоящее время невозможна, так как коллекция камня из верхнего горизонта предельно мала и не содержит выразительных форм. Вопрос о его единстве с третьим культурным слоем окончательно не решён.

4. Заключение

Как видно из всего вышеизложенного, оба раскопа, западный и восточный, дали достаточно интересные результаты. Не характерная для третьего культурного слоя коллекция каменных артефактов, полученная на

западном раскопе 2004—2007 гг., не может не подвести к выводу о едином стратиграфическом контексте двух принципиально отличных культурных горизонтов. Тот факт, что нам удалось частично локализовать в плане разнокультурные участки, — серьёзная удача. Логически проще стало объяснять наличие в коллекции «классического» третьего культурного слоя (в частности, речь идёт о раскопе 1989 г.) отдельных нетипичных, явно стрелецких форм. Впрочем, не исключены и иные объяснения описанной ситуации.

Что касается итогов исследований в восточной части стоянки в 2008—2012 гг., то здесь ситуация совсем иная. Палеопочвенный профиль, с которым связаны находки третьего слоя, не прослеживается в стратиграфических колонках этой части мыса. Он замещается однородным, протяжённым по мощности слоем серо-коричневого неслоистого суглинка. К средне-нижней части последнего и относятся находки третьего культурного слоя на этом участке.

Тем не менее стратиграфическое единство третьего слоя в этой части памятника можно считать установленным фактом — во многом благодаря тому, что теперь он оказался исследованным на значительной сплошной площади, от северо-восточных раскопов 1948—1951 гг. до раскопа 1989 г. включительно. Это позволило фактически получить протяжённый разрез и уточнить в поле проблемные детали «стыковок» разных участков. В частности, участок, на котором выклинивается профиль палеопочвы, был определён нами «эмпирически», т. е. была открыта и зачищена северо-западная стена раскопа 1986 г., где он хорошо прослеживался.

Открытое в 2008 г. скопление фауны, конечно, представляет собой далеко не тривиальный эпизод в истории исследования третьего культурного слоя. Этот объект заслуживает отдельного рассмотрения и по характеру составляющих его компонентов, и по вполне определённым признакам его целенаправленного функционирования в той части, где влияние вторичных природных процессов оказалось минимизировано. Морфологически он явно отличен от объектов «классического» третьего слоя. Но стратиграфическое единство и вероятное единство каменного инвентаря позволяют в настоящее время рассматривать формирование и функционирование данного скопления фауны в общем контексте культурного слоя III стоянки Костенки I.

Список литературы

Аникович и др., 2006: Аникович М. В., Попов В. В., Аниюткин Н. К., Хоффекер Дж. Ф., Холлидей В. Т., Форман С. Л., Картер Б., Ловли Р., Дудин А. Е., Кузьмина И. Е., Платонова Н. И., Макаров С. С. Новые данные о хроностратиграфии многослойной стоянки Костенки I (стоянка Полякова) // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (Материалы Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костенках). СПб., 2006.

Аникович и др., 2008: Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.

Рогачев, 1957: Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59.

С. Н. Лисицын

ИИМК РАН, Санкт-Петербург

О ВАРИАБЕЛЬНОСТИ ГРАВЕТТИЙСКОГО ЭПИЗОДА НАКАНУНЕ ПОСЛЕДНЕГО ЛЕДНИКОВОГО МАКСИМУМА: ВЗГЛЯД ИЗ КОСТЕНОК

(при поддержке грантов РГНФ № 13-01-00292а, №12-01-00345а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»)

Восточноевропейские памятники граветта со своеобразным типологическим набором каменного и костяного инвентаря, а также яркими примерами искусства и самобытным домостроительством могут считаться визитной карточкой для палеолита Русской равнины — не в меньшей степени, чем, например, поздневалдайские комплексы мезинского облика с собственным набором культурных атрибутов. Многолетние исследования, проводившиеся на наиболее известных граветтийских стоянках, таких как Костенки 1, Авдеево, Хотылево 2, Гагарино, а в последние годы Зарайск, позволяют рассматривать проблему комплексного происхождения, развития и исчезновения групп граветтийского населения 23—17 тыс. л. н. на рубеже средней и поздней поры верхнего палеолита в контексте важнейшего климатического события (рис. 1). Центральным моментом этого промежутка времени может считаться экстремум последнего ледникового максимума 19—18 тыс. л. н., который, по большому счету, и определяет дискретность в археологической периодизации [Лисицын, 1999]. Если по вопросу о происхождении восточноевропейского граветта на Русской равнине у большинства исследователей практически не осталось сомнений — граветтийский эпизод ассоциируется с миграцией населения со стороны Центральной Европы (виллендорфско-костенковский феномен), — то по поводу трактовки культурных связей внутри самой граветтийской общности, а также интерпретации исторических судеб населения имеется значительное разнообразие мнений. Дискуссия о статусе археологической культуры или культурной общности «восточного граветта», территориально охватывавшего современные территории Австрии (Виллендоф 2/IX), Моравии (Петржковице), Южной Польши (Краков-Спадзиста), Среднего Поднепровья (Бердыж, Авдеево) и Дона (Костенки 1/1, 13, 14/1, 18 и др.), а также бассейна Оки (Зарайск), так и не привела к выработке однозначных решений о последовательности и внутреннем развитии данной общности [Булочникова, 1998].

Кроме того, среди относительно синхронных памятников накануне ледникового максимума на Русской равнине известны комплексы, относящиеся к граветтийскому технокомплексу, но не принадлежащие к «восточному граветту». Таковыми из числа надежно

датированных могут считаться, например: Молодова 5/VII на Днестре, Хотылево 2 и Пушкари 1 на Десне, Гагарино на Дону, ряд многослойных стоянок с граветтийскими слоями в Костенках. В последние годы открыты новые граветтийские памятники, также не вписывающиеся в виллендорфско-костенковскую индустрию, такие как Борщево 5, Трояново 4, Озерово и др. [Лисицын, 2004; Залізняк и др., 2007; Залізняк, Ветров, 2011].

Культурно-хронологическая позиция таких памятников относительно «восточного граветта» не вполне ясна, и прежде всего потому, что в отличие от последнего они не обладают типологической монолитностью: каждый из комплексов фактически уникален по набору признаков и не имеет полных аналогов ни в каменной, ни в костяной индустрии, не говоря уже об искусстве и домостроительстве. При этом такие памятники вместе с костенковско-авдеевскими относятся, без сомнения, к единому граветтийскому технокомплексу — по наличию высокоразвитой пластинчатой техники расщепления и широкому применению орудий с приутупленным краем.

Классификацию наиболее представительных граветтоидных комплексов по степени типологической близости произвел Х. А. Амирханов (1998). На кластерной дендрограмме, построенной на основании характеристик ведущих типов орудий (наконечники с боковой выемкой, листовидные наконечники и ножи костенковского типа), памятники фактически сгруппировались попарно. Так, Х. А. Амирхановым были выделены костенковско-авдеевская, хотылевско-гагаринская, костенковско-борщевская и костенковско-александровская группы. Но среди всех рассмотренных лишь собственно костенковско-авдеевские памятники могут рассматриваться как однокультурные. Вариативность инвентаря остальных граветтоидных комплексов, даже на уровне ведущих типов орудий, не позволяет построить периодизацию внутри граветтийской общности, от чего в свое время отказался и Г. П. Григорьев [Григорьев, 1998]. Радиоуглеродная хронология, особенно с учетом разброса старых датировок, также, к сожалению, не помогает в данном вопросе.

Двухчастную периодизацию граветтийских памятников на Украине безотносительно к рассмотрению

вопросов культурогенеза предложил Д. Ю. Нужный, разделив восточноевропейский граветт на раннюю 30—26 тыс. л. фазу (Межигирцы, Молодова 5/IX-X, Оселивка 1/III-II, Вороновица 1/II) и позднюю 25—22 тыс. л. н. (Молодова 5/VIII-VII; Кормань 4/VII-VI; Молодова 1/I; Вороновица 1/VI; Бабин 1). Украинский исследователь при этом отметил отличия местных комплексов от костенковских и от Гагарино и сходство их на поздней фазе с павловскими памятниками Моравии и Хотылево 2 на Десне [Nuzhnyi, 2009].

М. В. Аникович в последние годы переосмыслил разработанное Г. П. Григорьевым понятие культурного единства в контексте субпараллельного развития из одного дунайского корня двух вариантов центрально-европейского граветта на Русской равнине: «виллендорфско-костенковско-зарайского» и «павловско-хотылевско-гагаринского» — в общих хронологических пределах 24—16 тыс. л. н. [Аникович и др., 2008. С. 175]. При этом в рамках граветтского технокомплекса им дополнительно обосновано существование на Дону аносовско-гмелинской археологической культуры (Костенки 11/II, Костенки 21/III, Костенки 5/III) с радиоуглеродными датировками 22—21 тыс. л. н. Кроме того, к поздним граветтоидным памятникам с выраженными ориньякскими чертами в Костенках отнесены Костенки 4/I, Костенки 9 и Борщево 5/I. Особняком, согласно М. В. Аниковичу, стоят также позднеграветтский комплекс Костенки 4/II и раннеграветтский Костенки 8/II. Последний памятник, традиционно считаемый наиболее древним (27 тыс. л. н.) для Костенок с аналогиями в средиземноморском граветте типа Пагличчи [Бессуднов, 2005; Sinitsyn, 2007], также получил недавно серию омоложенных датировок 23—25 тыс. л. н. (не опубликованы: персональное сообщение Д. Ф. Хоффера).

Таким образом, культурная вариабельность восточноевропейского граветта в Костенках является в настоящее время наиболее сложным вопросом, требующим дальнейшего изучения. Необходимо отметить, что, в отличие от разработанной тематики виллендорфско-костенковских комплексов, хронология которых и вектор расселения по распространению известных памятников рассматривались неоднократно, проблематика павловьена, вновь вынесенная на повестку дня, остается уязвимой с источниковедческой точки зрения. Согласно мнению М. В. Аниковича, Хотылево 2 и Гагарино имеют прямые аналогии в павловском варианте граветта [Аникович, 1998], однако детальной проверки этой гипотезы с технико-типологическим сопоставлением индустрий по памятникам не проводилось. Общий для павловской и хотылевской и гагаринской индустрий прием вентрального плоского ретуширования концов микроорудий и острий, а также минимальное присутствие восточногограветтских элементов (ножи костенковского типа, наконечники с боковой выемкой) может указывать лишь на направление поиска генетических связей или объяснение их контактов, на что уже указывал К. Н. Гаврилов [Гаврилов, 2004; 2008]. Отличий здесь от павловского набора тоже достаточно, особенно учитывая неоднород-

ность самого «павловьена»: павловские острия, геометрические микроорудия и пилки определяют облик лишь моравских памятников [Svoboda, 2004] и на нашей территории в едином сочетании неизвестны. Датировки, полученные в последнее время для павловских комплексов Виллендорф 2/VI-VIII, Дольни Вестонице, Павлов 1 и Пржедмости, показали возраст 27—25 тыс. л. н. [Haesaerts et al., 1996; 2004; Joris & Weninger, 2004] — несколько древнее, чем рассматриваемое время. Вопрос о хронологическом и культурно-генетическом соотношении наиболее поздних павловских памятников с C14 датами от 25 тыс. л. н. и чуть моложе, в частности Миловице и Ярошов, и стоянок виллендорфско-костенковского облика (Виллендорф 2/IX, Петржковице, Мораваны, Краков-Спадзиста), датированных 23—21 тыс. л. н., еще окончательно не решен [Svoboda, 2007].

Граветтский комплекс стоянки Борщево 5 на Дону, не находящий аналогий в рамках граветтского эпизода (23—21 тыс. л. н.) среди территориально близких костенковско-авдеевских комплексов, также имеет перспективу определения культурных связей с Центральной Европой [Лисицын, 2011]. Памятник в верхнем культурном слое содержит 2 стратиграфически отделенных друг от друга стерильной прослойкой горизонтов, идентичных с технико-типологической точки зрения и относящихся к одной культурной традиции в пределах серии C14 датировок 22—17 тыс. л. н. [Лисицын, 2011]. Наиболее полным аналогом данному комплексу следует признать стоянку Биручий Лог — Костенки 9 и культурный горизонт Ia на Тельманской стоянке (Костенки 8), возможно, являющийся ее периферией [Лисицын, 2004. С. 71; Аникович и др., 2008. С. 169]. Стоянка Костенки 9 еще мало изучена и пока не имеет абсолютных дат [Палеолит... 1982. С. 109—113; Літоучанка, 1966], но приуроченность ее культурного слоя к верхам лессовидного суглинка и типологический набор представительного каменного инвентаря, находящего полные аналогии на Борщево 5, позволяют говорить об их геологической синхронности, а также однокультурности. У обоих комплексов полностью совпадают особенности первичного расщепления, направленного на получение тонких (но не микролитовидных) правильных пластин и микропластин с одноплощадочных призматических нуклеусов, в том числе с торцово-клиновидных. Среди орудий Борщево 5 и Костенки 9 преобладают микропластинки с притупленным краем — прямоугольники и мелкие граветтские острия симметричных и асимметричных очертаний (те же микрограветты и флешетты). Причем для данного микроинвентаря характерно повсеместное вентральное оформление концов, даже для их заготовок (пластинок без обработки на краях). В целом аналогичны и не составляющие единообразной группы резцы на крупных и средних пластинах, среди которых представлены угловые, ретушные и двугранные. Скребки выполнены на пластинах и на отщепках, часто имеют ретушированные края — как субпараллельные, так и сходящиеся к основанию. Выразительна группа крупных листовидных острий на пластинах со сплош-

ной краевой ретушью, а также серия проколов и долотовидных изделий на отщепах. Показательно присутствие обломков сланцевых дисков и граненых изделий из того же мягкого сланца со следами обработки шлифовкой. За исключением ножей костенковского типа и наконечников с боковой выемкой, которые единичными и несерийными формами представлены на Борщево 5, оба комплекса абсолютно идентичны.

М. В. Аникович отмечает отдельные ориньякоидные элементы в этой в целом граветтийской по облику индустрии. В частности, он усматривает использование «ориньякской» краевой ретуши на скребках и остриях, а среди орудий особо выделяет мелкие долотовидные изделия городцовского типа [Аникович и др., 2008. С. 169]. Однако контурная обработка орудий на пластинчатых изделиях, а также наличие мелких чешуйчатых орудий при абсолютной лакуне иных ориньякских форм (выемчатых пластин, скребков высокой формы, дюфуров и др.) едва ли может свидетельствовать о каком-то позднеориньякском наследии. Из предшествующих по времени индустрий ориньякоидного (Костенки 1/III, Костенки 8/I) и городцовского (Костенки 12/I, Костенки 14/II, Костенки 15) облика набор орудий Борщево 5 вывести практически невозможно, даже простым объединением разнородных признаков, поэтому указанные черты свидетельствуют о самостоятельной специфике комплекса на фоне родственных в культурном отношении памятников граветтийского круга.

Другой близкой аналогией Борщево 5/I можно считать материалы стоянки Костенки 4 (Александровская стоянка), исследовавшейся в 1920—1930-е гг. С. Н. Замятниным, П. П. Ефименко и особенно подробно А. Н. Рогачевым. Памятник двухслойный, причем оба культурных слоя со слабо углубленными жилищами разных типов оказались наложены друг на друга и лишь на двух участках были расчленены А. Н. Рогачевым стратиграфически. Датировки С14 определений 22 и 23 тыс. л. н. относятся к обоим нерасчлененным слоям. Материалы раскопок в полной мере опубликованы монографически [Рогачев, 1955], что избавляет от их детального описания. Каждый из культурных слоев Костенки 4 был отнесен к отдельной индустрии, не имеющей прямых аналогов [Палеолит... 1982]. Парадоксальным образом аналогии комплексу Борщево 5/I прослеживаются в инвентаре обоих культурных слоев сразу. Для верхнего слоя Костенки 4 в борщевской индустрии находят соответствие микроострия с вентральным оформлением основания, крупные листовидные острия на пластинах, в том числе александровского типа (острия-резцы), а также шлифованные предметы из сланца (в обломках представленные и в Борщево 5, и в Костенках 9). В нижнем культурном слое Костенки 4 обращают на себя внимание аналогичные борщевским долотовидные изделия (в том числе на пластинках), микропластинки с притупленным краем — острия и четырехугольники. Особняком на Костенках 4 стоят единичные предметы: крупный бифасиальный остроконечник и атипичный наконеч-

ник с боковой выемкой из верхнего слоя, а из нижнего — асимметричные треугольники, а также пластинки с притупленным одним и пильчатым другим краями. Однако эти предметы вписываются в характеристики павловской индустрии (Дольни Вестонице, Пршедьмость, Павлов 1).

Следует отметить, что разделение инвентаря на два культурных слоя проводилось А. Н. Рогачевым после окончания раскопок Костенки 4 в камеральных условиях, поэтому чистота каждого из них является относительной. Например, это заметно при категориальном сопоставлении опубликованных данных. Даже при четырехкратном различающемся статистическом весе коллекций верхнего (14,5 тыс. предметов) и нижнего (~60 тыс. предметов) культурных слоев бросаются в глаза их непропорциональные категориальные соотношения. Так, для 1-го слоя Костенки 4 количество резцов (260 экз.) в 1,5 раза превышает их количество для 2-го (158 экз.). А число скребков (76 экз.), напротив, уступает (212 экз.) почти в 3 раза. Все без исключения микропластинки и микроострия с ретушью (404 экз.) отнесены к верхнему слою, а пластинки и острия с притупленным краем (2604 экз.), а также долотовидные орудия (1210 экз.) — только к нижнему.

Во времена раскопок на Костенках 4 А. Н. Рогачева (1937—1938) наличие сразу нескольких культурных слоев на памятнике само по себе было открытием, позволявшим строить периодизацию костенковского палеолита на надежных стратиграфических и археологических основаниях. Александровская стоянка явилась одним из основных памятников, на материалах которого А. Н. Рогачев сумел подвергнуть сомнению стадиальную теорию П. П. Ефименко и разработал новаторскую концепцию археологических культур [Аникович, 2007]. Вместе с тем ему не было еще известно, что могут существовать и идентичные по археологическому материалу культурные горизонты в составе единого культурного слоя. Теперь благодаря дальнейшему углублению методики раскопок (заложенной, собственно, П. П. Ефименко и А. Н. Рогачевым) таковые известны, например, в Зарайске, Пушкинах, Юдиново, Гонцах, Борщево 5, Каменной Балке и на других стоянках. Таким образом, нельзя исключать тот факт, что оба культурных слоя Костенки 4 в совокупности могут относиться к единому граветтийскому слою. В таком случае Костенки 4 составляют вместе с комплексом Борщево 5/I и Костенки 9 еще одну отдельную группу граветта в Костенковско-Борщевском районе. Сомнения в хроностратиграфической гетерогенности верхнего и нижнего слоев на Костенках 4 ранее уже высказывала М. Н. Желтова [Желтова, 2008; 2009]. Косвенное подтверждение этому также можно найти у Н. К. Анисюткина, который раскапывал северный пункт памятника по заданию А. Н. Рогачева в 1959 г. и зафиксировал один-единственный слой с материалами нижнего культурного комплекса Костенки 4, но включивший орудия, характерные и для верхнего слоя: микроострия, микропластинки с мелкой ретушью и вторичные торцовые ядрища [Анисюткин, 2006].

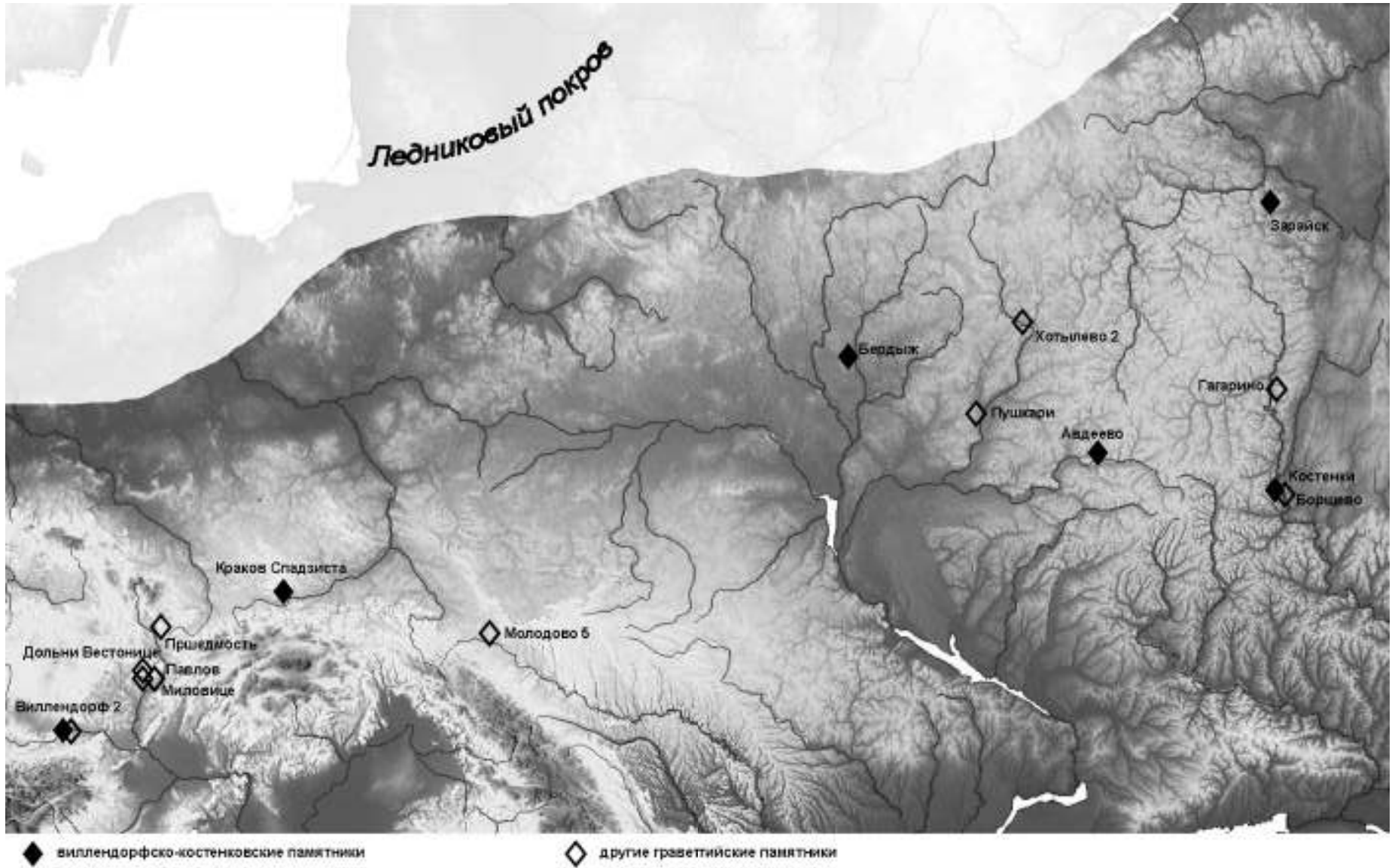

Рис. 1. Основные памятники граветта Центральной и Восточной Европы накануне последнего ледникового максимума (LGM)

Перспективным в плане типологических аналогий представляется сопоставление комплексов типа Борщево 5/1, Костенки 9 и Костенки 4/1-II с хронологически наиболее поздним граветтийским комплексом в павловской последовательности — стоянкой Миловице в Моравии [Milovice... 2009]. Памятник располагается в 3 км от стоянки Павлов 1 на склоне холма в древней балке. Верхний культурный комплекс памятника был атрибутирован граветтом, а нижний — ориньяком. Верхний культурный слой по кости и углю датируется в промежутке от 25,9 до 17,5 тыс. л. н. с основной группировкой дат в пределах 22—24 тыс. л. н. [Milovice... 2009. P. 24]. Верхний культурный слой Миловице дает полный типологический набор, характерный для Борщево 5 и Костенок 4 и 9, хотя и отличается большим типологическим разнообразием (в наших памятниках, например, нет острей типа вашон). Аналогии находкам в Миловице прослеживаются и на других, территориально намного более близких, но не столь ярких, хронологически непосредственно предшествующих ледниковому максимуму памятниках, которые И. А. Свобода считает переходными от граветта к эпиграветту. Так, восточнославянская стоянка Кашов имеет 2 культурных слоя с идентичным Миловице набором типов орудий [Novak, 2004]. По верхнему культурному слою Кашова имеется радиоуглеродная дата $18\ 600 \pm 390$ BP, и он относится к эпиграветту, а нижний с датой $20\ 700 \pm 350$ BP — к финальному граветту, причем наконечники с боковой выемкой отсутствуют как в нижнем, так и в верхнем слое памятника. В Сербии переходный от граветта к эпиграветту комплекс представлен 4-м культурным слоем пещерного памятника Салитрена Печина, в котором также содержится весь перечисленный набор типов инвентаря, в том числе 1 мелкий наконечник с боковой выемкой [Mihailovic D., Mihailovic B., 2007]. Согласно И. А. Свободе, появление таких ранних эпиграветтийских памятников отражает процесс приспособления носителей поздних граветтийских традиций к начинавшемуся пиковому похолоданию в Центральной Европе, которое в Западной Европе спровоцировало распространение бадегульена, а в Восточной Европе — липской культуры [Svoboda, 2007]. Для всех этих индустрий были характерны уменьшение размеров пластин, которые скалывали с призматических одноплощадочных и торцово-клиновидных нуклеусов, микролитизация самих орудий, распространение микрограветтов и флешеттов и постепенное исчезновение граветтийского наследия в виде наконечников с боковой выемкой и ножей костенковского типа. По мнению М. Оливы, появление в Центральной Европе памятников этого круга связано с влиянием средиземноморского эпиграветта и переориентацией местных охотников с мамонта на добычу копытных животных [Milovice... 2009. P. 276].

Таким образом, появление комплексов финального павловьена типа Миловице — индустрии верхнего слоя Борщево 5, Костенок 9, а возможно и Костенок 4 на Дону — на значительном расстоянии от родственных памятников в Центральной Европе демонстрирует

миграционную модель, которая уже была апробирована в виллендорфско-костенковском варианте граветта. Причем распространение в широтном направлении разнокультурных граветтийских индустрий, судя по радиоуглеродным датам, проходило или одновременно, или последовательно, но с минимальным хронологическим разрывом. Удаленные аналогии для ряда восточноевропейских памятников граветта (Пушкари и Ключсы, Костенки 11 и Костенки 21, Хотылево 2 и Гагарино) из-за отсутствия ярких типологических соответствий пока не представляются очевидными. Но для связи Виллендорф—Костенки—Зарайск и Миловице—Борщево 5—Костенки 9 идея параллельного развития двух независимых линий граветта на Русской равнине, похоже, может найти свое подтверждение.

Как видно из приведенных аналогий, большинство граветтийских памятников на Русской равнине, включая их концентрацию в Костенках, ассоциируются с центральноевропейским граветтом в том или ином виде. Данный феномен нуждается в осмыслении независимо от культурной принадлежности древних мигрантов из Подунавья в центр Русской равнины. Безусловно, этот процесс, растянувшийся на тысячелетия, был настолько постепенным, насколько позволяла природная среда.

Экономика граветтийского населения, как считается, была тесно связана с мамонтом [Аникович, 1998; Аникович и др., 2010]. Однако странно было бы полагать, что расселение охотников происходило исключительно по маршрутам перекочевок мамонтовых стад с запада на восток, тем более что сезонные пути миграций животных всегда имеют меридиональный, а не широтный вектор. Аналогичная проблема рассматривалась исследователями финального палеолита, занимающимися изучением памятников с черешковыми наконечниками, носители которых считаются охотниками на северного оленя, расселявшимися в позднеледниковье с побережья Южной Балтики в центр Русской равнины [Лисицын, 2010; 2012]. По-видимому, в условиях присваивающего хозяйства миграции любых человеческих коллективов, целиком зависевших от среды обитания, были связаны с их экологической нишей комплексным образом. Если для охотников эпохи финального палеолита такой эконишей стало формирование пояса лесной растительности на рубеже плейстоцена и голоцена (на первом этапе лесотундра, потом бореальные леса), то для перигляциальных охотников верхнего палеолита такой нишей могла быть тундростепь, которая формируется на Русской равнине непосредственно с началом похолодания ледникового максимума, т. е. с 24 тыс. л. н. [Симакова, Пузаченко, 2008].

Тундростепь — не вполне верное название. Точнее — это была своеобразная перигляциальная саванна. Специфическая природная зона формировалась в перигляциальных районах и в наибольшей степени напоминала экосистему современной африканской саванны с ее почти аналогичным видовым составом фауны (хоботные, непарнокопытные: лошади, носороги, а также бовиды, крупные хищники, включая челове-

ка). Как видно из климатических реконструкций, распространение поясной зоны, соответствующей перигляциальной саванне, как раз охватывает территории от Верхнего Подунавья до бассейна Дона и Оки (рис. 2). Причем, в отличие от современной циркумполярной природной зональности широтного простирания, в ледниковое время (особенно в периоды похолоданий) зональность была циркумгляциальная — опоясывав-

шая Скандинавский ледниковый щит. Именно поэтому перигляциальная саванна протянулась не строго с запада на восток, а с юго-запада на северо-восток. С территории Средней Волги она отклонялась еще далее на север. Локализация граветтийских памятников следует границам такой зональности, что открывает перспективу находок палеолита даже выше Волго-Окского междуречья [Праслов и др., 2011].

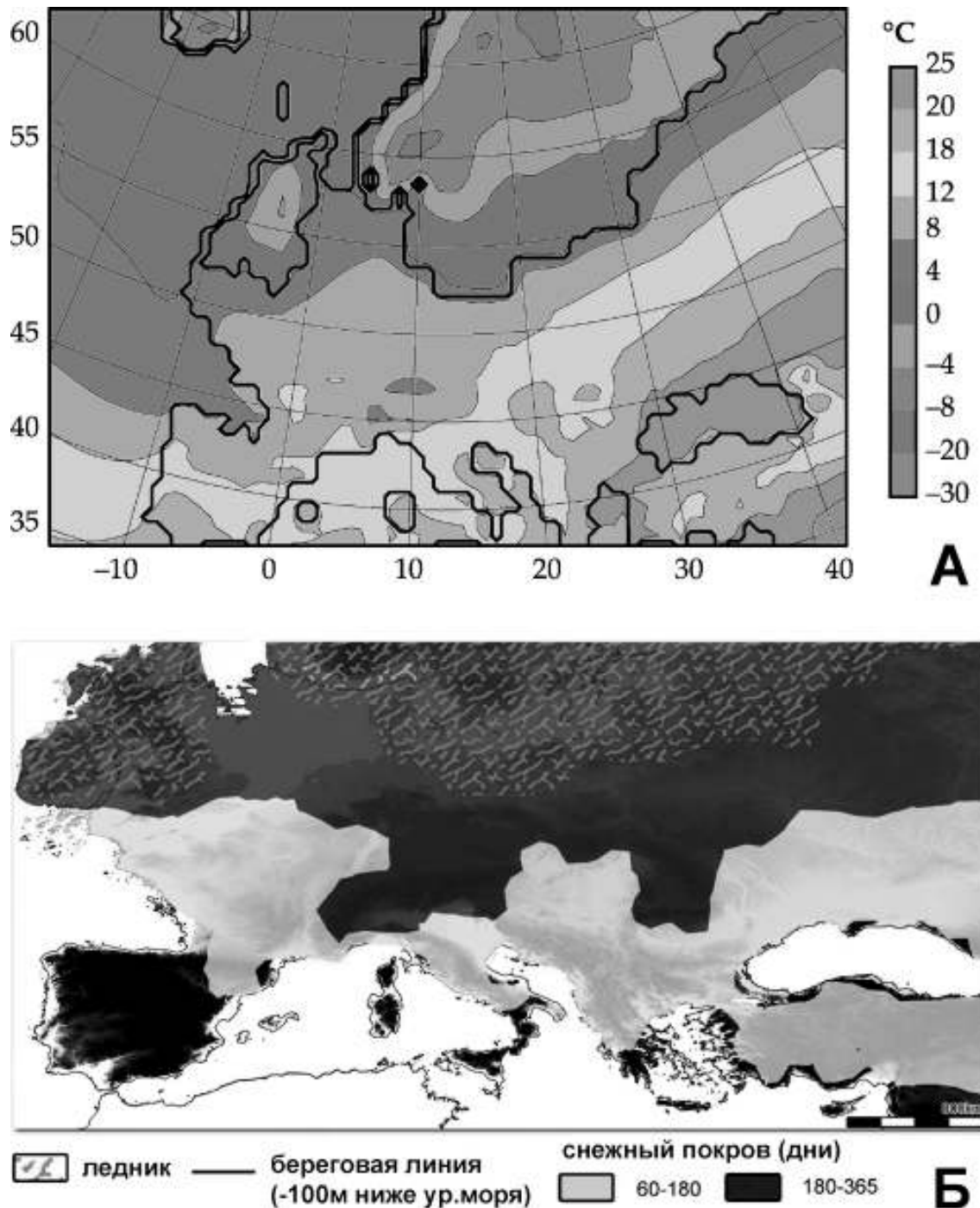

Рис. 2. Палеоклиматические реконструкции приледниковой зоны LGM:
 А — моделирование летних температур (по: [Davies, Gollup, 2003]);
 Б — моделирование сплошного снежного покрова (по: [Bradtmöller et al., 2012])

Основные черты перигляциальной саванны — континентальный аридный климат, интенсивная ветровая деятельность и преимущественно эоловое осадконакопление (следствие последнего: выпадение пыли и образование лессовых отложений). Для перигляциальной саванны был характерен интенсивный травостой, обеспеченный естественным компостированием фитомассы и подпиткой продуктами жизнедеятельности крупных травоядных. Все это вместе создавало своеобразную дерновую подушку — температурную изоляцию корневой системы растений от нижележащих вечномерзлых отложений и имело результатом феноменальное разнотравье — основу существования крупных плейстоценовых травоядных [Zimov et al., 2012]. Важная черта, делавшая Русскую равнину накануне ледникового максимума привлекательной средой обитания для человека и животных: в условиях прогрессировавшего похолодания климата существовали малоснежные зимы и умеренно теплые летние сезоны (рис. 2), благодаря которым поддерживался круглогодичный температурно-влажностный баланс экосистемы, когда атмосферные осадки полностью усваивались растительностью, а избыток воды подпитывал вечномерзлую толщу, служившую водоупорной основой для плодородных лессовых почв. При этом мягкий снеж-

ный покров (без характерного для современных отепельных зим образования наста и наледи) способствовал быстрой и продолжительной консервации травяного покрова — круглогодичной кормовой базы мамонтового териокомплекса. По-видимому, формирование столь благоприятной среды обитания притягивало в центральные районы Русской равнины не одну волну переселенцев и не обязательно лишь из Центральной Европы. Устойчивость в технико-типологическом отношении различных вариантов граветтийского технокомплекса, носители которых эксплуатировали общую экологическую нишу, демонстрирует, что родственные группы населения развивали альтернативные культурные традиции, практически не смешиваясь. Именно в уникальном климатическом феномене раннего этапа формирования зоны перигляциальной саванны накануне последнего ледникового максимума нужно искать причины вариабельности восточноевропейского граветта. С началом потепления после 17 тыс. л. н. общая перигляциальная зональность Восточной и Центральной Европы распалась, чем, возможно, объясняется дальнейшее локальное развитие позднелевосточных комплексов с «мамонтовым хозяйством» на Русской равнине.

Список литературы

- Амирханов, 1998: *Амирханов Х. А.* Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы // Восточный граветт. М., 1998.
- Аникович, 2007: *Аникович М. В.* А. Н. Рогачев и «конкретно-исторический подход» в палеолитоведении // РА. 2007. № 4.
- Аникович и др., 2008: *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.
- Аникович и др., 2010: *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // *Stratum plus* № 1. Кишинев, 2010.
- Анисюткин, 2005: *Анисюткин Н. К.* Северный пункт стоянки Костенки 4 // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культура, антропология. Воронеж, 2005.
- Бессуднов, 2005: *Бессуднов А. А.* Разновидности граветта в Костенковско-Борщевском верхнепалеолитическом районе // Альманах молодых археологов. СПб., 2005.
- Булочникова, 1998: *Булочникова Е. В.* Вчера и сегодня понятия «восточный граветтен» // Восточный граветт. М., 1998.
- Гаврилов, 2004: *Гаврилов К. Н.* Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Гаврилов, 2008: *Гаврилов К. Н.* Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М., 2008.
- Григорьев, 1998: *Григорьев Г. П.* Отношение восточного гравеття к Западу // Восточный граветт. М., 1998.
- Желтова, 2008: *Желтова М. Н.* Этапы изучения Александровской стоянки (Костенки 4) // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Замятинский сборник. Вып. 1. СПб., 2008.
- Желтова, 2009: *Желтова М. Н.* Костенки-4: взаиморасположение объектов в пространстве и времени (анализ культурного слоя) // АЭАЕ. 2009. 2 (38).
- Залізник, Ветров, 2011: *Залізник Л. Л., Ветров Д. О.* Нова граветська стоянка Озерове на Кіровоградщині // Кам'яна доба України. № 10. К., 2011.
- Залізник и др., 2007: *Залізник Л. Л., Степанчук В. М., Ветров Д. О., Товкайло М. Т., Озеров П. І.* Граветська стоянка Троянове 4 під Новомиргородом // Кам'яна доба України. № 10. К., 2007.
- Літоучанка, 1966: *Літоучанка Л. М.* Палеолітична стоянка Біручы Лог (Касценкі IX) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук 3. 1966.
- Лисицын, 2004: *Лисицын С. Н.* Хроностратиграфия и археология стоянки Борщево 5 по данным раскопок 2002—2003 гг. // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.
- Лисицын, 2010: *Лисицын С. Н.* Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на северо-западе Восточной Европы // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010.
- Лисицын, 2011: *Лисицын С. Н.* Граветтийский комплекс стоянки Борщево 5 в Костенковско-Борщевском районе на Дону // Палеолит и мезолит Восточной Европы. М., 2011.
- Лисицын, 2012: *Лисицын С. Н.* Дискуссионные вопросы периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжье // КСИА. 2012. № 227.
- Палеолит... 1982: Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879—1979 / Ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев. Л., 1982.
- Праслов и др., 2011: *Праслов Н. Д., Недомолкина Н. Г., Желтова М. Н.* Древнейшее заселение Вологодского края //

Тверской археологический сборник. Вып. 8, том 1. Тверь, 2011.

Рогачев, 1955: *Рогачев А. Н.* Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону // МИА. 1955. № 45.

Симакова, Пузаченко, 2008: *Симакова А. Н., Пузаченко А. Ю.* Растительность в максимальное похолодание последнего оледенения (LGM) 24—17 тыс. л. н. // Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену. М., 2008.

Bradt-moller et al., 2012: *Bradt-moller M., Pastoors A., Weninger B., Weniger G.-Ch.* The repeated replacement model — Rapid climate change and population dynamics in Late Pleistocene Europe // *Quaternary International* 247 (2012). 2012.

Davies, Gollop, 2003: *Davies W., Gollop P.* The Human Presence in Europe during the Last Glacial Period II; Climate Tolerance and Climate Preferences of Mid- and Late Glacial Hominids / van Andel, Tjeerd H. and Davies, William (eds.) (2003) Neanderthals and modern humans in the European landscape during the last glaciation: archaeological results of the Stage 3 Project, UK, McDonald Institute for Archaeological Research monographs. Cambridge, 2003.

Haesaerts et al., 1996: *Haesaerts P., Damblon F., Bachner M., Trnka G.* Revised stratigraphy and chronology of the Willendorf II sequence, Lower Austria // *Archaeologia Austriaca*. 1996. 80.

Haesaerts et al., 2004: *Haesaerts P., Borziak I., Chirica V., Damblon F., Koulakovska L.* Cadre stratigraphique et chrono-

logique du gravettien en Europe Centrale // *The Gravettian along the Danube*. Dol. Vest. Stud. 11. Brno, 2004.

Joris, Weninger, 2004: *Joris O., Weninger B.* Coping with the cold: On the climatic context of the Moravian Mid Upper Palaeolithic // *The Gravettian along the Danube*. Dol. Vest. Stud. 11. Brno, 2004.

Mihailovic D., Mihailovic B., 2007: *Mihailovic D., Mihailovic B.* Considerations sur le Gravettien et l'Epigravettien ancien des Balkans de l'ouest // *PALEO*. 2007. Nr 19.

Milovice... 2009: *Milovice: site of the mammoth people below the Pavlov hills* // Ed. M. Oliva. Brno, 2009.

Novak, 2004: *Novak M.* Gravettian occupation in the lower layer of Kašov I // *The Gravettian along the Danube*. Dol. Vest. Stud. 11. Brno, 2004.

Sinitsyn, 2007: *Sinitsyn A. A.* Variabilite du Gravettien de Kostienki (bassin moyen du Don) et des territoires associes // *PALEO*. 2007. Nr°19.

Svoboda, 2004: *Svoboda J. A.* Afterwords: The Pavlovian as a part of the Gravettian mosaic // *The Gravettian along the Danube*. Dol. Vest. Stud. 11. Brno, 2004.

Svoboda, 2007: *Svoboda J. A.* The Gravettian on the Middle Danube // *PALEO*. 2007. Nr°19.

Zimov et al., 2012: *Zimov S. A., Zimov N. S., Tikhonov A. N., Chapin F. S.* Mammoth steppe: a high-productivity phenomenon // *Quaternary Science Reviews*. 2012. 57.

А. Ю. Пустовалов *, **А. М. Родионов ****

* ГИМЗ «Костенки», Воронеж, ** ГИМЗ «Дивногорье», Воронеж

СКРЕБКИ ИЗ II КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ И ИХ ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

(при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00292)

Многослойная стоянка Костенки 8 (Тельманская) относится к числу ключевых и наиболее известных в литературе верхнепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района. Стоянка расположена вблизи устья Александровского лога, на восточном склоне мыса, образованного им и его крупным отвершком — Бирючьим логом.

Стоянка впервые была открыта А. Н. Рогачевым в 1936 г. В следующем сезоне П. П. Ефименко и А. Н. Рогачев исследовали участок I культурного слоя, содержащего остатки жилища-полуземлянки. В результате послевоенных исследований Тельманской стоянки под руководством А. Н. Рогачева оказались обнаружены остатки еще четырех более древних культурных слоев (Ia, II, III и IV) [Борисковский, 1957; Рогачев, 1957]. В 2005 г. после продолжительного перерыва работы на стоянке были возобновлены Костенковско-Борщевской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством М. В. Аниковича. Исследователем памятника стал В. В. Попов, а в последующие годы — А. Ю. Пустовалов и А. Е. Дудин.

За последующие годы исследований на Костенках 8 было вскрыто около 650 кв. м. К настоящему моменту наиболее результативными оказались исследования второго культурного слоя памятника. Традиционно считается, что слой этот представляет собой остатки поселения, состоявшего из круглых одноочажных наземных жилищ, незначительно углубленных в суглинок. Остатки жилищ (их насчитывалось 5) были представлены линзами гумусированного суглинка мощностью до 20 см, выделявшимися особой концентрацией в них культурных остатков. За пределами линз находки почти полностью отсутствуют. Культурный слой представляет собой неравномерно распределенные по поверхности изделия из кремня, в том числе готовые орудия; мелкие, в большинстве своем неопределимые, фрагменты костей животных, костяные поделки, древесные угольки, кусочки и пятна охры.

В настоящее время возраст поселения второго слоя Тельманской стоянки, как правило, оценивается в пределах 28—27 тыс. л. н. на основании радиоуглеродной даты 27 700 ±750 л. н. (GrN-10509), полученной по древесному углю. Правда, сделать окончательные выводы о ее возрасте всегда мешало наличие двух других радиоуглеродных дат, полученных по костям лошади

и фрагментам обожженного черепа человека. Обе они указывают на возраст около 24—23 тыс. л. н.—24 500 ±450 л. н. (ГИН-7999) и 23 020 ±320 л. н. (OxA-7109) [Аникович и др., 2008]¹.

Являясь, предположительно, древнейшим типично граветтоидным комплексом Костенковско-Борщевского района, культурный слой Костенки 8/II по характеру инвентаря резко отличается от всех синхронных ему памятников. Его индустрия поражает своим богатством, разнообразием, высоко развитой техникой расщепления и вторичной обработки кремня. Коллекция каменных изделий до начала наших работ 2005—2013 гг. насчитывала около 23 000 единиц. В качестве сырья использовался преимущественно черный меловой кремень высокого качества с налетом серо-голубоватой патины. Техника первичного раскалывания типично призматическая, пластины узкие, тонкие, с «правильной» огранкой спинки. Широко использовались микропластинки, снимавшиеся с вторичных ядрищ. Характерна предельная утилизация сырья, а также высокий процент сломанных и намеренно разбитых изделий.

Особенностью кремнёвого инвентаря Костенок 8/II является то, что самую многочисленную группу орудий тут составляют острия и пластинки с притупленным ретушью краем. Помимо этого уже давно отмечалось, что, при наличии большого количества разнообразных резцов, здесь встречено очень мало скребков. Раскопками А. Н. Рогачева был обнаружен всего 51 экземпляр, что составило около 2,5 % от общего количества орудий. Подавляющее большинство (45 экземпляров) являются концевыми скребками на пластинах с ретушированными и неретушированными краями [Литовченко, 1969].

В ходе работ 2005—2009 гг. на Тельманской стоянке коллекция кремнёвого инвентаря второго культур-

¹ До недавнего времени считалось, что ранняя датировка подтверждается совершенно ясным стратиграфическим положением стоянки среди памятников Костенковско-Борщевского района. На современном этапе исследования выявились определенные проблемы, касающиеся именно стратиграфического положения данного слоя на разных участках мыса, занимаемого Тельманской стоянкой.

Однако изложение этих проблем выходит за рамки настоящей работы.

ного слоя пополнилась приблизительно двумя тысячами предметов, из них около 260 экз. составляют орудия. Материалы раскопок 2011—2013 гг. остались за рамками настоящей работы, так как на момент написания статьи еще не была завершена работа с коллекциями и отчетной документацией по итогам этих полных сезонов.

Кремнёвый инвентарь, добытый в означенный период, полностью идентичен материалу, полученному в ходе исследования стоянки в предшествующие годы. Доля скребков в новой коллекции по-прежнему невелика и составляет около 2,5 % (7 экз.). Таким образом, процентное соотношение идентично тому, что наблюдалось в коллекциях предшествующего периода. Более половины скребков являются концевыми на пластинах, ретушированными или не ретушированными по краям. В качестве сырья для изготовления орудий использовался меловой кремнь черного цвета.

Коллекция скребков не случайно привлекла наше внимание. Здесь сыграли роль предварительные результаты работ на Тельманской стоянке в 2011—2012 гг. Именно тогда в слое II была собрана большая серия орудий, несомненно, использовавшихся для работы с кожей (шкурами) — в первую очередь коллекция костяных проколов. Появилась возможность поставить вопрос о наличии здесь некой производственной зоны, связанной с процессом выделки кожи. В этой связи показалось естественным вплотную рассмотреть и исследовать небольшую подборку скребков, априорно считающихся орудиями для работы с кожей.

В результате коллекция скребков культурного слоя Костенок 8/II была подвергнута трасологическому анализу². При этом использовался бинокулярный микроскоп МБС-9 при косом искусственном освещении. Ниже последовательно излагаются результаты анализа, применительно к каждому орудю.

Обломок концевого скребка на черном меловом кремне (рис. 1: 1). Рабочий край имеет классическую подправку с типичной для скребка заполировкой от работы по коже. Орудие использовалось непродолжительное время, что связано, скорее всего, со сломом пластины из-за хорошо фиксируемой трещины в материале. Ввиду малого размера обломка он стал не функционален.

Скребок на отщепе (рис. 1: 2). Орудие представлено сколом скребкового лезвия, возможно, для обновления края скребка. Орудие имеет классическую для скребка подтеску. Следы рабочего края достаточно хорошо прослеживаются. Заполировка неглубокая, но явная, носит бархатистый оттенок. Посторонних следов не имеет.

Концевой скребок на дистальном конце обломка пластины черного мелового кремня, с четко оформленным скребковым лезвием (рис. 1: 3). Слом пластины вторичный, следы с брющка достаточно глубокие и

просматриваются более чем на половине орудия, что говорит об использовании данного артефакта еще в целом виде. Анализ следов сработанности свидетельствует об использовании данного предмета в качестве стамески для обработки дерева. В пользу этого говорят несколько фасеток, выходящих на плоскость брющка. Орудие использовалось без рукояти, так как со спинки орудия просматривается характерная заполировка грани ребра.

После слома пластины орудие крепилось в рукояти, о чем свидетельствует омолаживающая выкрошенность на верхней грани и заполировка выступающего края со спинки с проксимальной части орудия. Во время вторичного использования орудия на рабочей кромке образовалась четкая линия заполировки от работы по коже. На орудии просматривается ретушь, оформляющая черешок. Помимо всего изложенного, необходимо отметить, что перед вторичным использованием орудия рабочий край был подправлен, о чем говорит двухъярусность ретуши и остаточность мелких фасеток с брющка.

Скребок на обломке пластины неправильной формы и с подправкой лезвия с брющка (рис. 1: 4), что не характерно для классического оформления скребкового лезвия. Правый край орудия имеет мелкие выкрошенности, образовавшиеся при использовании орудия в качестве ножа по коже. Основной рабочий край орудия не имеет следов заполировки, характерных для работы с кожей. Наличие достаточно сильной выкрошенности свидетельствует о применении данного орудия для обработки твердых материалов, какими являются кость или рог. Следов фиксации в рукояти не зафиксировано. Первоначальная функция орудия — стамеска по кости (со спинки прослеживаются линейные следы, заходящие более чем на середину орудия; они хорошо выражены и имеют значительную глубину). Вторично орудие использовалось как скребок, для чего была проведена подправка лезвия. В итоге фасетки, заходящие на спинку и оставшиеся от стамески, сохранились фрагментарно.

Боковой резец на отщепе мелового кремня, переоформленный из скребка (рис. 1: 5), мы посчитали возможным привлечь к рассмотрению, так как первоначально орудие со скребковым лезвием использовалось по прямому назначению для обработки кожи. В дальнейшем, после переоформления, боковой резец использовался для работы по дереву.

Концевой скребок на пластине черного мелового кремня, с меловой коркой (рис. 1: 6). На орудии имеется четкая заполировка скребкового края и следы от кинематики движения. Помимо подправленного лезвия, имеется подправка левого углового края (вид со спинки), который использовался идентично основному краю. Угловое лезвие подправлено с брющка. По периметру пластины имеется ретушь, которая функционально не идентифицируется. Возможно, она носила лишь притупляющий характер. В основании пластинки имеются следы попытки оформления черешка.

² Приводимые в статье рисунки каменных орудий выполнены Т. В. Поповой.

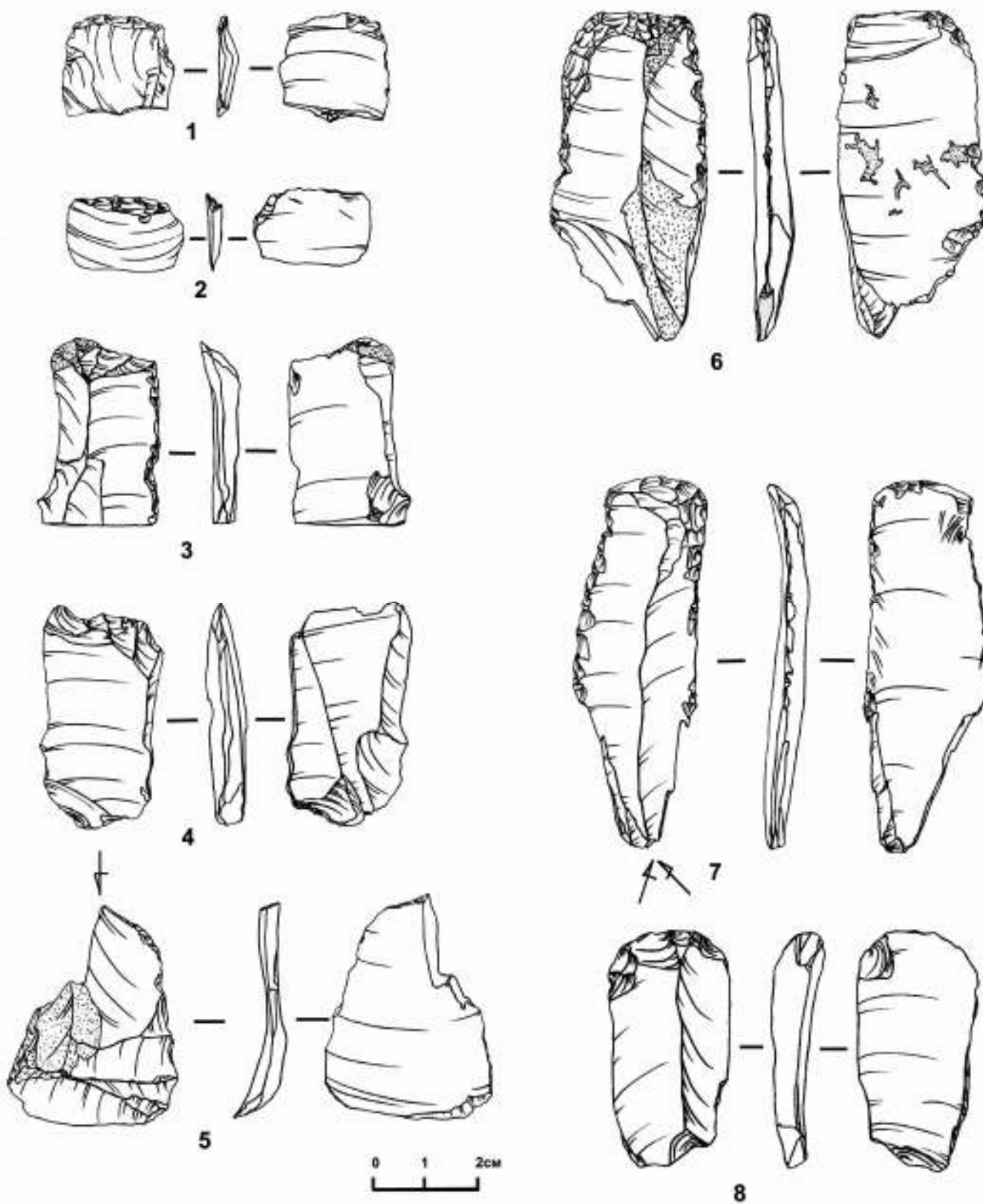

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянок Костенки 8 (слой II) (1—7) и Костенки 1 (слой 1) (8)

Комбинированное орудие (скребок/срединный резец) (рис. 1: 7). На режущей кромке, тем не менее, нет следов работы орудием в качестве резца. Видимо,

функционально «срединный резец» является черешком, оформленным режущими сколами. Трасологические следы на скребковом лезвии свидетельствуют о

том, что орудие использовалось для обработки шкуры. Рабочий край имеет классическую заполировку от работы по коже. Помимо обработки кожи, данное орудие, в частности обе стороны пластины, использовались в качестве ножа при работе с мясом. Несмотря на оформленную рукоять, следов фиксации орудия не прослеживается.

После трасологического анализа коллекции немногочисленного скребкового инвентаря позднепалеолитической стоянки Костенки 8/II можно сделать некоторые выводы. Во-первых, для оформления лезвий скребков применялось несколько приемов, в том числе чешуйчатая подтеска, которая использовалась и для оживления рабочего края, и для придания ему нужной формы (см.: рис. 1: 4). Можно предположить использование такого приема, как снятие отщепов с рабочей части скребкового лезвия. Пример этого можно отметить на скребке, изображенном на рис. 1: 2. Негатив от такой подправки мы видим также на артефакте на рис. 1: 6.

Примерно половина орудий имеет чешуйчатую подтеску с брюшка на угловой части лезвия, назначение которой на первый взгляд непонятно (рис. 1: 1, 6, 7). Однако подобная подправка рабочего края скребка встречается и в коллекциях некоторых других памят-

ников Костенковско-Борщевского района, в частности в первом слое Костенок 1 (рис. 1: 8). В результате проведенного анализа мы можем утверждать, что данная подтеска применялась исключительно для выравнивания рабочего края. Подтеска приостряла углы орудия, тем самым увеличивая рабочий край скребка, что давало возможность использовать и угловые части орудия.

Все скребки, присутствующие в коллекции каменного инвентаря второго слоя Костенок 8 (раскопки 2005—2009 гг.), использовались для работы по коже. Следы износа на них подтверждают общепризнанное предназначение этих орудий — обработка шкур, в отличие от аналогичных скребков Костенок 1 (слой 1), не использовавшихся для подобного вида работ [Гиря, 2008].

Малочисленность типологически выделенных скребков объясняется тем, что гораздо чаще для обработки кожи применялись отщепы, сечения пластин и любые формы, имеющие удобный рабочий край. В коллекции насчитывается более 50 отщепов и фрагментов пластин с выраженными следами работы по коже. Этот факт может свидетельствовать о возможной единовременной и быстрой потребности в массовой обработке шкур, когда для этих целей использовались любые подходящие формы.

Список литературы

Аникович и др., 2008: *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.

Борисковский, 1957: *Борисковский П. И.* Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины // МИА. 1957. № 59.

Гиря, 2008: *Гиря Е. Ю.* Исследования каменной индустрии стоянки Костенки 1 (слой 1) // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.

Литовченко, 1969: *Литовченко Л. М.* Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. 1969. № 3.

Рогачев, 1957: *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59.

А. М. Родионов

ГМЗ «Дивногорье», Воронеж

ТЕХНОЛОГИИ ОБРАБОТКИ КОЖИ НА СТОЯНКЕ КОСТЕНКИ 11 (СЛОЙ 1А)

(при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00292)

Многослойная стоянка Костенки 11 (Аносовка 2) является памятником всемирно известным благодаря наличию там прекрасно сохранившихся остатков округлых костно-земляных жилищ. Ныне одно из них составляет основу экспозиции музея-заповедника «Костенки». Интересующий нас слой 1а, вмещавший указанное жилище, залегал под современной почвой, в верхней части лёссовидного суглинка (на глубине 0,5—0,7 м от его верха). Три радиоуглеродные даты, полученные для этого слоя, дают интервал от 20 до 16 тыс. лет тому назад [Палеолит... 1979. С. 124].

Коллекция каменного инвентаря слоя Костенки 11/1а насчитывает свыше 17 тыс. расщеплённых кремней, в том числе около 1500 изделий со вторичной обработкой и около 1200 микропластинок. В качестве сырья использовался меловой (57 %) и цветной (38 %) кремнь [Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 215].

Техника первичного расщепления на стоянке ориентирована на получение микропластинок и пластинок различной формы. Заготовками для орудий являлись пластинки и пластинчатые отщепы (3—6 см длиной), микропластинки и отщепы. Техника вторичной обработки характеризуется широким употреблением приёма чешуйчатой подтёски, применялись крутая ретушь и резцовый скол.

В коллекции каменного инвентаря Костенок 11/1а насчитывается как минимум 180 четко трасологически фиксируемых орудий на микропластинках и более 200 орудий на отщепах и осколках кремня. Следует уточнить — под «орудием» в данном случае имеются в виду каменные артефакты, имеющие следы износа на рабочем лезвии. То есть в эту категорию попадает любой отщеп, которым пользовались для обработки того или иного материала, вследствие чего на орудии возникли микро- и макроследы.

Таким образом, при отборе материала основной акцент делался именно на трасологические признаки, так как при исследовании и реконструкции системы хозяйства обитателей рассматриваемой стоянки важнейшим моментом является выявление и функциональное определение комплекса инструментов, употреблявшихся в повседневном быту. Основным методом для получения таких данных служит экспериментально-трасологический анализ, который позволяет путем изучения следов микро- и макроизноса на орудиях выявить указанный комплекс в обрабатываемом материале и дать ему характеристику.

Разумеется, следует оговорить, что и данный метод не является ключом к универсальной истине. Его применение к анализу каменных орудий труда не всегда дает исчерпывающие результаты, однако во многих случаях позволяет получить весьма достоверную информацию. Когда речь идет о полифункциональных и комбинированных орудиях, трасологический анализ также дает вполне адекватные данные. Неотъемлемой частью трасологического анализа является эксперимент, так как именно путем сравнения с экспериментальными орудиями устанавливается идентичность следов, оставленных той или иной трудовой операцией. В зависимости от этого строится их дальнейшая интерпретация.

Формирование трасологических признаков (а именно: заполировок на рабочем лезвии орудия, царапин, трещин, выкрошенностей и пр.) зависит от многих факторов, однако в ряду их следует выделить наиболее существенные, необходимые условия, без которых формирование следов вообще невозможно.

Первым таким необходимым условием является относительная долговременность использования орудия. На сегодня экспериментально доказано, что первые признаки заполировки появляются лишь спустя 25—30 минут непрерывной однообразной работы данным конкретным орудием. Для формирования ярких, хорошо читаемых следов необходимая продолжительность работы увеличивается до полутора—двух часов.

Обработка кожи представляет собой вид деятельности, весьма распространенный в верхнем палеолите. Было бы странно, если бы обитатели рассматриваемой стоянки оказались исключением. Путем трасологического анализа коллекции каменного инвентаря Костенок 11/1а были выделены серии устойчивых типов каменных орудий, применяемых в процессе обработки кожи. Однако набор их на данном памятнике оказался не совсем типичным.

Прежде чем перейти к рассмотрению скребковых орудий, следует оговорить, что все проанализированные ниже скребки по коже признаны таковыми, исходя из данных трасологического анализа, а никак не из формы орудия, определяемой типологически.

Общее, типологически выделенное количество скребков на стоянке — 26, трасологически подтвержденных из них — 7. Также в коллекции было выделено 19 артефактов со следами от работы по коже, представленных случайными формами.

Отметим, что малое количество скребков не является новшеством для каменного инвентаря памятников позднего палеолита. Сходное явление было прослежено на стоянке Костенки 8/II [Родионов, Пустовалов, 2011. С. 11].

В контексте рассматриваемого памятника это может объясняться (помимо неполной исследованности культурного слоя) двумя факторами: 1) особенностями расщепления кремня на стоянке; 2) тем, что данный памятник являлся зимником.

Основное направление в расщеплении кремня сводилось на Костенках 11/1а к получению микропластинок, а основной заготовкой для них являлись крупная пластина или отщеп. Поэтому вполне логично предположить, что отработанные орудия (т. е. изделия, рабочий край которых пришел в функциональную негодность и вторично не подправлялся) использовались далее именно в качестве нуклеусов. Из всей коллекции каменного инвентаря не удалось найти ни одного примера, когда рабочее лезвие скребка обновлялось путем снятия резцового скола и повторно использовалось. Следовательно, отработанные скребки, представлявшие собой массивные отщепы и крупные пластины, направлялись на вторичное расщепление, результатом которого являлись микропластинки, выполненные в технике резцового скола.

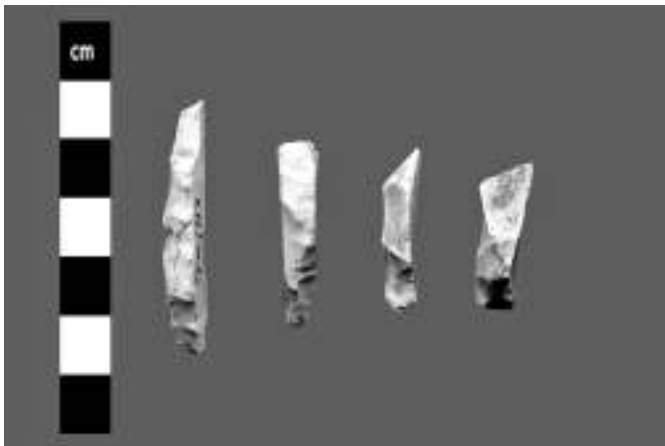

Рис. 1. Костенки 11/1а, микропластинки — ребристые сколы

О вторичном расщеплении крупных отщепов и пластин, ранее использовавшихся в качестве скребков и скребел, свидетельствует факт наличия в коллекции микропластинок резцовых сколов, напоминающих по своему внешнему виду реберчатые сколы (рис. 1) (75 предметов). При трасологическом анализе выяснилось, что часть таких сколов (25) имеют следы заполировки (рис. 2). Но так как микропластинки являются весьма миниатюрными по своим размерам, то использовать их для скобления шкур невозможно — ни в отдельности, ни с помощью рукояти.

Все вышеизложенное приводит к выводу: формирование заполировок на подобных сколах происходило на предыдущих стадиях функционирования орудия. Это делает в общем закономерным наличие малого

количества скребковых форм в исследуемой коллекции.

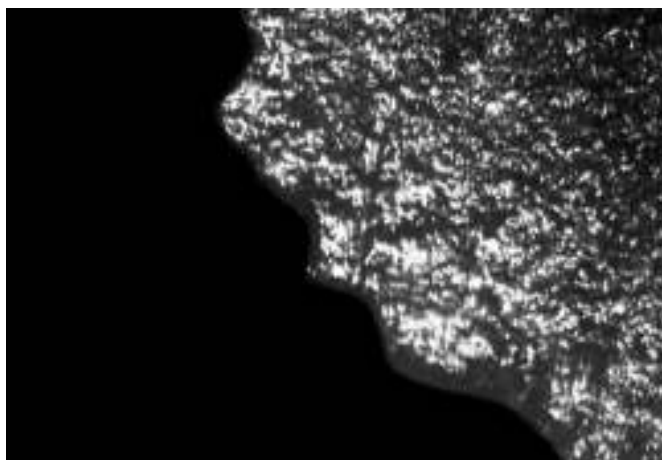

Рис. 2. Следы износа на ребристом сколе. Увеличение $\times 80$

Разумеется, причиной их малочисленности может служить, помимо описанного фактора, и неполная изученность памятника. Многие площади не вскрыты: нельзя отрицать, что основные производственные зоны обработки кожи просто не исследованы, а на данном этапе мы рассматриваем отдельный специализированный комплекс. Такое предположение действительно могло бы устранить ряд противоречий, возникших в результате анализа коллекции.

Неполной исследованностью памятника, возможно, объясняется и отсутствие в коллекции первичных форм расщепления, если таковые имелись, а также минимальная представленность некоторых типологических форм (например,

скребков). Отметим, что на памятнике нет конкретных локальных скоплений расщепленного кремня, которые можно было бы интерпретировать как непосредственное место расщепления. Если взглянуть на это с другой стороны, основной собранный материал так или иначе имеет относительно равномерное распределение по площади жилища и вокруг него, что может быть обусловлено природно-климатическими условиями, так как расщеплять что-либо под открытым небом при отрицательной температуре достаточно проблематично, тем более, если это связано с микро-расщеплением.

Если учесть, что жилище на 1а культурном слое действительно является зимником, как считает В. В. Попов, то станет понятно, что найти сырье под слоем снега и льда невозможно. Изготовить новые орудия можно было только из запасов кремня, имеющихся в жилище, где и происходило непосредственное изготовление микропластинок. Ввиду немногочисленности запасов кремня и отсутствия его источников логично предположить, что все относительно большие отщепы и пластинки, имеющиеся у обитателей стоянки, оставшихся на зимовку, расщеплялись по максимуму, с максимальной эффективностью. Выделить какой-либо

отдельной, локальной зоны скопления продуктов расщепления в данном случае мы не можем.

Локальное скопление остатков дебитажа могло остаться лишь при одновременном, разовом расщеплении или изготовлении многочисленной серии заготовок. Ввиду дефицита сырья, расщепление велось, по-видимому, только по мере необходимости, причем разными участниками коллектива, так как один и тот же человек для выполнения одинаковых повторяющихся действий выбирает одно и то же место (последнее обусловлено психологией человека).

Как указывалось выше, основная масса орудий, использовавшихся для очистки и выделки кожи, представлена отщепами. Среди них можно выделить специфическую группу, отличающуюся прежде всего размерами, которые не превышают 15×20 мм (рис. 3). Тем не менее на данном типе тоже фиксируются следы работы по мягкому органическому материалу, коже (рис. 4).

На первый взгляд, данные орудия напоминают укороченные скребки: как правило, это часть пластины или отщеп с оформленным чешуйчатой ретушью краем. Отдельное использование столь маленьких форм без каких-либо приспособлений трудно себе представить. Тем не менее данные орудия есть в коллекции, и трасологический анализ подтверждает использование их в непосредственной трудовой деятельности. Логично предположить, что использование данных форм сопряжено с использованием рукоятей. Контекст заполировки на данной группе скребков не позволяет говорить о вторичном характере формирования облика орудия.

Помимо орудий для выделки кожи, в коллекции представлен каменный инвентарь, применявшийся на последующих стадиях её использования. В частности, удалось выделить 24 орудия, представляющие собой в большинстве своем микропластинки (22) и в меньшинстве — пластинчатые отщепы (2), применявшиеся для разрезания и раскройки кожи. Формирование трасологических признаков от кроения кожи на микропластинках возможно только при использовании рукоятей, так как ввиду маленьких размеров пластинки использовать ее в качестве ножа без какого либо фиксатора невозможно.

Следующей, наиболее обширной, группой орудий, применявшихся для работы с кожей, являются проколки. Их насчитывается 48 предметов. Следует отметить, что большое количество проколов наводит на мысль о развитии шитья в индустрии кожеобработки данного памятника.

Ввиду неблагоприятных условий обитания, в частности условий мерзлоты, изготовление одежды так или иначе должно было занимать важное место среди занятий обитателей стоянки. Наличие большого числа проколов подтверждает данное предположение. Заметим, что ввиду специфической микропластинчатой индустрии расщепления кремня практически любая микропластинка, треугольная или четырехугольная в сечении и имеющая заостренный проксимальный или

дистальный конец, могла использоваться для прокалывания кожи.

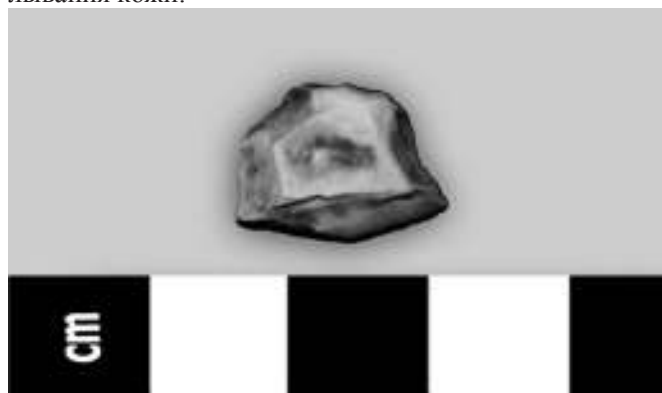

Рис. 3. Костенки 11/Ia, скребок на сегменте пластинки

Для формирования заполировки на проколке необходимо достаточно продолжительное время — как минимум 30 минут. При расчете необходимого числа проколов это соответствует количеству от 900 и более однообразных воспроизводимых движений. Качество прокалываемого материала непосредственно влияет на образование трасологических признаков на проколках. Чем толще шкура, тем большего усилия и проникновения орудия в кожу требует производственный процесс. Большинство выделенных проколов имеют достаточно яркие трасологические признаки. Некоторые из них являются двусторонними проколками, а следовательно, находились они в эксплуатации достаточно продолжительное время (рис. 5).

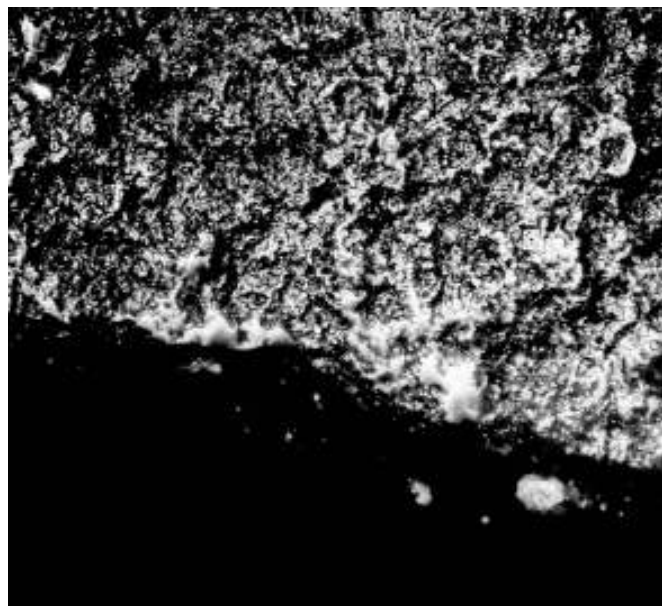

Рис. 4. Следы износа на лезвии скребка, выполненного на сегменте пластины. Увеличение ×100

Трасологический анализ следов на проколках позволил сделать несколько выводов:

— использовавшиеся проколки не имели сильного проникновения в прокалываемый материал, что связа-

но, по-видимому, с небольшой толщиной прокалываемой кожи;

— на проколках зачастую имеются хорошо фиксируемые абразивные линейные следы, что свидетельствует о плохом качестве использовавшейся кожи, возможно, не до конца очищенной;

— прокалывание кожи происходило без поворота руки, т. е. прямым движением.

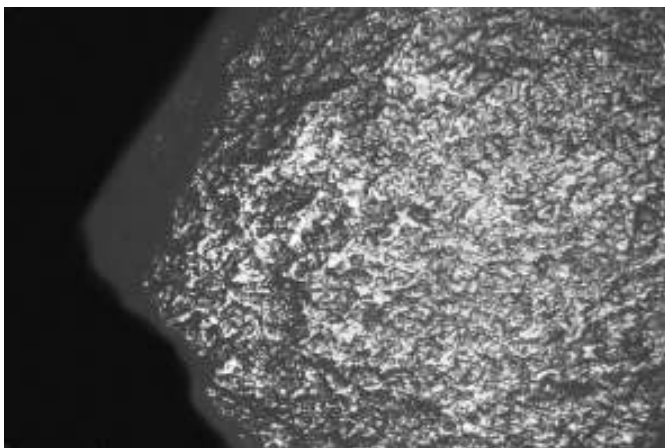

Рис. 5. Заполировка на кончике микропластинки. Увеличение $\times 80$

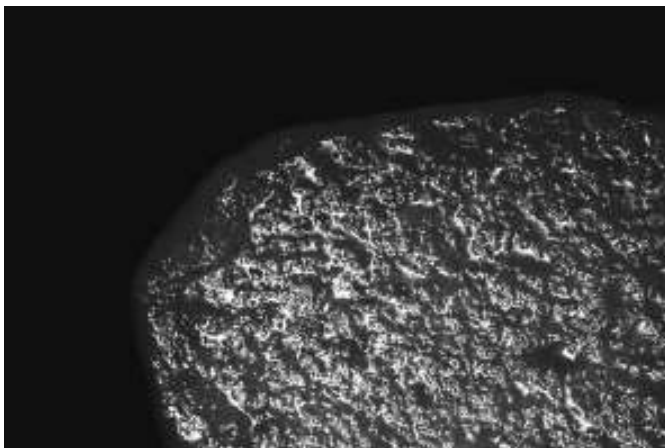

Рис. 6. Заполировка на кончике экспериментальной проколки. Увеличение $\times 100$

Кроме традиционных ожидаемых следов, на 9 орудиях, выделенных в отдельную группу, были зафиксированы весьма специфические следы (рис. 6). Происхождение данных следов, на первый взгляд, непонятно. Следы имеют хорошо просматриваемую кинематику и направленность, с другой стороны, очень напоминают следы заполировки от дерева. Кроме того, прослеживается легкая, неглубоко заходящая приполировка рабочих граней.

Поскольку имелась серия повторяющихся следов на 9 микропластинках, была предложена и апробирована наиболее логичная гипотеза. Прокалывание может совмещаться с подкладкой под прокалываемую поверхность деревянной основы, что и объясняет неглубоко заходящую заполировку на большинстве вы-

деленных проколов и отсутствие следов от дерева на большей части рабочего лезвия. Предположительно, это связано с характером протыкаемой кожи или вариативностью подкладок под прокалываемую кожу.

Для выяснения достоверности данного предположения был проведен эксперимент. Было изготовлено 6 орудий, представляющих собой зажимы из деревянных расщепленных палочек. В них зафиксировали микропластинки, выполненные в технике резцового скола и имеющие относительно равносторонний треугольник. Всеми орудиями производилась непосредственная работа, а точнее, выделанная шкура прокалывалась на деревянной опоре прямым движением руки в течение 1 часа. Полученные эталоны следов на микропластинках были изучены под биноклем «МБС 9» и микроскопом «Полам 312» и проанализированы. Получены следующие данные:

Прямое прокалывание:

— на орудиях была сформирована неглубокая бархатистая заполировка граней (рис. 7);

— непосредственно на рабочем лезвии, на самом его кончике, с которого не сошли фасетки утилизации, сформировалась яркая локальная заполировка (рис. 6).

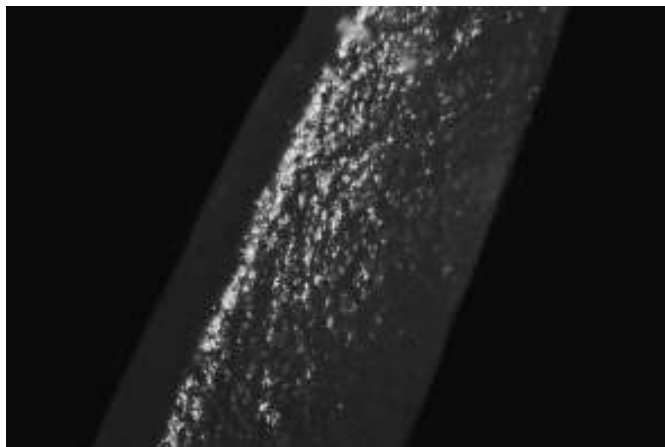

Рис. 7. Приполировка граней на экспериментальной проколке. Увеличение $\times 40$

Полученные экспериментальные следы сравнили с обнаруженными на археологических находках. В результате был сделан вывод: экспериментально сформированные следы с точки зрения расположения их на орудии полностью соотносятся с археологическими, тем не менее яркость их отличается, что, возможно, связано с недостаточной длительностью выполняемой работы. Так или иначе, данная теория достаточно логично объясняет контекст происхождения следов на серии микропластинок.

Заметим, пошив одежды для одной и той же группы людей производился, скорее всего, несколько раз, что обеспечило продолжительное использование одних и тех же проколов, вследствие чего стало возможным и формирование качественной яркой заполировки на орудиях.

При изготовлении проколов нет закономерностей в использовании дистальной или проксимальной части

микропластинки в качестве рабочего лезвия. Данный выбор целиком и полностью зависит от конкретной микропластинки. Край, который наиболее приострен естественным образом, использовался в качестве рабочего; противоположный, более притупленный край зажимался в рукоять. Приострение микропластинок с помощью чешуйчатой ретуши применялось в 30 % случаев. Чешуйчатая ретушь жестким минеральным отбойником, как правило, применялась к дистальной части микропластинки.

Кроме приведенных выше орудий, в коллекции было выделено 1 скребло, использовавшееся для обработки шкур, и 2 ребристых резцовых скола лезвий со скребел. Так как данная группа орудий не является многочисленной, а способ их применения аналогичен использованию скребковых форм, отдельного описания они не требуют.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать несколько выводов:

— процесс обработки кожи на памятнике Костенки 11/Ia, несмотря на специфическую каменную индустрию, сопровождается набором всех необходимых типов каменных орудий, применявшихся в данном производстве, что говорит о достаточно полноценной развитости данной отрасли хозяйства. Ввиду особенностей каменного инвентаря обитатели стоянки в полном объеме заменяли классические скребки, ножи, проколки и т. п. более сложными орудиями, прежде всего посредством использования рукоятей и зажимов. Большое количество проколов свидетельствует о широком применении кожи для бытовых нужд;

— развитость кожеобрабатывающего хозяйства обуславливается прежде всего природно-климатическими условиями окружающей среды, существовавшими 14—19 тыс. л. н. Ввиду низких температур окружающей среды обработка кожи и последующее ее использование в быту были необходимым условием выживания обитателей исследуемой стоянки.

Список литературы

Аникович, Попов, Платонова, 2008: *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.

Палеолит... 1982: Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону (1879—1979). Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.

Родионов, Пустовалов, 2011: *Родионов А. М., Пустовалов А. Ю.* Трасологический анализ скребкового инвентаря II культурного слоя стоянки Костенки 8 (Тельманская) // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2011.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОСТЕНОК: ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ РУССКОЙ РАВНИНЫ

В. Н. Степанчук
ИА НАН Украины, Киев

ГЛАВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАМЕННОГО СЫРЬЯ В ПАЛЕОЛИТЕ УКРАИНЫ

Введение

Исследование палеолита на территории современной Украины началось почти полтора века назад раскопками верхнепалеолитической стоянки Гонцы. Весьма показательным, что полевые исследования памятника продолжаются до сих пор, совсем недавно там выявлены остатки жилища из костей мамонта. Этот пример прекрасно демонстрирует как неисчерпаемость, так и постоянное состояние неполноты археологических источников. Тем не менее имеющиеся археологические свидетельства, наряду с данными смежных наук, обеспечивают необходимую основу для реконструкции процессов, происходивших в преистории. Основные диахронные и пространственные тенденции использования каменного сырья в палеолите Украины можно охарактеризовать в самом общем виде таким образом. Нижний палеолит характеризуется использованием широкого спектра предпочтительно неизотропного каменного сырья местного происхождения. Сырьевая стратегия среднего палеолита базируется на преимущественно изотропном каменном сырье, в основном местного происхождения. Сходная стратегия характерна для верхнего палеолита, но география освоенных областей и подвижность населения существенно расширяются и облегчаются благодаря изобретению более изощренных и экономных технологий.

Использование каменного сырья в палеолите Украины: общее состояние изученности

Одну из актуальных проблем украинского палеолитоведения составляют вопросы, связанные с каменным сырьем, с его происхождением, добычей, первичной обработкой и транспортировкой. Эти вопросы, следует признать, до сих пор еще являются малоизученными. Есть примеры детальных исследований каменного сырья отдельных археологических комплексов или небольших серий экзотических пород камня. Однако такие примеры немногочисленны и являются скорее исключением. Имеется также прекрасная, иногда весьма подробная геологическая база данных, касающаяся

различных аспектов и свойств каменного сырья, использовавшегося в палеолите. Существуют также отдельные списки образцов, изученных посредством различных, подчас высокотехнологичных методов. И тем не менее явный недостаток информации и нехватка исходных данных очевидны.

Настоятельная потребность в совместных разработках археологов, геологов, петрографов и специалистов других смежных отраслей болезненно очевидна, и такое положение сохраняется уже длительное время. Причина его, быть может, коренится в большой насыщенности территории страны потенциальными месторождениями каменного сырья, высокой степенью вариативности этого сырья, хотя и близкого по своим основным характеристикам. Так или иначе, время детализированных оценок ситуации с использованием сырья в палеолите Украины еще не пришло, поэтому в предложенной статье речь вынужденно идет о наиболее общих закономерностях этих процессов.

Прежде чем переходить к дальнейшему изложению материала, следует сформулировать несколько существенных предварительных допущений. Эти предположения таковы:

1) жизненно необходимых потребностей у человека палеолита было не так много; к ним следует относить потребность в воде, пище, сырье для инструментов, а также потребность в убежище;

2) стабильность жизни в палеолите являлась функцией различных аспектов окружающей среды, а именно: климата, ландшафта, флоры, фауны, водных источников, доступности и предсказуемости биологических и минеральных ресурсов, естественных убежищ и т. д.

Если высказанные допущения верны, то отсюда следует:

а) каменное сырье представляет собой лишь одну, хотя и существенную, жизненно важную, потребность мастеров каменного века;

б) динамика использования сырья в палеолите Украины не может исследоваться вне контекста специфики территории, ландшафта, климата и дальнейших особенностей, которые определяют закономерности освоения территории.

Некоторые главные особенности обеспеченности минеральными ресурсами

Особенности геологического строения территории Украины проявляются в широком распространении меловых отложений, в том числе включающих кремнистые породы, весьма разнообразные по качеству и физическим параметрам [Руденко, 2007]. Меловые кремнистые породы составлены различными комбинациями халцедона, кварца и опала и характеризуются хорошими изотропными свойствами [Ковнурко, 1979]. Именно эти широко распространенные кремнистые породы, известные под наименованием «кремень», служили основным источником сырья для производства каменных артефактов в каменном веке и в последующее время.

подавляющее большинство палеолитических стоянок Украины относятся к среднему палеолиту и более поздним периодам. Кремь решительно преобладает в наборах орудий подавляющего большинства украинских стоянок и местонахождений. Конечно, в собраниях многих стоянок имеются единичные артефакты или даже серии артефактов, изготовленные из иных видов сырья. Но их наличие и частота существенно определяются количественными и качественными характеристиками предпочтительной изотропной породы — кремня. Имеется лишь несколько исключений из этого правила, одно из которых обозначают как «кварцитовый феномен» восточной части Украины (имеющий территориальное продолжение в соседствующих местностях России). Другое исключение, также пространственно ограниченное, связано с горными районами Закарпатья, где спектр используемого сырья был шире на протяжении всего периода палеолита и вулканические породы, такие как андезит и обсидиан, стабильно доминируют в коллекциях изделий.

Следует подчеркнуть, что практически все открытые (легкодоступные) месторождения кремня связаны либо с областями предгорий, либо с возвышенностями, либо с каньонообразными участками долин рек. Обратная сторона этой закономерности — большая редкость доступных обнажений каменного сырья в районах со спокойным равнинным ландшафтом, в котором кремненосные горизонты часто присутствуют, но перекрыты мощным покровом субаэральных отложений. Исключениями могут выступать некоторые аномалии рельефа, как, например, Каневские гляциодислокации или мощные эрозионные вскрыши в долинах крупных рек, врезающихся в отложения третичного возраста [Ryzhov et al., 2005]. Особо следует подчеркнуть, что первичные выходы кремневого сырья практически не известны в среднем и нижнем течении таких рек, как Днепр и Южный Буг, за исключением так называемых кремней кристаллического щита долины р. Большая Высь, притока Южного Буга [Петрунь, 2004].

Кварцит представляет собой еще один вид потенциального сырья для палеолитических мастеров. Эта порода характеризуется аналогичными закономерностями пространственного распределения. Есть области с высокой концентрацией таких материалов в виде первичных месторождений, а также области вторичных выходов. На территории Украины кварциты (сливные песчаники) представлены широко, но самые крупные и легкодоступные месторождения расположены в северо-западной части Украинского кристаллического щита [Семенченко и др., 1974].

В целом стабильные, длительно экспонированные первичные выходы качественного каменного сырья тяготеют к югу, западу и, частично, востоку Украины. Такая пространственная закономерность вполне объясняется с точки зрения геологической истории и особенностей ландшафта местности. В этих зонах выбор сырья существенно богаче, а само оно — в условиях пересеченных ландшафтов — значительно доступнее. Это правило в настоящее время работает, как и тысячелетия назад.

В идеале, область, наиболее подходящая для заселения не слишком подвижным населением охотников-собирателей, должна была сочетать ряд характеристик, таких как богатство и предсказуемость биологических ресурсов, развитая гидрографическая сеть, первичные выходы каменного сырья. Таким сочетанием на протяжении плейстоцена сравнительно устойчиво характеризовались лишь несколько регионов Украины, а именно: Крымские предгорья, предгорья Карпат, долина реки Днестр и Донецкая возвышенность. При этом ухудшение климата в периоды глобальных похолоданий заметно уменьшало привлекательность восточных и северных ареалов.

Все это объясняется общими физико-географическими природными особенностями территории Украины, которые определяются континентальностью климата. Резкость его проявлений уменьшалась к югу и к западу на протяжении всего плейстоцена и сохраняет такую же тенденцию в настоящее время.

Биологические и минеральные ресурсы, безусловно, имели определяющее жизненное значение в эпохи нижнего, среднего и верхнего палеолита. Однако на рассматриваемой территории они были представлены не везде одинаково; видимо, не все земли были одинаково ценны, с точки зрения охотников-собирателей. Важно, что районы, характеризующиеся наличием стабильных первичных источников сырья, принципиально совпадают с районами, устойчиво богатыми биоресурсами. Кроме того, ареалы со стабильными и потому предсказуемыми жизненно важными ресурсами в палеолите имели достаточно четкие границы и, совпадая, образовывали очаговые зоны. Географическая неравномерность биологических и минеральных ресурсов наряду с ритмическими изменениями окружающей среды является основным детерминантом направления, динамичности и интенсивности освоения территории в нижнем, среднем и верхнем палеолите.

Сырьевые стратегии палеолита Украины в диахронной перспективе

Сырьевые стратегии нижнего палеолита

Данные, полученные при раскопках нижнепалеолитических стоянок Украины, свидетельствуют, что для изготовления орудий там использовалось преимущественно местное каменное сырье. Нет бесспорных примеров интенсивного использования сырья из более-менее удаленных мест. Достаточно высок диапазон вариаций горных пород, которые использовались на разных стоянках и в географически различных областях, хотя эти изменения всегда остаются в рамках варибельности местных пород. Закономерности изменчивости каменного сырья в комплексах нижнего палеолита едины для изделий на отдельностях сырья и изделий на сколах.

Следует подчеркнуть, что имеется хорошо распознаваемая и, скорее всего, преднамеренная тенденция не использовать в качестве сырья для расщепления высокоизотропные породы камня. Трудно объяснить эту тенденцию однозначно. Породы с высокими изотропными качествами легче расщепляются, но в то же время и легче разрушаются в случае недостаточного контроля в соотношении мощности силового импульса и точности его приложения. Может быть, таких пород избегали, потому что они воспринимались как опасные? Так или иначе, более плотные и вязкие породы были предпочтительнее для тех, кто обрабатывал камень в нижнем палеолите. Однако в условиях нехватки или малого выбора сырья такие изотропные породы, как обсидиан, андезит или кремь, также использовались.

Наиболее древние памятники палеолита на территории современной Украины тяготеют к горным районам на западе и на юге страны. Они известны в Закарпатье, в долине Южного Буга и, вероятно, в Крыму [Гладилин, 1985; Stepanchuk et al., 2010]. Ныне появились сообщения о наличии нижнепалеолитических комплексов на крайнем востоке Украины, в бассейне Северского Донца близ Луганска [Ветров, Скориков, 2010]. Андезит и обсидиан использовались в Закарпатье, мраморовидный известняк, кварцит и кварц — в Крыму, кварцит, гранит и кремь — в долине Южного Буга, кварциты и песчаники — в долине Северского Донца. Характерной чертой большинства известных местонахождений является расположение их непосредственно на выходах или поблизости от районов с легкодоступными россыпями и выходами каменного сырья.

Таким образом, основные черты сырьевой стратегии эпохи нижнего палеолита могут быть определены следующим образом: это использование широкого спектра каменного сырья местного происхождения и предпочтительно не изотропного.

Сырьевые стратегии среднего палеолита

Данные, полученные на памятниках среднего палеолита Украины, позволяют зафиксировать ряд очень важных и взаимосвязанных принципиальных изменений в области сырьевых стратегий. К этим изменениям или тенденциям относятся:

а) переориентация расщепления на породы с высокими изотропными свойствами, в основном кремь;

б) значительное уменьшение варибельности сырья, используемого для расщепления;

в) многоступенчатый или многосоставный преднамеренный отбор сырья, включая сюда так называемую начальную горнодобывающую практику.

Следует также специально отметить, что указания на использование удаленного и экзотического сырья также впервые фиксируются именно для среднего палеолита. Но в то же время по-прежнему сохраняется такая особенность предшествующего периода, как местное происхождение подавляющего большинства сырья, используемого для расщепления.

В то время как андезит и обсидиан продолжают оставаться доминирующим типом сырья в украинском Закарпатье, другие территории демонстрируют решительный поворот в сторону обработки кремья. Это не означает, конечно, что полностью отсутствуют комплексы, включающие некоторое число артефактов, выполненных из других пород камня. Но практически во всех случаях наличие этих примесей можно достаточно убедительно объяснить с точки зрения количественной или качественной недостаточности наличного кремья.

Среднепалеолитические стоянки Украины демонстрируют неравномерное пространственное распределение — с изолированными концентрациями и белыми пятнами. Географическое положение большинства скоплений среднепалеолитических памятников практически совпадает с локализацией наиболее надежных и стабильных источников сырья. Такое совпадение, конечно, не случайно.

До сих пор единственным исключением из правила является днепровская группа среднепалеолитических стоянок, которые непосредственно не связаны с известными первичными месторождениями сырья. Такие месторождения удалены от них к югу и северо-западу на расстояние от 100 до 150 км. Но среднепалеолитические памятники бассейна Среднего Приднепровья локализованы в ареале, исключительно богатым биоресурсами. Таким образом, этот пример является хорошей иллюстрацией вполне адекватной (рационально понятной) гибкости неандертальских технологий и стратегий жизнеобеспечения. Тем не менее большая часть стоянок, относимых к среднему палеолиту, продолжает быть тесно связанной с источниками сырья, предпочтительно доступного в коренных месторождениях.

I
Средний палеолит
с технологией скола и двусторонней заготовки

I-1
технокомплекс
двусторонних изделий с площадками
(микокские индустрии)

индустрия типа Королево II-а
Королево комплекс II-а
индустрия типа Сууполь
Сууполь, слой II, Жолтва
индустрия типа Желтомарская
Житомирская, ранний комплекс
7 индустрия типа Канев
Каневское местонахождение
7 индустрия типа Заскальная IX
Заскальная IX, нижний слой
7 индустрия типа Водрак
Шары I-III
группа индустрий типа Ак-Кай
Заскальная V,
Заскальная VI (Калосовская),
Прокан II, Сары-Кай, Чоурча,
Волчий Грот, Красная балка

I-2
технокомплекс
двусторонних острий
(пара-микокские индустрии)

группа индустрий типа Королево V-а
Королево V-а, Королево V-б, V
индустрия типа Волчий Глыбочок
Волчий Глыбочок, слой III
группа индустрий типа Стинка
Стинка I, II, Шипот I, Осылка
группа индустрий типа Антоновка
Антоновка I, Антоновка II, Червокселе,
Давриновка 1, 2, Дружковка, Красный Яр
группа индустрий типа Рихта
Рихта, Житомирская, поздний комплекс,
Слива, Билопе
группа индустрий типа Орел
Орел, Билоп, Ужва
группа индустрий типа Староселье
Староселье, Кабазе II, слой III, Кабазе V,
ПАСО, слой I, Беличсарайская, Чоурча II
группа индустрий типа Кеме-Коба
Кеме-Коба, слой IV, Бурян-Кай III, слой III,
Прокан I, Волчий Грот, средний слой

II
Средний палеолит
с технологией скола

II-1
технокомплекс
отщепового леваллуа-мустье
(отщеповые индустрии)

группа индустрий типа Королево III
Королево III, Тва, Малый Роквец IV
индустрия типа Королево II
Королево II
индустрия типа Буглов V, слой I
Буглов V, слой I
группа индустрий типа Молодаво
Молодаво I, слои I-IV, Молодаво V, слой II, II,
Кетрось, Пронтеи, Жорно
группа индустрий типа Шайтан-Коба
Шайтан-Коба I, Шайтан-Коба IV, Алхам Грот, слой 2

II-2
технокомплекс
пластинчатого леваллуа-мустье
(пластинчатые индустрии)

индустрия типа Буглов V, слой II
Буглов V, слой II
индустрия типа Сууполь, слой III
Сууполь, слой III
индустрия типа Ненаситец
Ненаситец, Суубова Балка
индустрия типа Курдоновка
Курдоновка, удаленный комплекс
группа индустрий типа Кабазе II слой II
Кабазе II, слой II

III
зубчатый средний палеолит

индустрия типа Маслово 5
Маслово 5, Акрелевка 4, слой I, Коробичко 7
группа индустрий типа Кеме-Коба, нижний слой
Кеме-Коба, слой VI, Красный Мак, Кабазе II, слой IV

Рис. 1. Вариант классификации украинского среднего палеолита

Среднепалеолитические индустрии Украины не монотонны, как и повсюду в среднем палеолите, и далеки от единообразия. Причина этой вариативности является предметом продолжающейся дискуссии в отечественной литературе. На полюсах объяснений находятся версия о вынужденных и безальтернативных изменениях, полностью определяемых естественной средой, и версия адаптаций, базирующихся на свойственной человеку особенности отвечать на вызовы природы в соответствии со своими традициями и достижениями культуры. Но что бы ни было причиной — объективно существует ряд различных вариаций среднепалеолитических индустрий, которые различным образом классифицируются.

Один из вариантов классификации вариаций украинского среднего палеолита представлен на рис. 1. Можно рассматривать представленные технико-типологические вариации, которые одновременно характеризуются и четкой пространственной структурой — как следствие естественных изменений окружающей среды и ландшафта. Но специальное изучение возможных взаимосвязей позволяет сделать вывод о том, что ни климатические условия, ни факторы поведенческой активности в действительности не влияют существенно на облик индустрий среднего палеолита [Степанчук, 2006]. Отсутствует значимая зависимость между типом индустрии, типом ландшафта, составом охотничьей добычи, особенностями хозяйствования, сезоном обитания и типом в принципе доступного каменного сырья. В контексте настоящей работы стоит подчеркнуть, что различные индустрийные традиции характеризуются одновременно различными технологическими стратегиями. Это различие отражается в применяемых технологиях, в характере готовой продукции, а также в конкретных требованиях к каменному сырью. В качестве иллюстрации приведем несколько примеров. Одним из них являются крымские комплексы с двусторонней технологией, ориентированные на использование плитчатого сырья и применение плоскостного расщепления [Колосов, 1986]. Другой пример — ориентированные на использование желвачного сырья и применение полуобъемного расщепления волынские или донбасские комплексы с технологией пластинчатого леваллуа [Ситник, 2000; Колесник, 2003]. Стоит подчеркнуть, что *различные* формы отдельностей кремня имеются и в Крыму, и на Волыни, и в Донбассе, равно как во всех этих ареалах известны также *иные* виды индустрий.

Ориентация на конкретные формы отдельностей исходного сырья уже представляет собой этап преднамеренного отбора. Как свидетельствуют среднепалеолитические данные, предварительный отбор сырья для дальнейшего расщепления и формирования орудий проводился по ряду параметров, таких как размеры, физические свойства и форма. Физическое состояние поверхности отдельностей сырья, обнаруживаемых нетронутыми или расщепленными, достаточно различно. Имеются артефакты с практически не выветрелой карбонатной коркой. Если такие находки статистически многочисленны, то, на мой взгляд, есть осно-

вания предполагать намеренный сбор сырья, аккумулярованного непосредственно в коренных месторождениях. Именно эта намеренная деятельность, направленная на сбор отдельностей сырья, включенных в материнские породы в контексте коренных месторождений, может быть определена как начальная практика добычи полезных ископаемых.

В целом основные черты сырьевой стратегии эпохи среднего палеолита могут быть определены как использование предпочтительно изотропного каменного сырья, в основном местного по происхождению; появление первых неопровержимых свидетельств использования сырья из удаленных источников и изолированных предметов из экзотических пород, а также наличие косвенных признаков преднамеренной усложненной деятельности по подбору каменного сырья.

Сырьевые стратегии верхнего палеолита

Ограничения, накладываемые жесткой зависимостью от расположенного поблизости обильного и качественного каменного сырья, обусловили попытки их преодоления. Тенденция преодоления зависимости от источников каменного сырья стартовала уже в среднем палеолите. Она нашла отражение в изобретении составных орудий и более систематическом использовании кости и рога в дополнение к иным, менее стойким органическим материалам. Эта тенденция становится более эффективной и хорошо распознаваемой на следующем этапе культурного развития.

Верхний палеолит Украины характеризуется успешным постепенным преодолением зависимости от каменного сырья. Прогресс в этой области в основном обеспечивался за счет таких нововведений, как: а) интенсивное вовлечение кости и рога в орудийную деятельность; б) внедрение гораздо более экономичных и сложных методов расщепления; в) изобретение вкладышевых технологий, сопровождаемых широким применением составных орудий.

Интенсивное вовлечение кости и рога в орудийную деятельность оценивается М. В. Аниковичем как видимый «эпохальный» признак верхнего палеолита [Аникович, 2010]. С такой мыслью, безусловно, следует согласиться, поскольку этот признак отображает объективные реалии процессов, наблюдаемых, в том числе, на территории современной Украины. Вполне возможно, что повсеместное внедрение кости и рога входило в единый инновационный пакет, включавший более изощренные технические приемы и методы расщепления при широком использовании идеи составного лезвия и составного орудия. По крайней мере, все известные древние верхнепалеолитические памятники, где сохранность вещественных остатков позволяет установить это, имеют признаки хорошего знакомства с обработкой кости, усложненной техникой расщепления и вкладышевой технологией.

Изобретение более экономичных методов и технологий обработки камня в значительной степени спо-

способствовало успешной колонизации местностей, ранее недоступных для постоянного заселения из-за географической удаленности от зон с предсказуемыми первичными залежами каменных ресурсов. Кроме того, пластинчатые и микропластинчатые технологии позволили существенно устранить ограничения, обусловленные физическими свойствами сырья, в частности ограничения, связанные с размерами исходного сырья. Допустимое расстояние между стоянками и сырьем увеличивается до нескольких десятков километров, а в некоторых исключительных случаях превышает несколько сотен километров. И тем не менее общая тенденция остается такой же, как на предыдущем этапе, а именно: районы, густо населенные в верхнем палеолите, по-прежнему географически совпадают с участками первичных выходов качественного и обильного подлочного материала [Гладких, Станко, 1997]. Лишь во второй половине верхнего палеолита, особенно после максимума последнего оледенения, охотники-собиратели массово перешли на использование вторичных месторождений кремня, в частности моренного происхождения.

В целом основные черты сырьевой стратегии эпохи верхнего палеолита могут быть определены как все еще преобладающее использование предпочтительно изотропного каменного сырья местного происхождения, но география освоенных ареалов стала более широкой, и мобильность населения оказалась существенно выше за счет применения более сложных и менее расходных технологий. Имеются первые несомненные свидетельства использования очень удаленных источников сырья.

Пространственные аспекты сырьевых стратегий и освоение Восточно-Европейской равнины

Нижний палеолит

Самые ранние свидетельства присутствия человека на территории Украины датируются 0,9—1,0 млн л. н. и обнаружены в Королево, к западу от Карпат. Королево находится в зоне действующего карьера и представляет собой (сейчас уже лишь остатки) конгломерат многочисленных стоянок и местонахождений, расположенных непосредственно на выходах андезита. В восточноевропейской части континентальной Украины и в Крыму обнаружено несколько несомненных нижнепалеолитических местонахождений. Эти памятники единичны, очень различны по степени информативности, однако они имеются в долинах всех крупных рек: Днестра, Южного Буга, Днепра, Северского Донца. Стоянка Меджибож 1, возраст которой 0,4—0,5 млн л. н., представляет собой пока единственное на Украине нижнепалеолитическое местонахождение технологической модели 1 с хорошо сохранившейся фауной, демонстрирующей многочисленные антропные модификации.

Нижнепалеолитические изготовители каменных изделий, судя по доступным нам данным, использовали сырье, имевшееся в непосредственной близости от места пребывания. Сырьевой состав изделий, изготовленных из «подножных» пород камня, иногда кажется совсем уж странным и даже невозможным с точки зрения современного исследователя, знакомого с изделиями и технологическими требованиями других палеолитических, пусть более поздних индустрий. В коллекциях нижнепалеолитических местонахождений иногда представлена практически одна порода камня, иногда они, наоборот, весьма пестры по петрографическому составу. Однако составлены они исключительно местными, имеющимися поблизости породами. В то же время есть некоторые указания на вероятность транспортировки сырья в виде крупных отдельностей, иногда — в виде рубящих орудий, которые затем, по мере необходимости, возможно, разбивались и служили для получения сколов. Однако такого рода свидетельства пока недостаточно документированы. Не исключено, что практика вовлечения в орудийную деятельность по преимуществу местных пород камня отражает собой отсутствие планирования в снабжении каменным сырьем. Иными словами, снабжение и использование сырья было ситуативным: если были необходимы лезвие или отбойник/«разбивальник» — они тут же и подбирались-изготавливались-использовались.

Отсутствие планирования проявляется также в унификации орудийных наборов местонахождений, удаленных друг от друга по месту локализации и времени бытования на сотни километров и десятки тысячелетий. Унифицированность орудийных наборов древних нижнепалеолитических памятников является результатом отсутствия традиционных технологий. Отсутствие особых требований к сырью (за исключением, пожалуй, избегания более хрупких изотропных пород) не исключало зависимости от выходов камня вообще. Впрочем, лимитированность эта была менее жесткой по сравнению со временем среднего палеолита, с его ориентацией на изотропные породы. Фактически группы носителей нижнепалеолитических моделей обработки камня были более свободны в своем передвижении по территории.

Можно предположить, что процесс заселения территорий современной Украины в нижнем палеолите характеризовался многократно повторявшейся пионерной колонизацией областей с обильными и предсказуемыми биологическими и минеральными ресурсами небольшими группами мигрантов. Хронологические лакуны между отдельными эпизодами колонизации были значительными и определялись глобальными ландшафтно-климатическими изменениями. Это означает, что для времени нижнего палеолита не может идти речь о длительной непрерывной колонизации и преобладании населения.

Вероятный путь заселения, ведущий с Ближнего Востока через Кавказ и юг Восточной Европы в Юго-Восточную Европу, представляет собой лишь один из вариантов реконструкции реальных событий на этапе первой волны колонизации. В свете имеющегося соче-

тания фактов эта версия кажется на сегодня наиболее правдоподобной. Но другие интерпретации также возможны. Например, преобладание стоянок, содержащих «нуклеусно-отщеповый» инвентарь, на территории Анатолии, Балканского полуострова и на юге Восточной Европы, как кажется, может допускать также версию «балканской» миграции носителей технологической модели 1 с территории Ближнего Востока в Европу.

Средний палеолит

Памятники среднего палеолита на Украине многочисленны и образуют несколько географически ограниченных зон повышенной концентрации. Эти зоны совпадают с местностями, наиболее благоприятными в отношении численности и доступности жизненно необходимых ресурсов. Для раннего этапа среднего (как и нижнего) палеолита Украины характерна общая тенденция преимущественной привязки стоянок и местонахождений, прежде всего и почти исключительно, к более теплым периодам. Ранний период среднего палеолита, скорее всего, характеризуется сосуществованием населения, различного по своему физическому типу. В последующую фазу среднего палеолита ситуация меняется: неандертальское население присутствует на данной территории и в холодные эпизоды, хотя и уменьшается в численности, что проявляется в сокращении числа стоянок и площади освоенных территорий.

Среднепалеолитические мастера базировались на использовании источников изотропного каменного сырья, расположенных вблизи. Они не рассчитывали на «авось», на то, что в новом месте обитания «камни под ногами найдутся», — в отличие от своих предшественников времен нижнего палеолита. Важным условием выбора местности для обитания было наличие богатых выходов сырья, и его, похоже, никто не стремился экономить. При этом среднепалеолитические технологии заметно усложняются и становятся даже изощренными. Вырабатывается понятие (и потребность) стандартизированного изделия, стандартизированной заготовки и стандартизированной исходной отдельности сырья. Сырье подбирается по ряду признаков, так же как и инструменты для его обработки. Поиск, подбор, снабжение сырьем становятся планируемыми, многоступенчатыми и вариативными операциями. Но в то же время среднепалеолитические материалы не доставляют видимых признаков целенаправленных технологических сдвигов к более экономичным стратегиям обработки сырья. В результате в повседневном цикле потребностей среднепалеолитическое население оказалось в жесткой зависимости от каменного сырья, фактически привязало себя к богатым месторождениям и тем самым лишило себя мобильности.

Экологические и тесно связанные с ними демографические факторы выступали руководящими для процесса заселения и колонизации новых территорий. На-

личие, предсказуемость и богатство биоресурсов были основной причиной роста численности населения и сопутствующего освоения новых районов. Наличие каменных сырьевых ресурсов играло роль дополнительной (чаще, как кажется, равнозначной) детерминанты процессов колонизации. Ритмические климатические колебания плейстоцена сопровождалась ландшафтными изменениями и сопряженными с ними изменениями ресурсной базы. Многократность экологических изменений на ранних стадиях освоения человеком территории современной Украины обусловила ритмическую природу попеременно сменяющихся друг друга этапов колонизации и последующего запустения ареалов.

Нет оснований предполагать наличие неизменно постоянного населения на территории Украины и для большей части среднего палеолита. Вместо этого картина многочисленных притоков и оттоков населения представляется куда более адекватно соответствующей имеющимся археологическим данным. Наличие постоянного населения и, следовательно, вероятной преемственности в рамках устойчиво освоенных областей можно предположить только для поздней стадии среднего палеолита, начиная с последнего межледниковья или конца предшествующего этой фазе рисского оледенения — и то лишь для южных регионов Украины. На других территориях стабилизация населения произошла еще позже.

Верхний палеолит

На раннем этапе верхнего палеолита неандертальцы сосуществовали с современным человеком. Неандертальские технологии и стратегии выживания были ничуть не менее эффективны, как об этом свидетельствуют тысячи лет их сосуществования с современными людьми в одинаковых климатических (ОИС 3 и, возможно, начало ОИС 2), биозональных (степи и мозаичные предгорья), ландшафтных (возвышенности и предгорья) условиях крайнего юга и запада страны.

Навыки и знания неандертальцев позволяли им успешно колонизировать наиболее богатые и удобные для жизни ареалы с обилием жизненно необходимых ресурсов. Но они должны были постоянно опираться исключительно на локальные источники сырья и не проявляли никаких целенаправленных технологических сдвигов к более мобильному стилю поведения.

Анатомически современные люди были, очевидно, более мобильными, более инновационными и менее традиционными, нежели неандертальцы. Особенности их поведения находят отражение во многих аспектах, например в миграциях на большие расстояния. И хотя сама по себе практика удаленных миграций не является свойственной только современному человеку, «технические» обстоятельства очень специфичны. Показателен пример верхнего слоя РВП стоянки Мира в долине Днепра, датируемого 28 тыс. л. н. (некалибр. ¹⁴С). Полученные данные свидетельствуют о миграции группы населения на расстояние более 750 км с мини-

мальным запасом каменного сырья в зону, вообще лишенную выходов поделочного камня, но зато очень богатую растительными и животными ресурсами. Этот пример хорошо иллюстрирует тот факт, что люди верхнего палеолита уже преодолели некоторые важные ограничения зависимости от каменного сырья.

Для любого типично верхнепалеолитического памятника, вне зависимости от его хронологического положения и культурной принадлежности, был характерен пакет технологических решений, совместное применение которых позволяло сначала снизить, а затем и полностью преодолеть зависимость от количества и качества каменного сырья. Составное орудие с деревянными, костяными, роговыми элементами и со сменным (позднее наборным) кремнёвым лезвием является результатом применения этого инновационного пакета. Усовершенствование технологических составляющих (приемов обработки кости и рога, расщепления камня, элементов наборного лезвия, способов со-

единения различных элементов составного орудия) с течением времени — и, разумеется, в комплексе с другими социокультурными и хозяйственными инновациями — привело к практически тотальной колонизации территории современной Украины. Решающий переход от обитания в территориально ограниченных анклавах произошел уже после максимума последнего оледенения.

Заключение

Основные диахронные и пространственные аспекты динамики использования сырья в палеолите Украины были рассмотрены в контексте специфики ландшафта и обеспеченности минеральными ресурсами, а также в контексте процесса освоения территории. Такой подход позволил выяснить некоторые значимые взаимосвязи (табл. 1).

Таблица 1

Главные тенденции использования каменного сырья в палеолите Украины

	Диахронная перспектива	Пространственная перспектива	Культурная перспектива	Освоение Восточно-Европейской равнины
<i>Нижний палеолит</i>	Использование широкого спектра сырья, предпочтительно неизотропного; общая потребность в «каменных»	Использование узколокальных «подножных» выходов каменного сырья; незапланированное ситуационное снабжение каменным сырьем	Отсутствие традиционных технологий; отсутствие намеренной стандартизации	Спорадическое освоение пограничных ареалов и юга равнины во время теплых климатических фаз
<i>Средний палеолит</i>	Использование предпочтительно кремнистых изотропных пород; исключительная зависимость от богатых и стабильных запасов изотропного сырья	В основном местные выходы, расположенные главным образом в близком соседстве со стоянками; запланированный многоступенчатый отбор сырья	Традиционные технологии; стандартизация продукции	Постоянное присутствие населения на крайнем западе и юге. Увеличение и уменьшение освоенных ареалов в зависимости от климатических изменений
<i>Верхний палеолит</i>	Использование предпочтительно кремнистых изотропных пород; постепенное преодоление исключительной зависимости от богатых выходов изотропного сырья	Отсутствие обязательной зависимости от локального сырья; запланированный многоступенчатый отбор сырья	Традиционные технологии; стандартизация и микролитизация продукции	На начальных этапах — та же модель, что и в среднем палеолите; на последних этапах — сплошное освоение территории и постоянное присутствие населения

В диахронной перспективе основные тенденции использования каменного сырья можно сформулировать следующим образом. Период нижнего палеолита характеризуется использованием широкого спектра предпочтительно неизотропного каменного сырья. Напротив, средний палеолит характеризуется использованием преимущественно изотропных кремнистых пород, и такая же закономерность свойственна верхнему палеолиту, на протяжении которого происходит постепенное преодоление исключительной зависимости от каменного сырья.

Представляется, что в пространственной перспективе нижний палеолит характеризуется исключитель-

ным базированием на местном, расположенном «под ногами» сырье, что, вероятно, отражает практику незапланированного ситуационного снабжения и отсутствия традиционных технологий. В среднем палеолите главные месторождения-поставщики сырья остаются локальными, хотя допустимые пределы удаленности от мест обитания возрастают. Для этого периода специфичен намеренный и многоступенчатый подбор каменного сырья, так же как и широкое распространение традиционных технологий и стандартизованных продуктов. Локальность выходов продолжает быть определяющей на ранних этапах верхнего палеолита, но в целом это время характеризуется постепенной ликви-

дацией зависимости от местных выходов в частности и преодолением зависимости от каменного сырья в целом. Происходит это за счет внедрения инновационных технологий и дальнейшей стандартизации и микроритизации каменных изделий.

Особенности использования каменного сырья в палеолите Украины хорошо согласуются с закономерностями заселения и освоения территории. Для нижнего палеолита свойственно спорадическое — в теплые климатические фазы плейстоцена — освоение побережья, а также предгорных районов и ближайших пограничных ареалов Восточно-Европейской равнины. Постоянное присутствие населения на крайнем западе и юге страны характерно для среднего палеолита, так же как и попеременное увеличение и уменьшение чис-

ленности стоянок и плотности населения в ареалах, динамически изменяющихся в зависимости от климатических подвижек. На своих начальных стадиях верхний палеолит характеризуется той же моделью освоения территории, что преобладала во время среднего палеолита. Способ освоения земель резко изменился после 18 тыс. л. н. С этого времени и до, примерно, 13 тыс. л. н. территория Украины была заселена уже повсеместно. Эпиграфические памятники известны в невысоких горах, на возвышенностях, в низменностях и долинах крупных рек. Это свидетельствует, по крайней мере, о том, что были решительно преодолены пространственные ограничения, накладываемые неперенной зависимостью от стабильных и богатых минеральных ресурсов.

Список литературы

- Аникович, 2010: *Аникович М. В.* Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии: Избранные лекции. Новосибирск, 2010.
- Ветров, Скориков, 2010: *Ветров В. С., Скориков В. А.* Местонахождение каменного века Вишневы Дол // Проблемы охраны и изучения памятников степной зоны Восточной Европы. Луганск, 2010.
- Гладилин, 1985: *Гладилин В. Н.* Ранний палеолит // Археология Украинской ССР. Т. 1. К., 1985.
- Гладких, Станко, 1997: *Гладких М. И., Станко В. Н.* Эпоха позднего палеолита // Давня історія України. Т. 1. К., 1997.
- Ковнурко, 1979: *Ковнурко Г. М.* Состав, происхождение и вопросы патинизации конкреций кремня. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.
- Колесник, 2003: *Колесник А. В.* Средний палеолит Донбасса. Донецк, 2003.
- Колосов, 1986: *Колосов Ю. Г.* Аккайская мустьерская культура. К., 1986.
- Руденко, 2007: *Руденко Л. Г. (ред.)* Національний атлас України. К., 2007.
- Семенченко и др., 1974: *Семенченко Ю. В., Агафонова Т. Н., Солонинко И. С., Львова Т. В., Назаренко В. В.* Цветные камни Украины. К., 1974.
- Ситник, 2000: *Ситник О. С.* Середній палеоліт Поділля. Львів, 2000.
- Степанчук, 2006: *Степанчук В. Н.* Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы, 2006.
- Петрунь, 2004: *Петрунь В. Ф.* Використання мінеральної сировини населенням трипільської культури // Енциклопедія Трипільської цивілізації. Т. 1. К., 2004.
- Ryzhov et al., 2005: *Ryzhov S., Stepanchuk V., Sapozhnikov I.* Raw materials provenance in Paleolithic of Ukraine: approaches and first results // *Archaeometria Mühely. 2005. Vol. 4.*
- Stepanchuk et al., 2010: *Stepanchuk V., Ryzhov S., Rekovets I.* *Matviishina Zh.* Lower Palaeolithic of Ukraine: Current Evidence. *Quaternary International* 223—224. 2010.

К. Н. Гаврилов

ИА РАН, Москва

ВОСТОЧНЫЙ ЭПИГРАВЕТТ НА ТЕРРИТОРИИ БАСЕЙНА ДЕСНЫ

Стоянки поздней поры верхнего палеолита, расположенные в бассейне Десны и в Среднем Поднепровье, традиционно рассматриваются как части некоего культурно-исторического феномена. Однако определение его культурной специфики как в целом, так и применительно к отдельным памятникам до настоящего времени остается предметом дискуссий, которые тоже уже стали частью научной традиции.

Выделение верхнего палеолита Подесенья и Среднего Поднепровья в качестве самостоятельной единицы анализа связано с именем И. Г. Шовкопляса, выделившего мезинскую археологическую культуру [Шовкопляс, 1965]. И. Г. Шовкопляс рассматривал мезинскую культуру как понятие, определяющее специфику этнокультурной области¹. Правомерность существования мезинской культуры оспаривалась М. Д. Гвоздовер и А. Н. Рогачевым, вкладывавшими в понятие «археологическая культура» иной смысл, отражающий более тесное технико-типологическое сходство² между памятниками, прежде всего — кремнёвого инвентаря [Гвоздовер, Рогачев, 1969]. В дальнейшем благодаря работам Л. В. Греховой и М. И. Гладких использование понятия «археологическая культура» именно в этом смысле стало основным при характеристике деснинского и среднеднепровского верхнего палеолита, а сам термин мезинская культура был отвергнут. В работах конца шестидесятых—первой половины восьмидесятых годов внимание исследователей акцентировалось на локальных особенностях стоянок [Грехова, 1969; 1971; Величко, Грехова, Губонина, 1977; Гладких, 1968; 1971а; 1971б; 1977; Хайкунова, 1985]. В результате поднепровские и деснинские памятники оказались разделены на несколько групп, различных в культурном отношении. При этом общая региональная специфика поздней поры верхнего палеолита Среднего Поднепровья и Подесенья подразумевалась, однако не определялась, если иметь в виду более широкий контекст в рамках Европейского континента.

В 1990-е и 2000-е гг. эта ситуация изменилась³. Осознававшаяся и ранее необходимость в более широ-

кой региональной характеристике археологического и историко-культурного своеобразия верхнего палеолита Русской равнины реализовалась в появлении целого ряда работ, посвященных, в том числе, особенностям памятников поздней поры верхнего палеолита Деснинского бассейна [Аникович, 1992; 1995; 1998; Лисицын, 1999; Абрамова, 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Абрамова, Григорьева, 1997; Грехова, 2005; Григорьев, 2008а; 2008б; Гаврилов, 1994а; 2003].

Не вдаваясь в подробный анализ историографии вопроса о специфике деснинского верхнего палеолита, отметим только, что основными проблемами при его обсуждении, вызвавшими оживленную дискуссию среди отечественных специалистов, стали: правомерность выделения Подесенья и Среднего Поднепровья в качестве относительно самостоятельной территориальной единицы развития верхнепалеолитической культуры на территории Восточной Европы, а также необходимость и возможность определения специфики деснинских и среднеднепровских памятников поздней поры верхнего палеолита при помощи понятий «восточный эпиграветт» и «мадлен».

Рассмотрение третьей проблемы, а именно определения характера различий между памятниками, проявлявшихся как в каменном инвентаре, так и в произведениях искусства, стало в значительной степени зависеть от того, каким образом решались первые две, названные выше. Ситуация, когда археологическая культура зачастую была представлена одним памятником, осознавалась исследователями как неестественная. Ведь значительное число памятников верхнего палеолита Русской равнины не находило полных аналогий среди других позднепалеолитических стоянок Восточной Европы. Выход из этой ситуации был предложен М. В. Аниковичем, который стал использовать понятие «технокомплекс» для объединения памятников в группы, характеризующие общими технико-типологическими характеристиками каменных индустрий на высоких таксономических уровнях — тип заготовки, виды вторичной обработки, категории орудий. К концу 90-х гг. XX столетия, помимо понятия «технокомплекс», среди отечественных исследователей получили признание и другие — «восточный граветт», «эпиграветт», «постграветт», при помощи которых делались попытки провести культурную атрибуцию памятников, избегая крайностей упрощенного понимания как стадиалистского подхода, так и кон-

¹ Подробнее о взглядах отечественных исследователей на культурную специфику поздней поры верхнего палеолита данного региона см.: [Григорьев, 2008а; 2008б].

² В идеале — до полного тождества.

³ Восьмидесятые годы XX столетия могут рассматриваться как подготовительный этап в этом процессе (см.: [Рогачев, Аникович, 1984; Soffer, 1985]).

цепции археологических культур [Аникович, 1998; Лисицын, 1999].

Фактически, работы 1990-х и 2000-х гг. вновь поставили фундаментальный вопрос учёта факторов преемственности и вариабельности в развитии культуры верхнего палеолита Русской равнины. Применительно к деснинским стоянкам важнейшим следствием постановки этого вопроса становится правомерность использования термина «восточный эпиграветт» для характеристики специфики их материальной культуры.

Понятие «восточный эпиграветт» было введено в науку для обозначения датируемых позднеледниковым восточноевропейских памятников, значительную долю инвентаря которых составляли пластинки с притупленным краем [Debrosse, Kozlowski, 1988]. Несмотря на употребление в этом понятии термина «эпиграветт», оно не подразумевало для исследователя автоматического признания существования генетических связей с предшествующими памятниками восточного граветта и, по словам М. В. Аниковича, такие связи прослежены не были [Аникович, 1998]. М. В. Аникович считает, что под восточным эпиграветтом следует понимать памятники выделяемой им Днепро-Донской историко-культурной области, датируемые временем после позднеледниковой климатической минимумы и относящиеся к граветтоидному технокомплексу. По его мнению, «восточный эпиграветт», как и «восточный граветт», — суть условные дефиниции, термины, являющиеся результатом эмпирических обобщений, но не понятия, при помощи которых можно было бы установить специфику определённых памятников [Аникович, 1998. С. 63]. Эта точка зрения оставалась неизменной и в последующих работах Михаила Васильевича [Аникович, 2005; Аникович, Попов, Платонова, 2008; Аникович, Анисюткин, Платонова, 2011]. С. Н. Лисицыным было высказано мнение, что «термин „эпиграветт“ как культурное явление, видимо, несостоятелен» [Лисицын, 1999. С. 119]⁴. И это при том, что, как пишет тот же автор, материальная культура охотников на мамонтов Русской равнины имеет «точки соприкосновения граветтоидных и более поздних комплексов», что указывает на определённую преемственность между ними [Там же]. С. Н. Лисицын смущает только, что «эта преемственность, как ни парадоксально, фиксируется лишь на отдельных разрозненных признаках явно разнокультурных памятников, как будто граветтское „наследство“ поделено между многочисленными наследниками». И далее: «Можно говорить о хронологической преемственности, но не продолжении традиции. ...Период позднего Валдая на Русской равнине характеризовался исчезновением граветтских традиций, прежде всего в кремнёвой индустрии и лишь во второй степени — в искусстве» [Там же]. Специфика искусства малых форм стоянок второй половины позднеледниковой

времени — отдельный сюжет в изучении поздней поры верхнего палеолита на территории Русской равнины, в данном случае не рассматриваемый. Здесь необходимо заметить лишь, что наличие преемственности и сохранение традиции в неизменном виде — не одно и то же. Преемственность допускает развитие и, на наш взгляд, С. Н. Лисицыну в своей работе 1999 г. удалось показать и то и другое, а потому отказ автора от термина «эпиграветт» нелогичен. Гораздо более логичен он был бы в работах М. В. Аниковича, потому что для него эпиграветтские и граветтские памятники входят в один технокомплекс, но он этого не делает, и не потому, что такова «традиция». Причина иная, и состоит она в том, что термин «восточный эпиграветт» позволяет описать специфику материальной культуры этих памятников, выявляемую при сравнении их не с синхронными западными, а с более ранними восточнограветтскими комплексами. Этим-то и определяется «живучесть» данного термина. Для описания специфики материальной культуры стоянок поздней поры верхнего палеолита рассматриваемого региона в широком территориальном контексте использование понятия «восточный эпиграветт» не может быть достаточным, что очевидно и не является предметом спора. Этим целям в действительности служили хорошо известные «мезинская», «межиричско-добра-ничевская», «timoновско-юдиновская» и другие подобные им «культуры» или отдельные памятники, обладающие выраженной культурной спецификой, как, например, Елисеевичи 1. Восточный эпиграветт и локальные варианты культуры, вне зависимости от того, как их именовать — археологические культуры, типы индустрий или как-либо иначе, имеют отчетливую иерархическую соподчиненность и могут быть использованы для описания внутренней структуры исследуемой специфики. Необходимость такого рода реконструкций была показана Г. П. Григорьевым относительно недавно [Григорьев, 2008а; 2008б].

Каменный инвентарь восточно-эпиграветтских памятников характеризуется следующими признаками. 1. Стадиальное расщепление кремнёвого сырья, направленное на получение прямых пластин, средняя ширина которых составляет от 12 до 15 мм. Возможно использование посредника, что позволяло применять круговую систему утилизации нуклеусов [Селезнёв, 1996]⁵. 2. Широкое применение техники резцового скола и притупляющей ретуши. 3. Обеднение типологического разнообразия каменного инвентаря, основу которого составили резцы, как правило ретушные⁶, поперечно и косо усеченные притупляющей и полукруглой ретушью пластины, скребки укороченных пропорций, пластинки и микропластины с притупленным краем.

⁵ Использование посредника, очевидно, и было тем технологическим новшеством, которое оказало решающее влияние на облик каменного инвентаря.

⁶ Исключение из этого правила представляет инвентарь стоянок Быки 1 и Быки 7, о чём подробнее будет сказано ниже.

⁴ Скептическое отношение к употреблению термина «восточный эпиграветт» высказано в работах З. А. Абрамовой и Г. В. Григорьевой [Абрамова, Григорьева, 1997], а также Г. П. Григорьева [Григорьев, 2008а; 2008б].

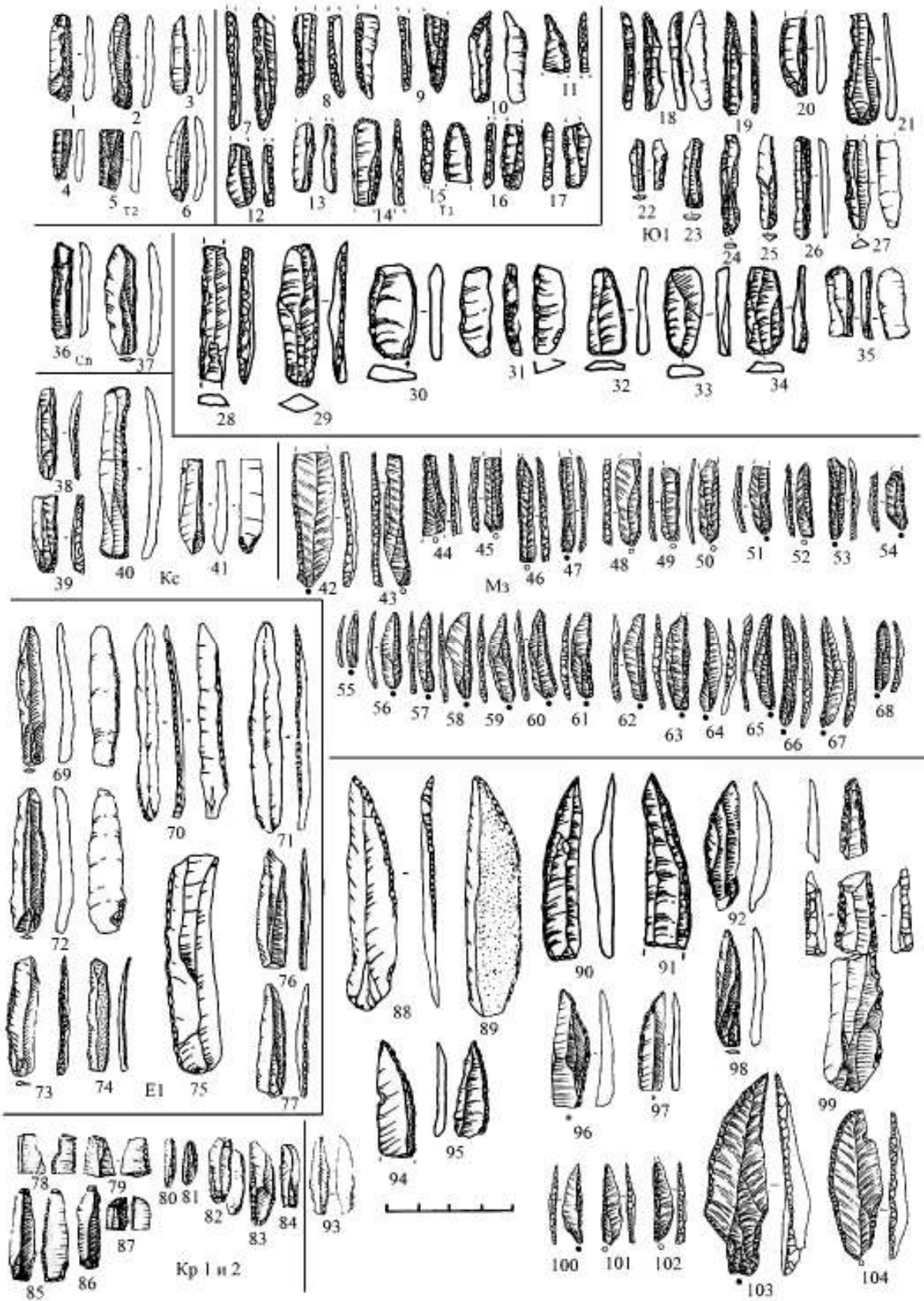

Рис. 1. Пластины, микропластины с притупленным краем и острия эпиграветтских памятников бассейна Десны: 1–6, 96 — Тимоновка 2; 7–14, 94, 95 — Тимоновка 1; 18–35, 90, 91 — Юдиново 1; 36–37, 92, 98 — Супонево; 38–41, 99 — Косица; 42–68, 100–104 — Мезин; 69–77, 88, 89 — Елисеевичи 1; 78–87, 93 — Курск 1 и Курск 2 (по: [Гаврилов, 1994б; Лисицын, 1999; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Нужный, 2002; Величко, Грехова и др., 1997; Борисковский, 1985])

Своеобразие каменного инвентаря эпиграветтских памятников проявляется в сочетании конкретных типов среди таких категорий, как пластинки и микропластины с притупленным краем, остря с притупленным краем и/или наконечники, а также проколки.

Ппк и мппк. Предметы, относящиеся к этим категориям, составляют значительные серии в инвентаре не только деснинских стоянок, но и памятников Среднего Поднепровья. Их доля варьирует от 6,0 % до 21,5 % от общего количества предметов с вторичной обработкой [Гаврилов, 2003; Нужный, 2002]. Незначительный процентный показатель этих изделий в инвентаре Тимоновки I объясняется только колоссальным преобладанием резцов, количественно категории ппк и мппк здесь вполне представительны — 18 и 63 экз., соответственно [Гаврилов, 1994б]¹.

В отличие от памятников восточного граветта, эпиграветтские комплексы не содержат ппк и мппк, обработанных встречной контрударной ретушью. Притуп-

ливающая ретушь обычно срезает менее одной четверти заготовки, высота фасеток — от 1 до 2 мм, в зависимости от толщины пластинок и интенсивности ретуширования. Ретушь в большинстве случаев наносилась на спинку. Однако в инвентаре стоянки Елисеевичи I [Величко, Грехова и др., 1997], а также Курских стоянок [Борисковский, 1953] имеются предметы с вентральной притупляющей ретушью (рис. 1: 69, 70, 78, 79, 82, 85). Ширина большинства изделий составляет от 5,0 до 7,5 мм, имеется небольшое количество и узких, от 3,0 до 4,5 мм, мппк [Гаврилов, 2003]. Юдиновский инвентарь из раскопок В. Д. Будько выделяется серией широких пластинок с притупленным краем, имеющих укороченные пропорции (рис. 1: 30—34). Широкие пластинки и даже пластины с притупленным краем имеются и в инвентаре стоянок Елисеевичи I и Косица, однако они отличаются от юдиновских большей длиной (рис. 1: 40, 69—72, 75).

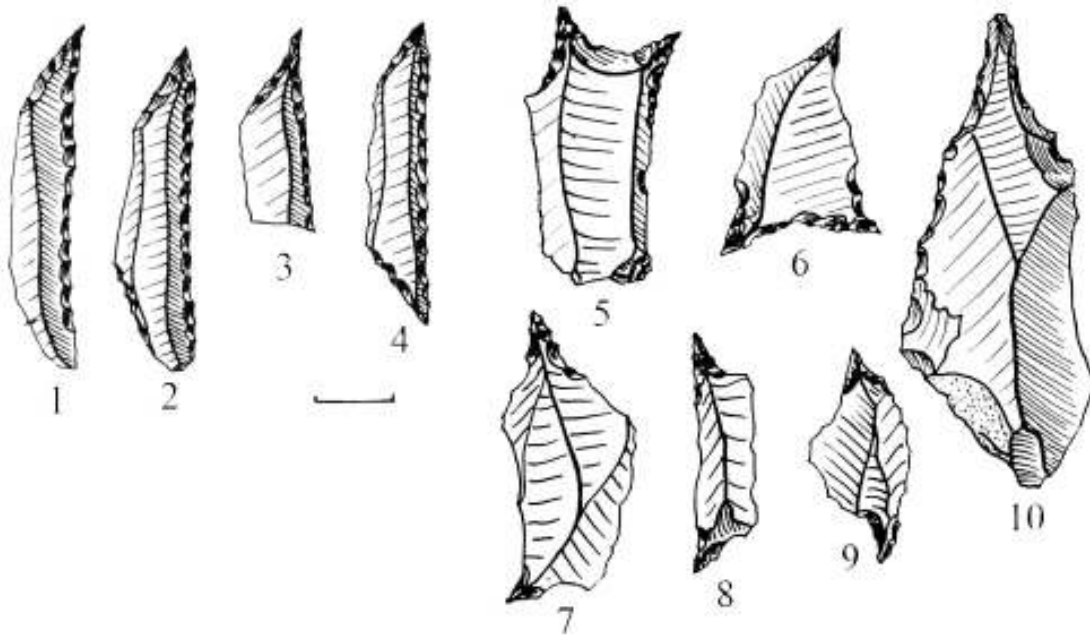

Рис. 2. Некоторые типы проколок и пластинок с притупленным краем Мезинской стоянки (по: [Шовкопляс, 1965])

Как правило, пластинки и микропластины с притупленным краем в инвентаре стоянок находятся во фрагментированном состоянии. Тем не менее характер обработки концов предметов этих категорий позволяет разделить данные изделия на несколько групп. Прежде всего необходимо отметить почти полное отсутствие вентральной обработки концов. Единичные экземпляры такого рода зафиксированы в инвентаре стоянок Косица (рис. 1: 41), Елисеевичи I (рис. 1: 72), Курск 2 (рис. 1: 85). Пластинки и микропластины с притупленным краем стоянки Елисеевичи I, кроме того, отличаются от остальных памятников тем, что для них обра-

ботка концов вовсе не характерна (рис. 1: 69—77) [Величко, Грехова и др., 1997; Лисицын, 1999]. В инвентаре остальных памятников в подавляющем большинстве случаев для обработки концов использовалась дорсальная притупляющая ретушь, аналогичная той, которая наносилась на край изделия. Поэтому варианты обработки в данном случае заключались в поперечном усечении конца по прямой, слабоогнутой или слабовыпуклой дуге, а также по диагонали под более или менее острым, реже — тупым углом. Наибольшим разнообразием по этому признаку обладают пластинки и микропластины с притупленным краем

¹ Необходимо учитывать и то, что во время раскопок В. А. Городцова в Тимоновке огромная площадь была вскрыта за короткий промежуток времени траншейно-кессонным методом, что наверняка привело к потере значительного количества предметов данных категорий.

Мезинской стоянки, в инвентаре которой зафиксированы практически все перечисленные варианты обработки ретушированных концов (рис. 1: 42—68). Более того, по наблюдениям Д. Ю. Нужного, для индустрии Мезина, а также однокультурного с ним памятника Бармаки характерен специфический приём обработки концов. Он заключался в ретушировании конца по диагонали для преднамеренной фрагментации проксимального конца (рис. 1: 54, 62, 68) [Нужный, Пясецкий, 2003]. Выделяется среди мезинских мппк серия предметов с косо срезанными концами, образующими с притупленным краем остриё (рис. 1: 46; рис. 2: 1—4) [Шовкоплас, 1965]. Подобные мппк встречены также в инвентаре стоянок Тимоновка I и Юдиново I (рис. 1: 7, 8, 10, 18), но там они не составляют серий. Для этих памятников характерны мппк и ппк, у которых концы ретушированы по прямой или слабовыпуклой дуге, примыкая к притупленному краю под прямым или близким по своему значению к прямому углом (рис. 1: 1, 2, 5, 13—17, 23—26, 28—35). Подобные формы присутствуют в инвентаре не только стоянок Подесенья, но характерны и для орудий с притупленным краем таких среднеднепровских памятников, как Межирич, Добраничевка, Гонцы [Нужный, 2002]. Их вполне можно рассматривать как фоновые для данных категорий предметов с вторичной обработкой. Среди супоневских орудий имеются также изделия с концом, ретушированным под тупым углом по отношению к притупленному краю (рис. 1: 36, 37) — форма, помимо Супонево, зафиксированная в инвентаре только Мезинской стоянки.

Острия с притупленным краем. Предметы этой категории единичны, однако присутствуют в инвентаре почти всех памятников второй половины поздневалдайского времени на территории не только Подесенья, но и Среднего Поднепровья. Изготовлены они на пластинках или узких пластинах с прямым профилем. Притупляющей ретушью у этих орудий по дуге обработан один край, плавно переходящий в остриё (рис. 1: 88—92, 94—98). Дуга, как правило, пологая, но в инвентаре Супонево (рис. 1: 92) и Тимоновки II (рис. 1: 96) имеются предметы, у которых ретушированный край имеет более изогнутые очертания. Острия стоянки Елисеевичи I изготавливались на пластинах, более длинных и широких по сравнению с остальными памятниками. Все острия имеют асимметричные очертания и могут быть отнесены к типу федермессер. Особенно это касается острий стоянок Тимоновка I (рис. 1: 94), Тимоновка II (рис. 1: 97), Юдиново I (рис. 1: 90, 91) и Супонево (рис. 1: 98). Совершенно особый тип имеется в инвентаре стоянки Косица (рис. 1: 99). Это изготовленное на длинной пластине шириной около 20 мм остриё симметричной формы, у которого притупляющей ретушью обработаны оба края в медиальной и дистальной частях. Ретушированные края сходятся и таким образом формируют острый конец, который также обработан ретушью, но — более пологой.

Треугольные острия. Острия этой разновидности также изготавливались на пластинках и микропластинах при помощи притупляющей ретуши. Ретушью обрабатывался длинный край заготовки или она срезалась по диагонали, формируя длинный край изделия. В обоих случаях длинный ретушированный край переходил в остриё. Основание острия также ретушировалось, образуя с длинным краем острия острый угол, однако ретушированные участки края и основания острия могли не соприкасаться. Данные острия относятся к типу тарденуа и зафиксированы в инвентаре Мезинской стоянки (рис. 1: 100—102), а также стоянок Быки I (рис. 3), Быки 7 (сл. 1 и 1а) и Пенская [Ахметгалеева, 2004; 2007]. По данным П. И. Борисковского, единичные экземпляры аналогичных острий имеются среди орудий верхнего слоя Киево-Кирилловской стоянки [Борисковский, 1953]. В инвентаре стоянки Быки 7 появляется не встреченная в других комплексах разновидность треугольных острий, для которых характерно поперечное ретуширование заготовки при оформлении основания. В инвентаре Мезинской и, вероятно, Киево-Кирилловской стоянки треугольные острия единичны и относятся к варианту с расположением притупляющей ретуши вдоль длинного края заготовки. В Быках I эти предметы также представлены единичными экземплярами. Значительные серии в инвентаре стоянок Быки I и 7 образованы другим вариантом треугольников — с диагональным расположением притупляющей ретуши. Характерно, что инвентарь этих памятников не содержит одновременно пластин и микропластин с притупленным краем. Значительные серии треугольных острий при полном отсутствии мппк и ппк дали основание Н. Б. Ахметгалеевой рассматривать Пенскую стоянку, Быки I и Быки 7 в качестве однокультурных памятников, отличных от синхронных стоянок сопредельных территорий [Ахметгалеева, 2004].

Черешковые наконечники. Предметы этой категории представлены в инвентаре лишь двух памятников — Мезинской стоянки (рис. 1: 103, 104) и стоянки Курск I (рис. 1: 93). В Мезине зафиксировано шесть наконечников, однако, по мнению Д. Ю. Нужного, лишь один предмет представляет собой действительно черешковую форму (рис. 1: 103), тогда как остальные могут рассматриваться в качестве варианта острий с притупленным краем [Нужный, Пясецкий, 2003. С. 68]. Изделие, которое Д. Ю. Нужный относит к бесспорно черешковому наконечнику в оформлении пера, также сближается с остриями с притупленным краем своей асимметричностью и использованием притупляющей ретуши при оформлении края. Остальные предметы Мезина всё же более корректно атрибутировать как черешковые, с той только разницей, что у них отсутствует резкий перегиб при переходе от черешка к перу. Безусловно, они могут рассматриваться в качестве переходной формы от собственно черешковых наконечников к остриям типа федермессер.

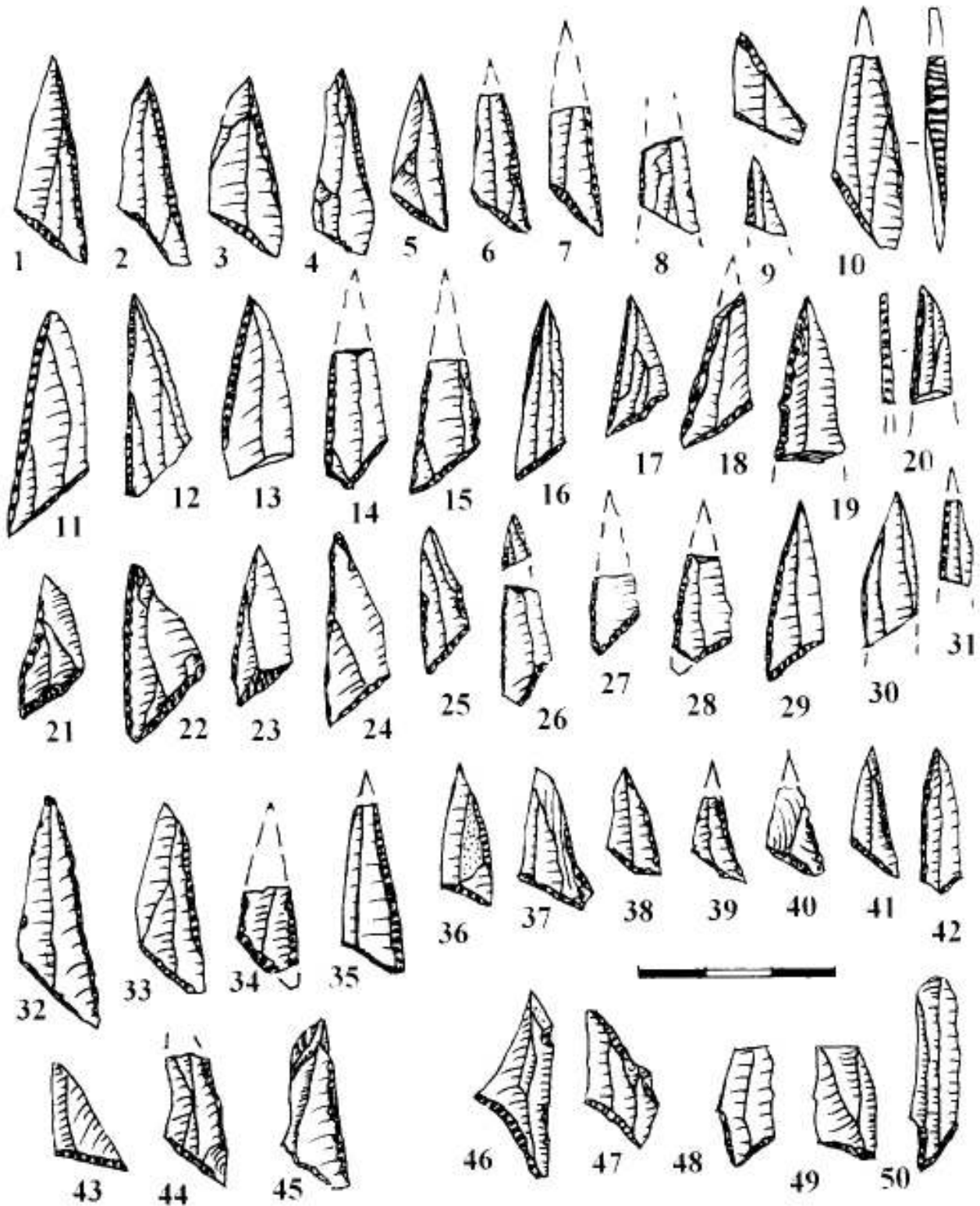

Рис. 3. Треугольные остря стоянки Быки 1 (по: [Чубур, 2001])

Одно из таких острей в инвентаре Супоневской стоянки имеет оформление базовой части при помощи притупляющей ретуши по краю, противоположному тому, который оформлен по пологой дуге (рис. 1: 98). Мезинские изделия, кроме того, отличаются от острей с притупленным краем метрическими параметрами за-

готовки. Для их изготовления использовались относительно широкие пластины.

Проколки. Традиционно предметы данной категории использовались для иллюстрации специфики кремнёвого инвентаря Мезинской стоянки [Шовкопляс, 1965; Рогачёв, Аникович, 1984]. Дело тут не в

особенностях проколов как таковых, поскольку эти формы широко распространены в европейском верхнем палеолите. Более того, Г. П. Григорьев считает возможным рассматривать присутствие в инвентаре деснинских памятников проколов с длинным жалом как мадленский признак, наряду с остриями федермессер и скребками укороченных пропорций, относимых к так называемой тарновской группе скребков [Григорьев, 2008а; 2008б].

Во всяком случае, Мезин выделяется на фоне памятников поздней поры верхнего палеолита Русской равнины многочисленностью и разнообразием проколов (рис. 4: 1—14, 15—19; рис. 2: 5—10). В качестве заготовок для них использовались отщепы, пластины, пластинки и даже микропластины. Ретушь оформляла жала с плечиками и без, длинные и короткие, одинарные, двойные и тройные. Аналогичные изделия остальных памятников Подесенья отличались меньшей серийностью и многообразием, за одним исключением. Исключение — это проколки стоянки Супонево. Н. А. Хайкунова в своём диссертационном исследовании показала определённое сходство мезинских и супоневских проколов, но, к сожалению, эти результаты не были опубликованы исчерпывающим образом [Хайкунова, 1985]. Частично материалы Супонево опубликованы С. Н. Лисицыным, однако в коллекции 1926 г., которую проанализировал автор, серия проколов немногочисленна — всего 12 экземпляров [Лисицын, 1999. С. 107—108] (рис. 4: 22—25). По данным Н. А. Хайкуновой, среди супоневских проколов преобладают предметы с симметричным и скошенным жалом с оформленными ретушью плечиками. Основной заготовкой служили узкие пластины и пластинки. Однако серийно представлены орудия на отщепах. Двойные и множественные проколки также образуют устойчивые серии. Именно эти показатели сближают мезинские и супоневские предметы данной категории.

Ещё раз подчеркнём, что проколки Мезина и Супонево выделялись не столько своей морфологией, хотя среди мезинских проколов, бесспорно, есть формы, которые могут быть рассматриваемы в качестве специфического типа, сколько серийностью представленных в этой категории форм. Единичные экземпляры этих же форм встречены в инвентаре и других памятников Подесенья. Например, двойные проколки и проколки на отщепах имеются в инвентаре Юдиново I и Тимоновки I (рис. 4: 20, 36, 27, 28, 31), а также среди орудий стоянки Быки I (рис. 5: 11, 12). Более того, проколки стоянки Быки I содержат двойные формы, у которых жала расположены на одном конце заготовки (рис. 5: 14—16) и которые наряду с проколками на широких отщепах максимально подчёркивают специфику этой категории для Мезинской и Супоневской стоянок. Аналогичные формы имеются и в инвентаре культурного слоя I стоянки Быки 7 [Ахметгалеева, 2004]. В целом кремнёвый инвентарь памятников поздней поры верхнего палеолита Подесенья, а также стоянок Быки I и Быки 7 (к. сл. I) характеризуется присутствием больших или меньших серий проколов с

выделенными ретушью жалом и плечиками. Этот признак довольно чётко отличает данные памятники от синхронных стоянок Среднего Поднепровья, к которым прежде всего могут быть отнесены Межирич, Добраничевка и Гонцы [Нужный, 2002].

Варианты индустрий восточного эпиграветта на территории Подесенья

Памятники поздней поры верхнего палеолита, расположенные на территории бассейна Десны, как, впрочем, и стоянки Среднего Поднепровья, на основании анализа морфологических особенностей предметов с вторичной обработкой могут быть отнесены к эпиграветтским в том смысле, что их кремнёвый инвентарь есть результат развития восточнограветтской традиции изготовления орудий. В пользу этого вывода свидетельствует широкое применение техники нанесения притупляющей ретуши при оформлении вкладышей, острий и наконечников, а также техники резцового скола. По сравнению с восточным граветтом, набор приёмов вторичной обработки редуцируется за счёт вентральной подтёски и вентральной уплощающей ретуши. Однако эти приёмы были известны носителям эпиграветтской традиции и при необходимости применялись. Например, в инвентаре стоянок Елисеевичи I [Лисицын, 1999] и Быки 7, сл. I [Ахметгалеева, 2004] зафиксированы пластины с подтёской конца. Один предмет из комплекса стоянки Быки 7, сл. I, прямо может быть сопоставлен с ножами костенковского типа, в этом же инвентаре был обнаружен и краевой скол [Ахметгалеева, 2004]. Регулярная уплощающая вентральная ретушь зафиксирована в Тимоновке I на одном из экземпляров мппк (рис. 1: 8), а также на одной проколке (рис. 4: 38). Эпизодичность употребления этого приёма вторичной обработки может быть объяснена тем, что модификация техники раскалывания, в результате которой стало возможным получение более тонких и прямых пластин, сделала ненужной в большинстве случаев подправку заготовок с целью выравнивания их профиля [Селезнёв, 1996].

Общее обеднение состава орудий привело к тому, что различия между памятниками Подесенья, а также между ними в целом и стоянками Среднего Поднепровья проявляются не столь ярко, как различия между памятниками восточного граветта. Специфика их индустрий выделяется прежде всего по таким показателям, как способы обработки концов пластинок и микропластин с притупленным краем, а также серийность и степень разнообразия проколов. Кроме того, особенности комплексов подчёркиваются метрическими характеристиками заготовок, использовавшихся при изготовлении тех или иных категорий орудий. Например, скребки Мезинской стоянки оформлены на относительно крупных пластинах и отщепах и этим отличаются от скребков как остальных деснинских, так и среднеднепровских памятников [Нужный, 2003].

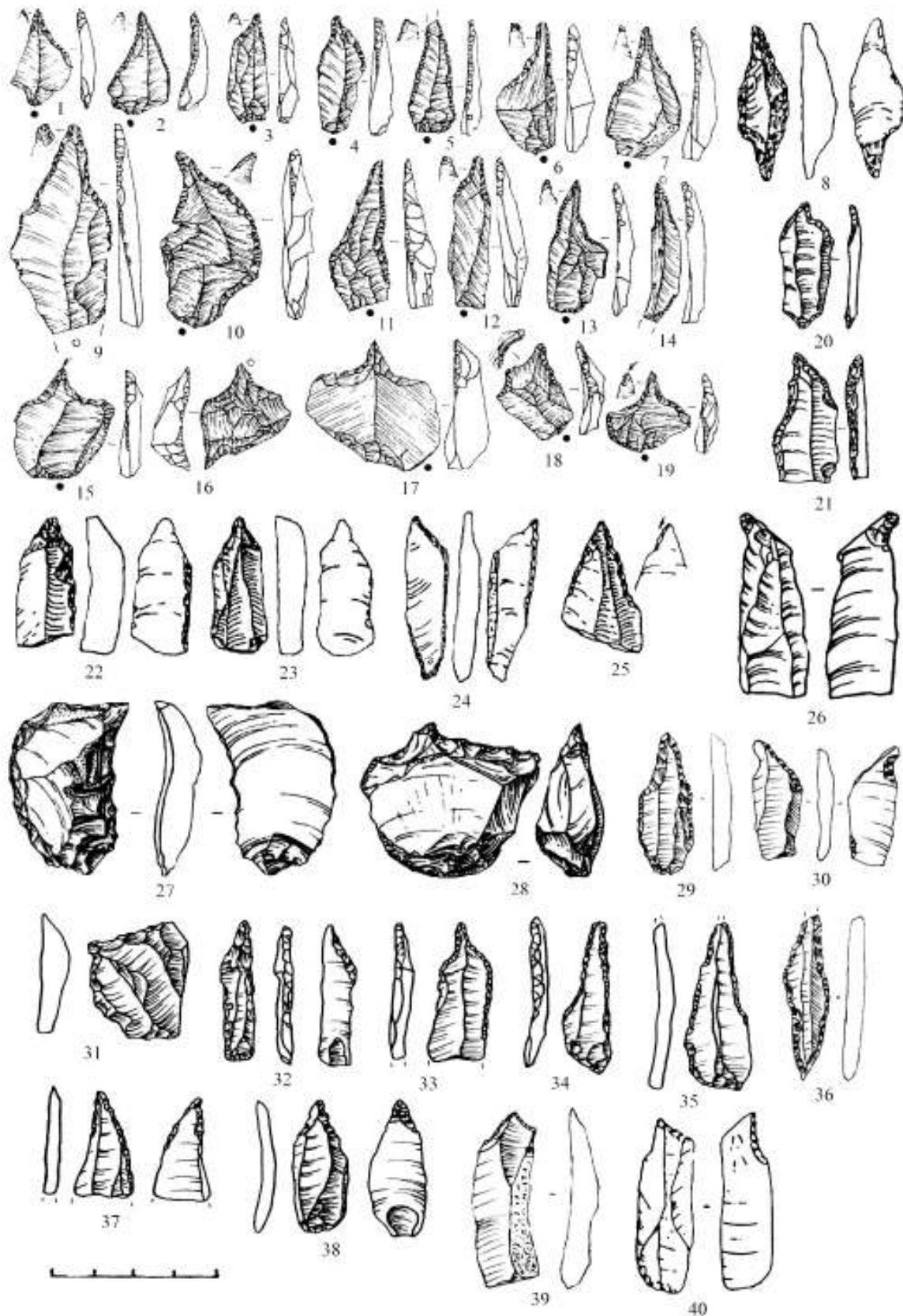

Рис. 4. Проколки эпиграветтских памятников бассейна Десны:
 1—14, 15—19 — Мезин; 20, 21, 29—38 — Тимоновка I; 22—25 — Супонево; 27, 28 — Юдиново I; 39 — Косица;
 40 — Елисеевичи 1 (по: [Гаврилов, 1994б; Лисицын, 1999; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Нужный, 2002;
 Величко, Грехова и др., 1997])

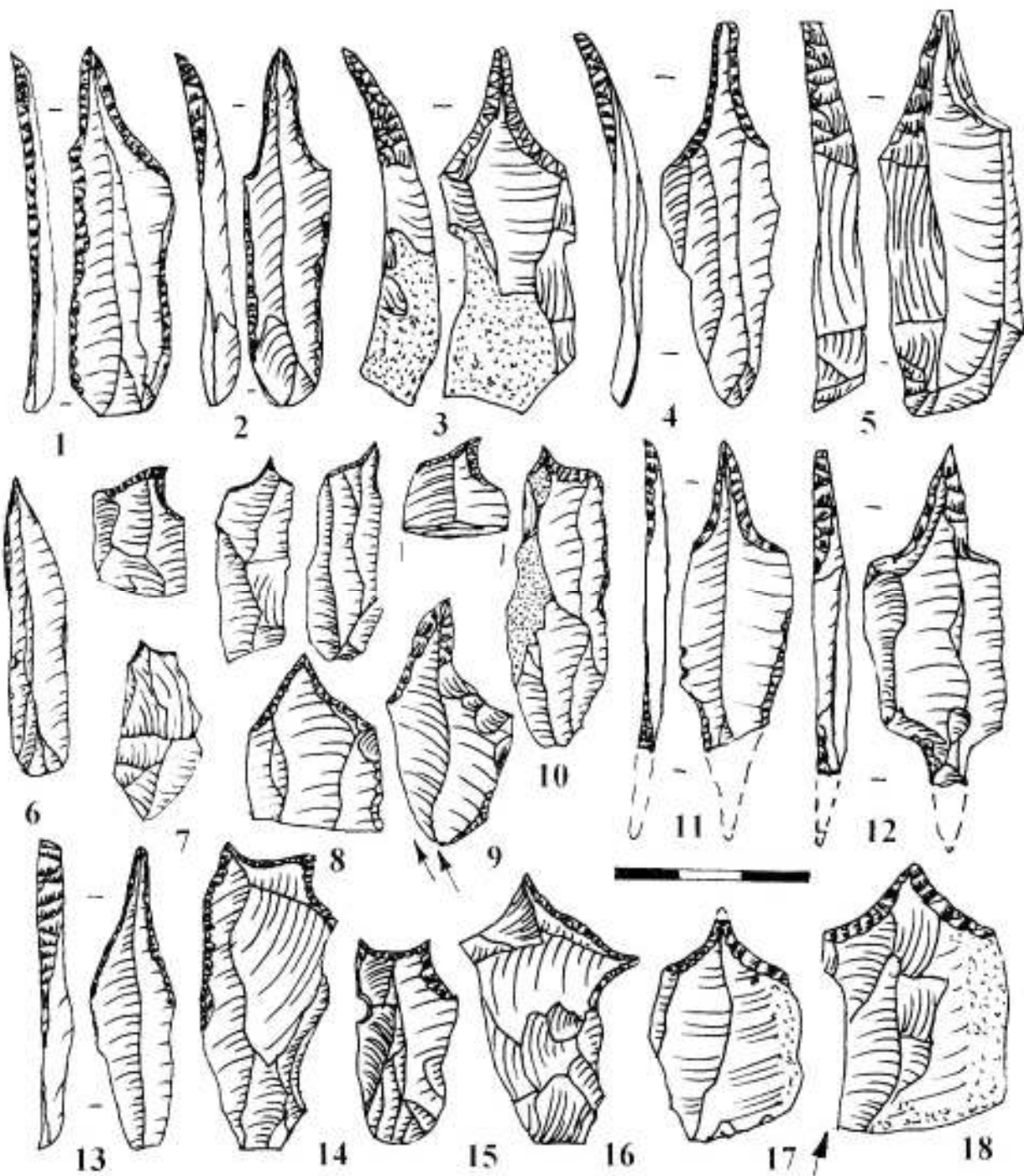

Рис. 5. Проколки стоянки Быки 1 (по: [Чубур, 2001])

Пластинки и микропластины с притупленным краем стоянок Косица и Елисеевичи 1, как правило, имеют большую длину по сравнению с той, которая характерна для аналогичных предметов остальных стоянок Подесенья и Среднего Поднепровья.

В целом каменный инвентарь деснинских стоянок демонстрирует индивидуальные особенности каждого памятника, однако эти особенности не позволяют однозначно разделить их на различные археологические культуры, опираясь только на результаты анализа этой категории материальной культуры [Гаврилов, 1994а].

В гораздо большей степени культурная специфика деснинских и среднеднепровских памятников поздней поры верхнего палеолита проявляется в произведениях мобильного искусства и орнаментике [Гаврилов, 2009].

Для территории собственно Подесенья можно отметить высокую степень сходства каменного инвентаря стоянок Тимоновка I, II и Юдиново 1, на основании которого в конце 1960-х—начале 1970-х гг. Л. В. Греховой была выделена тимоновско-юдиновская археологическая культура [Грехова, 1969; 1970; 1971].

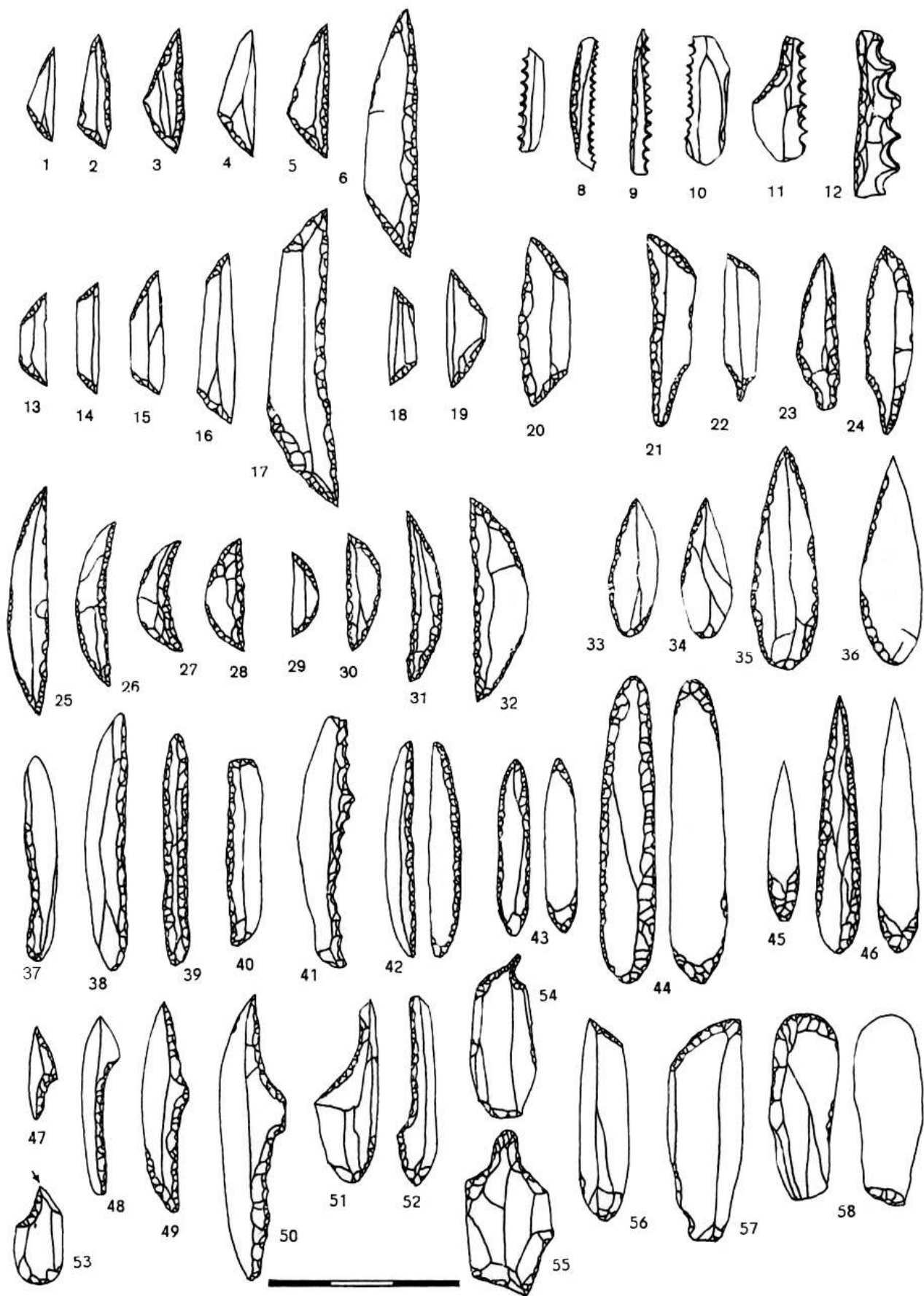

Рис. 6. «Микроиндустрия» стоянки Павлов 1, северо-западный участок (по: [Pavlov, 2005])

Аналогичным образом тогда же М. И. Гладких для территории Среднего Поднепровья определил круг памятников межиричско-добраничевской культуры [Гладких, 1968; 1977; Гладких, 1971а; 1971б]. Их отличие от деснинских стоянок состоит в крайней обеднённости форм и категориального состава предметов с вторичной обработкой. Близкую в таксономическом отношении степень сходства демонстрирует каменный инвентарь стоянок Мезин и Бармаки [Нужный, Пясецкий, 2003]. Это сходство проявляется не только в особенностях оформления проколов, как это можно наблюдать при сравнении мезинского и супоневского инвентаря, но и по другим показателям: тип заготовки, использовавшейся при изготовлении скребков, соотношение одинарных и двойных скребков, оформление концов пластинок и микропластин с притупленным краем. Однако в настоящее время Д. Ю. Нужный избегает употреблять термин «археологическая культура» по отношению к группе Мезин-Бармаки, предпочитая выражение «тип индустрии» [Нужный, Пясецкий, 2003], и понятно почему. В каменном инвентаре поселений поздней поры Подесенья и Среднего Поднепровья отсутствуют ярко выраженные культуроопределяющие типы, подобные тем, какие имеются в индустриях памятников восточного граветта. Для всех без исключения названных стоянок характерно преобладание среди орудий резцов, доминирующим типом среди которых является ретушный резец. Скрепки этих памятников — простые концевые, как правило, без ретуши краёв, значительная часть их имеет укороченные пропорции. Среди пластинок и микропластин с притупленным краем чаще всего встречаются так называемые «четырёхугольники». Весь этот массив с таксономической точки зрения может быть разделён на три группы и несколько отдельно стоящих памятников. Выделяются три группы: тимоновско-юдиновская, мезинская и межиричско-добраничевская. В них не входят Елисеевичи 1, Косица и Супонево. При этом по отдельным признакам Супонево сближается с Мезиным, а Косица сопоставляется с Елисеевичами 1 [Гаврилов, 1994а; 2003].

На этом фоне значительно более резко выражена специфика каменного инвентаря расположенных на левом берегу р. Сейм стоянок Быки 1, Быки 7 (сл. 1 и 1а), Быки 5 и Пенская. Характер заготовок, использовавшихся при изготовлении орудий, как и вся система раскалывания кремня, в целом весьма близки тому, что наблюдается при изучении инвентаря деснинских стоянок поздней поры верхнего палеолита [Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2004]. Однако среди предметов с вторичной обработкой названных памятников серийно представлены треугольные острия, наиболее массовые разновидности которых в Быках 1 и Быках 7 (сл. 1) могут рассматриваться в качестве культуроопределя-

ющих. Речь идёт о двух разновидностях острий типа тарденуа, у которых длинный притупленный край срезают заготовку по диагонали, а не вдоль края пластинок. Их присутствие сочетается с отсутствием в инвентаре пластинок и микропластин с притупленным краем. Кроме того, в отличие от деснинских памятников, среди резцов Быков 1 и 7 преобладающей формой являются двугранные, а ретушные резцы и вовсе отсутствуют среди орудий стоянки Быки 7 [Ахметгалеева, 2004]. Поэтому справедливым представляется заключение Н. Б. Ахметгалеевой как об однокультурности быковских памятников, так и о том, что они относятся к самостоятельной археологической культуре. Но последний тезис не отменяет признания того факта, что между этими памятниками и деснинскими стоянками существуют определённые точки соприкосновения. Они выражаются в том, что в инвентаре Мезина, Быков 1 и Быков 7 (сл. 1) присутствуют, во-первых, треугольные острия, у которых длинный притупленный край оформлен ретушью вдоль края заготовки, а во-вторых, имеются проколки, в том числе и специфических мезинских форм. Эти точки соприкосновения, как представляется, позволяют заключить, что каменная индустрия памятников поздней поры верхнего палеолита двух регионов — Подесенья и Посеймья обладает близкой хозяйственно-культурной подосновой, которая также может быть подведена под определение восточного эпиграветта. Выше уже говорилось о важности для использования данного термина таких признаков, как тип заготовки и способы вторичной обработки, применявшиеся при изготовлении орудий. В дополнение к этому можно привести ещё один аргумент, связанный с совместным нахождением в инвентаре одного памятника типов, характерных для рассматриваемых стоянок. Речь идёт о комплексе так называемой «микроиндустрии» северо-западного участка одного из опорных памятников восточного граветта в Центральной Европе — Павлов 1 [Pavlov, 2005] (рис. 6). Для него характерно сочетание: 1) треугольных острий со скошенным основанием и оформлением длинного края притупляющей ретушью вдоль края заготовки; 2) проколов, в том числе двойных, с выделенными ретушью плечиками; 3) пластинок и микропластин с притупленным краем, у которых концы ретушированы в виде острий; 4) черешковых наконечников с притупленным краем. Эта аналогия говорит не о существовании непосредственной временной и культурной связи между памятниками восточного эпиграветта центра Русской равнины и стоянкой Павлов 1. В данном случае речь идёт о том, что существовала общая культурно-историческая подоснова для развития сначала восточного граветта, а затем и восточного эпиграветта на Русской равнине, что, собственно, и определило в принципе возможность такого развития.

Список литературы

Абрамова, 1995: Абрамова З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб., 1995.

Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997: Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2. СПб., 1997.

- Абрамова, Григорьева, 1997: *Абрамова З. А., Григорьева Г. В.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб., 1997.
- Аникович, 1992: *Аникович М. В.* Южная и Юго-Западная историко-культурные области Восточной Европы в позднем палеолите // КСИА. 1992. Вып. 206.
- Аникович, 1995: *Аникович М. В.* Судьбы верхнепалеолитического населения Русской равнины // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб., 1995.
- Аникович, 1998: *Аникович М. В.* Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998.
- Аникович, 2005: *Аникович М. В.* Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // *Stratum plus*, 2003—2004. № 1: В эпоху мамонтов. Кишинев, 2005.
- Аникович, Анисюткин, Платонова, 2011: *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы: Историография, методология, основные проблемы. Вып. 1 // Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 6/1. СПб., 2011.
- Аникович, Попов, Платонова, 2008: *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы // Труды КБАЭ. Вып. 1. СПб., 2008.
- Ахметгалеева, 2004: *Ахметгалеева Н. Б.* Кремнёвый комплекс стоянки Быки 7 // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Ахметгалеева, 2007: *Ахметгалеева Н. Б.* О перспективе исследования взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М., 2007.
- Борисковский, 1953: *Борисковский П. И.* Палеолит Украины. М.; Л., 1953.
- Величко, Грехова, Губонина, 1977: *Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П.* Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М., 1977.
- Величко Грехова и др., 1997: *Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И.* Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М., 1997.
- Гаврилов, 1994а: *Гаврилов К. Н.* Специфика кремнёвых комплексов среднеднепровских стоянок поздневалдайского времени (сравнительная типология предметов со вторичной обработкой): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Гаврилов, 1994б: *Гаврилов К. Н.* Кремнёвые комплексы стоянки Тимоновка I // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 3. 1994.
- Гаврилов, 2003: *Гаврилов К. Н.* Среднее Поднепровье как историко-культурная область Восточной Европы верхнего палеолита: проблема времени и причин формирования // Горизонты антропологии: Труды Междунар. конф. памяти академика В. П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20—22 сентября 1994 г. М., 2003.
- Гаврилов, 2009: *Гаврилов К. Н.* Женщина — зверь — орнамент // РА. 2009. № 4.
- Гвоздовер, Рогачёв, 1969: *Гвоздовер М. Д., Рогачёв А. Н.* Развитие верхнепалеолитической культуры на Русской равнине // Лёсс — перигляциал — палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М., 1969.
- Гладких, 1968: *Гладких М. И.* Каменный инвентарь Добрянцевской стоянки // АИУ (1967). 1968.
- Гладких, 1971а: *Гладких М. И.* Различные проявления позднепалеолитической культуры в Среднем Поднепровье // Укр. ист. журн. К., 1971.
- Гладких, 1971б: *Гладких М. И.* Кремнёвый инвентарь позднепалеолитического поселения Межирич // Археология. № 3. К., 1971.
- Гладких, 1977: *Гладких М. И.* Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднепалеолитических памятников // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1977.
- Грехова, 1969: *Грехова Л. В.* Поздний палеолит бассейна Средней Десны // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.
- Грехова, 1971: *Грехова Л. В.* Кремнёвый комплекс стоянки Тимоновка II и однотипные памятники деснинского бассейна // История и культура Вост. Европы по археол. данным. М., 1971.
- Грехова, 2005: *Грехова Л. В.* Периодизация позднего палеолита Деснинского бассейна // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология: Всерос. конф. 8—11 августа 2005 г. Воронеж, 2005.
- Григорьев, 2008а: *Григорьев Г. П.* Структура палеолита Десны // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Замытнинский сб. Вып. 1. СПб., 2008.
- Григорьев, 2008б: *Григорьев Г. П.* Отношение памятников Десны к мадленским памятникам Центральной Европы // Человек, адаптация, культура. М., 2008.
- Лисицын, 1999: *Лисицын С. Н.* Эпиграветт или постграветт? // STRATUM plus. № 1. Время собирать камни. Кишинев, 1999.
- Нужный, 2002: *Нужный Д. Ю.* Верхнепалеолитичні пам'ятки типу Межирич та їх місце серед епіграветтських комплексів Середнього Дніпра // Кам'яна доба України. Вип. 1. К., 2002.
- Нужный, Пясецкий, 2003: *Нужный Д. Ю., Пясецкий В. К.* Крем'яний комплекс верхньопалеолітичної стоянки Бармаки на Рівненщині та проблема існування пам'яток мізинської індустрії на Волинській височині // Кам'яна доба України. Вип. 2. К., 2003.
- Рогачёв, Аникович, 1984: *Рогачёв А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984.
- Селезнёв, 1996: *Селезнёв А. Б.* Технология первичного расщепления стоянки Пушкари (в сравнительном освещении): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
- Хайкунова, 1985: *Хайкунова Н. А.* Кремнёвый инвентарь стоянки Супонево (и её место в палеолите бассейна Десны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- Чубур, 2001: *Чубур А. А.* Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск, 2001.
- Шовкопляс, 1965: *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965.
- Debrosse, Kozlowski, 1988: *Debrosse R., Kozlowski J.* Hommes et climats a l'age du mammoth. Le Paleolithique superieur d'Eurasie Centrale: I. La Tcecoslovaquie // Rivista di Scienze Pre- et Proto-historiques. Vol. 14. 1988.
- Pavlov, 2005: *Pavlov I. Pavlov I* Southeast. A Window Into the Gravettian Lifestyles. Brno, 2005.
- Soffer, 1985: *Soffer Olga.* The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando, 1985.

Н. Б. Ахметгалеева

Курчатовский государственный краеведческий музей

К ВОПРОСУ О РАССЕЛЕНИИ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА В ПОСЕЙМЬЕ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЭТАПАХ ПОСЛЕДНЕГО ОЛЕДЕНЕНИЯ

Место стоянок Посеймья в Центральной ИКО

Посеймье расположено в центральной части, выделенной М. В. Аниковичем Днепро-Донской историко-культурной области (рис. 1). Характеристики, границы и хронология существования ИКО по мере продвижения в данном исследовании и получения новых данных неоднократно уточнялись. И это действительно сложные вопросы, однозначно ответить на которые до сих пор трудно, так же как, на мой взгляд, невозможно и игнорировать существование данной области. По последней интерпретации Днепро-Донская ИКО сформировалась где-то 24—23 тыс. л. н. и прекратила своё существование где-то 14—12 тыс. л. н. [Аникович, 1998; Аникович, Анисюткин, Платонова, 2011]. Хозяйственно-культурный тип входящих сюда памятников был основан на всестороннем, систематическом использовании тех продуктов, которые мог дать ему мамонт (мясо, шкуры, шерсть, жир, кости, бивни и т. п.) [Аникович, Анисюткин, Платонова, 2012. С. 82]. Историю формирования Днепро-Донской ИКО авторы указанной монографии связывают с коренным изменением всего жизненного уклада «аборигенов», видимо, под влиянием пришлого населения. Следует обратить внимание на то, что в работе «Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы» авторы выделяют как минимум две волны миграции сюда пришлого населения [Аникович, Анисюткин, Платонова, 2011. С. 82]. Первая — в 24—21 тыс. л. н., вторая — в 20—12 тыс. л. н. «Мигранты из Центральной Европы, на момент своего появления на Русской равнине, вполне могли представлять собой специализированных охотников на мамонтов» [Аникович, Анисюткин, Платонова, 2011. С. 87]. Далее, видимо, происходит адаптация к местным природным условиям и в большинстве случаев переориентация на сбор туш погибших зверей. Здесь важна сама мысль о возможности подобного изменения в рамках одних культурных традиций.

Что же происходит в это время в Посеймье?

Для 1-го этапа существования Днепро-Донской ИКО в Посеймье (рис. 2) ориентировочно могут быть приняты даты 23—19 тыс. л. н. В это время получают

развитие граветтоидные технокомплексы, а ориентировочно с 21 тыс. л. н. начинается формирование быковских индустрий с кремнёвыми треугольными микролитами.

Видится важным тот факт, что на всех поселениях данного периода отмечается сильная поврежденность культурных слоёв мерзлотными деформациями. Возможно, это связано с тем, что их существование предшествует максимальным фазам похолодания. На территории Посеймья фиксируются две системы мерзлотных генераций, под которые попадают слои памятников, в первом случае датируемые, как, например, Авдеевская стоянка, 22—20 тыс. л. н., во втором — в районе 18—17 тыс. л. н. Надеемся, что в будущем палеогеографические исследования позволят уточнить более детально столь важные для археологов рамки возникновения данных мерзлотных деформаций и их соотношение с культурными слоями.

К началу первого этапа сегодня можно отнести нижние слои стоянок Октябрьское-2 и, возможно, Курск-2.

Автор раскопок С. Н. Алексеев считал стоянку Октябрьское-2 (нижний слой), расположенную на реке Сейм выше г. Рыльска, однодневной пристанью [Алексеев, 1984]. Культурный слой залегал в супесях метром ниже первого после слоистых песчаных линз. Там было найдено скопление из 2—3 костей мамонта и бизона, 3 кремня и очаг мощностью 5—7 см, заполненный углём. Радиоуглеродный анализ угля дал дату 23 тыс. л. н.

В 1988 г. С. Н. Алексеев производил шурфовку на стоянке Курск-2 и подтвердил предполагаемое ещё П. И. Борисовским [Борисовский, 1964] наличие там нижнего культурного слоя¹. Была отмечена его скудность, встречался немногочисленный расщеплённый кремень и единичные кости мамонта. По мнению С. Н. Алексеева, это остатки недолговременной стоянки, изучение которой находится только в начальной стадии.

Возможно, к концу 1-го этапа (22—19 тыс. л. н.) следует отнести Авдеевскую стоянку, Октябрьское-2 (верхний слой) и, возможно, Пенскую стоянку (Быки-4?).

¹ В работе используются любезно предоставленные мне С. Н. Алексеевым при написании диплома неопубликованные материалы по итогам его полевых работ за 1988—1990 гг.

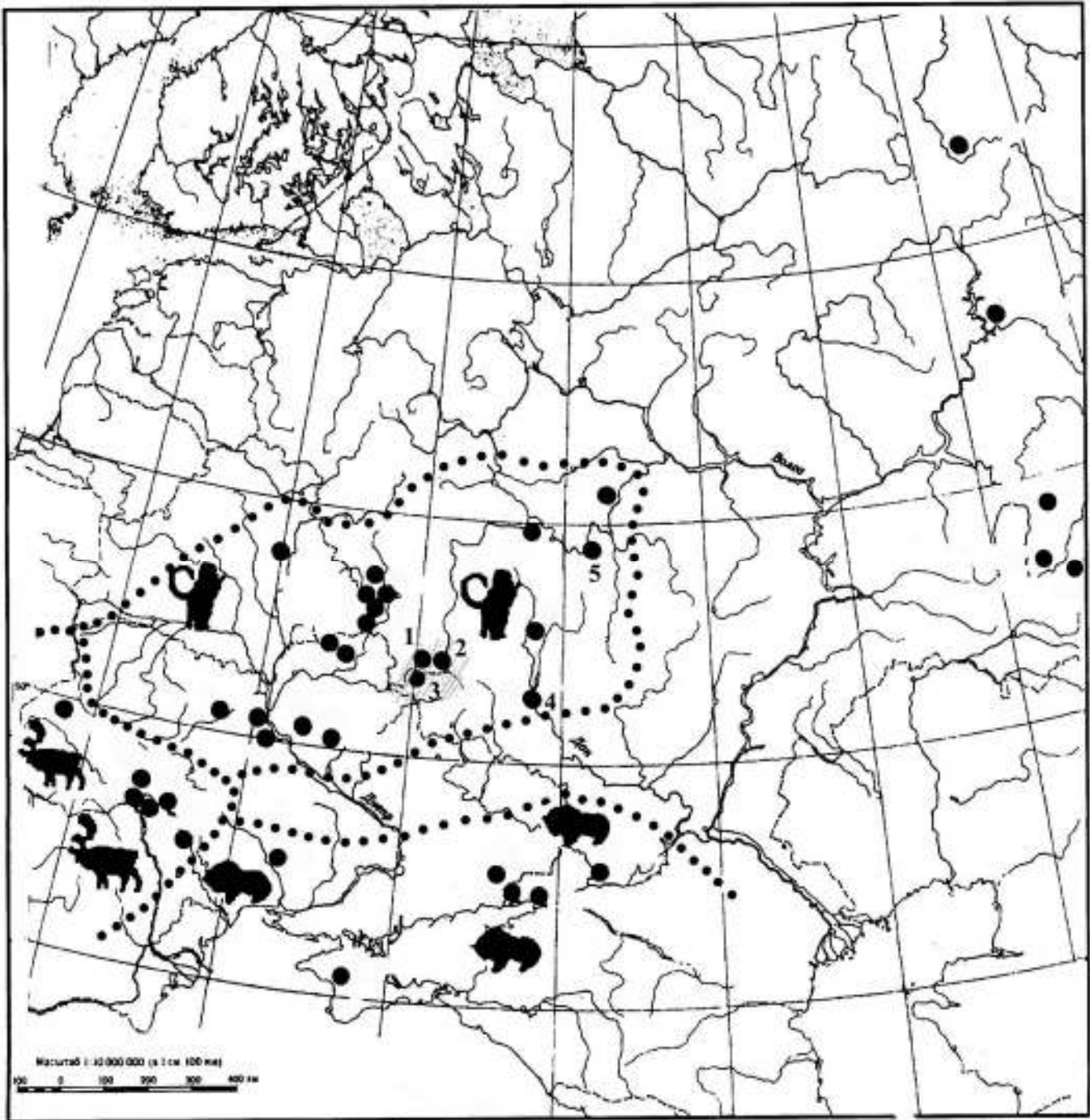

Рис. 1. Примерные границы ИКО (по: [Аникович, Анисюткин, Платонова, 2011. С. 76]) с указанием месторасположения стоянок Посеймья:

1 — Авдеево; 2 — Курские стоянки; 3 — комплекс Быки; 4 — Костенки, Борщеве; 5 — Шатрищи

Знаменитая Авдеевская стоянка (возраст около 22 тыс. лет) относится к костенковской культуре и является долговременным поселением с преобладанием костей мамонта в остеологической коллекции. В разные годы её исследовали М. В. Воеводский, А. Н. Рогачёв, М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев, Е. В. Булочникова. Эта стоянка, безусловно, является одним из ярких поселений, которому присущи все признаки Центральной ИКО.

Говоря о миграциях первобытного населения, следует упомянуть, что из Посеймья группы охотников могли двигаться дальше на север по Оке (например в сторону Зарайска), так как верховья Посеймья практически сливаются с Окой. Даже в более позднее время, когда соединение двух рек было уж не столь очевидно, здесь проходили водные караванные пути.

Октябрьское-2 (верхний слой), по оценке автора раскопок С. Н. Алексева, является базовой стоянкой

площадью около 2000 кв. м [Алексеев, 1986; 1987а; 1988]. Культурный слой залегал в покровных супесях II надпойменной террасы. Слой переотложен и размыт, содержит небольшое количество костных и древесных угольков, объекты отсутствуют. Каменный инвентарь носит граветтоидные черты, преобладают концевые скребки и резцы, представлены листовидные наконечники, ножи с подтёской, пластинки с притупленным краем, наконечники с боковой выемкой. В культурном слое встречены плохо сохранившиеся кости мамонта, песца и грызунов. Объектов нет.

Пенская стоянка датируется 21 600 ± 50 (ЛЕ-1434а), 23 100 ± 280 (ЛЕ-1434б), 25 200 ± 350 (ЛЕ-1434в) лет назад. В ходе спасательных исследований изучена лишь ограниченная площадь в 4,5 м², которая не мо-

жет свидетельствовать о направлении хозяйственной деятельности в целом [Григорьева, Филиппов, 1978]. Но функционально-планиграфический анализ жилых объектов Пенской стоянки и Быков-1 выявил сходство их причажных зон [Ахметгалеева; 2005; 2009]. Сходно и конструктивное использование крупных костей мамонта, носорога, бизона. Каменный инвентарь данных стоянок также сходен за одним существенным отличием. На вскрытой площади Пенской стоянки был найден только один треугольный микролит. В своё время это не позволило Пены сразу соотнести с Быками-1, в которых присутствует целая серия треугольников, являющихся самой отличительной чертой данного технокомплекса. Но следует заметить, что в причажной зоне стоянки Быки-1 микролиты также единичны.

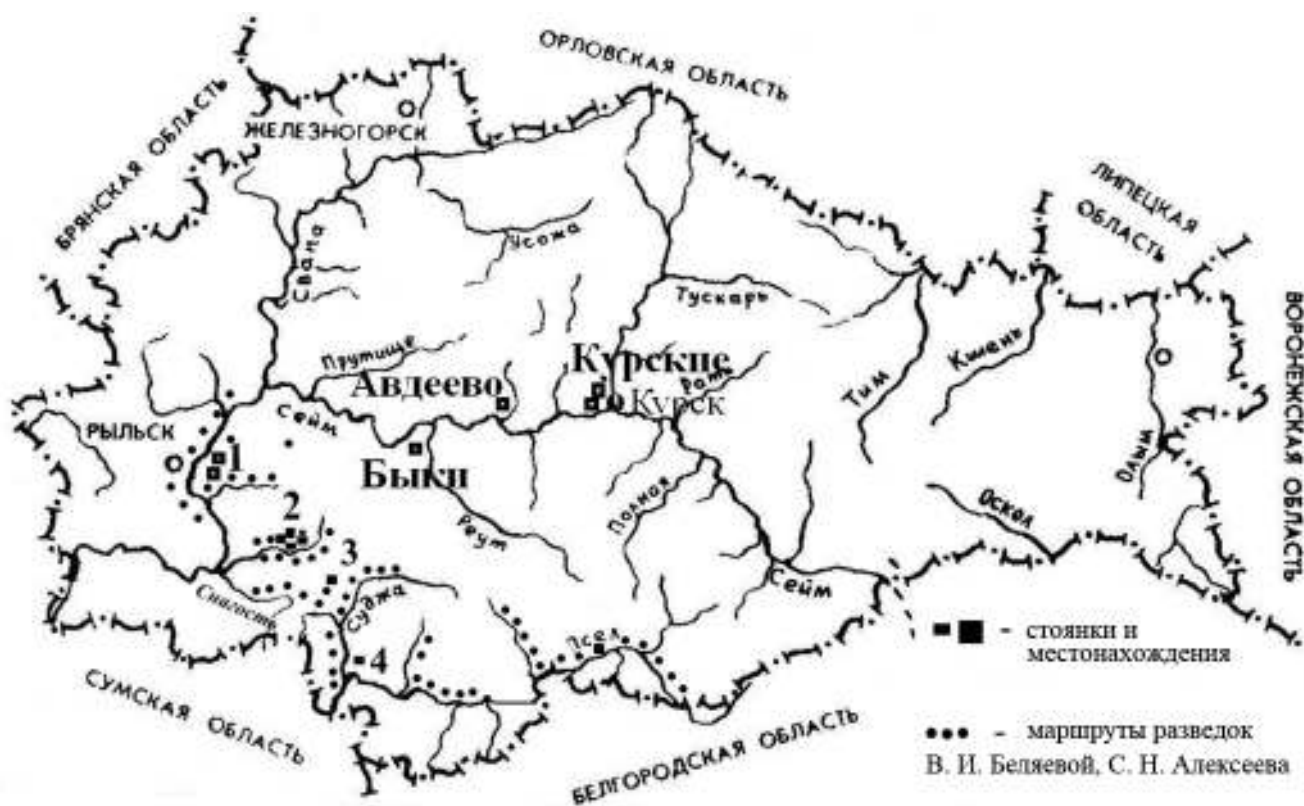

Рис. 2. Расположение верхнепалеолитических стоянок и местонахождений Курской области: 1 — Октябрьские; 2 — комплекс стоянок Крепна-Ветряное; 3 — Русская Поречная; 4 — Суджа

2-й этап существования Днепро-Донской ИКО в Посеймье (19—17 тыс. лет) в определённой степени связан со сменой культурно-хозяйственных ориентиров и заканчивается распадом ИКО. Напомним, этот период связан со второй волной миграции сюда пришедшего населения.

К началу 2 этапа (или концу первого?) в первую очередь могут быть отнесены материалы нижнего (II) слоя стоянки Быки-7 и, возможно, местонахождения Быки-8, представляющие граветтоидные технокомплексы. Все стоянки Быки расположены на левом берегу р. Сейм в Курчатовском районе Курской области.

Нижний (II) слой стоянки Быки-7, вероятно, является остатками временного стойбища зимнего периода [Ахметгалеева, 2009; 2011]. Участок, на котором распространены культурные остатки, занимает ограниченную площадь — около 20—30 м². Культурный слой залегает в супесчаной прослойке под толщей слоистых песков на 50 см ниже I культурного слоя. Костные остатки в нём редки. Есть осколки, образованные при раскалывании костей копытных животных в целях добычи костного мозга (лошадь, северный олень), присутствуют костные остатки волка, песца и зайца. Обратим внимание на то, что в этом достаточно

древнем слое вообще не найдено ни одной кости мамонта. На вскрытом участке кремнёвые орудия концентрировались в центральной части вскрытой площади. Наиболее многочисленной категорией являются резцы, есть тронкированные пластинки с притупленным краем и прямоугольники.

На местонахождении Быки-8 фаунистических находок нет, кремнёвые орудия (резцы, скребки), как и отходы производства, имеют самые крупные для материалов стоянок Быки размеры и верхнепалеолитический облик.

Ко второму этапу формирования Центральной ИКО относится развитие своеобразной группы стоянок Быки-1, 2, 3, 7 (I) с треугольными микролитами в каменном инвентаре [Григорьева, Филиппов, 1978; Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2004а, б; 2009]. Как уже отмечалось, самая древняя стоянка этого комплекса — Пенская. Относительная хронология обозначенных памятников не вызывает сомнения. Полученная серия радиоуглеродных дат для других стоянок Быки выглядит следующим образом. Для стоянки Быки-1 получены даты со значениями: 17 570 ±120 (ГИН-8408), 17 640 ±130 (ГИН-8409), 17 200 ±300 (ГИН-8408а), 16 600 ±180 (ГИН-8409а). Радиоуглеродная дата среднего I слоя стоянки Быки-7 — 17 000 ±90 (ГИН-11753). Позже была получена серия омоложенных дат для этого памятника, но повторяющая тот же хронологический разрыв между культурными слоями Быков-7. Новая дата I слоя, полученная по битым костям животных, в том числе птичьим, — 15 600 ±400 (ГИН-13084). Исходя из существенной поврежденности мерзлотными деформациями культурного слоя, наиболее правдоподобно, на мой взгляд, выглядит первая дата.

Фауна стоянок Быки относится к бореальному подкомплексу мамонтового териокомплекса позднего Валдая. Доминирующего вида по стоянкам не отмечено [Григорьева, Филиппов, 1978; Чубур, 2001; Ахметгалеева, Бутова, 2008]. Основными объектами охоты древних обитателей были широкопалая лошадь, северный олень, песец и заяц. Встречаются кости птиц. Только на более ранних стоянках Пены и Быки-1 отмечено использование костей крупных животных для организации жилого пространства. При этом кости крупных животных (мамонта, бизона, носорога) принадлежат не более чем 2—3 особям.

Фиксируются изменения и в сырьевой базе костяной индустрии. На наиболее древней Пенской стоянке в качестве исходного сырья используется бивень мамонта. Но он редок в коллекциях стоянок Быки-1 и 7 (I). Только по материалам Пенской стоянки можно рассматривать вопрос о возможности использования свежего бивня, на остальных в ход шёл выветренный материал. В материалах Быков-7 (I), самой молодой из перечисленных стоянок, возрастает роль костей песца и зайца. Наблюдаются и изменения в группе стоянок Пены, Быки-1, Быки-7 (I) в сторону увеличения в орудийном составе доли вкладышей охотничьего вооружения.

Материалы, полученные при раскопках жилого объекта стоянки Быки-1, относятся к остаткам основ-

ного стойбища, предположительно существовавшего в холодный период [Ахметгалеева, 2009; 2012]. Верхний горизонт находок, залегающих в нижней толще покровных суглинков, предположительно, может относиться к летнему сезонному стойбищу [Ахметгалеева, 2009; 2012].

Ко второму этапу существования Центрального ИКО могут относиться также местонахождения расщеплённого кремня, обнаруженные в ходе разведки отряда В. И. Беляевой, исследовавшей южные оконечности Курской области по правому берегу р. Псёл и долины р. Крепна (приток Сейма) [Беляева, 1977]. Это Ветряное-5, 7, 8, 9, Крепна. Только на местонахождении Ветряное-7 было встречено несколько обломков костей и бивней мамонта.

К концу второго этапа или началу периода распада ИКО, вероятно, следует отнести материалы верхнего слоя стоянки Курск-2.

Стоянка Курск-2 (верхний слой), по мнению П. И. Борисковского, является недолговременным стойбищем [Борисковский, 1963; 1964; 1986]. Культурный слой памятника залегает в покровных суглинках II надпойменной террасы, недалеко от впадения Тускаря в Сейм. Он содержал кости, разрозненные костные обломки мамонта и лошади, крупинки красной и жёлтой охры, угольки и большое количество расщеплённого кремня (более 2 тыс. экз.). Среди каменных орудий здесь преобладают резцы, среди которых, в свою очередь, более 50 % косоретушных, есть серия острий со скошенным концом, пластинок с притупленным краем, немногочисленны концевые скребки и орудия с подтёской. П. И. Борисковский отмечает, что здесь происходила в основном доработка и подправка орудий, а не первичное расщепление, а кремнёвый материал близко напоминает материалы стоянки Курск-I (см. ниже). Существует мнение П. И. Борисковского, что Курск-I и верхний слой Курск-II не разнокультурны, но могут иметь несколько отличную друг от друга датировку [Борисковский, 1986. С. 79]. Следует обратить внимание на сведения геолога М. Н. Грищенко, свидетельствующего о сильной поврежденности культурного слоя мерзлотными явлениями [Грищенко, 1986]. Исходя из общей ситуации развития мерзлотных деформаций на территории Посеймья, следует предполагать, на мой взгляд, что возраст этой стоянки не позже 17 тыс. лет, так как формирование её культурного слоя должно было приходиться на период, предшествующий последней максимальной фазе похолодания.

Период, связанный с распадом ДД ИКО (14—12 тыс. лет по М. В. Аниковичу). В случае с Посеймьем более реалистично выглядят даты 16—12 тыс. лет.

На этом этапе мы наблюдаем продолжение развития Быковских культур с треугольными микролитами и эпиграветтские индустрии.

Стоянка Быки-7 (Ia) с идентичным I культурному слою инвентарём, но представленным в другом соотношении, является остатками сезонного летнего стойбища [Ахметгалеева, 2009; 2012; Ахметгалеева, Бутова, 2008]. Жилой объект здесь не зафиксирован. Рассматривается вопрос о вероятности неоднократного

прихода первобытной группы на это место. Для Ia культурного слоя стоянки Быки-7 первая полученная дата — 16 000 ±130 (ГИН-11755). Как уже говорилось, позже была получена серия омоложенных дат для этого памятника, но повторяющая тот же хронологический разрыв между поселениями. Радиоуглеродная дата 14 300 ±370 (ГИН-13082) Ia культурного слоя получена по битым костям животных, в том числе птичьим, залегавшим в лёссовидной супеси. В лаборатории ИИМК РАН по костям песка и зайца для Ia культурного слоя Быков-7 получена дата 17 320 ±640 (ЛЕ-7794). Следует отметить также тот факт, что данный культурный слой, в отличие от залегающих ниже, не разорван мерзлотными трещинами, а лишь повторяет рельеф, созданный в результате мерзлотных явлений, отчасти попадая в заполнение крупных мерзлотных клиньев.

Здесь также не наблюдается доминирующего вида животного. Основными объектами охоты древних обитателей остаётся широкопалая лошадь, северный олень, песец, заяц и птица. Встречаются также раковины пресноводных моллюсков и позвонки рыбы. Мамонт представлен лишь одной пластиной бивня.

К остаткам кратковременных летних стойбищ охотников на копытных животных, расположенных также на ограниченной площади комплекса стоянок Быки в Курчатовском районе, следует отнести и стоянки Быки-5 и местонахождения Быки-6 [Ахметгалеева, 1999; 2001; 2012]. Предварительные исследования показывают, что, в отличие от верхних слоёв Быков-7, данные материалы имеют эпиграветские черты.

Поиск участков с непотревоженным культурным слоем на Быках-6 в 2000 г. не увенчался успехом. Кремень вымывался из средней или верхней толщи лёссовидной серо-бурой супеси, что приблизительно соответствует и уровню залегания Быков-5. Часть собранного кремнёвого инвентаря отличалась по используемому сырью, в технологическом и типологическом плане, от каменных артефактов близлежащих местонахождений. Если принять во внимание общую стратиграфическую ситуацию в этом микрорегионе, то проблему можно обозначить следующим образом: зоны вымывания подъёмного материала разных поселений перекрывают друг друга. Так, кремень, который по своим технологическим и типологическим характеристикам мог бы относиться, например, к Быкам-5, вымывается на площади более чем 100×120 м² и перекрывает другие зоны подъёмного материала. При этом культурные слои палеолитических пунктов локализуются, возможно, в одном литологическом слое, но на разных его уровнях. Аналогичная ситуация прослеживается по материалам стоянки Быки-1 и местонахождений Быки-2, 3 [Чубур, 2001. С. 5—12, 90—92]. Они расположены гораздо ближе друг к другу и не имеют различий даже в типолого-технологическом плане. Естественен вопрос, насколько уверенно можно определять принадлежность подъёмного материала к тому или иному памятнику, особенно если учесть, что большинство материалов представлено кремнёвыми сколами. На сегодняшнем этапе исследований, к сожа-

лению, действительно недостаточно оснований для абсолютно чёткой градации всей массы подъёмного материала. Но это не отрицает возможности существования отдельных поселений или неоднократного прихода одной группы на сопредельные места.

Стратиграфическое соотношение культурного слоя с мерзлотными деформациями и расположением других датированных стоянок позволило охарактеризовать возраст Быков-5 как более молодой по отношению к Быкам-7 (Ia) и оценить его приблизительно в 13—14 тыс. лет. Стоянка рассматривается пока как остатки кратковременного летнего стойбища (возможно, сразу нескольких). Размеры стоянки могут превышать 500 м² (более 160 м² из них вскрыто). К сожалению, строительными работами более всего потревожена большая часть поселения, и в настоящее время проводится исследование отдельных сохранившихся её «островков». По данным на 2011 г. собрано более 700 экз. каменных изделий. Кремень сильно патинирован. Значительно преобладают среди орудий резцы (около 66 %). Определены косоретушные, угловые, на сломе заготовки, многофасеточные. Интересно, что некоторые из них являются последней стадией подправки скребков. Остальные категории единичны — три концевых скребка, скребок-резец, 4 косых остря, пластина с подтеской, три орудия с выемчатой ретушью, 5 микропластинок с притупленным краем. Тщательная вторичная обработка мелких деталей орудий, свойственная материалу Пен, Быков-1 и 7 (Ia, I), отсутствует. Структурные и функциональные особенности памятника пока недостаточно ясны. Здесь встречены неопределимые фрагменты плохой сохранности, принадлежащие копытным животным, а также находки раковин двухстворчатых пресноводных моллюсков, обитавших в тёплый период. По имеющимся на сегодня немногочисленным сведениям можно предположить, что материалы Быков-5 имеют определённое сходство с другими известными эпиграветскими индустриями Десны [Ахметгалеева, 2009; 2012].

К периоду распада ИКО относятся также стоянка Курск-1 на территории г. Курска в районе впадения Тускари в р. Сейм, стоянка Октябрьское-1 в Рыльском районе на р. Сейм и, вероятно, стоянка Суджа на р. Суджа.

Стоянку Курск-1 П. И. Борисковский определил как не очень долговременное охотничье стойбище, куда доставлялись туши мамонтов, где они разделялись и где шло изготовление кремнёвых орудий и их подправка [Борисковский, 1982; 1986]. Но следует отметить, что раскопками охвачена лишь часть поселения, и возможно не центральная. Не производилось здесь и зооархеологических наблюдений, которые могли бы определить особенности костного материала на предмет выветрелости и т. п. Культурный слой был запечатан в супесях, залегающих под слоем суглинков с песчаными линзами. Он включал скопления охры, угольки, значительное количество костей мамонта плохой сохранности, единичные кости других животных, расщеплённый кремень (более 2 тыс. экз.). Среди каменных орудий преобладали резцы (на сломе, боко-

вые, нуклеидные), многочисленны пластинки с при-
тупленным краем, есть скошенные остря. Радиоугле-
родная дата по кости для стоянки 11 600 ±200 лет
(ГИН-86, vol. 10, № 2, p. 430).

Октябрьское-1 является, по мнению автора раско-
пок С. Н. Замятина, остатками кратковременного охот-
ничьего лагеря на месте добытого мамонта [Замятин,
1940]. Культурный слой залегал на мысообразном уча-
стке в покровных суглинках отложений I террасы по
С. Н. Алексею (II — по А. А. Чубуру [Чубур и др,
1999. С. 239]). Здесь встречены остатки 1 мамонта и
расщеплённый кремь (около 2000 экз.). Культурный
слой как таковой не сформирован. Результаты обследо-
вания местности Г. В. Григорьевой в 1964 г. [Гри-
горьева, 1964] и С. Н. Алексеевым в 1987 г. ничего но-
вого не привнесли [Алексеев, 1988].

И наконец, к этому этапу могут относиться место-
нахождение верхнего палеолита Суджа и стоянка Рус-
ская Поречная, расположенные в верховьях р. Псёл.
Река Псёл в настоящее время принадлежит бассейну
р. Днепр. В верхнечетвертичное время р. Суджа (ныне
приток р. Псёл) с притоками Локня и Рыбца и верховья
Псёл принадлежали бассейну р. Сейм. Река пра-
Снагость своими верховьями до устья р. Суджа совпа-
дала с современной долиной р. Псёл, а далее продол-
жалась в северо-западном направлении к с. Любимовка
и вливалась в современную долину р. Снагости
[Шилов, 1974].

Местонахождение Суджа было зафиксировано от-
рядом В. И. Беляевой в 1977 г. [Беляева, 1977]. В. И. Бе-
ляева предположила, что основной слой существовав-
шего здесь памятника был уничтожен карьером. Кре-
мнёвая коллекция состояла из 50 экз. расщеплён-
ного кремня верхнепалеолитического облика. Находки
были приурочены к толще суглинка. Фаунистических
остатков не было найдено.

Стоянка Русская Поречная расположена недалеко
от выходов кремня. Материалы её также залегают в
верхней части лёссовидных суглинков. Здесь тоже не
было найдено костных остатков, собрано около 500 экз.
расщеплённого кремня, среди которых значительно
преобладают отходы производства [Алексеев, 1985;
1987б].

Промежуточные выводы. Анализируя материалы
известных в Посеймье позднепалеолитических стоя-
нок и местонахождений, следует отметить следующее.

На 2-м этапе существования Днепро-Донской ИКО
в Посеймье формируются культурно-хозяйственные
типы поселений, не соответствующие в полной мере
её характеристикам. Они относятся к двум вариантам.
Первый — это недалёкие временные поселения с исполь-
зованием костей мамонта, но в ограниченном виде в
сравнении со стоянками Десны-Днепра. Второй — с
охотничьей ориентацией на копытных животных без
строительства крупных жилищ и с непродолжитель-
ным на них обитанием. Полагаю, это напрямую связа-
но с расположением данного изучаемого региона меж-
ду стоянками бассейна Десны, Дона и Подпорожья. В
Посеймье мы наблюдаем только своего рода отголоски
и смешение культурных традиций, свойственных обо-

значенным палеолитическим районам. Если использо-
вать понятие Днепро-Донская историко-культурная об-
ласть, то следует отметить, что Посеймье по своим ха-
рактеристикам, предположительно, начиная с 20 тыс.
лет постепенно становится лишь его окраиной.

Пограничное положение Посеймья выразилось в
своеобразии изучаемых материальных культур. И в
данном случае мы не можем говорить только о воз-
можном влиянии пришельцев. Здесь наблюдается раз-
витие как минимум одной культурной традиции на ме-
сте (речь идёт об индустриях с треугольниками). И её
изменение было вызвано меняющимся природным ок-
ружением и вынужденной адаптацией первобытного
человека. Результаты последних исследований в Быках
выявили не только существование разных типов и
структур верхнепалеолитических поселений, ранее не-
известных индустрий, но и постепенные изменения в
культурно-хозяйственном типе и в охотничьей страте-
гии древних обитателей [Ахметгалеева, 2009; 2012].
Было выдвинуто предположение о постепенном заме-
щении в Быках ограниченных жилых площадок, ха-
рактеризующихся наличием углубленных ям и очагов,
летними стойбищами разных типов. Используемая по-
добными охотничьими коллективами территория долж-
на была распространяться на многие десятки километ-
ров и иметь разные по характеру лагеря.

Посмотрим окружение того периода. Юго-восточ-
нее Посеймья последние свидетельства широкого ис-
пользования костей мамонта относятся приблизительно
к 16 тыс. лет («замятнинская культура»). Открытие
на Оке и Верхнем и Среднем Дону стоянок типа За-
мятино 14 (с микроинвентарём, без фауны), Дивногорье 1,
9, Назаровка, Масловка, Щатричи 1, 2 и др.
предполагает, что обитатели стоянок Быки вовсе не
одиноки и не уникальны в своей охотничьей ориента-
ции [Тарасов, 1983; Трусов, 2011; Федюнин, 2010; Бес-
суднов, 2011; Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., 2012].
Особый интерес у меня вызывают материалы стоянки
Самотоевка ввиду их большой схожести с материала-
ми стоянок Быки с треугольными микролитами¹ [Фе-
дюнин, 2010. С. 92—105; Бессуднов А. Н., Бессуд-
нов А. А., 2012]. Этот памятник расположен южнее
Быков. Фаунистический состав представлен лошадью,
лосём, зайцем, бобрим и туром. Сходно построение
жилого пространства на памятниках. Все каменные
орудия Самотоевки (скребки, резцы, микролиты) на-
ходят прямые аналоги в Быках, хотя комбинирован-
ных орудий на пластинах с выемками и проколком с
длинным жалом в Самотоевке нет. Но их количество и
в Быках, если проследить от Быков-1 к Быкам-7 (Ia),
постепенно в процентном соотношении уменьшается.
Безусловно, материалы требуют тщательного сравни-
тельного типолого-технологического анализа.

Исходя из всего сказанного, можно предположить,
что мы наблюдаем в Посеймье и прилегающих регио-
нах, особенно в юго-восточном, существование мо-

¹ Благодаря любезности А. Н. Бессуднова автор дважды
имел возможность осмотра коллекции стоянки Самотоев-
ка — в 1999 и 2006 гг.

бильных первобытных обществ, оставляющих после себя остатки небольших сезонных или временных поселений.

Таким образом, «мамонтное хозяйство» на Сейме и Среднем Дону после 16 тыс. лет становится скорее исключением. Принимая существование Днепро-Донской ИКО, следует оговорить, что после 17 тыс. лет Посеймье — это уже пограничная зона со стоянками, где мамонт не играет ведущей роли. Или, как вариант, стоит, возможно, рассмотреть этот регион как особую зону, с чертами присущими разным ИКО. В любом случае нужно задуматься. К сожалению, мы не можем проследить изменения культур в данном регионе с раннего верхнего палеолита до позднего. Но я не исключаю того, что и на ранних этапах здесь могли существовать культуры охотников на копытных животных.

Также следует отметить, что в культурно-хозяйственном отношении в позднем верхнем палеолите регион Посеймья больше тяготеет к Верхнему и Среднему Дону, чем к Десне и Днепру. В целом для региона характерно преобладание в позднем верхнем палеолите сезонных и перевалочных пунктов, что также сближает его с Подоньем и бассейном Оки.

Особенности стояночных участков в Посеймье

Следующая особенность расположения верхнепалеолитических стоянок Посеймья связана, на мой взгляд, с размещением поселений на самых устойчивых участках неустойчивой в целом поверхности, что связано с особенностями палеогеографии стояночных участков и влиянием мерзлотных явлений.

Рассмотрим особенности месторасположения позднепалеолитических стоянок Посеймья.

По наблюдениям С. Н. Алексеева², проводившего наиболее систематические разведки палеолита в Курской области, стоянки располагаются на участках, на протяжении которых ширина речной долины меняется от средней, характерной для расширения, до средней, характерной для сужения.

Верхнепалеолитические поселения расположены, как правило, в излучинах между Сеймом и впадавшим в него притоком. Практически по каждой стоянке отмечено существенное изменение в районе стояночных участков русел рек. Но при этом стояночные участки оказываются на наиболее устойчивой позиции. Так, Сейм неоднократно закладывал меандры в сторону с. Октябрьское. В результате стоянки оказались расположены на полуострове, образованном петлёй Сейма. Сходная ситуация отмечена и для стоянок Быки. Русло пра-Сейма проходило в древности в непосредственной близости к стоянкам. Наши исследования особенно

стей геоморфологического строения местности показали, что древний мыс был выбран обитателями Быков как оптимальный для обитания участок. Более детальное изучение плейстоценовых отложений Ю. Н. Грибченко на стоянках Быки-1, 7 и за их пределами также подтвердило локальную обособленность стояночного участка.

Отдельным вопросом стоит проблема использования первобытными людьми древнего микрорельефа и конкретно возникающих криогенных деформаций. Как уже отмечалось, на всех стоянках периода 22—17 тыс. лет отмечалось воздействие мерзлотных явлений на формирование культурного слоя.

В результате совместных археологических, палеогеографических, геoarхеологических и зооархеологических исследований на комплексе Быки собран огромный материал о воздействии естественных факторов на формирование культурного слоя на разных этапах обитания человека на стоянках и после консервации культурных остатков. Наши наблюдения в Быках показали, что концентрация культурных остатков приурочена к местам наиболее сильных деформаций. Впервые к этой мысли привели результаты работы на трёхслойной стоянке Быки-7, где изучались изменения материальной культуры разновременных поселений, расположенных на одном локальном участке (рис. 3).

Давайте рассмотрим в свете обозначенной проблемы ситуацию в Быках-7 подробнее. Три культурных слоя оказались разделёнными периодами возникновения мерзлотных деформаций, вызвавшими изменения микропалеорельефа (рис. 4). Обитание человека на стоянке Быки-7, оставившего культурные остатки нижнего слоя, закончилось перед усилением мерзлоты, вызвавшей появление трещин I генерации и образование сначала небольшой природной западины. Это говорит о том, что сам участок не был достаточно стабильным, но выгода поселения здесь превышала риск. Можно предположить и обратное, т. е. что некогда стабильная площадка стала эпицентром крупнейших деформаций именно вследствие использования её человеком (?). Жилая площадка среднего слоя другой первобытной группы из Быков-7 (I) расположилась на самой высокой точке относительно появившегося природного понижения. Самые глубокие мерзлотные клинья II генерации разорвали впоследствии самые крупные искусственные объекты этого слоя. Культурные отложения верхнего культурного слоя свидетельствуют о целенаправленном использовании в то время уже достаточно глубокой природной западины, образованной в результате крупнейших криогенных деформаций обеих генераций.

Приуроченность культурных слоёв многих поселений Быки к контакту разных литологических слоёв отражает не только резкие изменения природного характера, но и изменение древнего рельефа, что не могло не влиять на выбор конкретного участка для обитания.

Наибольшая концентрация расщеплённого кремня на стоянке Быки-5 приходится на участок с мерзлотными деформациями.

² Я благодарю С. Н. Алексеева за предоставленные мне в 1990 г. при написании дипломной работы неопубликованные результаты его исследований.

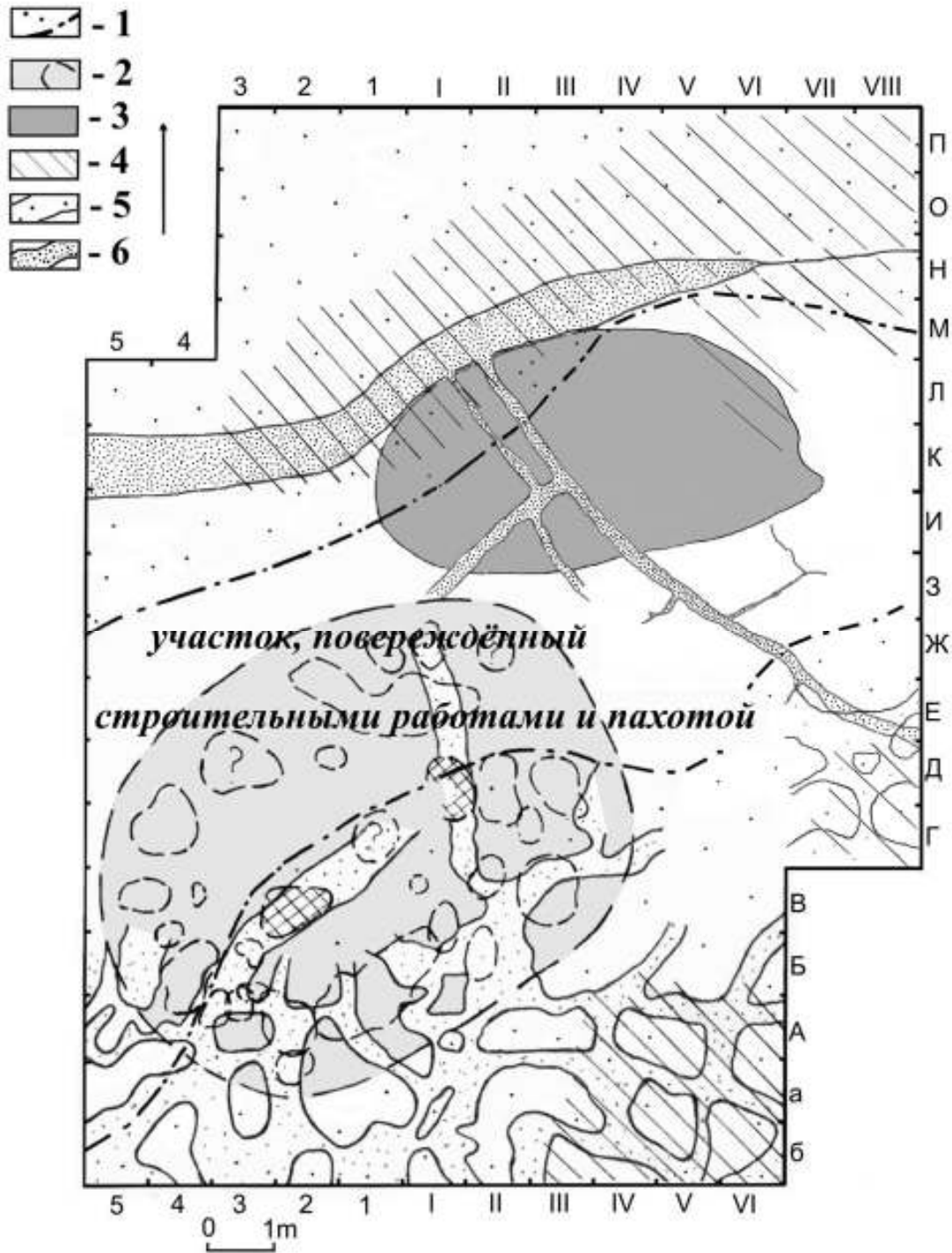

Рис. 3. План расположения культурных слоёв стоянки Быки-7:

1 — Ia культурный слой; 2 — I культурный слой с искусственными объектами; 3 — II культурный слой; 4 — наиболее насыщенные участки Ia к/с; 5 — мерзлотные трещины II генерации; 6 — мерзлотные трещины I генерации

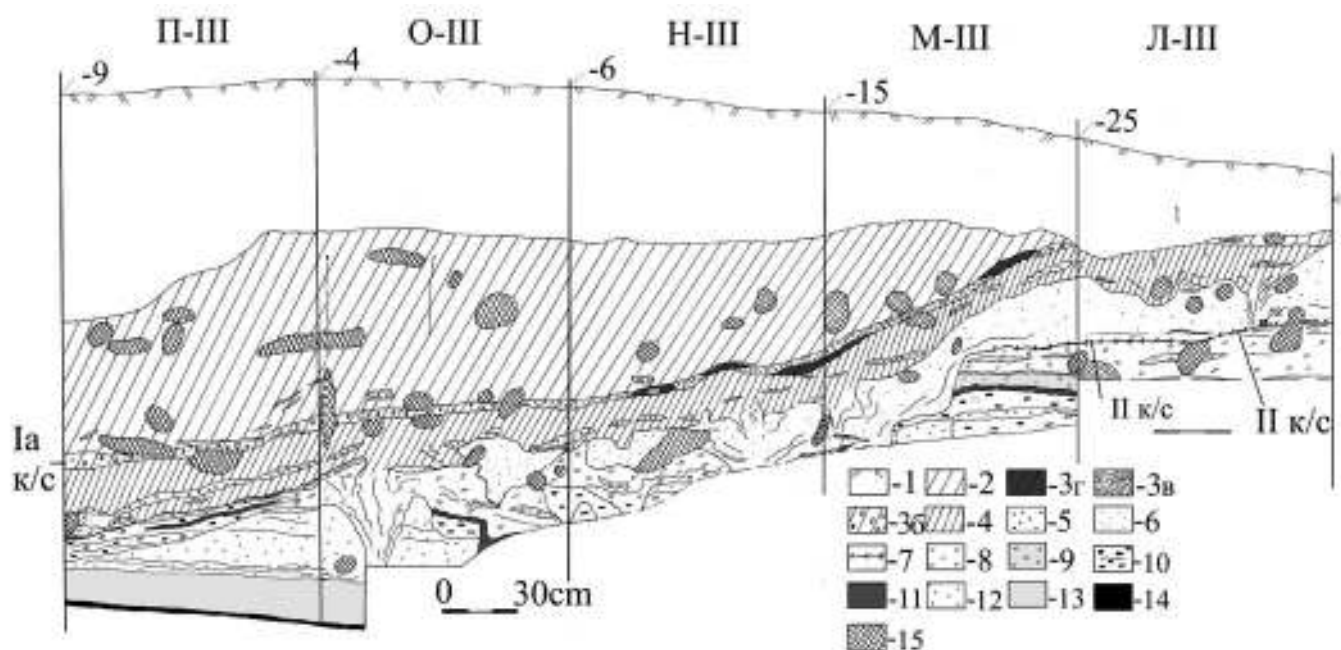
Как минимум о двух системах криогенных деформаций и разном соотношении с ними горизонтов с находками в Быках-1 упоминает А. А. Чубур: «На квадрате Л-9 после снятия золистых пятен стало заметно, что они местами уходят вглубь по полигональной сетке, частично проникающей даже в подстилающий слоистый песок...» По описанию этот уровень наиболее близок к уровню залегания находок II нижнего го-

ризонта Быков-7. Далее он пишет: «Это, на мой взгляд, иной, более поздний горизонт криодеформаций, нежели прослеженные местами в 1996—1997 гг. следы мерзлотного клина, шедшего с северо-востока на юго-запад и рассекавшего участок с полуземлянкой ещё до её сооружения и частично снятого древними обитателями при сооружении котлована» [Чубур, 2001. С. 9]. Описание соответствует выделенной нами по Быкам-7

И системе криогенных деформаций. Совпадает даже направление крупных мерзлотных жил.

В итоге проведённых в Быках работ возникла гипотеза о связи места обитания с участками крупнейшей мерзлотных деформаций на изучаемом древнем мысу и о целенаправленном использовании особенностей древнего микрорельефа для организации жилого пространства. Криогенные деформации не только создали особые условия для консервации культурных слоёв, но

и влияли на выбор первобытными группами конкретных участков для обитания. Пока это рассматривается относительно комплекса стоянок Быки. Но я не исключаю вероятности того, что это может быть верно и для многих других стоянок Посеймья. В таком случае это может оказаться весьма ценным знанием для поиска новых палеолитических местонахождений с помощью современных методов радиолокации, позволяющих фиксировать участки с деформациями.

ВОСТОЧНАЯ СТЕНКА РАСКОПА БЫКИ-7/2006 г.

Рис. 4. Разрез восточной стенки раскопа, кв. П-Л/Ш:

1 — копаная неоднородная порода, представленная тёмно-серым гумусированным материалом современной почвы, бурым суглинком; 2 — лёссовидная супесь серо-бурого цвета; 3б—г — Ia культурный слой — 0,3—0,9 м: б — серовато-бурая супесь с редкими включениями углистой массы, в — серовато-бурая супесь с включениями золисто-углистой массы (средняя концентрация), г — углисто-золистая масса; 4 — коричневатато-бурая, иногда с сизым оттенком, супесь; 5 — прослойка зеленоватато-белого песка в слое 4; 6 — серо-жёлтый мелкозернистый песок. К верхней толще на других участках приурочен I культурный слой; 7 — II культурный слой; 8 — бурые слоистые супеси и пески; 9 — слой беловато-зелёного песка; 10 — тёмно-бурые слоистые супеси; 11 — сизая окарбоначенная прослойка супеси; 12 — белый полосатый мелкозернистый песок; 13 — зеленоватый мелкозернистый песок; 14 — песок с включениями окислов марганца и железа чёрного цвета; 15 — кротовины

Предварительные геофизические исследования с помощью магнитометра и радара (работы В. Г. Бездудного) на стоянках Быки продемонстрировали возможность фиксировать, выявлять и локализовать слабые изменения магнитного поля на поверхности. Бурение при помощи почвоведческого бура и дальнейшие раскопки сезона 2008 дали возможность убедиться, что изменения магнитного поля, фиксируемые на поверхности памятника, связаны с геологическим строением подповерхностных отложений (предположительно — криогенные деформации). Это можно зафиксировать и нанести на план. В комплексе с бурением это даёт возможность уточнения стратиграфической картины сразу на значительной площади памятника без вмеша-

тельства в культурный слой при его мощности до 70 см.

Заключение

Продолжение исследовательских работ в Посеймье приводит к интересным результатам, свидетельствующим о своеобразии данного региона. Причиной этого своеобразия могла стать совокупность целого ряда факторов, включающих как особенности сложившегося здесь природно-климатического комплекса, так и, вероятно, антропогенного окружения. В данной работе были предложены к рассмотрению лишь некоторые

гипотезы, связанные в той или иной степени с расселением здесь первобытного человека.

Археологические материалы, связанные с особенностями верхнепалеолитических охотничьих хозяйств, показывают, что после 18—17 тыс. лет Посеймье заселяют достаточно мобильные группы. Мамонт постепенно утрачивает ведущую роль в первобытном охотничьем хозяйстве. Также можно отметить, что поселение человека происходило на локальных участках, обладающих определёнными палеографическими и геоморфологическими характеристиками, в полной мере ещё не изученными. Эти характеристики должны включать показатели, которые могли быть использованы в древности охотничьими коллективами, т. е. как,

например, особенности микрорельефа, так и показатели, связанные с воздействием человека на обитаемый стояночный участок. В данной работе были приведены лишь некоторые особенности локализации верхнепалеолитических поселений Посеймья. Но продолжение подобных наблюдений видится перспективным и важным направлением для поиска новых памятников и интерпретации известных.

Благодарности. Автор выражает свою благодарность палеогеографу Ю. Н. Грибченко, палеозоологу Н. Д. Буровой, В. Г. Бездуднову, работающим вместе со мной в Посеймье, а также С. Н. Алексееву, С. А. Кулакову, И. В. Федюнину, А. А. Бессуднову за необходимые консультации.

Список литературы

- Алексеев, 1987а: *Алексеев С. Н.* Исследования палеолитической стоянки Октябрьское-II // АО 1985 г. М., 1987.
- Алексеев, 1987б: *Алексеев С. Н.* Некоторые итоги разведок 1985—1986 гг. памятников палеолита на Среднерусской возвышенности // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Т. Д. М., 1987.
- Алексеев, 1988: *Алексеев С. Н.* Разведки палеолита в Курской области // АО 1986 г. М., 1988.
- Аникович, 1998: *Аникович М. В.* Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998.
- Аникович, Анисюткин, Платонова, 2011: *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы. СПб., 2011.
- Ахметгалеева, 1999: *Ахметгалеева Н. Б.* Палеолитическая стоянка Быки-5 (Курчатовский район Курской области) // Археология Центрального Черноземья и Сопредельных территорий. Липецк, 1999.
- Ахметгалеева, 2001: *Ахметгалеева Н. Б.* Четыре новых местонахождения верхнего палеолита в Курской области // АО 2000 г. М., 2001.
- Ахметгалеева, 2004а: *Ахметгалеева Н. Б.* Кремнёвый комплекс стоянки Быки-7 // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Ахметгалеева, 2004б: *Ахметгалеева Н. Б.* Комплекс стоянок каменного века Быки на Сейме // Археологический альманах. № 16. Донецк, 2004.
- Ахметгалеева, 2005: *Ахметгалеева Н. Б.* Использование кости на верхнепалеолитических стоянках комплекса Быки Курской области: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Ахметгалеева, 2009: *Ахметгалеева Н. Б.* Эволюция природных комплексов и смена типов верхнепалеолитических поселений на заключительных этапах последнего оледенения (по материалам стоянок Посеймья Быки) // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы / Отв. ред. В. П. Чабай. Археологический альманах: [Сб. ст.]. № 20. Донецк, 2009.
- Ахметгалеева, 2011: *Ахметгалеева Н. Б.* Нижний культурный слой стоянки Быки-7: проблемы и перспективы // Палеолит и мезолит Восточной Европы: Сб. ст. в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова. М., 2011.
- Ахметгалеева, 2012: *Ахметгалеева Н. Б.* Смена типов верхнепалеолитических поселений Посеймья на заключительных этапах последнего оледенения (по материалам стоянок Посеймья Быки) // Материалы и исслед. по археол. Днепро-Донского левобережья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой). Курск, 2012.
- Ахметгалеева, Бурова, 2008: *Ахметгалеева Н. Б., Бурова Н. Д.* Реконструкция функционального назначения вскрытых участков стоянки Быки-7 в Посеймье на основе зооархеологических и археологических данных // Человек. Адаптация. Культура. М., 2008.
- Бессуднов, 2011: *Бессуднов А. А.* Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
- Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., 2012: *Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А.* Позднепалеолитическая стоянка Самогоевка в бассейне Чёрной Калитвы (предварительное сообщение) // Материалы III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С. Н. Браченка. Луганськ, 2012.
- Борисковский, 1982: *Борисковский П. И.* Палеолитические стоянки на территории Курска // XI конгресс ИНКВА: Тез. докл. Т. 3. М., 1982.
- Борисковский, 1986: *Борисковский П. И.* Палеолитические стоянки на территории Курска // Бюл. комиссии по изуч. четвертич. периода. Вып. 55. 1986.
- Григорьева, Филиппов, 1978: *Григорьева Г. В., Филиппов А. К.* Пенская позднепалеолитическая стоянка // СА. 1978. № 4.
- Грищенко, 1986: *Грищенко М. Н.* О геологических условиях залегания палеолитических стоянок на территории Курска // Бюл. комиссии по изуч. четвертич. периода. Вып. 55. М., 1986.
- Тарасов, 1983: *Тарасов Л. М.* Масловка — палеолитический памятник на р. Воронеж // КСИА. 1983. № 178.
- Трусов, 2011: *Трусов А. В.* Палеолит бассейна Оки. М., 2011.
- Федюнин, 2010: *Федюнин И. В.* Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж, 2010.
- Чубур, 2001: *Чубур А. А.* Быки: Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск, 2001.
- Чубур и др., 1999: *Чубур А. А., Ахметгалеева Н. Б., Шилёв А. Г.* Свод памятников поздней поры верхнего палеолита на территории Курской области // Курский край: каменный век. Научно-популярная серия: в 20 т. Т. 1. Курск, 1999.
- Шилов, 1974: *Шилов И. И.* Геологическая карта СССР. Серия Брянско-Воронежская. М., 1974.

Архивные источники

Алексеев, 1984: *Алексеев С. Н.* Отчёт о разведке памятников палеолита отрядом Авдеевской экспедиции. Курская область. — Архив ИА РАН. Р-1, 9498. 1984.

Алексеев, 1985: *Алексеев С. Н.* Отчёт о разведке палеолитических памятников отрядом Авдеевской палеолитической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ в 1985 г. — Архив ИА РАН. Р-1, 10930 и 10930а. 1985.

Алексеев, 1986: *Алексеев С. Н.* Отчёт о раскопках верхнепалеолитической стоянки Октябрьское-II и разведках памятников палеолита отрядом Авдеевской палеолитической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ. — Архив ИА РАН. Р-1, 11759. 1986.

Беляева, 1977: *Беляева В. И.* Отчёт о полевой работе Авдеевского разведывательного отряда ЛОИА АН СССР. — Архив ИА РАН. Р-1. 6897, 6897а. С. 1—8. 1977.

Борисковский, 1963: *Борисковский П. И.* Отчёт о работе Курского палеолитического отряда. — Архив ИА РАН. Р-1. № 2788. 1963.

Борисковский, 1964: *Борисковский П. И.* Отчёт о работе Курского палеолитического отряда. — Архив ИА РАН. Р-1. № 3085. 1964.

Григорьева, 1964: *Григорьева Г. В.* Отчёт о работе Курского палеолитического отряда. — Архив ИА РАН. Р-1. 3175. С. 1—9. 1964.

В. Я. Сергин

ИА РАН, Москва

КОНТАКТ С МАМОНТАМИ — ВОЗМОЖНАЯ ОСНОВА УСПЕШНОГО ИХ ДОБЫВАНИЯ

Речь идет о восточно-европейских верхнепалеолитических поселениях с хорошо выраженной жилой структурой и массовыми скоплениями костей мамонта. Попытки объяснения этой их особенности делались со времени обнаружения первых памятников, относящихся к данному кругу. Во второй половине XX в. кости мамонтов почти не рассматривались как свидетельство поедания трупов животных, погибших по естественным причинам. Их стали считать следствием охоты или собирания на местах гибели животных. При этом палеозоологи, ранее предполагавшие использование трупов, затем в основном перешли на позицию охоты, а археологи — на позицию собирательства с допущением добывания отдельных особей. Интерес к проблеме увеличивался и особенно возрос в самые последние годы [Чубур, 2006а; 2006б; Сериков, 2007; Жермонпре и др., 2008; Питулько, 2005—2009; Аникович, 2010].

Возможным источникам костей посвящены и две мои работы [Сергин, 2001]. Наиболее важные соображения, изложенные в первой статье, сводились к следующему. Основным предметом собирательства на естественных местонахождениях фауны считаются крупные кости мамонта, использовавшиеся для сооружения жилищ. Но огромное количество таких костей обнаружено в хозяйственных ямах и на поверхности поселений. Являясь избыточными, они не могли быть результатом доставки с естественных местонахождений. Против доставки свидетельствует также раскалывание многих костей для добывания мозга. А сходная сохранность всех костей, исключая те, которые дольше других оставались обнаженными при захоронении, указывает на одинаковое происхождение костей. По-видимому, мамонты добывались человеком и, судя по наличию множества костей, не имевших значения для строительства и производства изделий и не относящихся к мясистым частям туши, это происходило вблизи поселений.

Данные и некоторые другие особенности скопления костей на поселениях вели к выводу, согласно которому промысел животных мог происходить при соблюдении ряда условий, в целом исключавших охоту в обычном понимании. Люди должны были вступать во взаимодействие с мамонтами, благодаря чему получали возможность овладевать отдельными особями.

Обратило на себя внимание также и то обстоятельство, что местонахождения естественно погибших мамонтов рассматривались, в том числе и мною, и рас-

сматриваются в литературе до сих пор как источник костей без учета тафономии этих природных памятников. До середины 90-х гг. наиболее важную информацию о естественных местонахождениях дали исследования Берелехского и Севского мамонтовых «кладбищ». Благодаря добавлению в дальнейшем большого объема сведений по местонахождениям Шестаково, Волчья Грива и Луговское, появилась возможность уяснить тафономические особенности мамонтовых «кладбищ», важные для деятельности человека. Это значительно усиливало новое представление о возможных взаимоотношениях человека с мамонтами. Как оказалось, к нему пришел и М. В. Аникович. Такое совпадение увеличивает надежду на то, что действительно нащупано явление, имевшее место в реальности.

В недавней работе, исследуя возможные источники массового накопления костей мамонта на поселениях, М. В. Аникович писал, что формирование Днепро-Донской историко-культурной области невозможно объяснить, основываясь ни на гипотезе собирательства, ни на гипотезе облавных охот [Аникович, 2010. С. 264]. Выход из противоречия виделся ему в предположении о том, что отношения между человеком и мамонтом не сводились к противостоянию охотник-дичь, а являлись определенным рода симбиозом или «мирным сосуществованием». «Если население Днепро-Донской ИКО каким-то образом помогало стадам мамонта выжить в трудные периоды, стремилось не допустить их перемещения на удаленное расстояние, а мамонты, в свою очередь, не видели в человеке исконного врага, то ситуация становится более понятной. По историко-этнографическим наблюдениям известно, что убить прирученного слона, доверяющего человеку, можно достаточно легко. Для этого надо (с помощью молота или какого-то заменяющего его орудия) вогнать животному острый, мощный клин в определенную точку в основании черепа. Так поступали погонщики боевых слонов в самых различных армиях мира — в случаях, когда животное впадало в бешенство и обращало свой гнев против солдат собственной армии...

Как „обставлялось“ умерщвление мамонтов палеолитическим сообществом, на кого из животных падал выбор и т. д., мы, конечно, не можем знать. Однако, вероятнее всего, человек умел произвести это так, чтобы не напугать и не обозлить остальное стадо. Факт остается фактом: на стоянках Днепро-Донской ИКО присутствуют кости представителей всех половозрастных групп, характерных как для семейных сообществ,

так и для стада самцов. Причем, как уже отмечалось выше, налицо и такие кости, которые не могли иметь значение ни с точки зрения пищевой ценности, ни как строительный и поделочный материал. Доставлять их со стороны, откуда-то издалека, было и тяжело и нерационально. Невольно напрашивается мысль: мамонты умерщвлялись прямо здесь, на стоянке» [Аникович, 2010. С. 264, 265]. Автор подчеркивает, что о domestikации мамонта речь, конечно, идти не может.

В моем понимании альтернативой собирательства костей является не облавная охота, а охота во всех разнообразных предполагаемых видах. Для появления третьего пути взаимосвязей с мамонтами облавная охота ввиду своей разрушительной сущности была наиболее глубоким тупиком. Положительную роль могли сыграть какие-то другие виды охоты, в том числе с использованием ловушек, о которых в последнее время писал В. В. Питулько [Питулько, 2005—2009]. Использование ловушек в меньшей мере, чем охота с колющими орудиями, могло вести к познанию образа жизни и психологии животных, а в отдельных культурах, вероятно, способствовало выработке приемов добывания, основанных на контакте с животными.

Но прежде чем изложить соображения о предполагаемых связях людей с мамонтами, необходимо обратиться к «мамонтовым кладбищам». По одному из вариантов соотношения поселений и «кладбищ», поселения размещались непосредственно на естественных местонахождениях или возле них [Громов, 1948. С. 400—404; 1974. С. 26; Соффер, 1993. С. 108; Чубур, 1998. С. 321—328]. Это могло бы отчасти объяснить как заинтересованность палеолитического человека в освоении местонахождений, так и редкость местонахождений, соответствующих поселениям по изобилию костей мамонта. Но на рассматриваемых поселениях не раскопано участков, которые могли быть остатками «кладбищ». На краю поселений, ниже по склону или в депрессиях, располагались места, использовавшиеся для разделки туш животных и других хозяйственных целей [Борисковский, 1963. С. 64—78; Шовкопляс, 1965. С. 99; Iakovleva, Djindjian, 2005. P. 7—13]. Поселения вместе с пониженной окраиной и не могли пространственно совпадать с предполагаемыми «кладбищами», так как их остатки залегают не в отложениях современной им поймы.

Севское местонахождение, расположенное на окраине г. Севска, изучено наиболее полно и наиболее ясно его контекст. В 1988—1991 гг. на древней пойме было раскопано около 800 кв. м. костеносной линзы, первоначально занимавшей около 1200 кв. м. Кости мамонтов залегают на размытой поверхности тонкозернистых песков, высланной среднезернистым песком с дресвой, галькой и отдельными валунами. Их покрывали переслаивавшиеся мелкозернистые пески, супеси, заиленные пески и суглинки. Трупы животных при высоком стоянии воды были занесены в старицу или заболоченную устьевую часть балки. Собраны остатки 33 мамонтов (3700 костей), из них 5 мамонят и 2 эмбриона. Предполагается, что погибли несколько семейных групп, совершавших кочевку. Трупы мамон-

т затянулись в западинах дна водоема, благодаря чему сохранились их скелеты. Значительная часть костей взрослых животных также находилась в анатомическом порядке и была перемешана с костями детенышей и молодых особей. Захоронение основной массы костей произошло за один сезон. Небольшое количество костей переложено в вышележащем слое.

Кроме нескольких костей с выветренностью частей, обращенных вверх, и 10—12 костей с погрызами из краевой части линзы, следов пребывания костей на открытом воздухе не было. Имелись одиночные кости лошади, оленя, быка и носорога, а в основании линзы найдены 12 кремневых пластин и отщепов, отношение которых к захоронению осталось неясным. Следов действия орудий на костях не обнаружено. Датировка местонахождения по радиоуглероду 13 680 и 13 950 лет [Лавров, 1992; Машенко, 1992].

По сравнению с поселениями, комплекс костей Севска значительно меньше. Чтобы собрать количество костей, соответствующее числу их на одном поселении, потребовалось бы несколько местонахождений, подобных Севску. Такая возможность едва ли могла представиться обитателям одного поселения. Но кроме количественной стороны вопроса имеется качественная сторона, которой не касаются, говоря о «кладбищах» как источнике костей для поселений: можно ли было воспользоваться костями, имевшимися на естественных местонахождениях? В данном случае ответ будет отрицательный. Разлагавшиеся трупы животных практически не были видны над поверхностью воды, и кости, по всей видимости, полностью оголялись от мягких тканей, будучи покрыты донными осадками. Имелись поблизости люди или нет, но комплектность костей погибших животных указывает на то, что вмешательство человека в процесс их захоронения отсутствовало.

Берелехское местонахождение, расположенное на одноименном притоке р. Индигирки, возникло в период формирования высокой поймы, ныне 12-метровой террасы. Оно исследовалось главным образом в 1970 г. на трех участках 30×15 м после обработки оплывающего склона мотопомпой. Кости залегают в слое ископаемого мерзлого дерна толщиной 50—60 см, отчасти в нижележащем иле и перекрывающих льдистых отложениях. В течение 1970, 1971 гг. сборы составили 8431 кость приблизительно от 140 мамонтов. Целое местонахождение содержало их значительно больше. Преобладали кости полувзрослых животных и самок, имелись кости утробных особей.

Предполагается, что мамонты периодически погибали на кочевом маршруте через реку, проваливаясь под лед. Часть их перемещалась полой водой в старицу, где они образовывали конгломерат трупов разной степени разложения. Отсутствуют целые скелеты и черепа с сидящими в них бивнями, что свидетельствует о перемещениях и сложных пертурбациях, которые испытывали туши и костяки животных. Небольшое количество костей, а чаще единичные кости принадлежали носорогу, бизону, пещерному льву, лошади, оленю, птицам. Найден труп и несколько костей росо-

махи. Радиоуглеродная датировка по древесине дала 11 830 лет, по бивню мамонта — 12 240 лет [Верещагин, 1977].

У нижнего по течению реки края «кладбища» обнаружены следы стоянки, находившейся в сходной стратиграфической ситуации и получившей в среднем близкие с «кладбищем» датировки [Синицын, Праслов, 1997. С. 103]. На ней собраны обломки ребер мамонта, осколки трубчатых костей, частью обожженных, и обломки бивней со следами обработки. Имелись орудия из бивня, ложила из ребер, кремнёвые изделия [Мочанов, 1977. С. 76—87]. По мнению Н. К. Верещагина, стоянка существовала после захоронения скопления костей мамонтов осадками [Верещагин, 1977. С. 47]. Ю. А. Мочанов предполагает, что люди и берелехские мамонты были современниками [Мочанов, 1977. С. 85, 86].

По количеству костей мамонта Берелехское местонахождение крупнее рассматриваемых поселений. Но накопление фаунистических материалов происходило на нем в течение неопределенного ряда эпизодов, вероятно, на протяжении десятилетий или дольше. Ро-

сомахи и других хищники оставили свидетельства своего контроля над этим источником пищи в виде погрызов. Судя по их относительной малочисленности (табл. 1), даровая добыча не была легкодоступной. Следы действий человека непосредственно на местонахождении ограничиваются насечками на двух костях: плечевой с неустановленным местоположением и обломке тазовой, встреченном на краю «кладбища». Небольшое количество обломков костей мамонта и орудий из них, как отмечено, имелось на стоянке. Вероятно, потребности людей в мамонтовых костях были невелики. Но незначительной была и возможность доставать кости, в подавляющем большинстве случаев покрытые водой в короткий летний период и замороженные в лед и грунт зимой. Если же стоянка появилась после того, как кости перешли в погребенное состояние, сборы зависели от масштабов нарушений местонахождения высокими половодьями, ручьями, оползнями и др. Работа палеозоологов в Берелехе показала, что в этом случае получить значительный комплекс костей можно лишь с использованием технических средств.

Таблица 1

Погрызенные кости мамонта

Памятник	Количество костей	Погрызенные кости	Процент	Источник
Мезин, жилище	273	28	10	Пидопличко, 1969
Юдиново, жилища 3 и 4	517	13	2,5	Жермонпре и др., 2008
Добраничевка, хоз. Яма	400	Несколько	—	Пидопличко, 1969
Берелех	8431	189	2,3	Верещагин, 1977
Севск	3700	10—12	0,3	Машенко, 1992

Местонахождение Луговское расположено в 26 км от Ханты-Мансийска. Исследовалось в 1998—2005, 2007 гг. Кости животных и изделия из камня связаны с отложениями ручья — в основном глинами, вымытыми из цоколя 1 надпойменной террасы протока Марамка. Тонкослойные отложения слоя 2 поймы ручья содержали около 1500 относительно целых костей и зубов мамонта, кости других животных и множество обломков. Среди костей был найден позвонок мамонта с пробоиной от метательного орудия, а в кровле слоя 2 — каменные орудия [Лещинский и др., 2005. С. 54—59; Лещинский, 2006. С. 33]. На части местонахождения площадью около 2500 кв. м собраны кости 31 мамонта. Они лежали перемешанными друг с другом, но компактно и на тех местах, где раньше находились целые скелеты. Найдены и фрагменты скелетов, один из них от мамонтенка. Возраст 4 животных — до года и немного больше, 11 — до 8—9 лет, остальных — от 11—12 лет и старше. Имелось 13 взрослых самок, 2 молодых и взрослый самец, 2 эмбриона. Подобный состав животных мог возникнуть в результате неизбежной гибели на протяжении длительного времени. Кроме мамонта малочисленными костями представлены не менее 6 носорогов, 2 бизона, 4 северных оленя, 3 лошади, 3 волка и более мелкие

животные [Машенко, 2004; Машенко и др., 2006. С. 25—28].

На костях мамонта обнаружены деструктивные изменения, свидетельствующие о стрессе, обусловленном минеральным голоданием животных. Обогащенные дефицитными микро- и макроэлементами глины могли восполнить им недостаток минеральных веществ. К тому же в глине благодаря высокой гигроскопичности образовывались грязевые ванны, притягательные для животных-литофагов [Лещинский, 2006]. Гибель мамонтов исследователи связывают с вязкими зыбучими свойствами хорошо обводненной стоком и родниками толщи пойменной глины. Она служила для них ловушкой [Лещинский, 2006. С. 34; Макаров, Резвый, 2008. С. 61, 62]. При исследовании местонахождения эти особенности глины проявились в чрезвычайно трудных условиях проходки шурфов и канав, которые, несмотря на крепления, были доступны для изучения не более 5—30 минут [Зенин и др., 2006. С. 52]. Увязнув, истощенные животные не могли стоять долго, падали и погребались на месте. Кости мало повреждены, относительно прочны и не потеряли коллаген. Только на трех костях имелись следы зубов грызунов. Эти факты означают, что трупы животных совсем недолго оставались на поверхности [Машенко

и др., 2006. С. 21]. В связи с этим извлечение костей из водоема являлось бы для палеолитического человека малопродуктивным, а при учете особенностей донных отложений также и опасным занятием.

Долинка, и теперь регулярно посещаемая животными, могла быть удобным местом охоты. Жертвами ее, вероятно, являлись ослабленные болезнями, травмированные и старые особи [Зенин и др., 2006. С. 52]. Охота могла проводиться вблизи поймы и на ее окраине. Изученный комплекс камня разнообразен и включает 284 изделия [Зенин и др., 2006; Макаров, Резвый, 2008]. 14 из имеющихся 18 датировок по Луговскому местонахождению находятся в диапазоне 10 210—15 420 лет [Макаров, Резвый, 2008 С. 61]. Дата каменных обломков, застрявших в позвонке мамонта, по образцу из него 13 465 лет [Зенин и др., 2006. С. 47].

Следы присутствия человека отмечены также на костях животных. 3 ребра мамонта имели насечки, возможно, от срезания мяса. Две пары бивней взрослых самцов были обрублены и обломаны вдоль края альвеол. Встретились преднамеренно расколотые и поврежденные кости 6—7 носорогов [Мащенко и др., 2006. С. 25, 32—35]. Эти факты можно соотнести со временем, когда долинка ручья только начала заполняться глинистыми осадками и еще не представляла собой природной ловушки, или с добыванием животных вблизи поймы.

Местонахождение Шестаково на р. Кие, притоке Чулыма, расположено в небольшой котловине высокого правого берега реки. На размытой поверхности раннемелового периода в ней накопилась пачка отложений, датированная от 18 040 до 25 660 лет. Пачка включает относительно не потревоженные горизонты залегания костей животных, связанные с лессовидными суглинками. В раскопках до 1992 г. зарегистрированы остатки 18 мамонтов. Возраст 11 особей определен: 4 детеныша 1—6 лет, одна особь до 13—14 лет и 6 взрослых. Встречена часть скелета эмбриона. Кости лежали вперемешку. Анатомические группы единичны. Относительно много целых костей, но их меньше, чем в Севске. В небольшом количестве собраны кости бизона, северного оленя, лошади, носорога, волка, песца, корсака и зайца. В краевой части горизонтов, наиболее насыщенных костями, обнаружены остатки стоянок. Исследователи не связывают гибель мамонтов с пребыванием человека, но кости животных использовались как топливо и сырье для изделий. Кремнёвый инвентарь небольшой, следы жилищ не отмечены.

Согласно палеогеографической реконструкции, в котловине существовал мелкий водоем, питаемый ключами и стоком с поверхности. Вода вымывала химические соединения из разломов мезозойских пород и обогащала ими осадки. Как солонец и могли посещать котловину животные. Некоторые из них, вероятно ослабленные особи, в ней же и умирали. Судя по тому, что около половины костей мамонта имели следы выветривания на стороне, обращенной вверх, водоем в значительной степени обсыхал и кости были достаточно доступны [Мащенко, 1999; Derevianko et al., 2000]. Причины того, что человек не использовал их

для жилых сооружений, могли быть разными: непригодность котловины для зимнего обитания, отсутствие надобности в костях для летних построек, особенности традиций домостроительства посетителей котловины.

По геолого-геоморфологическим условиям, геохимии пород и тафономии костных материалов Шестаково специфично. Особое место среди мамонтовых «кладбищ» занимает и Волчья Грива. Существенные черты сближают ее со всеми упомянутыми местонахождениями [Maschenko, Leshinsky, 2002]. Но в Восточной Европе нет областей, по геоморфологическим и палеогеографическим условиям сходных с Барабой, и присутствие здесь местонахождений того же генезиса и тафономии маловероятно. В отличие от этих мамонтовых «кладбищ», потенциальная встречаемость местонахождений, подобных Севскому, Берелехскому и Луговскому, не ограничена определенной областью. Это позволяет считать, что в целом они отражают основную характер и важные тафономические варианты наиболее распространенных пойменных мамонтовых «кладбищ» конца плейстоцена. Для рассматриваемого вопроса существенно сходство данных памятников природы по эффекту захоронения погибших животных — малодоступности их костей. До настоящего времени, как отмечено, мамонтовые «кладбища» рассматриваются в качестве естественных складов с изобилием костного сырья [Софер, 1993. С. 108], которое можно было использовать по мере надобности. Недостаточно внимание к тафономии «кладбищ», собственно, и дает пищу для затянувшегося спора сторонников собирательской и охотничьей гипотез.

Ввиду того что большие скопления костей мамонта на поселениях не могли возникнуть за счет извлечения костей из естественных местонахождений, кости должны были появляться благодаря промыслу животных. С самого начала изучения палеолита в литературе часто указывают на трудность и опасность охоты на мамонта. Но сложность ситуации состояла прежде всего в том, что обитатели поселения могли выставить для добывания мамонтов лишь маленькую группу взрослых охотников. Охотники должны были снизить до минимума не только риск для жизни, но и риск получить увечье, иначе община быстро теряла бы свою жизнеспособность [Сергин, 1974. С. 6; Питулько, 2005—2009. С. 291]. Едва ли это было осуществимо в многочисленных схватках со зверем с использованием колющего оружия. Другая сторона промысла должна была заключаться в таком его ведении, которое не вынуждало бы животных навсегда покидать район поселения. Повторения неудачного воздействия на животных не позволили бы людям подолгу задерживаться на хорошо оборудованных поселениях в благоприятной местности. Устойчивость промысла и обитания могли существовать, вероятно, в том случае, если животных не убивали в открытой схватке, а как бы «похищали» из стада.

Подосновой для ведения промысла могла быть близость путей передвижения мамонтов и наличие около поселений мест, часто посещаемых определенными группами животных: ценных пастбищ, не замерзавших

или длительно функционировавших родников, удобных подходов к реке и др. Наблюдения за жизнедеятельностью животных делали такие места предметом сознательного выбора для обитания. Одним из факторов, определявших территориальные предпочтения мамонтов, было наличие некоторых минеральных веществ, что уже отмечено в отношении естественных местонахождений костей мамонтов. Поглощаемый травоядными животными солонцовый грунт содержит химические элементы и соединения, необходимые для построения, функционирования и защиты организма. Чаще минеральная подпитка происходит весной и осенью в связи с физиологическим состоянием животных: линькой, беременностью, лактацией, ростом рогов, гоним [Барабаш-Никифоров, Формозов, 1963. С. 163—169; Паничев, 1998. С. 13—18]. Употребление обогащенного солями грунта известно у слонов и установлено по содержанию желудков и копролитов у мамонтов [Бгатов и др., 1989. С. 14—23].

«Солонцовой» подкормкой для разных животных, включая мамонта, служили известняки, карбонаты и другие породы в рыхлом состоянии и в виде глин и растворов. Древние отложения выходили на поверхность в речных долинах, оврагах и балках, в ландшафтном контексте которых существовали все указанные поселения. Потребность в минеральных веществах, по мнению исследователей Гонцовского поселения, является одной из возможных причин посещения мамонтами его окрестностей [Яковлева и др., 2007. С. 105]. С целью усиления привлекательности района своего обитания для мамонтов люди могли прилагать усилия по расчистке родников, улучшению доступа к ним и к грунтам, которыми пользовались животные и др.

Человек и сам производил минеральные вещества, которые могли интересовать мамонтов, — древесную золу. Известно, что ее употребляют слоны [Насимович, 1975. С. 30]. Ввиду сжигания в палеолитических кострах и очагах мамонтовых костей часть минеральной диеты могла составлять зола от костей предшествовавших жертв. Интерес мамонтов к золе мог обнаружиться по отношению их к кострищам, разжигавшимся в стороне от поселений или на их краю. Та же зола, мусор, различные отбросы вызывали в тех же местах бурный рост рудеральной растительности. Возможно, и этот своеобразный «оазис» на обедненном естественном фоне манил мамонтов к поселениям.

Слоны, в отличие от других животных, не боятся соседства крупных хищников, не покидают при их появлении удобные водопои и кормные пастбища. Они посещают интересующие их места, несмотря на присутствие хищников и других животных, лишь принятая несложные меры для защиты юных особей. Эти вполне стереотипные особенности поведения современных хоботных, не рискуя допустить большую ошибку, можно перенести и на поведение мамонтов в присутствии человека. Если люди не проявляли видимой агрессивности, мамонты могли не только безбоязненно перемещаться вблизи поселений, но и заходить на их края, чтобы воспользоваться тем, что могло их привлечь. Люди и мамонты чаще виделись, узнавали

особенности поведения друг друга и привыкали к периодическому соседству.

Подобные условия, как представляется, должны были вести к непосредственным контактам человека с мамонтами в простейшем их виде. Мамонтам могли предлагать, кладя перед ними, то, к чему они проявляли повышенный интерес. Через некоторое время возникла возможность манипулировать поведением животных. С помощью тех же средств несколько человек могли разъединять группу животных в пределах небольшого участка или отводить от нее отдельных ее членов. При многократном повторении такие действия становились привычными, не вызывавшими у животных опасений. Конечной целью было овладение намеренной особью. Сделать это требовалось так, чтобы особь оказалась мамонтам жертвой случайного стечения обстоятельств или собственной неосторожности.

Один из возможных вариантов воздействия на животных вырисовывается более ясно. В природе, окружавшей древнего человека, имелись растения, хорошо знакомые людям и животным. Это грибы. На основании изучения состава пищи шандринского, киргильского и юрибейского мамонтов по ее остаткам в желудочно-кишечном тракте установлено, что грибы входили в рацион их питания [Горлова, 1982. С. 67]. Характерно отношение к грибам оленей в тайге и тундре Северной Евразии. В грибную пору олени, по словам пастухов, «дуреют». От грибов у них пропадает основной инстинкт, заставляющий оленей держаться в стаде. Они разбредаются, чем пользуются волки. Сбить оленей в массу и управлять общим движением становится чрезвычайно трудно. Но благодаря грибам олени быстро нагуливаются [Симченко, 1993. С. 41—43].

Особое место среди грибов занимают мухоморы, использовавшиеся в повседневном обиходе и ритуальной практике многих народов. Мухоморы содержат токсины с нейротропным действием, вызывающим прежде всего нарушение деятельности центральной нервной системы. У человека симптомы отравления проявляются через 30 минут, максимум через 2 часа. Возникают приступы смеха или плача, галлюцинации, потеря сознания, расстройство пищеварения [Гарибова, Сидорова, 1997. С. 37]. Приступы сильного возбуждения сменяются моментами глубокой депрессии. Олени, наедаясь мухоморами, пьянеют и впадают в глубокий сон. Содержащиеся в грибах алкалоиды вызывают привыкание [Добкин де Риос, 1997. С. 40, 41]. Сходные реакции должны были возникать от грибов и у мамонтов. Очевидно, грибы обладают рядом свойств, которые могли быть использованы палеолитическим человеком: особой пищевой ценностью, ослабляющим действием на внутривидовые связи, приведением животных в беспомощное состояние, эффектом наркотического привыкания. Последние два признака связаны с мухоморами.

Мухоморы могли служить наиболее эффективным средством при добывании мамонтов. Давая небольшое количество грибов определенным особям, можно было вызвать у них повышенный интерес к приманке, привыкание к ней и готовность следовать за человеком, не

ощущая изоляции от группы. Для отвлечения остальных особей можно было расходувать менее ценные приманки. В день проведения охотничьего предприятия нужно было привести мамонтов к поселению и удерживать их там, пока на избранную жертву не подействует наркотик. Детеныши, находившиеся под опекой самок, видимо, не могли служить основным объектом охоты. Но если в качестве жертвы избиралась самка, имеющая детеныша, то с использованием наркотика или иного способа жертвой, должно быть, становился и детеныш.

Действие полностью или в значительной части происходило на глазах других мамонтов, благодаря чему они не могли усмотреть в его исходе чьей-либо вины. О вероятной реакции мамонтов можно судить по более острой ситуации, связанной с одним из отстрелов африканских слонов. Он производился с помощью луков, из которых стреляли шприцами с усыпляющими препаратами. Наркотизированный крупной дозой слон погибал за 30 минут, не вызывая паники в стаде [Насимович, 1975. С. 50]. Палеолитические охотники, должно быть, получали возможность овладевать добычей, не торопя события и без ущерба для себя. Мамонты не могли слишком долго задерживаться возле члена своей группы, а забить беспомощное животное было несложно.

Добывание мамонтов на основе контакта с ними должно было включать заготовку и хранение приманки. Это касалось не только грибов, но и минеральных веществ. Если в холодное время года водные источники переставали функционировать или доступ к ним слишком затруднялся, мамонтам приходилось пользоваться влагой, содержащейся в поглощаемом с растениями снеге, либо заглатывать сам снег. В снегу минеральные вещества почти отсутствуют, и длительное его потребление вызывает у растительноядных млекопитающих острое минеральное голодание и ослабление организма. Замечено, в частности, что у домашнего северного оленя кости к весне становятся крайне хрупкими [Барабаш-Никифоров, Формозов, 1963. С. 170].

Мамонты, имея роговые пластинки-копытца, не были способны отбивать и крошить мерзлую землю, подобно лошадям и оленям. Не могли они делать это и с помощью бивней [Бгатов и др., 1989. С. 29, 30]. Возможность восполнить недостаток минеральных веществ появлялась у них лишь при оттаивании почвы. Это позволяло людям использовать свои запасы для промысла мамонтов в критические периоды их жизни.

Диапазон отношений человека с мамонтом мог быть, по-видимому, многообразнее и глубже, чем принято считать. В зависимости от опыта, обстоятельств места и времени человек, несомненно, использовал разные способы добывания мамонтов, в том числе в каких-то пределах, возможно, и охоту загоном. Но получение в течение считанных лет десятков животных было связано с необходимостью соблюдения в промысле по меньшей мере трех условий: проведения его в непосредственной близости от поселения или на нём, относительной безопасности промысла для людей и минимизации пугающего эффекта в отношении животных. В связи с этим обитатели поселений должны были выработать некую систему мероприятий, в ряду которых овладение мамонтами являлось отложенным результатом. Пока мы слишком мало знаем о конкретном характере жизнедеятельности позднелитического человека, но предполагаемые в литературе способы охоты на мамонтов (имеются в виду указанные памятники) не кажутся более реалистичными. Если изложенные гипотетические соображения верны, изменения в промысле не могли не отразиться на общем строе жизни общин, в повседневном быту, мировоззрении, ритуале.

Кроме указанных поселений, в соседних регионах, а также в самой Восточной Европе известны и другие памятники с большими скоплениями костей мамонта. Они не имелись в виду в данной работе. Целесообразнее было ограничиться определенной территорией и опираться на представительную группу сходных в ряде отношений и наиболее хорошо изученных поселений.

Список литературы

- Аникович, 2010: *Аникович М. В.* Человек и мамонт в центре Русской равнины. Охота? Собирачество? Или... // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала, 2010.
- Барабаш-Никифоров, Формозов, 1963: *Барабаш-Никифоров И. И., Формозов А. Н.* Териология. М., 1963.
- Бгатов и др., 1989: *Бгатов В. И., Лазарев П. А., Спешилова М. А.* Литофагия и мамонтовая фауна. Якутск, 1989.
- Борисковский, 1963: *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. М.; Л., 1963.
- Верещагин, 1977: *Верещагин Н. К.* Берелехское «кладбище» мамонтов // Труды ЗИН РАН. 1977. № 72.
- Гарибова, Сидорова, 1997: *Гарибова Л., Сидорова И.* Грибы. Энциклопедия природы России. М., 1997.
- Горлова, 1982: *Горлова Р. Н.* Палеобиогеоценозы Сибири в районе находок трупов мамонтов // Междунар. союз по изуч. четвертич. периода. XI конгресс, Москва, 1982 г. Т. 2. М., 1982.
- Громов, 1948: *Громов В. И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). М., 1948.
- Громов, 1974: *Громов В. И.* Поисковые критерии и прогнозы в палеолите // Первобытный человек и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- Добкин де Риос, 1997: *Добкин де Риос М.* Растительные галлюциногены. М., 1997.
- Жермонпре и др., 2008: *Жермонпре М., Саблин М. В., Хлопачев Г. А., Григорьева Г. В.* Палеолитическая стоянка Юдиново: свидетельства в пользу гипотезы охоты на мамонтов // Хронология, периодизация и культурные связи в каменном веке. Зяматнинский сборник. Вып. 1. СПб., 2008.
- Зенин и др., 2006: *Зенин В. Н., Лецинский С. В., Золотарев К. В., Грутес П. М., Надо М. Х.* Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // АЭАЕ. 2006. № 1 (25).

- Лавров, 1992: *Лавров А. В.* Строение и формирование костеносного горизонта Севского местонахождения мамонтов // Труды ЗИН РАН. 1992. № 246.
- Лещинский, 2006: *Лещинский С. В.* Палеоэкологические исследования, тафономия и генезис местонахождения Луговское // АЭАЕ. 2006. № 1 (25).
- Лещинский и др., 2006: *Лещинский С. В., Мащенко Е. Н., Пономарева Е. А., Орлова Л. А., Бурканова Е. М., Коновалова В. А., Тетерина И. И., Гевля К. М.* Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское (2002—2004 годы) // АЭАЕ. 2006. № 1 (25).
- Макаров, Резвый, 2008: *Макаров С. С., Резвый А. С.* Предварительные результаты полевых исследований на стоянке Луговское в 2007 году // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного освоения: опыт, проблемы, решения. Ханты-Мансийск, 2008.
- Мащенко, 1992: *Мащенко Е. Н.* Структура стада мамонтов из Севского позднплейстоценового местонахождения // Труды ЗИН РАН. 1992. № 246.
- Мащенко, 2004: *Мащенко Е. Н.* Луговское: «кладбище» мамонтов и стоянка человека // Химия и жизнь. 2004. № 2.
- Мащенко и др., 2006: *Мащенко Е. Н., Шубина Ю. В., Телегина С. Н.* Луговское: пейзаж на фоне ледников. Ханты-Мансийск, 2006.
- Мочанов, 1977: *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
- Насимович, 1975: *Насимович А. А.* Африканский слон. М., 1975.
- Паничев, 1998: *Паничев А. М.* Литофагия у животных и человека: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Владивосток, 1998.
- Пидопличко, 1969: *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.
- Питулько, 2005—2009: *Питулько В. В.* О ловле мамонтов и не только // *Stratum plus*. № 1. 2005—2009.
- Сериков, 2007: *Сериков Ю. Б.* К вопросу об охоте на мамонтов // Уфимский археологический вестник. Вып. 6—7. Уфа, 2007.
- Сергин, 1974: *Сергин В. Я.* О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях // СА. 1974. № 1.
- Сергин, 2001: *Сергин В. Я.* Охота и собирательство как источник поступления костей мамонта на позднепалеолитические поселения центра Русской равнины // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. М., 2001.
- Симченко, 1993: *Симченко Ю. Б.* Обычная и шаманская жизнь. Этнографические очерки. М., 1993.
- Синицын, Праслов, 1997: *Синицын А. А., Праслов Н. Д. (ред.)*. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.
- Софер, 1993: *Софер О.* Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы экологии древних обществ. М., 1993.
- Чубур, 1998: *Чубур А. А.* Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в осташковское время // Восточный вестник. М., 1998.
- Чубур, 2006а: *Чубур А. А.* Эксплуатация мамонтовых «кладбищ» как элемент адаптации палеолитического человека к природным условиям эпохи экстремальных затоплений // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны. Материалы Междунар. симпозиума. Ростов-на-Дону, 2006.
- Чубур, 2006б: *Чубур А. А.* Собирательство в палеолите бассейна Десны // Русский сборник. Брянск, 2006.
- Шовкопляс, 2006: *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965.
- Яковлева и др., 2007: *Яковлева Л. А., Джинджян Ф., Мащенко Е. Н.* Костеносный слой верхнепалеолитической стоянки Гонцы (Украина): последние результаты раскопок 2004—2006 годов // IV Междунар. мамонтовая конф. Якутск, 18—22 июня 2007 года. Якутск, 2007.
- Derevianko et al., 2002: *Derevianko A. P., Zenin V. N., Leshchinskiy S. V., Mashchenko E. N.* Peculiarities of mammoth accumulation at Shestakovo site in West Siberia // *Archaeology, Ethnology, Anthropology of Eurasia*. 2002. № 3 (3).
- Maschenko, Leshinsky, 2002: *Maschenko E., Leshinsky S.* Age profile and morphology of mammothus primigenius in the Volchya Griva locality // *Pliocene and Pleistocene of the Southern Urals region*. Ufa, 2002.
- Iakovleva, Djindjian, 2005: *Iakovleva L., Djindjian F.* Le site paleolithique de Gontsy (Ukraine) et les sites a cabanes en os mammoths du paleolithique superieur recent d Europe orientale. Kiev, 2005.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ УРАЛА, СИБИРИ И НОВОГО СВЕТА

Ю. Б. Сериков

Государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОРНОГО ХРУСТАЛЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ УРАЛА

Хрусталь — это прозрачная разновидность кристаллов кварца. По цвету горный хрусталь разделяют на несколько разновидностей: собственно горный хрусталь — бесцветный; аметист — фиолетовый; раухтопаз (дымчатый кварц) — дымчато-бурый; морион — чёрный; цитрин — светло-жёлтый; празем — зелёный. Наиболее распространён в природе бесцветный горный хрусталь. Встречается он в хрусталеносных гнёздах в пегматитах, в гидротермальных кварцевых жилах, в жилах альпийского типа, а также в россыпях [Емлин и др., 1988. С. 26—31].

В виде кристаллов и галек горный хрусталь на Урале распространён достаточно широко, поэтому он не мог остаться незамеченным древними людьми. Первые свидетельства об использовании горного хрусталя зафиксированы на стоянке Заозерье около 35 тыс. лет назад.

Обычно горный хрусталь в верхнепалеолитических комплексах представлен единичными и невыразительными изделиями: отщепами, осколками, расколотыми гальками. Видимо, именно поэтому при характеристике комплексов каменных изделий исследователи не дают детального описания хрустальных предметов, ограничиваясь лишь упоминанием об их присутствии.

На Среднем Урале большая часть хрустальных палеолитических комплексов связана с рекой Чусовой. И это немного удивляет. За 15 лет исследований автором для выяснения источников минерального сырья детально были исследованы все галечники р. Чусовой в среднем ее течении на протяжении 200 км от с. Усть-Утка до г. Чусового. И за все это время удалось найти только одну хрустальную гальку. Вероятно, в нижнем течении реки выходов хрусталя было больше.

Стоянка Заозерье расположена в нижнем течении Чусовой, в настоящее время затопленном водами Камского водохранилища. Памятник относится к началу верхнего палеолита и датируется в интервале 33 150—35 140 лет со средним значением в 33 900 лет [Павлов, 2009. С. 5]. Из 1810 каменных изделий 1% (т. е. 18 экз.) изготовлены из горного хрусталя. Детального описания хрустальных изделий не приводится, лишь упоминается о нескольких мелких скребках, выполненных на отщепках горного хрусталя [Павлов, 2009.

С. 10, 12]. Видимо, остальные изделия представлены простыми отщепами.

Наиболее крупный комплекс хрустальных изделий выявлен на стоянке Талицкого, которая также находится в нижнем течении р. Чусовой (Верхнегородской р-н Пермского края). Единственная радиоуглеродная дата относит памятник к 17-му тыс. до н. э. (18 700 ± 200 (ГИН-1907)). Комплекс каменных изделий составляет около 5 тыс. экз. Однако по поводу количества изделий из хрусталя здесь существуют некоторые разночтения. По данным О. Н. Бадера, хрустальный комплекс содержит 101 изделие [Бадер, 1953. С. 38], а по данным Т. И. Щербаковой — 94 [Щербакова, 1994. С. 25]. О. Н. Бадер отмечает наличие в коллекции нуклеуса, резца, скребков, ножевидных пластин, вкладышей и отщепов [Бадер, 1953. С. 38]. Работа Т. И. Щербаковой отличается детальной характеристикой каменных изделий, в том числе и хрустального комплекса. Прежде всего она подчеркивает, что в коллекции нет ни одного нуклеуса из горного хрусталя, хотя продукты их обработки присутствуют. И приводит подробные данные о продуктах расщепления, среди которых выделяет: обломки, осколки (27 экз.), сколы подправки (полупервичные — 4 экз., боковые — 1 экз., поперечные — 1 экз. и бессистемные — 3 экз.), отщепы (12 экз.) и пластины (6 экз.). Здесь же указаны размеры хрустальных изделий. Обычно их длина не превышает 3 см, хотя одна пластина имеет длину 8,2 см [Щербакова, 1994. С. 33—36]. Об остальных 40 изделиях у Т. И. Щербаковой сведений нет. Но, судя по всему, эти 40 изделий должны представлять орудийный комплекс: скребки, долотовидные изделия, пластины и отщепы с краевой ретушью. Необходимо отметить, что горный хрусталь представлен на стоянке только галечным материалом.

Недалеко от стоянки Талицкого находится стоянка Горная Талица (Добрянский р-н Пермского края). Её комплекс содержит 2700 каменных изделий и относится к финальному палеолиту. Среди находок авторы исследования называют изделия из горного хрусталя и раухтопаза, но не указывают ни типы изделий, ни их количество [Мельничук, Павлов, 1987. С. 109].

Еще один памятник располагается в среднем течении р. Чусовой, в горной части Среднего Урала. Это

грот у камня Котёл на границе Пермского края и Свердловской области (Пригородный р-н Свердловской обл.). Палеолитический слой имеет радиоуглеродную дату — 13 245 ±65 (ОхА-10921). В слое вместе с костями плейстоценовых животных найдено четыре каменных изделия. Среди них — одноплощадочный нуклеус, изготовленный из достаточно крупной гальки чистого горного хрусталя. Высота нуклеуса составляет 4,6 см, размеры ударной площадки — 4,0×3,5 см. Обработан он только с одной стороны, на плоскости скалывания насчитывается 6 негативов сколов. Это самый крупный из известных автору хрустальных нуклеусов [Сериков, 2009. С. 126—127].

Среди сборов (около 150 изделий) на Драчевском палеолитическом местонахождении на берегу Воткинского водохранилища (Осинский р-н Пермского края) выявлено несколько ножевидных пластин и отщепов из горного хрусталя [Мельничук, Мокрушин, 1987. С. 193]. Также из хрусталя изготовлены пренуклеус и скребок из удлиненного отщепы [Мельничук, Павлов, 1985. С. 10]. Сохранившаяся на изделиях корка свидетельствует, что исходным сырьем служили речные гальки.

Несколько изделий, выполненных из небольших галек горного хрусталя, происходят из пятитысячной коллекции подъемного материала со стоянки Широново II, расположенной на берегу Камского водохранилища (Ильинский р-н Пермского края) [Макаров, Павлов, 2007. С. 9].

Единичные изделия из горного хрусталя зафиксированы в двух южноуральских пещерах с палеолитическими рисунками. Комплекс каменных изделий в Каповой пещере уже превышает 200 экз. По древесному углю он имеет две радиоуглеродные даты — 13 930 ±300 (ГИН-4853) и 14 680 ±150 (ЛЕ-3443). Детальное описание хрустальных находок в Каповой пещере (Шульган-Таш) на р. Белой в Башкортостане отсутствует, отмечается только, что часть изделий изготовлены из таких редких пород камня, как лидит и горный хрусталь [Щелинский, 1996. С. 14]. По устному сообщению В. Г. Котова, в коллекции каменных изделий присутствуют хрустальные пластинка и галечка.

Игнатьевская пещера имеет серию радиоуглеродных дат от 10 400 ±465 (СОАН-2468) до 14 240 ±150 (СОАН-2209). Пять дат укладываются в пределы 13 335—14 240 лет назад. Из 1350 каменных изделий, обнаруженных в Игнатьевской пещере (Катав-Ивановский р-н Челябинской обл.), пять изготовлены из горного хрусталя. Это долотовидное орудие и четыре отщепы. Исходным сырьем для их изготовления служила галька [Петрин, 1992. С. 116—117, 130].

В полуторатысячной коллекции каменных изделий верхнепалеолитической стоянки Сергеевка (Мелеузовский р-н Башкортостана) выявлено два отщепы из хрусталя и скребок из раухтопаза [Гимранов и др., 2012. С. 24—28].

Наиболее интересным палеолитическим памятником, на котором использовался горный хрусталь, бесспорно, являются Большие Аллаки II. Памятник находится на юго-восточном берегу одноименного озера в

Каслинском р-не Челябинской обл. Связан он с так называемыми «Каменными палатками» — скальными выходами высотой до 8 м. На скалах зафиксированы две писаницы, под которыми обнаружен культурный слой с остатками культового характера. Находки (микрореплики-вкладыши, каменные и бронзовые накопечники стрел, медное копье, медный птицевидный идол, фрагменты керамики и др.) датируются в широком хронологическом диапазоне от мезолита до средневековья. Все это позволило В. Н. Чернецову рассматривать данный комплекс как древнее долго функционирующее культовое место [Чернецов, 1971. С. 43—47].

Ниже этого слоя совершенно неожиданно был зафиксирован еще один горизонт, который содержал находки эпохи палеолита (дата — 24 760 ±1095 (СОАН-2213): угольки, сильно минерализованные кости дикой лошади и каменные изделия. Из 208 изделий 164 (78,85 %) изготовлены из горного хрусталя. Распределяются они следующим образом: нуклеидные куски — 9, ножевидные пластины — 12, пластинчатые сколы — 11, орудия — 13, отщепы — 119. Яркими орудиями являются только два скребка. Остальные представлены пластинами и отщепами с незначительной вторичной обработкой. Исходной формой сырья являлись друзы и гальки горного хрусталя [Жилина, Петрин, 1989. С. 46—48].

Щетки и кристаллы горного хрусталя до сих пор встречаются на берегах озера в окрестностях памятника. В 2006 г. во время его посещения автором прямо в воде было найдено несколько кристаллов и щетка хрусталя.

Учитывая необычную топографию памятника, а также наличие на «каменных палатках» культового места, функционировавшего на протяжении нескольких тысячелетий, авторы раскопок допускают, что традиция такого почитания «каменных палаток» могла начаться еще в палеолитическую эпоху [Жилина, Петрин, 1989. С. 48].

Второй палеолитический памятник со значительным хрустальным комплексом также находится на Южном Урале. Это стоянка Троицкая I на р. Уй (Троицкий р-н Челябинской обл.). На стоянке найдено 82 кости мамонта от 4 особей и 188 изделий из камня. По кости мамонта получена радиоуглеродная дата 16 300 ±300 (ИЭРЖ-165).

101 изделие (53,72 %) изготовлено из горного хрусталя (собственно, из хрусталя — 98 экз. и 3 экз. — из раухтопаза). Авторы не приводят статистических подсчетов по типам изделий из горного хрусталя, но из описания видно, что из 12 орудий 8 изготовлены из горного хрусталя. Среди них ножевидная пластинка и отщеп с краевой ретушью, многофасеточный резец и 5 скребков. При этом один скребок изготовлен из раухтопаза. Остальные изделия из горного хрусталя представлены осколками, отщепами и чешуйками. Исходной формой сырья на стоянке являлись хрустальные гальки [Широков и др., 1996. С. 3—16].

В. Ф. Петрунь, изучая применение хрусталя в первобытной технике, приходит к выводу, что даже в районах, бедных кремнем, но богатых кварцем (хруста-

лём), использование хрусталя в производственных целях носило ограниченный характер [Петрунь, 1962. С. 42—43].

Это заставляет задуматься о характере памятников, содержащих хрустальные комплексы. Сразу же необходимо отметить, что все три пещерных памятника (Капова и Игнатьевская пещеры и грот у камня Котел) являются культовыми, и функционировали они достаточно близко по времени — в пределах 13—15 тыс. лет назад. Большой интерес представляют и памятники, в которых изделия из горного хрусталя превышают 50 %: Большие Аллаки II — 78,85 % и Троицкая I — 53,72 %. Кстати, хронология стоянки Троицкая I также близка пещерным святилищам. Самый интересный памятник — Большие Аллаки II в хронологическом отношении заметно выбивается из этого ряда, но его топография и состав находок позволяют согласиться с вышеприведенной точкой зрения В. Т. Петрина.

Появление культовых памятников автор связывает с появлением на Урале постоянного населения [Сери-

ков, 2009а. С. 314]. Проведенный анализ показывает, что распространение изделий из горного хрусталя по времени совпадает с появлением палеолитических святилищ. Если учесть, что в последующие эпохи резко возрастает количество хрустальных изделий, связанных с проведением ритуалов (наконечники стрел, кремальные кремни, терочник для растирания охры, булавы, подпятник для высверливания огня), и эти изделия концентрируются в памятниках культового характера (святилищах, погребениях) [Михайлов, 1999. С. 430—431], то можно предположить, что в конце верхнего палеолита горный хрусталь местным населением стал восприниматься как сакральный минерал. А в более поздние эпохи использование изделий из горного хрусталя в обрядах и ритуалах только увеличилось, что дает возможность с полным основанием считать, что в это время уже сформировалось представление о горном хрустале как о «священном» минерале [Сериков, 2004. С. 224—232].

Список литературы

- Гимранов и др., 2012: *Гимранов Д. О., Котов В. Г., Курманов Р. Г., Румянцев М. М.* Стоянка верхнего палеолита Сергеевка 1 на реке Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. Вып. 1 (18). Пермь, 2012.
- Емлин и др., 1988: *Емлин Э. Ф., Синкевич Г. А., Якишин В. И.* Жильный кварц Урала в науке и технике. Свердловск, 1988.
- Жилина, Петрин, 1989: *Жилина И. В., Петрин В. Т.* Оригинальная индустрия из Кыштымского озёрного края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя. Свердловск, 1989.
- Макаров, Павлов, 2007: *Макаров Э. Ю., Павлов П. Ю.* Стоянка Широфаново II — новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век Европейского Севера. Сыктывкар, 2007.
- Мельничук, Мокрушин, 1987: *Мельничук А. Ф., Мокрушин В. П.* Работы на водохранилищах Пермского Приуралья // АО 1985 года. 1987.
- Мельничук, Павлов, 1985: *Мельничук А. Ф., Павлов П. Ю.* Новое палеолитическое местонахождение в Среднем Прикамье // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985.
- Мельничук, Павлов, 1987: *Мельничук А. Ф., Павлов П. Ю.* Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.
- Михайлов, 1999: *Михайлов Ю. И.* Божество «хрустального неба» в культурных традициях древнеиранского населения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск, 1999.
- Павлов, 2009: *Павлов П. Ю.* Стоянка Заозерье — памятник начальной поры верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы // РА. 2009. № 1.
- Петрин, 1992: *Петрин В. Т.* Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
- Петрунь, 1962: *Петрунь В. Ф.* О применении горного хрусталя и его аналогов в первобытной технике // СА. 1962. № 1.
- Сериков, 2004: *Сериков Ю. Б.* Сакральные свойства хрусталя // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
- Сериков, 2009: *Сериков Ю. Б.* Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009.
- Сериков, 2009а: *Сериков Ю. Б.* О времени и характере освоения пещер палеолитическим населением Урала // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918—1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвящённого 125-летию Б. Э. Петри. Иркутск, 2009.
- Чернецов, 1971: *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4/12 (2). М., 1971.
- Широков, 1996: *Широков В. Н., Косинцев П. А., Волков Р. Б.* Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Щелинский, 1996: *Щелинский В. Е.* Некоторые итоги и задачи исследования пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа, 1996.
- Щербаква, 1994: *Щербаква Т. И.* Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994.

Архивные источники

- Бадер, 1953: Бадер О. Н. Стоянка Талицкого. Оригинальная рукопись, подаренная автором Нижнетагильскому музею. — Архив Нижнетагильского музея заповедника. Ф. 2. Оп. 1. 1953.

Е. П. Рыбин, М. А. Глушенко

ИАЭТ СО РАН, Новосибирск

СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ТИП ОРУДИЙ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

Введение

Труды и идеи безвременно ушедшего от нас М. В. Аниковича имеют глубокое влияние на понимание вариативности раннего верхнего палеолита, изучение способов хозяйствования палеолитического человека, взаимодействия его с окружающей средой в Восточной Европе и, не в последнюю очередь, в Сибири, с которой Михаил Васильевич был знаком не понаслышке.

Накопление данных по возникновению и развитию верхнего палеолита в Южной Сибири и близкой к ней в физико-географическом и историко-культурном отношении Северной Монголии позволяют сделать шаги в сторону выявления региональных особенностей культур раннего верхнего палеолита, выделения внутренних этапов его развития и характера и хронологии распространения особенностей его культуры на этих территориях. Эта тематика до сих пор раскрыта недостаточно, хотя и имеет давнюю историю изучения, начиная с трудов А. П. Окладникова (1981). В конце 80—90-х гг. в трудах В. Т. Петрина и его коллег было обосновано распространение так называемого карабумовского пласта периода перехода от среднего к верхнему палеолиту. В его рамках был объединен широчайший круг индустрий (от бывшей советской Средней Азии до Северного Китая) с большим хронологическим диапазоном в 20 тыс. лет. В своей окончательной редакции определение звучало так: пласт — это межрегиональная археолого-стратиграфическая система, объединяющая в себе индустриальные комплексы памятников, не относящихся к одной «археологической культуре», но существующих в одно время в определенном регионе и обладающих принципиально общими технологическими характеристиками [Деревянко и др., 1998]. На конкретном материале была показана принципиальная общность процессов становления ранней поры верхнего палеолита региона, были определены основные проявления технологии и орудийного набора этого времени. Однако понятие карабумовского пласта настолько широко, что в него может быть включен любой археологический памятник, технология расщепления которого основывалась

на пластинчатом расщеплении и который хронологически относился к каргинскому интерстадиалу. Изучение проблематики РВП в сибирском масштабе ныне требует конкретного определения содержания культуры ранней поры верхнего палеолита южносибирского типа и распространения ее признаков на обширных территориях от Алтая до Монголии, и вероятно, Северного Китая.

Для индустрий этой территории, существующих в каргинское время, характерен известный «униформизм» технологии раскалывания, базирующейся на схожих методах утилизации плоскостных и подпризматических нуклеусов. На первый взгляд, достаточно монотонен и орудийный набор, наиболее распространенными типами орудий являются ретушированные пластины, скребки, проколки, ножи, резцы, скребла. Основным сколом-заготовкой орудий служила, как правило, пластина. В связи с ограниченностью типологического спектра орудий и значительной близостью технологий первичного расщепления, используемых индустриями раннего этапа верхнего палеолита, большое значение имеет выделение групп орудий, имеющих отчетливо своеобразную типологию и морфологию. Такого рода артефакты, которые можно называть «руководящими ископаемыми» или орудиями-маркерами или просто редкими орудиями, должны обладать: а) конкретной временной привязкой в пределах какой-либо территории; б) морфологическими признаками, уникальными для какой-либо культурно-хронологической группы памятников. Выявление специфических орудий не только позволяет внести важный элемент в характеристику технологических достижений древней культурной общности, но и предоставляет дополнительные возможности для корреляции ассамбляжей различных удаленных друг от друга памятников. Для раннего этапа верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии представляется вполне возможным выделить такие группы орудий, однако чаще всего они локализованы в пределах определенного региона. Вместе с тем имеются примеры значительно более широкого распространения специфических форм (рис. 1). Одним из наиболее ярких типов среди них могут быть признаны острия с утончением поперечного края. Обладая определенной региональной морфологической вариативностью, этот тип орудий может быть охарактеризован следующими признаками: заготовкой, как правило, служат пластины, прослеживается конвергенция

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 14-06-00163 А, 12-06-33041 мол а вед и № 13-06-12039 офи-м), а также РГНФ (проект № 14-31-01004 а1).

продольных сторон, заданная или вторичной обработкой, или естественной формой пластины (в таких случаях это остроконечные сколы с бипродольной огранкой). Поперечный край орудия обработан мелкими сколами и/или плоской ретушью (как правило чешуйчатой), формирующими насад для закрепления в составном орудии. Распространение подобных орудий уже рассматривалось в работе одного из авторов дан-

ной статьи [Рыбин, 2000]. Однако жанр той публикации (тезисы к конференции) не позволял рассмотреть проблему столь подробно, сколь она заслуживала; кроме того, за прошедшие годы, благодаря поступлению новых данных, значительно расширилась география распространения этих предметов, появились уточнения к их хронологии, появилась необходимость уточнения отдельных положений.

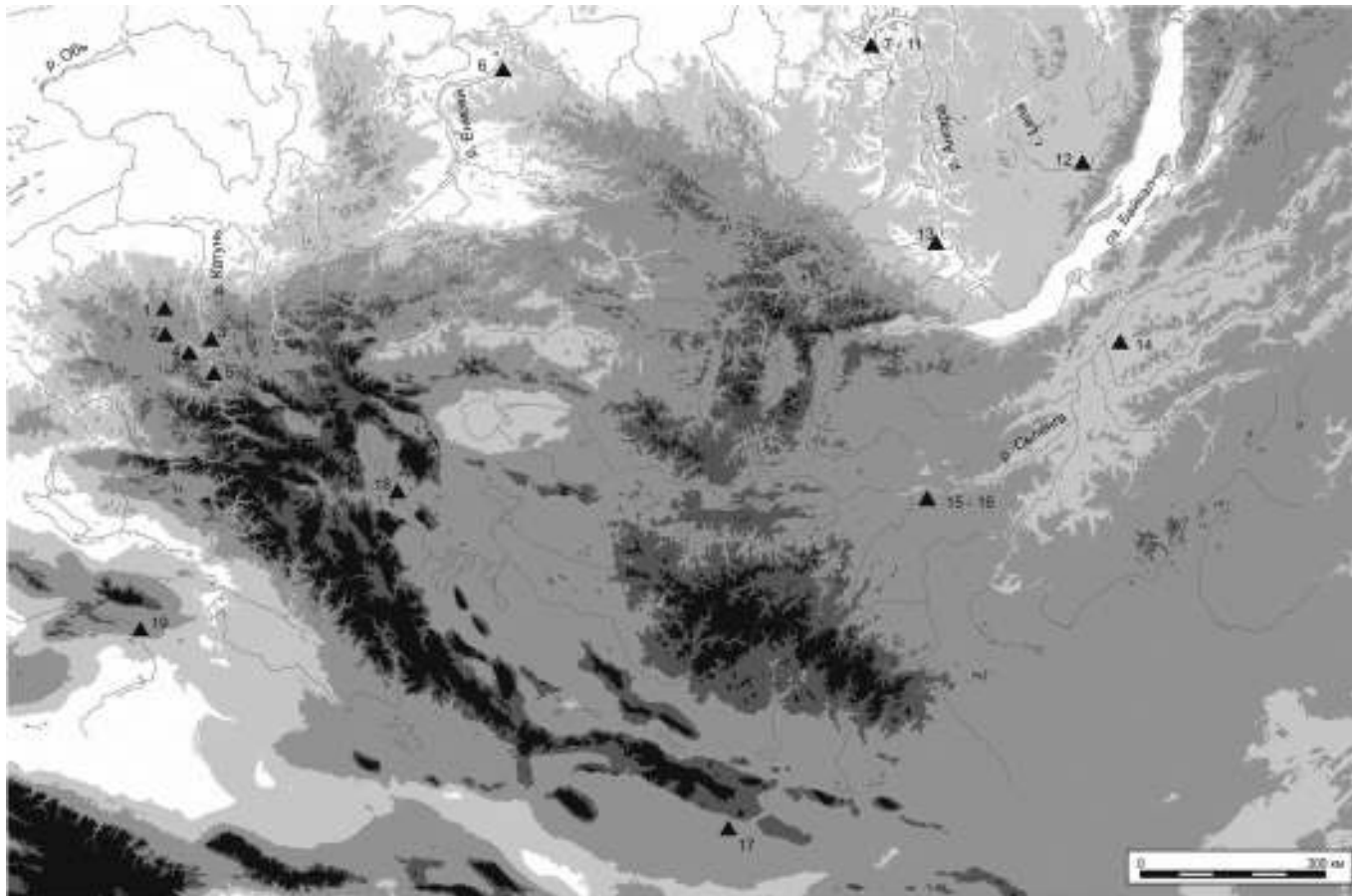

Рис. 1. Карта распределения местонахождений, комплексы которых содержат острия с утончением поперечного края:
 1 — Усть-Каракол-1; 2 — Усть-Канская пещера; 3 — Кара-Тенеш; 4 — Кара-Бом; 5 — Малояломанская пещера;
 6 — Усть-Малтат-II; 7 — Курчатовский залив; 8 — Мыс Дунайский-3; 9 — Кежма-1; 10 — Левобережный Калтук;
 11 — Леоново-1, 3; 12 — Макарово-4; 13 — Мальта; 14 — Каменка А; 15 — Толбор-4; 16 — Толбор-15; 17 — Чихэн-2;
 18 — Баян-Нур-сомон-13; 19 — Лотоши

Результатом нашей статьи мы видим определение хронологии и географического распределения специфических орудий с целью выявления возможных культурно-генетических связей и региональной вариативности комплексов начальной стадии верхнего палеолита Северной и Центральной Азии. Помимо выявления острий с уплощением поперечного края мы кратко рассмотрим основные характеристики первичного расщепления и орудийного набора в индустриях, где были встречены эти орудия, с целью выявления возможных устойчивых ассоциаций в композиции индустрий.

Хронология и географическое распространение острий с утонченным поперечным краем

Горный Алтай

Стоянка Кара-Бом

Исследование планиграфического контекста залегания каменных индустрий шести уровней обитания эпохи верхнего палеолита стоянки позволило скорректировать принятую схему членения культурных отложений стратифицированной части комплекса [Дере-

вянко и др., 1998] и выявить внутри отложений два устойчивых уровня залегания находок — верхнепалеолитический горизонт 1 (ВП1) (верхний, включающий в себя уровни обитания 1—3 и, частично, 4) и верхнепалеолитический горизонт 2 (ВП2) (нижний, включающий в себя комплексы уровней обитания 6 и 5 и нижней части уровня 4). Выявленные культурные горизонты разделены стерильной прослойкой и могут представлять собой свидетельства как двух циклов посещения стоянки, разделенных промежутком в несколько тысяч лет, так и двух этапов долговременного её заселения [Белоусова, Рыбин, 2013]. Отложения горизонта ВП2 (уровни обитания 6 и 5 и часть уровня обитания 4), залегающего субгоризонтально, подверглись минимальному смещению вдоль склона (угол наклона поверхности распределения находок составляет от 5 до 10°). Для данного культурного подразделения были получены две 14С даты, дающие радиоуглеродный возраст в 43 000 л. н. (все 14С даты, приведенные в статье, являются некалиброванными) (табл. 1).

В комплексе ВП-2 Кара-Бома было обнаружено два острия с вентральной подправкой терминала. Первое изделие изготовлено на крупной пластине (длина 100 мм, ширина 30 мм) с бипродольной параллельной огранкой. Дистальное окончание орудия обработано дорсальной чешуйчатой крутой и полукрутой ретушью, которая видоизменила контуры изделия таким образом, что они приняла остроконечную форму. На проксимальной части орудия вентральная плоскость, где размещался ударный бугорок, обработана полукрутой и крутой параллельной и чешуйчатой ретушью (рис. 2: 2). Второе изделие имеет несколько иную морфологию. Это остроконечная пластина, продольные края которой не имеют признаков вторичной обработки (длина 60 мм, ширина 25 мм). На дистальном окончании артефакта, на его вентральной плоскости, имеется негатив снятия мелкого скола, напоминающего изъяснец ударного бугорка. Однако это негатив преднамеренного снятия, так как он перекрывает плоскую чешуйчатую ретушь, от которой остался только обработанный фрагмент вентральной плоскости (рис. 1: 1).

Таблица 1

Хронология, стратиграфия и количественный состав острий с утончением поперечного края из южносибирских и монгольских каменных индустрий

Название	Литологический слой / культурный слой	14С дата / предполагаемый возраст	Количество	Сохранность	Ссылка
1	2	3	4	5	6
Горный Алтай					
Кара-Бом	сл. 5 / к. с. ВП2	43 200 ±1500 (GX-17597); 43 300 ±1600 (GX-17596)	2	целые	Деревянко и др., 1998
Усть-Каракол-1 (раскопки 1986 г.)	сл. 5 / к. с. 3 / у. о. 5.4 и 5.5	31 410 ±1160 — СОАН-2515; 29 900 ±2070 — ИГАН-837; обе даты относятся к верхней части слоя	3	проксимал — 2; ремонтал — 1	Проблемы палеоэкологии... 1998; Славинский, 2007
Кара-Тенеш	сл. 3	26 875 ±625 (СОАН-2134), 31 400 ±410 (СОАН-2486), 34 760 ±1240 (СОАН-2135), 42 165 ±4170 (СОАН-2485),	4	ремонтал — 3; проксимал — 1	Проблемы палеоэкологии... 1998
Усть-Канская пещера (раскопки Руденко)	н. д.	первая половина каргинского времени	2	целый — 1; проксимально-дистальный фрагмент — 1	Руденко, 1960
Малояломанская пещера	сл. 3, к. с. 2—3	33 350 ±1145 (СОАН-2500)	2	целые	Археология и палеоэкология... 1990
Средняя Сибирь					
Усть-Малтат-II	подъемные сборы	малохетское потепление, ок. 43—33 тыс. л. н.	3	целые — 2; проксимал — 1	Акимова и др., 2002; Акимова, Стасюк, 2007; Харевич, 2010

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
Прибайкалье					
Макарово-4	сл. 6	> 38 тыс. л. н. (АА-8878), > 38 000 л. н. (АА-8879), > 39 тыс. л. н. (АА-8880)	4	целые — 3; проксимал — 1	Goebel, Aksenov, 1995
Мальта	сл. 8	н. д.	2	целые — 2	Медведев, 1983; Абрамова, 1989; Sitlivy et al., 1997
Кежма-1	подъемные сборы	1-я половина каргинско-го вр.	2	целые — 2	Волокитин, 1982
Курчатовский залив	подъемные сборы	40 127 ±2423 (NSKA-(s391))	7	целый — 1; проксимал — 6	Глушенко, 2013
Левобережный Калтук	подъемные сборы	1-я половина каргинско-го вр.	1	дистал — 1	Волокитин, 1982
Леоново-1	подъемные сборы	1-я половина каргинско-го вр.	1	целый — 1	Волокитин, 1982
Леоново-3	подъемные сборы	1-я половина каргинско-го вр.	3	целый — 1; проксимал — 2	Волокитин, 1982
Мыс Дунайский-3	подъемные сборы	1-я половина каргинско-го вр.	1	проксимал — 1	Волокитин, 1982
Забайкалье					
Каменка А	сл. 3в	41 350 ±450 (ОхА-12117); 31 060 ±530 (СОАН-3133); 37 350 ±410/390 (GrA-5435); 35 845 ±695 (СОАН-2904); 40 500 ±3800 (АА-26743); 30 460 ±430 (СО АН-3354); 26 760 ±265 (СО АН-3353)	2	целый — 1; дистал — 1	Hughes et al. 2006; Лбова, 2000
Монголия и Джунгария					
Лотоши	н. д.	н. д.	1	проксимально-медиальный фрагмент — 1	Деревянко и др., 2011
Чихэн-2	сл. 2.5.	30 550 ±410 л. н. (АА-31870)	1	целый — 1	Деревянко, 2005; Деревянко и др., в печати
Баян-Нурсомон-13	н. д.	н. д.	1	проксимально-медиальный фрагмент — 1	Деревянко и др., 1990
Толбор-4	л. сл. 4 / к. г. 6	35 230 ±680 (АА-93141); 37 400 ±2600 (АА-79314)	3	целые — 2; проксимал — 1	Деревянко и др., 2007; 2013; Гладышев и др., 2010; 2013
Толбор-15	к. г. 7	34 340 ±210 (MAMS-14937); 33 470 ±190 (MAMS-14935); 34 010 ±200 (MAMS-14934); 33 200 ±1500 (АА-93137); 29 150 ±320 (АА-84138)	1	целый — 1	Деревянко и др., 2013; Гладышев и др., 2010; 2013; Gladyshev et al., 2012

Технология первичного расщепления комплекса ВП2 характеризуется ярко выраженной ориентацией на производство пластин. Отщепы составляют 39,3 % всех сколов, пластины — 52,1 %. Заметную роль играет

двухплощадочное встречное раскалывание. Негативы однонаправленных параллельных снятий несут около 52,5 % артефактов, в то время как бипродольную огранку дорсальной поверхности имеют около 20 % сколов.

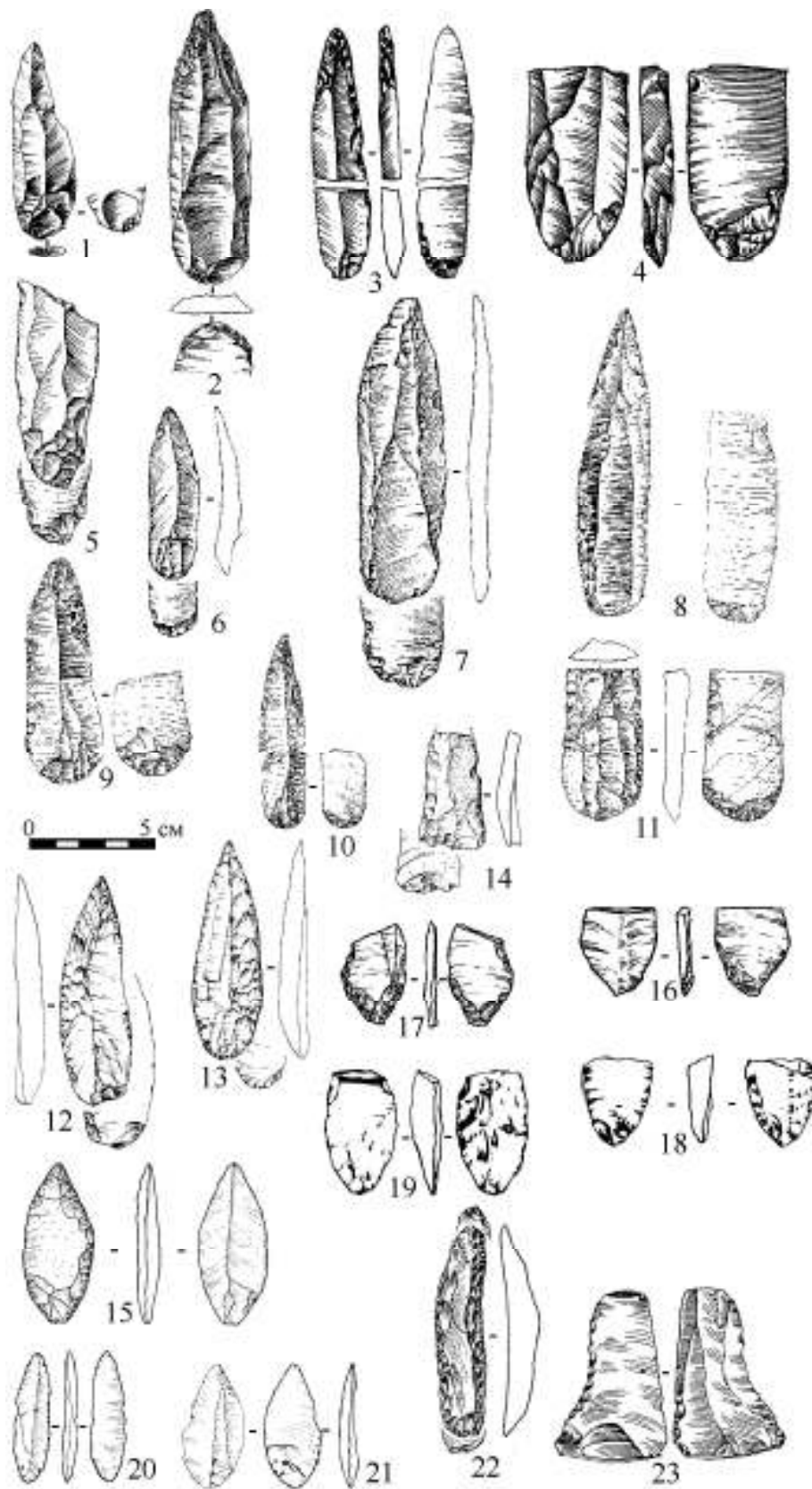

Рис. 2. Избранные острья с утончением поперечного края. Местонахождения:

1—2 — Кара-Бом (по: [Деревянко и др., 1998]); 3—5 — Усть-Каракол-1 (по: [Археология и палеоэкология... 1990]);
 6—7 — Малоляоманская пещера (по: [Археология и палеоэкология... 1990]); 8—11 — Кара-Тенеш
 (по: [Проблемы палеоэкологии... 1998]); 12—14 — Усть-Малтат-II (по: [Акимова и др., 2002; Акимова, Стасюк, 2007]);
 15—19 — Курчатровский залив (по: [Глушенко, 2013])

В связи с этим обращает на себя внимание присутствие специфических крупных остроконечных пластин-клинков со встречной огранкой. Нуклеусы характеризуются сочетанием плоскостных нуклеусов с негативами снятия крупных и средних пластин; подпризматических нуклеусов с выпуклым фронтом, нуклеусов, имеющих фронт расщепления на торце и на широком фронте. Некоторые плоскостные нуклеусы и некоторые сколы могут напоминать по своей морфологии леваллуазские нуклеусы и леваллуазские острия, однако в большинстве случаев такие предметы являлись продуктами бипродольного параллельного нелеваллуазского раскалывания. Характерной для комплекса ВП-2 формой нуклеусов являются торцовые ядрища, в том числе с негативами снятий микропластинок, по своей морфологии напоминающие многофасеточные резцы, к коим они и относились ранее [Деревянко и др., 1998]. Однако по мере накопления данных, касающихся наиболее ранних этапов верхнего палеолита Сибири, становится более очевидной их принадлежность к категории нуклеусов [Zwyns et al., 2012]. Орудийный набор комплекса сформирован зубчато-выемчатыми орудиями, концевыми скребками, ретушированными пластинами, различными формами ретушированных острий, имеются единичные листовидные и овальные бифасы.

Стоянка Усть-Каракол-1

Памятник исследовался в ходе нескольких циклов работ в 1986—1997 гг. [Деревянко и др., 1987; 2003; Деревянко, Маркин, 1990; Проблемы палеоэкологии... 1998]. При раскопках объекта в 1986 г. было выделено 10 литологических слоев. В трех стратиграфических подразделениях (сл. 2, 5, 6) были обнаружены палеолитические комплексы. Наиболее представительная коллекция была обнаружена при исследовании литологического слоя 5 мощностью от 1,2 до 1,7 м. Слой вскрывался условными горизонтами, было отмечено тяготение артефактов к средней и нижней подошве слоя. Коллекция анализировалась как единый культурный слой 3 [Проблемы палеоэкологии... 1998]. В ходе разборки средней части слоя был выявлен очаг, по образцам из которого в двух разных лабораториях были получены даты во временных рамках 29—31 тыс. л. н. [Там же. С. 114].

В результате предпринятого относительно недавно анализа планиграфии и особенностей залегания артефактов, а также серии ремонтжей в рассматривавшемся ранее как единое целое культурном слое 3 было выделено 5 уровней обитания — от уровня 5.1 (верхнего) до нижнего уровня 5.5 [Славинский, 2007]. Согласно данной схеме стратификации культурных отложений, наиболее многочисленный комплекс (318 экз. каменных артефактов) относится к уровню обитания 5.4, расположенному в нижней части отложений и, соответственно, ниже очага, из которого были получены даты.

В индустрии уровня обитания 5.4 было обнаружено два изделия с вентральной подтеской терминала. Пер-

вое ремонтажируется из двух фрагментов, это удлиненная узкая грацильная пластина (длина 90 мм, ширина 25 мм), дистальная часть которой обработана полукрутой ретушью, формирующей острие (рис. 2: 3). На проксимальном окончании изделия прослеживается двусторонняя обработка — дорсальная плоскость имеет несколько небольших сколов подправки, вентральная плоскость обработана плоской чешуйчатой ретушью, ликвидировавшей ударный бугорок. Второе орудие представлено проксимальным фрагментом широкой массивной пластины с обушком и бипродольной огранкой (длина — 70 мм, ширина — 40 мм). Характер вторичной обработки позволяет отнести этот предмет к описываемому нами типу. Дорсальная плоскость, прилегающая к ударному бугорку, обработана мелкими сколами, вентральная плоскость ретуширована мелкими удлиненными стелющимися сколами уплощения (рис. 2: 4). Также сообщается о находке одного острия с подтеской терминала в самом нижнем уровне обитания 5.5 [Славинский, 2007]. Это фрагментированное изделие, представленное проксимальным фрагментом пластины с двусторонним уплощением проксимального поперечного края (длина — 82 мм, ширина — 40 мм) [Археология и палеоэкология... 1990. С. 64] (рис. 2: 5).

Среди сколов 28,5 % занимают пластины крупных и средних пропорций, 16 % пластин имеют бипродольную параллельную огранку (уровень 5.4). В комплексе уровня 5.5 пластин насчитывается 55 %, бипродольно огранено 40 % пластин (подсчеты автора на основе данных Славинского (2007)). В составе нуклеусов преобладают подпризматические двухплощадочные и одноплощадочные нуклеусы для снятия пластин и пластинчатых отщепов, в нижнем слое представлен торцовый «нуклеус-резец» для снятия пластинок. В целом особенности технологии первичного раскалывания близки описанным нами для карабатовского комплекса ВП2. В орудийном наборе имеются листовидные и овальные бифасы, скребки на пластинах, резцы, скребла, зубчато-выемчатые формы.

Усть-Канская пещера

Памятник расположен в Канской котловине Центрального Алтая. Несмотря на несколько десятков лет исследований, он до сих пор остается во многом загадочным объектом. Первый цикл исследований, осуществлявшийся под общим руководством С. И. Руденко в 1954 г., дал стратиграфически нерасчлененную коллекцию, археологические материалы из раскопок первой половины 2000-х гг. (рук. А. В. Постнов) не опубликованы. Интерпретация археологического материала пока в основном опирается на данные анализа смешанной коллекции из раскопок Руденко [Руденко, 1960; Анисюткин, Астахов 1970; Шуньков 1990], в которой присутствует несомненный верхнепалеолитический компонент (подвеска, листовидный бифас, орудия с вентральной подтеской дистального окончания). Сообщается, что комплексы слоев 2—4, согласно новой

схеме литологических слоев пещеры, «несмотря на отсутствие микронуклеусов», включают изделия верхнепалеолитических форм вместе с выразительными продуктами леваллуазской техники [Дервянко и др., 2004. С. 91—92]. В коллекции С. И. Руденко присутствуют две крупные удлиненные остроконечные пластины с уплощенным с вентрала основанием и подправленными ретушью продольными краями.

Стоянка Кара-Тенеш

Стоянка находится в среднем течении р. Катунь. Раскопки производились в 1978—1982 гг., дополнительное рекогносцировочное исследование и описание стратиграфии объекта было произведено в 1995 г. [Проблемы палеоэкологии... 1998]. Согласно описанию стратиграфии, палеолитические находки были обнаружены в слое слоистого суглинка мощностью до 0,35 м, залегающего на глубине около 1,2 м от дневной поверхности. Разброс датировок весьма значителен — от 26 до 42 тыс. л. н. Вероятно, это связано с солифлюкционными изменениями, которым подверглись слой 3 и нижележащий слой 4 [Там же. С. 207].

В комплексе палеолитического слоя Кара-Тенеша было выделено 4 экз. острий с подтеской основания. Все они были сломаны, три изделия удалось отремонтировать, четвертый предмет представлен проксимальной частью. Орудия обладают весьма близкой морфологией. Они изготовлены на крупных пластинах правильной формы, длиной от 60 до 100 см, шириной от 25 до 30 мм, с однонаправленной и бипродольной параллельной огранкой. У тех изделий, которые сохранили дистальное окончание, можно проследить модифицирующую обработку чешуйчатой ретушью обоих параллельных краев. Проксимальное поперечное окончание обработано дорсальными мелкими сколами и вентральной плоской и полукрутой чешуйчатой ретушью, уплощающей ударный бугорок (рис. 2: 8—11).

Коллекция каменных артефактов насчитывает 1297 предметов. В составе сколов преобладают пластины и пластинчатые отщепы — 64,7%. Параллельную огранку дорсальной поверхности имеют 32,08% сколов [Проблемы палеоэкологии... 1998]. Среди нуклеусов представлены «нуклеусы леваллуазской традиции» [Там же. С. 224], представляющие собой бифронтальные плоскостные нуклеусы радиального принципа скалывания, подпризматические нуклеусы для снятия крупных пластин и торцовый нуклеус для снятия пластинок и микропластин. В составе орудийного набора представлены бифасиальные изделия, скребла и ретушированные формы на крупных, массивных пластинах, концевые скребки, острия (в том числе скошенные), шиповидные изделия.

Малояломанская пещера расположена в узком ущелье притока среднего течения Катунь. Раскапывалась в 1988 г. Было выделено четыре литологических слоя. Два культурных слоя с палеолитическими артефактами были обнаружены в литологическом слое 3 мощно-

стью от 20 до 50 см, разделяемом на два литологических горизонта, и в нижнем литологическом слое 4 мощностью 20 см. Радиоуглеродная дата 33 350 л. н. была получена по фрагментам угля из верхней части литологического слоя 3 [Археология и палеоэкология... 1990].

Каменный инвентарь немногочисленный, но выразительный. Всего было обнаружено 57 каменных артефактов, а также одна подвеска из зуба оленя [Дервянко, Рыбин, 2003]. Хотя коллекция не была разделена по слоям, сообщается, что основная часть комплекса происходит из слоя 3, где выявлено несколько очагов [Археология и палеоэкология... 1990. С. 153]. Здесь было выявлено два острия на пластинах с подтесанным основанием. Одно изготовлено на небольшой пластине (длина 60 мм, ширина 18 мм) с основанием, обработанным полукрутой параллельной ретушью, ликвидирующей ударный бугорок (рис. 2: 6). Второе орудие сделано на крупной остроконечной пластине с бипродольной параллельной огранкой (длина 115 мм, ширина 30 мм) (рис. 2: 7). Один из продольных краев имеет следы легкой ретуши, возможно утилизационного происхождения. Бугорок стесан плоской чешуйчатой ретушью.

Около четверти сколов являются пластинами. Нуклеусы отсутствуют, однако морфология предметов позволяет сделать предположение о близости технологии раскалывания из данного комплекса и такой же технологии из остальных комплексов начальной стадии верхнего палеолита Горного Алтая. Почти все сколы имеют следы вторичной обработки, тем не менее, за исключением острий и одного резца на тронкированной пластине, все они относятся к неформальным орудиям — ретушированным сколам.

Средняя Сибирь

Местонахождение Усть-Малтат-II

Памятник расположен в Средней Сибири, в Дербинском заливе, расположенном в северной части Красноярского водохранилища. Он исследовался в 1998—2007 гг. и входит в «раннюю группу» местонахождений Дербинского залива, куда, кроме него, относят местонахождения Усть-Малтат-I, Дербина-IV, V и Покровка II [Акимова и др., 2002; Акимова, Стасюк, 2007; Харевиц, 2010]. Основная масса материала происходит из размытых волноприбойной деятельностью водохранилища отложений и была собрана на пляже. Вместе с тем небольшая часть комплекса была получена при раскопках отложений, примыкающих к пляжу и оставшихся неразмытыми. Исходя из полученных при раскопках данных, можно предположить, что памятник является однослойным, находки залегали в литологических слоях 4-го и 5-го разрезов. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что артефакты, залегающие в слое и экспонированные на пляже, относятся к одному комплексу. По сумме естественнонаучных данных (фауна мелких млекопитающих и па-

линология) предполагается, что формирование этого слоя относится к малохетскому потеплению (оптимум каргинского межледниковья) — 43—33 тыс. л. н., отмечается, что среди индустрий дербинской группы комплекс Усть-Малтата-II имеет наиболее архаичный облик [Харевич, 2010].

Были обнаружены три острия с двусторонней подтеской основания. Все они происходят из подъемных сборов. Два предмета целые, изготовлены на крупных пластинах (длина 92 мм и 81 мм, ширина 23 мм и 25 мм), продольные края которых обработаны дорсальной краевой чешуйчатой многорядной крутой и полукрутой ретушью. Полукруглые основания обработаны двусторонней дорсальной и вентральной полукрутой и плоской ретушью, уплощающей насад (рис. 2: 12, 13). Один предмет фрагментирован, сохранился только насад, утонченный двусторонними мелкими сколами и ретушью (длина 48 мм, ширина 20 мм) (рис. 2: 14).

Среди сколов преобладают отщепы, пластин насчитывается 13,8 %, в то же время среди заготовок орудий пластины составляют 37,8 %. Преобладающими морфологическими типами нуклеусов на местонахождении Усть-Малтата-II являются подпризматические одноплощадочные нуклеусы с параллельной огранкой. Реже используются бипродольные нуклеусы, представлены плоскостные нуклеусы с параллельной системой огранки и радиальные нуклеусы. В орудийном наборе, помимо обычных ретушированных сколов, скребел (доля которых заметно выше, чем на алтайских памятниках) и концевых скребков на отщепе и пластинах, имеется выразительная серия листовидных и овальных бифасов [Харевич, 2010].

Прибайкалье

Стоянка Макарово-4

Расположена на правом берегу верхнего течения р. Лены в Прибайкалье. Стационарные раскопки проводились в 1975—1982 гг. В строении разреза Макарово-4 были выделены 8 литологических слоев. Палеолитический горизонт Макарово-4 заключен в пределах маломощной (3—10 см) прослойки песка — литологическом слое 6. Артефакты находятся во вторичном залегании, они спроецированы на эту поверхность, а потом перекрыты сартанскими и позднекаргинскими седиментами. Не вдаваясь здесь в дискуссию относительно геологического возраста отложений, вмещающих палеолитический комплекс местонахождения, отметим два варианта его хронологического определения. По мнению М. П. Аксенова, комплекс макаровского пласта, т. е., соответственно, и самого Макарово-4, относится к раннему и малохетскому потеплению каргинского межледниковья с последующей денудацией в конощельское время [Аксенов, 2009. С. 221]. Другая точка зрения представлена в работах Г. И. Медведева. Так как большинство артефактов имеют следы эоловой корразии слабой степени, он пред-

полагает, что видоизменение поверхности могло произойти в результате сильных ветров и условий арктической пустыни на ранних этапах муруктинского оледенения, следовательно, комплекс создавался во времена казанцевского межледниковья, 110—70 тыс. л. н. [Медведев, 2001]. Имеющиеся открытые радиоуглеродные даты ясности в определении хронологии комплекса не добавляют и могут служить лишь *terminus ante quem* периода заселения.

Согласно данным М. П. Аксенова, в комплексе Макарово-4 присутствуют два острия [Аксенов, 2009]. Первое острие изготовлено на пластине (длина 43 мм, ширина 20 мм), заостренные очертания которой заданы интенсивной крутой дорсальной параллельной и чешуйчатой ретушью, на проксимальном окончании двусторонней плоской чешуйчатой ретушью оформлен насад (рис. 2: 15). Второе изделие изготовлено из отщепы (длина 46 мм, ширина 27 мм), наложение интенсивной крутой ретуши задавало «листовидные», слегка выпуклые очертания продольным краям. На проксимальной части нанесена выемка, образующая черешок у изделия. Вентральная плоскость обработана чешуйчатой ретушью, формирующей бугорок (рис. 3: 8). Кроме того, автором данной статьи при работе с коллекцией Макарово-4 (2009) были обнаружены еще два острия. Первое изготовлено на пластине, имеющей остроконечные очертания (длина 57 мм, ширина 26 мм). Продольные края обработаны однорядной дорсальной чешуйчатой ретушью, ударный бугорок также обработан чешуйчатой ретушью. По своей морфологии изделие аналогично предметам из алтайских комплексов. Другое изделие изготовлено на пластине (длина 43 мм, ширина 33 мм), фрагментировано (утрачено дистальное окончание). Крутой ретушью заданы выпуклые очертания краев. Ударный бугорок на проксимальном основании обработан вентральной чешуйчатой плоской распространенной ретушью.

Общее количество каменных артефактов — 4119 предметов. Пластины составляют 17,4 % сколов. Значительная часть сколов (26,3 %) покрыты галечной коркой, однонаправленную параллельную огранку имеют 32,6 %, бипродольная огранка резко уступает количеству — 9,2 % (подсчеты автора). Данное наблюдение подтверждает анализ состава нуклеидных форм. На технологический облик индустрии Макарово-4 наложил свой отпечаток галечный сырьевой субстрат. В коллекции значительное количество ситуативных нуклеусов для снятия отщепов; преобладают одноплощадочные плоские нуклеусы, доля двухплощадочных ядрищ значительно меньше. Удельный вес подпризматических нуклеусов не превышает 12 %, минимально количество торцовых нуклеусов для снятия пластинок. Типологический спектр орудийного набора ограничен, высока доля ситуативных орудий, по существу, самым выразительным компонентом является представительная серия концевых скребков на пластинах. Скребла в большинстве своем не слишком тщательно оформлены, выделяется серия галечных орудий, имеются шиповидные орудия, угловые резцы, единичные бифасы.

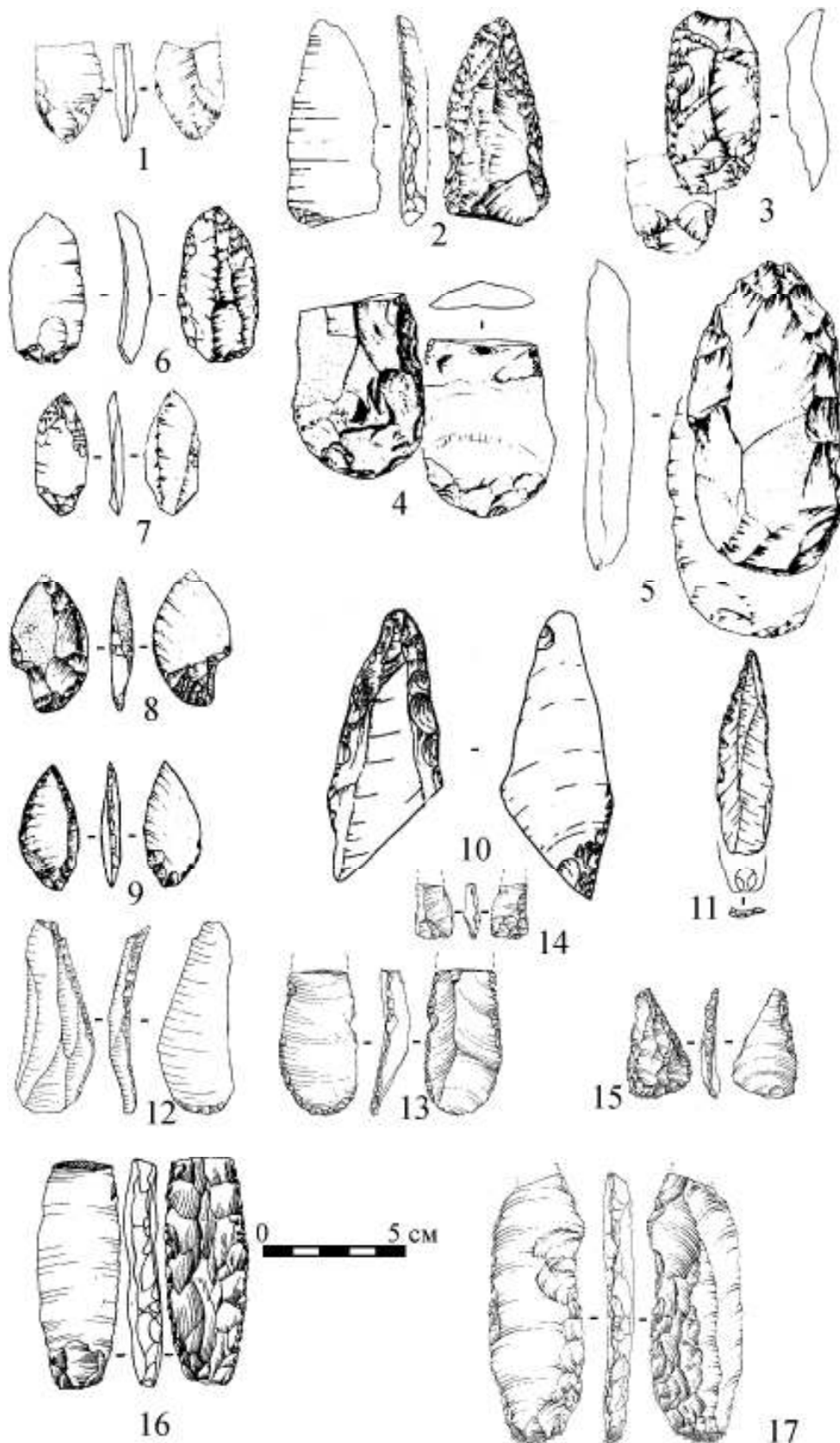

Рис. 3. Избранные острия с утончением поперечного края. Местонахождения:
 1 — Мыс Дунайский-3 (по: [Волокитин, 1982]); 2 — Левобережный Калтук (по: [Волокитин, 1982]); 3 — Леоново-1
 (по: [Волокитин, 1982]); 4—5 — Леоново-3 (по: [Волокитин, 1982]); 6—7 — Кежма-1 (по: [Волокитин, 1982]);
 8—9 — Макарово-4 (по: [Аксенов, 2009]); 10—11 — Каменка А (по: [Лбова, 2000]); 12—14 — Толбор-4
 (по: [Дервянко и др., 2013]); 15 — Толбор-15 (по: [Дервянко и др., 2013])

Памятники Братского геоархеологического района

Район расположен на юге Среднего Приангарья. Основу его составляет северная (Ангаро-Окинская) часть Братского водохранилища, являющаяся затопленной долиной рек Ангары, Оки и Ии. Северную границу района составляет Братская ГЭС, расположенная на месте Падунского порога. На юге район ограничен местом впадения р. Ии в р. Оку в окинской акватории и местом изменения течения р. Ангары с меридионального на широтное в ангарской акватории. Основные исследования берегов, размываемых деятельностью водохранилища, производились в 1970-е гг. (преимущественно осуществлялись А. В. Волокитиным) [Волокитин, 1982; 1990] и, после длительного перерыва, возобновились вновь [Глушенко, 2013]. Изделия, относящиеся к описываемой нами технологической группе, были обнаружены на 6 местонахождениях. Среди них:

Курчатовский залив

Археологический памятник находится на левом берегу Братского водохранилища в черте г. Братска, на северном побережье одноименного залива. Исследовался с 1977 по 2012 г. Археологические материалы обнаружены преимущественно в экспонированном состоянии на участке береговой отмели протяженностью 250 м. Кроме того, были проведены раскопки общей площадью 22,4 кв. м. Каменные изделия зафиксированы в слоях 3 и 4 на глубине 0,3—0,95 м. Вероятно, черные прослойки в слоях 3 и 4 представляют собой результат переотложения каргинской палеопочвы [Волокитин, 1990. С. 95]. Вместе с каменными изделиями на границе слоев 3 и 4 были найдены костные остатки лошади и бизона. В результате экспериментального радиоуглеродного датирования получена дата $40\ 127 \pm 2423$ (NSKA-(s391)) [Глушенко, 2013].

Остроконечники составляют наиболее яркую часть инвентаря Курчатовского залива (рис. 2: 15—20). Всего их было выявлено 7 экз., это наиболее многочисленная коллекция данных изделий среди всех рассмотренных нами комплексов. Все они были образованы на пластинах и имеют листовидную форму, или, в случае фрагментации, у них отмечается конвергенция сторон. У всех изделий поверхность имеет следы слабой корразии. Среди них только одно изделие целое, у остальных орудий обломано острие. Целый экземпляр имеет размеры 62×24 мм. Как правило, насад на всех изделиях оформлен на проксимальной части при помощи приема уплощения ударного бугорка чешуйчатой захватывающей ретушью, соответственно, острие оформлено на дистальном окончании. Дополнительная подработка продольных краев производилась в основном с целью придания изделиям приостренной формы. У целого остроконечника обработана только вентральная поверхность, у остальных ретушь расположена на обеих плоскостях.

Общий состав коллекции составляет 585 экз. Техника расщепления преимущественно пластинчатая. Пластины составляют 53,8 % неретушированных сколов, среди заготовок орудий их доля достигает 65,9 %. Среди пластин соотношение сколов с однонаправленной и бипродольной огранкой составляет 2:1. Основным типом ядрищ являются плоскостные одноплощадочные, реже встречаются двухплощадочные. Подпризматические и торцовые нуклеусы составляют лишь 15 % от общего состава ядрищ. Самыми распространенными типами орудийного набора являются концевые скребки и скребла в различных вариациях, остальные типы орудий, такие как резцы, представлены единичными экземплярами. Среди таких редких типов орудий представлен один листовидный бифас. В целом можно отметить, что индустрия Курчатовского залива показывает весьма значительное сходство с верхнепалеолитическим комплексом Макарово-4.

Леоново-1

Археологический памятник Леоново-1 находится на левом берегу Братского водохранилища. Исследовался в 1979—1982 гг. Археологические материалы обнаружены в экспонированном состоянии на участке береговой отмели протяженностью 100 м.

В составе коллекции имеется острие, изготовленное на пластине (длина 66 мм, ширина 34 мм). Проксимальное основание орудия обработано двусторонними мелкими сколами, ликвидировавшими ударную площадку и подготовившими насад. Продольные края орудия обработаны полукрутой чешуйчатой и параллельной ретушью, кончик острия обломан (рис. 3: 3).

Всего каменный инвентарь насчитывает 1410 экз. Каменные изделия Леоново-1 не имеют следов корразии. Среди неретушированных сколов пластинчатые формы (среди которых весомо представлены пластинки) составляют 32,6 %; 53,8 % орудий выполнены на пластинах. 69,4 % нуклеусов являются плоскостными, среди них преобладают одноплощадочные формы. Объемное раскалывание представлено подпризматическими нуклеусами (28,2 %), также преимущественно одноплощадочными. В орудийном наборе фиксируются все характерные для региона формы, такие как скребки и скребла, остроконечники на пластинах, галечные орудия. Также имеется представительная серия из шести единиц овальных и листовидных бифасов.

Леоново-3

Археологический памятник Леоново-3 находится на левом берегу Братского водохранилища, в заливе Крутая Падь Калтукского озеровидного расширения. Археологические материалы обнаружены преимущественно в экспонированном состоянии на участке береговой отмели протяженностью 200 м. В шурфе № 5 удалось обнаружить мелкий отщеп. Этот артефакт на-

ходился во вторичном залегании, в сартанских отложениях. Все артефакты некоррадированные.

Здесь были выявлены три изделия с подтеской ударного бугорка. Два предмета фрагментированы, у них утрачены дистальные окончания. Они изготовлены на крупных пластинах (длина 70 мм, ширина 35 мм и длина 64 мм, ширина 47 мм). У первого экземпляра краевой прерывистой ретушью оформлен один из маргиналов. У второго орудия захватывающей чешуйчатой ретушью произведена обработка по всему периметру, с помощью этого приема задается небольшая конвергенция латералей. Проксимальный поперечный край у обоих орудий оформлен двусторонней чешуйчатой ретушью, придающей ему полукруглые очертания (рис. 3: 4). Третье изделие обладает большими размерами (длина 112 мм, ширина 56 мм). Орудие по всему периметру обработано полукруглой ступенчатой и чешуйчатой ретушью, задающей конвергенцию краев на дистальном окончании орудия. Основание полукруглое, уплощено чешуйчатой ретушью (рис. 3: 5).

Первичное расщепление комплекса Леоново-3 демонстрирует развитую пластинчатую технику и, так же как на Леоново-1, ориентировано на получение пластин в качестве заготовок для изготовления орудий (среди неретушированных сколов пластины составляют 33 %; среди заготовок орудий — 64 %). Основным типом нуклеусов являются также плоскостные одноплощадочные формы (52 %). Доля одноплощадочных ядрищ призматической системы расщепления составляет всего лишь 18,6 %. В коллекции присутствуют радиальные, торцовые и клиновидные ядрища. В коллекции орудийного набора наиболее многочисленны разнообразные скребки. Также следует отметить присутствие скребел, ретушированных пластин, миндалевидного бифаса, унифасов, резцов, выемчатых орудий и долотовидного орудия.

Кежма-1

Археологический памятник Кежма-1 находится на правом берегу Братского водохранилища, на мысе между заливами Кежма-Волоковая и Дадарма. Исследовался в 1977—1979 гг. Археологические материалы обнаружены в экспонированном состоянии на участке береговой отмели протяженностью 1,2 км. Все артефакты некоррадированные.

В коллекции представлены два острия с уплощенным насадом. Первое орудие имеет листовидную форму. Обработанный ретушью участок локализован на центральной плоскости, дистальная и проксимальная части фасетированы полукруглой параллельной и чешуйчатой ретушью (длина 43 мм, ширина 16 мм) (рис. 3: 7). Изделие по своей морфологии идентично слабокоррадированным изделиям из Макарово-4. Второе изделие имеет прямой насад с уплощающими ударный бугорок чешуйчатыми снятиями. Острие и продольные края оформлены дорсальной краевой чешуйчатой ретушью (длина 53 мм, ширина 26 мм) (рис. 3: 6).

Коллекция малочисленна (111 экз.). Нуклеусы представлены плоскостными и объемными ядрищами. Большая их часть служила для получения отщепов. Для изготовления орудий почти в равном количестве использовались пластины и отщепы. Наиболее представительна коллекция скребел, среди которых подавляющая часть — это продольные выпуклые скребла и концевые скребки.

Мыс Дунайский-3

Археологический памятник Мыс Дунайский-3 находится на левом берегу Братского водохранилища, на северо-восточном побережье одноименного мыса. Исследовался в 1977, 2011 гг. Археологические материалы обнаружены преимущественно в экспонированном состоянии на участке береговой отмели протяженностью 920 м. Также производилась шурфовка памятника общей площадью 18 м². Каменные изделия в количестве 26 экз. зафиксированы в слое 3 на глубине 0,19—0,5 м. Залегание их в переотложенном состоянии не вызывает сомнений. Находки из шурфов и артефакты, собранные на пляже, представляют собой в основном слабокоррадированные изделия (181 экз.) и некоррадированные изделия (26 экз.).

Изделие с подтеской насада представляет собой фрагментированный лавролистный остроконечник. Сохранившийся насад обработан плоской чешуйчатой двусторонней ретушью (длина 35 мм, ширина 24 мм) (рис. 3: 1).

Техника расщепления была в большинстве случаев направлена на получение отщепов. Несмотря на это, нуклеусы с негативами снятия пластин составляют 40 % от всей коллекции ядрищ. В коллекции присутствует одно ядрище для микропластин. Самым многочисленным типом нуклеусов являются плоскостные одноплощадочные, остальная часть нуклеусов относится к призматическим, подпризматическим, ортогональным, бессистемным и торцовым типам. Соотношение отщепов и пластин в коллекции примерно 2:1. Орудия оформлены в основном на гальках, здесь имеется представительная коллекция чопперов. В орудийном наборе присутствуют овальный бифас, скребки, скребла.

Левобережный Калтук

Археологический памятник Левобережный Калтук находится на левом берегу Братского водохранилища, в полосе размыва небольшой бухты возле пос. Калтук. Исследовался в 1977—1978 гг. Археологические материалы обнаружены преимущественно в экспонированном состоянии на участке береговой отмели протяженностью 30 м. Производились раскопки общей площадью 20,5 кв. м. Каменные изделия в количестве 7 экз. зафиксированы в слое 2. В результате предварительного осмотра отложений возраст слоя 2 — 3 определен каргинским временем [Волокитин, 1982]. На-

ходки из шурфов и подъемных сборов имеют слабую степень корразии.

Изделие с подтеской насада представляет собой частично фрагментированное острие. Прием уплощения ударного бугорка выполнен вентральной чешуйчатой ретушью и дорсальной подправкой мелкими сколами. Продольные края обработаны полукрутой чешуйчатой дорсальной ретушью (длина 66 мм, ширина 34 мм) (рис. 3: 2).

Каменный инвентарь местонахождения насчитывает 114 экз. Техника расщепления пластинчатая. Соотношение отщепов и пластин в коллекции примерно 2:1. После бессистемных ядрищ самым многочисленным типом нуклеусов являются плоскостные одноплощадочные формы. Остальная часть нуклеусов представлена призматическими, подпризматическими и торцовыми разновидностями. Орудия оформлялись преимущественно на пластинах. Присутствуют скребла с утонченным обушком, один овальный бифас, угловые резцы и единственный чоппер.

Мальта

В составе классической индустрии среднего этапа верхнего палеолита была выделена группа изделий в количестве 48 предметов, поверхность которых имеет следы слабой степени корразии [Медведев, 1983; Абрамова, 1989; Sitlivy et al., 1997]. Так как состояние их поверхности резко отличается от характеристик сохранности артефактов остального комплекса, по всей видимости, они попали в состав более позднего комплекса либо в результате эрозии нижележащих культурных отложений, датруемых возрастом в 41—43 тыс. л. н., либо были собраны поздними обитателями стоянки. Среди них концевые скребки, скребла на пластинах, ретушированные пластины с подтесками и нуклеус-резец. Также имеется одно листовидное острие с подтеской основания, морфологически аналогичное изделиям из Макарово-4, и острие на удлиненной пластине, ударный бугорок которой был убран дополнительной подправкой.

Юго-Западное Забайкалье

Стоянка Каменка

Памятник располагается в Юго-Западном Забайкалье, в 58 км юго-восточнее г. Улан-Удэ. Раскопки проводились в течение 1990—1995 гг. На территории подгорного шлейфа были выделены три зоны памятника, обозначенные как А, Б и В. Разрез отложений представляет собой чередование слоистых песков. Выделено 8 литологических слоев, вскрытых на глубину 10,5 м. Археологические остатки приурочены к отложениям слоя 6, залегающего на глубине 6,6 м от дневной поверхности. Это коричневатые пески с включениями щебеночных и песчано-гравийных линз. Средняя часть слоя (6-б) сильно карбонатизирована. Палео-

литический комплекс А приурочен к нижней части слоя, ниже зоны карбонатизации на 40—50 см (6-в) [Лбова, 2000].

Разброс 14С дат для отложений, содержащих комплекс А стоянки, довольно широк, выделяются два кластера в пределах 26—31 тыс. л. н. и 35—41 тыс. л. н. Более ранние датировки были получены с помощью AMS, и, по мнению Л. В. Лбовой, с учетом суммы стратиграфических, естественно-научных и археологических данных, они кажутся предпочтительнее [Лбова, 2000].

В комплексе выявлены два острия с вентральной подтеской основания. Первое изготовлено на удлиненной остроконечной пластине со встречной ограниченной дорсальной поверхностью (длина 61 мм, ширина — 25 мм). Маргиналы в дистальной части орудия обработаны легкой краевой ретушью. Ударный бугорок снят плоским сколом и дополнительно подправлен мелкими фасетками плоской ретуши (рис. 3: 11). Другое орудие изготовлено на крупной пластине (длина 73 мм, ширина 31 мм), продольные края обработаны крутой чешуйчатой ретушью. Проксимальная часть утрачена, однако сохранился фрагмент вентральной поверхности, примыкающей к ударному бугорку и открытой плоской чешуйчатой ретушью. Данный артефакт с большой долей вероятности может быть отнесен к описываемому нами типу (рис. 3: 10).

Коллекция каменных артефактов включает 1328 экз. Наиболее представительны монофронтальные двухплощадочные нуклеусы параллельного принципа скалывания, в том числе торцовые формы и образцы, близкие по своей морфологии к «нуклеусам-резцам». Ведущим методом расщепления было нелеваллуазское подпризматическое расщепление, нацеленное на производство пластин, которые составляют 40,8 % всех сколов, среди них весомую долю составляют остроконечные пластины. Главной особенностью технологии, применявшейся в комплексе Каменка А(С), было преимущественно бипродольное расщепление, по данным Л. В. Лбовой (2000), 53 % сколов имеют бипродольную огранку. В орудийном наборе комплекса преобладают острия на пластинах, зубчато-выемчатые орудия, концевые скребки, пластины с ретушью, комбинированные орудия (представляющие собой различные сочетания преимущественно верхнепалеолитических морфологических элементов), долотовидные орудия, угловые и многофасеточные резцы.

Монголия

Толбор-4

Памятник Толбор-4 находится в Северной Монголии, в среднем течении р. Селенги. Исследовался с 2004 по 2006 г. Стоянка находится на пологом склоне делювиального шлейфа, огибаемого ручьем Их-Булаг, притоком р. Их-Тулбэрийн-Гол, в 6 км от впадения последней в р. Селенгу. В разрезе памятника было выделено 6 археологических горизонтов, залегающих непо-

средственно друг над другом, без стерильных прослоек. Общая мощность рыхлых отложений составляет более 4 м. Первые три археологических горизонта относятся к финальному палеолиту. Археологические горизонты 4, 5 и 6 относятся к раннему верхнему палеолиту [Деревянко и др., 2007]. Нижний археологический горизонт 6 имеет 14С даты в интервале 35—37 тыс. л. н. Более поздняя дата была получена по скорлупе яйца страуса, более древняя — по образцу, взятому из костяного орудия [Гладышев и др., 2010].

В комплексе горизонта 6 Толбора-4 выделены 3 острия с подтеской терминала. Первое изделие фрагментировано, сохранилось проксимальное окончание небольшой пластины, основание которой обработано двусторонней плоской ретушью, формирующей насад (рис. 3: 14). Два других изделия отличаются известным своеобразием. Они выполнены на пластинах с бипродольной огранкой, на один из продольных краев орудий накладывалась крутая и полукрутая притупляющая ретушь, один из предметов может быть охарактеризован как обладающий притупленной спинкой. Отличие от других орудий этого типа состоит в том, что насад был сформирован не на проксимальном конце изделия, обработанном уплощающей чешуйчатой и параллельной ретушью (рис. 3: 12, 13).

Общий состав коллекции насчитывает около 5000 артефактов. Доля пластин среди неретушированных сколов составляет 30 %, среди орудий она достигает 50 %. Утилизация нуклеусов в нижнем слое памятника осуществлялась в рамках леваллуазского бипродольного, а также, заметно реже, однонаправленного параллельного расщепления, отраженного в существовании двух основных техноморфологических категорий нуклеусов — плоскостных и подпризматических. Расщепление подпризматических нуклеусов было ориентировано на получение крупных, массивных пластин правильной формы, в случае бипродольного раскалывания — остроконечных пластин или сколов, напоминающих удлиненные леваллуазские острия, но технологически не являющихся таковыми. Здесь же представлены нуклеусы-резцы, аналогичные изделиям из Кара-Бомы и ряда других памятников из Южной Сибири. Орудийный набор представлен концевыми и угловыми скребками, ретушированными пластинами и зубчато-выемчатыми орудиями, орудиями с вентральной подтеской дистального окончания, остриями с притупленным краем, тронкированными остриями, бифасами (в том числе листовидными и овальными) и пластинами с черешком, выделенным ретушью [Деревянко и др., 2013].

Толбор-15

Памятник исследовался с 2007 по 2011 г. Стоянка расположена на второй террасе р. Их-Тулбэрийн-Гол в 3 км выше по течению относительно Толбора-4.

В разрезе выделено 6 литологических подразделений, в которых залегают 7 археологических горизонтов. Общая мощность рыхлых отложений, содержа-

щих археологический материал, колеблется от 2,2 м до 2,4 м. В горизонтах 5—7 зафиксирован комплекс раннего верхнего палеолита, возраст которого находится в диапазоне от 28 до 34 тыс. л. н. Наиболее молодая для горизонта 7 дата в 29 000 лет была получена из скорлупы яйца страуса, более древние — из кости [Gladyshev et al., 2012; Гладышев и др., 2013].

Орудие с подтеской ударного бугорка было выявлено в комплексе горизонта 7. Оно изготовлено на сколе с параллельной огранкой (длина 35 мм, ширина 20 мм), продольные края которого обработаны притупляющей ретушью, на основании имеются следы дорсального уплощения и остатки вентральной подтески ударного бугорка (рис. 3: 15).

В состав коллекции входит около 6000 артефактов. Верхнепалеолитические комплексы горизонта 7 стоянки Толбор-15 характеризуются теми же приемами расщепления, которые известны в комплексах Толбора-4. Здесь представлены плоскостные, подпризматические, торцовые и ортогональные нуклеусы. Доминирующим типом сколов являются отщепы, вместе с тем имеются и относительно крупные пластины. Доля пластин среди неретушированных сколов составляет 18 %. Особенностью индустрии является самая высокая среди индустрий ранней поры верхнего палеолита толборских памятников доля пластинок. Предметы (сколы и нуклеусы), имеющие следы бипродольного двухплощадочного расщепления, значительно уступают в количестве артефактам с признаками однонаправленного и ортогонального раскалывания. Здесь весомо представлены мелкие подпризматические и плоскостные нуклеусы с негативами снятий пластинок, хотя нуклеусы-резцы и отсутствуют. Орудия также близки по своей морфологии, типологическому составу и особенностям обработки изделиям из горизонта 6 Толбора-4, вместе с тем следует отметить, что доля пластин среди заготовок орудий падает и составляет 29,1 % [Деревянко и др., 2013].

Чихэн-2

Исследовался в 1996 и 2000 гг. Памятник расположен на территории Гобийского Алтая, в непосредственной близости от грота Чихэн-Агуй.

При исследовании памятника была выявлена последовательность слоев, нижняя пачка которых (от нижнего слоя 3 до слоя 2.5) содержала культурные остатки ранней поры верхнего палеолита, в то время как верхняя (слои 2.4—1) относилась к более позднему этапу верхнего палеолита. Для слоя 2.5 была получена радиоуглеродная дата 30 550 ± 410 л. н. (AA-31870) [Деревянко, 2005]. Первичное расщепление нижних слоев характеризуется плоскостными леваллуазскими нуклеусами, плоскостными однонаправленными и бипродольными, подпризматическими бипродольными и торцовыми ядрищами для снятия пластин. В составе сколов присутствуют реберчатые и остроконечные пластины. Орудийный набор сформирован концевыми и угловыми скребками, редкими скребками и резцами

и долотовидными орудиями, сколами с ретушью, остриями на пластинах (в том числе скошенными), зубчато-выемчатыми орудиями. В этом же слое представлено острие с подтеской основания, выполненное на подтреугольном сколе.

Баян-Нур-сомон-13

Этот исключительно яркий комплекс с поверхностным залеганием расположен на западе Монгольского Алтая [Деревянко и др., 1990]. В составе индустрии сколов 19 % насчитывают пластины, техника первичного расщепления характеризуется подпризматическими нуклеусами для производства пластин. Среди орудийного набора 24 % орудий представляют собой листовидные плоские удлиненные бифасы, аналогичные алтайским двусторонне обработанным орудиям из среднего и раннего верхнего палеолита, остальные орудия — это скребла (24 %) и различные острия, среди которых имеется удлиненное орудие, обработанное дорсальной ретушью по всему периметру, на основании имеются следы вентральных уплощающих сколов.

К юго-западу от хребтов Монгольского Алтая, в Синьцзян-Уйгурском Автономном округе Китая, в пределах Джунгарской котловины, находится местонахождение *Лотоши* [Деревянко и др., 2011]. Было обнаружено и исследовалось в 2004 г. Это небольшой комплекс (594 предмета) поверхностного залегания. Материалы, полученные при исследовании местонахождения, относятся к начальной стадии верхнего палеолита. Заметный отпечаток на применявшуюся древним человеком технологию наложили особенности используемого каменного сырья, на выходах которого осуществлялась человеческая деятельность, и функциональные характеристики местонахождения — мастерской, где осуществлялась деятельность по начальной утилизации нуклеусов и первичному изготовлению орудий. Состав индустрии складывается из одно- и двухплощадочных нуклеусов со следами субпараллельных снятий, нуклеусов центростремительных и подперекрестных (ортогональных). Некоторые экземпляры нуклеусов могут быть определены как леваллуазские, несколько больше подпризматических нуклеусов, формы которых имеют прямые аналогии в ранневерхнепалеолитических комплексах региона. Собственно леваллуазские снятия (отщепы и остроконечники) единичны и зачастую имеют атипичную морфологию. На общем фоне индустрий региона относительно велика доля пластин, имеющих удлиненные очертания. Представлены типы орудий, имеющих аналогии в верхнепалеолитических и «переходных» памятниках сопредельных территорий. Среди них небольшая серия полуовальных линзовидных бифасов, острий на пластинах, нуклеус-резец. Среди острий имеется изделие на пластине с утраченным дистальным окончанием и конвергенцией продольных краев, основание и прилегающий продольный край его обработаны плоской чешуйчатой ретушью.

Обсуждение

Приведенные выше данные показывают, что область распространения острий с утонченным поперечным краем примерно совпадает с регионом распространения пластинчатых индустрий РВП Южной Сибири и Северной Монголии. Всего в индустриях 20 памятников было выявлено 46 орудий, таким образом, несмотря на свое широкое распространение, данные изделия в прямом смысле являются редкими инструментами. Наиболее вероятно использование этих орудий в качестве наконечников древкового оружия, появляющегося в начале верхнего палеолита. Об этом, помимо специфической формы утонченного насада, свидетельствует и высокая степень их фрагментации. Так, из 46 учтенных орудий 25 предметов дошли до нас во фрагментированном состоянии, не считая случаев облома самого кончика острия. Это явно свидетельствует об ударном воздействии во время использования этих орудий в качестве охотничьего инструмента. В ряде случаев (например в комплексе Курчатовского залива) можно предположить, что фрагменты этих наконечников были оставлены в результате операций по обновлению и переделке охотничьего инвентаря (geogearing американских исследователей). Поселенческие особенности населения, оставившего индустрии некоторых памятников, где были встречены эти орудия, ранее определялись как относящиеся к кратковременному охотничьему лагерю (например Усть-Каракол-1, Кара-Тенеш, Малояломанская пещера) [Рыбин, Колобова, 2004].

Каковы типологические особенности этих орудий, возможно ли выявление региональной вариативности их морфологии? Первая группа орудий обладает следующими морфологическими признаками: изготавливались на крупных и средних удлиненных пластинах, чаще всего с бипродольной огранкой дорсальной поверхности. Проксимальная часть скола в большинстве случаев обработана уплощающими дорсальными сколами, после реализации снятия ударный бугорок ликвидирован вентральной плоской чешуйчатой ретушью или стелющимися мелкими сколами. Насад (расположенный на проксимальной части скола) имеет полукруглую форму. Таким образом, обработка насада имеет бифасиальный характер. Вторичная обработка продольных краев локализуется в дистальной трети изделия. Так как этими морфологическими характеристиками обладают острия из всех алтайских объектов и орудия из комплекса Усть-Малтат-II на Енисее, можно назвать эту группу алтайско-енисейской.

Согласно особенностям вторичной обработки, вторая локальная группа выделяется в среднем течении Ангары и верховьях Лены. Большинство (нефрагментированных) орудий, хотя и изготовлявшихся на пластинах, имеют более укороченные пропорции. Ретушью, также локализованной в дистальной трети орудия, на дорсальной или вентральной плоскостях изделий, задается форма, близкая к листовидной. У половины орудий вентральной или бифасиальной ретушью создается своеобразный черешок. Вместе с тем пред-

ставлены орудия, морфология которых, за исключением, как уже говорилось, более коротких пропорций, близка предметам из алтайско-енисейской группы, причем встречаются они в тех же комплексах, что и листовидные острья.

Два изделия из индустрии Каменки А в Забайкалье в целом типологически близки алтайским орудиям. В первую очередь это касается нефрагментированного изделия на остроконечной пластине, очень близкого по своему облику предмету из комплекса Кара-Бома.

Предметы из комплексов Толбора-4 и 15 из Северной Монголии также имеют свои локальные особенности. В более раннем комплексе найдены два предмета, выполненные на удлинённых пластинах с бипродольной огранкой, форма и характер вторичной обработки которых соответствуют изделиям из алтайских комплексов, за исключением того, что насад орудий образован не на проксимальном, а на дистальном крае орудий и собственно острие предмета находится на проксимале пластины. Любопытно, что этот же прием зафиксирован и на других типах орудий из коллекции гор. 6 стоянки Толбор-4, где фиксируется серия концевых скребков на пластинах, рабочий край которых выполнен на проксимальном поперечном крае. В комплексе Толбор-15 выявлено одно из самых поздних изделий этого типа, двусторонняя подвеска основания выполнена на проксимальном крае, но продольный край орудия имеет притупленную отвесной ретушью форму.

Следует отметить, что не так много артефактов имеют непротиворечивую радиоуглеродную датировку, полученную непосредственно из того литологического слоя, где они залегали. Чаще всего либо прослеживается значительный разброс дат, как в Кара-Тенеше или Каменке А, либо дата может служить лишь для определения верхнего временного порога комплекса — в том случае, если она получена из вышележащих отложений, как на Усть-Караколе-1 и в Малояломанской пещере, или характеризует заведомо вторичные контексты залегания, как в Прибайкалье. Более или менее позволяют оценить возраст погребения артефактов 14С даты из Кара-Бома (около 43 тыс. л. н.), из Толбора-4 — 35—37 тыс. л. н. и из Толбора-15 (33—34 тыс. л. н.) и Чихэна-2 (ок. 30 тыс. л. н.). Вместе с тем близкий для Кара-Бома возраст следует ожидать от нижних уровней обитания Усть-Каракола-1, залегающих значительно ниже очага, из которого были получены даты. При этом следует учитывать, что индустрия 3 к. с./уровней обитания 5.4. и 5.5. наиболее близка ассамбляжам Кара-Бома. То же самое касается и комплексов Малояломанской пещеры и Кара-Тенеша. Двигаясь дальше на восток, мы сталкиваемся с экспонированными комплексами Усть-Малтата-II, ожидаемый возраст которых, базируясь на стратиграфической ситуации артефактов, происходящих из слоя, ожидается в пределах 33—43 тыс. лет. Исходя из особенностей ассамбляжа и большей надежности методов, применявшихся при датировании образцов с помощью метода AMS, мы, вслед за Л. В. Лбовой, предполагаем возраст забайкальской Каменки А в рамках 35—40 тыс. л. н. Крайне противоречивые, как отмечалось выше, мнения суще-

ствуют по поводу возраста «макаровского пласта». Однозначно отдавая предпочтение муруктинскому возрасту появления эоловой корразии на артефактах, Г. И. Медведев и коллеги датируют изготовление этих артефактов премуруктинским возрастом, т. е. не ранее 80—90 тыс. л. н. [Медведев, 1982; 2001; Медведев, Скляревский, 1982; Когай и др., 2008; Медведев, Новосельцева, 2011; Есида и др., 2003]. При этом остается неясным, во-первых, почему предпочтение столь однозначно отдается ранним этапам муруктинского оледенения как времени эоловой обработки каменных изделий, в то время как известно несколько циклов похолодания-потепления в этом стадиале, и во-вторых, почему не принимается во внимание возможность выветривания поверхности изделий в начале каргинского интерстадиала. Согласно результатам глубинного бурения, по данным анализа обилия створок диатомовых водорослей в Байкале, вся каргинская стадия была весьма холодная, но с двумя потеплениями — около 54—51.5 и 39.1 тыс. л. н. [Swann et al., 2005]. Согласно изменениям индекса степь/лес по палинологическим данным, получается, что первая треть каргинской стадии была холодной и относительно сухой, середина — умеренно-холодной и более влажной, а финал был холодным и относительно влажным [BDP Members, 2005]. Как показывает анализ донных отложений этого же озера, здесь прослеживаются следы холодных климатических эпизодов Хайнриха 3, 4 и 5 (29—31, 38 и 45 тыс. л. н.), связанных с активизацией эоловой деятельности и сдувом рыхлых отложений в Байкал [Prokopenko et al., 2001]. Кроме того, надо учитывать, например, что некоррадируемые острья из местонахождений Леоново-1 и 3 и Кежмы являются практически точной копией коррадируемых орудий из Макарово-4 и что, исходя из логики Г. И. Медведева, они должны быть изготовлены в другое время и в совершенно другой климатической обстановке. Однако представляется крайне маловероятным сохранение традиции изготовления столь своеобразных орудий на протяжении как минимум 50 тыс. лет. Таким образом, мы присоединяемся к мнению М. П. Аксенова, исследователя стоянки Макарово-4, который предполагал возраст эпонимного объекта и, соответственно, «макаровского пласта» в пределах первой половины каргинского интерстадиала.

Суммируя наши наблюдения над хронологией, можем заключить, что существование основной массы ассамбляжей, содержащих острья с утонченным основанием, укладывается в хронологические пределы 43(45)—35 тыс. л. н., для современной ситуации с обеспеченностью периода радиометрическими измерениями это достаточно узкие хронологические рамки. Следует отметить, что прослеживается достаточно определенная пространственно-хронологическая трансгрессия в распространении этого элемента орудийного набора с запада (Горный Алтай) на восток, в Забайкалье и Монголию, где в наиболее удаленном в юго-восточном направлении памятнике Чихэн-2 фиксируется наиболее поздняя для этих изделий дата. При распространении данных комплексов с запада на восток с

определенной долей осторожности могут быть зафиксированы и промежуточные географические точки их встречаемости — в Джунгарии и Монгольском Алтае.

С данными артефактами, как показывают краткие данные по особенностям технологии раскалывания и орудийного набора, приведенные нами выше, ассоциируются индустрии, содержащие достаточно стабильный набор признаков. Первичное расщепление характеризуется нацеленностью на производство крупных и средних пластин. Доля пластин варьирует, что зависит от петрографических особенностей сырья и формы отдельностей породы, при анализе заготовок орудий отчетливо заметно, что доля пластин среди них стабильно и заметно превосходит таковую среди ретушированных сколов. Среди пластин присутствуют специфические остроконечные пластины с бипродольной огранкой, в большинстве индустрий широко представлены нуклеусы со встречными снятиями. Встречная параллельная огранка дорсальных поверхностей пластин совершенно нехарактерна для среднего палеолита Южной Сибири, она появляется на начальных этапах верхнего палеолита. Чаще всего она использовалась на начальных стадиях утилизации и в тех случаях, когда были доступны крупные отдельности сырья [Деревянко и др., 2007; Васильев, Рыбин, 2009]. Пластинок обычно немного, с их производством связаны характерные торцовые формы, иногда называемые нуклеусами-резцами [Zwysn et al., 2012]. Композиция нуклеусов характеризуется сочетанием плоскостных одноплощадочных и двухплощадочных нуклеусов (зачастую определявшихся ранее как леваллуазские) и подпризматических форм с параллельным и субпараллельным раскалыванием. Орудийный набор комплексов довольно монотонен и представлен концевыми скребками, скреблами, ретушированными сколами, немногочисленными резцами. Практически во всех комплексах имеются бифасы — овальной и листовидной формы. При этом композиция набора может меняться — где-то выше доля скребел (в Прибайкалье), где-то велика доля долотовидных орудий (Забайкалье), в Монголии и на Алтае высока доля зубчато-выемчатых форм и шиповидных орудий. Пожалуй, наиболее своеобразным выглядит прибайкальский комплекс макаровского типа, что, скорее всего, связано с крайне мозаичным и механическим принципом объединения этих артефактных композиций в рамках одних индустрий, одного хронологического периода, и, соответственно, одной классификационной единицы.

За пределами Южной Сибири подобный прием можно отметить в переходных от мустье к верхнему палеолиту эмиранских индустриях Ближнего Востока, характеризуемых пластинчатой технологией и существующих в хронологическом диапазоне от 50 до 40 тыс. л. н. Характерной чертой этих индустрий является использование эмирейских острий [Garrod, 1951]. Хотя заготовкой для этих орудий служили леваллуазские острия, что, конечно же, весьма отлично от основ для острий из Южной Сибири, их объединяет применение бифасиального утончения насада орудия. Другой характерной формой для времени перехода от мустье к верхнему палеолиту в Северном Леванте служат острия типа Умм-эль-Тлель, представляющие собой удлиненные остроконечные пластины, основания которых утончены микропластинчатыми снятиями [Voëda, Muhesen, 1993].

Заключение

В пластинчатых индустриях Южной Сибири и Северной Монголии, имеющих возраст от 43 до 35 тыс. л. н., прослеживается существование группы артефактов, в морфологии которых запечатлен специфический прием утончения насада острия. По всей видимости, эти орудия использовались в качестве охотничьего инструмента. Судя по ассоциированным индустриям и исходя из относительно конкретной хронологической привязки этих изделий, возможно предположить, что острия с утончением поперечного края являются устойчивым маркером наиболее ранних комплексов верхнего палеолита данного региона. В стадийном отношении они соответствуют начальному верхнему палеолиту/Initial Upper Paleolithic [Bar-Yosef, Kuhn, 1999; Kuhn et al., 1999]. Ни подобные артефакты, ни ассоциированные с ними индустрии с полным комплексом присутствующих им признаков не встречаются ни в более ранних комплексах, ни в более поздних индустриях. Возможным центром появления острий с утончением поперечного края является Горный Алтай, о чем свидетельствует географическое распределение радиометрических данных. Наиболее поздние свидетельства использования подобных артефактов найдены в комплексах стоянок Толбор-15 (33—34 тыс. л. н.) и Чихэн-2 (ок. 30 тыс. л. н.) в Монголии, являющихся одновременно самыми восточными и юго-восточными точками распространения острий с утончением поперечного края.

Список литературы

Абрамова, 1989: *Абрамова З. А.* Палеолит Северной Азии // Палеолит мира: Кавказ и Северная Азия. Л., 1989.
Акимова и др., 2002: *Акимова Е. В., Стасюк И. В., Лаухин С. А., Махлаева Ю. М., Орешников И. А., Назаров Д. В., Гуляев А. А.* Изучение палеолита Дербинского залива в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Новосибирск, 2002. С. 17—21.

Акимова, Стасюк, 2007: *Акимова Е. В., Стасюк И. В.* Итоги изучения палеолита Дербинского залива в 1998—2007 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭ СО РАН). Новосибирск, 2007. С. 8—11.

Аксенов, 2009: *Аксенов М. П.* Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск, 2009.

Анисюткин, Астахов, 1970: *Анисюткин Н. К., Астахов С. Н.* К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970. С. 27—33.

Археология и палеоэкология... 1990: Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая / Деревянко А. П., Гричан Ю. В., Дергачева М. И., Зенин А. Н., Лаухин С. А., Левковская Г. М., Малолетко А. М., Маркин С. В., Молодин В. И., Оводов Н. Д., Петрин В. Т., Шуньков М. В. Новосибирск, 1990.

Белоусова, Рыбин, 2013: *Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П.* Новая схема культурно-стратиграфического членения ранневерхнепалеолитических отложений стоянки Кара-Бом (на основе пространственного анализа и данных ремонтажа) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, № 7. С. 64—76.

Васильев, Рыбин, 2009: *Васильев С. Г., Рыбин Е. П.* Стоянка Толбага: поселенческая деятельность древнего человека в ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья // АЭАЕ. 2009. № 4 (40). С. 13—34.

Волокитин, 1982: *Волокитин А. В.* Палеолит Средней Ангары (Ангаро-Окинской группа местонахождений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982.

Волокитин, 1990: *Волокитин А. В.* Хронологические группы палеолита Ангаро-Окинского района // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990. С. 94—98.

Гладышев и др., 2010: *Гладышев С. А., Олсен Д., Табарев А. В., Кузьмин Я. В.* Хронология и периодизация верхнепалеолитических памятников Монголии // АЭАЕ. 2010. № 3 (43). С. 33—40.

Гладышев и др., 2013: *Гладышев С. А., Гунчинсүрэн Б., Джалал Э. Д., Доганджич Т., Звинс Н. П., Олсен Д. В., Ричардс М. П., Табарев А. В., Таламо С.* Радиоуглеродное датирование палеолитических стоянок в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. 2013. Т. 12, вып. 5. С. 44—48.

Глушенко, 2013: *Глушенко М. А.* Среднеангарское местонахождение Курчатовский залив как наиболее близкая аналогия Макарово-4 // Вестник НГУ. 2013. Т. 12, вып. 5. С. 122—131.

Деревянко, 2005: *Деревянко А. П.* Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Переход от среднего к верхнему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 183—216.

Деревянко, Маркин, 1990: *Деревянко А. П., Маркин С. В.* Палеолитические памятники бассейна р. Ануй (общий обзор) // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск, 1990. С. 5—30.

Деревянко и др., 1987: *Деревянко А. П., Молодин В. И., Маркин С. В.* Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (предварительные итоги Советско-Японской экспедиции). Новосибирск, 1987.

Деревянко и др., 1990: *Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С., Ларичев В. Е., Петрин В. Т., Девяткин Е. В., Малаева Е. М.* Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск: Наука, 1990.

Деревянко и др., 1998: *Деревянко А. П., Петрин В. Т., Рыбин Е. П., Чевалков Л. М.* Палеолитические комплексы стоянки Кара-Бом. Новосибирск, 1998.

Деревянко и др., 2003: *Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Анойкин А. А.* Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.

Деревянко и др., 2004: *Деревянко А. П., Постнов А. В., Горбунова Т. А., Оводов Н. Д., Орлова Л. А., Кулик Н. А., Сердюк Н. В., Чевалков Л. М.* Археологические исследования Усть-Канской пещеры и стоянки Чарышский навес в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. 1. Новосибирск, 2004. С. 90—95.

Деревянко и др., 2007: *Деревянко А. П., Зенин А. Н., Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гунчинсүрэн Б.* Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // АЭАЕ. 2007. № 1 (29). С. 16—38.

Деревянко и др., 2012: *Деревянко А. П., Гао С., Олсен Д., Рыбин Е. П.* Палеолит Джунгарии (Северо-Западный Китай): по материалам местонахождения Лотоши // АЭАЕ. 2012. № 4 (52). С. 2—18.

Деревянко и др., 2013: *Деревянко А. П., Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Гунчинсүрэн Б., Цыбанков А. А., Олсен Д.* Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и 15) // АЭАЕ. 2013. № 4 (56). С. 21—37.

Есида и др., 2003: *Есида К., Като Х., Медведев Г. И., Роговской Е. О., Ощепкова Е. Б., Слагода Е. А.* Новые данные о строении рыхлых отложений и геологическом возрасте артефактов из камня местонахождения Черемушник I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск, 2003. С. 130—134.

Когай и др., 2008: *Когай С. А., Липнина Е. А., Медведев Г. И., Новосельцева В. М., Роговской Е. О.* Проблемы позднего палеолита Байкальской Сибири // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. 1. М., 2008. С. 127—128.

Лбова, 2000: *Лбова Л. В.* Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 2000.

Медведев, 1982: *Медведев Г. И.* Распространение палеолитических изделий из камня с оловяной коррозией поверхности на территории Сибирской и Центральной Азии // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1982. С. 64—68.

Медведев, 1983: *Медведев Г. И.* Палеолит Южного Приангарья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1983.

Медведев, Новосельцева, 2011: *Медведев Г. И., Новосельцева В. М.* Хронология, стратиграфия и техноморфология комплекса артефактов геологического местонахождения Гора Игетей I // Вестник НГУ. 2011. Т. 10, вып. 7. С. 100—111.

Медведев, Складчиков, 1982: *Медведев Г. И., Складчиков М. Я.* Проблемы изучения палеолитических изделий из камня с оловянной коррозией обработанных поверхностей // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 41—43.

Окладников, 1981: *Окладников А. П.* Палеолит Центральной Азии. Мойлтынам (Монголия). Новосибирск, 1981.

Орлова, 1998: *Орлова Л. А.* Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Статистический анализ позднепалеолитических комплексов Северной Азии. Новосибирск, 1998. С. 74—88.

Проблемы палеоэкологии... 1998: Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / Деревянко А. П., Глинский С. В., Дергачева М. И., Дупал Т. А., Ефремов С. А., Зенин А. Н., Кривошапкин А. Н., Куликов О. А., Малаева Е. М., Маркин С. В., Николаев С. В., Нохрина Т. И., Петрин В. Т., Поздняков А. А., Попова С. М., Рыбин Е. П.,

Симонов Ю. Г., Феденева И. Н., Чевалков Л. М., Шуньков М. В. Новосибирск, 1998.

Руденко, 1960: Руденко С. И. Усть-Канская палеолитическая стоянка // МИА. № 79: Палеолит и неолит СССР. Т. 4. М.; Л., 1960. С. 104—125.

Рыбин, 2000: Рыбин Е. П. К вопросу о «руководящих ископаемых» в индустриальных комплексах ранней поры верхнего палеолита Горного Алтая // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий. Красноярск, 2000. С. 123—126.

Рыбин, Колобова, 2004: Рыбин Е. П., Колобова К. А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 20—34.

Славинский, 2007: Славинский В. С. Индустрии ранневерхнепалеолитических уровней обитания стоянки Усть-Каракол (материалы раскопа 1986 г.) // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. 2. Иркутск, 2007. С. 197—214.

Стасюк и др., 2003: Стасюк И. В., Лаухин С. А., Акимова Е. В. Новые данные по археологии и геологии местонахождения Усть-Малтат-II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск, 2003. С. 219—224.

Шуньков, 1990: Шуньков М. В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск, 1990.

Харевич, 2010: Харевич В. М. Начальная стадия верхнего палеолита Среднего Енисея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010.

Bar-Yosef, Kuhn, 1999: Bar-Yosef O., Kuhn S. L. The big deal about blades: Laminar technologies and human evolution // American Anthropologist. 1999. Vol. 101: 322—38.

BDP Members, 2005: BDP-99 Baikal Drilling Project Members A new Quaternary record of regional tectonic, sedimentation and paleoclimate changes from drill core BDP-99 at Posolskaya Bank, Lake Baikal // Quaternary International. 2005. Vol. 136: 105—121.

Boëda, Muhesen, 1993: Boëda E., Muhesen S. Umm el Tlel (El Kowm, Syrie). Etude préliminaire des industries lithiques du Paléolithique moyen et supérieur // Cahiers de l'Euphrate. 1993. Vol. 7: 47—91.

Garrod, 1951: Garrod D. A transitional industry from the base of the Upper Paleolithic in Palestine // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1951. Nr 80. P. 121—130.

Gladyshev et al., 2012: Gladyshev S. A., Olsen J. W., Tabarev A. V., Jull A. J. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives // Quaternary International. 2012. Vol. 281: 36—46.

Goebel, Aksenov, 1995: Goebel T., Aksenov M. Accelerator radiocarbon dating of the initial Upper Paleolithic in southeast Siberia // Antiquity. 1995. Vol. 69: 349—357.

Hughes et al., 2006: Hughes S., Hayden T. J., Douady C. J., Tougaard C., Germonpré M., Stuart A., Lbova L., Carden R. F., Hänni C., Say L. Molecular phylogeny of the extinct giant deer, *Megaloceros giganteus*. Molecular Phylogenetics and Evolution. 2006. Vol. 40: 285—291.

Kuhn et al., 1999: Kuhn S., Stiner M., Gulec E. Initial Upper Paleolithic in south-central Turkey and its regional context: a preliminary report. Antiquity. 1999. Vol. 73: 505—517.

Prokopenko et al., 2001: Prokopenko A. A., Karabanov E. B., Williams D. F., Kuzmin M. I., Khursevich G. K., Gvozdkov A. A. The detailed record of climatic events during the past 75 000 yrs BP from the Lake Baikal drill core BDP-93-2 // Quaternary International. 2001. Vol. 80—81: 59—68.

Sitlivy et al., 1997: Sitlivy V., Medvedev G. I., Lipnina E. A. Les civilisations préhistoriques d'Asie Centrale. 1. Le Paléolithique de la rive occidentale du lac Baikal. Bruxelles, 1997.

Swann et al., 2005: Swann G. E. A., Mackay A. W., Leng M. J., Demory F. Climatic change in Central Asia during MIS 3/2: a case study using biological responses from Lake Baikal // Global and Planetary Change. 2005. Vol. 46: 235—253.

Zwyns et al., 2012: Zwyns N., Rybin E. P., Hublin J. J., Derevianko A. P. Burin-core technology and laminar reduction sequence in the initial Upper Paleolithic from Kara-Bom (Gorny-Altai, Siberia) // Quaternary International. 2012. Vol. 259: 33—47.

**Е. В. Акимова, Е. Н. Кукса, И. В. Стасюк, Е. А. Томилова,
В. М. Харевич *, А. Н. Мотузко ****

** ИАЭт СО РАН, Новосибирск; ** БГУ, Минск*

ПОСЛЕДНИЕ РАСКОПКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Многослойная стоянка Усть-Кова располагалась в широтном течении р. Ангары, непосредственно выше устья р. Ковы, левого ангарского притока (рис. 1). Как памятник палеолита она впервые была упомянута в справочной статье Н. П. Береговой и П. П. Ефименко (1941), а затем в работе Н. П. Береговой (1960). Обе публикации были сделаны на основе устного сообщения А. П. Окладникова об итогах разведки по Средней и Нижней Ангаре в 1937 г. В устье реки Ковы, у одноименной деревни, им были найдены остатки кострищ и кости мамонта, залегавшие в лёссовидном суглинке на глубине 0,6 м [Береговая, 1960].

Многослойное строение стоянки было установлено только в 1969—1972 гг. после небольших разведочных работ, проведенных отрядом Иркутского госуниверситета под руководством Г. И. Медведева [Дементьев, Дроздов, 1974]. Тогда были зафиксированы три культурных слоя, датированные палеолитом, неолитом и палеометаллом. Стационарные раскопки Усть-Ковы производились в 1976—1991 гг. Северо-Ангарской археологической экспедицией Красноярского государственного пединститута под руководством Н. И. Дроздова ([Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988] и др.). В начале 2000-х гг. небольшие работы на Усть-Кове велись отрядом В. П. Леонтьева [Леонтьев, Дроздов и др., 2000]. Последние раскопки стоянки были проведены летом 2011 г.

Геолого-геоморфологическое изучение стоянки производилось в 1977—1978 гг. С. А. Лаухиным [Дроздов, Лаухин, 1979] и в 1990-е гг. В. П. Чеха [Дроздов, Чеха, 1990; 2002; Чеха, 1990]. Радиоуглеродное датирование было выполнено в ИГАН СССР, Институте леса и древесины им. Сукачева и Институте геологии и геофизики СО АН СССР, ЛОИА АН СССР [Лаухин, Дроздов, Панычев и др., 1980; Лаухин, Дроздов, Стариков и др., 1980]. Палеонтологические коллекции изучались Э. А. Вангенгейм (ИГАН СССР), Н. Д. Оводовым (ИИФФ СО АН СССР). Палинологические исследования в 1977—1979 гг. проводились в лабораториях геологического управления г. Иркутска, МГУ, Института леса и древесины СО АН СССР, в конце 1980-х — В. Г. Кольцовой (ИИФФ СО АН СССР). В конце 1990-х гг. палеокарпологические исследования были проведены Е. А. Пономаревой [Дроздов, Чеха, Пономарева, 2011].

Широкую известность памятник получил после открытия в 1981 г. двух зооморфных изображений из бивня мамонта [Васильевский, Дроздов, 1983; Акимова, Метляев, 2005; Шмидт, 2011].

На протяжении многих десятилетий Усть-Кова считалась единственным позднепалеолитическим памятником Северной Ангары. В 2008 г. были начаты охранно-спасательные работы в зоне строительства Богучанской ГЭС, показавшие серьезные перспективы изучения североангарского палеолита. Поздний палеолит был открыт на Косом Быку, на Большой Пеленде [Постнов, 2010], на Берямбе [Гревцов, Мещерин и др., 2011], на Колпакове ручье [Рыбин, Кубан и др., 2010], однако и в этом ряду Усть-Кова оставалась наиболее информативным и наиболее ярким объектом. После пуска Богучанской ГЭС изучение позднего палеолита на 360-километровом участке Ангары от Кодинска до Усть-Илимска стало невозможным.

С конца 1970-х до начала 1990-х гг. на Усть-Кове раскопками было вскрыто около 1,5 тыс. кв. м на глубину до 2,0—2,5 м. Многослойная стоянка включала горизонты средневековья с внедрением более ранних компонентов вследствие перепашки (1-й культурный горизонт), неолита (2-й культурный горизонт), позднего палеолита (3-й культурный горизонт). На основании стратиграфии и радиоуглеродных дат Н. И. Дроздовым в 3-м культурном горизонте были выделены три палеолитических комплекса: поздний, средний, ранний [Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Хроностратиграфия... 1990].

По мнению Н. И. Дроздова, ранний комплекс, фиксируемый в раскопах 1976—1979 гг., возможно, был перетолжен с уровня III террасы, прислоненной к склону горы Седло. Образы угля из раннесартанского солифлюксия дали даты 32 865 (СОАН-1960), 30 100 ± 310 (ГИН-1741), 28 050 ± 670 (СОАН-1875) [Дроздов, 1981; Дроздов, Лаухин, 1979]. В качестве сырья здесь использовались песчано-глинистый сланец и мелкозернистый кварцит. Технику первичного расщепления характеризуют отщепы с сильно скошенными ударными площадками и пластины «псевдолеваллуа». Основные типы орудий — орудия с «клювиками», скребла с зубчатой ретушью, струги, чопперы.

Двумя датами — 23 920 ±310 (КРИЛ-381) и 14 220 ±100 (ЛЕ-1372) — было обосновано выделение среднего и позднего комплексов. Для них характерен следующий набор артефактов: одноплощадочные монофронтальные и двухплощадочные кубовидной формы нуклеусы, наконечники-ножи бифасы лавролистной формы, ножи на пластинах, мелкие долотовидные орудия, проколки на отщепках и пластинках с одним-двумя жальцами, скребки копытовидной формы на массивных отщепках, струги-чопперы. К среднему комплексу были отнесены также плоские круглые бу-

синки, обломок «браслета», разнообразные изделия неопределенного назначения, многочисленные пластины из бивня со следами нарезок и насечек. Именно к среднему комплексу отнесены два изделия из бивня мамонта, сделанные явно одной рукой. Интерпретация одного из них как скульптурного профильного изображения мамонта не вызывает возражений [Васильевский, Дроздов, 1983], второе же имеет три варианта трактовки: «птичка, сидящая на гнезде» [Васильевский, Дроздов, 1983], нерпа [Акимова, Метляев, 2003] и «птица-нерпа» [Шмидт, 2011].

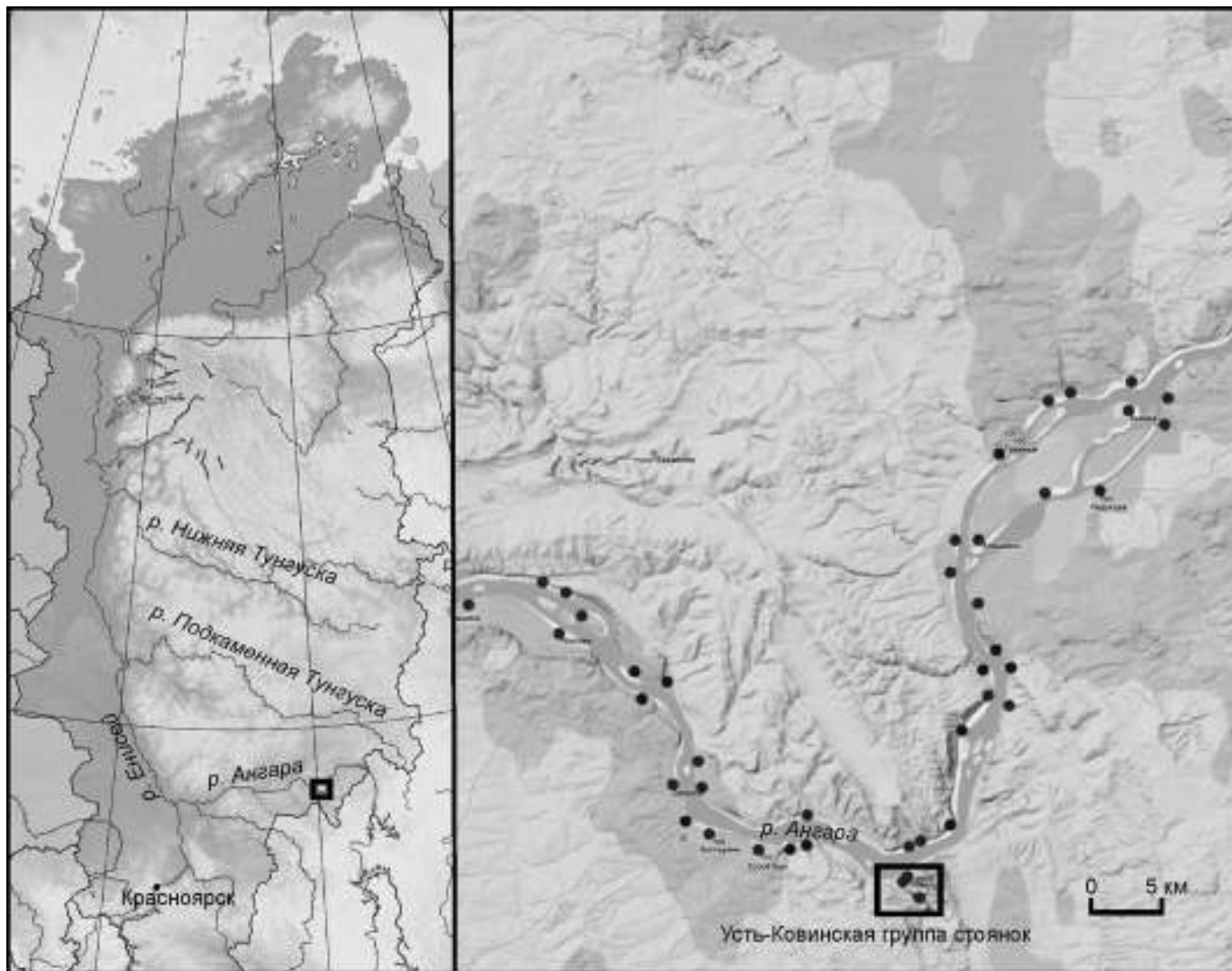

Рис. 1. Карта Северного Приангарья. Место расположения палеолитической стоянки Усть-Кова

Н. И. Дроздовым был сделан вывод о принадлежности позднего и среднего комплексов Усть-Ковы к новой, североангарской археологической культуре. Ее характерными признаками являются параллельный принцип расщепления в сочетании с техникой левалуа, о наличии которой свидетельствуют крупные пластины, использовавшиеся в качестве заготовок крупных клинков-бифасов; сочетание техники бифасиальной обработки с техникой краевой чешуйчатой ретуши; преобладание в каменном инвентаре разнообраз-

ных крупных и средних пластин с дорсальной ретушью по одному или обоим краям, а также проколочек, долотовидных орудий и галечных стругов (при отсутствии классических чопперов). Для Усть-Ковы характерна развитая техника обработки бивня. Вопрос об эволюции индустрии на всем протяжении сартанского времени от среднего этапа к позднему не рассматривался.

В ряде ранних работ Н. И. Дроздова высказывалась мысль о близости позднего и среднего комплексов

Усть-Ковы мальтино-буретской археологической культуре, отмечались черты сходства с местонахождениями Малая Сья и Афанасьева гора в Хакасии, Шестаково в Кемеровской области, со стоянками дюктайскими в Якутии, Сухотино I в Забайкалье [Дроздов, 1981]. Такое обилие аналогий, по сути, лишало Усть-Кову своего «лица» и делало тупиковыми все пути к ее идентификации.

Основная методическая проблема в изучении палеолита Усть-Ковы заключалась в том, что морозобойное растрескивание и куполообразное вспучивание грунта привели к переотложению археологического и фаунистического материала, его смещению. Уже в начале 1980-х высказывалось мнение о невозможности установить критерии распределения материала по комплексам, о его «культурной и хронологической однородности» [Акимова, Блейнис, 1986]. Соответственно, ставилась под сомнение вся трехслойная схема усть-ковинского палеолита с датами и сортировкой материала по комплексам. Высказывалось мнение о более позднем возрасте ковинского палеолита [Акимова, Метляев, 2005].

Одной из особенностей изучения палеолита Усть-Ковы являлось акцентирование внимания на проблемах палеогеографических, палеоэкологических в ущерб собственно археологическим. По степени изученности разрезы Усть-Ковы являются опорными для плейстоцена-голоцена Северной Ангары. Но при этом самой крупной публикацией археологических материалов является монография Р. С. Васильевского, В. В. Бурилова, Н. И. Дроздова «Археологические памятники Северной Ангары» (1988), где Усть-Кова рассматривается в ряду других стоянок. Уникальные материалы, полученные за десятилетия раскопок, остались почти неопубликованными.

Начало хоздоговорных спасательных работ на Усть-Кове в 2008 г. могло бы способствовать активизации интереса к этому памятнику, стремлению ввести в научный оборот старые и новые материалы, ответить на вопросы, не нашедшие решения в предыдущие годы. По ряду причин этого не произошло. Итоги раскопок 2008—2010 гг. также не были опубликованы, за исключением упоминаний в тезисной форме [Леонтьев, Вдовин, 2010].

Последние раскопки Усть-Ковы были проведены в 2011 г. авторами данной статьи.

Горизонт, содержащий позднплейстоценовые остатки, прослеживается от приустьевых участков Ковы вдоль Ангары на протяжении не менее 800 м на различных гипсометрических уровнях, соответствующих различным геоморфологическим единицам: участку II ковинской (I ангарской?) террасы на стрелке Ковы (9 м) и прилегающей к ней II ангарской террасы (14—16 м). В 2011 г. работы велись вдоль бровки II ангарской террасы на участке между бортом глубокого лога (древняя старица Ковы?) и раскопами 1978 и 1986 гг. Палеолитический слой был зафиксирован в раскопе на площади около 200 кв. м и, по предварительным данным, простирался вглубь террасы не менее чем на 20 м.

Обобщенный стратиграфический разрез здесь имеет следующее строение (рис. 2):

1. Почвенно-растительный горизонт. Граница ровная, четкая. Средняя мощность 0,3 м.

1А. Супесь коричневатого-темно-серая, буровато-коричневая до черной, тонкая, пористая, бескарбонатная, пятнистая по текстуре. Пятнистая окраска за счет разного содержания гумуса. Нижняя и верхняя границы неотчетливые, неровные, с карманами, языками и затеками по современным и древним корнеходам, фиксируются по ослаблению гумусового прокрашивания. Степень гумусированности уменьшается сверху вниз. Горизонт постепенно становится более ровным, однородным, гумусированность более однородной. Средняя мощность 0,4 м.

2. Супесь серая, серо-коричневая, однородная, бескарбонатная, легкая. Горизонт заполняет два мерзлотных клина (псевдоморфозы по жильным льдам). В основании клина супесь переходит в хорошо промытый серый песок. Граница слоя неровная, прерывистая. Фиксируется по изменению механического состава. Средняя мощность 0,2 м, в заполнении клиньев — до 1,5—2,0 м.

3. Коричневый суглинок, книзу карбонатизированный, залегающий на ископаемом почвенном горизонте, представленном сложным переслаиванием песков, суглинков, глин. Горизонт сильно деформирован, разлинзован, перебит, местами уничтожен. Средняя мощность 0,5 м.

Позднеплейстоценовая толща разбита мощными криогенными трещинами шириной в устье до 1,0—1,5 м и глубиной до 1,5—2,0 м, образующими полигоны.

Из верхней части коричневого суглинка и из нижней части карбонатизированного суглинка были получены кости мелких млекопитающих.

Фауна из нижней части содержит 74 остатка, 15 из которых определены до вида. По определенным фрагментам были определены: *Microtus (Stenocranius) gregalis* Pall. — 8 экземпляров, *Lemmus sibiricus* Kerr — 7 экземпляров. Морфология коренных зубов *Microtus (Stenocranius) gregalis* Pall. имеет прогрессивный вид и отвечает морфологии аналогичных серых полевков второй половины позднего плейстоцена. Присутствие в структуре фауны *Lemmus sibiricus* Kerr свидетельствует, что фауна существовала в период сарганского оледенения. Совокупность отмеченных видов указывает на широкое развитие в Приангарье открытых безлесных ландшафтов холодных переувлажненных тундростепей. Подобные ландшафты с отмеченным составом фауны обычно развиваются на начальных стадиях оледенения. Все отмеченное позволяет считать, что фауна из нижней части покровных отложений в местонахождении Усть-Кова формировалась в раннесарганское время, около 22—20 тысяч лет тому назад.

Фауна из верхней части покровного комплекса насчитывает 88 остатков, 25 из которых определены до вида. Структура ископаемой фауны имеет следующий вид: *Sorex caecutiens* Laxm. — 1, *Clethrionomys rutilus* Pallas — 3, *Clethrionomys rufocanus* Sundervall — 6, *Lemmus sp.* — 1, *Microtus (Stenocranius) gregalis* Pal-

las — 16. Фауна отражает лесостепной облик ландшафтов с небольшими участками заболоченных тундр. Подобные условия были характерны для позднеледниковья в периоды кратковременных потеплений или для начала развития голоцена. Время существования фауны — около 11—10 тысяч лет тому назад.

Археологический материал рассредоточен в диапазоне 30—50 см, в коричневом легком суглинке, переходящем книзу в карбонатизированный суглинок, не-

посредственно выше солифлюированной погребенной почвы и на границе с ней. Обломки одних и тех же изделий залегают в разных литологических условиях (рис. 3: 9, 11). Полигональное растрескивание привело к рассредоточению археологического и фаунистического материала по разным гипсометрическим уровням: центральной части полигонов, бортам и дну трещин с соответствующим перепадом отметок до 1,5—2,0 м.

Стоянка Усть-Кова. Раскоп 1. 2011 г.
Фрагмент юго-восточной стенки

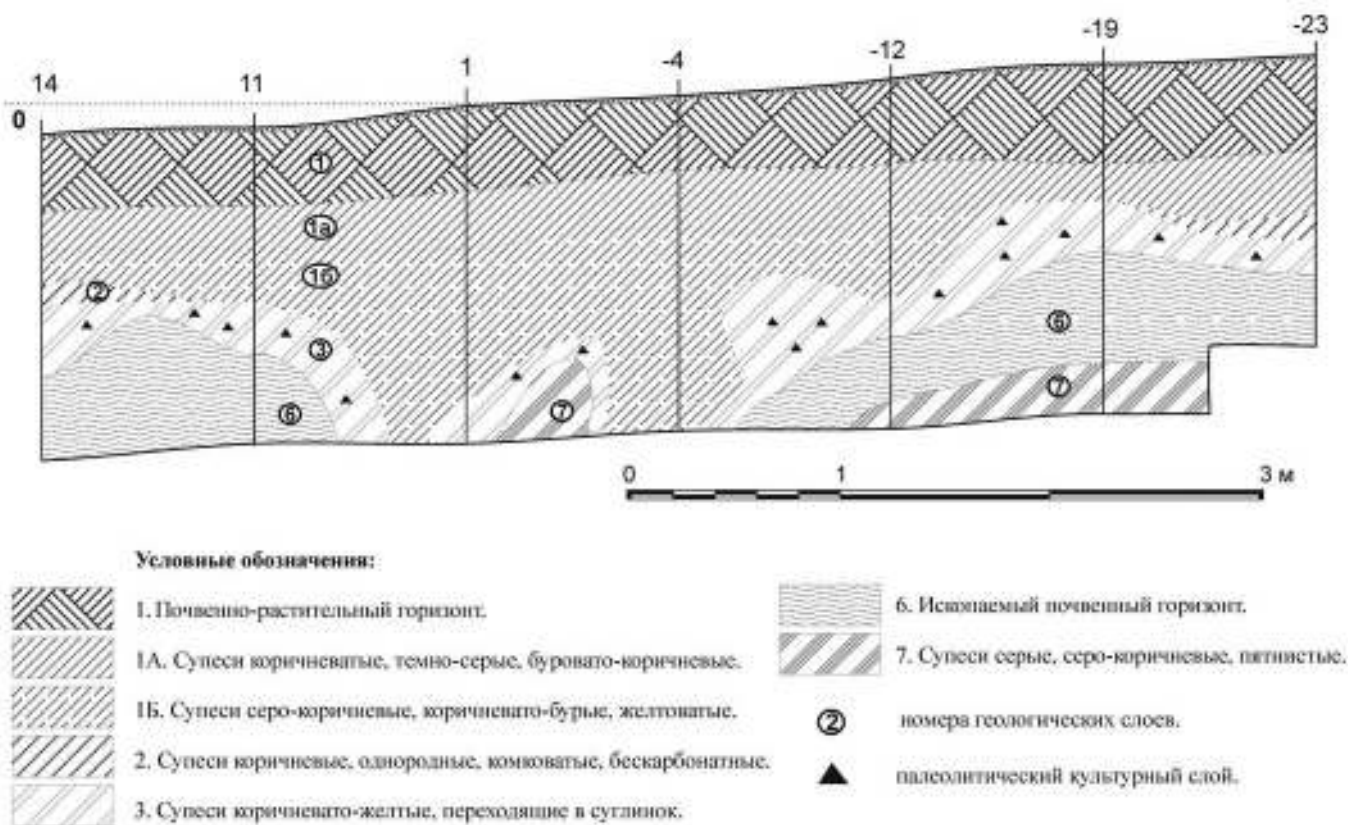

Рис. 2. Стратиграфический разрез палеолитической стоянки Усть-Кова в раскопе 2011 г.

Как и в прежние годы, в 2011 г. наибольшая плотность археологического материала прослеживается вдоль бровки террасы. Основой археологического комплекса является скопление костей молодого и взрослого мамонтов в частичном анатомическом порядке, со следами расчленения и погрызов. Скопление занимает участок более 15 кв. м и простирается от центра полигона по борту клина в северном направлении. Верхняя часть скопления отмечена на контакте с культурным слоем 2 (голоцен), нижняя — на контакте с солифлюированной погребенной почвой. В составе скопления присутствуют целые и расколотые бедренные и берцовые кости, три позвонка в анатомическом порядке, зубы с фрагментами челюстей, многочисленные неопределимые обломки. Среди костей мамонта

найлены единичные кости северного оленя и волка. Общее количество целых и фрагментированных костей превышает 1,3 тыс. экз.

По костям мамонта получены три даты: 23 929 ±855 лет (NSKA-(s619)), 19 676 ±648 лет (NSKA-(s620)), 22 448 ±774 лет (NSKA-(s621)).

Общее количество каменных артефактов, найденных при расчистке и промывке слоя, составляет 915 экз.

В качестве каменного сырья преимущественно использовались кремни и кремнистые породы, добытые в виде неокатанных обломков (полосчато-рисунчатые кремни, в том числе окремнённая древесина, и некоторые другие) или в виде речных галек (окремнённые аргиллиты, яшма и прочие силициты, халцедон).

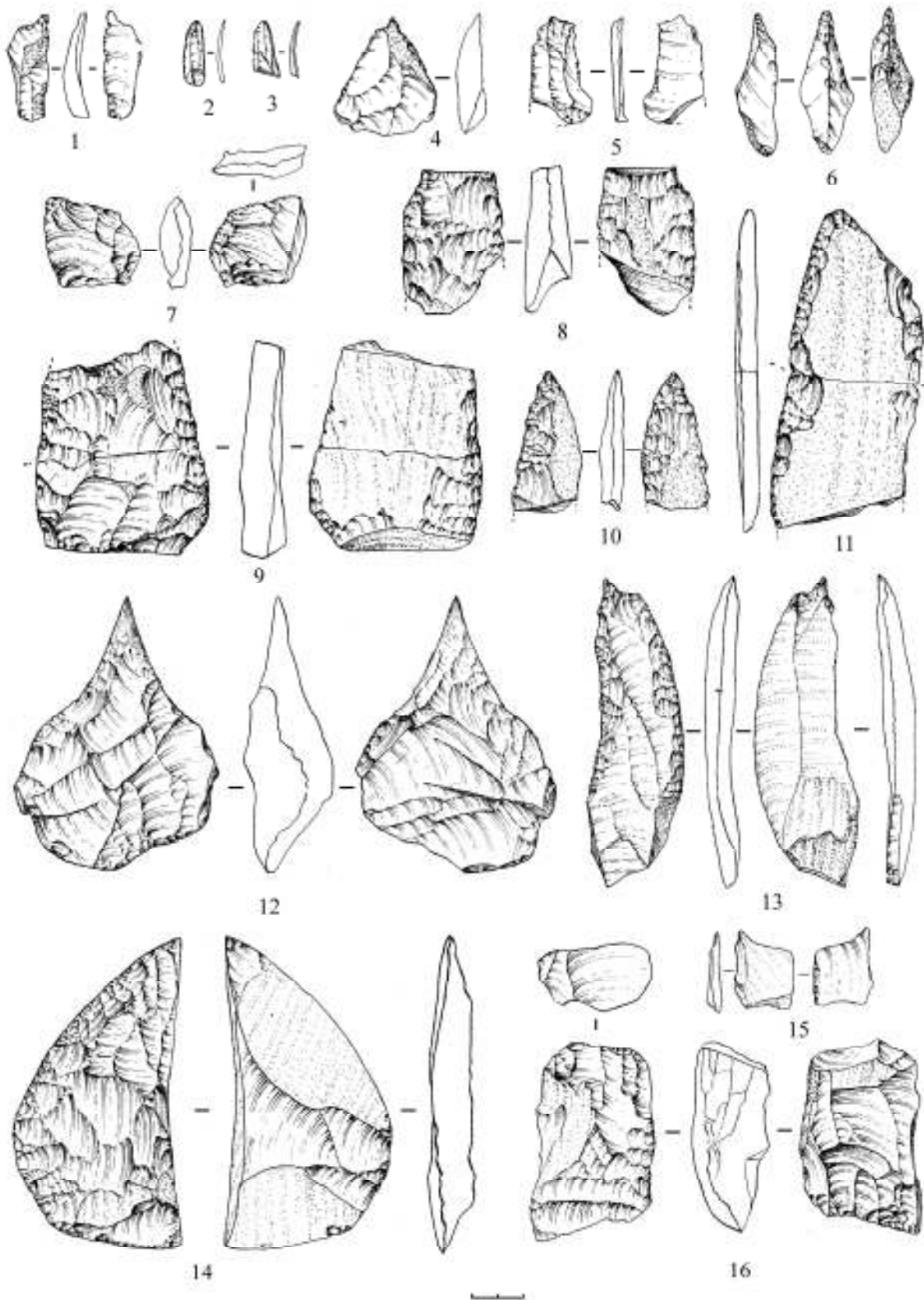

Рис. 3. Палеолитическая стоянка Усть-Кова

Каменный инвентарь: 1, 4—6, 12, 13, 15 — проколки, провертки; 2, 3 — микропластинки с ретушью; 7 — долотовидное орудие; 8, 10 — обломки заготовок бифасов; 9, 11 — обломки ножевидных орудий; 14 — ножевидное орудие с бифасиальной обработкой; 16 — нуклеус

Распространённым «второсортным» каменным сырьём являлись неокатанные обломки глинистых аргиллитов и алевролитов, а также пепловые туфы кислого состава (определение Ю. М. Махлаевой).

Каменный инвентарь

Нуклеусы. Еще в 1980-е гг. было отмечено, что в палеолите Усть-Ковы почти отсутствуют нуклеусы [Акимова, Блейнис, 1986]. Под ними нередко понимались чопперы-струги (см. ниже). Нуклеусы из кремневого дерева, основного сырья для изготовления ведущих форм орудий Усть-Ковы, единичны и морфологически нестандартны. Работы 2011 г. выявили единичные двухплощадочные бифронтальные нуклеусы с перекрестным или противоположащим расположением площадок (4 экз.) (рис. 3: 16; 4: 1), сколы и обломки нуклеидных изделий со следами параллельных снятий. Во всех случаях с нуклеусов снимались небольшие удлиненные пластинчатые сколы без параллельной огранки. Нуклеусы для крупных сколов, использовавшихся в качестве заготовок крупных скребловидных орудий (рис. 4: 2, 7), не найдены. В то же время целая серия орудий изготовлена на плоских обломках кремня или кремневого дерева (рис. 3: 9, 11, 13, 14). Можно высказать предположение, что именно подобные обломки, а не крупные пластины-леваллуа, служили заготовками и усть-ковинских бифасов.

Галечные орудия представлены небольшими по размеру чопперами, изготовленными как на гальках (рис. 4: 9), так и на кусках породы (рис. 4: 8). Трасологическое определение серии более крупных экземпляров из раскопов 1970—1980-х гг., выполненное В. Е. Щеллинским, позволило интерпретировать их в качестве стругов по мягкому материалу [Блейнис, 1984].

Бифасы листовидной, миндалевидной и овальной формы традиционно являются одним из ведущих реперных признаков палеолита Усть-Ковы ([Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Хроностратиграфия... 1990] и др.). В 2011 г. бифасы обнаружены только в виде обломков заготовок листовидных экземпляров небольших размеров (рис. 3: 8, 10). К бифасам с определенной долей условности может быть отнесено сегментовидное орудие типа ножа-улу. По второму фасу выполнена серия уплощающих пластинчатых сколов (рис. 3: 14). Бифасиальную обработку имеет крупная проколка с шлифованным жальцем (рис. 3: 12).

Скребловидные и ножевидные орудия на пластине или плоских обломках породы, как правило, не имеют явных функциональных признаков и характеризуются прямым или слегка выпуклым рабочим краем (двумя противоположащими рабочими краями) по одному или обоим краям заготовки (рис. 3: 9, 11; 4: 2, 4, 6). К скреблам отнесено орудие на крупном сколе с широким крутым рабочим краем на дистальном конце (рис. 4: 7).

Проколки и провертки (острия) изготовлены преимущественно на относительно небольших пла-

стинчатых сколах и отщепах (рис. 3: 1, 3—6, 15). Рабочая часть оформлялась в двух вариантах: удлиненное ретушированное жальце, расположенное вдоль оси по центру или краю заготовки; выступающий угол дистального конца с мелкой ретушью по краям. В первом варианте жальце ретушировалось с обоих краев преимущественно по одной, реже по обоим сторонам. Выделяется крупная проколка на массивном бифасе с коническим шлифованным жальцем (рис. 3: 12). Функции провертки и резца сочетались в орудии на плоском обломке кремня, тщательно ретушированном по обоим, выпуклому и вогнутому, краям (рис. 3: 13). Массовое количество проколок и проверток с абсолютным преобладанием мелких одно- или двусторонних форм было получено в 1980-е гг. [Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988].

Резцы. Резцовый рабочий край отмечен на комбинированном орудии (см. выше). Серия характерных пластинчатых сколов выполнена со скошенной узкой площадки. Подобный прием (длинный резцовый скол со скошенной узкой площадки) отмечен и на обломке крупного отщепа (рис. 4: 5).

Долотовидные орудия имеют двустороннюю обработку. В одном случае парность противоположащих краев выражена четко (рис. 3: 7), в другом — характерные забитости прослеживаются только по одному краю. Оба орудия типологически соответствуют серии многочисленных долотовидных орудий на отщепах, известной по материалам 1980-х гг. [Викулов, 1985; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988].

Индустрия Усть-Ковы имеет пластинчатый характер, однако с преобладанием пластин «неправильной» формы: изогнутых в профиле, без параллельной огранки. Единственным признаком является удлиненность заготовок. Особенностью палеолита Усть-Ковы является использование плоских обломков кремневого дерева, нередко со следами окатанности водой. Подобные обломки заменяли сколы и, вероятно, технологически удовлетворяли потребности человека.

Изделия из бивня, найденные на Усть-Кове в 1980-е гг., частично опубликованы [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Хроностратиграфия... 1990]. Наибольшую известность имеют скульптурные зооморфные изображения, но в составе коллекции присутствуют также многочисленные плоские бусинки, подвеска-«восьмерка», обломок браслета и целая серия неопределимых изделий, в частности в виде круглых и овальных «дисков» до 12—15 см в диаметре. Многочисленны пластины и отщепы из бивня как с негативами предыдущих снятий на «спинке», так и с зашлифованной (?) внешней поверхностью бивня со следами разнонаправленных нарезок и насечек [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Хроностратиграфия... 1990]. В 2011 г. в нижней части культурного слоя найдена шлифованная поделка эллипсоидной формы из бивня размером 23×9 мм. Оба конца отвесно срезаны, зашлифованы, на одном — маленькая высверленная округлая выемка. Промывка наиболее насыщенных участков слоя выявила четыре бусины из бивня мамонта.

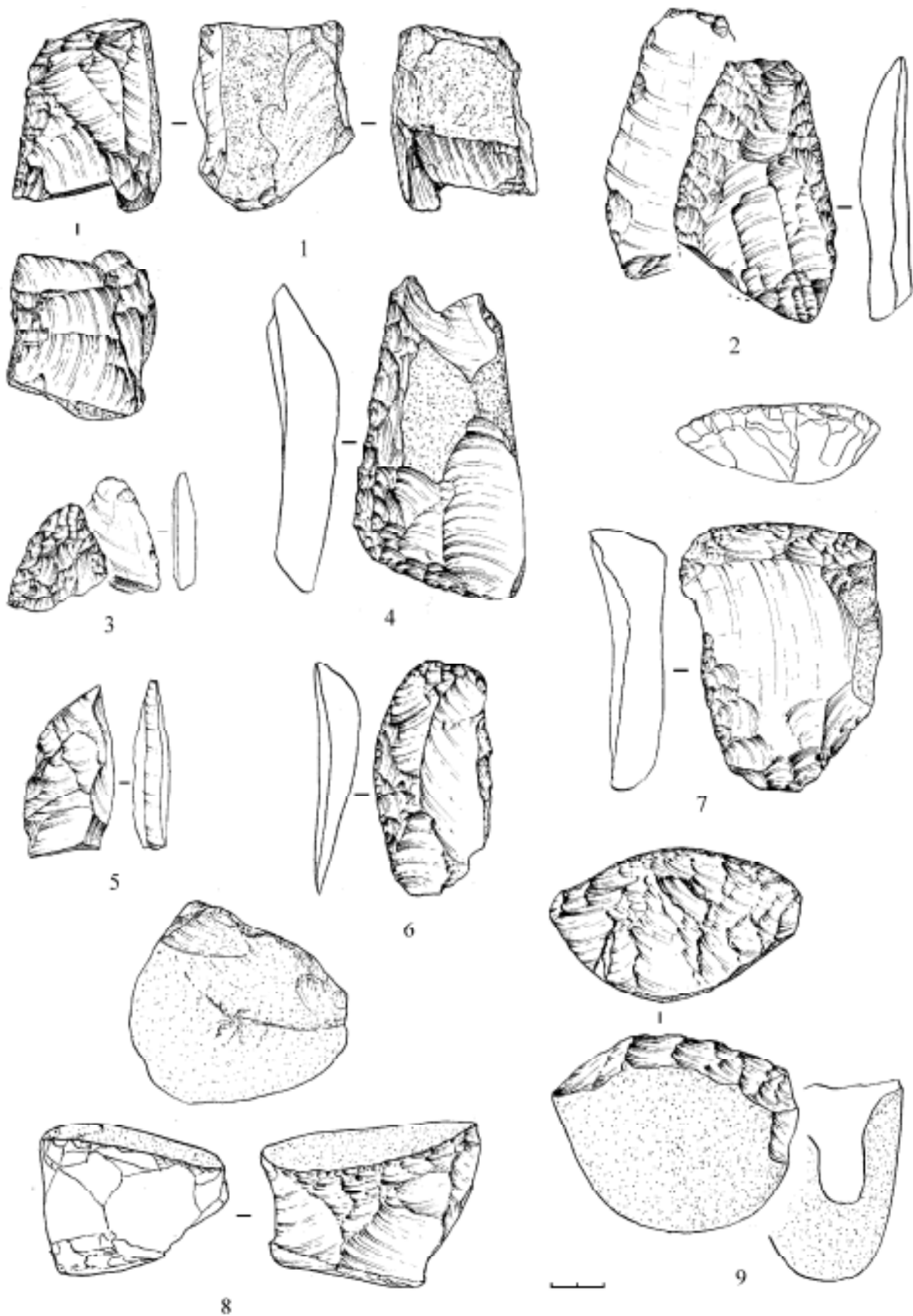

Рис. 4. Палеолитическая стоянка Усть-Кова
 Каменный инвентарь: 1 — нуклеус; 2, 3 — обломки скребловидных орудий-унифасов; 4, 6, 7 — скребла; 5 — резец;
 8, 9 — чопперы-струги

В 2011 г. палеолитический культурный слой впервые был зафиксирован в приустьевом участке р. Кова, в зоне прислонения 9-метровой террасы р. Ковы (Ангары?) ко II ангарской террасе. На глубине 2 м был обнаружен немногочисленный материал (округлый скребок на отщепе, пластины, отщепы, сколы и обломки камня, фрагменты костей), сконцентрированный в скоплениях рядом с очажным пятном. По кости северного оленя получена предварительная дата $23\ 846 \pm 867$ лет (NSKA-(s618)), полностью согласующаяся с датами для раскопа, но, по нашему мнению, противоречащая геолого-геоморфологическому положению объекта.

Таким образом, многолетнее изучение палеолитической стоянки Усть-Кова и, в частности, работы последнего года позволяют сделать следующие выводы:

1. От идеи трех разновозрастных позднепалеолитических комплексов необходимо окончательно отказаться. Ранний комплекс был отмечен только в раскопах 1976—1977 гг., в последующие годы материал, за исключением единичных обломков костей, в погребенной почве обнаружен не был. Таким образом, отнести к раннему комплексу отдельные «архаичные» предметы, полученные в последующие годы, нельзя. Археологический материал, зафиксированный выше уровня погребенной почвы, независимо от литологической характеристики грунта (коричневый песок, коричневый суглинок, карбонатизированный суглинок) относится к одному палеолитическому культурному слою.

2. Комплексные геолого-геоморфологические работы на Усть-Кове позволили сделать заключение о трех этапах криогенеза и датировать формирование мощной полигональной сети именно гыданской стадией [Дроздов, Чеха, 1990; 2011]. Раскопки 1980-х гг. отчетливо демонстрировали ситуацию сноса палеолитического материала по мере вытаивания трещин и отложения его по их бортам и дну. Таким образом, время формирования культурного слоя должно определяться двумя реперными точками: временем образования трещин и временем их вытаивания. Даты, полученные по костям мамонта, вполне согласуются с возрастом фауны мелких млекопитающих, полученных из нижней части коричневого суглинка, выше погребенной почвы, что позволяет согласиться с раннесартанским возрастом культурного слоя Усть-Ковы. В этом случае надо признать, что в разрезе практически отсутствует

средне- и позднесартанская пачка отложений, а остатки поселения находились в непогребенном состоянии на протяжении тысячелетий. Эту мысль косвенно подтверждают следы дефляции на поверхности предметов, залежавших на самых высоких отметках в центральной части полигонов.

3. Сходство индустрий Усть-Ковы и Мальты было установлено еще в начале 1980-х гг. Оно проявлялось как в типологии отдельных категорий каменных орудий (мелкие проколки с тонкими жальцами, долото-видные орудия, скребки высокой формы, режущие орудия на пластинчатых заготовках, чопперы-струги), так и в развитой обработке бивня, включая украшения и мелкую пластику [Дроздов, 1981; Акимова, Блейнис, 1986]. В то же время факт наличия клинков-бифасов воспринимался тогда как персональная особенность дюктайской культуры. Именно бифасы и тысячи километров тайги, разделявшие Усть-Кову и Мальту, мешали рассматривать Усть-Кову в качестве локального варианта мальтино-буретской культуры, несмотря на столь явные черты сходства в каменной и костяной индустриях.

У нас нет материалов, которые бы позволили предложить гипотезу заселения Северной Ангары: поздний палеолит как Средней, так и Нижней Ангары изучен слабо — нет связующих звеньев как между Усть-Ковой и Мальтой, так и между Усть-Ковой и стоянками Среднего Енисея. Но следует принять как факт объективное сходство каменной и костяной индустрий обоих памятников и их одновременность в масштабах геологического времени. Но при этом на Мальте нет клинков-бифасов, а на Усть-Кове нет пластинок с ретушью по усеченному концу. Последний признак принципиальный: традиция подобных пластин охватывает все памятники мальтино-буретского круга, включая Енисей и Чулым, в диапазоне всего сартанского времени. Традиция же изготовления бифасов на Усть-Кове, вероятно, не имеет никакого отношения к дюктайской культуре и может быть объяснена спецификой сырья: крупными плоскими, частично окатанными обломками кремневого дерева, удобными именно для двусторонней обработки.

В апреле 2012 г. указом президента РФ многослойная стоянка Усть-Кова была вычеркнута из реестра охраняемых объектов национального наследия, а через несколько месяцев — в августе этого же года — была уничтожена Богучанским водохранилищем.

Список литературы

Акимова, Блейнис, 1986: Акимова Е. В., Блейнис Л. Ю. Палеолитическая стоянка Усть-Кова (по материалам 1982 г.) // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск, 1986.

Акимова, Метляев, 2003: Акимова Е. В., Метляев С. В. Интерпретация скульптурного изображения с палеолитической стоянки Усть-Кова // Древности Приенисейского края. Вып. 2. Красноярск, 2003.

Береговая, 1960: Береговая Н. П. Палеолитические местонахождения СССР. МИА. 1960. № 81.

Блейнис, 1984: Блейнис Л. Ю. Выделение стругов на палеолитической стоянке Усть-Кова в Северном Приангарье // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984.

Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск, 1988.

Васильевский, Дроздов, 1983: Васильевский Р. С., Дроздов Н. И. Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983.

Викулов, 1985: Викулов А. А. Классификация долотовидных орудий палеолитической стоянки Усть-Кова // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1985.

Гревцов, Мещерин и др., 2011: Гревцов Ю. А., Мещерин М. Н., Галухин Л. Л., Журавков С. П. Стоянка Берямба — новый объект палеолита в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭ СО РАН). Новосибирск, 2011. Т. XVII.

Дроздов, 1981: Дроздов Н. И. Каменный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981.

Дроздов, Дементьев, 1974: Дроздов Н. И., Дементьев Д. И. Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1974.

Дроздов, Лаухин, 1979: Дроздов Н. И., Лаухин С. А. Палеолитическое местонахождение в устье р. Кова (среднее течение Ангары) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979.

Дроздов, Чеха, 1990: Дроздов Н. И., Чеха В. П. Палеомерзлотные явления на палеолитической стоянке Усть-Кова и проблемы сохранности культурных слоев // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990.

Дроздов, Чеха, 2002: Дроздов Н. И., Чеха В. П. Палеокриогенез, палеогеохимия и вопросы реконструкции климатов четвертичного периода (бассейны Енисея и Ангары) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 2002.

Дроздов, Чеха, Пономарева, 2011: Дроздов Н. И., Чеха В. П., Пономарева Е. А. Палеогеография конца позднего плейстоцена района палеолитической стоянки Усть-Кова (по результатам палеокарпологических и палеомерзлотных исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭ СО РАН). Новосибирск, 2011. Т. XVII.

Лаухин, Дроздов, Паньчев и др., 1980: Лаухин С. А., Дроздов Н. И., Паньчев В. А., Орлова Л. А. Усть-Кова на Ангаре — самая древняя датированная радиоуглеродным методом палеолитическая стоянка между Уралом и Леной // Доклады АН СССР. 1980. Т. 254, № 2.

Лаухин, Дроздов, Стариков и др., 1980: Лаухин С. А., Дроздов Н. И., Стариков А. В., Виноградов С. Н., Сейфуллин Н. Х., Рябинин А. Л., Форова В. С. Радиоуглеродное датирование плейстоцен-голоценовых отложений в долине широтного течения Ангары // Геохронология четвертичного периода. М., 1980.

Леонтьев, Дроздов и др., 2000: Леонтьев В. П., Дроздов Н. И., Макулов В. И., Заика А. Л. Археологические исследования на стоянке Усть-Кова в Северном Приангарье в 2000 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI.

Леонтьев, Вдовин, 2010: Леонтьев В. П., Вдовин А. С. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭ СО РАН). Новосибирск, 2010. Т. XVI.

Постнов, 2010: Постнов А. В. Результаты полевых исследований стоянки Большая Пеленда // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭ СО РАН). Новосибирск, 2010. Т. XVI.

Рыбин, Кубан и др., 2010: Рыбин Е. П., Кубан А. А., Мещерин М. Н., Фролов Я. В. Археологические работы на стоянках Игренькина шивера и Колпаков ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭ СО РАН). Новосибирск, 2010. Т. XVI.

Хроностратиграфия... 1990: Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель экскурсии Международного симпозиума / Дроздов Н. И., Чеха В. П., Лаухин С. А., Акимов Е. В., Кольцова В. Г., Артемьев Е. В., Бокарев А. А., Леонтьев В. П., Викулов А. А. Новосибирск, 1990.

Чеха, 1990: Чеха В. П. Геохимические индикаторы и некоторые палеогеографические особенности стоянки Усть-Кова // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990.

Шмидт, 2011: Шмидт И. В. К проблемам переосмысления образности фигурки из Усть-Ковы // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Материалы LI РАЭСК. Красноярск, 2011.

B. A. Bradley

University of Exeter, UK

CLOVIS IVORY AND BONE TOOLS

Introduction

The most widely accepted earliest human occupation of the New World occurred at the end of the Pleistocene, approximately between 12,500 and 11,000 B. P. At this time, large fauna still existed, including mammoth, mastodon, horse, camel, ground sloth, tapir, and bison, among others. Later, most of these forms became extinct or evolved into different species (as in the case of bison). Artifact assemblages from sites of this age vary somewhat from region to region in North America, but all include distinctive bifacial projectile points, many basally thinned or fluted. In addition, assemblages may include side scrapers, end scrapers, graters, bifacial knives, and bone and ivory artifacts (fig. 1). Burins are very rare or not present. Flaked stone technology was predominantly bifacial, but blade-flake production from prepared cores was also present in some areas. For the purposes of this treatise, I have chosen to subsume all of the various artifact assemblages associated with extinct megafauna and that date before 11,000 B. P. in a general category called Clovis.

Archaeological sites that have yielded fluted points and extinct megafauna have been identified throughout North America (fig. 2) and represent a variety of functional site types. These are dominated by kill sites where animals were dispatched and butchered, but also include campsites, workshop areas and quarries, artifact caches, meat caches, and burials. Generally speaking, bone and ivory preservation is better in the west than in the east, with one notable exception. Eastern soils and deposits tend to be acid, while western soils and deposits are either neutral or basic. The one example of excellent bone and ivory preservation in the east is underwater, in springs and rivers of northern Florida.

Bone and Ivory Artifacts

The following discussion concerns bone and ivory artifacts that exhibit substantial intentional shaping and modification. Expedient bone tools have also been identified and described in some sites but are not considered here.

East Wenatchee

Recent excavations in a site near East Wenatchee, in central Washington, have yielded an astounding assem-

blage of stone artifacts and a group of bone artifacts probably fashioned from mammoth bones [Mehringer, 1989; Mehringer, Morgan, 1988; Gramly, n. d.]. Large fluted bifaces and finished fluted projectile points (fig. 3) dominate the assemblage of artifacts recovered from what has been interpreted as an artifact cache. It has also been speculated that there may have been a burial, but no human remains have been recovered. Additional artifacts are known to remain in the site. Of interest here are twelve bone artifacts (fig. 4) that were recovered in direct association with the flaked stone artifacts. A thirteenth bone artifact remains in place, and there is evidence that a fourteenth was destroyed by carnivore activity. These artifacts were scattered around the site and also in a shallow pit with at least one cluster of bone rods. Evidence of prehistoric carnivore activity indicates that the distribution of the artifacts, especially those made of bone, probably does not directly reflect their original positions. Although preservation is fair to poor, enough remains to describe some of these objects in detail. Most, if not all, are slightly flattened cylindrical bone rods that have bevels on both ends. The bevels are always on the same side, but are usually at slightly different angles at opposite ends. The rods were evidently made from the limb bones of large animals, probably mammoth. Some retain evidence of the interior cancellous tissue of the bones. Grinding and polishing have obliterated evidence of the initial stages of manufacture of the objects. When preserved, most of the flattened beveled surfaces exhibit shallow incisions that are perpendicular to the long axis of the rods. Three specimens have minimal decorative incisions on their surfaces.

The bone rods vary substantially in size, with lengths ranging between 125 mm and 276 mm, with a mean of 225 mm. Widths range between 14 mm and 30 mm, but 11 of the 12 range between 24 mm and 30 mm. It is interesting to note that there are groups of rods that share the same width measurements. There are three that are 24 mm wide, four that are 26 mm wide, and two that are 29 mm wide. Altogether they have a mean width of 25.5 mm, and if the smallest is not included, they have a mean width of 26.5 mm. Width was clearly more standardized than length.

Anzick

The Anzick site is located in southwestern Montana, and was discovered during earthmoving activities [Lahren,

Bonnichsen, 1974]. All of the artifacts were recovered from disturbed contexts. This site was very similar to the East Wenatchee site in that it contained a large number of bifacially flaked stone artifacts, including Clovis points, a few uniaxially retouched tools, and bone rods. A notable difference from East Wenatchee was the presence of the partial remains of two subadults at Anzick. The human bone and the artifacts were stained with red ochre.

Eleven bone rods were identified in the materials collected from the disturbed deposits of the site. These included two complete rods, four beveled ends, and five midsection pieces. Detailed information about these artifacts has been published [Lahren, Bonnichsen, 1974] but a short summary is in order here. These rods are very similar to those from East Wenatchee, except that one of them had one tapered, rounded end, and the other end was beveled. Six of the seven rod bevels exhibit incisions, primarily in a cross-hatching pattern. An organic residue thought to be resin was noted on six of the seven beveled ends.

The Anzick bone rods (fig. 5) are about the same sizes as those from East Wenatchee, except that they are proportionally longer and narrower. The two complete specimens (fig. 5a) measure 220 mm and 281 mm in length, but the range of widths is between 15 mm and 20 mm with a mean of 17.9 mm. As with the East Wenatchee bone rods, there seems to be a greater standardization of width than length.

Sheaman

The Sheaman site is located in Wyoming very near to its boundary with South Dakota and Nebraska. This locality contained a concentration of bifacial reduction flakes, a Clovis point, several flaked stone tools, and an ivory artifact concentrated on a buried surface [Frison, Stanford, 1982].

The ivory artifact (fig. 5b) is very reminiscent of the bone rods from East Wenatchee and Anzick. It is a flattened cylinder that tapers slightly to one broken end. The other end terminates in a flat bevel which was lightly incised with a cross-hatching pattern. The artifact's length (not including the missing portion) is 203 mm, and it is 13 mm in width. This makes it proportionally even longer and narrower than the bone rods discussed above. A distinctive break at the tip suggests that this object struck a resistant material with some force.

Murray Springs

Murray Springs is located in southern Arizona not far from the border with Mexico. Three other Clovis sites (Lehner, Naco and Escapule) are nearby. Murray Springs and Lehner are animal kill locations, while Naco and Escapule may represent mammoths that died after being speared and eluding the Clovis hunters. Only one formalized bone tool (fig. 5c) has been recovered from any of these sites, and it was recovered from Murray Springs. The unusual bone tool is 259 mm long, 21 mm thick, and shaped like an eyebolt. The head, 58 mm wide, has a 25 —

to 30 mm hole bored through the center. The handle is 34 mm wide where it joins the head and gradually tapers to an approximate width of 21 mm at the opposite end. The wall of the hole has been purposely beveled, the most pronounced beveling occurring at the top and bottom of the hole [Haynes, Hemmings, 1968]. This artifact is unlike any others that have been recovered from Clovis sites.

Blackwater Draw

The Blackwater Draw site is actually a series of localities (one of which is the Clovis type site) in a wash area that extends for several miles from northeastern New Mexico into Texas. It was in this general area that Clovis artifacts were first identified as associated with the remains of mammoth [Cotter, 1938]. Other, later paleoindian sites and localities have also been investigated in the vicinity. A number of bone and ivory tools have been recovered from Clovis contexts in the Blackwater Draw area. These include expedient tools as well as carefully shaped specimens. These tools were directly associated with flaked stone tools, including Clovis points, and mammoth remains [Hester, 1972].

I have been able to locate references to four artifacts called bone points, an awl, a bead, a possible ornament/flaker [Hester, 1972], and an ivory burnisher-billet [Saunders et al., 1991]. Only one of the bone points is complete. It has a flattened round cross-section that is beveled at one end and tapers to a point at the other. Oblique scratches are visible on the bevel. The total length of this artifact is 237 mm and its width is 17.2 mm. These dimensions fall well within the range of the bone rods from the Anzick site. The other three specimens are fragmentary, but all closely resemble portions of the complete artifact.

The bone awl is a small bone fragment on which a narrow tapered point has been ground. The possible bead is a small rounded rectangle of bone that has had perforations drilled from both ends, but they do not meet and the hole is incomplete. A fragment of a possible canine tooth exhibits polish and has been interpreted as a possible ornament or flaker. The ivory burnisher-billet is a short, cylindrical section of mammoth ivory with slightly convex ends. It measures 73.5 mm long, 46 mm wide, and 34.8 mm thick.

In addition to the bone and ivory tools described above, an interesting ivory artifact has been recovered from Blackwater Draw. This item is well described and reported [Saunders et al., 1990. P. 112—119]. «The artifact is circumferentially cut distal segment of the right tusk of a mammoth, cf. *Mammuthus columbi*. It measures 73 cm along its outside curvature. Maximum diameter occurs at the place of detachment: the transverse diameter of the tusk at this position is 9,7 cm. The vertical plane is sinuous and spiral, terminating in a slight medial inflection; the horizontal plane is upcurved. The segment is solid and was cut before the ivory separated along the concentric „lines of Owen“, indicating that it was carved while the ivory was fresh».

The article goes on to describe in detail the technological process used to cut through and detach this segment of tusk (fig. 6). The final intended form for this artifact is unknown, but such a segment of ivory could have been further modified into a beveled rod like those from East Wenatchee and Anzick, a projectile point like those found in other areas of Blackwater Draw, or one or more burnisher-billets.

Florida Rivers and Springs

Numerous specimens of ivory and bone 'pins' or foreshafts have been recovered from rivers and springs in northern Florida [Jenks, Simpson, 1941. P. 314—319; Dunbar et al., 1989. P. 473—497; Dunbar, 1991 P. 10—14]. Due to the acidic upland soils too often typical in the southeastern United States, there have been no carved ivory pins found in terrestrial paleoindian sites in Florida. All of the ivory specimens from Florida have been found in submerged river channel locations: locations that were inundated by inland water table rise by the mid Holocene. The single largest concentration of ivory pins, which accounts for over half of the sample, comes from the lower, karst section of the Aucilla River in northern Florida. Other river basins that have produced ivory pins include the Santa Fe, Ichetucknee, and Oklawaha rivers. (James Dunbar, personal communication, 1992).

While most of the known specimens were recovered from stratigraphically mixed deposits, recent archaeological excavations have found them in late Pleistocene deposits directly associated with extinct fauna, including mammoth and mastodon. Flaked stone projectile points and other tools are also associated with these artifacts. Projectile point types commonly include Clovis fluted and Suwanee.

That many of the «pins» were made from ivory, with indications that it was fresh as opposed to fossil at the time of modification, also indicates an early association. The bone 'pins' are very similar in shape and relative proportions to those recovered from Clovis sites in the western United States. They are, however, smaller. Generally speaking, they are roughly cylindrical and taper to a point at one end. The opposite end terminates in a fiat bevel (fig. 7).

The typical ivory pin varies in length, probably from being broken, retrieved and reworked into a shorter implement. The best preserved specimens show that the pieces were burnished to a slick surface except for the platform end that was roughened and grooved for hafting. Other than the burnishing of the shaft and the platform roughening, few specimens show other markings. Two exceptions are specimens that have designs [James Dunbar, personal communication, 1992].

Other Possibilities

Several bone implements that closely resemble those from known early associations have been recovered from

unclear contexts. Rainey (1940) reports that «long, polished bone points» were found along with various other artifacts during placer mining operations along the Tanana River in the Fairbanks District of Alaska. Although some of the stone artifacts are clearly of post-Clovis origin, others resemble early points from the United States. The remains of extinct animals are also found in the same deposits. At this time it is unclear whether or not the bone points were associated with Clovis deposits, but it is possible, and the artifacts are very similar to those with known early associations.

A cylindrical bone point of unknown association was found in southeastern Saskatchewan in the early 1900s and reported in the late 1960s [Wilmeth, 1968]. There are no dated geological or artifactual associations for this artifact, but the probability that it was made from the long bone of a mammoth or mastodon, and its resemblance to bone points of known Clovis age association, indicates that it probably was of early manufacture.

Another long bone point has been described from lower Klamath Lake in southern Oregon. The presence of a blue silt staining on the point that is also present on mammoth bones has been used to argue that the bone point was as old as the mammoth bones [Cressman, 1942. P. 99—100]. The similarity of this specimen to other artifacts of known antiquity probably indicates that it was of Clovis origin.

Embellishments

Three of the double-beveled bone rods from the East Wenatchee site exhibit simple decorative embellishment. Two have a zipper-like design incised into their interior surfaces along the centers of the artifacts. Unfortunately, preservation is poor and details of the individual incisions are not clear. The third specimen exhibits small curved incisions on the outside of the beveled end of a bone rod. These shallow incisions cover the surface and resemble fingernail impressions.

Two of the ivory «pins» from Florida exhibit incised decoration, extending from the interior end of the bevel and down the shaft toward the tapered end. One of these designs is a zigzag pattern (fig. 7a) and the other is a series of parallel lines that run transverse to the long axis (James Dunbar, personal communication, 1992).

Functional Interpretations (fig. 8)

Six basic forms of complex Clovis ivory and bone artifacts have been reported: double-beveled bone rods, bone and ivory projectile points, a cylindrical ivory burnisher-polisher, a perforated bone rod, an awl, and a bead. Only the first two categories contain more than one item. Double-beveled bone rods have been found at East Wenatchee and Anzick, and both sites included large numbers of flaked stone artifacts, especially bifaces and projectile points. Anzick was a burial site and East Wenatchee was at least an artifact cache, if not a burial site. These are not the only known Clovis cache localities; others have been

found in southern Idaho [Butler, 1963], southwestern Wyoming/western Utah/southern Idaho [Frison, 1991], and northeastern Colorado. Only Anzick has been directly associated with human remains.

Lahren and Bonnicksen (1974) have proposed that the double beveled bone rods from Anzick may have been foreshafts for spears. Clovis points would be hafted onto one of the bevels and the other would have been lashed to a wooden main shaft (fig. 8a). Dunbar (1991) has also presented a case that the ivory pins from Florida may have been foreshafts with fluted stone points hafted to the scored bevel and the pointed end inserted in a socket in the main shaft (fig. 8b). Gramly has proposed that the bone rods from the East Wenatchee site may have been composite sled runners (personal communication, R. Michael Gramly, 1992), tied together and lashed to wooden sled runners (fig. 8c). The bevels on the ends of the rods would allow enough overlap to produce a continuous composite runner. Gramly refers to similar bone sled shoes used by Inuits, but readily admits that much more study needs to be done before this theory could be supported or rejected.

I have difficulty in accepting either theory. Skids for sled runners seems highly unlikely because of the complexity of the lashing technique that would have had to be used and the inevitable interference that such lashing may have caused. One might also expect distinct wear patterns to quickly develop. Decorative embellishment also would have no visibility.

Hafting Clovis points onto the bevels of the bone rods, incorporating a wedge, would have produced a very bulky and weak connection. Personal experience with hafting and using replica Clovis points indicates to me that penetration through the hide of an animal would have been severely impeded by this configuration. Dunbar's interpretation does not include a separate wedge on the opposite side of the stone point from the bevel, and is partly based on the breakage patterns observed on the artifacts. Although this ha~ing method would be less bulky than the wedge method, the connection between the stone point and the ivory foreshaft would be quite weak. Controlled experimentation, that closely simulates actual hunting conditions, would shed light on this theory. I would also like to keep open the possibility that the bone pins from Florida may not have been portions of hunting equipment, and may have served entirely different functions.

Since all of the double-beveled rods have been recovered from caches and burials, I would like to propose the following theory. Dennis Stanford of the Smithsonian Institution found that the beveled ends of the bone rods fit very well together and that conjoining several would produce a straight shaft. This shaft could then be brought to termination by the addition of a bone rod with one beveled and one rounded end. It is most unlikely that such a shaft would have been serviceable as a spear or other functional tool. Rather, I believe that such an item could have served as a scepter, or ceremonial staff (Figure 8d). If one would group the bone artifacts from East Wenatchee that have the same diameters (within 1 mm), and assume that there were two equivalent-sized single bevel rods for each group, three staffs would result. With overlaps calculated, one

staff would have a diameter of 24 mm and a length of 1.36 m, another would have a diameter of 26 mm and a length of 1.02 m, and the third would have a diameter of 29 mm and a length of 1.12 m. The association of the double-beveled rods with caches of spectacular flaked stone items, red ocher, and burials, but not with kill sites or campsites, suggests that they may have been more than portions of weapons. A possible analog in the Old World are the ivory rods/staffs found in the double burial at Sungir, Russia.

The only site where double-beveled rods have been found in context, East Wenatchee, has not yielded support for any of these theories. Most were found in a fairly tight cluster. If they were sled runners or scepters, one would expect them to be lined up. On the other hand, if they had been foreshafts, one might expect haftable projectile points to be in positional association. Neither was the case in this situation. Gramly has indicated that there probably was post-interment disturbance by carnivores. If this was the case, one would expect the bone artifacts to be dispersed, not clustered.

Bone and ivory artifacts that have one beveled end and one pointed end have been found in kill sites, in direct association with the front limb of a mammoth at Blackwater Draw, and in campsites. Tip breaks on some of these also suggest that they were used as projectile points. Bone projectile points with demonstrated manufacture technology have also been recovered from the following time period, after the extinction of mammoth [Frison, Craig, 1982. P. 162—165]. Some of these have distinctive breaks, interpreted as resulting from impact (fig. 9a). Even though these are associated with a bison kill/campsite, it is believed that they would not have been effective for killing bison [Frison, Zeimens, 1980. P. 231—237].

The ivory cylinder from Blackwater Draw is interpreted as having been used as a billet for flaking stone and possibly ivory, and also as a burnisher. This interpretation is based on use-wear patterns and comparison to similar objects from eastern Europe [Saunders et al., 1991. P. 359—363].

The perforated rod from Murray Springs has been interpreted as a shaft straightener [Haynes, Hemmings, 1968] and their arguments are quite convincing. The awl from Blackwater Draw probably served as a perforating tool for hide-working, and the uncompleted perforated bone artifact may have been intended to become a bead. The modified canine tooth is too incomplete to interpret functionally.

Conclusions

Fully-formed Clovis age ivory and bone tools are rare. This may have more to do with the nature of site preservation than it does with the implements actually having been a minor component of the Clovis tool kit. Although scarce, they are widely distributed. By far the largest numbers have been recovered from underwater locations in Florida and in two caches/burials in Washington and Montana. Little evidence of the methods of manufacture of any of

the items has been found. Ornamentation is minimal and rare, and representations of animals and human beings are totally absent. Although most of the artifacts probably served a utilitarian function, the double-beveled bone rods may have been conjoined into ceremonial and/or burial objects.

A greater diversity of formalized bone and antler tools and manufacture technologies are documented for the time period, 10,900—10,300 B. P. (Folsom), immediately following Clovis on the High Plains of North America. Artifact types (fig. 9) include projectile points (9a), flaking tools (9b), eyed needles (9c), and cut and incised pieces (possibly ornaments or gaming pieces) (9d). Manufacture techniques include Grooving, incising, abrading, chopping, polishing, and drilling [Frison, Craig, 1982. P. 162]. Virtually all of these materials are known from sites interpreted as base camps that included structures. It is very likely that these artifact types and manufacture techniques extend well back into Clovis times and will be found if and when well-preserved Clovis campsites are excavated.

Acknowledgements

This paper was produced in response to an invitation to a conference on the manufacture and use of ivory in the Upper Paleolithic by the European University Centre for the Cultural Heritage, Ravello, Italy. The lead time was very short, and I owe much to the help and support I received from the many colleagues who supplied unpublished data as well as directing me to specific references. I would like to acknowledge the assistance of Michael Adler, Robson Bonnicksen, James Dunbar, George Frison, C. Vance Haynes, Bruce Huckell, David Meltzer, Jeffery Saunders, David Webb, and especially R. Michael Gramly, who supplied the illustrations of the previously unpublished East Wenatchee bone tools, and permission to use them. Illustrations were drawn and supplied by several individuals: 1a, 1b, 5a—5b, 9 — Connie Robinson, cour-

tesy of G. Frison; 1c—1h, 3 — Sarah Moore, courtesy of P. Mehringer; 2 — Tom May; 4 — Val Waldorf, courtesy of R. Gramly; 5c — courtesy of C. Haynes; 6 — from [Saunders et al. 1990. Fig. 4]; 7, 8b — courtesy of James Dunbar; 8a — drawn from [Lahren, Bonnicksen, 1974. Fig. 3]; 8c — courtesy of R. Gramly. The remaining illustrations are by the author. Although I received substantial assistance, the contents of this article are my sole responsibility.

Addendum

This paper was first published in a difficult to obtain Italian monograph¹ and has been available in English on my personal web page. It is reproduced here unaltered and not updated. There have been additional publications on the general topic of Clovis bone, antler and ivory. My involvement in the Ivory Conference in Italy came about through an odd set of circumstances that indirectly involved by great colleague and friend Misha Anikovich. I first met Misha at Kostenki in 1989 when I was part of an American delegation that was visiting Palaeolithic sites and collections as part of a ground-breaking exchange project organized by Olga Soffer. From this first contact we became colleagues and friends that lasted until his passing, even when we didn't stay in close contact. It is difficult to detail all the things I learned from Misha in our many, sometimes animated, discussions about archaeology, politics, philosophy, religion etc. Many of these discussions took place on long overnight train trips with Zhenya Giria as we travelled from Kostenki to St. Petersburg (and I remember well the bottles of alcohol turned brown and flavourful by the Omsk pine nuts left to soak in it). Misha also visited me in Colorado and we took a trip to spend time with my Native American friends at Zia Pueblo in New Mexico. Misha was always generous, kind, enthusiastic and a pleasure to be with. He will be missed as a colleague, but more importantly, as a friend.

¹ Bradley, Bruce A. 1995. Clovis ivory and bone tools. In *Le Travail et L'Usage de L'Ivoire au Paléolithique Supérieur*, edited by J. Hahn, M. Menu, Y. Taborin, Ph. Walter, and F. Widemann. Actes de la Table Ronde, Centro Universitario Europeo per i Beni Culturali, Ravello, Italy.

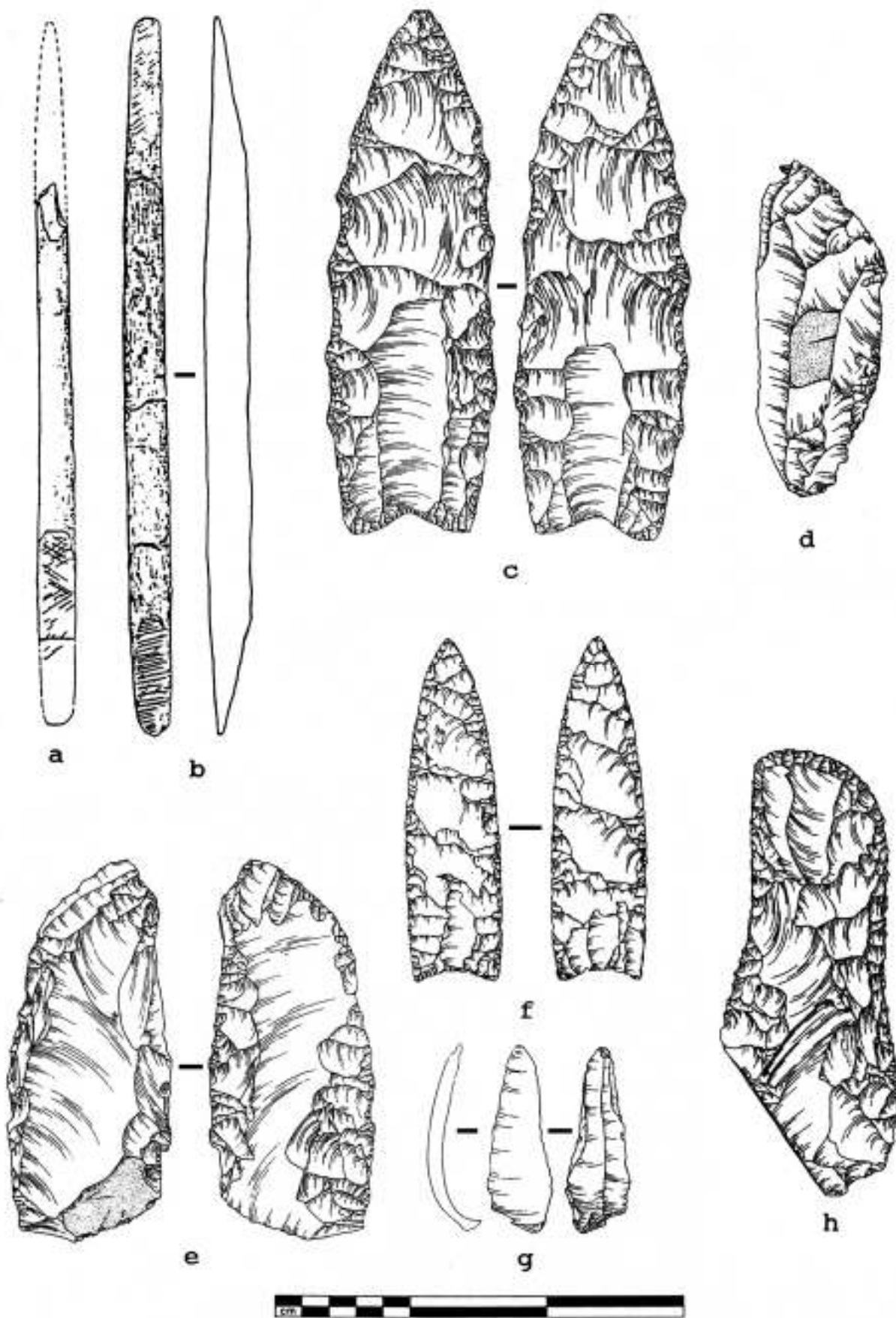

Fig. 1. Clovis artifacts: *a* — Sheaman site; *b* — Anzick site; *c–h* — East Wenatchee site

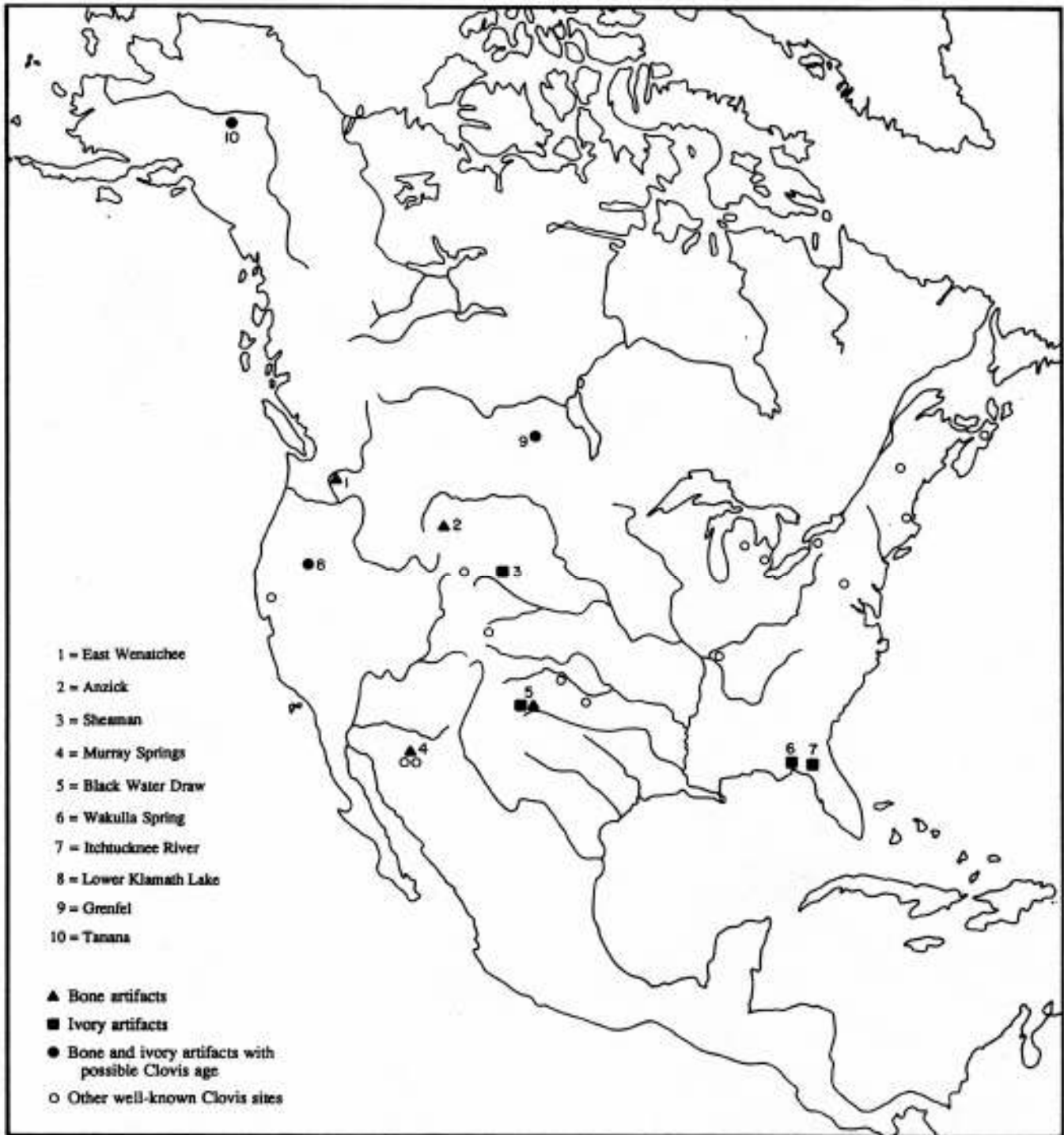

Fig. 2. Distribution of Clovis sites with ivory or bone tools and well-known Clovis sites

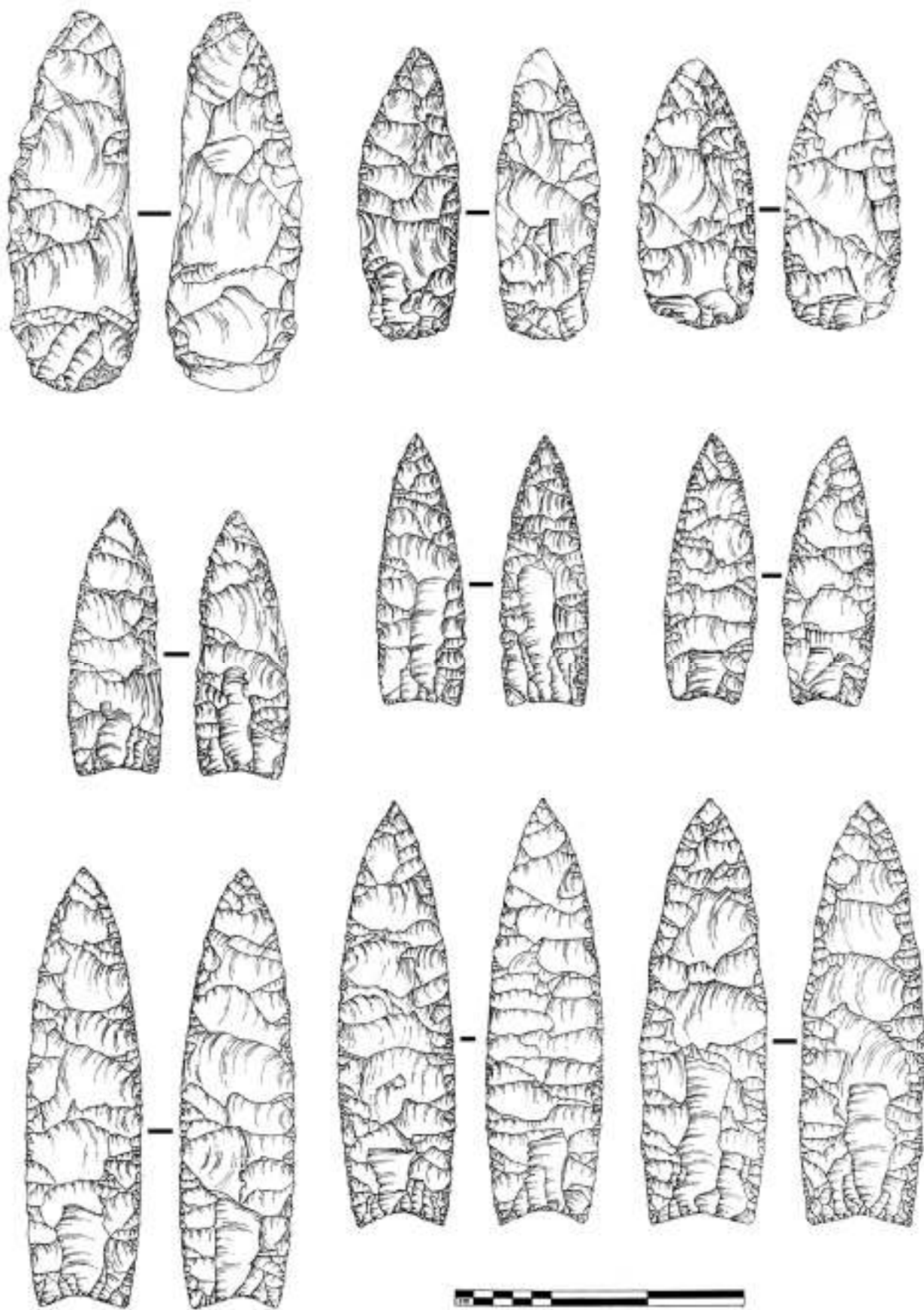

Fig. 3. Some bifacial flaked stone artifacts from the East Wenatchee cache

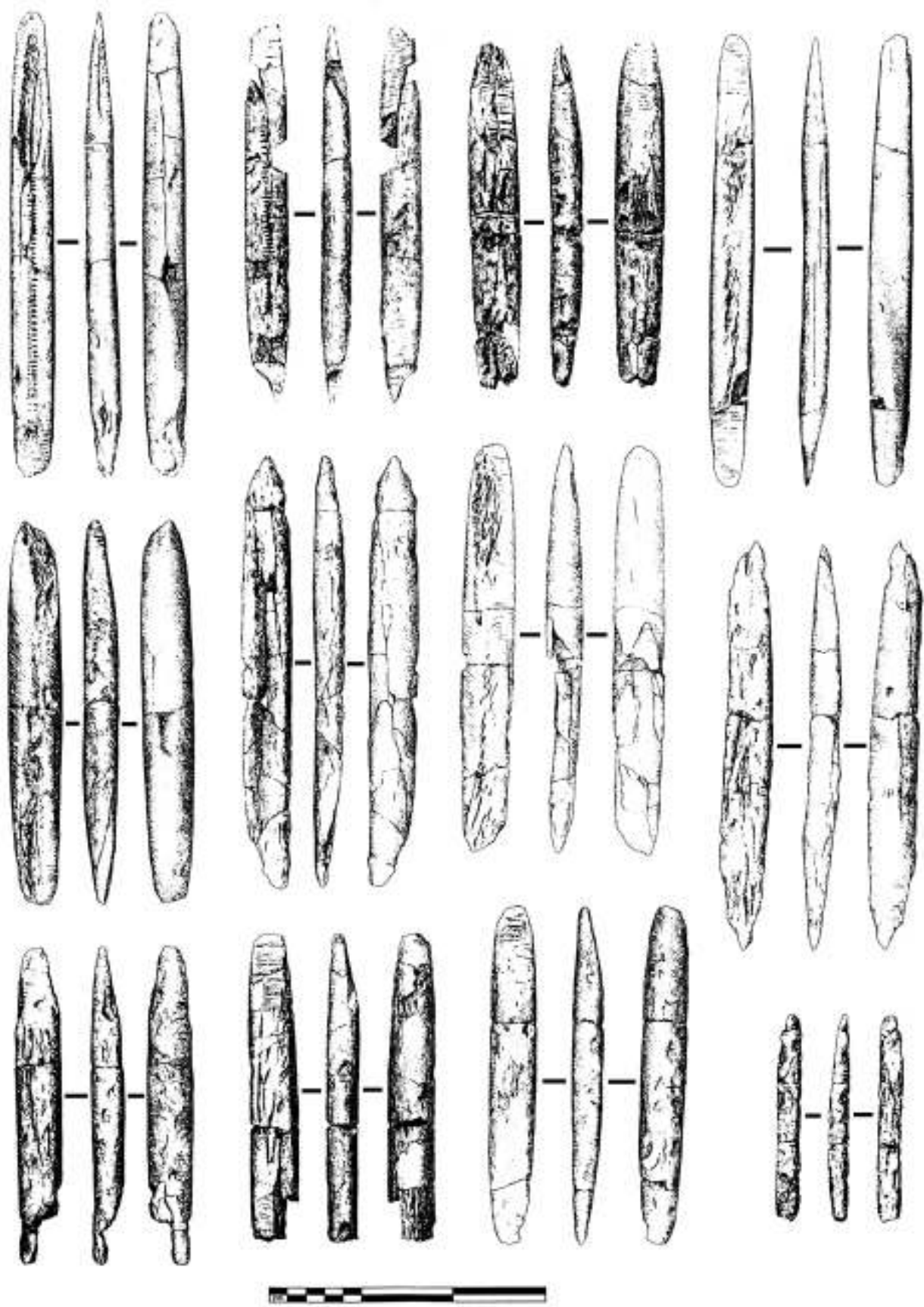

Fig. 4. Bone artifacts from the East Wenatchee cache

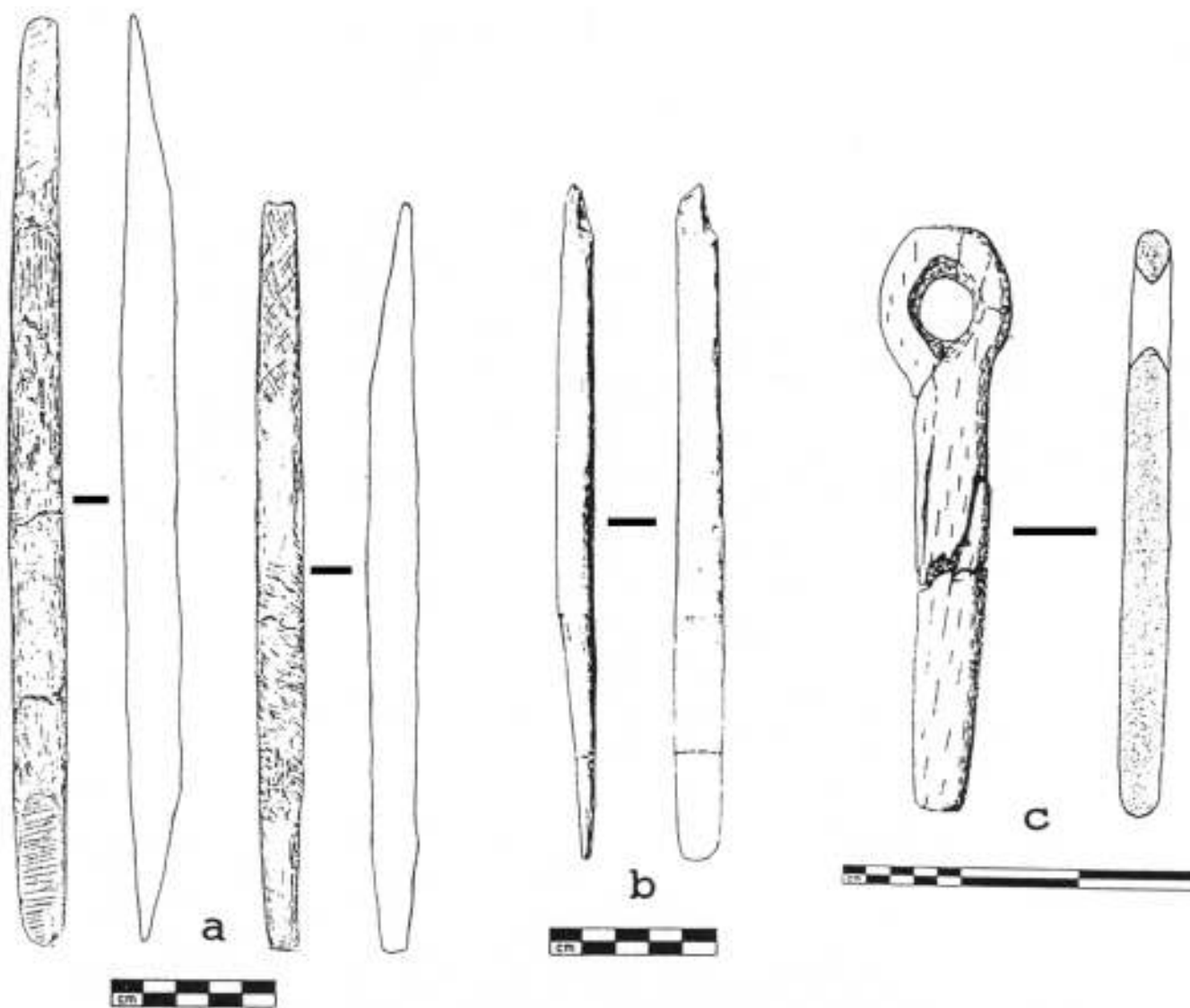

Fig. 5. Clovis bone and ivory artifacts:
a — Double-beveled bone rods from the Anzick site; *b* — ivory artifact from the Sheaman site;
c — bone artifact from Murray Springs

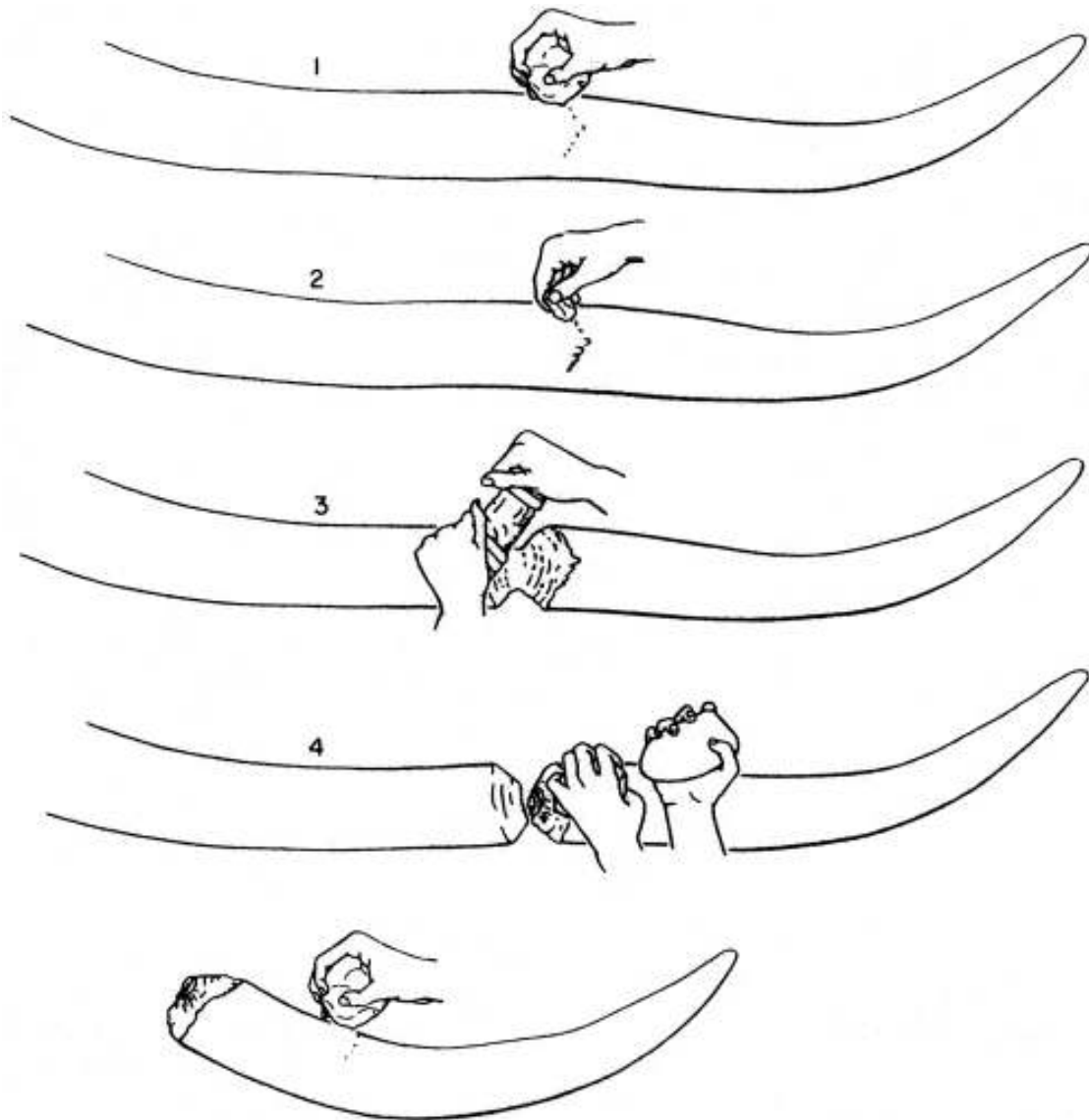

Fig. 6. Schematicized illustration of the procedures and possible artifacts used to manufacture the semifabricate from Blackwater Draw. In (1) a flaked hammers-tone is used to stipple a guide line which in (2) is widened and deepened with a graver into a guide channel. The guide channel is expanded (3) with a unifacial knife, in drawknife fashion, into a circumferential groove. The core of the tusk is broken free (4) with the blows of one hammerstone on another. In the lower illustration another guide line is stippled on the semifabricate, in the manner of (1), to define a segment of portable ivory (from [Saunders et al., 1991. Fig. 4], with permission of American Antiquity and the senior author)

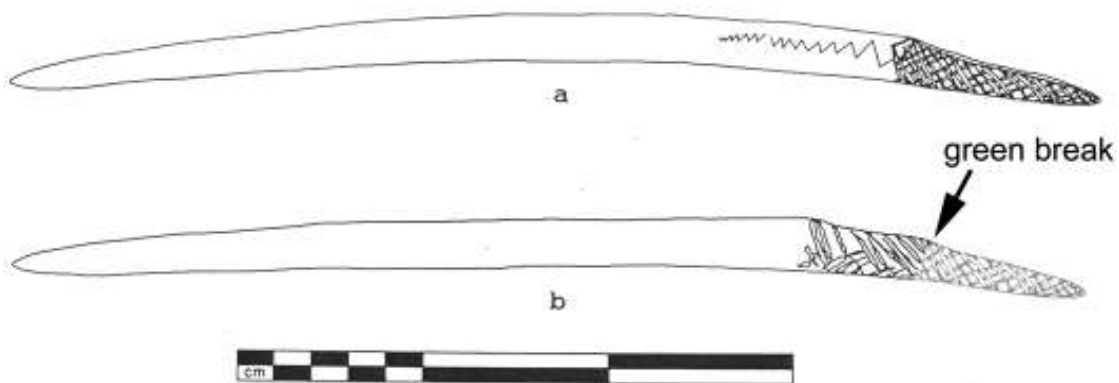

Fig. 7. Clovis ivory «pins» from Florida: *a* — ivory «pin» with incised decoration; *b* — typical bevel break

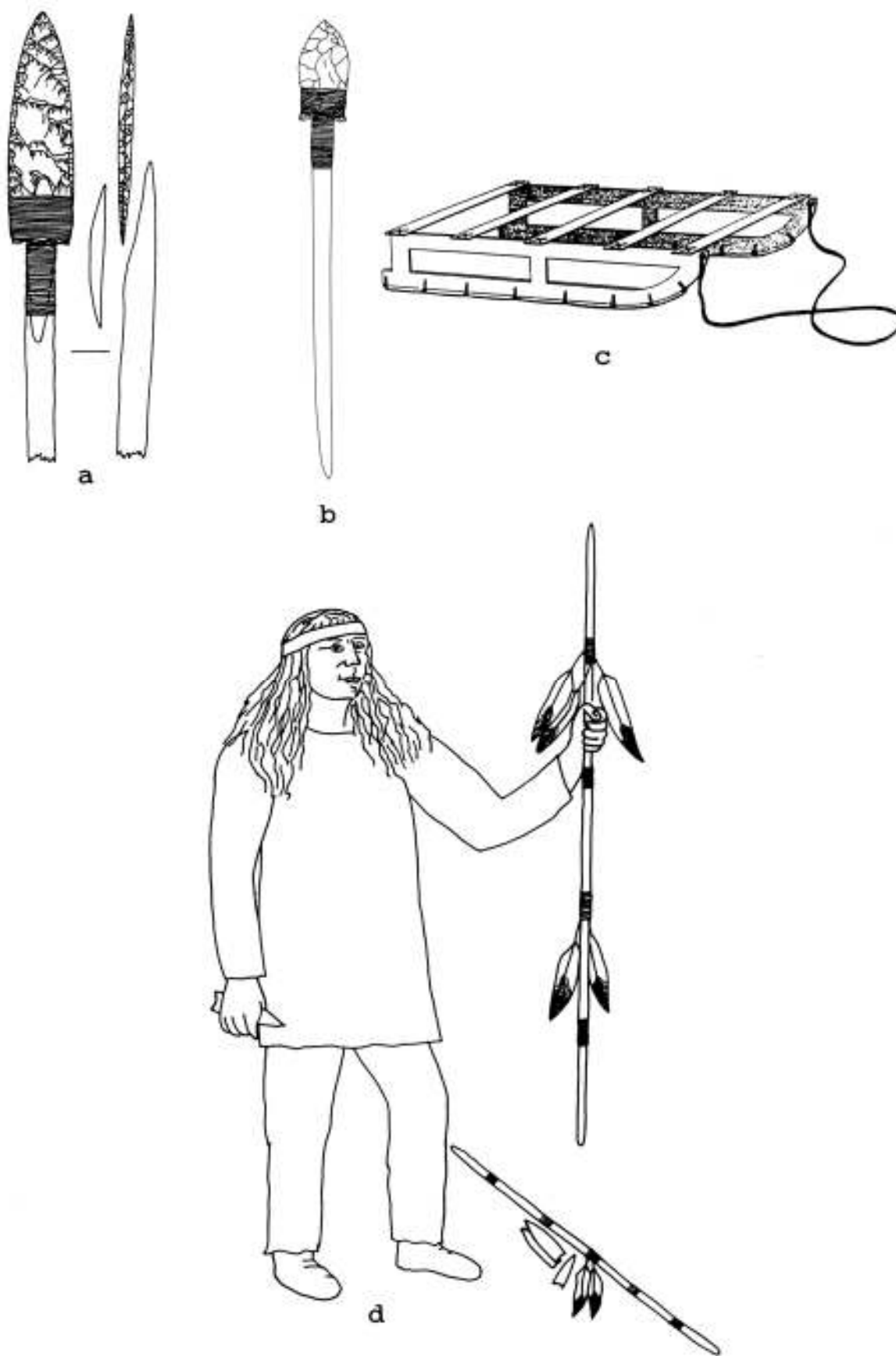

Fig. 8. Theoretical uses of double-beveled bone rods:
a — composite foreshaft; *b* — direct half foreshaft; *c* — sled runner shoes; *d* — ceremonial staff or scepter

Fig. 9. Folsom bone and antler artifacts from the Agate Basin site: *a* — projectile point; *b* — antler flaking tools; *c* — eyed needles; *d* — incised items

Б. А. Брэдли

ОРУДИЯ ИЗ БИВНЯ И КОСТИ КУЛЬТУРЫ КЛОВИС

Резюме

Обнаруженные на стоянках Северной Америки костяные и бивневые изделия датируются концом плейстоцена и связаны с остатками вымерших видов животных. Изделия имеют относительно простую форму, зачастую без каких-либо украшений. Большинство из них носят сугубо утилитарный характер, но одна из находок связана с погребением, а клад изделий мог предназначаться для выполнения ритуальных функций.

Введение

Наиболее ранней общепринятой датировкой заселения Нового Света считается конец эпохи плейстоцена — в промежутке между 12 500 и 11 000 л. н. Тогда ещё не вымерли мамонты, мастодонты, лошади, верблюды, гигантские ленивцы, тапиры, бизоны и другие представители мегафауны. Позднее большинство из них вымерло или эволюционировало (как это случилось с бизонами). Коллекции артефактов, найденных на стоянках Северной Америки указанного периода, могут иметь некоторые особенности в зависимости от региона; тем не менее все они включают характерные бифасиальные метательные наконечники, часто с утончением основания или желобчатые. Кроме того, в состав коллекций могут входить также скребки, скребла, проколки, двусторонне обработанные ножи, изделия из кости и бивня (рис. 1). Резцы встречаются крайне редко или отсутствуют. Технология обработки каменных орудий была преимущественно двусторонней, хотя в некоторых регионах встречается снятие пластин/отщепов с подготовленных ядрищ. Целью настоящего исследования является систематическое рассмотрение всех комплексов находок, связанных с остатками вымершей мегафауны и датированных временем ранее 11 000 л. н., в общем контексте культуры кловис.

Археологические памятники, где встречены желобчатые наконечники и остатки вымерших видов мегафауны, обнаружены по всей Северной Америке (рис. 2) и демонстрируют разнообразие функциональных типов стоянок. Это преимущественно места забоя, где забивали и разделяли туши животных; иногда это кратковременные стоянки, мастерские и места добычи сырья, ямы-хранилища для орудий и мяса, погребения. В целом на западе кость и бивень сохраняются лучше, чем на востоке, правда, за одним важным исключени-

ем. На востоке почва и отложения зачастую отличаются высокой кислотностью, тогда как на западе они имеют нейтральную или основную реакцию. Только в подземных источниках и реках Северной Флориды можно найти кости и бивни в хорошем состоянии.

Костяные и бивневые артефакты

Наше исследование касается только артефактов, которые имеют следы вторичной обработки и модификации. Костяные орудия разового использования также были найдены и описаны на ряде стоянок, но здесь они не рассматриваются.

Ист Уэнатчи

В ходе недавних раскопок на стоянке, расположенной около Ист Уэнатчи, в центральной части штата Вашингтон, ученые обнаружили замечательную коллекцию каменных предметов и ряд костяных изделий, изготовленных, вероятно, из костей мамонта [Mehring, 1989; Mehninger, Morgan, 1988; Gramly, n. d.]. Большую часть коллекции составляют крупные желобчатые бифасы и полностью оформленные желобчатые наконечники метательных орудий (рис. 3), происходящие из комплекса, интерпретированного как клад изделий. Предполагалось также, что это могло быть погребение, но останков человека обнаружено не было. На стоянке были найдены и другие артефакты. Особый интерес представляет находка в том же слое двенадцати костяных изделий (рис. 4). Тринадцатое изделие оставлено на месте; четырнадцатое, по некоторым признакам, было уничтожено хищниками. Артефакты найдены в разных местах на территории стоянки, в том числе в неглубокой яме, где было обнаружено как минимум одно скопление костяных стержней. Присутствие на стоянке следов деятельности доисторических хищников указывает на то, что места находок артефактов (в особенности костяных), скорее всего, не обязательно отражают их первичное расположение. Хотя в общем сохранность предметов не очень хорошая, представляется возможным детально описать некоторые из них. Большинство из них (почти все) представляют собой уплощённые стержни из трубчатых костей со скошенными с обоих концов гранями. Скосы всегда расположены у противоположных концов одной и той же стороны, но зачастую под немного разными углами. Стержни, очевидно, были из-

готовлены из костей конечностей крупного животного, вероятно мамонта. В некоторых из них видна губчатая структура костной ткани. Обточка и шлифовка полностью уничтожили следы, по которым можно было бы судить о первичных стадиях изготовления данных предметов. На большинстве уплощённых скошенных поверхностей стержней (в случае удовлетворительной сохранности) находятся неглубокие нарезки, перпендикулярные продольной оси. На трёх экземплярах присутствуют декоративные нарезки.

Стержни существенно различаются по размеру: длина варьирует от 125 до 276 мм (в среднем 225 мм); ширина — от 14 до 30 мм (но ширина 11 из 12 экземпляров — от 24 до 30 мм). Интересно отметить, что среди них имеются группы стержней, одинаковых по ширине: три имеют ширину 24 мм, четыре — 26 мм и два — 29 мм. Среднее значение их ширины — 25,5 мм, а если не считать самый мелкий экземпляр — 26,5 мм. Очевидно, стандарты ширины были заданы более чётко, чем длины.

Энцик

Энцикская стоянка находится в юго-западной части штата Монтана. Её зафиксировали во время проведения экскаваторных работ [Lahren, Bonnicksen, 1974]. Все артефакты были обнаружены в нарушенном контексте. Эта стоянка имеет значительное сходство со стоянкой Ист Уэнатчи, поскольку на ней было найдено большое количество двусторонне обработанных каменных орудий (в том числе и наконечники типа кловис), несколько орудий с односторонней ретушью и костяные стержни. Энцикская стоянка выделяется тем, что на ней обнаружены останки двух несовершеннолетних человек (неполные). Человеческие кости и артефакты были окрашены красной охрой.

Одиннадцать костяных стержней идентифицированы в нарушенных отложениях стоянки. Среди них два целых стержня, четыре скошенных окончания и пять срединных частей. Подробное описание найденных артефактов опубликовано [Lahren, Bonnicksen, 1974], поэтому приведём здесь лишь краткую информацию. Найденные стержни очень похожи на стержни из Ист Уэнатчи, за исключением одного: один конец предмета имеет сужающуюся и округлую форму, а другой конец — скошенную. В шести случаях из семи скошенные грани на стержнях имеют следы нарезок, выполненных в основном в виде сетки. В шести случаях из семи на скошенных концах были отмечены органические остатки (предположительно — смола).

Энцикские стержни (рис. 5) имеют приблизительно те же размеры, что и стержни из Ист Уэнатчи, не считая того, что они пропорционально длиннее и уже. Два целых экземпляра (рис. 5, а) имеют длину, соответственно, 220 мм и 281 мм, а ширину — 15 мм и 20 мм при среднем значении 17,9 мм. Так же как и в Ист Уэнатчи, стандарты ширины прослеживаются намного более чётко, чем длины.

Шимен

Стоянка Шимен находится в Вайоминге, недалеко от границы штата с Южной Дакотой и Небраской. На стоянке было обнаружено скопление двусторонне обработанных отщепов, наконечник кловис, несколько каменных орудий на отщепах и бивневое изделие; находки были приурочены к погребённой почве [Frison, Stanford, 1982].

Бивневое изделие (рис. 5, б) чрезвычайно напоминает костяные стержни из Ист Уэнатчи и Энцика. Оно имеет уплощённую цилиндрическую форму, немного сужающуюся к обломанному концу. Противоположный конец уплощён и скошен; на нём присутствует едва заметная сетчатая нарезка. Длина его (без учёта недостающей части) — 203 мм, ширина — 13 мм. Как видно, данное изделие ещё длиннее и ещё уже, чем описанные выше. По отчётливому слову у верхнего конца можно предположить, что здесь имел место довольно сильный удар о предмет из какого-то прочного материала.

Мюррей Спрингз

Стоянка Мюррей Спрингз находится в южной части штата Аризона, недалеко от границы с Мексикой. Неподалёку расположены ещё три стоянки кловис: Ленер, Нако и Эскаполе. Мюррей Спрингз и Ленер представляют собой площадки загонной охоты, а Нако и Эскаполе, возможно, являлись местами, где умирали раненые мамонты, сумевшие уйти от погони кловисских охотников. Всего одно обработанное костяное орудие (рис. 5, в) было обнаружено во время раскопок на упомянутых стоянках. Орудие было найдено на стоянке Мюррей Спрингз. Нетипичное костяное орудие длиной 259 мм и толщиной 21 мм имеет форму болта с петлёй на конце. В центре головки шириной 58 мм имеется высверленное отверстие шириной от 25 мм до 30 мм. Рукоять в месте, где она встречается с головкой, имеет ширину 34 мм. К противоположному концу рукоять постепенно скругляется, и ширина ее составляет уже около 21 мм. Стенки отверстия намеренно скошены. Наиболее отчётливый скос имеют грани верхней и нижней частей отверстия [Haynes, Hemmings, 1968]. Данное орудие не похоже ни на одно из всех прежде найденных на стоянках кловис.

Блэкуотер Дро

Памятник Блэкуотер Дро в действительности представляет собой серию местонахождений (первое из которых является стоянкой кловис) вдоль русла пересохшей реки на протяжении нескольких миль — от северо-восточной окраины Нью-Мексико до Техаса. Именно в этом районе артефакты типа кловис впервые были определены как культурные остатки времен существования мамонта [Cotter, 1938]. Остальные представляют собой более поздние палеоиндейские стоянки и место-

нахождения, тоже подвергавшиеся исследованию. Целый ряд костяных и бивневых артефактов был обнаружен на стоянке кловис в Блэкуотер Дро. В числе их имеются как предметы разового использования, так и тщательно оформленные орудия. Эти орудия были найдены в едином комплексе с каменными орудиями, включая наконечники кловис, и остатками мамонта [Hester, 1972].

Мне удалось найти описания четырёх костяных наконечников, одной проколки, одной бусины, одного изделия, которое можно интерпретировать как орудие для нанесения орнамента [Hester, 1972], и одного изделия, которое описано как ложило-отбойник из бивня [Saunders et al. 1991]. Лишь один из наконечников сохранился целиком. Наконечник имеет уплощённое круглое сечение со скошенной гранью с одного конца и сужение к острию с другой. На скошенной грани заметны наклонные царапины. Он имеет 237 мм в длину и 17,2 мм в ширину. Такие размеры вполне соответствуют размерам костяных стержней с Энцикской стоянки. Остальные три экземпляра сохранились не полностью, но, судя по форме, все они являются фрагментами законченного орудия.

Костяное шило представляет собой маленький костяной фрагмент с узким и заострённым кончиком. Предполагаемая бусина представляет собой скруглённый костяной прямоугольник с проделанными с обеих сторон отверстиями, которые, однако, не являются сквозными, так что дырка осталась незавершённой. Фрагмент клыка (возможно собаки) имеет следы шлифовки и интерпретируется как приспособление для орнаментации или ретушер. Ложило-отбойник представляет собой небольшой цилиндрический фрагмент кости мамонта длиной 73,5 мм, шириной 46 мм и толщиной 34,8 мм. На конце имеется небольшая выпуклость.

Помимо вышеописанных орудий из кости и бивня, в Блэкуотер Дро был обнаружен ещё один костяной артефакт, представляющий интерес. Ранее он уже был прекрасно описан и опубликован: «Этот артефакт представляет собой продольно обрубленный дистальный сегмент правого бивня мамонта (ср.: *Mammuthus columbi*). С учётом внешнего изгиба его длина составляет 73 см. Максимальный диаметр измеряется у места среза — 9,7 см в поперечнике. Вертикальная плоскость имеет волнистую, спиральную структуру; на конце имеется небольшой срединный слом. Горизонтальная плоскость вогнута. Сегмент прочный и монолитный, отделённый еще до того, как началось расщепление по концентрическим „линиям Оуэна“, что указывает на то, что обработке подвергся свежий бивень» [Saunders et al., 1990. P. 112—119].

Далее в цитированной работе подробно описывается технологический процесс, посредством которого удалось отделить данный фрагмент бивня (рис. 6). Конечная форма, задуманная для данного изделия, неизвестна, но подобному костяному предмету в дальнейшем можно было бы придать и форму стержня со скошенными гранями, вроде найденных в Ист Уэнатчи

и Энцике, и форму наконечника — наподобие обнаруженных в Блэкуотер Дро. Из него также можно было выделывать одно-два ложила-отбойника.

Реки и источники Флориды

Многочисленные «стерженьки» или посредники, изготовленные из кости и бивня, были найдены в реках и источниках Северной Флориды [Jenks, Simpson, 1941. P. 314—319; Dunbar et al., 1989. P. 473—497; Dunbar, 1991. P. 10—14]. По причине кислотности плакорных почв юго-востока Америки, на палеоиндейских стоянках во Флориде костяных «стерженьков» найдено не было. Все костяные артефакты данного региона обнаружены по берегам рек, затопленным в результате изменения уровня воды во внутренних водоёмах в эпоху среднего голоцена. Крупнейшая коллекция «стерженьков» (на долю которой приходится более половины всех найденных) была обнаружена в нижней карстовой части реки Осцилла (Северная Флорида). В числе других рек, где были найдены «стерженьки», можно выделить реки Санта Фе, Ичетукни и Оклаваха (Джеймс Данбар, устная консультация, 1992).

Несмотря на то что большинство известных экземпляров было обнаружено в стратиграфически смешанных слоях, во время проведения недавних раскопок такие же артефакты были найдены в слоях позднего плейстоцена, в прямой ассоциации с вымершими представителями фауны той эпохи, включая мамонтов и мастодонтов. Оббитые каменные наконечники и другие орудия также ассоциируются с найденными артефактами. Типы найденных наконечников включают желобчатые типа кловис и типа суванни.

То, что многие «стерженьки», по ряду признаков, были изготовлены из свежего бивня, в отличие от добытых путем сборов и использованных позднее, также свидетельствует об их ранней привязке. «Стерженьки» весьма схожи по форме и пропорциям с артефактами, происходящими со стоянок культуры кловис на западе Америки. Тем не менее «стерженьки» имеют меньший размер по сравнению с упомянутыми артефактами. В общих чертах «стерженьки» представляют собой грубо обработанные костяные цилиндры, сужающиеся в острие на одном из концов. Противоположный конец имеет скошенную грань (рис. 7). Типичные стерженьки различаются по длине, вероятно, ввиду того, что некоторые из них ломались, а затем переоформлялись в более короткие орудия. Судя по наиболее сохранившимся экземплярам, можно заключить, что изделие было отшлифовано о гладкую поверхность, за исключением площадки на конце, которая была огрублена и испещрена желобками для более удобного закрепления. Помимо шлифованной рукояти и огрублённой площадки, орудия не имеют отличительных черт. Исключениями являются два экземпляра, имеющие следы орнаментации (Джеймс Данбар, устная консультация, 1992).

Другие предметы, предположительно связанные с культурой кловис

Несколько костяных изделий, очень напоминающих те, что имеют достоверно ранние привязки, было обнаружено в неясном контексте. Рэйни [Raine, 1940] сообщает, что «длинные отполированные костяные наконечники» были найдены вместе с другими артефактами во время россыпной золотодобычи на реке Танана в городе Фэрбенкс (штат Аляска). Несмотря на то что некоторые каменные изделия имеют уже несомненно посткловисское происхождение, другие весьма похожи на ранние американские остря. Остатки вымерших животных также обнаруживаются в тех же слоях. На данный момент остаётся неясным, связаны ли костяные наконечники с отложениями кловис, но это вполне возможно, а находки чрезвычайно похожи на те, что имеют раннюю привязку.

Костяной наконечник цилиндрической формы неизвестного происхождения был найден на юго-востоке Саскачевана в начале XX в. и описан в конце 60-х гг. [Wilmeth, 1968]. Для данного артефакта нет ни геологических, ни типологических привязок к хронологии. Однако вероятность того, что он был изготовлен из длинной кости мамонта или мастодонта, а также сходство с наконечниками, имеющими привязку к культуре кловис, свидетельствует о его возможном раннем происхождении.

Другой длинный костяной наконечник был найден в нижнем озере Кламат на юге штата Орегон. Наличие на нем голубой глины, которая присутствует также на костях мамонтов, было использовано в качестве доказательства того, что наконечник и кости имеют одинаковый возраст [Cressman, 1942. P. 99—100]. Схожесть данного экземпляра с остальными, имеющими точную привязку, возможно, говорит о том, что он кловисского происхождения.

Орнаментация

Три стержня с двусторонне скошенными концами из Ист Уэнатчи имеют следы примитивного орнамента. Два стержня имеют зигзагообразный узор, выгравированный на их внутренних поверхностях, вдоль центральной оси. К несчастью, артефакты сохранились не очень хорошо, и детали гравировки неразборчивы. На третьем стержне присутствуют небольшие изогнутые насечки на конце со скошенной гранью с обратной стороны. Эти насечки, покрывающие поверхность, напоминают следы ногтей.

Два «стерженька» из Флориды имеют узоры в виде насечек. Они тянутся от внутреннего конца скоса вдоль древка к заострённому кончику. Один из узоров представляет собой зигзаг (рис. 7, а), другой — ряд параллельных линий, нанесённых поперёк продольной оси (Джеймс Данбар, устная консультация, 1992).

Функциональные интерпретации

Выше нами описано шесть основных форм костяных и бивневых артефактов культуры кловис: двусторонне скошенные костяные стержни, костяные и бивневые наконечники, цилиндрическое ложило, костяной стержень с проделанным отверстием, шило и бусина. Лишь первые две категории насчитывают более одного предмета. Стержни с двусторонним скосом были обнаружены и в Ист Уэнатчи, и в Энцике; и там и там было обнаружено большое количество обработанных каменных орудий (в первую очередь бифасов и наконечников); Энцик являлся местом погребений; в Ист Уэнатчи мы имеем если не погребение, то как минимум клад изделий. Этим не исчерпываются известные находки кладов культуры кловис: были найдены клады на юге Айдахо [Butler, 1963], на юго-западе Вайоминга (западе Юты), на юге Айдахо [Frison, 1991] и на северо-востоке Колорадо. При этом только в Энцике зафиксированы еще и человеческие останки.

Л. Ларен и Р. Боннишен (1974) предположили, что костяные стержни из Энцика могли служить посредниками для оснащения копий. Наконечники типа кловис могли в этом случае крепиться к одной из скошенных граней изделия, а другая грань служила для привязывания к древку копья (рис. 8, а). Дж. Данбар (1991) также выдвинул предположение, что стерженьки, найденные во Флориде, могли использоваться в качестве древка: желобчатый наконечник крепился к рифлёной скошенной грани, а заострённый конец вставлялся в паз основного древка (рис. 8, б). Р. Гремли считает, что костяные стержни из Ист Уэнатчи могли быть частью составных саней (из частной беседы, 1992). Их крепко перевязывали и пристёгивали к деревянным салазкам (рис. 8, в). Скошенные грани на концах стержней обеспечивали прилегание полозьев к поверхности, позволяя саням двигаться без остановок. Гремли указывает на сходство с костяными полозьями на инуитских салазках, хотя сразу же оговаривается, что прежде чем принять или отвергнуть эту гипотезу, необходимо провести всестороннее исследование.

Я скептически отношусь ко всем этим теориям: вариант полозьев представляется крайне маловероятным ввиду сложности техники пристёгивания или закрепления, а также по причине отсутствия каких бы то ни было следов применения подобных техник. Можно также указать на отсутствие следов износа, которые должны были бы появиться чрезвычайно быстро. К тому же в таком случае орнаментация теряет всякий смысл — её бы попросту не было видно.

Если, используя клин, прикрепить наконечник типа кловис к скошенной грани костяного стержня, то конструкция получится довольно громоздкой и непрочной. Мой собственный опыт по части крепления рукоятей и практического использования реплик наконечников типа кловис показывает, что подобным оружием было бы чрезвычайно сложно пробить шкуру животного. Интерпретация Данбара частично основана на характере слов, имеющихся на изделиях, и не подразумевает использования клина с обратной стороны

наконечника, укрепленного на скосе. Хотя результатом такого способа крепления стало бы менее громоздкое орудие, его части держались бы столь же непрочны. Вероятно, целенаправленный эксперимент, приближенный к условиям реальной охоты, поможет прояснить детали. Я также хотел бы заметить, что пока рано отвергать предположения об использовании стерженьков из Флориды в других сферах деятельности, не обязательно охотничьей.

Вследствие того что все двусторонне скошенные стержни были найдены в кладах или могильниках, я бы предложил следующую интерпретацию: Дэннис Стэнфорд из Смитсоновского института обнаружил, что скошенные концы стержней очень хорошо стыкуются, образуя вместе прямое древко. Это древко могло заканчиваться стержнем с одним скошенным и одним скругленным концом. Маловероятно, чтобы подобное древко использовалось как копье или другое функциональное орудие. Напротив, я считаю, что подобный предмет мог служить скипетром или церемониальным жезлом (рис. 8, г). Если сгруппировать костяные артефакты из Ист Уэнатчи по диаметру (с погрешностью в пределах 1 мм), то можно заметить, что для каждой группы найдется по два стержня одинакового размера с одинарным скосом. В сумме получится три целых жезла. С учетом накладки стержней друг на друга диаметр первого составит 24 мм, а длина его — 1,36 м; диаметр второго — 26 мм, длина — 1,02 м; диаметр третьего — 29 мм, длина — 1,12 м. Связь двусторонне скошенных стержней с хранилищами тщательно обработанных красной охрой каменных орудий и с местами погребений (но не с местами загонной охоты или стоянки) предполагает, что они могли быть чем-то более значимым, чем просто составными частями орудия. Возможный аналог в Старом Свете — бивневые стержни-жезлы, найденные в двойном захоронении в Сунгире (Россия).

Единственная стоянка, в контексте которой были обнаружены двусторонне скошенные стержни, — Ист Уэнатчи — не дала аргументов в пользу какой бы то ни было трактовки. Большинство стержней были обнаружены вместе, в довольно тугом пучке. Если бы стержни использовались в качестве полозьев или жезлов, логично было бы ожидать группировки в линию. С другой стороны, будь они древками, можно было бы ожидать обнаружения неподалеку крепящегося к ним наконечника. Ни того ни другого не было. Грембли отмечает, что, возможно, имело место вмешательство хищных животных. Будь это так, артефакты оказались бы разбросаны, а не собраны в пучок.

Изделия из кости и бивня с одной скошенной и одной заостренной гранью были найдены и в местах загонной охоты (в Блэкуотер Дро — вместе с находкой остатков передних ног мамонта), и на стоянках-лагерях. Сломы на кончиках ряда орудий тоже свидетельствуют о том, что их использовали в качестве наконечников. Костяные наконечники со следами выделки были найдены также в культурном слое, соответствующем периоду уже после вымирания мамонтов

[Frison, Craig, 1982. P. 162—165]. Некоторые из них имеют отчётливые сломы, интерпретируемые как последствия ударов (рис. 9, а). Несмотря на то что они связаны с местами загонной охоты и лагерей охотников на бизонов, в эффективность этих орудий верится с трудом [Frison, Zeimens, 1980. P. 231—237].

Изготовленный из бивня цилиндрический предмет, найденный в Блэкуотер Дро, интерпретируется как отбойник для расщепления камня и, возможно, бивня, а также как лоцило. Эта интерпретация основывается на анализе следов износа и сопоставлении с другими подобными предметами, найденными в Восточной Европе [Saunders et al., 1991. P. 359—363].

Стержень с отверстием из Мюррей Спрингз был интерпретирован как выпрямитель [Haynes, Hemmings, 1968], и аргументы за это чрезвычайно убедительны. Шило из Блэкуотер Дро, вероятно, служило орудием для продельвания отверстий в коже во время дубления. Незаконченный костяной артефакт с отверстиями, возможно, задумывался как бусина. Состояние обработки собачьего клыка недостаточно для интерпретации артефакта.

Выводы

Полностью оформленные костяные и бивневые орудия культуры кловис обнаруживаются чрезвычайно редко. Причиной тому служит скорее состояние и степень сохранности стоянок, нежели то, что в орудийном комплексе кловис этот компонент был представлен слабо. Несмотря на свою редкость, территориально они распространены широко. В настоящее время наиболее крупные по количеству артефактов находки были совершены в подземных водах Флориды и в двух кладах/погребениях в Вашингтоне и Монтане. Пока обнаружено совсем немного указаний на методы обработки орудий. Орнаментация очень редка и примитивна; изображения человека или животных отсутствуют. Несмотря на то что большинство изделий, вероятно, имели утилитарные функции, двусторонне скошенные костяные стержни могли иметь отношение к церемониальным и/или погребальным предметам.

Ещё большее многообразие обработанных орудий из кости и рога, а также технологий их изготовления зафиксировано для периода с 10 900 до 10 300 л. н. (Folsom), непосредственно следующего за культурой кловис на Высоких равнинах Северной Америки. Типы артефактов (рис. 9) включают в себя наконечники (рис. 9, а), орудия для скальвания (рис. 9, б), иголки с ушком (рис. 9, в) и предметы с порезами или насечками (возможно, это предметы с орнаментом и/или игрушки) (рис. 9, г). Представлены такие технические приемы, как выдалбливание, насечка, притирание, рубка, шлифовка и сверление [Frison, Craig, 1982. P. 162]. В сущности, все эти данные известны по стоянкам, интерпретируемым как базовые лагеря со структурными объектами. Весьма вероятно, что истоки указанных типов орудий и техники их изготовления восходят к периоду кловис. Правда, выяснится это (ес-

ли выяснится) лишь тогда, когда будет раскопана хорошо сохранившаяся стоянка типа кловис.

Послесловие автора

Впервые настоящая работа была опубликована в одной итальянской монографии¹, найти которую довольно сложно; её английский текст доступен только на моём веб-сайте. Статья воспроизведена здесь без изменений и правок. Этой работой публикации на тему изделий из бивня, рога и кости культуры кловис не исчерпываются². Причудливое стечение обстоятельств во время итальянской конференции по изделиям из бивня косвенно затронуло и моего большого друга и коллегу — Мишу Аниковича. Мы познакомились в 1989 г. в Костенках: туда, в составе группы американских учёных (проект Ольги Соффер по обмену опытом), я приехал изучать палеолитические стоянки и коллекции. С той самой первой встречи началось наше научное сотрудничество и дружба, которая оставалась неизменной вплоть до Мишиного ухода. Трудно описать всё, чему я научился у Миши. Мы часто говорили (и порой довольно бурно) об археологии, политике, философии, религии и т. д. Подобные разговоры могли происходить и в ночном купе поезда, по дороге из Костенок на Санкт-Петербург... Миша приезжал и ко мне в штат Колорадо, и мы были в гостях у моих друзей — индейцев Зиа и Пуэбло (Нью-Мексико). Всегда щедрый, добрый и восторженно полный энергии — с Мишей всегда было легко и приятно общаться. Мне будет не хватать его как коллеги, но ещё больше мне будет не хватать друга.

Благодарности

Настоящая работа была выполнена как ответ на приглашение на конференцию, посвящённую использованию и обработке бивня в верхнем палеолите, организованную Европейским университетом культурного наследия (Равелло, Италия). Время на подготовку было ограничено, поэтому я очень благодарен своим коллегам за оказанную поддержку и помощь: они предоставили мне ещё не опубликованные материалы и оказали помощь в поиске источников. Выражаю особую благодарность Майклу Адлеру, Робсону Боннишсену, Джеймсу Данбару, Джорджу Фрисону, К. Вэнс Хэйнсу, Брюсу Хаскелу, Дэвиду Мельцеру, Джеффри Сондерсу, Дэвиду Веббу и особенно — Р. Майклу Гремли, предоставившему ранее не публиковавшиеся иллюстрации костяных орудий из Ист Уэнатчи и разрешившему их использовать. Иллюстрации выполнены или любезно предоставлены следующими лицами: 1a, 1b, 5a—5b, 9 — Конни Робинсон, из архива Дж. Фрисона; 1c—1h, 3 — Сара Мур, из архива П. Мерингера; 2 — Том Мэй; 4 — Вэл Уолдорф, из архива Р. Гремли; 5c — из архива К. Хайнса; 6 — из [Saunders et al., 1990, рис. 4]; 7, 8b — из архива Джеймса Данбара; 8a — срисовано из [Lahren, Bonnichsen, 1974, рис. 3]; 8c — из архива Р. Гремли. Остальные иллюстрации выполнены автором. Несмотря на значительную оказанную помощь, данная работа была выполнена мною самостоятельно.

Перевод А. Е. Черноого

Список литературы

Butler, 1963: *Butler B.* An Early Man site at Big Camas Prairie, South Central Idaho. *Tebiwa*. 6 (1). 1963.

Cotter, 1938: *Cotter J.* The occurrence of flints and extinct animals in pluvial deposits near Clovis, New Mexico, pt. IV: Report on the excavations at the gravel pit in 1936. *Proceedings of the Philadelphia Academy // Natural Sciences*. 1938. LXXXIX.

Cressman, 1942: *Cressman L.* Archaeological researches in the Northern Great Basin. Carnegie Institution of Washington Publication. Nr. 538. 1942. P. 99—100.

Dumbar, 1991: *Dumbar J.* Exploring Florida's Prehistory underwater. *Half-Mile-Rise Times*. V (1). 1991.

Dunbar et al., 1989: *Dunbar J., Webb S., Cring D.* Culturally and naturally modified bones from a paleoindian site in the Aucilla River, North Florida // *Bone modification*. Bonnichsen and Sorg. 1989.

Frison, 1991: *Frison G.* Prehistoric hunters of the High Plains. Second edition. 1991.

Frison, Craig, 1982: *Frison G., Craig C.* Bone, antler. and ivory. artifacts and manufacture technology // *The Agate Basin site: A record of the paleoindian occupation of the northwestern High Plains*. Frison. 1982.

Frison, Stanford, 1982: *Frison G., Stanford D.* The Agate Basin site: A record of the paleoindian occupation of the northwestern High Plains. 1982.

Frison, Zeimens, 1980: *Frison G., Zeimens G.* Bone projectile points: An addition to the Folsom Cultural Complex // *American Antiquity*. 1980. 45 (2).

Gramly, n. d.: *Gramly R.* Narrative for color slide set of the 1990 excavations and artifacts of the East Wenatchee Clovis site, Douglas Co. Washington.

Haynes, Hemmings, 1968: *Haynes C., Hemmings E.* Mammoth-bone shaft wrench from Murray Springs. Arizona. *Science*. 1968.

Hester, 1972: *Hester J.* Blackwater Draw locality no. 1: A stratified, Early Man site in eastern New Mexico. Texas, 1972.

¹ Bradley, Bruce A. 1995. Clovis ivory and bone tools. In *Le Travail et L'Usage de L'Ivoire au Paléolithique Supérieur*, edited by J. Hahn, M. Menu, Y. Taborin, Ph. Walter, and F. Widemann. Actes de la Table Ronde, Centro Universitario Europeo per i Beni Culturali. Ravello. Italy.

² Bradley B., Collins M., Hemmings C. A. 2010. Clovis Technology. *International Monographs in Prehistory*. Nr. 17. Ann Arbor, MI.

Jenks, Simpson, 1941: *Jenks A., Simpson H.* Bevelled artifacts in Florida of the same type as artifacts found near Clovis, New Mexico // *American Antiquity*. 1941. VI (4).

Lahren, Bonnicksen, 1974: *Lahren L., Bonnicksen R.* Bone foreshafts from a Clovis burial in southwestern Montana. *Science*, 1974.

Mehring, 1989: *Mehring P.* Of apples and archaeology. *Universe*. 1989. 1 (2).

Mehring, Morgan, 1988: *Mehring P., Morgan W.* Weapons of Ancient Americans // *National Geographic*. 1988. 174 (4).

Rainey, 1940: *Rainey F.* Archaeological Investigation in Central Alaska // *American Antiquity*. 1940. V (4).

Saunders et al., 1990: *Saunders J., Haynes C., Stanford D., Agogino G.* A mammoth-ivory semifabricate from Blackwater Locality No. 1, New Mexico // *American Antiquity*. 1990. 55 (1).

Saunders et al., 1991: *Saunders J., Agogino G., Boldurian A., Haynes C.* A mammoth-ivory burnisher-billet from the Clovis level, Blackwater Locality no. I, New Mexico // *Plains Anthropologist*. 1991. 36 (137). P. 359—363.

Wilmeth, 1968: *Wilmeth R.* A fossilized bone artifact from southern Saskatchewan // *American Antiquity*. 1968. 33 (1).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Археологические вести. СПб.
АДД	— Автореферат докторской диссертации
АИУ	— Археологические исследования на Украине. Киев
АКД	— Автореферат кандидатской диссертации
АМКМ	— Архив Минусинского краеведческого музея. Минусинск
АН	— Академия наук
АО	— Археологические открытия. М.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ЗИИМК	— Записки Института истории материальной культуры. СПб.
ЗИН РАН	— Зоологический институт РАН. СПб.
ЗС	— Знание — сила. М.
ИА	— Институт археологии
ИАЭ	— Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск
ИИМК	— Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
ИНКВА	— Международная Ассоциация по изучению четвертичного периода
ИРКИСВА	— Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношении. СПб.
КБАЭ	— Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция. СПб.
КККМ	— Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск
КОРГО	— Красноярское отделение Русского географического общества. Красноярск
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МК	— Международный конгресс
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. СПб.
РА	— Российская археология. М.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. СПб.
РАН	— Российская Академия наук
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.
СО РАН	— Сибирское отделение РАН. Новосибирск
СЭ	— Советская этнография. М.
ТГ	— Техническая группа
ТД	— Тезисы докладов
ТДК	— Тезисы докладов конференции
ТМГ	— Техничко-морфологическая группа
ЕАА	— European Association of Archaeologists
SP	— Stratum Plus. Кишинев
SZ AUSAV	— Studijne zvesti archeol. ustavu Slovenske Akademie vied

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Список научных и литературных трудов М. В. Аниковича	8
М. В. Аникович. Археологическая культура эпохи верхнего палеолита в контексте дискретного и структурного анализа	15
IN MEMORIAM	
В. М. Петров. О Мише Аниковиче	29
В. М. Шипулин. Это было 50 лет назад	34
В. И. Молодин. Три маленьких рассказа о Мише Аниковиче	37
Х. А. Амирханов. Миша Аникович: картинки живой памяти о друге	40
J. F. Hoffecker. Mikhail Vasilyevich Anikovich: a memory	48
Н. И. Платонова. Михаил Васильевич Аникович	50
ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ О ПАЛЕОЛИТЕ	
А. С. Смирнов. А. С. Уваров о первоначальном заселении Кавказа	68
И. М. Бухтоярова. С. Н. Замятнин и открытие первого палеолитического жилища в СССР	74
И. В. Котлярова. История сохранения верхнепалеолитической стоянки Костенки 11	78
А. С. Вдовин, Н. П. Макаров. Афонтова гора. 1914 г. Отец и сын Савенковы	82
Е. В. Детлова. «Для меня Вы являетесь единственным человеком в Сибири, у которого я могу смело учиться...» (к истории взаимоотношений Г. П. Сосновского и Геро фон Мергарта)	88
ГЕНЕЗИС ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ	
Н. К. Анисюткин. О некоторых особенностях развития индустрий «восточного микока» на территории Восточной Европы	96
Л. Б. Вишняцкий. Треугольные бифасиальные наконечники с вогнутым основанием и дискуссия о корнях стрелецкой культуры	107
Ph. Allsworth-Jones. Middle to Upper Palaeolithic: What Modalities?	113
Ф. Олсворс-Джоунс. Переход от среднего к верхнему палеолиту: как, когда, кто и почему? (перевод Л. Б. Вишняцкого)	125
J. F. Hoffecker, V. T. Holliday. Landscape Archaeology and the Dispersal of Modern Humans in Eastern Europe	140
Дж. Ф. Хоффекер, В. Т. Холлидей. Ландшафтная археология и заселение современными людьми Восточной Европы (перевод Л. Б. Вишняцкого)	159
КОСТЕНКИ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ, НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
А. Е. Дудин. Стоянка Костенки 1, слой III: новые материалы и новые проблемы (предварительные итоги раскопок 2004—2012 гг.)	171
С. Н. Лисицын. О вариативности граветийского эпизода накануне последнего ледникового максимума: взгляд из Костенок	179
А. Ю. Пустовалов, А. М. Родионов. Скрепки из II культурного слоя Тельманской стоянки и их трасологический анализ	187
А. М. Родионов. Технологии обработки кожи на стоянке Костенки 11 (слой Ia)	191
ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОСТЕНОК: ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ РУССКОЙ РАВНИНЫ	
В. Н. Степанчук. Главные закономерности использования каменного сырья в палеолите Украины	196
К. Н. Гаврилов. Восточный эпиграветт на территории бассейна Десны	205
Н. Б. Ахметгалеева. К вопросу о расселении первобытного человека в Посеймье на заключительных этапах последнего оледенения	217
В. Я. Сергин. Контакт с мамонтами — возможная основа успешного их добывания	228
ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ УРАЛА, СИБИРИ И НОВОГО СВЕТА	
Ю. Б. Сериков. Использование горного хрусталя в верхнем палеолите Урала	235
Е. П. Рыбин, М. А. Глушенко. Специфический тип орудий начальной стадии верхнего палеолита в Южной Сибири	238
Е. В. Акимова, Е. Н. Кукса, И. В. Стасюк, Е. А. Томилова, В. М. Харевич, А. Н. Мотузко. Последние раскопки палеолитической стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье	256
В. А. Bradley. Clovis ivory and bone tools	265
Б. А. Брэдли. Орудия из бивня и кости культуры кловис (перевод А. Е. Черного)	278
Список сокращений	285

**ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И АМЕРИКИ:
ПАМЯТНИКИ, КУЛЬТУРЫ, ТРАДИЦИИ**

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен в издательстве «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 24.11.2014. Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60 x 90¹/₈.
Объем 50, 24 уч.-изд. л. (включая вклейку)
Тираж 250 экз. Заказ № 3308

PRINTED IN RUSSIA

Первая академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

